

Феномен одиночества

18+

Деймас Рэд

Деймас Рэд

Феномен одиночества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68210254

SelfPub; 2022

Аннотация

Мир далёкого будущего, в котором корпорации получили доступ к межзвёздным перелётам. Раздираемый противоречиями обитаемый космос, где существует Союз Земли и Колоний – крохотный островок здравого смысла, стремящийся дать людям достойные разумных существ цели.

Содержание

Часть первая	7
0.0 Нулевая глава	7
1.1. Город в пустыне	12
1.2. Мера всего	35
1.3. Глаза в глаза	45
1.4. Привычная обстановка	55
1.5. Рутинa	69
1.6. Спуск	78
1.7. Второе рождение	93
1.8. Контакт	106
1.9. Звёздные войны	120
1.10. Работа	136
1.11. Тяжёлая ноша	146
1.12. Тут тоже не всё продаётся	156
1.13. Как отключить человечность	167
1.14. Люди-машины	178
1.15. Интуиция	189
1.16. Цепные псы войны	201
1.17. Управляемый протест	213
1.18. Битва за Викторию	229
1.19. Смертельная усталость	241
1.20. Ультиматум	253
1.21. Причины агрессии	267

1.22. Недопонимание	279
1.23. Час до дома	288
Часть вторая	301
2.1. Потерянный мир	301
2.2. Война не меняется	315
2.3. Опередивший время	328
2.4. Чёрная душа	338
2.5 Центр ада	350
2.6 Боги и роботы	361
2.7 Познавая менталитет	371
2.8 Реверсивный инжиниринг	381
2.9 Технические ограничения	395
2.10 Свобода	408
2.11 Shareware	419
2.12 Власть имущие	429
2.13 Последнее желание	439
2.14 Под маской	447
2.15 Первый круг	457
2.16 Кофе-брейк	465
2.17 В поисках лифта	473
2.18 Лишние	481
2.19 Не враги	491
2.20 Мясная мораль	499
2.21 Управляемая ненависть	508
2.22 Опиум для чемпионов	517
2.23 Жертвоприношение	524

2.24 Арена	533
2.25 Бандитские разборки	541
2.26 Домой	549
Часть третья	558
3.1 Работа разведчика	558
3.2 Допрос	572
3.3 Противовесы	585
3.4 Игра на доверие	593
3.5 Цена свободы	604
3.6 Обнажённый	614
3.7 Новое задание	623
3.8 Вербовка	632
3.8 Начало игр	642
3.10 Вылет	651
3.11 Удачное начало	658
3.12 Трудовой будень	667
3.13 Перед молитвой тут принято погрешить	674
3.14 Всё идёт по плану	684
3.15 Трудно быть пророком	692
3.16 Выход к людям	699
3.17 Заплечные дела	706
3.18 Дурацкий спектакль	714
3.19 Рождение легенды	723
3.20 Сила слова	730
3.21 Крысы	738
3.22 Выход	748

3.23 Вечерний досуг	756
Часть четвёртая	765
4.1 Новая роль	765
4.2 Совпадение интересов	775
4.3 Большая Мамочка	783
4.4 Амнистия	791
4.5 Комплементарность злу	799
4.6 Сделка с дьяволом	807
4.7 Несмываемая грязь	817
4.8 Причины тревоги	825
4.9 Эвакуация ценных кадров	833
4.10 На тёмной стороне	841
4.11 Ни богов, ни инопланетян	849
4.12 Ограничение свободы	856
4.13 Исповедь полубога	864
4.14 Голый королёк	871
4.15 Последний бессмертный	878
4.16 Светлое будущее	888

Деймас Рэд

Феномен одиночества

Часть первая

0.0 Нулевая глава

Центральное бюро расследований располагалось не на Земле, а на спутнике газового гиганта в одной из малонаселённых систем. А сколько их? Как много точек ночью на небе можно назвать обитаемыми? Я не был уверен в ответе на этот вопрос. Человечество больше пяти тысяч лет назад вышло в дальний космос, сначала топталось вокруг родной звезды, потом осторожно нащупало дорогу в сторону центра Млечного Пути, и, наконец, создало величайший продукт своего научного познания – Великую Синхронизацию. По-простому: установили единое время во всей галактике с учётом его неравномерного течения. Даже начали новый отсчёт лет. Корпорации осваивали новые системы, держа в строжайшем секрете свои открытия. Шутка ли, иметь личную планету с населением, которое можно доить досуха?

После Пиратской войны оказалось, что Союз Земли и Колоний (СЗиК) состоял из нескольких сотен миров. Какие-то

были крохотными станциями на спутниках, какие-то полноценными терраформированными планетами. Союз собрал эту горсть известных поселений в единую сеть, за сотню лет выстроил экономику и практически не выбирался за пределы известного пространства. Ходили слухи, что за тысячи лет экспансии корпорации продвинулись гораздо дальше, и изредка обнаруживались забытые колонии, но СЗиК не ставил себе целью скорость расширения, а качественно менял образ жизни и мышления своих граждан. Наверное, мы бы вообще не занимались этими исследованиями, ведь даже на родной Земле совсем недавно смогли добиться устойчивого тропического климата от полюса до полюса, накормить всех, обууть, одеть, дать образование и нормальную работу. А сколько ещё нерешённых задач стояло перед нами?

Лифт поднял меня, погружённого в эти размышления, на нужный этаж. Возле огромного панорамного окна в большой зале стоял Роберт Майн в неизменной форме адмирала флота. Старик пережил множество мелких войнушек, а в Пиратскую вступил президентом в далёком прошлом крупного государства, а тогда частной военной компании с номинальным суверенитетом очень быстро превратившуюся в ядро Союза.

– Товарищ Жданов, я подготовил для вас задание на планете Талим. Есть данные, что там процветает деструктивный культ во главе с самопровозглашённым Пророком. Твоя задача на месте выяснить его личность, а потом устранить.

– Вы хотели сказать арестовать, – я произнёс последнее слово с нажимом.

– Устранить, – как ни в чём не бывало повторил адмирал, – Так же нужно установить его связь с князем, чтобы устроить показательный судебный процесс.

– И лишить Талим самостоятельности? – меня всегда раздражала политическая подоплёка в обычной уголовщине, но времена диктовали свои условия.

– Возможно. Для поддержки твоего расследования в систему будет направлена ударная группа флота. Возможно, вся система Тельгарна будет заблокирована нашими войсками.

– Мы слишком часто прибегаем к крайним мерам... Товарищ Майн, я устал быть провокатором и хочу спокойно работать. Избавьте меня от всей этой грязи!

Глаза Майна блеснули сталью, а губы сжались в тонкую линию:

– Выполняй приказ! – адмирал не на шутку разозлился и даже взмахнул рукой с досады, чего за ним не водилось – командующий флотом всегда отличался сдержанностью.

– Задача ясна... – ответил я и принял из рук начальника носитель, где описывались предпочтительные легенды для внедрения и общее положение дел на Талиме.

Я покинул офисное здание и вызвал транспорт. Здесь деньги были не в ходу, в отличие от корпоративных планет и автоматическое такси интересовала только точка доставки. Пролетая мимо высоких зданий, я думал о новой мис-

сии. Не часто приходилось устранять преступников, и всегда это были головорезы, вооружённые до зубов и оказывающие яростное сопротивление. Убивать заблудившихся в своём собственном разуме ещё не доводилось. Возникла мысль, что мы вырождаемся, становимся похожими на чиновников прошедших эпох, которые душили цивилизацию на протяжении всей истории космических перелётов, вплоть до Пиратской. Верить в это совсем не хотелось, но горечь из размышлений почти ощущалась неприятным привкусом во рту.

Моя полупустая квартирка – место короткого отдыха между командировками – так и не была обжита. Кровать, рабочая консоль, санузел и большой современный монитор для просмотра в основном старых фильмов. Порой хотелось завести хотя бы несколько растений, приобрести робота для ухода за ними, но всё никак не доходили руки.

– Вячеслав? – в длинном общем коридоре стояла соседка Варвара – очевидно караулила моё возвращение. Она знала, что дверь становится прозрачной, когда кто-то входит в определённую зону, и поэтому приняла немного вульгарную позу, заложив одну руку за голову, приподняв свои густые волосы, а вторую положила на талию.

– Варя, привет, но мне сейчас некогда, – сухо ответил я.

Девушка секунду постояла, а потом фыркнула и ушла походкой "роковой женщины". Она однажды осталась у меня на весь вечер, когда я устроил для себя киномарафон, а теперь считала, что мы встречаемся.

Взгляд упал на рабочий стол. Столетние фотографии на голографическом дисплее, где мой отряд обнимался на фоне руин одного из городов на какой-то планете корпов (идейные работники корпораций, прим. авт.). Лиза там ещё живая. Рыжие волосы, слипшиеся от пота, выбиваются из-под каски. А вот тут только мы с парнями уже без Лисы. Тогда мне казалось, что война не более, чем другие занятия человечества, противоречит природе.

"А может всё-таки догнать Варю? Ведь отличная же девушка!" – подумал я, но остался неподвижно разглядывать лица на старых снимках.

Робот уборщик вылез из ниши и принялся собирать пыль. Следя за его работой, я невольно завидовал: никаких сомнений и переживаний, а только чёткая цель, которую легко понять и измерить эффективность её достижения. Наверное, стоило остаться в институте по окончании – оценки позволяли. Сейчас бы не мотался по разным мирам и не сталкивался с остатками человеческой грязи. Не видел бы лицо Майна чаще, чем родных и друзей. Может быть, даже завёл семью вместо набора боевых имплантов.

Нужно работать – фанатик-маньяк сам себя не поймает. Консоль проснулась от мысленного приказа, а я сел в кресло и принялся читать всё, что было известно о Пророке и пропавших туристах на Талиме.

1.1. Город в пустыне

Горячо. Этот мир одна гигантская пустыня, где редкие оазисы всегда были и будут причиной всего. Фиолетовое солнце. Красно-оранжевый песок. Сглаженные, голые, безжизненные скалы... Утопающие в зелени роскошные оазисы с водопадами, прудами, дворцами. Планету Талим (планета-пустыня, промышленная база по разработке и первичному производству композитных материалов для всего объединения населённых миров, обладает высокой туристической ценностью, примечание авт.), силы вселенной разделили, словно лезвием, на две части. Неравные.

Песчинки скрипели на зубах, набирались на седле, покрывали одежду, а когда я изредка сбрасывал дрёму и оглядывался по сторонам, сыпались с широких полей шляпы из войлока. Несколько часов назад над очередным барханом показался купол дворца Самфири (столица Парула, крупнейшего из трёх округов Талима, объединяет семь оазисов-городов, и около пятисот мелких оазисов, примечание авт.), караван оживился. Я на протяжении всего пути пытался понять этих людей. Что заставляет их жить в этом аду? Космопорт всегда к их услугам. Любой мир готов принять всё население Талима, но они остаются здесь. Живут почти в условиях каменного века и радуются каждой секунде каждого дня. А если приходит беда, то они смотрят на неё словно со сто-

роны, никогда не переживают и не тратят воду на слёзы; они не сдаются, а идут дальше.

– Слава, ты сегодня увидишь прекраснейший из городов Талима! – ко мне подъехал проводник Радим, и из-под его капюшона сверкнула улыбка, а глаза горели от возбуждения.

– Самфири, столица Парула, самого большого княжества, – ответил я эхом, заворожённый открывающимся видом.

Таких городов нет больше нигде. Построенные из камня примитивными инструментами, здания восхищали своей красотой и лёгкостью, неисчислимые мостики и переходы между домами создавали сложнейшую сеть пешеходных дорожек, белый цвет отделки верхней части самых высоких башен отражал свет звезды и был виден за сотни километров, сам дворец будто парил над городом и пустыней, несмотря на массивное основание, его купола находились на такой высоте, что всё строение было изящным и стройным. Всё это великолепие было опутано системой водоносных каналов, повсеместно расположенными висячими садами, фонтанами. Вода лилась отовсюду, стекала по желобам каменной кладки, давая жизнь разнообразным мхам, выбивалась тонкими струйками из сопел на крышах и испарялась, не долетая до земли, журчала в искусственных ручейках, крутилась в круглых бассейнах и, переливаясь через их края, стремилась дальше. Вода лилась в Самфири, значит город жил.

Подъезжая к защитным стенам, караванщики сняли но-

совые дыхательные фильтры, влажность воздуха стала допустимой и незащищённый вдох уже не вызывал боль и приступы бесконечного кашля.

Радим сделал жест рукой, указывая мне отделиться от купцов с товаром и пройти через "ворота неимущих", чтобы не задерживаться на полный осмотр.

Я снова почувствовал себя песчинкой – толщина стен была такой, что вход тянулся с десятков метров, свод многотонной тяжестью нависал над головой, заломило в висках. У самого выхода двое стражников деловито похлопали меня по карманам – я заметил на их руках периферию таможенных сканеров, но пояса оттягивали вполне архаичные ятаганы – и без единого вопроса впустили внутрь.

Радим уже ждал меня, он сдал дарменов (потомки земных верблюдов-дромедаров; сильные, выносливые животные, имеют на спине один горб, отличаются от предков большими размерами и твёрдым панцирем, состоящим из отдельных пластин, максимальная скорость с грузом достигает 100-110 км/ч, грузоподъёмность 250-270 кг, прим. авт.) в ангар и болтал с лоточниками, торгующими всякой снедью и дешёвой выпивкой. Туристов здесь было множество. Они в основном сбивались в группы, в ожидании своих сопровождающих, и бестолково толкались на обширной площади, выполняющей роль тамбура. Одеты они были пёстро, легко, совершенно не по местному климату, диктующему моду на многослойную, укутывающую тело одежду, войлочные шап-

ки и шерстяные плащи. Они прибывали на транспорте прямо в город и пустыню видели через окна кондиционируемых флаеров.

– Слава, пойдём, я покажу тебе самую красоту Самфири, которую не увидят эти, – Радим небрежно кивнул в сторону ближайшей кучки приезжих.

Он старался мне всячески угодить, а я всё думал: это из-за щедрой оплаты или он действительно славный, добрый, весёлый парень. Работа на отдел особо тяжких преступлений накладывала свой отпечаток, и я уже привык присматриваться к каждому встречному, выискивая скрываемые пороки – уже несколько десятков лет своей жизни выгребал мусор в колониях.

Я поправил ремни небольшого рюкзака и бодро двинулся за своим гидом. Мы продвигались, останавливаясь во множестве красивых мест, спокойных и тихих: Радим не солгал, честно отработывая гонорар, демонстрировал мне внутренний мир города падающей воды; чуть задержавшись в том или ином закоулке можно было услышать, увидеть, ощутить, как бьётся могучее каменное сердце. Простая жизнь людей оказалась как на ладони: босые ребятишки в пёстрых рубашках до колен играли в тени деревьев, порой откровенно смеялись или громко ревели, шумели или тихо шептались, задумывая очередную шалость; женщины занимались стиркой, готовили пищу, болтали, отложив на время дела, спешили куда-то или просто отдыхали, заодно присматривая за

детьми или занимаясь мелкой ручной работой; мужчин по-падалось мало, в основном лоточники, торговцы мелочёвкой. Почти всё взрослое мужское население сейчас работало: в недрах города обслуживало машины, поддерживающие системы водоснабжения, канализации, подачи энергии, трудилось на фабриках – несмотря на то, что туризм был крупным источником доходов, колония могла вовсе обходиться без внешнего мира, а вот мир нет – здесь рождалась треть всех новых материалов цивилизации.

– А знаешь, почему на Талим хотят попасть все хоть раз в жизни? – спросил Радим, хитро щурясь.

– Это уникальная самобытная колония с удивительным климатом и потрясающими по красоте городами-оазисами, – ответил я, цитируя рекламный проспект.

– Нет, друг... – Радим на секунду замолчал, глядя вдаль и облокотившись о каменные перила переходного мостика, – Нет, друг. Здесь есть место для сказки. Люди прилетают, чтобы иллюзия волшебства хоть на несколько дней захватила их. А мы, жители, делаем всё возможное, чтоб не разочаровать гостей. Всё, что ты видишь, служит этой иллюзии.

– А на самом деле сказки нет?

– Есть, конечно. Везде есть место для чуда, в любом месте вселенной, но тут любой человек, даже полностью лишённый фантазии разглядит волшебство. Мы делаем всё для этого.

Мне показалось, что мой гид сейчас думает о чём-то очень

личном, его лицо стало одновременно грустным, печальным и светлым, одухотворённым. Он видел во мне богатого туриста, хотел объяснить словами давно занимающие его мысли. Он снова посмотрел на меня, в его карих глазах мелькнула надежда, быстро сменившаяся привычным разочарованием. Радим был вовсе не прост. Его живой ум никак не мог смириться, что большинство туристов просто пялились на ЕГО мир словно сквозь клетку вольера с экзотическими животными. Мне стало не по себе. Я положил руку ему на плечо и улыбнулся:

– Друг, я хочу увидеть Талим твоими глазами и прости, если чего-то не пойму.

– Спасибо, – Радим ещё раз посмотрел на лежащие внизу кварталы, – нужно идти дальше, немного осталось. Я надеюсь, твои картины, Вячеслав, будут зеркалом Самфири, а не выдуманными тобой карикатурами.

Теперь я всерьёз забеспокоился: а не зря ли выбрал легенду художника – рисовал я неплохо, но хватит ли таланта оправдать надежду этого парня, который за последний час стал для меня словно давним другом? Дело важнее, от расследования зависели многие жизни, возможно, судьба всей колонии, и, отбросив лишние сомнения и всё личное, я снова зашагал вперёд и вверх.

Через несколько минут мы остановились на площадке с маленьким фруктовым садиком высоко над узкими улочками, перед входом в дом. Усталость после трёх часов пути ед-

ва беспокоила. Дверь, сплетённая из веток какого-то кустарника, была открыта. Мы вошли внутрь. Воздух стал ещё мягче и чуть прохладнее. Аскетичное убранство жилища состояло целиком из циновок, ковриков ручной работы, деревянной мебели; посреди большой прихожей располагался маленький фонтанчик, и его тихое журчание приглашало присесть рядом на шерстяную подушку, умыться лицо и погрузиться в неспешные раздумья.

– Я сейчас вернусь, – сказал Радим и оставил меня одного.

Я устроился на полу на удобном пуфе, поставил рюкзак у ног, расстегнул верхний клапан и извлёк профессиональный планшет для рисования, выписанный специально для этой поездки. Совершенно забыв обо всём, художник во мне запустил программу "акварель". Тонкие пальцы скользили по поверхности гибкого стекла, наносили уверенные мазки, переноса в киберпространство моё видение жилища Радима. набросок давался легко, словно моими движениями управляла неведомая сила. Я увлёкся и не услышал шагов за спиной.

– Хорошо, только утром вода играет интереснее, а если в композиции будут люди, получится совсем иначе, живее, – мягкий голос за спиной, принадлежал молодой девушке. Она стояла, чуть наклонив голову на бок, одной рукой держала собранные в хвост и переброшенные на грудь чёрные волосы, а другой в изящном жесте указывала на планшет, будто дописывая детали. Вернулся Радим и снова осветил комнату

своей широкой улыбкой.

– Данни, красавица, сестрёнка! Это Вячеслав, художник. Помнишь, я рассказывал?

– Добро пожаловать в наш дом, Вячеслав, – Данни с достоинством поклонилась мне и обернулась к брату, – Радим, ты оставил гостя с дороги одного, это нехорошо.

– Если бы я не остался один, то не начал рисовать и не получил бы хороший совет, – я вложил планшет в чехол и пристегнул к бедру.

– Зря ты это, – Радим кивнул на вошедшее в режим ожидания устройство, – Сначала, с дороги, нужно отдохнуть и подкрепиться, потом мы ходим в купальню, а уж затем возьмёмся рисовать, – Радим подмигнул мне и добавил, – Если останутся силы. Данни, накрой пока на стол, – брат нежно подтолкнул сестру, засмотревшуюся на гостя, в сторону столовой, в которой можно было заметить массивный стол, на низких резных ножках, окружённый пуфами. Гид взял меня под локоть и увлёк вглубь дома. Всего было девять комнат, расположенных квадратом, каждая сообщалась с соседними, и коридоров не было вовсе. Мне отвели угловое помещение с отдельной душевой и туалетом. Я уже ожидал увидеть архаичную уборную, но санитарные стандарты едины в любой союзной колонии, и удобства принципиально ничем не отличались от всех виденных мной.

Радим тактично оставил меня одного, сказав напоследок:

– Обед уже готов, так что мы просто подождём, – и, за-

державшись на секунду, чтобы увидеть мой кивок, скрылся за занавеской, заменяющей дверь.

Я огляделся. Широко открытое полукруглое окно выходило на восток, длинный козырёк над ним отсекал большую часть света, лившуюся с неба, а тот, что был снизу, защищал от отражённого пустыней. Кровать, скрытая плотным балдахинном тёмно-синего цвета, тумбочка с зеркалом, несколько набитых шерстью и расшитых бисером подушек на полу составляли весь интерьер. Я потрогал постель – жёсткий ортопедический матрас – и вздохнул с облегчением: с казарменного детства не могу спать на мягком. В стену шероховатую, неровную, отделанную под песчаник, был вмонтирован небольшой шкаф, открывающийся нажатием на небольшую панель с привычными пиктограммами. Когда вещи были аккуратно разложены, я принял душ и, накинув футболку и шорты, направился в столовую.

За столом сидели трое: кроме брата и сестры ещё мальчишка лет шести-семи, кудрявый, смуглый, с глазами острыми как у Радима и лицом утончённым, как у Данни. Он обжёг меня взглядом и замер, ожидая, когда нас представят.

– Это Мавид, наш младший брат, – Радим говорил с искренней нежностью и большой гордостью, и я уже приготовился услышать несколько историй, почему именно этот мальчуган самый-самый лучший.

– После обеда я покажу тебе купальню. Ты слышал о ней? – мой гид сменил тему.

– В оазисах не принято экономить воду... Говорят, купальни это демонстрируют в полной мере.

– Правду говорят. Но лучше увидеть самому, – Радим положил мне на большую плоскую тарелку несколько кушаний и поставил передо мной. Запах дерзкий, пряный, совершенно не острый, свежий заполнил меня. Я даже не подозревал, что так проголодался и спустя пару минут уже просил добавки. На вкус все блюда отличались, но как идеально подобранные камни в ожерелье, дополняли, раскрывали и подчёркивали друг друга.

Я ощутил на себе чей-то внимательный взгляд и, подняв голову, встретился глазами с Мавидом. Два чёрных неба смотрели с его лица внутрь меня, казалось, стоит выдержать этот поединок воли и из-под век с короткими ресницами брызнет первородное пламя звёзд. Мне стало жутко, ладони вспотели, появилась отдышка. Радим резко встал и заговорил с братом на местном наречии.

– Не делай так больше! Пожалуйста! Это турист, художник, наш гость!

Мавид "отпустил" меня и тихо произнёс на общем:

– Художник, но не турист, – ребёнок встал из-за стола, – И он говорит на сали (язык жителей Талима, прим. авт.) лучше тебя.

Когда Мавид вышел, Радим, как внезапно опустевший мешок, плюхнулся на пуф и обхватил голову руками.

– Мой младший брат... – начала Данни.

– Мавид – ребёнок. Сложный ребёнок, – перебил её Радим, – Он очень рано остался без родителей. Он прожил один в пустыне среди обломков флаера и тел погибших два дня. Прости его, Вячеслав.

– Я всё понимаю, – мой разум лихорадочно пытался осмыслить происходящее. Мальчуган явно был сильным экстрасенсом. Теперь я жалел, что не сразу задействовал свои импланты. Теперь после инициации всей вживлённой кибернетики, был виден след в воздухе, где сидел Мавид, как на неудавшейся смазанной фотографии. Хотя остаточное поле имело непривычную сигнатуру, любой эксперт сказал бы, что человек просто испытывал сильные эмоции. Хотя мне вообще не было дела до не выявленных телепатов. Этими вопросами пусть занимаются другие. На Талиме пропали люди, приехавшие отдохнуть, пятьдесят человек за два года. За это же время колония приняла две тысячи детей сирот из разных систем. Имея на руках лишь эти два факта, я должен за неделю узнать ответы на все зачем? Почему? Кто виноват? Как пресечь?

Радим принялся снова извиняться. Он хорошо играл стыд, а я уже не был человеком. Слияние с машинами, запрещёнными для гражданского населения, растянуло субъективное время: я видел отдельно каждую пылинку в воздухе, капельки воды, вылетающие при дыхании, медленное скольжение солнечного лучика по полу в нескольких спектрах, слышал, как мнётся от движений одежда, а запахи рас-

падались на столбики списков веществ. Я видел, что Радим лжёт, хочет скрыть способности братишки, а мне не было до этого дела.

– Не извиняйся, друг! Малыш не сделал ничего плохого. Я просто растерялся, увидев в его глазах глубокую печаль. Теперь я знаю почему и сочувствую вам.

– Ты добрый человек, Вячеслав, – Радим встал и помог сестре убрать со стола. Пока они возились с посудой, я размышлял. Нужно отправиться в главную купальню, там собирается вся верхушка оазиса. Как известный художник я вполне могу познакомиться с чиновниками Талима, а импланты сделают всё остальное, или потратить драгоценные часы чтобы только наблюдать и не спугнуть никого из участников?

– Радим, у меня просьба: очень не хочу выглядеть оголтелым чази (на сали – чужак, простонародное обозначение недалёкого пришельца, туриста, а противоположное "джусит" – гость, прим. авт.).

– Это легче лёгкого! Я приготовил одежду – она уже в комнате – а по дороге расскажу пару секретов.

Я кивнул и пошёл переодеваться. На кровати лежал изящный лёгкий халат из тонкого синтетического шёлка глубокого синего цвета, на полу стояли сандалии с тонкими мягкими ремешками, в бумажном пакете с верёвочными ручками нашлись душистое мыло, масло для растирания и полотенце. Старинные предметы, потерявшие теперь своё значение – в

душевой кабинке автоматика за пару минут очищала тело, бодрила контрастным душем и выпускала наружу сухое тельце. Быстро, качественно, комфортно. Бездушно. Мои корни, генетическая память о бане встрепенулись, что-то невнятно буркнули и замолчали. Я, как миллиарды других людей, знал, что такое принимать ванну, теоретически.

Радим ждал меня в садике у дома в ярко-жёлтом халате и босиком.

– Ещё бы натуральный загар, и будешь совсем свой!

– Ага, а ещё волосы перекрасить. Среди местных ни блондинов, ни шатенов.

Мы рассмеялись, и я понял, что давно уже ничему так не радовался. В самом воздухе Самфири плескалась надежда, как остатки коньяка в бокале, надежда на что-то неуловимое, часто называемое счастьем. Мои рефлексы наступили на горло романтизму и вывели перед глазами состав воздуха: всё в норме, нет ни наркотиков, ни психоделиков, обычный чистый воздух. Стало немного стыдно. Неужели весь остальной мир и я вместе с ним сошли с ума и разучились просто наслаждаться? Неужели только тут среди примитивной неспешной обыденности сохранились эмоции, неконтролируемые машинным прагматизмом? Слова Радима о сказке вновь всплыли в сознании. Теперь я лично хотел найти виновных в похищениях, тех, кто извращал чудо своей злой волей.

В это раз мы добирались в транспортных вагончиках, сну-

ющих в золотистом воздухе заходящего солнца – Тельгарна (солнце Талима, жёлтый карлик, через атмосферу Талима выглядит как светло-сиреневое, прим. авт.). Купальня Самфири находилась на нижних ярусах дворца и занимала пространство способное вместить крупный штурмовик космического флота. Мягкий шероховатый пол массировал ступни и не давал поскользнуться. Главный открытый коридор с перилами поднимался вдоль стены по пологой спирали на высоту нескольких десятков метров, в образованном им пространстве шёл искусственный дождь, крупные капли, порождая ласковый шум, падали с невидимого потолка в неглубокий бассейн, где плескались дети. В стороны от коридора расходились отдельные помещения: это были бани, сауны, термы, хамамы, фуру... Вход во многие, как пояснил мне Радим, был совершенно свободен, кроме нескольких частных, что располагались на самом верху. Это самое большое помещение называли "ведом", что значило "осознанный выбор".

– Мы пойдём наверх, в мою любимую баню, – сказал мой гид, – Она построена моими предками. А главное оттуда открывается шикарный вид.

Мне не понадобилось изображать радость и интерес, чем ближе к vip-зоне, тем легче подслушать нужные разговоры, тем вероятнее найти хоть какую-то зацепку.

Взгляд скользил по стенам, колоннам, но видел я силуэты людей с всплывающими рядом пояснениями, выписками

из личных дел, видел их слова, контрастно пропечатанные в созданном специально для этого субъективном измерении. Стоило кому-нибудь произнести маркированную фразу, как моё внимание искусственно притягивалось, будто кто-то наводил фокус. Я никогда не пользовался расширениями в личных целях, и это не только вопрос этики и самодисциплины, нет, нас специально обучали жить с постоянно включенными имплантами, но без них всё выглядело настоящим, дополненная реальность погружала сознание в пучину заблуждений, превращая мир вокруг в компьютерную игру. Я не люблю игры.

Радим приглашающим жестом открыл дверь, меня обдало странным, живым теплом и запахами чего-то смутно знакомого. Первое помещение с двумя деревянными скамейками, вешалкой для одежды и бревенчатыми стенами с несколькими гвоздями, на которых висели шайки, веники, пучки каких-то трав, было вроде шлюза. Тут же находились стерилизующие лампы, автоматы с полотенцами и простынями. За плотной дощатой дверью располагался маленький бассейн, выложенный керамической плиткой и пара душевых кабинок, дальше была парная. Тусклое освещение в небольшой комнатке вырезало чёткие тени на пологие из гладко оструганных досок, в углу стояла настоящая каменная печь, в которой за железной дверцей тлели угли от настоящих дров. Я едва сдержал восхищение, когда всё это мелькнуло перед глазами сухими обозначениями машинной интерпретации.

Одежда слетела прочь, а внутри горело нетерпение увидеть самому, почувствовать своей кожей.

– Вячеслав, ты был когда-нибудь в русской бане? – Радим раздевался не спеша, с достоинством, в отличие от духовного дикаря, которому служил.

– Ни разу...

– Тогда будь осторожен и следи за самочувствием. Хорошо?

– Конечно! – закутавшись в простыню, я прошлёпал босиком в парную и уселся на нижней полке. Радим присоединился минуту спустя с шайкой полной воды и парой баночек с маслянистыми жидкостями.

– Это отвары. Если смешать их с водой и плеснуть на камни, тут воздух станет лечебным. Не только снаружи, но и изнутри очистишься. С этими словами он ловко вылил приготовленную в ковшике смесь на печку. Меня обдало мягким паром. Дышать сразу стало легче – эфирные масла скрадывали температуру, плечи, руки и лицо словно сбрызнули холодной водой.

– Как же здорово! – я вовсе расслабился и прилёг на горячее дерево, выпущенные наружу нанороботы самостоятельно распространились по всему зданию, образовав телеметрическую сеть: теперь можно было слышать и видеть всех в купальне.

– Радим, а правда, что на Талиме все важные переговоры ведутся здесь?

– Да. Голым людям сложнее врать.

Я усмехнулся, при нынешнем развитии технологий воздействия специалисты могли убедительно лгать в любых ситуациях, а вот все разрешённые импланты имели маркировку в виде татуировок на груди и предплечьях, хорошо читаемых без одежды, а значит собеседники видели возможности друг друга. Сверху над нами в просторной терме беседовали несколько чиновников. Решались задачи туризма, скучные и неинтересные проблемы, в которых всё упиралось в деньги.

Неожиданный вопрос советника внешней торговли привлёк всё моё внимание:

– Управление по делам колоний очень интересуется пропавшими туристами. Есть мысли, что делать, пока они не начали собственного расследования?

– За пределами городов Талим очень жесток и суров, – князь Бодрим говорил неспешно, продолжая раздумывать над уже произнесённым, – Приедет комиссия, мы ужесточим правила безопасного пребывания, и они успокоятся на время.

– Это даст очень небольшую отсрочку! – скороговоркой выпалил советник, встав с каменной скамьи и сделав несколько конвульсивных движений руками.

– О чём задумался, Вячеслав? – Радим озабоченно смотрел на меня, видимо, на миг потеряв контроль над собой, я позволил лицу принять озабоченное, напряжённое выражение – не так-то легко быть сразу в нескольких местах.

– Всё нормально. Бывает, что перед глазами встают картины, сюжеты для рисования. Бывает.

– Ты с детства начал рисовать? – Радим считал своим долгом узнать обо мне побольше, чтоб его помощь была предельно полезной, а мне приходилось разрываться надвое.

– Долгая отсрочка не нужна – всё скоро закончится, – князь пристально посмотрел на советника и выдержал паузу, – Пророк совершенно непредсказуем. Он убедителен и твёрд в своих убеждениях. Он видит будущее в отличие от нас.

– Нет, в детстве я был обычным шалопаем. А первый набросок сделал случайно, уже в университете, – я улыбался Радиму, но уже не чувствовал жара парной – тело покрылось холодным липким потом. Религиозный культ в космическую эпоху на развитой планете действительно существовал?! Во имя какого бога они убивали туристов? Как психопату-пророку удалось встать над официальной властью? Сегодня же я свяжусь с адмиралом Майном, а завтра начнётся зачистка Талима и блокада системы Тельгарна. Мне предстояла тяжёлая ночь, а надежда, что всё обойдётся казалась лишь исчезающей полоской света на пыльном полу древнего склепа.

– Мы лишь свидетели событий, – продолжал Бодрим; в его словах, интонациях не было ни фанатизма, ни безумия, князь не был жертвой. Смуглое лицо, такое открытое и простое выражало искреннюю озабоченность, беспокойство. Анализ запаха, движений глаз, моторики не мог зацепиться

ни за один из признаков помешательства, и не было в этом человеке лжи. Князь точно знал, что делает, а главное верил в ПРАВИЛЬНОСТЬ своих поступков. Так не может вести себя покрывающий массовые убийства чиновник.

– А что было на том наброске? – Радим не замечал моих внутренних усилий, проводник видел лишь разомлевшего человека.

– Портрет девушки. Простой набросок карандашом на бумаге, но он понравился ей, и я стал рисовать.

– Мы на сегодня закончили, – Князь поднялся и прошёл в душевую. Советники, не вставая, проводили его глазами.

– На первый раз хватит, Вячеслав. Пойдём окунёмся в бассейн?

– Конечно! – мне показалось, Радим озадаченно поднял брови и едва замотал головой. С досадой я запоздало понял, что кожа, напичканная до отказа продуктами высоких технологий, не покраснела. Разделённое на части сознание регулярно становилось причиной подобных сбоев: слишком мало мы ещё знали, слишком многого хотели, играли со своими телами, как дети с куклами. В терме наверху чиновники быстро приняли душ, набросили лёгкие халаты и разошлись, унося на себе маячки слежения, став не людьми, а габаритными огоньками потенциальных целей. Лёжа в массажной ванной, я глазами наномашин вглядывался в лицо князя. Правитель молча шёл по дворцу в свои покои, а охрана двигалась на вежливом удалении. Бодрим Самфири был

не высок, а сейчас немного ссутулившись и вовсе походил на карлика рядом с мраморными скульптурами, выстроенными по бокам коридора. Он остановился, зажмурился и вздрогнул, словно хотел стряхнуть что-то, сделал тяжёлый глубокий вдох, человека, принявшего решение, и вошёл в кабинет.

– Вячеслав, почему на всех твоих картинах, которые есть в сети, люди очень редко прорисованы, порой лишь намечены парой мазков?

Я не сразу ответил: предельное напряжение уходило в теплую воду, бурлящую пузырьками.

– Люди мне не удаются. Я вижу их как образы, в движении, полными мыслей, чувств. Не могу их изобразить.

– Но тебе это удаётся! Остаётся огромное место для фантазии зрителя, и эти штрихи и мазки наполняются большим смыслом, чем точные портреты. А ещё я подумал вот что, – Радим улыбнулся и, понимая, сам себе закивал, – Люди временные гости. Пройдет время, города будут стоять, лишь едва изменившись, а того человека, что любил сидеть под деревом и сохранился только на полотне уже не будет.

Как же не прост мой проводник! Мне даже подумалось, открыться ему и завербовать в службу безопасности союзных миров, но секунду подумав, я отбросил эту идею – Радим был, счастлив здесь, а будет ли он счастлив, окунаясь с головой в мою работу?

Тело отдохнуло как после хорошего сна. Ощущалась бод-

рость. Тонкие иголки щекотали кожу. Радим, не вытираясь, накинул одежду и ждал, пока я оденусь. Хотелось представить, что нет никакой спешки, посидеть, расслабиться, но в тот момент я был больше машиной, чем человеком. Наниты уже образовали приёмо-передающую систему, осталось включиться и запустить маховик военной машины.

Климатический контроль под городским силовым куполом воссоздавал прохладу летнего вечера. Небо поблёлкло и быстро темнело. У Талима не было естественных спутников, и ничто бы не затмевало россыпь звёзд, если бы не море огней Самфири. Глаза слепило электрическое чудо: фонари и лампы устанавливались не просто так, не хаотично, их свет буквально вырезал из сумерек здания, подчёркивал текстуру облицовки. Сказка. Хорошая. Ласковая. Ещё пару часов и мираж исчезнет. Энергетическая блокада исключит любую возможность пользоваться сетевым электричеством. Над потускневшим Оазисом встанут крейсера, носители малых боевых судов, бомбардировщики. Их шербатая обшивка заменит вечное небо. Защищало в глазах и носу. Из-за подонков, переступивших через человеческие законы, этот мир обречён несколько следующих лет находиться под жёстким контролем триумvirата из назначенных военного и двух учёных. Правительство объединённых миров не ведёт переговоров с террористами, бандитами и прочим отребьем. Цивилизация существует лишь благодаря жесткой политике, силе. Иначе наступит анархия, хаос, упадок.

– Я пройдушь пешком, один. Хорошо, Радим? – обратился я к gidу на парковке флаеров.

– Конечно! Ты не заблудишься. Навигатор не подвёл ещё ни одного туриста, – гид подарил мне ещё одну улыбку, вполне искреннюю и радушную.

Я остался один на транспортной площадке. Связь с внутренней сетью службы колониальной безопасности установилась быстро, и пошла загрузка моего отчёта. Неожиданно на внутреннем субъективном мониторе возникло лицо адмирала Майна.

– Хорошо поработал Вячеслав, но придётся ещё лучше, – я молча ждал продолжения, пока адмирал сверлил меня взглядом, – Ты ведь в курсе, какую экономическую ценность представляет Талим? За один месяц он полностью окупает свою колонизацию.

Я кивнул.

– В результате блокады и любых военных действий пострадают и мирные люди, и инфраструктура, и экономика. Совет решил, что агент должен раскрыть личность и местонахождение главарей, а после без лишнего шума устранить их. Группа зачистки уберёт остальной мусор. Понимаешь суть? Слава, я против этих игр, но мой голос в меньшинстве. Задача ясна?

– Да, адмирал. Устранить Пророка и его окружение. Но на это могут уйти недели! Сбежать с планеты без охраняющего флота будет легче лёгкого!

– Поэтому ты один. Работай как можно тише. Я разрешаю применять любые имплантированные расширения. Слав, ты справишься.

– Наверняка.

Связь прервалась, и я остался один. Искать человека на планете... Я знал, только его прозвище. Нужно было хорошо подумать и подготовиться, с помощью имплантов прочесть все сети и базы данных, возможно применить "воздействие" (сложная техника допроса, с применением наркотических веществ, волнового воздействия на мозг, установка допрашиваемому нейроимплантов и т.д., прим. авт.) на князя и его советников. Задача непосильная даже для спецгруппы, но я улыбался: этот мир получил ещё один шанс остаться самим собой.

1.2. Мера всего

Тёмная комната, металлические стены, пластиковые панели, стол и тусклый экран в режиме ожидания, в глубоком анатомическом кресле сидел худой человек. Узловатые пальцы вертели антикварную бензиновую зажигалку. Если присмотреться, то на блестящей поверхности можно было разглядеть нацарапанные буквы М&Т. Адмирал отложил зажигалку в сторону и коснулся клавиш консоли. Монитор ожил, и в центре закрутился логотип внутренней связи, потом изображение сменилось, и появилась красивая панорама: лес, горы, чуть подёрнутые дымкой, река вдалеке, голубое небо.

– Докладывай, Майн, – голос резкий, чуть с хрипотцой, властный и жестокий принадлежал правителю человечества Герману Штайну.

– Началось, – отрезал адмирал, – Агент на месте. Пророк сам захочет связаться с ним. Ингибирующая установка развёрнута – без инцидентов. Флот на месте.

– Проблемы? – на экране появилось лицо, озабоченное, немного уставшее.

Адмирал сжал кулаки и закусил губу:

– Я не уверен, что Жданов выполнит всё по плану. Он слишком умён. Слишком независим. Склонен делать верные выводы...

– Майн, ты его рекомендовал, – президент выделил слово "ты" и слегка наклонил голову, ожидая оправданий.

– Пророк не заинтересуется другими агентами. В этом я уверен.

– Может быть стоило объяснить Жданову суть ситуации?

– И получить вместо одной проблемы две?! Вы представляете его возможности?

Штайн усмехнулся хищно, по-звериному:

– Прекрасно представляю. Во мне расширений много больше, – глаза президента блеснули металлом, зрачки сузились, и Майн ощутил удушливый страх. Адмирал ненавидел это чувство. Лицо Штайна менялось по его воле, подстраивалось так, чтоб вызывать конкретные эмоции у собеседника.

Связь отключилась, и Майн опустил лицо на ладони. Он часто жалел, что не ушёл с поста несколько лет назад, жалел, что поверил в необходимое зло на благо Союза Земли и Колоний. Его с каждой минутой всё глубже затягивал водоворот интриг, гостайн, обязательств перед сильными мира сего. Адмирал уважал и тихо ненавидел Штайна, но уже не имел той силы воли, что подняла его на вершину военной иерархии.

Уставший человек поднялся с кресла и подошёл к шкафчику. Сначала руки потянулись к бутылке дорогого коньяка, но брезгливая гримаса на лице сменилась уверенностью. Тяжёлый пистолет удобно лёг на ладони, холодный ствол упёр-

ся в висок. Палец осторожно ощупал курок, но в следующий миг рука безвольно опустилась, оружие с глухим стуком упало на шикарный ковёр. Майн схватил бутылку и, судорожно открутив крышку, сделал несколько жадных глотков. Он всё ещё был человеком. Чаша полна яда, она в руке, осталось допить её до конца, принять ответственность, а не убежать, поджав хвост, через небольшой глазок пистолетного дула. Адмирал выпрямился, расправил плечи, отёр пот со лба, и в его глазах, казалось давно потухших, блеснул свет. Пересохшие губы некрасиво дернулись, и тихим шёпотом Майн произнёс:

– Не подведи, Славка...

Над Самфири плыла ночь. Я брёл по мощёной тропинке параллельно акведуку. От воды веяло свежестью, стены сооружения покрывали ярко-зелёные растения, вроде мхов, по дну ползали некрупные, с ладонь, ракообразные: вся совокупность водопроводов создавалась как самодостаточная, полноценная экосистема, не требовала практически никакого ухода.

В мыслях царил хаос. Нужно было с чего-то начинать, и вживлённый модуль искусственного интеллекта сейчас обрабатывал гигантский поток данных. Внутренняя сеть Талима содержала несколько десятков упоминаний о загадочном Пророке, кое-где встречались и полезные сведения – я выделил несколько сайтов и запросил полные досье авторов

статей и постов. Взаимодействие с расширениями отнимали всегда много душевных сил и теперь сосредоточиться можно было лишь с помощью стимуляторов. Лёгкая усталость коснулась плеч, и я решил отложить всё до утра, а время перед сном заполнить простой прогулкой, переложив бремя обработки информации на импланты.

Порой, вспоминая старые фантастические книги, становится смешно из-за наивности наших предков. Они всерьёз полагали, что рукотворный интеллект может стать другом или врагом, верили, что машины могут восстать против создателей или стать полноценными разумными существами. Теперь мы знаем, что это не так. Искусственный разум способен на многое, но он инертен. В машинах нет творческого начала. Мы используем их как помощников, даём им сложные задания. Они даже умеют понимать наши мысли и сами умеют думать, но стоит исчезнуть человеку, синтетики прекращают любую деятельность. Мы не знаем точно почему так. Я думал, что в них нет души, нет той силы, которая даст толчок, позволит не только сопоставлять факты, распознавать речь, а ещё побудит искать своё место в мире, предназначение, смысл. Возможно, это лишь красивая теория, но уже долгие годы человечество пользуется **НАСТОЯЩИМ** искусственным разумом, и ни одна машина так и не спросила: "Кто я? Зачем я?"

Я добрался до места, где вода из рукотворного русла падала вниз с высоты десятка метров и уходила в подзем-

ные канализации. На квадратном выступе сидели женщины и полоскали одежду. Ручной труд был нужен человеку. Такие простые, древние занятия придавали жизни понятный смысл. Пройдёт ещё немало времени пока мы по-настоящему привыкнем к космосу и технологиям. А пока, чтобы не сойти с ума среди услужливых механизмов, напичканных кибернетикой мегаполисов приходится снимать стресс, занимаясь тем, чем тысячи лет назад наши предки. Женщины работали не торопясь, пели красивую мелодичную песню, слов, которой я разобрать не смог, да и не пытался. На уступе среди прочих сидела Данни – её и Радима дом был уже совсем близко. Девушка положила руку на плетёную корзину с бельём и смотрела куда-то вниз. Я подошёл и присел рядом.

– Тут нет ограждений. Не страшно?

Данни улыбнулась и объяснила:

– Вокруг всех площадок на высоте никогда не выключается аgrav (установка, создающая "мягкое" поле массы, прим. авт.), и, если кто-то упадёт, то автоматика его подхватит и вернёт на место. Раньше дети даже баловались, но потом ввели "плату за спасение". Как вам купальня?

– Здорово! Я в восторге! Там всё настоящее.

– В пустыне знают, как тратить воду, – Данни, лукаво улыбаясь, смотрела на меня.

– Мне иногда кажется, что вас с детства учат разговаривать с туристами.

Мне показалось, что девушка хотела обидеться на мои

слова, но передумала и засмеялась.

– А разве это не так?! Мы с детства видим больше приезжих, чем талиман. Города-оазисы строились только для вас.

Позади раздался крик. Я обернулся и увидел женщину, на лице, которой отпечатался ужас. К нам заплетающейся походкой, роняя алые капли крови, шёл Мавид, зажимая рукой широкую рану на животе. Лицо мальчика было спокойным, целеустремлённым, бледным. Данни бросилась к нему одновременно со мной, но я оказался первым. Почти невесомое тело оказалось у меня на руках, с коммуникатора сорвался тревожный сигнал вызова скорой помощи, глаза сами нашли ближайшую ровную и сухую площадку, чтоб положить раненого.

– Беги за Радимом, – бросил я Данни. Мне почему-то захотелось, чтоб она была как можно дальше и не видела смерти брата: расширения врубилась на полную мощность, и судьба Мавида стала очевидной.

– Мне нужно быть с ним, – девушка опустилась на колени перед братом, – Ему нужен сейчас близкий человек.

Мавид взял меня за рукав и с усилием заговорил, выталкивая на посиневшие губы кровь:

– Пророк хочет поговорить. Слава, ты должен его найти, – после приступа кашля, он продолжил, – Ты ведь справишься, малышок?

Тельце Мавида обмякло, а я плакал впервые за долгие годы. "Малышок" ... Это прозвище дала мне Лиза, ещё на далё-

кой Земле, лет тридцать назад, когда мы вместе учились в военной академии. Воспоминания изготавились к прыжку, уже рвались с цепей, но я уже не был человеком. Пыль из микромашин, невидимая глазом, закружилась в воздухе, я чётко видел неровный след мальчика. Тёмный закоулок. Капельки крови на каменном полу. Остатки адреналина в воздухе. Жёлтая аура зла тянется в лабиринт узких улочек. Убийца испытывает страх. Бежит.

Я сорвался с места. Впрыск стимуляторов превратил тело в прыгучий комок, который скакал по лестницам и даже по стенам. Погоня началась. Вопрос "зачем это варварское убийство?" не давал покоя. Мимо сначала мелькали испуганные лица прохожих, потом стало темно: злодей уходил неприметными переулками, спускался всё глубже в технические каналы, где редко появлялись даже рабочие. Мы сближались: в воздухе уже ощущался след разгорячённого тела. Мужчина средних лет в неброской одежде с незапоминающимся лицом. Таких словно сама природа создавала для ночной работы. Он стоял, опираясь руками в колени, и тяжело дышал.

– Зачем ты убил мальчика?! – мои пальцы сдавили с нечеловеческой силой кожу у него на загривке, послышался противный хруст. Человек взвизгнул и обмяк. Я развернул его лицом к себе и бросил на землю.

– Зачем ты убил мальчика?!

На лице киллера был только слепой ужас. Наномашин-

ны сделали ему несколько полувлетальных инъекций. Через несколько секунд он должен был разговориться.

– Ну? – я надавил ногой на голень мужчины и тот охнул от новой порции боли.

– Я не... Мне сказали... Это приказ...

– Говори всё.

– В космопорте люди подошли. Хорошо заплатили. Обещали помочь с документами и нормально устроить. Я же бывший заключ... – он не договорил, боль скрутила его тело судорогой – химия работала.

– Ты не сможешь лгать, – я присел возле убийцы на корточки и участливо смотрел в глаза, – Звание? Место службы?

– Я... ничего... не знаю.

– Нет у меня времени. Понимаешь? Солдат, я вырву твою память вместе с жизнью.

– Не... Я одноразовый.

Чувство жуткого отвращения впилося в каждый нерв. Этого человека обработали и запрограммировали. Он не помнил даже своего имени, только калейдоскоп разрозненных знаний, полученных ещё при жизни. Импланты ещё продолжали биться о его мозг, но бесполезно. Передо мной лежала оболочка, отслужившая своё. Изверги выпотрошили личность, душу и вложили свою цель в пустое тело. Теперь обрывки воспоминаний не смогут сложиться в личность. Несчастный через сутки будет пускать слюни и ходить под себя. Одноразовый солдат... Я стоял и злился. К чертям

всё! Никаких допросов! Я вырежу этот нарыв. А Пророка заставлю мучиться за всех его жертв. Я ненавижу этих фанатиков. И не понимал. Всё было иррационально, неправильно. Отсутствие логики тысячекратно усложняло задачу.

Нужно возвращаться. Милая Данни осталась там у тела брата.

На площадке, где женщины занимались стиркой, опустело. Флаер скорой помощи висел в воздухе. Парамедики уже собирались грузить тело, но Данни держала брата за руку, сидя перед ним на коленях. Девушка не плакала, но плечи её вздрагивали. Радим одновременно со мной поднялся по лестнице с другой стороны. Его ноги подкашивались, а лицо стало тёмным, землистым.

– Ты догнал убийцу? – Данни посмотрела сквозь меня и отошла от брата, кивнув врачам бригады.

– Он мёртв, – я едва помнил, как в приступе милосердия погасил жизнь в исполнителе; океан горя семьи Сахи отодвинул смысл события последних часов. На камнях, смочив пыль, оставалось алое пятно необратимости. Одно оно имело сейчас значение. И как бы я не хотел отвернуться и уйти, но кровь ребёнка магнитом притягивала взгляд.

Радим подошёл к нам. Он хотел обнять сестру, но не смог. Глотая комки отчаяния, мужчина осознавал случившееся.

– Данни, ему сейчас легко, – Радим почти шептал, слова давались с трудом.

– Да. Он свободен, – ответила девушка.

Я не в силах был смотреть и ничего не делать. Пока силы оставались нужно было навестить князя. Риск технически провалить операцию уже не волновал. Я повернулся и хотел было идти, но меня остановили.

– Вячеслав, нам нужно поговорить, – Радим отстранился от сестры, – Мой брат должен был рассказать тебе как встретиться с Пророком. Ты ведь за этим прилетел?

– Ты о чём? – я удивлялся совершенно естественно.

– Слава, только что убили моего брата – мне не до шуток. Ты встретишься с НИМ, иначе это, – рука Радима дернулась в сторону кровавого пятна, – Бессмысленно.

Мне было стыдно и больно. Выходило мальчуган умер из-за меня. А это новый рубец на сердце, новый ночной кошмар.

– Где? – с трудом выдавил я.

– Через час у "ворот неимущих". Слав, ты хороший человек. Мне жаль тебя. Мавид страдал и сегодня получил свободу. Он... Ты всё поймёшь. Прощай.

Узел переулков сминался каменными стенами. Было поздно для прогулок, и до самой стены, до которой по прямой было всего двадцать минут ходу, мне никто не встретился. Я думал. Всю жизнь меня не покидала вера в то, что всем поступкам есть объяснение, причина, но на самом деле у всего есть только мера, а причина лишь попытка объяснить логикой совокупность событий.

1.3. Глаза в глаза

Таможня закрылась, охранники стояли на постах и вели неспешные беседы. Было тихо. Ночные клубы для туристов находились в центре города. А здесь, в тамбуре жизнь замирала с заходом звезды. Я топтался поодаль от пропускного пункта и ждал. Фигура, завернутая в шерстяной плащ, вынырнула на яркий электрический свет площади. Человек окинул взглядом всё вокруг, едва кивнул сам себе и снова скрылся среди контейнеров с товарами, только теперь медленнее, явно предлагая идти за ним.

Я сделал крюк и подошёл к незнакомцу со стороны переулка.

– Веди, – имплантаты зажгли перед внутренним взором экраны дополненной реальности с биометрикой сектанта. Он был спокоен.

– Куда? – вопрос поначалу застал меня врасплох. Лишь после небольшой паузы я ответил.

– К Пророку.

– Ты хочешь узнать, что будет? – незнакомец буравил тяжёлым взглядом, его молодое лицо белым пятном выделялось из темноты под капюшоном. Он был не местным.

– Я хочу знать, что происходит.

Снова пауза, игра в гляделки.

– Тогда тебе он будет Учителем. Пойдём.

Запах пыли, замшелых камней, спёртого воздуха в подземелье раздражал. Мы пробирались по техническим коробам ниже уровня земли. Свет дежурных ламп вычерчивал резкие тени. Что-то было не так во всём. Мой внутренний компас несколько раз сбивался, и определять направление с расстоянием было всё сложнее, но шли не долго, несколько минут.

Проводник остановился у неприметной панели и приложил тонкую руку к пластине. С шипением в стене открылся проход в темноту. Я вошёл в просторную залу, где шаги отдавались эхом, а всё освещение состояло из нескольких свечей, установленных в нишах. Имплантаты сбоили: телеметрия отказала вовсе, датчики указывали на мощное излучение – видимо недалеко находился генератор, старый, с нарушенным экраном – работали только внутренние, биологические расширения, беспрестанно впрыскивающие стимуляторы.

Я не заметил, когда и куда исчез проводник. Наномашин, распыленные мной в воздухе, не отзывались и медленно оседали на пол. Место было выбрано идеально, чтоб заглушить побольше аугментаций, но моё тело оставалось по-прежнему оружием, и если будет надо драться, то не подведёт.

Впереди послышалось шуршание одежды и в тусклом, мерцающем свете возник человек. Сутулая фигура, шаркающая походка и тяжёлое дыхание выдавали больного старика.

– Пришёл. Зачем? – сиплый голос принадлежал не столь-

ко живому существу, а скорее стенам, раздавался в голове. Пророк был очень сильным телепатом. У меня закружилась голова от его присутствия. Рукоять пистолета скользнула в ладонь, а через мгновение фигура в длинном, до пят, плаще висела в центре коллиматорного прицела.

– Я не боюсь умереть, – Пророк откинул капюшон и открыл лицо.

– Действительно старик, седые волосы спадали длинными прядями на плечи, переживания оставили глубокие морщины, крючковатый нос и глаза – черные бездны космоса – пронзали своим взглядом.

– Я не боюсь умереть, – повторил Пророк.

– А зря, – просипел я, борясь за своё сознание.

– Ты поймёшь... – Пророк улыбнулся по-отечески, ласково и слегка развёл руки в стороны ладонями ко мне. Боль в голове утихла.

– Я хочу знать, зачем вы убиваете туристов? – пистолет перестал дрожать и в любой миг был готов сплюнуть кусочек металла.

– Нужно начинать с самого начала. Иначе ничего не понять, – старик сел на пол, положив руки на колени, держа их всё время на виду.

– Не тяни время. Ты знаешь, кто я. Сколько бы фанатиков не набежало на помощь, ты всё равно труп.

– Вячеслав, я уже умирал, много раз... Сегодня на твоих руках, Малышок.

Я сглотнул колючий комок. И я не верил. Не хотел и не мог, считая Пророка подлецом, который тащил наружу мои больные нервы.

– Когда разбился флаер, и я держал на руках Мавида, слёзы текли по щекам. Мой младший сын не дышал. Горе. Страх. Обида. Обида на себя. Почему выжил я, а не он. Часы текли, дыхательный фильтр едва справлялся, и началось удушье. Я хотел одного, чтоб мой мальчик вновь улыбался. В горячем мареве я увидел его образ, его душу, и Мавид попрощался со мной. Это был не мираж, я слышал его голос. Сын уже перешёл грань жизни и всё время повторял, что нет смерти, что нет страха. А я продолжал мучить себя и не отпускал его. Я закричал. Через миг меня стало двое, – Пророк тяжело вздохнул и посмотрел на меня, он не врал, позади стоял Мавид, настоящий, мальчуган кивал головой, сквозь которую я видел стены.

– Мой сын не может уйти из-за моей глупости, не может переродиться, пока я полностью не прощу себя. Я жил в двух телах одновременно. Это было жестоким наказанием видеть в зеркале лицо своего сына. Теперь я стал мудрее и многое понял. Теперь моя цель донести это знание до людей: мы вечные скитальцы; сменяя одно тело за другим, души людей получают новый опыт, и так до тех пор, пока не наступит предел, за которым физическая оболочка уже будет не нужна. Это время уже скоро настанет.

Пророк замолчал, а я опустил пистолет и смотрел на при-

зрак его сына. Кибернетика не умеет лгать, а мои импланты невозможно обмануть – они рассчитаны на такие контакты. Мы умели видеть призраков, хотя не верили в бога.

– Где захоронены тела?

Пророк грустно улыбнулся и покачал головой.

– Ты ничего не понял? Тел нет! Они часть души и переход меняет их.

В комнате появлялись духи, они уплотнялись достаточно, что система опознавания лиц выдавала мне имена и досье. Многие из тех, кто исчез на Талиме. Призраки подходили к Пророку и клали свои прозрачные руки ему на плечи.

– Тебя послали не расследовать исчезновения, а убить меня. Смотри, уже несколько месяцев ни одна душа не может вырваться за пределы системы Тельгарна! Штайн приказал развернуть барьер – это засекреченный проект – президент очень боится грядущих перемен.

– Почему?

Старик снова посмотрел на меня как на глупого ребёнка.

– Как управлять бессмертными? Чем напугать непокорных? Что можно отнять? Но больше всего он боится того, что память о прошлых жизнях проявится у психопатов, убийц, насильников...

Я представил себе террориста-смертника, в десятый раз взрывающего себя в каком-нибудь торговом центре с гнусной улыбкой на лице.

– Вселенная умнее нас, Вячеслав. Такого не может быть.

– Откуда ты знаешь?

– Их нет. Попросту нет. Это аксиома.

Я даже не смог разозлиться на старика, что он вслух отвечал на мои мысли. Всё становилось с ног на голову, и нужно было принимать решение. Я не знал, что существует барьер, способный удерживать души умерших, не знал, что существуют готовые технологии для этого. Так какой же будет блокада Тельгарна? А главное какую сторону мне принять? Патовая ситуация. Невыполнение приказа перечеркнёт всю мою жизнь, меня самого, а убийство пророка лишь отсрочит глобальную проблему, но сделает меня на шаг ближе к окончательному превращению в машину.

– Не стоит переживать из-за не наступившего будущего. Сейчас неважно жив я или мёртв.

Пророк улыбался как ребёнок, а я испытывал давно забытое чувство страха, но не за себя. Я боялся следующего мига и не знал почему. Старик, не отрывая от меня взгляда, сделал резкий шаг назад, почти прыжок, и выгнувшись дугой повис в нескольких сантиметрах над полом. С трудом выталкивая слова он произнёс:

– Теперь ты свободен от всех обязательств, Вячеслав. Теперь ты один.

С тонких вмиг посиневших губ потекла струйка крови, Пророк обмяк и упал. Сзади из стены торчал кусок окровавленной арматуры. Другие призраки растворились. Поначалу я стоял, совершенно не понимая происходящее, но по-

степенно слова: «Теперь ты один», – заполнили меня. Один. Ничего никому не должен. Пророк сделал ставку, а я стал кубиком или крупье, или ещё одним игроком.

– Вячеслав! – Майн вызывал меня по закрытому каналу, едва пробивающемся сюда сквозь бетон всей мощью флота.

– Да, адмирал. Пророк мёртв, – Роберт Майн после этих слов несколько секунд молчал.

– Ты устранил его? – в интонации сквозили ноты разочарования и осуждения.

– Он самоустранился. Роберт, ты знал о барьере для душ?

– Слава, ты не видишь всей картины. Рано делать выводы. Тебя эвакуируют, всё объяснят и покажут. Не совершай необдуманных шагов, хорошо?

– Угнать транспорт, потом захватить боевой корабль и разнести установку барьера – достаточно необдуманно?

– Это ты всегда успеешь. Барьер уже снят. Я не лгу. Слава, ты мне как брат, давай встретимся и поговорим?

– До связи.

Я отключил передатчик. Кипение внутри прекратилось. Новая кость информации удачно легла ко мне в пасть. Я как старый пёс вцепился в неё, не имея моральных сил предать хозяина-друга. Я собака. Как просто дать название и слепо следовать ему. Отождествить себя с чем-то понятным и простым, знакомым. Это даже не просто толчок к поступку, а готовый алгоритм действий. Я охотничья борзая, выполнившая команду. Теперь в уютную конуру или к ногам хозяина.

Наступало утро. Самое обычное для миллионов жителей Талима. Восходящая звезда поливала жаром пустыню и город-оазис. Никто ничего не заметил. Лишь я, опустив голову, смотрел себе под ноги и бесцельно шёл по пробуждающимся улицам. Я не хотел возвращаться к Радиму и Данни, говорить им, что умер их отец. Головоломка складывалась в клубок перепутанных нитей, каждая из которых тянулась ко мне, заставляя поступить так, а не иначе. Пророк знал, что за ним придут, и послал Радима встретить меня. Майн чётко прогнозировал мои действия и играл в свою игру. Теперь было очевидно, что они направляли меня, но чего в конечном итоге добивались оставалось вопросом. А ещё была третья сторона, которая завела, как игрушечного солдата, одноразового убийцу.

На площадке для военных кораблей, находящейся на противоположной от туристического тамбура стороне города меня уже ждали. Небольшой межпланетный корабль стоял особняком, а около него возвышались трое офицеров в боевых экзоскелетах. Я молча прошёл в пассажирскую кабину и сел в кресло.

– Вячеслав? – лицо Майна с уставшими глазами появилось на субъективном мониторе.

– Что-то ещё, адмирал?

– Ты даже не поздоровался с друзьями. А ведь вы вместе прошли через многое.

– Простите, адмирал, не понимаю вас, – я чувствовал се-

бя бегущим сквозь колючий кустарник и каждое слово, как клочок одежды, оставалось висеть на толстых шипах.

– Пётр, Олег, Никита... Помнишь Надонию?

Я выглянул наружу. Бронескафандры не имели именных опознавательных знаков, но офицеры стояли ко мне лицом, открыв головные отделы. Лица ребят давно изменились, стали гораздо старше, но моя память навсегда сохранила их птенцами. Они улыбались, как на той старой фотографии после операции на «планете болот». Стало как-то полегче: эти ребята уж точно не смогут предать.

– Посол, Медведь, Рыбак!!! – из меня вырвалось напряжение, скопившееся за последние дни, я редко видел их с тех пор, как покинул регулярную армию. Лязг металла обычное дело, когда обнимается десантура, хоть я и был «голый», но хлопал по плечам богатырей как положено, а они, не стесняясь, тискали меня механическими лапами, степень моих расширений читалась их персоналками однозначно и верно.

– Я рад, парни, но что вы здесь делаете?

– Тебя ждём, командир, – ответил Олег-Медведь. Он был настолько широк и кряжист, что мог носить только личную слегка переделанную броню, а когда говорил слишком громко, то от его баса шевелились волосы. Олег оставался единственным десантником с «нестандартным» телосложением, и была целая история, как он заслужил своё место.

– Нас собрали с разных концов этой галактики и сказали, что тебе будет нужна помощь в каком-то деле. Вот и всё, –

Пётр ухмыльнулся, – А ты вроде уж и сам справился? Или только начинается заварушка?

– Я не знаю, Посол. Я ничего не понимаю, что твориться, и чего от меня хотят.

– Разберёмся, пресечём, накажем, – вставил своё слово Никита-Рыбак.

Мы сели в транспорт и почти сразу рванули вверх. Предстоял сложный разговор с адмиралом. Интересно сможет он смотреть мне в глаза?

1.4. Привычная обстановка

Корабль-носитель горел множеством огней, словно готовился к парадному смотру, на самом же деле иллюминация означала близящийся экстренный нырок в другую часть вселенной. Большинство гражданских судов пропускали предстартовую проверку, но военные продолжали придерживаться старых протоколов безопасности вне боевой обстановки.

– А куда они торопятся? – спросил я у Петра, что сидел в кресле напротив в лёгкой лётной форме.

– Локальная пострелушка. Конфликт интересов пяти молодых колоний из-за прав на разработку потухшей звезды. Они долго копили в себе... всякое, а теперь решили покрыть этим... накопленным... всё вокруг. Даже кто-то догадался сделать из мёртвой звезды большущую бомбу. Теперь эвакуация, блокада, высадка, зачистка. Не всякий боевой звездолёт выдержит взрыв такой мощности, поэтому туда сгоняют многих «маток».

– Нас не туда ли отправить хотят? – засомневался я.

– Нет. Туда полетит другая группа быстрого реагирования. Мы вообще-то уже несколько лет вольные наёмники: даже не могу представить зачем нас собрали. Мы с ребятами уволились в запас сразу после резни на болотах. Ты вот суперагент! Ты и должен всё знать.

– Майн объяснит. И в этот раз я шага не ступлю, пока не

узнаю всю подноготную.

– Стыковка! – Рыбак виртуозно маневрировал между малыми судами, снующими вокруг шлюзов носителя, и уверенно шёл внутрь гиганта.

Пару минут спустя мы стояли перед адмиралом. Ребята держались с гонором, свойственным наёмникам: переминались с ноги на ногу и держали руки за спиной.

– Вольно, – больше для порядка сказал Майн. Шум прибывающих истребителей, плотно пакующихся на массивные рамы, едва позволял разобрать его слова, – Пройдёмте на мостик, в моей каюте я всё объясню.

Сколько я помнил Роберта Майна, адмирал всегда любил сумерки, в его каюте царил полумрак, размежёванный свечением мониторов и несколькими тусклыми лампами.

– Жданов уже в курсе некоторых моментов, но до полной картины не хватает многих данных, – начал Майн, – Я должен взять с вас подписку о неразглашении. Данные касаются безопасности человеческой цивилизации в целом. Подумайте прежде, чем соглашаться. Это не пафосные слова. Всё серьёзно.

По моей спине побежали мурашки. Адмирал при мне говорил эти слова второй раз. Первый перед тем, как нас, ещё совсем желторотиков, бросили в мясорубку «Пиратской Войны», в которой дотла выгорело больше десятка населённых планет, то был единственный за всю космическую эпоху конфликт такого масштаба. Когда число жертв перевали-

вает за первый миллиард, любые слова становятся слишком пафосными и пошлыми.

Трое десантников, мой язык никогда не повернётся назвать их бывшими, единым организмом шагнули вперёд и приняли под козырёк. А я остался стоять на месте. Я ждал объяснений.

– Вячеслав, ты получишь исчерпывающую информацию... И ТЫ, – он выделил это слово, – можешь отказаться на любом этапе операции.

Мне стало жаль адмирала. Он выглядел не просто постаревшим, а уставшим от жизни вообще. Он держался, но руки его тряслись, на лице оставались следы вчерашнего алкоголя. Импланты были включены и транслировали мне его состояние. У Майна был запущенный рак желудка. По сути, лечение этой болезни не занимает больше нескольких часов, но старый вояка не хотел выздоровления. Он уже сделал выбор и брёл навстречу вечной побирушки с косой. Что ж, Роберт, ты прожил полную событий и тяжёлых решений жизнь.

– Согласен, – сделав шаг вперёд, я впервые за последние несколько лет снял с плеча и надел лётный подшлемник и повоенному, как положено, отдал честь. Адмирал кивнул мне и чуть улыбнулся краешком губ.

– Уже довольно долгое время мы владеем знаниями о человеческом посмертии. Души способны к осознанным действиям вне телесной оболочки. Более того им доступны знания и способы воздействия на материальный мир, что за гра-

ницами возможностей живых людей. Экспериментально доказано: имея достаточный запас неизвестной нам энергии они могут существовать без носителей, вероятно, бесконечно долго. Сознание их чуждо нам, а логика совершенно не поддаётся осмыслению. Наши интересы никогда раньше не пересекались...

Майн замолчал, давая осмыслить сказанное, а на лицах десантников появилось недоумение и скепсис. Они постоянно переглядывались, а Олег даже начал движение рукой у виска, но, спохватившись, остановился. Человечество знало и фиксировало посмертные образования. Души умерших существовали несколько часов, иногда несколько дней и всегда бесследно исчезали.

– Так было до недавнего времени, – продолжил адмирал, – Независимо друг от друга в разные эпохи находились люди способные к большему. Пророки, святые, будды. Как только их не называли. Эти люди отличались... – адмирал помолчал, подбирая нужное слово, – Чем-то нам неведомым. Видимо мир изменился... На планете Талим произошёл инцидент. Там был Пророк, способный запустить цепную реакцию перехода огромного числа живых людей на "новый уровень бытия". Он хотел сделать нас всех бессмертными существами сродни мифическим богам – так докладывала разведка, – Майн несколько раз глубоко вдохнул и поморщился – ему стало тяжело произносить длинные речи.

Мы слушали, не перебивая, молча. Казалось, что стоит

ущипнуть себя и всё окажется наваждением, распадающимся сном. Я не был готов принять слова Майна. Да, люди научились регистрировать посмертные энергетические всплески, фиксировать изображения призраков умерших. Однако взаимодействие с ними считалось невозможным. Несколько десятилетий после открытий и первых признанных данных была шумиха. Потом все привыкли и успокоились. Мы до сих пор не могли ответить на многие вопросы о мире, а в эпоху путешествий на сверхсветовых скоростях не имели права объяснять всё непонятное глупой отмазкой, что так решил бог. Адмирал налил воды в стакан и отпил, чтоб промочить горло.

– Учёные проводили множество экспериментов в этих областях. Уже есть барьер, способный временно удерживать души внутри себя, – Майн скривился, сделав паузу, – Давно появились системы способные засечь призраков, но ещё никогда за всю историю ОНИ не представляли угрозы для всего человечества. Сектор, где расположена Надония, потерян. С ним нет связи. Там не было живых, только машины: телеметрия, разведывательные корабли. Теперь всё это молчит. Мы не знаем, что делать. Нет никакой информации. Только несколько записей.

Майн указал рукой на монитор на стене и жестом запустил видеоролик. Запись велась автоматическим зондом. Огромные деревья от края и до края горизонта. Видимость на высоте десятка метров была хорошей, но почву и подлесок скра-

дывал туман. Я сразу узнал пейзаж болотной планеты. Где-то внизу суетились её обитатели, жестокие, хищные, жадные до крови твари. Их не было видно, но звукоряд содержал глухое ворчание, доносившееся снизу. Зонд летел вперёд к закату, и продолжал съёмку. Показалась поляна размером с небольшую площадь. Среди небольших холмиков блестели лужицы со стоячей водой. В центре открытого пространства расположились высокие каменные столбы в три-четыре обхвата, образуя круг, словно каменные тролли водили хоро-вод и были застигнуты солнцем. Между ними ходили призраки и напевали что-то протяжное и заунывное. Прозрачные фигуры внезапно замерли и все как один посмотрели в объектив автоматического устройства. Всполох сине-зелёного цвета прошёл наискось по экрану и зонд ослеп. Сбоку экрана побежали строки данных о перемещениях и положении в пространстве. Разведчик падал. Его запас энергии быстро таял. Запись прервалась.

– Что они делали? – спросил Посол.

– Не знаем. Энергетическая волна уничтожила только некоторые части машины, давая возможность передать данные. Возможно, это предупреждение. Надеюсь, что не угроза.

– Значит, мы и наши души – это совершенно разные вещи? – Олег выглядел озадаченным, но не сбитым с толку – он продолжил размышлять вслух, расхаживая по комнате.

– Мы, получается, часть, а они целое. Или наоборот?

Медведь посмотрел на нас, тряхнул головой и, сев на край стола, склонился над терминалом. Он прокручивал запись туда-сюда в поисках чего-то и всё больше хмурился. Мы смотрели ему через плечо и не мешали, потому что своих идей пока больше ни у кого не было.

– Кажется, нашёл, – палец Олега указывал на едва заметный рисунок на одном из спутников: концентрические окружности, образованные мелкими иероглифами или символами, – Духи не рисуют на камнях, ведь так?

– Только точно не разобрать что там, – на пределе возможностей технари пытались улучшить картинку, но ничего не выходило, – ответил Майн, – Есть другая запись с хорошим планом похожего рисунка, – Майн запустил следующий видеофайл.

Ещё один зонд снимал похожий или тот же каменный круг. Запись длилась несколько секунд, а потом так же внезапно прервалась. Теперь на каменной поверхности можно было разглядеть правильный круг с вписанными в него символами. Руническая вязь не поддавалась расшифровке с ходу. Известные моим сопроцессорам народы не пользовались подобной письменностью. Но в красивом рисунке было что-то очень знакомое, нечто касалось границы сознания и ускользало за пределы восприятия.

– Расшифровали? – спросил Посол.

– Нет, – ответил Штайн и опустил голову, – Письмена невозможно расшифровать. Это какой-то код, записанный

старинными буквицами. Очень похожие были у ваших далёких предков ещё до кириллицы. Но в этой их комбинации нет смысла – набор звуков, приятный для слуха. Большого мы понять не смогли. Сама грамота славян была полностью замещена в конце 10 века нашей эры, язык изменился. У нас даже нет ни одного источника, только косвенные упоминания, что было нечто подобное, и отдельные таблицы соответствий знаков и звуков.

– А можно прослушать этот набор звуков? – попросил Посол.

Адмирал включил запись и машинный голос четко произнося отдельные звуки раздался из акустической системы.

"Весьи ведо мал. Рочь наго. Сумли ром снеть. Аове выть еже нави."

– Скорее всего, – сказал адмирал, – звучание не точное. Но ничего другого нет.

– То есть письма сродни старорусскому языку, потерянному и забытому, – Я говорил тихо, спокойно, – Не знаю как вы, но я не верю, что души станут пользоваться человеческим письмом.

– А ты поверишь, что твои предки стали пользоваться письмом душ? – Роберт внимательно смотрел на меня.

– Вообще возможно, но как? У душ нет горла и языка. А людям зачем записывать то, что не понимают?

– Мы много потеряли с тех пор. Шаманы входили в связь. Пророки читали будущее. Мир технологий всё ещё моложе

того старого. Кто знает, может...

– Штайн, ты обещал говорить всё! – я начал закипать, – Не носи этой чепухи! Мы не идиоты!

– Факты я выдам все, а в душу свою я не пущу. Можешь считать, что я поверил в бога на старости лет.

– Каков прогноз? – спросил Олег.

– А нет его. Им, – Штайн ткнул в монитор пальцем, – не нужны ресурсы, территории, технологии. Даже не представляю, что им надо. Ты единственный, Слава, кто входил с нами в контакт, судя по отчёту с Талима.

– Значит спрошу при встрече.

Мы разошлись молча. Желания снова попасть на болота не было. Но кто, кроме нас? Десант всегда отвечал этим вопросом на любой приказ, и менять порядки ещё не пришло время.

Я лёг в своё ложе в каюте и включил программу свободного сна. До высадки хотелось просто по-человечески выспаться, но я внезапно подскочил – течение мыслей, обычно ровное и непрерывное, скачками пронеслось по последним событиям. Я быстро оделся и отправился к адмиралу.

– Пророк на Талиме не единственный? – спросил я Роберта, едва открылась дверь в его кабинет.

Адмирал посмотрел на меня и снова опустил взгляд на монитор, немного помолчал и предложил жестом пройти в каюту.

– Садись, Слава. Пророк не единственный. Вернее, не

единственный, кто может инициировать переход.

– Кто ещё может? – я произносил слова спокойно, не выдавая эмоций, а сам боролся с желанием завывать.

– Да много кто. Ещё лет сто назад уже были технологии, способные определить всю эту чертовщину. А почему сейчас? Я не знаю.

– А может быть переход уже начался? Может нам остаётся только смириться и ждать развязки?

– Нет. Это плохой вариант. Слав, ты представляешь себе мир без людей? Меня мурашки пробирают, когда я представляю пустые планеты. Всё рассыпается, а между заброшенными зданиями ходят призраки. Мне страшно от этого.

– Я вот думаю, что мы слишком мало знаем. Тем более теперь, когда они выбрали себе планету. Что-то строят, как-то общаются. Их цивилизация может сменить нашу. А может мы сами захотим этого, когда изучим их.

– А если нет? Есть мнение, что они – тупик. В неизвестной пока форме сохраняется статичная личность, – адмирал посмотрел на меня, и мне передался его страх. Иррациональный, непознаваемый ужас. Что-то было неправильно во всём этом, но я не знал, что именно, – То есть, по сути, это очень подробные и точные надгробия умерших. И они не способны сделать ничего нового, а только повторяют какие-то действия своих прототипов. Понимаешь? Что если это зомби с псевдоразумом, обладающие неподвластными нам способностями?

– Я сделаю всё как надо.

Штайн подошёл ко мне и обнял за плечи. Он смотрел в глаза и пытался найти себе оправдание в моих мыслях.

– А я уверен в тебе, – старик вздохнул и повернулся к своему монитору, – Я боялся, что ты узнаешь отдельные факты и сорвёшься. А ещё я боялся, что ты сочтёшь меня предателем.

– У меня есть основания?

– Я давно знаю всё это... Выглядит, будто тебя послали убить неугодного пророка.

– Кто отдал приказ убить мальчишку?

Штайн вздрогнул от вопроса, хоть и ожидал его. Генерал рывками тянул воздух, и его ноздри дрожали.

– Не знаю. Есть третья сторона. Она проявилась совсем недавно. В разных концах обитаемых частей галактики одновременно появились люди, которые подстрекали, занимались подготовкой к терактам. Всё это без видимой причины. Проводился глубокий анализ, но данных по "этим" ещё меньше.

Я на секунду задумался:

– Роберт, а если это братья по разуму, которых мы так долго ищем? Может они уже сами перешли на новый уровень бытия? Или как-то иначе решили эту проблему? А теперь вмешиваются в нашу историю?

– Не части, – прервал меня адмирал, – Мы обжили сотни миров и нигде не встретили разумные формы, тем более

цивилизированные.

– Так поэтому и не встретили, что они все уже перешли в души или как это назвать! – мысль не давала мне нормально вдохнуть, внутри грудной клетки возникло онемение. Аугментации зафиксировали очень сильное возбуждение, и на внутреннем мониторе появилось предложение купировать его инъекцией гормонов. Я мысленно смахнул надпись – уж очень хотелось чувствовать всё.

– Вячеслав, если есть цивилизации разумных призраков, то мы умеем их обнаруживать, – тихо произнёс адмирал и нажал несколько клавиш, – Я готовился к этому разговору. Смотри.

На стене появилась проекция с изображением звёздной системы. Я не сразу опознал место. Это была Земля 3. Первая удачная колония людей. И первая, которая погибла в Пиратской войне. Автоматический зонд передавал чёткую картинку: огромные корабли-носители инженерной ассоциации сгрудились у планеты и высыпали в пространство рой мелких машин.

– Это три месяца назад происходило, – тихо проговорил адмирал и ускорил воспроизведение на несколько секунд.

Аппараты выстроились в трёхмерную сеть, я подключился к терминалу напрямую и считывал данные, что не входили в видеоряд. Многое мне было непонятным, но в общих чертах стало ясно, что машины образуют подобие приёмо-передающей радиоустановки. Майн вернул нормальную скорость

видео в тот момент, когда произошло включение. Данных добавилось, и я едва успевал их обрабатывать. По показаниям планетарная система была безжизненной: ни живых, ни призраков. Лишь немногие уцелевшие бактерии, простейшие и лишайники выжили и успешно адаптировались к условиям.

Адмирал откашлялся, словно хотел что-то сказать, но только ткнул пальцем в изображение. Картинка увеличилась и сфокусировалась на единственном корабле, окружённом полем, обозначенным как "сдерживающее омега-структуры". По транспорту один из носителей выпустил заряд лазера. Я видел, как луч несётся через пространство и разрывает незащищённую посудину. "Сдерживающее" поле судёнышка растаяло и по экрану заметались сигнатуры, помеченные знаком "омега". Теперь их клетка разрослась до границ, очерченных сетью радиустановки.

– Теперь понятно, почему они нас ненавидят, – сказал я и посмотрел в глаза Майну, – В чём суть этого?

– Они не идут на контакт. Мы должны были их заставить. Мы держали их так неделю. Показывали знаки, выпускали дронов со световой сигнализацией... Нашлось два добровольца, которые выходили в лёгких скафандрах в область ловушки. Результат нулевой.

Адмирал, постукивая пальцами по столу, перемотал запись в конец.

– Это последние минуты, – сказал он, – Тут всё просто.

Один за одним отключались сектора сдерживающего поля и омега-структуры пропадали с экрана. Наконец показания стали самыми обычными и началось сворачивание всей группы кораблей.

– Они просто растворились? – спросил я, уже зная ответ.

– Исчезли без следа. При прыжках кораблей можно поймать остаточную деформацию пространства прежде, чем она рассосётся, а тут вообще ничего.

Я покинул каюту адмирала в глубокой задумчивости. Мне очень не хотелось считать себя вымирающим видом, даже не понявшим того, кто выступал на замену. Казалось, что привычная обстановка среди корабельных переходов, успокоит разум и даст возможность найти, пусть не ответы, но хотя бы направления их поиска. Через час бесплодных блужданий я вернулся к себе и лёг в капсулу гибернации. Промелькнула показавшаяся очень важной мысль: в какой среде живут души? Что для них среда обитания?

1.5. Рутина

Надония, сто восемь лет назад.

Плескался туман под ногами. Солнце безудержно рвалось к верхушкам скал, но облака всё ещё держались. В тонкой прослойке чистого воздуха между туманом и облаками забывался страх высоты, воздух был чист от микрофлоры и можно было работать. Тяжёлый транспорт завис над маленьким плато и несколько раз просигналил.

– На целый час раньше! – угрюмо буркнул Каспер, одел засаленную кепку, маску-респиратор, покрытую смазанными пятнами сажи, нехотя поднялся с бетонного пола и стал ждать, уперев руки в бока. Игорь появился в шлюзе через пару минут. Датчики грузоприёмника – полупустой крупной пещеры с достаточно большим входом, затянутым стазис-полем, выходящим на единственное в округе плато, способное принять грузовой корабль – засекали сигнал идентификатора начальника экспедиции, и в воздухе перед Каспером на уровне пояса появился голографический интерфейс.

– Разрешаю, – сказал Игорь, чуть склонив голову к своему запястью, где находился микрофон его персоналки. Интерфейс сменил цвет с салатового на красный. Каспер лёгкими взмахами рук задал стандартную программу разгрузки, но

начало процедуры было заблокировано. Оператор приёмника скривил лицо недовольной гримасой и повернулся к начальнику, который нёс в руках два стаканчика с кофе.

Каспер не любил работать с русскими. Никто из американцев, китайцев или европейцев не стал бы наливать подчинённому кофе, не стал бы относиться как к человеку. С Игорем всё было сложнее: он мог простить мелкие ошибки, разгильдяйство, даже неподчинение, но наказывал за тупость и равнодушие взглядом или ёмким словом. Приходилось думать. А самое главное, что бесило Каспера, Игорь не был собственно русским генетически. Он был больше похож на китайца с узкими глазами, круглым лицом и смуглой кожей. Монгол, татарин или ещё кто-то – технику было плевать на эти частности. На нашивке написано "Россия", значит русский.

Игорь протянул дымящийся кофе и направил взгляд карих глаз в душу Каспера – только так и не иначе мог описать эту мучительную процедуру оператор. Смотреть глаза в глаза этому гиганту было совершенно невозможно, а когда он ещё и улыбался, то брызгали слёзы и тряслись руки.

– Там люди, не коробки, – густой баритон проник сквозь кости и заставил сердце биться чаще, – Ты не читал приходника?

Игорь вывел на панель информацию о грузе, показал пальцем на строки наименований, где вместо привычных кодов, были имена и звания.

– Видишь?

– Вижу-вижу, – скороговоркой пискнул Каспер, торопливо заменяя команды в программе.

Периметр плато осветился яркими разрешающими зелёными огнями, и на гладкую каменную поверхность плавно спустился контейнер, транспорт отбросил трос с креплением и с глухим едва различимым шелестом дюз медленно поплыл ввысь, на автоматическую орбитальную станцию. Площадка накрылась куполом стазис-поля и мощные насосы начали замену воздуха.

Всё это время Игорь молчал, а Каспер в очередной раз размышлял: "Какого хрена тут делает выпускник русского инженерного института?" Игорь был не просто специалистом, он мог управлять целыми колониями, заменить собой весь экспедиционный корпус, и при этом был военным. Таких готовили штучно, отбирая из тысяч студентов одного-двух. А здесь на бесперспективной планете, где только непроходимые болотистые леса и несколько гор, на разведывательной базе, которую уже списали, почти эвакуировали и начали консервировать, ТАКОЙ специалист был просто незачем. Каспер сперва решил, что Игоря наказали, сослали сюда, но кто может наказать инженер-генерала? А главное, за что? Он мог без объяснения причин ликвидировать любую колонию в своём подчинении вместе с "живым контингентом" – космос диктовал жестокие законы. И это непонятное назначение не нравилось Касперу больше всего. Было что-то

на Надонии (от "no done" англ. прим. авт.). Что-то важное, возможно секретное, а оператор дока не должен беспокоиться о секретах.

Контейнер открылся, и наружу вышли четверо десантников, замурованных в тяжёлую механизированную броню. Их поступь отдавалась дрожью в коленях Каспера, добрые улыбки на лицах вызывали оторопь. Он привык видеть наёмников-головорезов, служивших в армиях Атлантического Военного Союза, или мутантов из армады Китайской Республики. Сегодня он впервые увидел воинов. На броне не было званий, только эмблема русского флота и значок специальности.

Десант выстроился в линию перед условной чертой входа в базу.

– Инженер-лейтенант специального подразделения разведки Жданов, – чётко, резко, звучно доложил, выйдя на шаг вперёд, веснушчатый парень.

– Слав... – Игорь подошёл к десантнику вплотную и шутиливо-грозно покачал головой, – Я тоже рад тебя видеть. Твои птенцы? – кивнул он на стоявших смирно ребят.

– Мои, Игорь Николаевич. Три года уже как выпустились, а всё нянчусь, – Жданов рассмеялся весело, заразно. Птенцы подхватили, а Каспер непроизвольно заулыбался.

– Вольно, парни. Я, начальник экспедиции, Кочет Игорь Николаевич. Все инструктажи получите после обеда, когда сбросите броню и отдохнёте с дороги, заодно за столом по-

знакомимся. А пока занимайте свободные отсеки. Броню в ангар. Карта базы уже на персоналках.

Игорь пропустил десант внутрь, задержав только Вячеслава, дождавшись, когда в приёмнике никого больше не осталось, нахмурился и спросил:

– Какого лешего людей везли в броне? Кто догадался их так? Как машины? Вы же едва на ногах стоите?! – его голос постепенно становился громче, появились металлические ноты.

– Это корпоративный транспорт. Они теперь на всём экономят, – Слава дал команду броне открыться и слегка пошатнувшись выбрался наружу. Запахло потом.

– Пятьдесят часов стоя... Но есть ещё плохие новости, – лейтенант виновато развёл руками, – Корпорация Нью Эдем, которая открыла планету, послала к нам своих наблюдателей – будут через пару часов.

– Зачем? Они же бросили Надонию.

– Хотят убедиться, что выгоды тут действительно нет, но по бумагам оказывают нам помощь в исследовании.

Игорь потёр подбородок и пошёл вслед за бронёй Вячеслава, шумно шагающей в сторону ангара на автопилоте.

– Им же не было дела до этой планеты, как Пиратская разразилась. Зачем тратиться на слежку за нами?

Лейтенант, морщась, ковылял следом, стараясь не отставать.

– Видимо подозревают, что есть в этом смысл, раз ТЫ

здесь.

– Я здесь только потому, что это наш сектор. Через неделю закроем базу и свалим отсюда подальше. Ископаемых – кот наплакал. Жить невозможно – флора-фауна для любого нездешнего смертельна. Терраформинг проводить слишком дорого – окупится через сотни лет работы. Есть другие миры.

– Игорь, – Слава ухмыльнулся, – мне не чеши.

Игорь вздохнул и принялся разглядывать руки.

– Здесь есть следы аборигенов. Их самих никто не видел. Единственная, кроме нас разумная форма во всей обозримой вселенной. Тут всё секретно, аж дышать страшно.

– А нельзя их в покое оставить? – Вячеслав остановился у двери в жилой отсек.

– Мы это и хотим. Но желаем убедиться, что это не аукнется Земле и колониям лет через тысячу или две.

– Не понимаю. На Земле сейчас творится чёрт знает что. После Пиратской войны все только и говорят об объединении. Европа с Америкой уже создали единое правительство...

– Да знаю я! – перебил Игорь. К этому уже со времён первых колоний всё шло. Лет на восемьсот уже опоздали. Иди уже переодевайся!

Каспер накрывал на стол. Он чувствовал себя униженным. Прислуживать не входило в его обязанности. То, что Игорь готовил завтрак им двоим сегодня утром, техник не прини-

мал в расчёт. Десантники его пугали. А главное, он читал новости. Объединение всех государств Земли уже шло полным ходом. Каспер был бы счастлив, если бы центром будущего монолита цивилизации стал АВС (Атлантический Военный Союз, прим. авт.). Но с Родины приходили сообщения, что первым президентом Земли скорее всего станет Герман Штайн, немец по происхождению, гражданин России. Его часто называли надеждой цивилизованного мира. А он не спорил и всячески поддерживал образ открытого для идей демократии человека. Друзья Каспера каждый раз, выходя на связь, делились с ним оптимистичными прогнозами. Но ему лично казалось, что если дать волю этим варварам, то они спокойно и не торопясь заменят все цивилизованные законы своими представлениями о чести и долге, а самое страшное – снова начнут строить идеальное общество.

В пищевом блоке впервые за несколько недель собралось больше двух человек. Они сидели за столом и радостно, оживлённо болтали.

– Слав, ты новости привёз? – Игорь перемешивал овощи в тарелке, но ещё не притронулся к еде.

– Да какие новости? Всё тоже самое, что в телевизоре. Штайн наверняка станет первым президентом человечества. И я за это не боюсь. – Вячеслав сделал паузу, чтобы прожевать. – Пиратская война подняла его, как огромная волна. Россия из ЧВК (частная военная компания, прим. авт.), которую корпы швыряли в самое пекло любого своего кон-

фликта, внезапно обрела свои планеты... Теперь мир будет надолго, – Жданов сказал это с нажимом и какой-то фанатичной надеждой, – Может быть навсегда.

Игорь долго смотрел на Вячеслава, а потом помотал головой:

–Сдаётся, что ещё рано так говорить. Мы хоть и вышли в настоящий космос, но ещё не стали по-настоящему разумными.

Каспер промолчал, нахмурился и немного разозлился – слова о неразумности он принял на свой счёт.

Население целой планеты закончило ужин, и все разбрелись по своим комнатам – десантники нуждались в отдыхе, а Игорь снова засел за отчёты и обобщение собранных автоматикой данных. Наступила местная ночь. В это время Каспер любил сидеть у края посадочной площадки, пить кофе и смотреть на звёзды. Отсюда не было видно Солнца – родной звезды техника, по которой он сильно скучал. В этот день его одиночество нарушил Жданов.

– Здорово ещё раз, – широкая улыбка, блеск отражённых огоньков приборов в глазах, протянутая рука, всё это пугало. Каспер этого не знал, но ещё очень давно был описан эффект "зловещей долины", которым можно было бы объяснить его страх и животный расизм. Вячеслав знал. В академии готовили специалистов, способных взять ответственность, а не просто операторов машин.

–Здравствуйте, – Каспер сразу поднялся и хотел уйти.

– Прости, что нарушил уединение, – Вячеслав говорил тоном извинений, – Я сейчас уйду. Это важно – побыть в своём любимом месте.

Десантник кивнул и громко топая тяжёлыми ботинками удалился. Судя по звукам на другую площадку, давно законсервированную, с худшим видом на бескрайнее болото, закрытое панцирем леса – оттуда не видно гор.

Завтра эти люди должны будут спуститься вниз, в адский мир хищных тварей, непроходимых топей и патогенной микрофлоры, которая за несколько суток прорастала в дыхательных путях и мучительно убивала, заставляя кашлять кровавыми сгустками. Каспер не видел на лицах десантников страха или недовольства и от этого ещё сильнее боялся их.

Техник докурил сигарету и бросил вниз в надежде, что попадёт какой-нибудь жуткой живности на голову.

1.6. Спуск

Платформа гудела – щиты готовились выпустить наружу десант, работали насосы шлюзового коридора. Уже давно воздух в приёмниках транспортных судов в космосе и агрессивных атмосферах удерживался прозрачным стазис-полем и не было никаких видимых коридоров, но названия зон остались прежними.

Каспер злорадно лыбился – ему не придётся спускаться вниз в кишашую биомассой топь. Он будет сидеть тут в безопасности и ждать окончания своего контракта.

Транспорт с корпоративными наблюдающими прилетел только утром. Что-то задержало аудитора и цепных собак, принадлежащих официальным хозяевам планеты. Каспер впервые за долгое время услышал родную речь и был готов расцеловать и ревизора, и его телохранителей. Прибывшие держались отстранённо и холодно, игнорировали техника с его расспросами о новостях из метрополии. Эван Криг, специальный наблюдающий, выдал небольшой конверт, сухо сказал:

– Это вам, господин Коген.

Касперу не терпелось посмотреть, что внутри, но он оттягивал время в ожидании приятнейшего сюрприза, вроде досрочного увольнения на пенсию, дополнительной премии или чего-то вроде. В его личном деле не было ничего, кро-

ме благодарностей от корпорации, и он считал себя ценным сотрудником.

Десант выстроился на линии, где их экзоскелеты состыкуются с транспортной рамой беспилотного спускового грузовика. Ревизор и телохранители расположились в своих навороченных скафандрах в небольшом флаере и ждали, когда десант доложит обстановку и подтвердит безопасность.

Каспер почти заснул, но кто-то обратился к нему через коммуникатор – вибрация браслета выдернула из дремоты.

– Господин Коген, – раздался холодный голос, – Подойдите ко мне.

Каспер посмотрел на Крига и вздрогнул от неприятного холодка – лицо менеджера выражало тот самый интерес, который бывает у трудных подростков, когда они наблюдают за своей будущей жертвой.

– Вы читали письмо? – спросил Эван и замолк, сжав губы в подобие неуловимой улыбки.

Техник тут же вскрыл конверт, пробежал сообщение, не поверил себе и перечитал внимательнее. Он беспомощно поднял глаза и выронил бумагу.

– Я же... – только и смог выговорить Каспер.

– Не нужно так всё драматизировать, – менеджер говорил менторским тоном, делал долгие паузы, – Вас всего лишь прикрепляют к этой базе и передают с имуществом компании, которая будет заниматься эвакуацией.

– Я не имущество... – Каспер хотел ударить по ухоженно-

му лицу, вытащить Эвана из флаера и избить до смерти, но одного взгляда на телохранителей было достаточно, чтобы понять тщетность этой идеи.

– Мы не называем вас имуществом, – развёл руками менеджер, – Поймите, корпорация в этой ситуации вынуждена экономить и выслать за вами отдельный корабль не может. Вас эвакуирует транспорт федерации вместе с генерал-инженером. Теперь вы фактически гражданин их государства.

В наступившей тишине Каспер стоял, не двигаясь, и совершенно не понимал, что теперь будет делать.

– Я вижу, вы в замешательстве, – продолжил Криг, – Есть один вариант... Наша цель здесь достаточно важна для корпорации, и вы можете резко поднять свою ценность, если согласитесь на героический подвиг ради своих убеждений.

Каспер уже чувствовал во рту горечь предательства, техник понимал, что его попытаются использовать, как самую дешёвую фигуру, но спросил:

– Что вы от меня хотите?

– Не я... И даже не Новый Эдем... Каспер, это касается цивилизации вообще. Вы же понимаете, что, однажды сорвавшись с цепи, зверь будет рвать и подминать под себя всех, до кого дотянется, пока его не остановит ещё более страшное чудовище, – менеджер смотрел прямо в глаза, говорил тихо, словно доверял другу тайну. Каспер знал про аугментации, позволяющие через мимику влиять на собеседника. Ему стало страшно, что сейчас в самую сердцеви-

ну личности будет впрыснута идея или команда, а сопротивляться этому не будет никакой возможности.

– Мир на пороге всеобщего выбора пути, – продолжал Криг, – Сегодня мы отправляемся вниз, где посреди болот ожидаем найти братьев по разуму. Возможно, это будет очень отсталая цивилизация, но есть основания полагать, что они опережают нас в некоторых аспектах развития. Их технологии для нас похожи на магию. Представьте, насколько сместится равновесие между федерацией и альянсом, если эти технологии получит та или иная сторона? Мы можем остаться на вершине экономической пирамиды или навсегда исчезнуть. Выбирайте, господин Коген, вы хотите остаться собой или стать гражданином ИХ страны, – менеджер кивнул в сторону десантников.

– Что нужно делать? – почти против воли спросил Каспер.

– Использовать случай, когда он представится. Сделать всё возможное, чтобы из болот с трофеями вернулись мы, а не они, – Криг снова отвечал сухо, утрачивая интерес к технику.

Наконец транспорт подхватил экзоскелеты русских и нырнул в слой тумана. Солнце уже поднялось высоко и своим теплом только усиливало испарение. Через час поступил сигнал, подтверждающий безопасность спуска для команды ре-визора.

Каспер вернулся в свою комнату, не дожидаясь, когда в воздух поднимутся Эван Криг со своими наёмниками –

автоматика прекрасно справлялась со взлётами и требовала присутствия человека только для приземления летающих машин. Техник пытался понять, что именно от него ждёт ревизор, но смог придумать только один способ навредить десантникам – выключить систему позиционирования. Тогда будет сложнее отыскать обратный путь, но войны СЗи-Ка могут ориентироваться сами... Внезапно Каспер подумал, что сможет внести неправильные значения в навигационные данные, и тогда десантники действительно могут сойти с маршрута и пропасть. Достаточно, чтобы у них просто закончилась энергия. Техник зажмурился – ему так сильно хотелось вернуться домой, к родному и привычному миру, что челюсти непроизвольно сжались с такой силой, что заломило в затылке. Скафандры наёмников имели собственные навигационные базы, они должны будут понять и сориентироваться в обстановке.

– Каспер, можешь подойти в столовую? – голос Игоря в наушнике показался отвратительнее, чем обычно, особенно бесил акцент – в личных беседах приходилось говорить на русском, а по сети английский был де-факто стандартом.

– Да, босс, – ответил техник и зашагал на зов начальника.

В столовой пахло чем-то необычным. Каспер увидел разложенные на столе продукты, а рядом стоял, подбоченившись, инженер-генерал и улыбался.

– Смотри, что эти сорванцы протащили! – Кочет указал на стол, – Тут всё домашнее, натуральное, как травка на ро-

дине... На Родине понимаешь? Каспер, тут на три дня всем нам от пуза жракать! Я просто не мог удержаться и позвал тебя, чтобы ты всё это попробовал! Парень, такого у тебя дома не делают. Ну! Садись! Ещё неизвестно, чем эта экспедиция кончится, может тебя сразу упакуют и домой отправят, и с нами посидеть не успеешь.

Глаза Каспера намокли от злости.

– Вы издеваетесь? Или хотите меня завербовать вот так? За еду?! – ноздри техника затрепетали, а тонкие музыкальные пальцы, вцепившиеся в столешницу, хрустнули суставами.

– Дурачок! – Игорь сощурился, отчего стал похож на мультяшку, и рассмеялся, – Я даю слово, что больше никогда не буду тебе приказывать и не попрошу ничего, что может навредить твоей корпорации или драгоценному альянсу, – он говорил это из стойки смиренно, а правую ладонь прижимал к сердцу.

Эта сцена ещё больше вывела Каспера из себя: в голове не укладывалось, что из-за такой чепухи военный генерал будет давать клятву по всей форме.

– Как хочешь... – уже тихо без пафоса пробормотал Кочет, – Если передумаешь... Только не переедай. С непривычки тяжело может быть.

Генерал вышел из столовой, а Каспер несколько минут смотрел на тарелки с деликатесами, а потом решил и быстро направился в серверную. Там техник включил консоль

управления и вручную изменил настройки, а после запустил вирус-блокировщик, который не даст никому исправить ситуацию. Теперь нужно было успокоиться, прийти в себя и не вызывать подозрений.

Каспер забрался в свою душевую кабинку и долго стоял, запустив на вечном цикле программу греющего массажа. Наконец сердце успокоилось, мышцы расслабились, дыхание выровнялось. "Плохой из меня шпион-диверсант," – подумал техник. Он переоделся и выглянул из своей комнаты. На базе было тихо. Каспер снова вернулся в столовую, воровато осмотрелся, потянул носом манящие запахи, попробовал с нескольких тарелок. Всё было очень вкусным, необычным.

– Ты глупый ребёнок... – Игорь стоял в дверях и улыбался. Он произнёс это тихо, чтобы Каспер не услышал и не испугался, а потом осторожно ушёл по коридору, спустился в серверную и деактивировал самодельный вирус.

– Жданов, ответь, – позвал генерал по планетарной связи.

– Слушаю, – тут же отозвался молодой десантник.

– Тут, как я и говорил, события происходят. Имперцы рядом?

– Ещё нет, но близко. Уже сигнатуры детектируются.

– Начинайте операцию "Потеряшки". Удачи.

– Принял.

– Отбой.

Генерал подумал, что стоило бы просто пристрелить наёмников вместе с менеджером, сбросить с площадки в

джунгли и просто оставить Надонию в покое. "Вот только совесть замучает..." – пробормотал себе под нос Кочет, возвращаясь в свою любимую часть базы – библиотеку.

– Вот кто мне скажет, почему нельзя было до места на транспорте добраться? – спросил Посол.

– Мы не знаем, где это место, – ответил Медведь, – Только примерно. С воздуха это не разглядеть, придётся топтать ножками. Будь планетка перспективной, то патрульно-поисковый транспорт под неё бы разработали, а так...

Флаер со знаками корпорации спустился сквозь небольшой колодец между кронами деревьев. Первыми вышли наёмники, за ними Криг.

– У вас с навигацией всё нормально? – спросил Вячеслав. Пауза Эвана оказалась чуть дольше необходимого.

– Да, нормально. А что?

– Был сбой. Вас мы видим, а база, словно сместилась далеко на запад.

– Это мелочи. наших навигаторов будет достаточно. Выдвигаемся?

Вячеслав махнул рукой своим товарищам и зашагал прочь с поляны. Группе предстояло двигаться по спирали от центра, чтобы найти следы пребывания разумной жизни, которую совсем недавно засёк низкий спутник: несколько тепловых пятен от костров, или ещё чего-то горячего, расположенные ровным кругом. Жданов получил эти сведения от Ко-

чета сразу, как наступил в своей броне в чавкающую жижу. Круг костров там, где не может быть человека, вызвал любопытство в самых верхах Российского руководства, и несмотря на аккуратность и секретность, аналитики Нового Эдема, что-то пронюхали.

– А вы знаете, что мы ищем? – спросил Вячеслав у Эвана.

Лицо ревизора было скрыто шлемом, но чувствовалось, что его раздражает говорить на русском. Он считал себя выше рангом, чем этот молодой инженер-капитан, но корпоративная иерархия мало значила во время экспедиций с участием военных из Совета Земли.

– Мы ищем аномалии в указанной зоне. Возможно, выход на поверхность неизвестного минерала или особо ценного ископаемого. Может быть, мы ничего не найдём, – Криг отвернулся, давая понять, что больше не хочет разговаривать.

Группа растянулась в небольшую цепь и двигалась строго по линиям на навигаторах. Наёмники установили связь с персоналками десанта и передавали данные, которые были "потеряны" из-за "сбоя".

Болотный лес казался выматывающе однообразным. Огромные стволы поднимались из мягкой водянистой почвы. Повсюду блестели озерца со стоячей водой. Всё покрывали аналоги мхов в несколько слоёв. Испарения клубились, поднимались к кронам и выше, свивались в причудливые узоры. Изредка микрофоны фиксировали крики местной фауны.

– Товарищ, Жданов? – спросил экзобиолог.

– Слушаю, Никит.

– Я тут интересную особенность обнаружил.

– Говори, если по делу.

– Я заметил, что у наёмников выпускные клапаны для отработанного воздуха на скафандрах чистые.

– Микрофлора не липнет к ним? Почему?

– Они курильщики. На базе они дымили сигаретами. Во флаере своём тоже. Чтобы дать точный ответ нужны исследования. Но это первое, что мне пришло в голову.

Жданов поскрёб пальцем свой шлем вокруг клапана и на перчатке увидел зеленоватую флуоресцирующую массу. Это небольшое открытие показалась ему забавным.

Заканчивался третий круг спирали, когда на дисплее появились точки, обозначающие крупных животных. Никита хотел крикнуть на общей волне, но Жданов остановил его.

– Тихо ты! Не порть легенду!

– Так там хищник спугнул целое стадо! Нужно приготовиться!

– Мы приготовились. Они тоже видят эти точки и готовятся. Нас-то не предупреждают.

Никита посмотрел на дисплей, на котором появлялись данные телеметрии, посланные наёмниками – никаких сигнатур животных не было. Десантники, стараясь не вызывать подозрений, собрались как можно ближе друг к другу. Очень скоро слышался шум ломаемых ветвей и трубный вой жи-

вотных в стаде. Это были местные травоядные – четырёхногие крупные звери размером с лося, с бугристыми костяными наростами на голове. Люди разместились позади деревьев и переждали поток, состоящий из полутора тысяч голов.

– Всем приготовиться! – закричал Жданов на общей волне, – Твари бежали очень быстро, возможно спасаются от хищников!

Один из наёмников внезапно отлетел тряпичной куклой и упал в грязь. Наступила тишина, сквозь которую слышался быстро стихающий гул удаляющихся травоядных.

– Сгруппироваться! Десант, в круг! – отдал приказ Вячеслав. Криг что-то кричал на закрытой частоте и размахивал руками.

Хищника ещё никто не видел.

– Держаться дальше от деревьев! – добавил Никита. Он за несколько мгновений понял откуда исходит угроза.

Жданов поднял голову вверх и увидел несколько десятков крупных теней, прыгающих по веткам.

– Десант, ко мне! – наконец Эван Криг закончил с секретностью и снизошёл до русской группы.

– Заткнись и ляг в грязь, если хочешь жить, – Жданов не церемонился, для него выживаемость вверенного личного состава была важнее вежливости.

– Вы засекли его? – не унимался Криг.

Олег Старцев – огромный верзила – заметил хищника и прицелился в голову. Командир подтвердил разрешение ве-

сти огонь по обстановке, и сам выбрал несколько целей на высоте в десяток метров.

– Ник, – спросил Жданов, – Это описанный вид? Куда их бить?

– Нет. В голову. В глаза.

Твари не спешили нападать, словно изучали новую дичь. Целиться в их огромные глаза было легко, и Вячеслав решил, что отобьются без новых потерь. Пауза затягивалась, стоять на месте и ждать или атаковать самим?

– Слав, они группируются, – Никита передал изображение множества движущихся хищников, отмеченных на карте красными кружочками, – Анализ поведения подтверждает, что они нападут.

– Надо их проредить, – ответил Жданов, – Огонь!

С десяток животных упало в жижу. Остальные исчезли из вида.

– Движемся к Кригу!

Десант направился, сохраняя порядок, к группе ревизора. Эван злобно смотрел через заляпанное стекло шлема. Наёмники бодрились и топтались над своим боссом. Их осталось двое.

– Нужно вернуться к транспорту и потом на базу.

Криг молча кивнул.

– Держимся вместе! – Вячеслав обращался к корпоративным военным, – Вы защищаете Крига, мы идём вперёд и штурмуем путь. Ваша задача не отставать! Передайте мне

полный доступ к своей телеметрии.

Наёмник замешкался, но начальник грубо ткнул в плечо кулаком:

– Выполняй!

До машин по прямой было чуть больше десяти километров. Экзоскелеты десантников не слишком подходили для бега по засасывающей грязи, но одним броском это расстояние можно было преодолеть за час – полтора. Скафандры остальных были легче и меньше тонули. Вячеслав прикидывал в уме эти несложные расчёты и очень надеялся, что хищники испугались и отступили.

Туман теперь стал гуще, и группа едва не ударилась на полном ходу в борт лёгкого корпоративного флаера.

– Да! – взревел Олег, подтверждая своё прозвище – Медведь, – Выкусите! – десантник потряс штурмовой винтовкой.

– Десант! Грузиться и на базу! – скомандовал Жданов.

– Командир? – хором переспросили все трое.

Жданов указал рукой на вспоротое брюхо флаера:

– Я почию, тут не долго. Исполнять приказ!

Пётр, Олег и Никита слаженно погрузились на раму. Загудели дюзы и десантный модуль взмыл вверх.

Жданов даже не посмотрел вслед, продолжая ковыряться в повреждённых схемах. Людям очень повезло, что была повреждена только часть электроники, а все силовые системы, двигатели и управляющие механизмы остались нетронутыми. Вячеслав уже знал, как провести ремонт, когда один

из наёмников взвизгнул и замотал ногами в воздухе. Длинные когти с огромной скоростью рвали прочную ткань и плоть. Инженер-капитан вскинул оружие, но его опередил последний оставшийся наёмник. Голова твари развалилась от нескольких попаданий.

– Прикройте меня! Осталось чуть-чуть! – попросил Жданов и продолжил работу.

Эван поднял винтовку погибшего и встал, широко расставив ноги. Он очень хотел жить и несколько минут назад был готов зубами держаться за раму десантного модуля, если бы счёл это возможным. Но невозможно провисеть почти час на машине, управляемой автоматикой, рассчитанной на перевозку экзоброни.

– Готово! – Жданов повернулся только чтобы успеть заметить, как полыхнул огонь. Первым начал стрелять Криг, но наёмник тут же поддержал, они точно знали куда нанести удар, выпустили по обойме. Вячеслав не догадывался, что руководство Нового Эдема отдало приказ ликвидировать всех на Надонии независимо от успеха экспедиции. Сейчас у Эвана не было времени раскурочивать броню, чтобы добить инженер-капитана. Однако повреждений было достаточно, чтобы обездвижить и обречь на верную гибель.

Наёмник получил свою пулю прямо в затылок, когда попытался войти в люк флаера. Эван рванулся к спасительной двери, но не успел. Самая нетерпеливая тварь прыгнула на него и повалила. Жданов слышал, как продолжал виз-

жать ревизор, пока хищник ел его плоть с громким чавканьем. Потом инженер-капитан потерял сознание – одна из пуль пробила локтевое сочленение брони, и теперь остатки автоматики отключили бойца, чтобы оказать необходимую помощь и остановить кровь.

1.7. Второе рождение

Надония. Болота. Несколько часов после гибели экспедиции.

Я открыл глаза. Сквозь стекло шлема виднелась гнусная рожа твари, которая пыталась вскрыть мою броню своими когтями. Противный скрежет и урчание отчётливо передавались аудиосистемой и звучали внутри ноющей головы. Я скосил взгляд на монитор состояния экзоскелета: энергии реактора хватит на сутки, если лежать неподвижно, или на десяток минут активных действий. Большую часть резерва система истратила на лечение и успешную подачу аварийного сигнала. Комплекс для наземного поиска и эвакуации уже ответил с орбиты и снижался, чтобы забрать парней и двинуться сюда. Моя команда выступит через час, а здесь они окажутся через три.

Монстр поддел пластину в том месте, куда попали бронебойные пули Крига, и я понял, что, бездействуя, могу не дожидаться помощи. Сканирование показало – стая плотоядных движется за стадом и быстро удаляется. Единственный хищник поблизости, отставший от своих, упорно ковырял мой экзоскелет. Я перепроверил данные позиционирования – до базы было около сорока километров. В нынешнем состоянии это расстояние было вполне преодолимо до наступления темноты.

Тварь замерла, уставившись огромными глазами мне в лицо. Скошенный хищный лоб покрыли морщины. Шерсти не было, и тёмно-серая голая кожа блестела от тонкой плёнки слизи. Я ответил на взгляд, и всё замерло, словно запись поставили на паузу. Гляделки между людьми, да между любими млекопитающими Земли, сопровождались борьбой, статичность при этом была обманчива и в любой момент разрешалась примирением или дракой. На этот раз не было ощущения противостояния – не за что было уцепиться моим эмоциям, мимика морды никак не читалась. Большие глаза с яркими светло-жёлтыми белками не двигались. Дыхательные каналы не образовывали носа и располагались на темени, и эта пустота на морде между пастью и глазами ещё больше сбивала с толку. Ноздри хищника пульсировали с высокой частотой, обозначая вдохи и выдохи, при этом обрамляющие их ворсинки двигались подобно щупальцам полипов. Я запустил форсированную подачу энергии и ударил животное в голову металлическим пальцем. Шлем забрызгало содержимым черепа, и включилась система очистки, размазывая яркие красные полосы перед глазами. Существо несколько раз дёрнулось и замерло.

В сознании снова появились мысли о бессмысленных жертвах. Стоило наёмникам действовать с нами заодно, то атаку хищников легко отбили бы без потерь. Если бы Эван Криг не стрелял в меня, то остался жив. Он был глуп, потому что эгоистичен, или эгоистичен, потому что глуп? Я ждал

предательства от "корпов", но после экспедиции – считал их умнее.

Ещё раз проверив сканерами отсутствие крупных животных поблизости, я решил выбираться наружу из брони, которая уже скоро не сможет передвигаться. Экзоскелет закончил подготовку и запустил процедуру аварийного выхода: отстегнулся ранец с реактором, откинулся спинной люк, раскрылись элементы ног, броня комично вытянула руки вперёд, словно мультяшный лунатик, и застыла. Я сделал пару шагов назад и почувствовал всей кожей через мягкий комбинезон тёплый и влажный ветерок, вдохнул. Запах очень свежий, приятный был похож на смесь фруктов, политых алкоголем. Обманчивое ощущение – через час лёгкие будут уже необратимо повреждены местными микробами. Вот только я знал, что есть шанс выжить, если найду сигареты, и я знал, что наёмники включили в контракт пункт "с дымком". Это был "понт" очень модный в последнее время.

Поиск внутри флаера не дал результатов, и я рассмеялся, стоя по колено в болотной жиже. Случилась лёгкая истерика. Было очень обидно так сгруппироваться и вылезти из скафандра – ведь можно было убить хищника и снова снизить энергопотребление, а потом ждать спасателей в надежде, что больше никто не захочет полакомиться инопланетной "консервой". Главное, что повреждённый сегмент был мгновенно изолирован, дезинфицирован и снова загерметизирован.

Я хотел попробовать поджечь местный аналог мха и по-

дышать дымом, но на глаза попало тело наёмника. Спереди у нижнего края обзорного стекла находился неприметный прибор. Снова над топью раздался человеческий смех, только на этот раз радостный, победный. Корпоративные скафандры снабжались любыми расширениями, и подача табачного дыма через трубочку была не самой извращённой прихотью. Я открыл шлем и извлёк устройство, которое было легко запитать от любых стандартных аккумуляторов.

Мне не часто встречались заложники этой вредной привычки, но запах был знаком и раздражал. Первая затяжка вызвала долгий кашель и головокружение. Вторая едва не закончилась рвотой. Ничего... Мой организм достаточно крепкий, чтобы курить – один день точно выдержу.

Починить флаер теперь было невозможно, а его пластиковый корпус не мог обеспечить хоть какую-то защиту от хищников. Я решил, что оставаться на месте бессмысленно и, пристегнув к поясу снятый с брони аварийный маяк, двинулся в сторону базы.

Плоть планеты чавкала под ногами. В груди жгло, а кашель рвал лёгкие. Я не знал, как часто нужно курить, чтобы исключить заражение, поэтому использовал прибор из скафандра наёмника каждые десять минут. Наблюдение Никиты спасло мне жизнь – прошло уже более получаса, а лёгкие всё ещё работали.

– Жданов! Вызывает Кочет! – завопила рация, спугнув местный аналог мелких птиц, – Жданов!

– На связи! – говорить было тяжело, и голова сильно кружилась, – Я двигаюсь в сторону базы! На мне включенный маяк! Иду пешком без брони! Никита открыл способ тут дышать! Парни вернулись нормально?

– Жданов! Слышимость скверная! За тобой скоро вылетит группа! Ориентируемся по твоему маяку! Держитесь! Криг жив?

Начались сильные помехи и сигнал пропал. Что-то на планете искажало радиосвязь, но аварийный маяк должен был помочь. Эти машинки делали для космоса и самых жутких условий.

Большое расстояние между стволами и почти полное отсутствие подлеска давали отличную видимость. Я не сомневался, что в одиночку справлюсь с большинством опасностей и хоть не мог расслабиться, но мысли уже разбежались вширь, а концентрация немного снизилась. С помощью личного навигатора прокладка пути оказалась простой и требовала лишь изредка сверяться, включая "монитор". Изображение формировалось имплантом и передавалось непосредственно в затылочную часть коры мозга.

"Сюда бы биологов", – подумал я. Жизнь Надонии породила множество сложных форм. На роль предков разумных очень хорошо подходили стадные хищники – я решил называть их когтистыми горлумами. У них было развитое групповое поведение, передние конечности с четырьмя гибкими пальцами, способными хватать объекты, довольно крупный

мозг. Человечество не впервые сталкивалось с такими видами, которым, казалось, остаётся пройти пару шагов до появления сознания, но никто не смог найти причину почему эти шаги пройдены только на Земле, а мы остаёмся в одиночестве.

Снова пискнул таймер. Я прислонился к ближайшему стволу и сделал затяжку. Голова закружилась сильнее и пришлось зажмуриться, чтобы не видеть дым, который мельтешил перед глазами, усиливая желание опустошить желудок. Отпустило. Я быстро огляделся по сторонам, не забывая про кроны в вышине. Никого крупнее кошки на глаза не попало, и ноги успели сделать несколько шагов, когда вдалеке между деревьев что-то мелькнуло... Вроде бы человек в просторной рубаше до колен... Сама вероятность подобного казалась невозможной. В мозгу заметалась мысль, что атмосфера всё-таки подействовала на меня и отравление привело к галлюцинациям. Силуэт не появился снова, но организм взбодрился. За спиной раздался лёгкий шорох. Я обернулся, но никого не увидел, однако метрах в десяти поверх моих следов в грязи были отчётливо видны другие: широкие, в форме листьев кувшинок, но с хорошо заметными когтями. Такой след мог оставить горлум. На сканере всё было чисто, но откуда знать машине, какие способы маскировки может использовать инопланетное животное?

Пистолет привычно лёг в ладонь. Я превратился в слух. Снова шорох за спиной. Резкий разворот. Тварь уже в прыж-

ке, широко раззявив пасть и раскинув руки для смертельного объятия. Три вспышки выстрелов, от которых горлум дёрнулся, его грациозный прыжок превратился в неуправляемое падение. Ловкость и скорость, развитые в тренировках, позволили мне отскочить в сторону и избежать когтей. Хищник погрузился в болото и захрипел. Жидкая грязь попала ему в дыхательную систему, и шипение стало похожим на шкворчание. Жизнь быстро покинула это существо. Добивать не потребовалось.

Захотелось присесть у основания ствола дерева и отдышаться. Снова запищал будильник, напоминая, что пора курить. Я затянулся. Интересное совпадение получалось: галлюцинация словно предупреждала об опасности. Преподаватели многократно твердили об ущербности магического мышления, но сейчас рациональность утратила хватку, а главное, что мне очень хотелось бы увидеть разумное существо – это была мечта всей жизни и причина, по которой я учился на инженера и рвался в десант.

Перекур закончился и снова захлюпала топь. До базы осталось три четверти пути. Наверное, уже скоро меня найдёт группа. На краю поля зрения мелькнуло что-то. Я посмотрел туда через виртуальный дисплей дополненной реальности, и сердце бешено забилося. Сканер показывал несколько сигнатур человеческих фигур за стволом ближайшего дерева. Хотелось побежать к ним и радостно закричать, но нельзя. Я пристегнул оружие к бедру, поднял руки с рас-

крытыми ладонями и медленно пошёл вперёд, при этом ровным, но громким и уверенным голосом повторяя: "Я человек. Вячеслав Жданов. Я не враг." Инопланетяне не поймут значения слов, можно говорить что угодно, но эта "мантра контактника" успокаивала меня. Неожиданно все сигналы исчезли, словно при сбое сканера. Я быстро зашёл за ствол гиганта, в надежде обнаружить следы, но меня ждала непо тревоженная гладь. Все показания приборов записывались и при перемотке видеоряда можно было снова и снова увидеть фигуры. Я не мог объяснить, как можно засветиться на сканере и не оставить следов на полужидкой грязи. Стало немного жутковато. Преследовать аборигенов не было никакой возможности – я попросту не знал, куда они подевались – и было решено двигаться дальше.

– Жданов! Ответь! – снова ожила рация голосом Игоря.

– Жданов на связи...

– Вы держитесь! Мы на транспорте движемся к вам по болоту! Как обстановка?

– Я один. Остальные все мертвы. Хищники отстали. Иду к базе.

– Мы видим твоё движение. Через двадцать минут подберём. Конец связи.

Теперь можно было остановиться и ждать спасателей, ребята уже близко. Так здорово слышать голос друзей, когда остаёшься один на один с чужой планетой! Я присел на выступающий корень и облокотился спиной на основание ство-

ла. По болоту можно было нормально ходить именно благодаря корням. Исполины переплетались кронами в вышине и сливались в единую систему внизу. Получалась конструкция вроде пружинного матраца, на которой распределялись остальные виды. Порой встречались молодые растения. Они выглядели подобно иглам, стремящимся максимально быстро набрать высоту и сцепиться с братьями. Времени подробно изучать особенности экосистем у меня не было, но я хорошо запомнил большую схему, где лес Надонии был показан в разрезе.

Снова будильник оповестил, напоминая покурить. Я достал прибор, и внутри похолодело. На маленьком дисплее появилась надпись:

Картридж исчерпан. Пользуйтесь только оригинальными картриджами. Осталась последняя доза.

Я убрал испаритель в карман, решив пропустить одну процедуру, а потом и спасатели подспеют. Тонкие редкие лучи солнца перестали казаться красивыми, звуки мелких животных превратились в глумливый смех. Я не боялся смерти, было обидно, глубоко пронимала злость на корпоративных идиотов. Кулаки сжались сами собой. Открылся кашель, от которого на ладони остались капельки крови с вкраплениями зеленоватой слизи. Видимо курение не предотвращало заражение, а только замедляло процесс.

Я задымил. Было в этом что-то ироничное. Последним желанием смертника в далёком прошлом часто становилась

сигарета. Смех закончился новым приступом кашля, таким сильным, что я едва не лишился сознания. На сканерах появились фигуры людей. Я видел сквозь слёзы силуэты, но черт разглядеть не мог. Руки не слушались, а попытка встать на ноги кончилась лицом в грязи. Кто-то крепко взялся за мою одежду, поднял и перевернул. Во рту оказалось какое-то кислое снадобье. Хотелось выплюнуть, но сил уже не осталось. Дышать внезапно стало легче. Тело расслабилось, и я забылся тревожным полусном.

– Вот он! Парни, тащите его быстрее! – кричал Кочет в громкоговоритель.

– Сейчас, командир, потерпи, сейчас тебя починят, – голос Петра глухой, скрипучий, искажённый динамиком скафандра, раздавался совсем рядом, наверное, именно его руки в железной броне несли меня.

– Доедет? – спросил Игорь.

– Конечно! – ответил Никита, – Лёгкие повреждены всего на пятьдесят процентов. За несколько часов залатаем.

Эвакуационный модуль не сильно качался на больших надувных колёсах и быстро двигался между деревьями, почти не нарушая природный ландшафт. В медицинском отсеке, рассчитанном на восемь человек, меня поместили в герметичный блок для дезинфекции, умная машина подключила датчики и трубки для воздуха, поставила капельницу. Что-то ещё происходило, но медикаменты выключили сознание.

Поздно вечером, когда я смог выбраться из кровати, се-

лекторное совещание уже шло полным ходом. По дальней связи говорил сам исполнительный директор Нового Эдема:

– Гибель наших сотрудников повлечёт расследование...

– У нас есть записи всех их действий. Даже разговор Крига с Каспером, моим помощником, – совершенно без эмоций перебил Кочет, – Я уже отправил вам копию. Ещё одна копия уже получена администрацией Штайна. При попытке войти в систему рядом с Надонией любой корпоративный корабль будет без предупреждения уничтожен автоматической орбитальной группировкой.

– Мы подадим на вас... – голос директора сорвался на фальцет.

– Разговор окончен, – Кочет отключил связь, – Пусть Земля с ними разбирается...

– Теперь их национализируют без сохранения нынешнего управляющего персонала, – сказал Пётр, – Давно пора.

– Это не игрушки, – Игорь устало покачал головой, – Сейчас начинать гражданскую войну даже с одной корпорацией будет глупостью, потому что восстанут сразу же все, и снова мясорубка начнётся.

Я заглянул в кают-компанию и слабо помахал рукой.

– Славка! – Игорь даже подпрыгнул, – Когда тебя лежащего без брони нашли, то я чуть щеку себе от обиды не прокусил.

– И ревел, как девчонка. Мешал машину вести, – вставил Олег. Все рассмеялись, но быстро замолчали, когда вошёл

Каспер.

Кочет нахмурился:

– Ты понимаешь, что натворили твои бывшие хозяева?

Каспер стоял с широко распахнутыми глазами и дрожащими губами хотел что-то сказать, но не мог выдать ни звука.

– Они устроили провокацию, они убили наёмников и Крига. Они стреляли в инженер-капитана регулярных войск. Парень, они ведут себя, как загнанные звери! Как безумные загнанные звери! И у них есть оружие для нападения на планеты, – Игорь умолк на минуту и всё это время смотрел в глаза Касперу, пока тот не опустил взгляд, – Запомни, парень, ты не послушал Крига, не нарушал работу навигационной системы. Запомни это накрепко. Пусть это будет твоей первой и последней ложью, гражданин!

Когена затрясло. Он не понимал, почему его не пристрелят прямо сейчас, не сбросят в болото. Голова беспрестанно вертелась из стороны в сторону, а глаза искали на лицах зло-радные усмешки, ненависть, желание мстить.

– Собирайся, – сказал Игорь, хлопая по плечу своего техника, – Нам пора домой... Засиделись мы тут, товарищ Коген.

Я потрепал Каспера за плечо:

– Ты сможешь стать человеком, в тебе есть зачатки стержня, – после этих слов обратился к инженер-генералу, – А как же аборигены?

– Ты что-то конкретное нашёл?

– Ну в записях должно быть!

– Слав, там только вы и хищники. А потом мы тебя нашли.

– Запись сканеров! Я сам её перематывал и видел сигнатуры!

– Твой сканер сломан. Блок данных повреждён необратимо, а на видеозаписи никого нет. Слав, даже если они есть, мы уходим. У нас много работы у себя, а у них, твоих аборигенов, наверняка тоже есть, чем заняться. У нас нет никаких доказательств их существования, кроме твоих слов... Ты сам не уверен, что это не галлюцинации.

Я кивнул, соглашаясь с Игорем. Мои мечты о контакте потерпят. Тем более, что поведение Нового Эдема показывало, что нам действительно есть, чем заняться на своих планетах, прежде чем соваться на чужие.

1.8. Контакт

Третий день после прибытия Жданова на Талим.

Потолок капсулы для сна почти касался моего носа. Шутили, что людей перед стартом двигателей для дальнего космоса заранее укладывают в гробы, потому что никто не уверен в успехе полёта. Я подумал, что такой гарантии нельзя давать даже на прогулку вокруг дома в весенний вечер. Только перед перемещением на "сверхсвете" компьютер выдавал точную вероятность благополучного перемещения. Для гражданских кораблей она должна быть не меньше двадцати миллиардов к одному, а во время боя для военных допускалось прекращать расчёты на тысяче к одному. Чем мощнее становились компьютеры для обработки данных, тем жёстче становились требования. Как бы то ни было, но в девятнадцатом веке, отправляясь на запряжённом лошадьми дилижансе путешествовать между городами, люди не беспокоились, что их шансы на гибель были на много порядков выше, спокойно оставляли дела незавершёнными и не переписывали заветные записки.

Приятная бодрость разливалась по телу. Тёплый пол каюты массировал стопы ворсинками ковра. Мне нравилось такое пробуждение. Космос не был гостеприимным сам по себе.

бе, но люди делали его таким по мере своих сил. Мы – бесконечно малые песчинки – делаем удобнее для себя Вселенную. Я не сомневался, что придёт время, и полёт в любую галактику будет словно поход на кухню за чаем в любимых тапочках.

– Не готов ещё? – спросил Майн, обращаясь по личному коммуникатору.

– Только проснулся. Спешим?

– Высадка через семьдесят минут. Мы вышли на орбиту четыре часа назад... – адмирал удивлённо вскинул брови – сигнал пробуждения для всех подаётся сразу же по прибытию.

– Нужно проверить мою капсулу.

– Я не боюсь поломки, Жданов, – с некоторой злостью произнёс адмирал, – Диверсия куда опаснее.

– Смысл?

– Взломать твои импланты, например. Да просто мне нервы потрепать.

– Я в норме. Мои расширения взломать нельзя – только физически повредить. А за нервную систему "Стального адмирала" я спокоен, – попытался я отшутиться. Кстати, нашли нам табачок?

– Папиросы были на одной из планет поблизости. Лежат в отсеке для личных вещей в твоей броне. Команда ждёт, – Майн отключился, даже не улыбнувшись.

Я переоделся в десантный комбинезон и направился в ан-

гар, где предстояло впервые за последние полвека войти в броню. Мне вспомнилось то незабываемое ощущение мощности. Полтора центнера металла, движимые миниреактором, превращали человека в титана, а благодаря синаптическим контактам воспринимались, словно собственная кожа. Находясь в лифте, я обнаружил, что трясутся кончики пальцев – признак крайнего возбуждения. В строках состояния замелькали данные о том, что импланты собирались использовать подавление излишнего выброса гормонов. Я усмехнулся и заблокировал это вмешательство – очень хотелось побыть собой, настоящим и мясным человеком. Такое поведение сейчас считалось откровенным хулиганством, однако мне был важнее душевный комфорт, чем искусственное равновесие.

Лифт добрался до нужной точки и остановился, а я вышел в гигантский отсек высотой в четыре метра, заполненный сгруппированной по отделениям техникой для высадки: десантные самоходки, экзоскелеты, реактивные аэробайки. Пришлось свериться с навигатором, чтобы определить местоположение выделенного скафандра. Оказалось, что идти недалеко – метров пятьдесят. Тремор исчез сам собой, когда я увидел парней, готовящих снаряжение.

– Вячеслав, мы уж подумали, что ты отказался, – пробасил Олег. Его лицо покрылось потом от напряжения – из-за высокого роста у него был свой личный набор брони, а стандартные механизмы для её сборки не подходили, и Олег

использовал самодельные держатели и подъемники, которые хоть и облегчали процесс, но требовали от оператора больше усилий.

– А кто будет человечество спасать? – я сделал нарочито снобскую гримасу.

– От чего? – Пётр уже вошёл в свою броню и проверял по очереди системы. Его голос, усиленный электроникой, показался мне чрезмерно обезличенным.

– От самих себя, – ответил я, сверяя серийные номера на частях экзоскелета с накладной в персоналке.

– Не скучаешь по своей машине? – спросил Никита, – Олег повсюду за собой одну и ту же таскает.

Я скучал несколько недель после увольнения до первого порученного дела. Потом скучать стало некогда.

– Конечно! – моя ухмылка должна была выдать иронию, – По вам вот совсем не скучал...

– Это заметно, – буркнул Олег, не обратив внимание на мою мимику и интонацию, – Даже сегодня опоздал и пришёл впритык к отправке.

– Меня капсула так разбудила. Майн подозревает саботаж, – от этих слов парни разом повернули ко мне озабоченные серьёзные лица, – Всё со мной нормально.

– Броню перепроверь, – сказал Олег, – А лучше смени.

Я покачал головой и поцокал языком, словно учитель перед детьми. На этом цирк кончился и всё оставшееся время пришлось потратить на проверки и тесты.

– Внимание! Группа Жданова! Аппарат к спуску готов, – динамик громкой связи чеканил слова.

– Готовы? – спросил я.

– Готовее некуда! С румяной корочкой! – хором ответила группа, и мы затопали к разметке.

– Жданов, повтори задачу, – заговорил коммуникатор голосом Майна.

– Высадка в зону обитания омега-структур, сбор данных, попытка войти в контакт. Всё? – ответил я и ждал подтверждения. Мне стало не по себе от долгой паузы – я слышал, как дышал адмирал, несколько раз причмокивал, пытаюсь начать говорить.

– У тебя есть оружие против них... – наконец смог выдать Роберт, – Щит сдерживания и этот излучатель – разработка Нового Эдема, – голос старого воина дрожал, казалось, что он сейчас сорвётся в истерику, – Они знали тогда, что ищут. Криг был не в курсе всех подробностей, но сами директора знали больше нас. Они готовились к противостоянию и создавали средства для уничтожения душ. Я хотел, чтобы ты знал. Они нашли способ убивать... Эта штука работает, как плазменная пушка. Я не могу приказывать, но прошу тебя не использовать её даже, если будет тяжело, – Майн закончил свою речь и не отключался, ожидая моей реакции.

– Оружие только у меня?

– Да.

– Я могу его не брать с собой?

– Нет...

– Я... не использую это против омега-структур.

Десантная рама мягко обняла каждого из нас и приподняла над полом, прижимая металлическими лапами к своему животу, словно мать детей, потом её выстрелило из отсека в космос, и мы начали падать. Атмосфера огнём обволакивала защитный энергетический купол и яростно гудела. Я слышал этот рёв много раз в своей жизни, он успокаивал. Если эта чудовищная сила ничего не может сделать нашим скорлупкам, то и внизу не случится ничего плохого.

На этой планете не было людей больше века и последними были мы. В памяти ожил образ Каспера. Теперь он уже состарился, ушёл на пенсию с исследовательского флота и вернулся на Землю. Я навещал его несколько лет назад. Странно было видеть его седым, лысым, в широкой шляпе, сидящим с удочкой в руках на берегу городского пруда. Не у всех психика выдерживала продление жизни хотя бы в два раза. Каспер выбрал здоровую старость. Роберт Майн уже давно разменял вторую сотню и начал ломаться. Я задумался – а на сколько хватит меня?

Вой огня сменился свистом ветра, открылся завораживающий вид на вечернюю сторону: бескрайние болотные леса, разделённые единственным горным хребтом. На карте отмечилось точкой положение законсервированной базы, а мы спускались на несколько сотен километров западнее. Рас-

крылись дюзы тормозных двигателей, и мои внутренности заныли от перегрузки.

– Командир, проверка связи! – рыкнул Олег.

– Я в... порядке... – говорить было трудно, но нельзя допускать слабину.

Стали различимы кроны деревьев. Импланты транслировали трёхмерное изображение, где выделялась область с мегалитами. Мы садились в километре от этого места – на таком расстоянии беспилотные машины начинали привлекать внимание омег.

– Контакт с поверхностью через тридцать секунд, – начал я проговаривать обязательные команды, – Сразу после отстыковки проверяем опоры рамы и убеждаемся, что транспорт легко поднимется. Крупных хищников поблизости нет. Строимся в линию. Постоянно держать сканеры в активном поле внимания.

– Принято, – хором ответила команда.

Тяга убавилась до минимума, и рама на несколько секунд зависла в сантиметрах от поверхности болота.

Чавкнуло болото, скрывая опоры на двадцать – тридцать сантиметров. Металл коснулся переплетения корней, и посадка завершилась. Тишина. Свет звезды проникал через листву, но было ещё только начало утра, и лучи падали под острым углом, поэтому внизу оставалось сумрачно несмотря на яркое мерцание крон. Я быстро проверил глубину погружения ближайшей "ножки", убедился, что дюзы не коснутся

грязи.

– Опора один в норме, – произнёс я в микрофон.

– Опора два в норме.

– Опора три в норме.

– Опора четыре в норме.

Я ещё раз перепроверил сигналы периферии и махнул рукой:

– Выдвигаемся к мегалитам!

В этой области наступало лето. Лес стремился использовать максимум от увеличившихся потоков тепла и света. Множество растений соревновались за опылителей привлекая их пестрыми цветами. В воздухе носились тучи насекомых, создавая постоянный гул, а за ними в свою очередь гонялись местные летуны с широко открытыми пастьями. Из всех населённых жизнью планет Надония оказалась самой похожей на Землю, если сравнивать биоценозы и химию организмов, и из-за этого самой непригодной для колонизации – тут нас могло убить большинство микробов.

Впереди стала различима граница большой поляны, в центре которой удивительным образом возник холм посреди хляби. Возвышенность имела наверху углубление, где располагались огромные отёсанные монолиты, сложенные на манер Стоунхенджа. Сканеры проецировали трёхмерную картинку на гипертрофированные зрительные области мозга, создавая не дополненную реальность, а ещё один параллельный поток информации.

Постройка была вне прямой видимости – нужно подняться на холм. Я сделал знак рукой. Олег выдвинулся вперёд и начал медленный подъём по спирали против часовой стрелки. Я держался в паре метров позади, а Никита и Пётр замыкали группу.

– Движение на двенадцать! – рыкнул Медведь и присел.

Я пробежал по дуге и поднялся выше, но никого не увидел. На плотно утоптанной площадке высились огромные камни.

– Оpoznал? – спросил я.

– Только движение.

Сканеры внезапно отключились. Экран стал пустым, даже местность перестала отображаться. Чувство крайнего одиночества и потерянности захватило все мысли. Современный шлем не имел прозрачной части, изображение формировалось множеством машинных рецепторов сразу в мозгу. Мы ослепли. Или только я? Радио молчало.

Много лет назад курительное устройство помогло выжить на Надонии. После возвращения не терпелось поскорее избавиться от него, что я и сделал, как только получил личные вещи из карантина. Теперь было сложнее достать и табак, и прибор для его нагрева – медленное самоубийство стало выходить из моды. Посмотрим, что за папиросы такие.

Броня открылась без ошибок. Тёплый влажный воздух, казалось, целиком состоял из испарений, и кожа покрылась капельками. Я осмотрел местность и снова никого не обнару-

жил. Три скафандра оставались запечатанными и неподвижными. Кричать или стучать по ним было бесполезно – если аудиосистемы выключены, то звукоизоляции питание не требовалось. Я открыл "бардачок" – маленький внешний отсек брони и заглянул внутрь. В защитной плёнке из вспененной резины были уложены пять картонных коробочек, обернутых пластиковой плёнкой, и бензиновая зажигалка с гравировкой "M&T", настолько небрежной, словно буквы нанесли обычным гвоздём.

Я снова осмотрелся, но кроме нас на вершине холма никого не было. Содержимое бардачка переключалось в карманы. Каменный круг оставался пустым, как и болота вокруг. Во время обхода в глаза бросилось множество отличий от видеоряда, показанного Майном: теперь строение было больше, сложнее, грани блоков обработаны гораздо тщательнее без сколов и трещин. Письмена разрослись повсюду затаённой вязью.

– Что тебе нужно?

Я резко обернулся. На земле сидел человек в длинной рубахе без пуговиц и смотрел на меня.

– Моя команда? – ответил я вопросом.

– Стоят. Живые. Злятся немного. Выйти без приказа не могут, – мужчина говорил приятным голосом, чуть нараспев.

– Почему вы не хотите с нами контактировать? – я решил придерживаться заранее разработанного плана из списка вопросов.

– Я контактирую прямо сейчас, – большие карие глаза смотрели слегка устало, на лице не возникало признаков раздражения или агрессии.

– Вы заблокировали систему для наблюдения, отключили все дроны на планете...

Человек не дал договорить:

– Мне не нравится, когда за мной постоянно следят, а тебе?

Я обратил внимание на то, что он говорит в единственном числе, только за себя.

– Вся моя жизнь записывается... – я постучал пальцем по лбу в том месте, где снаружи был внешний интерфейс для физического подключения периферии к личным имплантам – маленький треугольник с магнитными контактами.

– Эти записи видишь ты, другим людям они без твоего разрешения недоступны, если только не будет совершено преступление. Даже тогда нужно решение суда... Тебе нужно покурить, – мужчина поднялся на ноги и сделал жест рукой предлагая пройтись, – На ходу легче переносить отравление.

Я достал одну пачку и повертел в руках, поняв принцип, открыл и не без труда выудил бумажную трубочку, набитую сушёным табаком. С зажигалкой разобраться оказалось легче. На этот раз дым был густой, насыщенный и рвал горло. Долгий кашель не давал разогнуться, а мужчина терпеливо ждал.

– Неужели это может нравиться? – я наконец вернул контроль над дыханием.

– Мы все делаем много глупостей, – собеседник развёл руками и смущённо улыбнулся.

– Скажи, а "вы" это кто?

– Не имею понятия, – этот ответ вышиб из меня дух, вызвав ещё один приступ удушающего кашля, – Откуда у людей такая уверенность в нашем всезнании? – спросил мужчина.

Я отдышался и замолчал, задумавшись. В действительности ведь не было ни единого намёка, что смерть открывает хоть какие-то знания.

– Мы отличаемся способом существования, наверное... – контактёр хмыкнул и снова развёл руками, – Мы знаем о себе не больше, чем вы... Или даже меньше.

– Что значат эти камни и надписи? – спросил я.

– Мы изучаем себя и окружающий мир. Повторяем наш с вами общий путь, пока хватает места на камнях. Но уже скоро понадобится пергамент, бумага, компьютеры. Я не видел никогда другого пути развития. Несмотря на разницу в способах существования у нас с вами одно воспитание, – мужчина улыбнулся и положил руку мне на плечо. Его ладонь была тёплой, чувствовалась через нательник.

– Расскажешь, что узнали нового? – робко поинтересовался я.

– Мы меньше зависим от мнения других. Это важно. При этом мы быстрее и качественнее обмениваемся идеями –

легче понимаем друг друга. А этот сборник событий, – человек указал рукой на мегалиты, – Это субъективно, и пока слишком мало для анализа.

– Вы нас боитесь, – ещё один вопрос из заранее заготовленного списка.

– Нет, – просто ответил мужчина и загадочно улыбнулся, – Мы точно знаем, что такое смерть, и никакой создатель не будет судить нас за грехи. Этого достаточно. И передай эти слова Роберту, – последнее человек говорил, глядя на зажигалку, которую я вертел в руках, – Он, очевидно, помнит своего старого друга Тарасову Светлану.

– Мы сможем наладить стабильный контакт?

– Вы нас боитесь, – человек утверждал с небольшим нажимом, – Это логично. Канал будет. Вы можете постоянно жить на базе Надонии, а мы приходите туда и...

– Общаться, – я подсказал слово.

– Да, – согласился мужчина, – Только не нужно за нами постоянно подглядывать. Ладно?

Я несколько раз покивал головой.

– Будем готовить базу для посольства. Броню нам включите или придётся пешком идти?

– Уже включена. До свидания Вячеслав, – мужчина дождался, когда я моргну и исчез. Я почувствовал, как запускаются все расширения. Загудели приводы экзоскелетов.

– Командир? – спросил Посол.

– Всё хорошо, – ответил я, – Сейчас двинемся обратно.

Наша операция прошла успешно.

1.9. Звёздные войны

Рама натужно тащила нас на орбиту.

Возвращение прошло быстро и молча. Поверхность нашей брони несколько раз обожгло плазмой во время прохождения через впускные шлюзы. Когда саботоны коснулись площадки корабля, Никита спросил:

– Мы там вообще были нужны тебе?

– Сегодня мне без вас было бы совсем одиноко. А теперь вы будете нужны там, – я указал рукой вниз, – На планете расконсервируют базу. Будет что-то вроде посольства...

– А если я не захочу? – спросил Олег. Он шёл передо мной и перегородил проход, требуя ответа.

– Зря, это же уникальная возможность! Но, думаю, что заставлять не будут.

Медведь задумчиво опустил голову. Вся команда ознакомилась с записью моего разговора с омегой во время подъема с планеты и теперь обдумывали. Гигант с громким лязгающим звуком опустил свою руку мне на плечо:

– Кто они, если не души?

Я не знал, что сказать.

– Люди скучают по волшебству, а его никогда не было, – произнёс Посол, – Это как массовый психоз, когда все верят, что видят не галлюцинации, а нисхождение духа.

Олег отошёл в сторону, пропуская нас вперёд. Ему очень

хотелось, чтобы правда оказалась на его стороне. Он готов был уверовать.

Мне предстояла процедура полной дезинфекции, поэтому пришлось оставить парней и в полном облачении прошагать до специального отсека. Разрешение на выход из брони было выдано только после того, как герметичная дверь комплекса очистки закрылась. Экзоскелет самостоятельно встал на позицию, отмеченную ярко-жёлтыми штрихами разметки. Я лёг в устройство, похожее на криокапсулу. Жидкость с антибиотиками быстро заполнила всё пространство, и её пришлось вдохнуть. В носу появилось ощущение прохлады, как от мятных конфет.

"Поражено 27% лёгких..."

...Поражено 26% лёгких..."

Надпись постепенно из жёлтой становилась зелёной, а рядом отсчитывалось время до конца очистки. В горле першило то ли от курева, то ли от микрофлоры Надонии. Наконец процедура завершилась, и я перестал быть угрозой для экипажа.

– Жданов? – лицо адмирала, находящегося в комнате управления, выражало озабоченность, – Ты в норме?

– Так точно. Запись видели?

– Одной бедой меньше... – Роберт тяжело вздохнул, – Наш корабль покидает систему через пару часов. Мы должны поговорить до этого и сформировать отчёт.

– Прибуду на мостик, как можно скорее.

Переодеваясь в сухое, я думал о несостыковке: высадку и контакт можно было осуществить на небольшом судне, а мы использовали снаряжённый тяжёлый носитель, словно ожидали угрозы не с планеты, а из внешнего космоса. Не то чтобы это было слишком странно – размеры корабля не слишком сильно влияли на экономичность полёта, и теперь в относительно мирное время использовались те суда, что были ближе – однако секретность операции с полным экипажем обеспечить гораздо сложнее. Я вообще не любил тайны и не понимал их смысла в нынешнюю эпоху, но привычки государства умирали медленнее, чем условия их возникновения.

На мостике суетилось человек двадцать – в основном диспетчеры, которые координировали подготовку к отбытию. Роберт сидел в кресле пилота и вместе с навигатором рассматривал что-то на внешнем голографическом мониторе.

– Могу докладывать, – сказал я, ожидая, что Майн попросит оставить нас или предложит мне пройти в его рабочий кабинет, но адмирал просто махнул рукой.

– Я тут подумал, что в рапорте нет нужды, – начал Майн, его голос звучал гораздо бодрее, чем десять минут назад, – Твоя запись уже отправлена. Совет Земли отдал распоряжение о формировании постоянного контингента для научной работы и налаживанию отношений с омегами. Я говорил с ним только что...

– Почему мы прилетели сюда на мощнейшем боевом корабле, а не на каком-нибудь исследовательском? – внима-

тельное изучение реакции показало, что Роберт находится на грани срыва.

– Вячеслав, так вышло, – адмирал пожал плечами.

– Товарищ адмирал, – я продолжил использовать официальный тон, подчёркивая, что доверительного разговора не получается, – Разрешите поинтересоваться?

– Вячеслав, спрашивай, – Майн напрягся и затаился, начав контролировать эмоции. Он считал меня своим другом и доверял многое, но понимал, что это не взаимно. Моё отношение к старому вояке всегда содержало настороженность. Я просто знал, что ради цели он разменяет меня, словно шахматную фигуру. Будет страдать из-за этого, примет любое наказание, но выполнит задачу. Такие люди нужны – без них не построить ни справедливого общества, ни межзвёздную цивилизацию. Я уважал Роберта.

– Каков принцип действия оружия против омега-структур?

Глаза старика увлажнились, а рот изогнулся в счастливой улыбке.

– Слав, я хочу, чтобы ты занял моё место. Знаю, звучит, как проклятие, но ты справишься лучше меня. Ты уже всё сам понял, ведь так?

Адмирал этими словами выбивал почву из-под ног: очень трудно вести беспристрастный диалог с человеком, который при свидетелях признаётся в превосходстве собеседника таким образом и, несмотря на субординацию, занимает подчи-

нённое положение.

– Выданное оружие это проводник энергии корабля? – уточнил я.

– Да, новая разработка. Что-то вроде лидера молнии (молния бьёт не сразу, а в несколько этапов; лидер молнии – область сильно ионизированного воздуха, по которому пройдёт основной разряд прим. авт.) – в точке наводится плотное гравитационное поле, создаётся микроскопический прокол пространства, куда корабельная установка вбрасывает направленный пучок энергии. В итоге получается короткоживущая чёрная дыра.

Адмирал молча ждал моей реакции. Он напрасно надеялся, что признание вызовет у меня сочувствие.

– Мы бы погибли при этом?

– Сейчас всё настроено так, что в броне выживаемость гарантирована на расстоянии от полутора метров и более.

Я достал оружие – небольшая изогнутая для эргономики указка с кнопкой и массивной рукояткой, видимо там был мини-реактор. Эта штука, внешне похожая на волшебную палочку из детских сказок, оказавшаяся самым жутким оружием за всю историю, легла на приборную панель. Адмирал тут же убрал её в специальный футляр у себя в нагрудном кармане.

– В записи это есть, но лично хочу передать привет от Тарасовой Светланы, – при этом я достал зажигалку и передал Роберту в руки, – И ещё просили сказать, что Омега-струк-

туры точно знают, что такое смерть, и никакой создатель не будет судить за грехи. Этого достаточно.

Адмирал вертел в руках овеществлённую память и, опустив глаза, молчал.

– Разрешите идти? – спросил я.

– Слав, ты всё правильно делаешь.

– **ВНИМАНИЕ!** Попытка установления контакта с адмиралом Майном, – прогудела громкая связь и затихла, ожидая отклика.

– Вывести на монитор пилота номер один, – скомандовал адмирал.

– Здравствуйте, – лицо президента, увеличенное на экране, улыбалось, – Товарищ Майн, Жданов, экипаж, – голова кивала, называя нас, – Приветствую и прошу разрешения на стыковку. Я лично хочу поблагодарить вашу команду.

– Стыковку разрешаю, – сказал Роберт и отключился, – Вот что ему тут нужно?

– Нам в парадное одеваться? – спросил я.

– Как есть – у нас боевое задание, – буркнул Майн, явно расстроенный визитом главы Совета.

Я покинул мостик с чувством жалости к старому вояке, а для себя решил, что из Штайна выуживать информацию будет почти невозможно, но попытаться необходимо. С тремя членами сквады я связался по радио и объяснил обстановку. Через час мы привели себя в порядок и собрались в небольшом зале для совещаний по дальней связи.

Президент ждал нас, расхаживая туда-сюда. Его лицо выглядело расслабленным, без эмоций, взгляд блуждал по внутренним мониторам (внутренний монитор – область взгляда, где формируется изображение с помощью имплантов. Может как "накладываться" на картинку, поступающую от глаз, так и образовывать дополнительное пространство прим. авт.), губы подрагивали, когда человек отдавал одновременно несколько сотен распоряжений. Штайн не носил деловых костюмов, предпочитая свободные брюки и широкую рубаху навыпуск – это отвлекало от расширений, которые не умещались внутри тела.

– Вячеслав, Никита, Олег, Пётр, – президент, называя нас по именам, пожимал руку, – Роберт сказал начинать без него. Я начну с главного. Мы не знаем почему вы смогли осуществить контакт, – слова отлетали, словно дробинки от жестики, – Я рад, что омеги готовы сотрудничать, но что делать дальше не имею никакого понятия.

– Есть версии, кто терроризирует наши колонии? Кто занимается подстрекательством в отдалённых мирах? – спросил я.

Президент сел в кресло и молча пожал плечами:

– Я хотел бы поручить вам, Жданов, это расследование. Но... Вы прекрасно знаете, что я не имею права приказывать милиции в мирное время.

– Мне одному? – я оглянулся на ребят.

– При поддержке флота, конечно, – Герман усмехнулся и

указал руками на десантников, – Эти орлы воины, а не следователи. Не нужно гвозди забивать сваезабивателем.

– Материалы дела я уже запросил.

– Зачем нас вызывали вообще? – спросил Пётр, выпрямившись в кресле.

Штайн причмокнул и развёл руками:

– Была гипотеза, что человека с омегами может познакомиться другой человек, уже общавшийся с ними. Вы друзья товарища Жданова. Выбор, мне кажется, очевиден.

– Как вы узнали, чем можно уничтожить души? – Олег сыграл желваками и положил увесистые кулаки на стол. Я про себя отметил, что заготовленные нами вопросы не вызывают у Штайна никаких затруднений и эмоций.

– До сих пор не решён нормально парадокс с необратимым уничтожением чёрными дырами информации. Это оружие однозначно способно превращать в свет всё, что мы знаем, – президент покивал головой, – Нет, мы не испытывали на омегах оружие никогда.

– Какова наша роль теперь? – спросил Никита.

– Конкретно вы трое можете заниматься здесь изучением омега-структур, можете вернуться к наёмной работе или снова вступить во флот – у нас свободное государство, – президент улыбался весьма добродушно, слова произносил мягко, – Кстати, я готовлю новый закон о том, что все действия, слова и перемещения президента будут доступны для всех граждан в режиме реального времени. Так что ваша подпис-

ка о неразглашении утратит силу через пару лет, когда мою идею обкатают на моделях.

– Не будет никаких гостайн? – Никита скептически усмехнулся.

– Они мешают мне работать, – Штайн пожал плечами.

– Всё это можно было сказать удалённо, – тихо заговорил я, внимательно разглядывая лицо президента, – Зачем вы здесь?

– Я ищу преемника, – просто и без запинки ответил представитель человечества, – Не прямо сейчас, конечно! – он замахал руками, – Прогнозируют, что моя психика выдержит ещё полвека. За это время нужно успеть. Кандидатов было больше миллиарда – каждый тысячный гражданин. Теперь меньше, но выбрать нужно не больше десятка...

Президент замолчал и не сводил с меня глаз. В тот день он не использовал на нас свои способности для манипулирования.

– Надеюсь никто тут не думает, – наконец продолжил Штайн, – Что я единолично управляю всем? Мне приходится держать в голове все научные знания и все значимые события в наших мирах. Импланты позволяют это. Но я принимаю только коллегиальные решения и опираюсь на Советы. Я здесь, чтобы посмотреть в глаза кандидату – это человеческий жест...

Вошёл Роберт Майн и отчеканил несколько шагов до президента, отдал честь и громко поприветствовал:

– Добро пожаловать на борт, товарищ президент!

Герман Штайн поднялся, сделал шаг навстречу и обнял адмирала.

– Я не могу тебе приказать, Роб, но пожалуйста живи! Ты нужен нам всем! Ещё лет десять и... – президент смахнул слезу, фыркнул и включил контроль эмоций, – Ты нестабилен, это я знаю, – продолжил он холодным голосом, – Твоя личность разваливается под тяжестью долгой жизни. Роберт, есть технологии, которые помогут. Нам с тобой предстоит последнее дело, а потом может...

– Товарищ президент, – проговорил адмирал, – Я уже сломался...

Штайн засопел.

– Я знаю... Но Жданова я тебе не отдам.

– А что за последнее дело? – вставил вопрос Пётр.

Адмирал поморщился и наконец занял кресло. Президент несколько раз открывал рот, чтобы ответить, но никак не мог подобрать слова. Я заметил, что его импланты не функционируют уже несколько минут, а значит он использовал исключительно собственный мозг без подсказок множества модулей искусственного интеллекта, без обращений к сети.

– Следующий президент должен стать последним, – Штайн дал нам время обдумать эти слова и только потом продолжил, – Моделирование показало, что государство больше не нужно, а цивилизация будет развиваться стабильно поступательно. Следующий координационный совет Зем-

ли испробует на практике полученные данные и всё... Человечество будет свободным.

– А как же остатки корпораций? – возразил я.

– Последним способным конкурировать с мощью объединённых миров был Новый Эдем, – президент грустно улыбнулся, – Благодаря тому, что нарушали все мыслимые и немыслимые нормы права и морали, они держались, но нападение на вашу группу в болотах Надонии дало возможность начать официальные проверки, и колосс рухнул. Рабовладение, детский труд, использование наркотических стимуляторов...

Взвыла сирена:

"Внимание! Неопознанные боевые корабли проявились в непосредственной близости! Внимание! Неопознанные боевые корабли проявились в непосредственной близости!"

Автомат повторил объявление ещё несколько раз и стих. Мы уже бежали на свои места согласно корабельному расписанию. Я подключился к командной полосе волн вещания и слышал, как адмирал одновременно раздаёт указания нескольким десяткам групп персонала. Мой сквад был приписан к двум истребителям-перехватчикам. Добираться до них нужно не меньше семи минут, но телеметрия корабля показывала, что неизвестный флот будет готов дать залп через шесть. Расширения внутри меня заработали на всю катушку: тело приобрело способность двигаться настолько быстро, что понятия пол, стены и потолок стали несуще-

ственными.

– Парни! Я вылетаю один! – крикнул я в эфир, не разжимая губ, – Нужно как можно быстрее поднять перехватчики!

– Приняли... – хором, хоть и недовольно, ответила моя команда.

Девушка-техник заканчивала подготовку машины к старту, когда я пролетел над ней, ухватился за край кабины и бросил своё тело в ложемент.

– Всё готово? – спросил я на индивидуальной частоте, указанной в паспорте истребителя.

– Да! Где второй пилот? – её голос был неожиданно мягким и чрезмерно добрым, а ведь в лицо я даже не посмотрел.

– Мой ИИ (искусственный интеллект прим. авт.), – последовал ответ, – Освобождай площадку!

Девушка нырнула в шлюз и дала разрешение на старт.

Шарнирная штанга с моим перехватчиком высунулась за обшивку и заработали двигатели. Я много лет не летал самостоятельно и, наверное, будь обычным человеком, стал бы вовсе никчёмным пилотом, но напичканное имплантами тело никогда не забывало того, чему хоть раз научилось. Я легко сориентировался по трёхмерной карте и включил форсаж, уходя с линии первого залпа. Неопознанные корабли почти заканчивали манёвр и до сих пор не ответили на радиовывозы. Тяжёлые орудия четырёх судов смотрели на корабль-носитель нашего флота.

В космосе не бывает звуков. Грохот выстрелов кинети-

ческих орудий, жужжание лазеров, гул ракет здесь заменяют вспышки и отсветы. Я успел выйти из зоны обстрела и увидел, как разгорается пустота. Щит корабля-носителя, названного Выносливый, выдержал, противоракетные установки отработали идеально. Образовалась пауза, во время которой рой истребителей должен успеть стартовать с носителя. С нашей стороны эта процедура началась по плану, но, судя по сканерам, противники не выпускали никакой поддержки.

– Адмирал! Прекратите выход малых судов! – я кричал одновременно на всех частотах, в надежде, что успею предотвратить катастрофу.

– Прекратить выход малых судов! – подтвердил Майн.

– Группировка малых судов сформирована на 39 процентов, оставшиеся заблокированы на носителе, – отчитался один из диспетчеров, молодым девичьим голосом.

Рой организованно двигался в верхнюю маневровую полусферу (область, находящаяся выше условной линии, разделяющей корабль-носитель на половины вдоль оси маршевых двигателей прим. авт.) – оттуда было удобнее наносить удары по противнику. Я, оказавшись в одиночестве в нижней маневровой зоне следил за таймингами, показывающими гипотетическое время до перезарядки орудий неприятеля. Эти данные примерно совпадали у всех земных кораблей, но вспышка очередного залпа появилась раньше почти на двадцать секунд, и огонь вёлся в основном по скоплению роя. Тридцать девять процентов это около двух сотен пило-

тов, которые только что погибли. Я запретил гормональным модулям гасить ярость, мне хотелось стереть в пыль эти четыре неопознанных корабля.

– Жданов! Возвращайся в зону основного щита, – приказал адмирал.

– Стреляйте! Меня не заденет, – я вырулил в тень корабля носителя и включил максимальное ускорение. Амортизационная жидкость, заполнявшая кабину пилота, создавала в носу ощущение прохлады, как в медицинской капсуле, а главное, позволяла мне переносить перегрузки до четырёх сотен "же". Вспышки ответного залпа Выносливого загорелись сначала сзади и сверху, а потом спереди на щитах и обшивке врагов, и я увидел, как один из неопознанных кораблей резко дёрнулся и стал разворачиваться, значит часть снарядов достигла цели. Теперь я находился совсем близко от чужих и мог их рассмотреть. Это были суда не похожие ни на одно из нашего флота. Человечество знало, что в космосе нет смысла в обтекаемых формах и строило свои межзвёздные корабли угловатыми в угоду вместительности, функциональности и эффективности. Сейчас передо мной находилась закруглённая каплевидная громадина, которая не испускала никаких радиосигналов, на её поверхности ничего не двигалось и не светилось. Корабль чужих был красивым, фантастическим и таинственным.

Я отдал команду на запуск боеголовок – термоядерная реакция должна повредить любую броню, если она сделана из

вещества. Вести ракетный огонь на расстоянии между носителями считалось неэффективным из-за слишком долгого времени полёта, а перехватчик мог перемещаться быстрее за счёт своих двигателей, маневрировать и, управляемый опытным пилотом, был менее предсказуем. Главное же преимущество: на малом расстоянии можно запускать ракеты прицельно и управлять ими в реальном времени без долгой задержки на передачу радиосигнала. Ядерный цветок расцвёл в носовой части корабля чужих, а потом невероятная сила разломила корпус пополам. Через 18 секунд пришло сообщение от Майна:

– Жданов, молодец! Мы открываем огонь по оставшимся! Уходи с линии!

Я снова врубил двигатели на максимум и ощутил перегрузку, одновременно подтверждая приём команды.

Выносливый ударил всей своей мощью. Пустота расцвела плазменными зарядами, но включившиеся вновь щиты чужих выдержали. Система оповещения сработала, показывая, что противник производит выстрелы в меня. Истребитель заметался, уворачиваясь от снарядов, а я едва удерживал сознание.

– Жданов уходи, как можно дальше! Я отдал приказ ударить "дыроколом" без наводки!

Импланты передали изображение зоны поражения, и я понял, что могу успеть. Независимо от моей ценности экипаж вместе с главой флота и президентом оказывался важнее, и

откладывать атаку никто не будет. Я "рвал когти" на пределе своих возможностей и всё-таки отключился на мгновение. Когда сознание вернулось, я посмотрел на чужих и увидел, как корабли складываются внутрь себя и испаряются в виде ярких джетов (выбросы газа и плазмы из центров астрономических объектов, наблюдаемые вдоль оси их вращения, прим. авт.).

Я развернул истребитель и без спешки направился к носителю. Первый контакт... Я не хотел верить, что по нам открыли огонь без предупреждения и причины. Мне было страшно. Человечество едва оправилось после "Пиратской войны", а эта новая напасть могла оказаться для нас смертельной.

1.10. Работа

Медведь рычал низко, утробно, расхаживая по небольшому изолятору, иногда он садился на мягкий пол и, обхватывая голову руками, раскачивался из стороны в сторону.

– Как он? – спросил я у доктора Загорски.

– Подбираем химию. Его организм сопротивляется той комбинации, что была найдена для него на последнем обследовании, – главврач корабельного госпиталя явно не хотела сейчас общаться. Она говорила резко с раздражением, не поворачиваясь в мою сторону, и не открывая глаз. Её тонкие руки, подрагивая отдавали команды для десятков операций одновременно.

– Жданов? – адмирал подошёл ко мне сзади и положил руку на плечо. Сейчас он был одет в больничную пижаму и выглядел ещё старше. Кожа обтянула череп, глаза ввалились и потухли.

– Слушаю, адмирал.

– Среди обломков малых судов найдено двадцать выживших, но твоих там не было, – голос Майна дрожал.

– Знаю, – ответил я, – Решились на операцию?

– Попробуй откажи нашему президенту...

– Инженерная группа вышла на позиции для разбора останков неопознанных судов, но ждут моего приказа, чтобы начать, десять кораблей подкрепления проявились семь ми-

нут назад и сформировали с Выносливым защитное построение...

– Вячеслав, ты можешь не отчитываться, – адмирал закашлялся и скорчился от боли, – На следующие двое суток ты командующий.

– Не нужно к этому привыкать, – я улыбнулся, как мог, – Штайну так просто не откажешь...

Старик кивнул и зашагал в операционный блок. Его импланты с расширениями были отключены, и тело едва удерживало былую осанку.

Я вернулся на капитанский мостик и занял место главнокомандующего, чтобы интегрироваться в систему управления кораблём и флотом. Предстояло переварить огромные массивы данных с отчётами оперативников, работающих по всему обитаемому пространству, лично контролировать исследовательскую экспедицию к обломкам чужих судов, разобрать доклады о крупных инцидентах приведших к гибели людей, о попытках коррупционных сделок, обо всём, что могло нарушить покой целой планеты и должно быть исправлено силой. Я подумал, что перед угрозой извне боевой флот людей должен будет снова перепрофилироваться из милиции в армию, и от этого внутри меня стало пусто, темно, больно.

– Исполняющий обязанности? – перед ложементом главнокомандующего стоял Штайн и осторожно заглядывал мне в лицо.

– Я вас слушаю, – ответил я, не открывая глаз.

– Мне необходимо покинуть этот корабль и начать подготовку экономики к войне в своём штабе, – президент выпрямился и замолчал.

– Разрешение на вылет согласовано, – мне пришлось секунду подождать пока моя личная подпись проходила подтверждение. Это было первым официально оформленным распоряжением на посту адмирала флота – разрешить правителю человечества вылететь с моего корабля.

– Я бы хотел многое рассказать... – Штайн понизил голос и тщательно подбирал слова, – Вячеслав, вы... Запомните вот что: омеги – это не наши души из священного писания. Они не существовали всегда с нами или в нас. Их не создавал бог. Омеги появились совсем недавно. Это НАША следующая ступень или тупиковая ветвь НАШЕГО развития. Я не могу пока этого доказать с необходимой точностью, но такой расклад лучше всё объясняет, чем слепая вера. Я не смог достучаться до Роберта – он согласился жить только до тех пор, пока мы не разберёмся с чужими. Он рвётся к своему богу, ищет в этой вере смысл. Прошу, не принимайте его убеждения. Хотя бы без доказательств не принимайте...

Герман Штайн ждал моего ответа около минуты. Я молчал. Хотелось убедиться, что этот человек может быть терпеливым.

– Профдеформация мне не позволяет верить только словам, и тем более верить эмоциям, – наконец прозвучал ответ.

Президент удовлетворённо хмыкнул и быстро удалился с мостика.

Действие успокоительных закончилось, и в теле появилась дрожь, а в мыслях сумятица: “Если бы я подождал Олега и вылетел одновременно со всей группой, то был бы подбит. Выносливый в одиночку с четырьмя чужими кораблями не справился бы и... Никита и Пётр. Мы прошли вместе через многие сражения. Мы выжили в Пиратской, а теперь...”

Я разослал данные о тактике неопознанных кораблей всем соединениям. Пришлось вводить военное положение во всех системах и надеяться, что чужие окажутся с нами хотя бы на одном техническом уровне.

– Товарищ Жданов? – грубый мужской голос раздался над самым ухом, и мне пришлось отвлечься, – Корабль инженерного корпуса готов к удалённому управлению.

Это был один из техников, которому я приказал приготовить исследовательскую машину для отправки к обломкам перед тем, как там начнёт работать живой контингент.

– Хорошо! Передавайте коды, – я немного волновался, потому что ни разу не входил в полный контакт с машиной на таком удалении. Задержка обозначалась в 10 секунд. Подводить корабль-носитель ближе к неизвестным объектам нельзя.

Я отдал команду полуавтоматическому боту и наблюдал, как растёт облако обломков, фиксируемое его камерами. Сканеры особенно тщательно искали биологический мате-

риал, но не находили даже мелких фрагментов тел.

– Советник Ли Кван! – я вызвал по радиосвязи экзобиолога.

– Слушаю, – ответили высоким “детским” голосом.

– Мне нужна помощь в поиске тел.

– Я перепроверила данные несколько раз ещё до начала вашей миссии, – на внутреннем мониторе появилось лицо говорящей женщины, сохранившей свою свежесть и красоту, несмотря на возраст в почти два века, – Анализ газов, заполнявших корабль, позволяет предположить белковую жизнь, вроде нашей, но нет однозначных маркеров присутствия живых форм, даже в виде бактерий. Корабль изнутри был стерилен. Позвольте сделать предположение?

– Да, конечно, – ответил я, приготовившись услышать очевидное.

– Если на кораблях были живые существа, то не на всех. У нас есть останки только одного судна. Три других полностью уничтожены. Возможно, на одном из них были те, кто управлял нападением... А может атака была полностью автоматической.

– Продолжайте поиск, – сказал я, прикидывая, что шанс удачи один из четырёх хорош только тогда, когда есть возможность повторить событие хотя бы раз десять.

Управляемый мной бот углубился в скопление обломков и методично сканировал всё вокруг. Кроме тел мы искали остатки технологий, которые могли бы содержать код с дан-

ными. Было обнаружено и подобрано уже несколько потенциальных носителей и помечено на карте.

Через несколько часов даже с помощью расширений я уже не мог удерживать внимание достаточно, чтобы управлять ботом и одновременно вести дела. Задержка выматывала хуже пытки, хотя давала возможность отвечать на многочисленные запросы исполняющему обязанности командующего флотом. За время моего единоличного обследования не нашлось ни одного блока с действующими цепями питания, но выяснилось, что корабль был оснащён термоядерным реактором, системы работали на электрическом токе, а в вычислительных машинах использовались оптические и квантовые процессоры. Я узнал достаточно, чтобы теперь отправить инженерно-исследовательскую бригаду.

Со всех миров приходили сообщения, в которых содержалось всё, что могло хотя бы косвенно быть связано с чужими. Ничего кроме неподтверждённых слухов. Я не испытывал страха в тот момент ни за себя, ни за людей в целом: в подбитом корабле не было ни одного артефакта, значит нам противостояла сила, которую можно изучит, понять и по крайней мере уничтожить.

Адмиральское кресло сильно давило на психику. Когда мой внутренний ресурс был исчерпан, я встал и прошёлся по мостику. Необходимость в отдыхе была зафиксирована аппаратурой, и все запросы к главе флота теперь сортировались и, по возможности, решались советниками.

Я отказался от инъекций, заменяющих сон, но перед тем, как отправится в свой блок для отдыха, решил посетить ещё раз медотсек. Там Олег ругался с доктором.

– Я не могу сейчас вот так сидеть! – рычал Медведь.

– Товарищ, Старцев! – мой голос и адмиральская форма подействовали, и Олег сразу замолк.

Загорски раздельно проговорила:

– Он ваш. Физически здоров. перевозбуждён только.

– Товарищ адмирал... – Олег заговорил тихо, но настойчиво, – Я не могу сидеть на месте. Нужно...

Я взял его за плечи:

– Ты будешь действовать, как только успокоишься. Объявлена всеобщая мобилизация, – наши взгляды пересеклись, и я отшатнулся – в глазах Старцева появился тот оттенок безумия, что присутствовал у Майна последние несколько лет.

– Слав, – Медведь глупо улыбнулся, его лицо растеклось, словно вылепленное из теста, губы обвисли и скривились, – Ведь Никитка и Петька... Они же сейчас там? С остальными? Ну не может же быть так, чтобы другие смогли, а наши парни нет? – Он указал рукой в пол, туда, где находилась планета болот.

В голову пришла мысль, что уже много десятков лет эти трое были неразлучны. Я редко встречался с ними, когда перешёл из десанта в оперативники, а они уже не представляли себя отдельно. Пётр немного слукавил тогда на Талиме,

что их созвали с разных концов Союза. Они всего лишь были в отпусках со своими жёнами. Впервые за век не все вместе проводили отдых, когда адмирал решил, что мне понадобится поддержка.

– Олег, – я уже перебрал сотни слов в голове, но ничего путного не смог сложить, чтобы утешить друга, – Ты старый вояка, ведь так?

– Да.

– Ты знаешь, что в боях гибнут товарищи, – я выпустил рой наномашин, которые распыляли вокруг успокоительное.

– Да. Меня научили это переносить без последствий, – Олег начал ровнее дышать.

– Ты останешься защищать Надонию?

Медведь посмотрел на меня и наконец обратил внимание, что я удерживаю его, прижав спиной к стене, и не даю сдвинуться с места.

– Да.

– Даже если окажется, что ни Посол, ни Рыбак не перевоплотились?

– Я выполню любой твой приказ, – Олег задышал ровно, немного расслабился. Он снова контролировал себя.

– Хорошо. Я отправлю на согласование твоё назначение. Часов через десять сможешь получить форму и полномочия.

– Слав, если найдёшь... – Олег запнулся, – Когда найдёшь их логово, то сожги его дотла.

Я кивнул. В словах Старцева не было кровожадности, а

лишь понимание, что разумная цивилизация, вышедшая в космос, не имеет права быть агрессивной. Чужие напали на нас, значит нельзя считать их разумными и относиться, как к равным. У нас не было плана для подобных ситуаций: как поступать с другими братьями по разуму, если они будут представлять угрозу. После победы решим, что делать.

– Может у них и нет логова, – я пожал плечами, – Может они разнесли свою планету и скитались в космосе, пока на нас не наткнулись.

– А может это отщепенцы, вроде наших “пиратов”, и через несколько часов мы узнаем, что живём в самой малонаселённой галактике, а за её пределами кипит жизнь, похлеще, чем в старых фантастических книгах, – сказала Загорски и впервые за время нашего знакомства улыбнулась.

Мне стало стыдно, и выделение расслабляющих феромонов пришлось прекратить.

– Пожалуй мне нужно пару часов для отдыха, – сказал я и хотел уйти.

– Тебя никогда не пытались избить за вмешательство в сознание? – Олег смотрел, не мигая, мне в лицо.

– Когда адекватный человек осознаёт это, он так же осознаёт, что я правильно поступил.

– А неадекватный?

– Такие лежат на земле в наручниках.

Главврач оторвала взгляд от монитора своей консоли и хотела вспылить, но я успел её остановить:

– Не волнуйтесь! Эти препараты не влияют на мышление и уже прекратили действие.

Кая ничего не ответила, только повела плечами и снова занялась ранеными. Судя по её статусу, она дистанционно руководила тремя операциями, а значит стоило оставить её в покое как можно быстрее.

От моих быстрых шагов в пустых коридорах рождалось негромкое эхо, словно передразнивая множество мыслей, мятущихся в голове. Тело требовало сна и отдыха. Если продолжать в таком духе, то можно совершить ошибку, а следующие два дня я не имел на них права, хоть на корабле находилось ещё шесть офицеров, обладающих достаточными компетенциями, чтобы занять ложемент на капитанском мостике и качественно выполнять работу.

1.11. Тяжёлая ноша

К Надонии подошёл грузовой корабль с будущими работниками базы и оборудованием. Старцев проверял накладные и готовился к спуску. Я не мог с ним попрощаться лично из-за невероятно плотного графика. До начала заседания Совета Земли и Колоний оставалось пара минут. Селекторный зал представлял собой круглую арену. Вдоль стены стояли проекторы для отрисовки голограмм участников, и скамеечка для капитана корабля. Тут не было больше ничего. Дальняя связь требовала огромных энергозатрат, поэтому всё здесь намекало, что разговоры должны быть короткими, но ёмкими.

– Адмирал! – техник заглянул в зал, – Всё готово. Запустить установку по времени?

– Да. Не раньше.

На личном мониторе пошёл отсчёт секунд, а когда моргнули нули, то все участники одновременно подключились.

– Приветствую, – коротко бросил Герман Штайн. Остальные ограничились кивками, – Сегодня у нас появились очень большие проблемы. Вы уже в курсе. Товарищ Жданов, есть новые данные?

Я встал и покачал головой:

– Почти ничего. Обломки не содержат чего-то, что мы бы не понимали. Это даёт основание считать чужих равны-

ми нам в большинстве технологий. Останков тел не найдено. Носители данных расшифровываются, но то, что смогли прочитать содержит только технический код. Звёздных карт и сведений о самих чужих нет.

– Есть новые рекомендации для ведения боя? – спросил контр-адмирал Ван Дэшен. Старик держался молодцом, век назад он командовал всей Китайской армадой и лично участвовал в боях против пиратской группировки колоний, а теперь был одним из участников военного совета.

– Нет. Только то, что уже сообщали. Они не использовали суда поддержки и их орудия перезаряжаются быстрее, – я добавил к своему ответу файлы с полным отчётом о столкновении.

– Вы использовали новейшее оружие, – снова заговорил Ван, – Сколько времени уйдёт на его внедрение во все войска?

– Я не уверен, что это допустимо, – голограмма Германа Штайна встала и вышла на середину зала, – Наша наука не в состоянии прогнозировать последствия с приемлемой точностью.

– Созданная вами чёрная дыра продолжает расти? – Ван сощурил и без того узкие глаза.

– Нет, – ответил я, – Она стабилизировалась почти сразу же. Время до полного испарения около сотни лет. Надонии её излучение не страшно.

Совещание продолжалось не больше часа. Президент со-

гласовал введение военного положения и перевод экономики на производство для армии. Были обозначены приоритетные планетарные системы, где будут постоянно находиться крупные части флота. Участники отключались и возвращались к своим обязанностям.

– Мы должны захватить хотя бы один их корабль, – голограмма Германа Штайна осталась последней активной.

– Да, – сказал я, – Без этого мы потратим на поиски их планет остаток вечности.

Президент отключился, оставляя меня наедине с главной задачей человечества, о которой на официальной части совета не произнесли ни слова.

В атмосфере на мостике Выносливого не чувствовалось ни напряжения, ни особого оживления. Семеро дежурных членов экипажа занимались управлением дрейфующим кораблём. Инженеры уже прочесали облако обломков и в открытом космосе не было никого. Мы были готовы к старту, оставалось определить конечную точку, а какие-то ограничения в этом вопросе отсутствовали, поэтому я медлил и никак не мог решиться. На внутреннем мониторе застыла схема обитаемых миров человечества. Мы расселялись в стороны от Земли, в основном двигаясь по рукаву галактики к центру. Не имея до сегодняшнего дня конкурентов, исследователи Союза обживали системы планомерно, без спешки. Вот только с межзвёздными двигателями было абсолютно всё равно на какое расстояние перемещаться в пределах

Млечного Пути. Нам раньше не было нужды торопиться, а экспансия в виде расширяющегося фронта оказалась удобной для составления долгосрочных планов.

Снова мысли крутились вокруг останков корабля. Ни одной аномалии или артефакта не было найдено – ни одной зацепки для анализа. Перед глазами непрерывно крутились таблицы данных. Я зажмурился и смахнул всё с монитора. Передышка в несколько минут очистила сознание от усталости и злости на самого себя. Компьютер, получив новые команды, смоделировал аналогичный по размеру корабль нашего флота после таких же повреждений. Сравнение получившихся картин снова не дало ничего необычного: схожие по свойствам конструкции разрушались одинаково. Я сравнил процентный состав сначала по химическим элементам – опять не за что ухватиться – потом по материалам. Складывалось впечатление, что чужие строили свои транспорты на наших верфях. Моё внимание привлёк эквилайт – композит, использовавшийся для построения квантовооптических компьютеров уже устаревшей модели. Он не производился официально уже более сорока лет, но несколько месяцев назад на периферийной планете Веронике случилась незначительная авария и автоматизированная система мониторинга вскрыла тайный склад с большим количеством этого материала. Управляющие были дисквалифицированы, а дело закрылось без расследования. Теперь мне крайне захотелось копнуть поглубже.

Я вызвал по радио главврача. Она уже закончила восстанавливать Роберта Майна, а завтра его уже должны выписать из медблока.

– Слушаю, – после инцидента с феромонами женщина отнеслась ко мне с большим дружелюбием, даже пыталась извиниться за резкость.

– Кая, как вы оцениваете адмирала? Он может уже принимать решения?

– Неужто вы уже не справляетесь? – главврач усмехнулась, а её глаза стали добрыми. Я уже давно понял причину её раздражительности – она слишком соскучилась по работе, а внутреннее напряжение в ней возникало от того, что было стыдно. Загорски впервые за долгое время получила возможность использовать свои навыки, и это вызвало естественную радость быть полезной, но приносить пользу она могла только при наличии тяжело раненных. Ей нравилось лечить солдат, но в то же время чужая боль доставляла неимоверные страдания. Поняв это, я проникся к ней ещё большим уважением.

– Справляюсь, но боюсь, что Роберт расстроится, если ему останется слишком мало задач.

– Он здоров физически. Психика стабильна. Рвётся порррвать всех злобных инопланетян, – Кая изящно грассировала и захихикала, когда в поле зрения появился Роберт Майн.

– Рад вас видеть, адмирал, – я попытался обнаружить

у него включенные расширения, но сигнатуры показывали только живую плоть, – Выглядите лучше.

– Да. Помолодел, – Майн криво усмехнулся, и стало понятно, что депрессия ещё не полностью побеждена.

– Мне бы ваш совет, а лучше снова вернуться в поле.

Светло-серые глаза адмирала потемнели, став холоднее и сосредоточеннее.

– Я почти готов. Через пару часов. Какой совет?

Кая покачала головой, понимая, что спорить с Майном о выписке бессмысленно, но не стала возражать.

– Мы всё ещё дрейфуем близ Надонии. И я не знаю, куда направить корабль. Интуиция молчит.

– Оставь здесь. Систему атаковали не просто так, – Майн говорил с уверенностью.

– Может это было случайное столкновение?

– Столкновение – да. Нас тут не ждали. Зачем мы посылаем беспилотные миссии? – адмирал не стал дожидаться ответа, – Для сбора данных и доставки автоматического оборудования. А что тут можно изучать? Наши души!

Роберт Майн говорил с жаром фанатика, но в его словах отчасти был смысл. Я отключил связь и отдал команду заниматься геостационарную орбиту. До конца моей вахты оставалось всего несколько часов. Груз управления даже одним кораблём тяготил, а флот людей отнимал всю жизнь без остатка. Я чувствовал, как старею, хоть и был подготовлен к любой ответственности.

Когда Роберт Майн наконец прибыл на капитанский мостик, я просматривал сводки разведки.

– Адмирал флота Роберт Майн готов принять пост! – голос старика заметно помолодел, форма хорошо сидела, не было во взгляде ни капли безысходности.

– Исполняющий обязанности Вячеслав Жданов готов сдать пост, – ответил я с облегчением.

Импланты Майна приняли на себя информационную нагрузку, и я заметил, что ноги старика слегка дрогнули в коленях.

– Как тебе моё кресло?

Я поморщился и Штайн со знанием дела добавил:

– У Германа ещё сложнее... Готов к следующей миссии?

В ответ я кивнул и рассказал о своих соображениях по поводу эквилайта. Майн выслушал внимательно, не перебивая и, постукивая пальцами по подлокотнику кресла, сказал:

– В твоём распоряжении десять кораблей-маток. Соответственно десять капитанов в подчинении.

От удивления мои брови поползли вверх.

– Я буду с десятью кораблями заниматься расследованием коррупционных сделок, во время атак чужих?

Адмирал покачал головой и несколько раз цокнул.

– Мониторинг выявил нарушение из-за случайной человеческой ошибки. Их деятельность может продолжаться уже много лет...

– Да я понимаю важность дела! – не сдержавшись, я пере-

бил адмирала, – Зачем мне такая огневая мощь?

Адмирал молча включил монитор своей консоли. Кисти, сохранившие ловкость, быстро вводили команды порхая в воздухе по видимым только Майну элементам управления. Псевдоповерхность (монитора нет, как такового, изображение формируется лазерами в области пространства, прим. авт.) запестрела таблицами. Несколько строк оказалось выделено цветом:

"Планетарная оборона класса А. Коды доступа установок расшифрованы на 39%."

Я понял, что мне показывал Роберт Майн. Планета принадлежала корпорации, выступавшей на стороне пиратов, и до сих пор ещё велась работа по захвату управления её боевыми платформами. Наши военные корабли попросту не могли находиться на её орбите, иначе на них обрушивался автоматический и неуправляемый людьми мощный огонь.

– Если чужие там закрепились, то блокада системы без крупного флота будет невозможной. И я не дам гарантии, что они не завладеют оружейными платформами на орбитах. Корабли, естественно, будут держаться на расстоянии, не всплывая, но в постоянной готовности, если что-то пойдёт не так, – Майн тяжело вздохнул, – Среди населения ещё встречаются наши противники... Задача ясна?

– Более чем, – мне стало стыдно. Слишком часто меня хвалили в последние дни, а оказалось, что я ещё не всё могу учитывать в режиме реального времени.

В этот раз мне не нужно было готовить легенду. На Веронике располагались крупные промышленные центры с жилыми городами, и космопорт ежедневно пропускал десятки людей. Нужно было только обычное удостоверение личности для рабочего, которое я создал за несколько минут.

По бортовому времени наступал вечер. За многие века в космосе, где в понятиях "день" и "ночь" нет никакого смысла, люди оставались привязаны к суточным ритмам. Препараты и расширения позволяли без вреда для тела не спать неделями, но психика требовала отдыха, и после марафонов бодрствования мы лишались способности творить, становились инертными.

Я лежал в кровати и смотрел в низкий потолок каюты. В голове ворочались глыбы мыслей и скрежетали своими острыми краями друг о друга. Обычно это были шестерни добротного механизма, но не в тот раз. Сон перестал казаться достижимым, и я поднялся с постели. Несколько минут ушло на то, чтобы добраться до ближайшего иллюминатора и с удовольствием разглядывать поверхность планеты, находящейся далеко внизу. Очень хотелось остаться в этом мгновении хотя бы на несколько часов. Созерцать.

– Не спится? – я не слышал, как Кая подошла, – Хотите выдам снотворное... – Доктор поняла, что сказала глупость и ухмыльнулась, – А мне всегда было интересно: вы контролируете свою биохимию сознательно, но сознание в немалой степени контролируется химией. Нет ли тут парадокса?

– Тренировки развивают способность решать, когда можно позволить себе быть собой, – ответил я и похлопал по дивану, предлагая присесть.

Кая отрицательно помотала головой:

– Последняя операция через 10 минут. И я надеюсь, что больше никому никогда не понадобится в качестве военного хирурга.

– Это хорошее желание, достойное лучших врачей.

Кая крепко пожала мою протянутую руку и ушла, тихо шелестя подошвами своих сабо.

Я зажмурился, по привычке концентрируюсь на мыслях. Загорски самоотверженно выполняла свою работу впервые за несколько лет, а когда-нибудь человечество поголовно будет оснащено роем наномашин в крови, чтобы излечивать любую болезнь или рану. Тогда такие, как Кая смогут вздохнуть с облегчением и превратятся в инженеров, создающих и программирующих эти машины. А в кого превращусь я? Ведь мы обязательно научимся обходиться без насилия, иначе ведь всё бессмысленно.

1.12. Тут тоже не всё продаётся

Небольшой корабль, на котором меня везли уже как пассажира, всплыл на участке, установленном местным центром управления полётами, отчитался диспетчеру и включил маневровый привод. Всего через пару часов после прибытия в систему звезды Эдем-8 транспорт высадил нас на орбитальной таможне. Я сошёл с площадки для сканирования и направился с остальными к стойке дежурного коменданта.

– Добро пожаловать! – девушка, сидевшая на высоком стуле за пластиковой стойкой, всем дружелюбно улыбалась и повторяла одни и те же фразы, – По направлению?

– Нет. Хочу наняться. Я материаловед, – мои документы были настоящими и к ним невозможно придраться.

Комендант взяла в руки карточку удостоверения и ввела в компьютер.

– Удачно устроиться. Сейчас открыто четырнадцать вакансий под вашу специальность. Не забудьте зарегистрироваться в профсоюзе – у нас ещё остались частные предприятия и рабочие объединения помогают решать спорные моменты. Теперь ваши данные внесены в платёжную систему Виктории. Согласно договору между Советом Земли и Викторией вам начисляется двести единиц, – последние слова она произносила, словно извинялась.

– Спасибо вам, – я кивнул и вышел на территорию Викто-

рии. Эта система считалась отсталой – тут до сих пор сохранялись порядки корпораций. Космопорт был хаотично забит торговыми площадками и пошлой рекламой. Я вспомнил Талим с его лоточниками, усиливающими погружение в атмосферу туристической жемчужины. Здесь было иначе. Ко мне подошёл мальчишка в яркой униформе и громко, чтобы перекрыть шум, заголосил:

– Добро пожаловать на Веронику! У нас лучшие цены и предложения для новоприбывших! Мы предлагаем вам проживание и помощь в трудоустройстве на лучших условиях, чем другие! Заключите с нами контракт и вам не нужно больше ни о чём беспокоиться!

Я посмотрел в серые глаза и нашёл там искусственную искренность. Мальчишка продолжал рассказывать заученный текст, широко улыбаться и жестикулировать, а я думал о том, что его несколько недель тренировали, для такого эффекта. Стало противно, словно вляпался в неведомую липкую грязь. Промоутер не давал пройти, всё время выбегая вперёд и продолжая пересказывать рекламный текст.

– Сколько тебе лет? – спросил я.

– Семнадцать...

– Ты знаешь, что эксплуатация детского труда запрещена на всех планетах людей?

– Я не работаю. Это часть практики для диплома! – парнишка понизил голос и поспешил оставить в покое задающего слишком много вопросов человека.

Я не люблю отсталые планеты – основное место моей работы – чувствую там постоянную нехватку воздуха. Пришлось стиснуть зубы и постараться, ни на что не обращая внимания, побыстрее преодолеть кичливую площадку между таможенной и модулем со спусковыми аппаратами.

– Приветствую вас! – мужчина у стойки регистрации смотрел на меня глазами, полными обожания, – Вы забронировали спусковую капсулу?

– Воспользуюсь стандартной, – я протянул документы и увидел, как усы мужчины протестуяще затопорщились.

– Капсулы повышенной безопасности гарантируют...

– Нет, – я произносил слова нарочито ровным голосом, хотелось поскорее закончить все процедуры.

– Вот смотрите! Всего за маленькую доплаточку вы получите не только самые комфортные и безопасные условия, но и сертификат, – мужчина, словно фокусник, выхватил цветастую бумагу, запаянную в пластик, – Это полная страховка на время спуска и первые месяцы жизни на Веронике! Вы получите гарантии...

– Стандартный прошедший проверку колониальной службой контроля спусковой аппарат, – я произносил слова раздельно, используя интонации, придающие речи жёсткость.

– Но это исключает страховку на... – мужчина не унимался. Я точно знал, что на Веронике никого не держат силой, и поэтому было вдвойне противно.

– Если сейчас ты не заткнёшься, то я напишу жалобу в ад-

министрацию! И будь уверен, что не в планетарную! – я эмулировал гнев и выплёвывал слова, от которых во рту возникало ощущение нечистот. Однако необходимый эффект был достигнут, и через миг я оказался в очереди к спусковому аппарату.

– А я два дня учил матерные слова и тренировался, – паренёк впереди меня обернулся и протянул руку, – Я Джером Стаут.

– Слава. Просто Слава, – я ответил на крепкое рукопожатие. Мне не слишком хотелось общаться. На Веронике я был впервые и сейчас с максимально доступной скоростью изучал местный уклад.

– Меня отец сюда послал. Сказал, что нужно обязательно поработать по контракту, "чтобы из головы всю дурь выбило"! – последнее он проговорил, пародируя старческий голос, и на английском это было больше похоже на угрозу, чем на отеческое наставление ("knock all the crap out of your head" прим. авт.).

Джером отсалютовал мне, добродушно рассмеялся и шагнул в шлюз, немного согнувшись, чтобы не удариться головой о низкую арку. Я проследовал за ним. Полностью автоматический спусковой аппарат представлял собой металлическую сферу с несколькими двигателями и парашютом, а внутри располагалось шесть ложементов.

– Устраивайтесь поудобнее, – нежным детским голосом проговорил динамик.

Я занял последнее свободное место, немного поёрзал, чтобы адаптивная поверхность приняла форму моего тела. Лампы на потолке в это время сменили цвет на зелёного и каждого пассажира обхватили мягкие ремни безопасности.

– Все готовы? – спросил автомат, – Подтвердите, пожалуйста.

Всей ладонью я нажал большую кнопку на подлокотнике, и начался короткий отсчёт, а потом мы провалились в пустоту. Корпус часто завибрировал от включения двигателей для позиционирования. Невесомость несколько минут сменялась лёгкими перегрузками, а потом тяжесть стала нарастать равномерно, пока не достигла пика. Почти не трясло, только немного гудел корпус, пока аппарат проходил сквозь плотные слои. На последнем этапе вес едва отличался от нормы, а контакт с поверхностью я не заметил, углубившись в свои мысли, и обратил внимание только на открывшийся люк. Из-за долгой неподвижности затекли конечности, и люди выбирались из сферы, неуклюже хватаясь за поручни. Я специально замешкался и отстал – словоохотливый Джером мог предложить и дальше держаться вместе, а мне необходимо действовать в одиночку.

Снаружи был яркий день. Посадочная площадка размером в несколько гектар – ровное поле с мягкой подушкой травы. Идти по этой поверхности было непривычно из-за лёгкого пружинящего эффекта, но приятно. Старенький погрузчик с широкими колёсами подцепил спусковой аппарат

и быстро укатил в ангар. Пассажирам не стоило тут задерживаться – чем быстрее освободится площадка, тем быстрее стартует следующая группа. Я направился к границе посадочной зоны, но не на автобусную остановку, а к парковке прокатных машин.

Асфальт. На Земле это покрытие сохранилось в редких исторических городках-музеях, наряду с булыжными мостовыми. От дорожного полотна исходил жар и запах битума. Зарезервированный мной автомобиль оказался неприметным серым уродцем, разрисованным рекламой. Внутри работал кондиционер и создавал приятную прохладу. Я с радостью нырнул в салон и быстро закрыл дверь, чтобы оградиться от жары. Секунду я поискал кнопку включения, но на её обычном месте стоял считыватель платёжного устройства. Он подсвечивал зону, куда требовалось приложить палец. Без оплаты машина бы не поехала. Я едва коснулся подушечкой мизинца, как тут же пришло оповещение о списании двух единиц, и тихо зашелестел главный электродвигатель.

Дорога, словно начерченная по линейке, проходила мимо строящегося пассажирского космопорта в Парадиз – столицу планеты. Город издалека выглядел жутко и восхитительно одновременно. Архитектура, состоящая из гигантских параллелепипедов, изредка разбавлялась вычурными изогнутыми зданиями – в основном бывшими штаб-квартирами корпораций. Ныне эти монстры хранили в своём нут-

ре множество мелких предприятий, и лишь четыре оставались принадлежащими только одному владельцу: Центральный шпиль – колоссальную круглую башню – занимало правительство; три стеклянных столба из переплетённых языков пламени построили соперничающие гиганты Mi2 (Mineral Mining), ExBioTech и NuPow (Nuclear Power). Их названия уже много веков не отражали реальное направление деятельности, они занимались поиском и развитием планет от терраформинга до налаживания полного цикла производства. Корпорациям для своего существования уже не нужно было захватывать колонию на другой стороне глобуса.

Вести машину оказалось на удивление легко, и процесс даже приносил удовольствие, пока не начался сумасшедший трафик мегаполиса. Теперь на дорогах стало так тесно, что между бамперами едва бы поместился листок бумаги. Состоятельные обладатели аэромобилей пользовались воздушными трассами, а остальное большинство тратило свою жизнь на ожидание.

Серый уродец заурчал громче и с натугой поднялся вверх. Развить большую скорость он не мог, поэтому пришлось прижаться к правой стороне трассы, обозначенной в навигаторе чёрно-жёлтыми столбиками. Мой путь лежал в головной офис Mi2. Именно они теперь владели складом с тем неучтённым эквилайтом.

Часть подземной парковки, выделенная для посетителей, была платная. Пришлось расстаться с ещё одной единицей.

В фойе меня встретили угрюмые ребята из службы безопасности.

– Цель визита? – спросил мужчина в боевом экзоскелете.

– Вакансия материаловеда в центр производства, – ответил я, подставляя лицо под сканер.

– Вячеслав Жданов? – лицо охранника приняло выражение надменности, словно от него что-то зависело.

– Да.

– В кабинет 137. По зданию просто так шататься нельзя, – мне указали пальцем, в какую сторону идти.

Коробка таможенного сканера пискнула и выдала заключение, что у меня с собой нет запрещённых предметов.

– А если я захочу подняться на лифте и полюбоваться видом с высоты?

– Последует арест за попытку промышленного шпионажа, – человек в форме злобно ухмыльнулся, – Тут серьёзные люди космос осваивают, пока тираны играют в политику.

Двое всё время молчавших напарника закивали головами и синхронно оттянули большими пальцами ремни с оружием, а я решил поскорее убраться, чтобы не провоцировать обострение синдрома вахтёра.

Нужная дверь отыскалась быстро. На ней красовалась большая металлическая табличка HR Manager (отдел кадров, прим. авт.). На стук никто не откликнулся, и я потянул ручку. Было открыто. В маленьком помещении пространства было лишь для крохотного стола с компьютером и двух сту-

льев. Один с высокой спинкой отделанный под кожу, а второй для соискателей, то есть простая жёсткая табуретка.

– Добрый день! – я притворил за собой и занял место напротив хозяйки кабинета, ухоженной блондинки в деловом костюме.

Женщина покивала и, не глядя на меня, махнула рукой, указывая, куда сесть. Её пальцы порхали в воздухе вводя команды.

– Простите, я второй дневной отчёт доделаю. Пару минут, – менеджер бросила на меня быстрый взгляд и грустно улыбнулась. В её выразительных глазах я успел заметить тоску и усталость, кивнул и стал ждать. Прошло четверть часа, но женщина, словно не замечала меня. Стало понятно, что это своеобразный тест, но я понятия не имел как правильно реагировать, потому что в подобном испытании не было логики. Пришло время шпионских нанитов для подключения к компьютеру. Охотница за головами действительно лишь имитировала деятельность, а на самом деле пристально следила за моими показателями – на потолке и в стенах было множество приборов, считывающих информацию о пульсе, давлении, потливости, движении глаз и о многом другом. Она сравнивала полученные данные с небольшой шпаргалкой.

– Может закончим тест? – от моего вопроса женщина вздрогнула, но сделала вид, что не поняла.

– Ещё минутку!

– По вашей инструкции не одну, а ещё 37, – я заговорщически подмигнул.

– Давайте документы, – дрессировали её качественно, судя по тому, что на лице не дрогнул ни один мускул и сохранилась приветливая улыбка.

Никогда и нигде еще мне не приходилось показывать удостоверение личности так часто, как во время работы на Виктории. Пару минут заняла проверка подлинности, а личное дело служба безопасности планеты просмотрела почти сутки назад, когда давали разрешение на работу.

– Завтра с утра можете начать принимать дела, – менеджер встала и протянула мне руку.

Её тёплую ладонку было приятно пожимать, и следующий шаг дался мне легко.

– А как вас зовут? – в голос пришлось добавить немного силы внушения, подобрать конкретно под неё идеальный тембр из-за слишком малого времени знакомства не представлялось возможным, и я использовал рекомендованный.

– Игна, – на лице под косметикой появился румянец, невидимый без терморесепторов.

– Позвольте попросить вас побыть моим гидом? У меня нет здесь знакомых, а все попытки наладить контакт с местными почему-то не удались, – я развёл руки и пожал плечами.

– Мне нельзя быть в отношениях с работниками... – попыталась возразить Игна, но мои наниты уже впрыснули в

неё гормональный комплекс на основе фенилэтиламина и пролактина.

– Это не отношения, – я сделал самое доброе и наивное лицо, на которое был способен, – Я так сразу бы никогда... Мне действительно нужна помощь.

– Хорошо. Через два часа я освобожусь.

– Я буду ждать в фойе, спасибо вам огромное! Если нужно будет как-то компенсировать...

– Нет! – возразила женщина, – Мы не... Не нужно думать, что тут за всё нужно обязательно платить.

– Спасибо, ещё раз.

Я вышел с неприятным чувством стыда – за долгие годы так и не стал достаточно циником, чтобы манипулировать чужими эмоциями. Охранники не слишком обрадовались, когда поняли мои намерения расположиться на диване перед ними, но не имели оснований выгнать. Всё необходимое для дальнейшего расследования было получено, и захотелось расслабиться, очистить голову от мыслей. В этом всегда помогало рисование. Внешний мир, проходящий через разум и душу, отпечатывался на виртуальном холсте вместе с мыслями и переживаниями. Положив ногу на ногу, я начал набросок, и время ускорило.

1.13. Как отключить человечность

Вечерний мегаполис был пёстрым, шумным, чрезмерно ярким. Всюду в глаза и уши рвалась реклама. Она раздражала, поэтому у серого уродца были не просто стёкла, а экраны, фильтрующие изображение в реальном времени, а также активная шумоизоляция. Игна очень удивилась таким опциям в невзрачной машинке.

– А вам сколько лет? – спросила женщина.

Я улыбнулся и секунду размышлял над ответом.

– Сто сорок один, – быть честным, показалось в тот момент правильным.

– У нас немногие могут себе это позволить.

– Так почему не улетите отсюда? Не смените гражданство?

Игна опустила взгляд и промолчала.

– Где можно вкусно поужинать? – я решил сменить тему.

– Каждый ресторан пригорода готовит лучше любой забегаловки в пределах центра.

– А может пошikuем? Я угощаю!

– Не стоит, – Игна не скромничала, а действительно хотела просто поесть. Её бы устроила пачка полуфабрикатов, разогретая в духовке.

Мы поднялись над городом на буферную высоту между зонами гражданской междугородной авиации и скоростного

аэротакси. Это не было нарушением правил, но считалось дурным тоном и должно привлечь внимание системы мониторинга. На мою машину навелось несколько десятков камер, достаточно чтобы взломать систему и получить доступ к остальным. Нужно было начать разговор, и я спросил первое, что пришло в голову:

– Как думаете, сколько продержится Виктория?

Игна непонимающе посмотрела на меня.

– Ну, я имел ввиду в руках корпораций. Ведь большинство миров уже давно стали свободными.

– Вы сюда зачем прилетели? – сигналы от женщины сместились в красную зону, она занервничала, нельзя было её излишне провоцировать.

– Надеюсь, что меня оценят, и я смогу вытащить выигранный билет. Я всю жизнь мечтал начать своё дело...

– Насколько я знаю, в "свободных" мирах запрещены лотереи, – Игна выделила слово с ехидством.

Разговор не клеился. Её гормональный фон начал выравниваться, и эффект наведённого мной первого впечатления сходил на нет. Ещё раз корректировать химией отношения было опасно – результат мог оказаться непредсказуемым. Навигатор проложил маршрут снижения к ресторану. Я проигнорировал рекомендованные манёвры и совершил вертикальную посадку. Алгоритмы мониторинга безопасности зафиксировали и это. Мои сопроцессоры уже вломились в систему – теперь я видел всё, словно бог из древних преданий.

Дверь машины открыл парковщик и поклонился. В этом жесте крылась не столько самоуничижительная услужливость, сколько желание получить чаевые, потому что сканер платёжной системы находился сверху маленькой шапочки. Я провёл над головой парня ладонью и отмерил одну единицу. Раздался мелодичный звук, и молодой человек метнулся к пассажирской двери, чтобы выпустить Игню.

Входя в заведение, моя спутница негромко проговорила:

– Чаще всего их просто отпихивают от машины. А вы подписаны на запятую?

("Запятая" услуга для возможности расплачиваться небольшими частями денежных единиц. В противном случае все операции округляются в большую сторону. Прим. авт.)

– Нет. Эта услуга подключается, когда на счету больше десяти тысяч единиц.

– Там есть подпункт в глубине банковских правил.

Я перепроверил выданный электронный документ.

– В контракте нет такого подпункта, – мне не пришлось изображать удивление.

– Банк не обязан информировать в контракте о дополнительных услугах, – сказала Игна, садясь за столик у окна, предложенный администратором, – Сходите в офис и потребуйте выполнение пункта 1745б-13, – она написала цифры на салфетке и передала мне.

– Вы готовы делать заказ? – официант дождался, пока мы оба посмотрели меню.

– Комплексный ужин, – ответила Игна.

Я секунду помедлил и показал официанту два пальца:

– Два комплексных. По одному мне и леди.

– Вы учитесь, – с улыбкой произнесла Игна, когда мы остались одни.

Я лишь вопросительно поднял бровь.

– Если не пояснили бы, то нам принесли три порции. Так же и с банками, с работодателями. Будьте уверены, что любые ваши слова будут использоваться против вас для пользы других.

– Звучит так, словно все враги.

– Так и есть.

Игна опустила тяжёлые накрашенные ресницы и вздохнула:

– Мне вас жаль. За один вечер никто из ваших не научится тому, что мы узнаём на протяжении жизни.

Заиграла лёгкая музыка. Свет стал мягче и теплее. Окна сделались непрозрачными и начали транслировать сочные пейзажи. Я хотел было начать расспрашивать свою "наставницу" о компании Mi2, но в её крови находилось избыточное количество гормонов стресса и прочих маркеров усталости. Заставлять её работать я посчитал бесчеловечным. Официант быстро принёс заказ и, безмолвно разложив приборы, исчез.

– Хотите совет? – Игна расправилась с первым блюдом и теперь не торопясь резала стейк на тонкие полоски, – По-

ка есть деньги, уезжайте отсюда. Потом уже не выберетесь. Первые пару лет будет интересно. Когда втянетесь, то завяжете в контрактах до конца жизни.

– Не смешите! Специалистам платят хорошо. Это основа производства.

Игна не ответила ничего. Её раздражала наивность и глупость. Я снова ошибся в выборе маршрута диалога. Однако моя работа не могла останавливаться. В закрытую сеть Mi2 попасть было сложнее, и пришлось задействовать всю мощь имплантов. Личное дело Игны Мерсер оказалось крохотным. Родилась, получила начальное образование, прошла курсы, работала. Не привлекалась. Список болезней включал ОРВИ и пару детских переломов. Её персональный профиль для рекламы отклонялся от среднего по планете не более, чем на погрешность вычислений. Даже встречи с родителями или друзьями у неё происходили максимально хаотично, словно день и время выбирались броском монетки. Она скрывала свою личную жизнь от ИИ мониторинга. Причиной такого поведения могло быть что угодно: от банальной паранойи до ребяческого желания получить хоть кусочек свободы в мире тотального контроля.

– Может хотя бы вина? – спросил я.

– Нельзя, даже используя автопилот, быть за рулём под алкоголем.

– Вы знаете, что здесь нет прослушки? – среди ещё не удалённого видео я нашёл, как мужчина сел рядом с Игной на

скамейку в сквере и, уходя, обронил обёртку от батончика. Женщина подняла мусор и сделала вид, что выбросила в урну, но я разглядел характерное движение пальцев, сворачивающих что-то. Теперь мне нужно было спровоцировать у неё подозрения, – И мы можем надеяться на разумность друга друга?

– У меня ощущение, что вы хотите предложить мне шпионить? Но у меня нет доступа к техническим документам, – она разочарованно вздохнула. В глазах появилось, ставшее обычным, презрение.

– У вас есть доступ к людям. Вы знаете каждого инженера на предприятиях Mi2 этого города. Вы могли бы стать вербовщиком, – я сделал очень рискованный ход, Игна должна была сейчас вызвать службу безопасности корпорации, и моя операция оказалась бы под угрозой. Когда в её руках появился коммуникатор, я подождал ещё мгновение, чтобы взломать устройство и отследить, куда совершался звонок, и быстро заговорил, – Игна, это лишь предположение. Вы ведёте себя странно. Наверное, для меня всё тут странно, но я не шпион... Шпион бы так и сказал... Вы часто их ловите?

Женщина сначала прыснула, а потом рассмеялась в голос. Она хохотала, запрокидывая назад голову, и с первого раза не смогла даже попасть по кнопке отбоя.

– Вы, граждане внешних миров, могли бы зарабатывать тут комиками, просто рассказывая о своих впечатлениях, – смех снял напряжение, – Чёрт с вами, давайте по глотку ви-

на, только поедем на такси – официант с администратором будут драться за право наябедничать на нас в патруль, – Игна использовала детское слово, потому что не смогла быстро подобрать понятный для меня синоним криминального жаргонизма "настучать".

Принесли заказ. В отличие от еды вино в заведении было отвратительным, но дорогим. Я пригубил лишь один глоток, а Игна допила бутылку – алкоголь на Виктории был самым распространённым антидепрессантом. Мы поговорили ещё о всякой всячине и не заметили, как пришло время расходиться.

– Я вызвала нам по машине. Надеюсь, не думаете, что за ужин вас обязательно пригласят на ночь? Хотя вы мне нравитесь, конечно.

– Нет! – воскликнул я и ткнул себя пальцем в грудь, – Тут тоже не всё продаётся.

Я пожал на прощание ей руку. Игна оценила этот жест и почти без акцента сказала:

– До встречи, товарищ!

Дождавшись, когда она уехала, я вышел из такси и вернулся к своей машине. Я знал, где живёт мисс Мерсер, и мог наблюдать с помощью камер, но тогда было бы трудно вмешаться. Возле ресторана за ней следили двое уборщиков. Теперь за ней увязался микроавтобус. Поиск номера по базе показал, что автомобиль принадлежит компании грузоперевозок. Когда Игна вошла к себе в квартиру, там уже нахо-

дился посторонний человек. По правилам требовалось сообщить в полицию и не вмешиваться, но я не мог позволить себе упустить хоть какую-то информацию. Дом-муравейник не был оборудован посадочной площадкой, поэтому серого уродца пришлось оставить на парковке в паре кварталов и бежать, что было сил, при этом не попадаясь на глаза прохожим и камерам. Наниты транслировали мне хорошую картинку и звук.

– Добрый вечер, мисс Мерсер, – сказал незнакомец, и женщина вздрогнула от неожиданности, – Мне давно хотелось с вами побеседовать.

Игна метнулась к выходу, попутно выхватывая коммуникатор. Электронный замок оказался заблокирован.

– Не стоит бояться, – незнакомец встал с кресла и опустил руку в карман, оттопырив ткань чем-то очень напоминающем ствол пистолета, – Или стоит, но бежать уж точно нельзя, да и звонить в полицию...

Игна тяжело дышала и не сводила глаз с незваного гостя. Я уже добрался до её этажа по пожарной лестнице. Из микроавтобуса, припаркованного у самого подъезда, так никто и не вышел.

– Вы очень интересная женщина, – произнёс незнакомец, – С вами сегодня встречался человек и передал записку, а вы проигнорировали сказанное там. Но это не моё дело... Мне не интересна ваша мелкая возня.

– Что вам нужно? Я ничего не понимаю! – взмолилась

Мерсер и медленно сползла спиной по двери, симулируя истерику.

Человек достал из кармана пластиковую карточку с эмблемой полиции и протянул Игне.

– Вы понимаете, что не сможете выдержать официальный допрос дольше пары часов? Не упрямитесь. Только одно имя следующего по цепочке в вашем детском клубе заговорщиков.

– Кто настучал?

– На вас? – человек поджал губы и улыбнулся так, словно дьявол был его учеником, – Нельзя эту информацию раскрывать, но я сегодня добрый. Карл Престон. Ваш старый друг. Теперь ваша очередь.

– Ян Духновски.

– Неправильно. Он чист, – человек покачал головой, – Я надеялся, что играть с вами будет интереснее.

Мне стоило больших трудов узнать имя мужчины. Он не был полицейским. Кёль Гекчен, внештатный сотрудник службы безопасности Mi2 на недельном контракте. В остальное время частный детектив.

– Тогда Ивана Цвейк? – самообладанию и актёрскому мастерству Игны можно было только позавидовать.

Кёль пригрозил пальцем и достал пластиковые наручники. Мои импланты сформировали телеметрический контур из облака нанитов, и я принялся изучать обстановку. Автобус оказался управляемым автопилотом, а двое следивших

за Игну у ресторана официально считались нищими бездомными.

– Вера Началова? – женщина всхлипывала и у неё по щекам текли слёзы.

Сыщик на секунду остановился, услышав последнее имя, но, спохватившись, грубо опрокинул рыдающую на пол и завёл ей руки за спину. Очень хотелось вмешаться, но спектакль был ещё не окончен. Кёль также бесцеремонно поднял рывком Игну на ноги и толкнул к выходу.

– Сезам откройся! – произнёс он кодовую фразу для замка с издевательской улыбкой.

Мне было важно знать, кому отчитывался о работе Кёль, что успел передать и куда повезёт похищенную. Пришлось, скрипя зубами, держать себя в руках.

– Будь умничкой и не устраивай сцен, – произнёс мужчина и вытолкнул Игну из квартиры.

В поздний час на улице никого не было. Добропорядочные граждане готовились ко сну и не хотели знать, что творится под их окнами, если это не слишком мешает. Я спрыгнул с пожарной лестницы и оставил три глубоких отпечатка на асфальте, приземлившись на корточки, а потом побежал к своей машине, рискуя оставить Игну наедине с лжеполицейским. Когда серый уродец поднялся в воздух, микроавтобус вырулил из жилого района и покатил к промзоне. Женщина лежала на полу в относительной безопасности. Поняв ситуацию, она притихла и собиралась с мыслями, при этом сгруп-

пировалась, чтобы получать поменьше синяков.

Вре́мён суток в промзоне не существовало. Автоматика работала без остановок. Машины сновали в плотном потоке почти без человеческого вмешательства. Я перехватывал данные с камер и редактировал, удаляя "лишнее" из кадра. Чтобы не попасться случайному свидетелю, пришлось спешиться. Возникло чувство, что сейчас сжатая пружина событий сорвётся и скорость принятия решений станет главным условием успеха моей операции.

Микроавтобус въехал в ангар. Игну выволокли пара молодчиков и усадили на стул в крохотной комнатке. Кель достал небольшой чемоданчик, и мне стало дурно. Они готовились установить импланты для экстренной коррекции личности и получить послушную зомби. Перед глазами возникло лицо одноразового солдата на Талиме. Ярость закипела и опала бессильной пеной – не время эмоций. Я выставил контроль на максимальную отметку и стал машиной.

1.14. Люди-машины

Люди-машины неподсудны. Их ошибки происходят из недостатка данных, а это нельзя считать преступлением. Сравнивая смерть Игны и раскрытие легенды с последующим провалом на весах логики, я получал однозначный результат и понимал, что через несколько часов, когда верну себе способность сопереживать, начнётся персональный ад, если ничего не сделаю. Нужно было хорошенько продумать план спасения женщины. В то же время я прочитал имеющуюся информацию по её похитителям. Теперь решение принять было легче: жизнь Игны или трёх мужчин, зарабатывающих на жизнь пытками, заказными убийствами и подставами.

В комнатухе с пленницей не было ничего, кроме четырёх бетонных стен, лампы, табуретки, а под потолком висел тяжёлый вентиляционный короб на тросах. Наниты не были рассчитаны на перекусывание металла, но могли создавать мощное электромагнитное поле. Я выделил почти всё своё облако наномашин и разделил поровну на два крепления. Микроскопические роботы облепили тросы и создали в них ток, способный расплавить. Конструкция скрипнула и освободившимся концом прочертила в воздухе дугу, пройдя от головы Игны в ста тридцати семи миллиметрах. Громилы были защищены лёгкими бронежилетами, имели расшире-

ния, увеличивающие скорость и силу, композитные части в скелетах, но удар стокилограммового короба отбросил одного из них к стене. Затылок хрустнул об бетон, и тело, оставляя кровавый след, дёргаясь сползло на пол.

– Дим? – второй головорез бросился к подельнику, – Твою ж мать...

– Потом уберёшь здесь, – Кёль не слишком расстроился или удивился, и, очевидно, намеревался продолжить – остатки вентиляции находились на безопасном от него расстоянии, – Ты бы отошёл оттуда! Эта штука ещё не вся отвалилась.

– Да пошë... – договорить громила не успел, потому что включилась вторая группа нанороботов и расплавил оставшийся трос. Сломанная ручка, открывающая жалюзи, торчала из стенки короба острым концом наружу и именно им надавила на шею незадачливого наёмника с силой в семьсот ньютонов, разорвав спиной мозг. Мой расчёт оказался полностью верен. Оставался Кёль. Сломанная вентиляция уже привлекла внимание ночного дежурного, и Гекчен это знал.

– Цыпочка, похоже заканчивать придётся в другом месте. Поднимайся!

Детектив схватил за локоть похищенную, другой рукой поднял чемоданчик. Он волок Игну между рядов стеллажей, когда автоматический вилочный погрузчик получил команду на перемещение товара и направился параллельно людям. На первом перекрёстке машина повернула и не успела отреа-

гировать на препятствие. Клык погрузчика ткнул Кёля в спину и переломил позвоночник. Женщина упала под стеллаж и откатилась в пустующее место. Теперь она была сама за себя. Кёль собирался почистить запись с камер после окончания операции, а я решил ничего не трогать – пусть госпожу Мерсер немного порасспрашивают настоящие полицейские, даже если она попытается скрыть своё приключение.

Женщина выбралась из укрытия и поискала глазами стойку менеджера склада. Рядом с консолью лежал нож для пластика. Игна довольно быстро освободилась, обыскала тело Кёля, вытащила ключ-карту и убежала. Я оставил с ней минимум датчиков: микрофон и геоданные. Восстановление популяции нанитов займёт несколько часов, хорошо в это время поспать и восстановить силы. Вот только мне ещё предстояло самое неприятное.

Сердце Кёля Гекчена всё ещё билось. Он даже находился в сознании, благодаря инъекциям моих нанитов, правда был полностью парализован. Было противно подходить к этому мерзкому человеку, тем более проникать в его сознание, но я всё делал с расстояния, двигаясь вдоль ангаров к тому месту, где припарковался.

– Кёль Гекчен, я оперативный работник службы безопасности СЗиКа. Сейчас будет произведён допрос типа "Воздействие", – мой голос звучал в голове детектива сухо и неприятно, незнакомо, – Вы можете сотрудничать или сопротивляться. Результат не изменится, но уровень боли бу-

дет разным.

– Больше ты мне не сделаешь, – Кёль удивился своей способности говорить, он не понимал, где находится и думал, что его захватили, а с того момента, когда его кто-то оглушил прошло много времени.

Мне было всё равно, что думает господин Гекчен. Я выполнил официальную часть, предписывающую предупредить о допросе. Технология извлечения информации не состояла из пыток и страданий – такими были лишь побочные эффекты, возникающие при сопротивлении процессу. Я не стал и этого объяснять Кёлю. Подключение к парализованному происходит легче, и очень быстро я добрался до памяти и начал копирование, попутно читая. В Mi2 подозревали, что среди работников есть кроты, готовящие пакет документов о нарушениях для отправки в совет колоний. Так постоянно поступали конкуренты, чтобы получить преимущество – жаловались друг на друга в администрацию Штайна. Совет обычно ограничивался штрафами и предписаниями, но множество удачных доносов хватало для банкротства и последующего поглощения. Моё прибытие и чрезмерно долгое личное общение стали триггером для господина Гекчена. Частный детектив надеялся получить неплохую премию, когда предоставит "доказательства заговора", и создавал улики самостоятельно, кроме тех нескольких фотографий, сделанных при передаче записки.

Я вспомнил слова Игны: "Не нужно думать, что тут за всё"

нужно обязательно платить." Интересно, сколько стоила её услуга? Или она это делала из каких-то убеждений? Для кого из оставшихся двух монстров копала? Для ExBioTech или NuPow? А может записка на фантике от батончика скрывала совсем другие секреты?

Женщина оказалась достаточно разумной и сейчас уже разговаривала с полицией. Если не наделает ошибок, то и служба безопасности решит, что нанятый сыщик пытал невиновную и не отличался компетентностью.

Кёль не мог двигаться или кричать, но его мозг пронзала постоянная боль из-за моего подключения, а ещё он очень боялся. Внутри меня плескалось безграничное равнодушие. Словно маньяк, я наблюдал за страданиями другого человека, спокойно продолжая делать своё дело. Через несколько часов будет немного подташнивать даже от воспоминаний, а пока я машина. Главное не стать зависимым, не перейти ту грань, когда возвращение человечности станет причинять невыносимую боль, от которой будет только один путь побега – жизнь с постоянно включенными имплантами, стирающими само естество человека.

– Что же, господин Гекчен, я получил то, что нужно. Теперь вы уснёте. Потом остановится сердце. Прощайте!

– Стой! Я знаю кое-что ещё! – наивная попытка продлить своё существование.

– Я прочитал всё: каждую твою мысль и воспоминание.

Для отключения всех имплантов "Воздействия" прихо-

дилось сохранять связь до конца. Ещё несколько минут я слышал непрекращающийся мысленный вопль. Прогноз по травме позвоночника был очень благоприятным, но я не мог рисковать, оставляя его в живых. Последнее, что я увидел глазами детектива – перепуганное лицо дежурного инженера склада.

Заканчивал обработку я уже в своей машине. Чтобы доложить адмиралу, пришлось подняться над промзоной.

– На связи, – Майн только проснулся и имел чуть помятый вид.

– Примите отчёт, – я запустил поток в двоичном коде.

Секунду Роберт сидел с закрытыми глазами, потом тихо заговорил:

– Ты всё сделал правильно, конечно, но пока я не вижу связи с твоим заданием.

– Была надежда, что у управляющей персоналом смогу украсть ключи к её закрытым базам данных. Архивы корпораций хорошо шифруются, а с образцами криптографии легче будет добраться до всего остального.

Майн потёр щетину на подбородке:

– Ты прав. Тебе корпы доступ к сколько-нибудь секретной информации не дадут лет десять. Будешь проникать в информационную сеть через неё? Её могут использовать теперь, как ловушку или сливать дезинформацию.

– Просплюсь и поработаю по легенде прежде, чем решить. Вы правы, что продолжение контакта может скомпромети-

ровать меня.

Майн причмокнул, сглатывая. Его всегда раздражало, когда я выходил на связь в состоянии депривации эмоций (депривация – подавление, прим. авт.).

– Отбой.

– Отбой.

Добравшись до гостиницы, я успел внести изменения в записи, чтобы всё выглядело так, словно после ужина новый инженер Mi2 Вячеслав Жданов занял бронированный номер и никуда не выходил. К утру полицейские, посмотрев видео, решили меня не беспокоить. Расследование похищения передали в службу безопасности корпорации – и Мерсер, и Гекчен на момент преступления были в штате сотрудников.

Раннее утро на Виктории начиналось со звуков будильников. Гостиница для работников на испытательном сроке в действительности была больше похожа на картонную коробку с минимумом излишеств. Комнатка-футляр со складной кроватью, крошечной санитарной зоной, замещающей и душ, и туалет, вдоль одной стены находились низкие шкафы, которые служили ещё и столом. На Виктории считалось удачей иметь такую квартиру, а мне было тесно, словно слона посадили в заячью клетку. В шкафчиках оказалось абсолютно пусто. Нужно будет купить продукты, хотя бы чай или кофе. Я налил в кружку горячей воды из крана – чайник отсутствовал – и попытался отхлебнуть. Рецепторы определили, что отравление мне не грозит, но вкус был не приятный.

Собрав мысли в кучку, я закрыл комнату и отправился на свой первый восьмичасовой рабочий день в жизни. На душе были побитые собаки – слишком хорошо запомнилось сознание умирающего. Его безысходный страх заразил меня. Я убил человека. Не важно, что по законам Совета, его должны были бы казнить. Руки тряслись и хотелось выть самому во весь голос. "Это не признак слабости – тяжело переживать каждый раз, когда приходится убивать, – говорил ментор-психиатр нам на курсах в академии, – Это признак того, что вы правильно воспитаны и образованы. Это признак того, что вы люди." Больше века назад мы слушали лекции и надеялись никогда не оказаться в роли палачей. Пострелушки на орбите нам тогда представлялись чем-то обезличенным... Ровно до первого крика в наушниках из подбитого истребителя. Каждая вспышка на чёрном полотне космоса потом рвала барабанные перепонки этим криком, каждый беззвучно погасший огонёк на тактическом мониторе, и не важно свой или чужой пилот это был.

В офис я приехал на полчаса заранее. Юный менеджер встретил меня дежурной улыбкой, сквозь которую можно было разглядеть хроническое недосыпание.

– Жданов? Я Клайв Тэтчер, – он протянул свою руку, – На этом участке я управляю своей командой. А вы будете просматривать данные по техпроцессам композитов. Имеете опыт работы технического контроля?

Я кивнул.

Клайв выдал мне пропуск и отвёл в большой зал, разделённый картонными перегородками на рабочие места. За столами сидели люди, смотрели в мониторы, периодически скидывали руки и с помощью виртуального интерфейса вводили поправки.

– Вот ваше место, – Клайв остановился возле одного из столов, – Первым заданием будет разобраться почему вчерашняя партия карбостила получила заниженную прочность. У вас час.

Менеджер ещё раз улыбнулся, теперь, мне показалось, хищно и злорадно, а потом удалился. Задание оказалось довольно сложным, но мне помогала вся мощь накопленного человечеством знаний, но несмотря на это самому пришлось очень много думать и решать непривычные задачи. Я справился, едва уложившись в отведённый срок.

– Успели, мистер Жданов? – Клайв хотел появиться внезапно и подглядеть из-за плеча, но я только сделал вид, что вздрогнул от неожиданности.

– Да, господин Тэтчер. Нарушение произошло из-за несоблюдения температурно-гравитационного режима при отпуске.

– Замечательно! И кто виновен?

– Я не могу сейчас вот так сказать...

– Вы, как инженер, обязаны принять меры. Если не определите виновных, то штрафы придётся платить из своего кармана.

– А если виновных нет?

– Значит вы не смогли их определить, – Клайв расплывался в улыбке всё шире, явно получая удовольствие. Он выдал мне следующее задание, облизнул тонкие губы и опять растворился между картонных ячеек.

Так продолжалось до вечера. Времени поговорить с новыми коллегами не было. Я даже не узнал имён соседей. Когда прозвучал сигнал конца рабочего дня, я впервые почувствовал отупляющую усталость. Взгляд стал ватным, мне ничего не хотелось. Быстрее бы добраться до кровати. Импланты подстегнули организм и стало легче. Сложно представить, как люди выдерживают этот монотонный цикл всю жизнь.

Выделенные десять минут на сборы я потратил, чтобы проникнуть в рабочую сеть и собрать данные по движению эквилайта. Партия материала, доставшаяся корпорации от предыдущего хозяина, не перемещалась с того времени. Я выяснил расположение склада, но подключится к системе слежения Mi2 не получилось. Защита оказалась намного серьёзнее, чем на уличных камерах. Значит придётся опять выходить на ночную прогулку, но сначала нужно поговорить со спасённой. Ведь я проверил все названные вчера в её квартире имена. Ей не дали даже выходного после случившегося. Слишком мало травм зафиксировал медик. Официальных претензий к ней выдвинуть тоже не смогли из-за отсутствия даже косвенных доказательств какой-либо вины.

Игна Мерсер работала в другом здании, и у меня не вы-

шло бы её "случайно" перехватить, поэтому нашёл номер личного коммуникатора и позвонил, стоя на ступенях главного технического корпуса.

– Алло? – голос, удивлённый незнакомому абоненту в нерабочее время.

– Игна, это Вячеслав, мы вчера ужинали.

– Знаете, мне сейчас неудобно. И... я думала мы договорились не считать вчерашнее свиданием.

– Да, конечно! – я глупо рассмеялся, – Только не кладите трубку! У меня к вам есть пара вопросов и мне сказали, что только вы сможете их решить.

– Кто же вам это сказал?

– Карл Престон, – я сделал паузу и буквально почувствовал напряжение, – Ян Духновски. Ивана Цвейк. Вера Началова.

– Опять у меня дома? – женщина говорила без страха, со злобой.

– Я ни разу не был у вас дома. Лучше мы поужинаем, где вчера. Подождите меня на парковке, хорошо?

Игна молча повесила трубку. В нормальном состоянии я мог позволить себе надеяться, поэтому улыбнулся. Не похожа была мисс Мерсер на одну из гиен, выращенных в этом мире – слишком много думала и не меньше чувствовала. А её презрение ко всему и цинизм – лишь короста, грязь, которой слишком много на Виктории.

1.15. Интуиция

Игна стояла на ступеньках и кусала губы, нервно озираясь по сторонам и периодически глубоко вдыхала горячий влажный воздух. Я остановился и посигналил. Менеджер по персоналу подбежала к машине и села спереди. Вид у неё был обречённый, а резкость движений и жуткий взгляд выдавали кипящую злобу.

– Скажите сразу чего хотите, – попросила мисс Мерсер. Дрожь в голосе выдавала сильное волнение.

– Вы не сотрудничаете ни с био, ни с нюками против мишек, – начал я, используя местный слэнг, называя корпорации. Мы двигались по дороге в плотном потоке, до ресторана было далеко, и я мог позволить себе долгие паузы.

– Это абсолютная правда, – наконец сказала Игна, – Что дальше?

– Дальше вы расскажете о том, чем занимаетесь после работы в офисе. С кем встречаетесь, и какие у вас цели. Всё просто.

– Я живу одна, после работы отдыхаю дома. Вчера меня похитил какой-то псих, представился полицейским, пытал. Я назвала ему случайные имена людей. Вы это всё знаете, – на её серых глазах выступили слёзы, дешёвые тени и тушь смазались, потекли грязными полосками.

– Мне нужно выяснить кое-что. Если вы мне поможете,

то Союз Земли и Колоний поможет вам, – я снова замолчал, ожидая реакции.

По лицу женщины невозможно было прочесть все эмоции: от надежды, до ужаса, кипящие в ней, но я видел данные её нервных импульсов и анализировал состав крови – Игна умела себя контролировать.

– Чем вы мне поможете? Виктория – это корпоративная планета. Здесь ваши законы действуют с "нашими поправками", – лицо исказила тоска и безысходность.

– Но вы ведёте борьбу, несмотря ни на что, – я рискнул сделать вид, что знаю больше, чем на самом деле.

– Чем вы можете помочь? – Игна сдалась. Внутри неё что-то надломилось, и она решила, что доверится мне. Не полностью, конечно же, но раскроется. Комплекс гормональных психокорректоров с окситоцином снова заработал на полную катушку.

– Для национализации планеты нужны доказательства серьёзных нарушений, например, если корпорации готовят военную операцию.

– Почему вы думаете, что установление здесь вашей диктатуры поможет мне? – Игна промокнула слёзы и салфеткой стёрла остатки макияжа, словно маску, прикипевшую не только к лицу, но и к душе.

– Я не собираюсь полемизировать... Да или нет?

– Мы только раздаём людям литературу. На очную работу у нас не хватило духу – без лицензии любая просвети-

тельская деятельность грозит пожизненными репрессиями. Я нахожу работника, который подходит... Там очень сложная система отбора. И тайно посылаю информацию. Некоторые читают и дальше начинают искать сами. Таким незаметно подбрасываем новые книги посложнее.

– Это всё я уже знаю, – я солгал, хоть и предполагал подобное с вероятностью в девяносто три процента.

– Так что вам нужно?

– Мне нужен человек, владеющий информацией об одном конкретном продукте или доступ к шифровальным ключам.

Теперь настала очередь Игны выжимать из меня слова молчанием.

– Слышали про скандал с эквилайтом? – спросил я.

– Его выпуск прекратили, а потом случайно в отчётах всплыло, что продолжают кому-то продавать. Всех концов не нашли, но "Light & со" стала банкротом.

– Мне нужен надёжный человек, работающий на складе с эквилайтом, а лучше коды доступа, – повторил я свою просьбу.

– Я могу прийти на склад с проверкой рабочего места дежурного инженера. Это часть обязанностей, – Игна пожала плечами в знак того, что это не вызовет подозрений, – При этом на несколько минут мне откроется доступ к его консоли. Можно будет установить червя.

– Мне хватит того, что вы окажетесь рядом с разблокированной рабочей станцией.

Игна понимающе закивала и усмехнулась, потёрла предплечья, словно пыталась нащупать грязь на своей коже. "Пожалуй стоило дать ей какую-нибудь пустышку – пластиковую болванку, например – чтобы она не считала саму себя живым носителем вируса," – запоздало подумал я. Женщина несколько раз пыталась заговорить, её губы тряслись в борьбе с истерикой, но она не смогла собраться с мыслями. Теперь Игна ощущала себя микроскопической песчинкой.

Я тоже не мог произнести ни слова после того, как признался, что использовал и продолжу использовать её. Ещё больше беспокойства вызывала неуверенность: а что, если расследование затянется, и маленькое "подполье" ещё надолго окажется наедине с целой планетой противников. Хватит ли у них духу продолжать свою работу, ведь мои поступки – это натуральное предательство. Нельзя было обещать им поддержку от лица всего Союза.

В ресторане Игна сначала ела без аппетита, а потом, когда её кровь полностью очистилась от моего вмешательства, в глазах появилась уверенность, твёрдость и решимость.

– Я запланирую проверку на завтрашнее утро. У вас же всё готово? – женщина ткнула вилкой в мою сторону.

Я кивнул.

– Вот я не понимаю одного: боевой флот есть только у Союза, а вы продолжаете нянчиться с нами. Почему бы не надавить силой?

Я слышал этот вопрос уже много раз. Сейчас очень не хо-

телось отвечать по учебнику, а промолчать тоже нельзя.

– Игна, сколько человек после прочтения статей начинают самостоятельно искать источники информации?

– Один из нескольких сотен и меньше.

– А сколько сейчас готово к переменам? Не просто эмигрировать с планеты, а бороться за неё?

Женщина горько улыбнулась:

– Нисколько.

– Сколько граждан Виктории до сих пор надеются, что смогут выбиться в люди, и надо только усердно работать и развиваться?

– Я поняла вас, – Игна опустила глаза в тарелку, – Население отсталое.

– Нет. Просто не готово, – мне было стыдно перед ней. Было невыносимо всего лишь смотреть, а не бросится прямо сейчас менять эту планету, – У нас тоже не всё хорошо, а у вас не всё плохо.

– На Виктории нельзя читать вслух книги на улице. До гражданской (пиратскую войну на планетах корпораций называют гражданской или войной за независимость, прим. авт.) было, говорят, ещё хуже, и трущобы безработных занимали немалую часть городов.

– Сейчас нужно сосредоточиться на завтрашнем деле, – я почувствовал, что Игна готова снова заплакать – вмешательство сильно дестабилизировало её.

Она просто кивнула головой, а её кудри рассыпались пружинно.

жинками.

– Знаете, я никогда не пробовала свежих фруктов – только пасту или пюре. Давайте закажем? Я оплачу! – на лице женщины мелькнуло то обречённое озорство, что можно увидеть у солдат перед особенно рискованной атакой.

Я взял её ладони в свои и несколько секунд всматривался в глаза. Она неправильно меня поняла и потянулась через маленький узкий столик, предлагая свои губы для поцелуя. Импланты сильно затормозили субъективное время (увеличилась скорость мышления при том, что скорость движений Жданова осталась прежней, прим. авт.). Следующее решение нельзя было принимать впопыхах, как и нельзя было доверять машине. Мир Виктории всё ещё жил теми представлениями о мужчинах и женщинах, которые проистекали из выгоды и расчёта. Игна подсознательно хотела закрепить нашу сделку, предлагая своё тело. Как мой отказ, так и согласие могли иметь негативные последствия. Времени и данных катастрофически не хватало, чтобы тщательно взвесить вероятности. Я ответил Игне: мы коснулись сначала носами, словно слепые котята, потом губами. Женщина тут же отпрянула и смущённо опустила глаза.

– Игна, я даю слово, что каждый на Виктории сможет завтракать фруктами... И книги будут бесплатными.

Плечи женщины задрожали от сдерживаемых рыданий.

Официант быстро откликнулся на взмах руки и очень обрадовался новому заказу и через мгновение на большой та-

релке принёс несколько разных нарезанных плодов. Виктория была исключительно промышленной планетой, поэтому тут сельское хозяйство почти целиком состояло из самых дешёвых и неприхотливых культур. Доступ к свежей зелени имела только очень богатая верхушка.

Игна взяла в руки кусочек и положила в рот, сморщилась от непривычно кислого сока и расхохоталась. Напряжение последних суток вырвалось наружу этим смехом.

– Теперь я точно готова, – успокоившись, она осторожно коснулась моей руки.

Я молча сжал её пальцы и кивнул.

– Нам нужно будет расходиться по-отдельности. Не бойтесь. Вы в безопасности.

– А если нападут хулиганы, то на них что-нибудь упадёт?

– Сегодня не нападут.

После ресторана я снова связался с адмиралом и передал подробный отчёт.

– Жданов, порой ты меня пугаешь. Не могу к тебе в голову заглянуть, но складывается ощущение, что мисс Мерсер для тебя всего лишь инструмент.

– У нас нет времени на любезности.

Майн встал, подошёл к иллюминатору и всмотрелся в черноту.

– Есть ещё кое-что... Две дальних колонии были... "атакованы". Связь с ними пропала, и я выслал пару кораблей. Оказалось, что передатчики по неизвестной причине не про-

бываются дальше звёздной системы. Наладить сообщение так и не удалось.

Мне стало не по себе: без связи мы сможем удерживать столько секторов, сколько у нас есть достаточно сильных группировок кораблей. Времени действительно не было.

– Адмирал, готовьте блокаду Виктории.

– А если ты ничего не найдёшь? И ты забыл про орбитальные комплексы?

– Я помню. Блокировать придётся всю систему с расстояния вне досягаемости орудий.

– Ты же понимаешь, что на это потребуется несколько носителей?

– Это же риторический вопрос?

– Отбой, – адмирал отключился, а у меня осталось чувство, что он напуган больше, чем когда-либо.

Камеры слежения Парадиза вели кортеж. Три машины в центре и десяток сопровождающих. Процессия двигалась к оцепленному военными кварталу. Я видел, как на крышах прятались снайперы. Похищение мисс Мерсер и смерть Кёля были обработаны службой безопасности и переданы наверх. Возможно, общее совещание глав трёх корпораций было с этим никак не связано, но я в любом случае хотел бы услышать о чём говорят эти владельцы планеты. Вот только облако нанитов не могло приблизиться ни к автомобилям, ни к оцеплению – мощные глушилки сжигали всю электронику. Оставалось лично посетить собрание. Вспомнились сло-

ва Штайна про гостайны: "Они мешают мне работать."

Серый уродец удачно спрятался на стоянке для прокатных машин. Я мог легко пройти незамеченным по тёмным улочкам, но все они выходили на хорошо освещённые проспекты с патрулями. Оказалось, что предусмотрено всё: подземные коммуникации охранялись, воздушное пространство непрерывно просматривалось и автоматикой, и живыми людьми. На территории Союза так тщательно не готовилось ни одно мероприятие, даже ежемесячный публичный отчёт Германа Штайна. Пришлось отступить. Вернувшись в номер, я долго анализировал перемещение патрулей по наружной границе оцепленной зоны – единственное, что смог записать с помощью своих нанитов – и пришёл к выводу, что проникнуть туда тайно не вышло бы.

В комнатухе гостиницы было душно. Кондиционер требовал почасовую оплату, а у меня после похода в ресторан осталось совсем мало денег. Жара не вызывала особых неудобств, а вот из-за качества воздуха постоянно першило в горле и появлялась одышка. Пачка какого-то дешёвого аналога чая обошлась мне в три монеты, потому что считалась роскошью, но на вкус напиток был скорее похож на грибной бульон. Я сделал несколько глотков и оставил кружку на столике, решив допить вечером, если вернусь.

К началу рабочего дня Игна уже подготовила необходимые бумаги и переоделась в рабочий комбинезон. Её начальник – крупный лысеющий мужчина – сидел за столом, зава-

ленным папками.

– Господин, Кох? – Игна постучала по косяку открытой двери.

– Доброе утро! – воскликнул здоровяк, поднимая голову, – Куда собрались, мисс Мерсер?

– Мы просрочили проверки рабочих мест на присоединённых складах. Дадите разрешение?

– Тебе оно надо? – здоровяк махнул рукой, – Я тебе так подпишу!

– Мы там ни разу не были, а скоро придёт ревизор от Союза Колоний – сейчас я бы не стала их раздражать, после банкротства Светлячков. Смотрите сами, – Игна сделала шаг назад, словно намеревалась уйти.

– Стой! Ты права. Могут прислать кого-нибудь из своих, а с ними не договоришься в случае чего, – Коган протянул руку для бумаг Игны, – Надо тебе хоть премию выбить за усердие...

Старший менеджер виновато посмотрел на женщину и ввёл в консоль запрос на денежное поощрение. Через секунду появилась надпись:

"Отказано в связи с исчерпанием личного лимита"

– Жадные убудки... – прошипел мистер Коган.

– Не заморачивайтесь, – Игна взяла разрешение, повернулась и быстро вышла. Её сердце подскакивало от волнения, а ноги заплетались.

Меня в очередной раз кольнуло чувство стыда, когда я

подглядывал за ней с помощью жучков, сидя в своей картонной конуре. Клайв сразу же выдал мне список заданий на весь день и оставил наедине с компьютером. На этот раз работа оказалась монотонной и скучной, но могла быть полностью выполнена ИИ. Я всё внимание переключил на Игну, которая скрупулёзно осматривала ангар и вела подробные записи. Контейнеры с эквилайтом стояли на своём месте, а больше в этом помещении ничего не было. Наконец, она зашла в комнату управления, и я смог приказать рою наномашин сформировать атакующую группу. Мисс Мерсер поздоровалась с молодым парнем с сальными волосами, торчащими из-под шапочки. Он флегматично кивнул и продолжил листать смешные картинки на своём коммуникаторе.

– Мистер Борщ, включите, пожалуйста режим администратора на своей консоли, – обратилась Игна.

– Аха, – парень пробежал пальцами по клавиатуре, – Тут же всё равно ничего не происходит...

Игна вошла в систему, и мне удалось подключиться. Сердце ухнуло и замерло – консоль была девственно чиста. Ни одного перемещения товара за последние месяцы.

– Сколько у вас сменщиков? – спросила Мерсер.

– Трое, – на этот раз парень даже голову не поднял.

– Вы хоть раз видели, чтобы отсюда что-то вывозили?

– Неа, – я заметил, что у Борща дёрнулось веко и рука потянулась за пазуху, его уровень возбуждения резко вырос, но предупредить Игну я не мог.

– Я почти закончила, – Мерсер поставила свою сумку с планшетом на стол, – Заполню отчёты и попрощаемся.

– Отчёты можно и в офисе закончить... – совершенно без эмоций произнёс парень и встал, потянулся. Захрустели суставы. Он достал сигарету, глубоко затянулся, выдохнул смердящее облако.

– Вы же знаете, что нельзя тут дымить! – Игна закашлялась.

– Можно, если все работники курят, – Борщ хихикнул, – Есть такой закон.

– Да идите к чёрту! – женщина схватила свои вещи и быстро вышла.

Паренёк сплюнул в раковину жёлтую мокроту и через окно своей комнатки наблюдал, как Игна идёт к большим воротам выхода.

– Ушла. Нужно убедиться, что совсем, и через час подгоняйте транспорт, – сказал Борщ в коммуникатор, который всё время был на линии. Я попытался взломать устройство, но защитные протоколы военного образца просто так не поддавались нанитам.

Парень подошёл к консоли и ввёл несколько команд. Склад накрыло мощным электромагнитным полем. Мой рой наномашин мгновенно выгорел, а я на секунду ослеп и оглох. Если Борщ не кинул "дезу", то у меня есть час, чтобы добраться до него лично и поймать с поличным.

1.16. Цепные псы войны

Адмирал флота после доклада Жданова размышлял в потёмках своей каюты. Пальцы крутили зажигалку. Продолжать анализ уже не было сил и старик, прикрыв глаза, отправился далеко в прошлое.

Самое начало Пиратской войны. Чуть больше века до событий на Талиме.

– ...Я уверен, что война будет масштабнее, чем рассказывают, – Герман Штайн ходил из стороны в сторону, чем очень раздражал Роберта. Этот выскочка лизал все задницы, до которых мог дотянуться. Сам же полковник Майн предпочитал молчать, думать, а потом делать, – А значит, мы должны проявить себя и, наконец, стать той силой, с которой считаются!

– Повтори это за пределами комнаты, капитан, и тебя обвинят в пропаганде терроризма, – Майн устало поднялся из кресла и, схватив за плечо, остановил движение этого живого маятника, – Сколько имплантов уже поставил?

– Шестнадцать. Какое это имеет отнош... – Герман неосознанно попытался продолжить вышагивать по кабинету, но полковник держал крепко.

– Прямое! – рявкнул Роберт, – В тебе куча несинхронизированного железа. Каждый модуль тащит психику в свою

сторону. Личность таких солдат разваливается на куски, как только они приносят достаточно прибыли. Некоторым везёт, и успевают получить пенсию пару раз перед тем, как забывают своё имя.

Роберт осёкся, когда увидел взгляд подчинённого. Из ярких голубых глаз наружу изливалась уверенность и расчёт, словно их обладатель знал нечто недоступное остальным.

– Плановая операция по установке систем координации имплантов назначена на завтрашнее утро, – капитан достал из кармана небольшой прямоугольник медицинской карты, – Мне дали разрешение на расширение аугментаций (аугментация – имплант, усиливающий, улучшающий функцию организма). Я вылизал себе это разрешение, как тут говорят. И это правда. Я и дальше буду добиваться своего всеми средствами.

Майн скривился. За пару лет работы с этим человеком, он так и не понял его до конца. Капитан усердно выполнял приказы, рвал жилы на каждом задании, никогда не подставлял товарищей, но при этом всякий раз заказчики оставались в полной уверенности, что перед ними подлый лизоблюд и конформист. Роберт точно знал только то, что у Германа Штайна есть цель, ради которой тот готов на всё. Таких людей стоило бояться, особенно теперь, перед началом первой крупной войны между колониями и их владельцами, войны, которая может стать толчком к переменам или навсегда похоронит человечество.

– Разрешите идти? – спросил Герман.

– Один вопрос... Почему ты споришь со мной? Ты всегда готов любому начальству угодать, кроме меня, – Майн достал сигарету и прикурил.

– Вы вызываете уважение, – Герман поморщился от дыма, – Я бы хотел взаимности.

– Иди. Завтра поедем в Москву, так что готовьтесь. Установку "хаба" (от англ. hub, здесь центр сети, прим. авт.) для твоих игрушек я перенесу на сегодня. Через час будь в операционной. В тебя вложено слишком много ради завтрашнего события.

Майн отдал честь, развернулся и, чеканя шаг, вышел. Роберт через личный коммуникатор связался с офицерским госпиталем и несколько минут ругался с главврачом, заставляя изменить расписание. До вечера оставалось слишком много времени, которое необходимо занять, чтобы не пускать в голову мысли о предстоящих событиях. Полковник занялся рутинной: проверял отчёты подразделений и визировал закупочные документы – необходимо готовить и людей, и технику, чтобы выполнять задачи, которых становилось всё больше с каждым днём.

Смерклось. Роберт не заметил, как сгустились сумерки и единственным источником света остался его монитор с выкрученной на минимум подсветкой. Пропищал коммуникатор сообщая о входящем вызове.

– Прости, заработался! – Майн приложил керамический

прямоугольник к уху и заговорил неожиданно нежно для боевого офицера.

– Я всё ещё жду, – ответил ласковый голос, – Уже поздно что-то доделывать – приходи домой.

Роберт с трудом сглотнул.

– Я уже собираюсь.

Полковнику полагалась расширенная медицинская страховка, и в свои пятьдесят шесть он обладал телом тридцатилетнего. Это позволяло не только игнорировать лифты, но ещё и продолжать вести образ жизни молодого полного сил человека. Даже его чувства к Светлане возникли спонтанно, как у подростка, и оставались свежими уже несколько месяцев.

Жилой корпус командного состава находился всего в пятистах метрах от административных зданий. Роберт ещё утром заметил клумбу с лилиями и теперь сорвал три веточки. Он мог позволить себе заказать цветы. Вот только это не дало бы ощущения жизни, которое последнее время было в дефиците.

Светлана стояла в дверях и ждала, когда любимый поднимется, тяжело дыша и сожмёт в своих объятиях. Сегодня Роберт вбежал в квартиру, наигранно, по-шпионски осмотрелся и достал чуть помятые цветы из-за пазухи кителя.

– Смотри! Я добыл их тебе!

Светлана рассмеялась.

– Ты дурачок! А если камеры засекли?

– Я же суперагент! Меня нельзя засечь! – Роберт почувствовал, как пришло сообщение о хулиганском поведении и порче клумбы. Автоматика уже обработала запись видеонаблюдения и выставила счёт. Одно движение пальца смахнуло напоминание и оплатило штраф. Полковник оценил иронию ситуации, сравнив сумму с ценой на лилии – заказ вышел бы дороже.

Светлана обняла Роберта за шею и прижалась чуть дрожащим телом.

– Поедим сначала? – шёпотом спросил полковник.

– Я не умею ждать, – Светлана не дала больше произнести ни слова.

Перед рассветом Роберт отметил, что снова не помнит, как раздевался. Смятая постель промокла от пота и лежать на ней было неприятно, но Светлана спала неподвижно. Полковник попытался встать, не разбудив девушку, но не вышло. Гибкое тело подскочило, стекло, словно жидкое с кровати, и, спустя мгновение, внимательные умные глаза смотрели настороженно и с некоторой злостью.

– Пора? – спросила девушка.

– Да. Собираться надо.

– Ты не изменишь своё решение? – на месте Светланы другая женщина сейчас устроила бы истерику, но Тарасова была слишком сильной. Её послушной список мог вогнать в краску многих псов войны. Пехотное училище не до конца промыло мозги, но успело вбить философию наёмников.

– Я не смогу отдать приказ тебе. Просто не смогу. Не хватит у меня никаких сил посылать тебя в мясорубку. Прости. Ты останешься здесь. Будешь муштровать новеньких или... или пойдёшь на другой корабль.

– Ты трус, – тихо произнесла Светлана и начала одеваться, – Ты не боишься умереть, но ты боишься отправить меня выполнять работу. Ты трус.

Девушка быстро запрыгнула в форменный комбинезон, на ходу подхватила бесформенную матерчатую сумку с пожитками, которые собрала ночью, пока Роберт спал, и выбежала на улицу. Штайн спустя несколько минут осознал, что больше никогда не сможет обнять её, поцеловать, назвать своей. Это была его первая жертва в той войне. Полковник крепко сжал кулаки и низко зарычал сворачиваясь калачиком. Боль проникла под рёбра. Ещё мгновение и железная воля сковала мысли, разгладила морщины на лбу, подняла с колен. Нужно выполнять работу.

– Мы получили самый крупный контракт за всю историю новой России! – вещал с трибуны человек в адмиральской форме с президентским значком, – Наши корабли будут нести порядок! Мы будем олицетворять закон во всей галактике!

– Урод, – тихо прошептал Майн через плечо.

– Согласен, – отозвался Герман Штайн, – Будем действовать по плану?

– Пора...

Одновременно с мест поднялись все высшие офицеры, и человек за трибуной удивлённо замолк.

– Что происходит? – адмирал-президент заметался на трибуне, – Я приказываю!..

Последний крик захлебнулся. Герман Штайн вплотную подошёл к главнокомандующему и ударил в живот. Лысая голова с маленькими злобными глазками сначала затряслась от ярости, но, поняв случившееся, попыталась вжаться в плечи.

– Валерий Владимирович, вам объявляется импичмент, – громко объявил Штайн, – Согласно законам России, вы обвиняетесь в умышленном причинении вреда интересам государства.

Роберт наблюдал за происходящим словно через экран, находясь далеко в своих мыслях. Чуть позже он отдавал приказы, решал срочные проблемы всё с той же отстранённостью. Весь день приходилось постоянно находиться на связи с правительствами Земли. К вечеру всё улеглось. Легитимность исполняющего обязанности главнокомандующего была признана большинством. Майн стал президентом России – уже давно не федерации, растерявшей большую часть своих земель, но всё ещё почти суверенной республики.

Возвращаясь вечером в гостиницу, Роберт не мог думать – голова гудела, словно рой пчёл.

– Сейчас было самое время, – сказал Герман Штайн на-

клонившись к сидящему рядом в пассажирском кресле исполняющему обязанности, – Мы бы просто погибли в этой войне все до единого, а теперь есть шанс.

– Тебе ведь мало этого? – спросил со злобой Роберт, – Ты ведь не остановишься пока не получишь всю власть?

– Роберт Максимович, Россия сейчас самая слабая сторона конфликта. У нас ничего нет, кроме солдат. Если Атлантика или Китай прекратят поставки, сколько мы продержимся на запасах сухпайков? Где будем брать детали для ремонта? – Герман Штайн покачал головой и добавил, – Армия без промышленности просуществует пару часов, а потом вся примкнёт к пиратам. Наши партнёры знают об этом.

– Ты не ответил на вопрос.

– Мне не нужна власть. Это лишь средство. Цель я вам уже описывал.

– Мы будем и дальше играть роль цепного пса?

– И я буду облизывать руки хозяина, пока не наступит время для следующего этапа.

– А я не смогу притворяться...

– Роберт Максимович, пожалуйста, потерпите пару месяцев! Мне нельзя сейчас занимать ваше место. Мне нужны победы в боях. Иначе я буду выглядеть мыльным пузырём. Мне необходима популярность среди солдат и граждан колоний.

– Два месяца. Не больше, – Роберт замолчал. Он мысленно продолжал переживать сегодняшнее утро, а слово "трус"

превратилось в непрерывный гул. Хотелось найти Светлану и всё ей рассказать, прижать к себе и никуда не отпускать, а мир пусть спасает себя сам.

– Даю слово, что, как только появится возможность, подпишу вам почётную отставку, и сможете заняться своей личной жизнью, – Герман остановил машину возле гостиницы, – Как думаете охрана понадобится?

– Я слишком мелкая и для всех удобная фигура, – Роберт махнул рукой и вышел под чистое весеннее небо, – Что с Валерой делать будете?

– С ним ещё десяток единомышленников. Отдадим в международный суд по экономическим преступлениям, – Герман подпрыгивал, чтобы размять ноги после пары часов в пробках столицы.

Двое людей собирающихся перевернуть мир вошли в фойе Метрополя.

Бой на орбите Калисты. Несколько дней спустя после переворота и смещения Пряникова.

– Адмирал, докладываю! – картинки не было, а голос прерывался помехами, – Корабли первой ударной группы потеряны. Калиста ответила на ультиматум огнём орбитальных платформ.

Майн принимал цифровой отчёт и скрипел зубами. Он не мог отменить все приказы своего предшественника. Военные корабли выходили на связь только в строго назначенное

время, а в промежутках выполняли свои задачи. Почти две-
сти тысяч человек погибли из-за глупости предыдущего пре-
зидента.

– Остальной флот отозвать к границам пиратской зоны, –
Роберт разработал план патрулирования систем с лояльны-
ми Земле колониями и переслал капитанам всех судов.

– Я через час буду на орбите, – Герман стоял, вытянув-
шись в струну.

– Знаю, – буркнул Роберт.

– Хотел пожелать вам удачи и... держитесь!

Майн долго всматривался в лицо будущего правителя че-
ловечества и наконец спросил:

– Вы никогда не сомневаетесь?

– Сомневаюсь... Но это из категории субъективного.

Адмирал протянул руку для пожатия:

– Храни вас бог!

Штайн грустно улыбнулся:

– Я не суеверный... Вы так и не избавились от этого.

Герман направился к погрузочной площадке, чтобы лич-
но проверить несколько контейнеров и занять своё место на
раме.

– К вам генеральный директор Нового Эдема! – секретарь
почти кричала в наушнике.

Шлюзовая дверь откатилась в сторону. Роберт подумал,
что будь она обычной, то этот посетитель открыл бы её но-
гой.

– Ваши ротации обычно меня не волнуют, – начал без приветствия высокий человек в изысканном костюме, – Но сейчас это может влиять на наш бизнес.

Серые глаза нетерпеливо сверлили адмирала, ожидая ответов.

– Мы вступим в боевой контакт и подавим мятеж. Позвольте нам самим планировать кампанию – у нас достаточно опыта...

– Сколько вы уже вернули нам планет? Или может пока только потеряли группу арендованных кораблей?

Майн заложил руки за спину и незаметно ущипнул себя.

– Я не мог предотвратить эти потери, вызванные неумелым управлением Пряникова.

– Если вы бездарно потеряете ещё хоть один наш корабль, то расстанетесь со своей должностью, – господин Адам Уолтон говорил спокойно, словно обсуждал меню обеда, – В конце концов мы можем обратиться к азиатам. Китайская армада мутантов тоже умеет стрелять, а главное, у них вся техника своя.

– Мы вернём контроль над колониями, но война будет долгой, – Роберт хотел избавиться от своего гостя как можно скорее, чтобы не сорваться и не ударить его, – Ситуация запущена настолько, что возможно придётся обратиться к армаде. Не сейчас. Позже.

Господин Уолтон сел на краешек стола и забросил ногу на ногу, не спеша достал портсигар и закурил. Майн знал, что

этому человеку уже больше сотни лет, но выглядел он моложе адмирала. Владелец половины Земли и двух третей колоний не торопился. Современная медицина позволяла ему жить долго и счастливо, без болезней и не стареть.

– Я вижу в вас потенциал. Господин Майн, вам не надоело быть псом войны? Ваш народ заслужил суверенитет только тем, что зависит от всех. Не забывайте. Ваша государственность – добрая воля.

Уолтон рассмеялся, затушил сигарету и подошёл к окну.

– Мне нравится, как сегодня выглядит Россия – учебные комплексы, институты, в которых вы придумываете новое оружие или технику. И вы занимаете ровно столько места на нашем шарике, сколько нужно. Нет коптящих заводов. Нет деревень, где воняет навозом.

Роберт ощутил приступ ярости, но снова сдержался. Слишком рано просить разрешение у этого человека на собственные ремонтные верфи или хотя бы на собственные продуктовые фермы. Для этого нужны действительно выдающиеся успехи. А пока Майн кивал головой, опуская взгляд всё ниже в пол.

1.17. Управляемый протест

Я встал из-за стола и направился к выходу из опенспейса (место работы Жданова, помещение, где столы сотрудников разделены картонными перегородками, прим. авт.). Клайв выскочил из своего кабинета и попытался перегородить мне дорогу, но поймав мой взгляд осел на пол по стене и принялся судорожно набирать номер полиции. Он принял меня за слетевшего с катушек офисного работника – такие частенько стреляли в своих коллег и начальников, и на Виктории это было обычным делом. Я наклонился к нему и аккуратно отобрал коммуникатор.

– Клайв, я не собираюсь делать глупости. Мне нужно просто уволиться. Без шума. Я вечером приду за бумагами, а утром вернусь в нормальный мир, – я говорил тихо, медленно, словно хотел убаюкать менеджера, осторожно поднял его на ноги и вернул КПК, выключив набор полиции, – Я просто понял, что тут мне не место.

Клайв Тэтчер закивал, даже улыбнулся своей хищной улыбочкой и расслабился, мой тон подействовал.

На первом этаже за стойкой охраны один из службы безопасности вяло посмотрел на меня и бросил:

– Пропуск...

– Что, простите?

– Нельзя без пропуска покидать рабочее место вне поло-

женного времени, – охранник говорил всё так же флегматично, но рукой уже нашарил шокер и надеялся, что сегодня его использует.

– Я больше тут не работаю, – на моём лице образовалась глупая, грустная улыбка, – Уволили... Очень нужно воздухом подышать.

– Без пропуска тем более нельзя, – шокер уже лежал на стойке и смотрел на меня своим стволом, – Я с удовольствием получу премию за задержание.

– Хорошо. Я попрошу у менеджера.

Развернувшись, я быстро вызвал лифт и зашёл в кабину. Камеры слежения просматривали все помещения, окна открывались только специальными ключами. Здание было приспособлено, чтобы никто не мог его покинуть, словно тюрьма для рабов.

Я поднялся на крышу с вертолётной площадкой и небольшим садиком для прогулок и курения. Отсюда до земли около пятисот метров. Зной уже подобрался к опасной для здоровья границе, и ветер совершенно не охлаждал, а наоборот сильнее нагревал тело. Крыша была огорожена высоким сетчатым забором из тонкой проволоки, чтобы никто не смог броситься вниз. Наниты не могли быстро прожечь достаточно большое отверстие, тем более не умели планировать с грузом моего тела, и пришлось придумывать другое решение.

Над головой на выделенном для них уровне пространства сновали дроны-доставщики, давным-давно полностью заме-

нившие курьеров. Мощности их двигателей хватило бы на подъём с человеком на три-пять метров или спланировать вниз – оставалось выпустить рой нанитов и захватить одного. Выбрав крупный автомат, я заставил его вильнуть в сторону "слепой зоны" для видеонаблюдения, снизиться, и, рассчитав момент, прыгнул. Машина плавно спустила меня в сквер у здания Mi2. В рабочее время в деловой части города людей было очень мало, и никто не заметил мой побег. До парковки с серым уродцем я пробежал трусцой, словно редкий праздничный горожанин, обеспокоенный лишним весом. Оставалось ещё пятьдесят одна минута, чтобы успеть к началу операции на складе, когда неказистая машинка поднялась в воздух и юркнула в поток высоко над крышами.

Дорога отняла ещё сорок минут, но возникла другая проблема: над ангаром, куда нужно проникнуть колыхалось невидимое человеческому глазу мощное ЭМИ-поле (импульсное электромагнитное поле, сжигающее электронику, прим. авт.) Использование этой технологии не было запрещено, но затраты на поддержание защиты оправдывались только против разведки флота. Слишком часто на Виктории я наткался на эти полевые генераторы, что невольно решил – нас ждали и готовились. Без отключения большей части имплантов продолжать операцию было невозможно.

За много лет к аугментациям привыкаешь. Без них слабость и хрупкость человеческого тела ощущается в полную силу. Тут же возникло желание сощурить глаза, потому что

картинка потеряла резкость, свет стал слишком ярким, а тени нечёткими, тёмными и смазанными. Спектр зрения сузился до тонкой полоски. Запахи не превращались в столбики состава воздуха. Пропала эхолокация и точная фокусировка на источники звука. Лишившись в тот момент глаз, я бы не почувствовал особого ухудшения – настолько много терялось в восприятии без имплантов.

Поле – несколько мгновений назад непроходимый барьер в форме купола, похожий на туман своей рыхлостью – теперь не ощущалось вовсе. Жара принялась выжимать пот, и одежда быстро промокла. Я старался не попадать в поле зрения камер, но теперь приходилось это делать по памяти, а не считывая в реальном времени информацию из сети.

К воротам склада удалось добраться с небольшим опозданием, но тягач с древним бензиновым двигателем только въехал в ангар, и я замер, спрятавшись за контейнером снаружи. Короткими перебежками удалось пробраться внутрь. Двое рабочих торопливо грузили ящики в кузов, а Борщ спускал паллеты с новыми и менял на них маркировку.

Появилась рабочая версия событий для расследования: эквилайт изготавливался в полуавтоматическом режиме на "простаивающем" оборудовании, и, чтобы алгоритмы не засекли, обозначался в системе каким-нибудь массовым продуктом, но перед отправкой на орбиту каждый товар должен физически пройти через склад, получить идентификаторы стандартные для СЗиКа. Взломав программы учёта,

преступники нашли способ организовать всё это.

Я обошёл тягач и прижался к горячему металлу радиатора кабины. Трое человек были настолько заняты, что не заметили бросок тренированного тела, пока не упали на бетонный пол. Грузчики потеряли сознание, а с Борщом мне хотелось поговорить.

– Руки держи на виду, – начал я, но кладовщик схватился за своё оружие в просторном кармане комбинезона и несколько раз выстрелил прямо через ткань. Он оказался на удивление метким, и две пули клюнули меня в грудь, завязнув в модифицированных костях. Ранение было лёгким, но настоящая боль на пару мгновений ошеломила. Борщ подскочил и рванулся к своему кабинету, считая меня потенциальным трупом. Догнать его удалось с трудом, уже выхватившим автоматическую импульсную винтовку. Я схватил оружие за ствол из-за спины Борща и резко потянул на себя. Керамопластик упёрся в гортань преступника и сдавил трахею. Очень быстро тело обмякло и перестало сопротивляться. Я уложил его на стол и связал попавшимися под руку проводами. Беглый поиск в консоли оператора позволил найти способ отключения защитного поля. Наконец можно было вернуть свои способности и дать сигнал флоту.

Ничего не произошло. Я оставался обычным человеком.

– Руки держи на виду! – голос сзади произносил слова с сильным акцентом. Его английский был очень скверным.

– А вы уверены, что угрожать мне хорошая идея? – я по-

слушно держал руки над головой и медленно поворачивался, произнося неудобные для меня звуки высокого арабского.

– Ты не имеешь права говорить на святом языке! – наёмник в камуфляжной форме и шлеме, закрывающем лицо, ткнул в меня дулом винтовки и опрокинул на спину, – Ты грязная собака!

Я попал в точку, определив принадлежность противника. Фанатики-наёмники ненавидели всех, по указке убивали за небольшие деньги, не считаясь с потерями. Их единственной целью был "вечный джихад". В недавнем прошлом, если заказ оказывался слишком "грязным" для официального решения, корпорации пользовались их услугами. Это продолжалось до тех пор, пока флот президента Штайна не взял большую часть колонизированных планет под свой контроль. После пиратской войны деятельность этих бородачей пресекалась самым жёстким образом. Я не встречал упоминаний о них уже пару десятков лет. Они почти никогда не нападали в одиночку, действуя небольшими группами, и я ждал, когда появятся остальные.

Психопат топтался на месте, но не стрелял. За его спиной раздались голоса. В кабинет вошли ещё несколько боевиков. Они опасливо косились на мою грудь с двумя ранами. Я внимательно изучал противников, их оружие и ждал удобного момента, чтобы нейтрализовать и выбирал, кого оставить в живых для допроса.

– Вставай! – рыкнул один из группы и протянул пласти-

ковые наручники, предлагая самостоятельно надеть их. Что ж... Фанатики не понимали до конца, кто перед ними. Я смиренно застегнул замки на запястьях и хотел подняться на ноги, но получил сильнейший удар – кто-то выстрелил мне в грудь из противотанковой винтовки – и отлетел в стену.

– Этого нельзя брать живым, – голос без каркающего акцента поучал дикарей, – Этот не человек даже – напичканный имплантами биоробот, грязное животное. Есть большой нож? Нужно ему голову отрезать, чтоб наверняка.

Сознание поплыло. Скелет не выдержал, судя по хрусту и боли, часть грудины сломалась и упёрлась в лёгкие. Перед лицом наклонился ухоженный мужчина в дорогом костюме.

– Простите мою бестактность! Приветствую вас на Виктории! – в руке у него оказался длинный десантный нож, который уже начал погружаться в мою шею, когда я потерял сознание от нехватки воздуха. Я узнал человека: это был Стефан Уитман, владелец Mi2. В голове крутилась дурацкая мысль: "Почему деловые костюмы в моде у уродов уже столько веков?"

Я очнулся от смеха. Красивого человеческого искреннего смеха. Импланты работали в штатном режиме. Перед глазами ползли сводки о состоянии тела: проломленная грудная клетка, разрыв лёгкого, перелом правой руки, резаная рана шеи, едва не достигшая позвоночника. Большая часть повреждений уже была купирована (купировать, здесь устранить болевые симптомы, остановить кровотечение, но не синоним

излечения и восстановления, прим. авт.) системой обеспечения выживаемости.

– Жданов? – адмирал флота методично вызывал меня, –
Ответь Жданов!

– Слушаю, – приходилось эмулировать голос – самостоятельно говорить я ещё не мог.

– Мы получили сигнал, что ты в опасности. Десант прошёл процедуру высадки на планету и движется к тебе.

– В экзоскелетах? – я не поверил своим ушам.

– Да. Десять сквадов. Пришлось реквизировать все спусковые модули.

– Нападение на оперативника не даёт права на это, – я почувствовал, как меня перевернули и уложили на носилки.

– Так это не твоих рук дело? – брови Майна от удивления поднялись так высоко, что он стал похож на клоуна, – Передаю данные по Виктории.

Я в свою очередь отправил всё, что смог выудить из сети взломанной корпоративной сети.

Адмирал отключился, а я увидел масштаб происходящего: планета горела в пламени гражданской войны. Рабочие организованно оказывали вооружённое сопротивление – на многих предприятиях были захвачены склады охранных организаций. Полиция оказалась не в силах контролировать массы народа, требующие перехода планеты под полный контроль Союза. Особое внимание привлекало малое количество жертв и многие другие аномалии развития событий, на-

пример: численность повстанцев оказалась намного больше, чем оценивала Игна и её законспирированная ячейка.

Система жизнеобеспечения отчиталась о состоянии, и я приподнялся на носилках, которые уже погрузили в передвижной госпиталь. Доктор установил несколько датчиков и озадаченно смотрел в мониторы, не понимая, что делать с моим телом, состоящим из аугментаций больше, чем наполовину.

– Ожил! – я не сразу узнал Игну в лёгком бронежилете и с винтовкой на шее, заглянувшую в отсек мини-операционной, – Мы решили не ждать вашей помощи...

– Кто отдал приказ идти сюда? – с трудом прохрипел я. Доктор попытался вернуть меня в лежачее положение, но наши силы были слишком неравны.

– Я решила, что стоит... и уговорила группу... – Женщина немного замялась, чувствуя, что я чем-то сильно обеспокоен.

– А кто отдал приказ начать захват планеты?

– Я не знаю... Это общее решение наших руководителей. Я так ошиблась в оценке числа сочувствующих нам...

Снова получив доступ к сети, я увидел картину целиком и бессильно опустился на кушетку. Тысячи людей радостно кричали на баррикадах, ощущая свою победу. Виктория сдалась почти без боя, но лишь для того, чтобы сгореть под огнём собственных орбитальных установок. Сейчас половина платформ готовилась к процедуре разворота и удара по горо-

дам. Никто не знал о такой возможности, а я понял слишком поздно, только сейчас, когда процесс был уже запущен – протокол управления активной защиты планеты до сих пор не был расшифрован – шёл непрерывный обмен данными между центром управления и орбитальной группировкой.

– Вы – дурачьё, – прохрипел я на русском.

– Что? – Игна продолжала улыбаться, но, увидев моё выражение лица, уже не так уверенно.

– Мне нужно срочно попасть в центр управления планетарной защиты, – я откинул провода с датчиками и спросил доктора, – У вас есть комплекты биомассы для восстановления имплантов девятого поколения?

– Нет. Вообще никаких, – мужчина снял маску и развёл руками, – На Виктории это доступно лишь нескольким семьям. Есть "клей" – дырки залатать.

Я взял пакет с гелем, надорвал край и залпом выпил солоноватую слизь. "Клей" позволит заменить повреждённые ткани на синтетические соединительные волокна без восстановления функций, и продолжить гонку со временем.

– Где Уитман? – спросил я Игну.

– Мы старались взять его живым, но он отчаянно сопротивлялся. Он в боксе неподалёку с сильным ранением.

Поднявшись, я ощутил головокружение, но на ногах удержался и смог самостоятельно покинуть кабину госпиталя. Снаружи прямо на земле сидело с полдюжины человек. Увидев меня, они засмеялись:

– Космодесант закончит нашу работу здесь!

Игна указала место, куда поместили одного из владельцев планеты. Не теряя времени, я ворвался в операционную. На кушетке недвижимо лежало тело с несколькими отверстиями в брюшной полости. Уровень аугментаций был ниже моего, но Уитман Стефан держался в сознании. Полевой хирург готовился обработать ранения и перевязать, но я отстранил его.

– Зачем пришли? – дорогой костюм, заляпанный кровью, как нельзя точно подходил под этот надменный голос.

– Предложить сделку, – речь всё ещё больше походила на карканье ворона, – Мне нужны коды управления орбитальными пушками.

– Их нет. Автоматика настроена так, что срабатывает, если на Вику проводят успешное вторжение, – человек хихикнул и сплюнул сгусток крови.

– Мне нужны коды отмены, – я положил руку ему на затылок и приготовился считывать память.

– У меня есть ключ. Если успеете им воспользоваться, то спасёте планету, – Стефан Уитман улыбнулся разбитыми губами и достал небольшую карточку, – Держите! Времени мало.

Пришлось подавить желание схватить ключ и рвануться к узловой станции управления обороной – она располагалась в нескольких километрах отсюда вместе с крохотной площадкой для эвакуации с планеты руководства корпораций – туда

собирался Уитман, по пути заглянувший на склад с группой боевиков. Не было в его голосе лжи или неискренности. Он отвечал честно на поставленные вопросы, но не поинтересовался, что получит взамен, словно моё слово "сделка" пропустил мимо ушей.

Сложно оценивать риски, находясь внутри событий. Невыносимо тяжело принимать решения, которые повлияют на ход истории. Я задержался на секунду, чтобы решить: бежать изо всех сил, чтобы воспользоваться ключом, или потратить драгоценные минуты и извлечь память из владельца Mi2, потому что он действовал слишком альтруистично для владельца личного бизнеса.

Импланты с аналитическими модулями процессоров все, как один рекомендовали оставить Уитмана сейчас и вернуться к нему позже, после отмены залпа по планете, но я в тот раз поддался интуиции.

Жизнь человека состоит из рутины. Обычно для поиска информации при использовании протокола "Воздействие" оперативники в первую очередь отмечают яркие события, вспышки эмоций. Жизнь этого старика целиком состояла из серого тумана обыденности. Рождённый в богатой семье, он не радовался ничему. Его фамильное состояние могло покрыть все мыслимые затраты и продолжало ежесекундно расти без какого-либо участия со стороны самого Уитмана. Передо мной лежал человек, который никогда не испытывал нужды в чём бы то ни было, любое желание исполнялось без

малейшего усилия, а труд на протяжении всех двухсот семи лет жизни состоял лишь в формулировке этих желаний. Мне ещё никогда не было так больно просматривать память, и времени уходило больше, чем обычно.

– Мы не успеем... – тихо сказал я, закончив и устанавливая связь с Майном, а Стефан снова хихикнул.

– Жданов?

– Адмирал. Половина орбитального комплекса перенаводится на планету. Я вижу два пути: пожертвовать населением Виктории или пожертвовать несколько тысяч пилотов штурмовиков для уничтожения платформ. Времени осталось с десяток минут. Принимайте память Стефана Уитмана. Она лишь частично дешифрована – у меня не хватило времени.

– Принимаю, – Роберт Майн замолчал.

– Скажете, что решили?

– Флот всплывает... – сигнал прервался.

Игна слышала только мои слова и в шоке смотрела на меня ожидая объяснений.

– Ваша революционная активность санкционирована этими, – я показал пальцем на Уитмана, – Флот может успеть спасти планету, но ведь тут почти нет наших граждан и нет повода вмешиваться и жертвовать своими людьми. Пойдём отсюда.

Краем глаза я заметил, как Стефан расплывается в довольной улыбке.

Снаружи стало можно рассказать Игне, что Майн ударит

по платформам.

– Этого монстра нужно охранять лучше. Мы заберём его, когда всё кончится, – наступило короткое время, когда от меня уже ничего не зависело, и приходилось просто ждать.

Солнце прошло зенит. Жара усилилась неимоверно. Воздух колыхался, меня очертания фигур. Небо заволокло серой пылевой дымкой, и его цвет сменился с синего на грязно-зелёный. Неожиданно появилось множество падающих обломков, гул горящих тысяч тонн металла в атмосфере нарастал вместе со множеством сирен. Потери среди гражданских будут сегодня значительными, но большинство выживет. Я не стал связываться с Робертом – сейчас у него очень тяжёлый и трудный бой.

Приближение десанта выдавало себя громким лязгом брони. Парни бежали. Секция забора из бетонных плит вдруг разлетелась мелкими осколками, и через рассеивающуюся пыль появились экзоскелеты. Я помахал им рукой, сопровождая жест радиосигналом своих имплантов. Солдаты сбавили темп и запросили у меня оперативную сводку. Должно быть со стороны это выглядело жутко: боевые машины и человек, измазанный в крови, с разорванной на груди кожей, из-под которой торчали сломанные кости, поблёскивая металлом, смотрели друг на друга и общались, не издавая звуков на технолингве (машинный код, прим. авт.), а сверху небо рвали куски орбитальных платформ. Захотелось нарисовать эту картину, вписать туда переглядывающихся со

страхом и непониманием живых людей. Оставить потомкам свой взгляд на ужас творящегося безумия.

Блокада Виктории началась. Отныне планета будет объявлена собственностью народов Союза вместе со всем населением и предприятиями. В другое время я бы посчитал это хорошим исходом, но флот должно быть потерял множество кораблей, поверхность Вики подверглась бомбардировке обломками, а разобраться до конца, куда уходил эквилайт, так и не удалось. Вдобавок память Уитмана не поддавалась полной расшифровке, оказалось, что воспоминания можно скрывать, и эта технология была у врагов.

Через час я стоял на космодроме и принимал комиссию назначенную управлять колонией. Из корабля вышли шестнадцать человек в форме и отдали мне честь. Я не мог ответить – нельзя без головного убора – поэтому просто поклонился.

– Исполняющий обязанности адмирала флота, Жданов Вячеслав Семёнович, – начал Фёдор Аманатидис, сухой мужчина, занимающийся восстановлением колоний после глобальных аварий или неумелого управления, заместитель главы экономического совета, – Вам объявляется благодарность за проделанную работу.

– Что с Робертом Майном? – спросил я.

– Вы сможете ознакомиться со всеми записями боя на мостике флагмана, – ответила милая, чуть пухленькая девушка – первая помощница Аманатидиса. Она изобразила скорбь

на лице, по которой я понял больше, чем из её слов.

– Планета Виктория готова к сдаче, – бросил я.

– Какова ваша оценка вероятности сопротивления нашим силам? – поинтересовался Аманатидис, ставя свою печать в цифровом акте передачи.

– Незначительная – планету готовили к стерилизации.

Я обернулся к Игне, которая везде ходила за мной. Женщина внимательно следила за моим лицом и ожидала скорого прощания. Нельзя было оставлять её в неопределённости, и я подошёл к ней, обнял нарочито без нежности и так крепко, что она пискнула, а потом небрежно проведя рукой по волосам негромко произнёс:

– Всё будет хорошо. Вам придётся много работать с этими людьми, – я кивнул на членов комиссии, переносящих в грузовик свои тяжёлые чемоданы с вещами, – Ваше "подполье" будет переформировано. В первые дни разница в жизни планеты будет незаметна, а потом... Читать любые книги вслух можно уже сегодня, – Я улыбнулся.

– Вы когда-нибудь вернётесь? – Игна осторожно прикоснулась пальцами к лохмотьям кожи у меня на груди.

– Игна, у меня ещё слишком много работы.

Позже мисс Мерсер пришла проводить меня к челноку. Скорее всего потом она ещё долго смотрела в небо. Мне было очень стыдно за то, что я с ней сделал, но на раскаяние не имел ни времени, ни сил.

1.18. Битва за Викторию

Граница системы Виктории за несколько часов до передачи планеты под контроль Союза.

Мостик Выносливого кипел от людей. Помещение располагалось глубоко внутри корабля, надёжно защищённое множеством элементов системы безопасности. Несколько больших панелей образовывали вогнутый экран, имитирующий лобовой иллюминатор. Сейчас транслировалось изображение Виктории. Серо-голубая планета из-за огромных орбитальных конструкций напоминала жемчужину в оправе. Ни один боевой корабль не мог войти в зону, контролируемую орудиями, без риска быть уничтоженным. Бывшие хозяева больше века назад оставили автоматических сторожей включенными, собрали все остатки своих судов и погибли в отчаянной попытке нанести удар по Земле. Таких брошенных миров, где любой намёк на военную технику вблизи орбиты вызывал огонь на поражение, после Пиратской войны осталось двадцать две, и только на двух из них инженеры Союза после десятилетий кропотливой работы смогли дистанционно перехватить управление и отключить защиту.

Роберт Майн сидел в своём кресле и читал донесения. С Виктории поступил сигнал о начале вооружённого мятежа. Рабочие фабрик брали под свой контроль целые районы го-

родов, захватывали оружие и устраивали беспорядки.

– Почему сейчас? – Роберт спросил аналитика, работающего за своей консолью.

– Внешний источник возмущения... – Ильгиз Ситдигов произносил слова, словно находился под наркозом – мозг не справлялся с возросшим потоком данных, – Есть гипотеза с вероятностью больше половины.

– Докладывай.

Аналитик вышел из транса, а его взгляд прояснился:

– Жданов получил доказательства вины местных корпораций. Сеть оппозиции оказалась достаточно развита, и он использовал её для начала беспорядков, чтобы флот получил право вмешаться. По второй версии беспорядки начались для маскировки побега глав корпораций после их же команды.

Роберт поморщился и скептически цыкнул:

– Сильно противоречит его отчётам.

– Мы ещё не знаем, что нашлось на складе, – неуверенно возразил Ситдигов.

– Адмирал? – координатор высадки вызывал по радиосвязи, – Десант готов.

– Разрешаю начать спуск. Гражданское сообщение с Викторией прекратить. Для транспортировки десантников использовать грузовой челнок до орбитальной станции. Реакторы экзоскелетов не включать до прибытия на поверхность, – адмирал повторял этот инструктаж уже в третий

раз, – На связь до приземления не выходить!

Роберт Майн был воином. Несмотря на то, что ситуация, как мозаичное полотно, состояла из множества разнородных элементов с огромной долей неизвестных, адмирал ощущал подъём и свою необходимость, вместо обычной для рядового гражданина растерянности. Он понимал, что в мирное время армия не нужна вовсе, во время большинства кампаний с функциями и солдат, и командования легко справлялись машины с искусственным интеллектом, и только при недостатке данных доверять расчётам не было смысла, а на первый план выходили люди с гениальными решениями и катастрофическими ошибками.

– Адмирал! Мы наконец перехватили картинку со спутников и камер, – Ситдигов прервал размышления Роберта, – Ведём Игну Мерсер.

Майн сконцентрировал всё внимание на бегущей в зоне складов женщине. Она нырнула в частный ангар, очень быстро менялся ракурс, тело Игны демонстрировало выносливость и скорость – достижение регулярных изнурительных тренировок. Между высоких штабелей контейнеров оказался миниавтобус с оружием и экипировкой. Мерсер предъявила личный магнитный кодон, и её впустили в кабину, изолированную для большинства способов наблюдения. Меньше минуты Майн неподвижно всматривался в виртуальный экран, пока женщина не появилась снова на изображении, ловко спрыгнула с подножки уже переодетая в солдатский

комбинезон, держа в руках штурмовую винтовку. За это время на складе появились ещё несколько аналогичных фургонов, и к ним устремились люди за снаряжением – в основном операторы ближайших сортировочных терминалов.

– Вернуть десант! – скомандовал Майн.

– Поздно, – отозвался побледневший Ситдигов, – Они стартовали с носителя и ушли в режиме молчания.

– Ты понимаешь во что мы вляпались? – Адмирал флота встал, яростно сжал кулаки и бессильно упал в кресло.

Аналитик молча вносил новые данные для расчётов. Армейские образцы оружия указывали, но не подтверждали причастность к "восстанию" владельцев планеты, а вот организованная раздача населению в огромных масштабах однозначно разъясняла режиссёрские задумки и многие роли в начавшемся спектакле. Подполье в данных условиях не сможет вооружить своих членов так быстро и массово без привлечения на свою сторону регулярных войск, которых попросту не было на Виктории.

– Есть прогноз? – Майн с трудом выждал паузу в несколько секунд.

– Да, – Ситдигов полностью соединился с вычислительным центром, а вместо него отвечала помощница, – Вероятнее всего Союз будет обвинён во вторжении и подготовке переворота. Все планеты, находящиеся вне нашего влияния, получают мощный стимул объединяться против нас...

– Я это сразу понял! – адмирал повысил голос, – Что будет

происходить на Виктории в ближайшие часы?

– Максимальный политический эффект будет достигнут при уничтожении населения планеты... – девушка запнулась, – Вероятный способ: контрабандное термоядерное оружие.

Майн окончательно осознал, что попал в ловушку. Потеря промышленной планеты с населением поставит под вопрос само существование Союза Земли и Колоний. Крупные миры обязательно потребуют гарантий своей безопасности в виде собственных боевых кораблей. Это уничтожит монополию Союза на флот, создаст множество областей концентрации силы. Человечество снова будет отброшено на века назад.

– Есть варианты избежать этого? – спросил адмирал, заранее зная ответ – успешно блокировать ракеты с боеголовками можно только с орбиты, которую необходимо сначала отбить и занять, – Какова вероятность, что мы ошибаемся, и беспорядки всё же начались без помощи корпов?

– С новыми данными одна пятитысячная.

– Значит не надеемся на это и готовимся к худшему...

В тишине Майн подошёл вплотную к экрану и приложил ладонь к изображению Виктории. Адмирал размышлял о том, что у этого обитаемого мира есть ещё два десятка братьев и сестёр, которые затаившись скалят свои зубы. В голове пискнуло: Вячеслав оказался в зоне устойчивого сигнала. Роберт включил автоматически повторяющийся вызов.

– Слушаю, – наконец ответил Жданов, но не сам, а эмуляцией, придающей голосу синтетическое звучание. Судя по ранениям, говорить самостоятельно он ещё не мог.

– Мы получили сигнал, что ты в опасности. Десант проходит процедуру высадки на планету и потом направится к тебе, – Майн никак не решался задать главный вопрос.

– В экзоскелетах?

– Да. Десять сквадов. Пришлось реквизировать все спусковые модули.

– Нападение на оперативника не даёт права на это.

– Так это действительно не твоих рук дело? – руки адмирала сжали подлокотники так, что костяшки побелели, – Передаю данные по Виктории.

Майн увидел на мониторе сводку от Жданова, нашёл строчки о ядерных боеголовках на планете и отключил связь.

– Нам возможно повезло! – обратился он к аналитикам, – Ядерного оружия там скорее всего нет. Так кто устроил это представление и зачем?

– Теперь самая вероятная гипотеза, что мятежом неумело пытаются прикрыть своё бегство с планеты главы корпораций, а вместо ядерных зарядов будет использоваться экологическая катастрофа после самых обычных диверсий на промышленных предприятиях... – неуверенно ответила Вера – адмирал наконец вспомнил имя помощницы Ильгиза. Девушку приняли в команду совсем недавно, а к непосредственной работе она была допущена впервые.

Роберт Майн провёл рукой по лицу и отключился от отдела анализа. Он посчитал, что при ограниченных данных они только создают лишний шум. Скоро уже десант соединится со Ждановым и начнётся процедура перехода планеты под контроль: захват узлов связи, источников энергии, организация общественного порядка и прочее. Всё будет по плану, а бардак корпы устроили в надежде, что флот не успеет до того, как они заметут следы. Старый вояка хотел верить в эту гипотезу. Он уже воевал с коммерческими колониями, и всегда они демонстрировали только расчётливость, жестокость и хитрость, но никогда – разумность.

Отчитались первые десантники о прибытии на поверхность. Майн внимательно перепроверил все источники, но не нашёл данных о срабатывании ядерного оружия и немного успокоился – экологические бедствия не убивают так быстро, как взрывы.

Канал экстренной связи с Вячеславом снова ожил, и коммуникационный имплант требовательно посылал в мозг трель вызова.

– Жданов? – адмирал не ожидал новостей так быстро.

– Адмирал. Половина орбитального комплекса перенаводится на планету, – голос агента, лишённый эмоций, звучал так, что Роберт понял: Вячеслав уже приговорил себя и всю колонию, – Я вижу два пути: пожертвовать населением Виктории или пожертвовать несколько тысяч пилотов штурмовиков для уничтожения платформ. Времени осталось с деся-

ток минут. Принимайте память Стефана Уитмана. Она лишь частично дешифрована – у меня не хватило времени.

– Принимаю, – слова давались с трудом

– Скажете, что решили?

– Флот всплывает... – Майн отключил связь. Очень хотелось хоть на минуту остановиться, перевести дух, но адмирал не мог себе этого позволить. Импланты включились в режим максимальной производительности. Полетели приказы для подготовки удара. Мостик был снабжён скоростными лифтами, соединяющими разные части корабля. До дока истребителей Роберт добрался меньше, чем за минуту.

– Майн, я получил сообщение, – Роберт с раздражением принял вызов президента Союза, – Что собираетесь делать?

– Всплываем. Атакуем платформы. Потеряем не меньше половины машин, – адмирал смотрел, как к истребителям бежали пилоты.

Герман Штайн выдержал паузу и спросил:

– Что ТЫ собираешься делать?

– Ты ведь уже понял, – Роберт ловко забрался в свободный аппарат, – Ведь не зря же мне на последней операции столько кибернетики воткнули!

– Я приказываю тебе отставить! Ты не имеешь права рисковать собой!

– На моих руках столько крови, что уже не отмыть, – адмирал продолжал управлять формированием групп штурмовиков по радио и одновременно запускал системы истреби-

теля, – А вот сегодня есть шанс карму почистить.

Майн отдал приказ половине пилотов покинуть кабины.

– Когда тебя собьют, то ИИ не справится с управлением, – Герман сделал последнюю попытку убедить адмирала, что тот совершает ошибку, – Так и весь флот будет обезглавлен.

– Если собьют. К тому времени большинство платформ я уже уничтожу, – Роберт отключил канал связи, не желая слушать своего старого друга, которого ненавидел и любил уже больше века.

– Незаменимых не бывает, – прошептал адмирал.

Перед тем как надеть шлем, старый вояка достал из-под футболки нательный серебряный крестик с пятнами окислов от времени и пота на толстой нитке и зажал в кулаке:

– Господи, прости! – он не знал наизусть ни одной молитвы, – Не меня... Прости тех, кто будет разгребать за нами и дай им сил...

Двигатели закончили диагностику и взревели в режиме прогрева. Рамы всех носителей одновременно поползли наружу, чтобы выпустить в космос два роя: резервный с пилотами и основной, управляемый Майном. Флот всплыл на границе реагирования автоматических платформ и тут же сотни истребителей рванулись вперёд, закладывая сложнейшие траектории, избегая оказаться в прицеле планетарной защиты.

Сознание человека разделилось на сотни самостоятельных разумов, объединённых единой волей. Это было совер-

шенно новое ощущение – быть во многих местах одновременно. Импланты Роберта замедлили субъективное время до предела. Всё казалось обманчиво неторопливым, словно предлагая подольше обдумать следующий ход, а может даже полюбоваться роскошным видом космического боя. Майн знал, что нельзя поддаваться этой иллюзии – дорога каждая доля секунды. На дистанцию результативного огня смогли выйти девяносто процентов беспилотного роя. Это было даже выше расчётных значений, и на лице Роберта заиграла улыбка. Его мозг работал с той скоростью, при которой приказы машинам приходилось организовывать в очередь – передатчики не успевали. "Нужно для таких случаев что-то поэффективнее придумать" – пронеслась мысль и растворилась в безумных вспышках схватки. Рой держался довольно плотным облаком, чтобы снизить задержку сигнала, иначе эффективное управление оказывалось невозможным. Четыре платформы были сбиты почти без потерь. Оставалось чуть меньше полусотни. Майн с удовлетворением заметил, что орудия, нацеленные на планету, разворачиваются, признав в нём большую угрозу.

После переориентации всех платформ на внешнюю угрозу, рой очень быстро потерял треть истребителей, но теперь стало заметно легче – половина орудий противника уже не представляла опасности, и плотность огня снизилась.

Неожиданно планетарная защита сменила тактику, сосредоточив всё внимание на единственном истребителе с жи-

вым пилотом. "Обучилась тварь!" – со злостью подумал Роберт, маневрируя на грани возможностей своего тела. Вычислять единицу, которую тщательно прикрывают остальные, было заложено во все боевые ИИ.

– Резервный рой, приказываю атаковать! – адмирал флота использовал обычную радиосвязь и собственный голос в ущерб скорости. Он словно проводил какой-то ритуал, на ходу придумывая его правила.

Несколько коротких очередей прижали истребитель Роберта к крупным обломкам и накрыли плотным огнём. Обшивку разорвало во множестве мест, воздух из кабины мгновенно улетучился, ложемент автоматически сформировал вокруг тела спасательный модуль.

Резервный рой ударил с яростью и отвлёк внимание на себя. Роберт Майн оказался в полной тишине и темноте. Сверхчеловеческое напряжение сменилось пассивным ожиданием. Впервые за последнее время появилась возможность спокойно подумать. Даже не возможность, а неизбежность. Мысленный поток выровнялся, утратил завихрения и всякую турбулентность. Теперь Роберту стало стыдно за импульсивный поступок. Он осознал, что действовал, словно мальчишка-подросток. Вместе с новыми аугментациями (имплантами, расширяющими способности, прим. авт.) ему встроили систему гормональной коррекции, теперь стало очевидно, что это отчасти повлияло на поведение. Старый воин усмехнулся и закрыл глаза. Какое-то время от него ни-

чего не будет зависеть, но обращаться к высшим силам, молить о спасении совершенно не хотелось и казалось лишним.

Спасательный модуль не имел иллюминатора, внешней камеры или хотя бы датчиков. Ради экономии энергии инженеры оставили только системы для поддержания жизни и радиомаячок, способный передавать сигнал на несколько тысяч километров вокруг. Предстояло провести в темноте и тишине неизвестное количество времени.

Когда силы флота ликвидировали последнюю платформу обороны, от беспилотного роя ничего не осталось. Десятки поисковых кораблей инженерных подразделений прочёсывали окрестности Виктории в поисках выживших. Сотни пилотов истребителей после боя вместо положенного отдыха снова и снова возвращались в космос. По радио несколько раз прозвучали слова, что Роберта Майна будут искать даже после истечения всех разумных сроков.

1.19. Смертельная усталость

Я чувствовал раздражение из-за своего бездействия, ожидая подтверждения своих полномочий. Мостик Выносливого захватила тишина. Все силы оказались брошены на поиск нового героя, рискнувшего своей жизнью и спасшего сотни пилотов. У людей сложилось ложное мнение, что к ситуации привела не череда ошибок руководства, а исключительно происки "врагов".

Полный доступ к планетарной сети был получен, и отдел аналитики, вооружившись суперкомпьютерами, перемалывал огромные массивы данных, чтобы получить полную картину о состоянии всех дел на Виктории, а по специальному поручению несколько человек работали, вычленяя сведения о "подполье" и его связях с Mi2. Мне выдалась короткая минута отдыха перед принятием полномочий адмирала, и я просматривал результаты работы умников. Последние дни госпожи Мерсер восстановили посекундно, и стало очевидно, что меня вели с момента перехода через границу на орбите, как и остальных наёмных рабочих, прибывших с планет Союза. Игна передавала вверх по цепочке всё, что казалось ей необычным. В сеть "сопротивления" входило большинство граждан. Искусственный интеллект курировал акции протеста, подбирал кандидатов для той или иной работы, а через всплески агрессии и самоубийства сбрасы-

вал лишнее напряжение. Этот болванчик хорошо справлялся, ведь сознание его подопечных никогда не поднималось выше определённого уровня. Люди были готовы выступить против всего плохого за всё хорошее с плакатиками и флажками, да и только.

Я открыл одну из запрещённых методичек, "тайно" распространяемых среди населения. Несколько первых абзацев состояли из перечисления преступлений господина Уитмана и сравнивали его с президентом Союза. Текст состоял из деструктивных лозунгов, а вся программа из противоречащих друг другу тезисов неофашистского бреда. Я закрыл файл и почувствовал стыд за себя и весь Союз. Наша наука, военная мощь, хвалёное превосходство во всём ничего не стоили против примитивной лжи просто потому, что налёт разумности лежал на коже животного и легко смывался простыми приёмами. Чем подлее и тупее был механизм манипуляции, тем его доводы казались логичнее для большинства и эффективнее приживались.

– Есть пеленг спасательной капсулы адмирала! – пронеслось сразу на нескольких вещательных частотах. Известие выдернуло меня из задумчивости. Что же, если о покойниках нельзя плохо говорить, то о выживших героях и подавно. Хотя свою выволочку адмирал получит, когда придёт Штайн принимать систему в состав Союза. В прошлый раз после его появления на нас напали корабли чужих. Мысль дёрнулась было нырнуть в поток сознания и умчаться, но я

ухватился за неё. Если атака повторится, то можно предположить, что цель атак конкретный человек. Теперь тут собралось гораздо больше ударных частей, и я надеялся обойтись без потерь и захватить хотя бы один корабль.

– Внимание всем пилотам! – я получил право приказывать, – Повторяю! Всем пилотам поисковых групп! Инженерным судам, не участвующим непосредственно в доставке капсул с выжившими, вернуться на свои базы. Пилотам истребителей и штурмовиков занять свои машины и выйти на боевое дежурство к носителям. Капитаны ударных судов, приказываю образовать построение для отражения удара из дальнего космоса.

– Товарищ Жданов? – на связь вышел только что проявившийся корабль президента, капитан судна озабоченно вглядывался в сводки на своей консоли, – У вас есть основания полагать, что на нас кто-то нападёт?

– Нет, но если основания будут, то может оказаться слишком поздно для подготовки.

– Вячеслав! – президент появился на мониторе и улыбался, – Я рад, что всё обошлось. И... Роберта, говорят, нашли?

– Мы считаем противника умнее, чем он есть на самом деле, и проигрываем, – я вздохнул, – Как идёт мобилизация?

– Что с Робертом Майном? – президент перестал улыбаться и включил мимику для допроса, от чего у меня по коже пробежали мурашки.

– Капсулу нашли. Скоро откроют. Внутри живой чело-

век, – я мог бы и сопротивляться влиянию из принципа, но это не имело значения, да и на игры не было времени.

Герман снова расплылся в улыбке:

– На производство ударного флота мы сейчас тратим до восьмидесяти процентов всех ресурсов. Малые корабли можете гробить по необходимости. Люди идут добровольцами во всех подконтрольных мирах в достаточных количествах, чтобы восполнять потери сравнимые с теми, что были в разгар "пиратской".

Я кивнул и отключился.

В большом зале для совещаний посередине стоял Роберт Майн и переминался с ноги на ногу. Он ждал, когда по дальней связи подключатся адмиралы, и начнётся суд. Я занял своё место рядом с президентом и чувствовал себя прескверно.

– Вячеслав, – обратился Роберт, – Можно как-то отключить гормональную коррекцию?

– Первое время никак, – я развёл руками, – Наши импланты это же в основном уникальные изделия, и в первые недели адаптационные модули работают постоянно, чтобы организм не отторгал синтетику.

– Списать свой поступок на побочки аугментаций не выйдет, – добавил Герман Штайн. В его глазах промелькнуло мальчишечье озорство и немного мудрой доброты.

Появилась голограмма Ван Дэшена.

– Нас достаточно, – неожиданно произнёс президент, – Пусть каждый оценит поступок адмирала флота Союза Земли и колоний Роберта Майна. Начинайте товарищ Жданов.

Я пытался подготовить слова заранее, но всё время выходило что-то не то. Несколько глубоких вдохов немного успокоили.

– В сложившихся обстоятельствах товарищ Майн выполнил боевую задачу с минимальными потерями.

– Дайте оценку поступку адмирала, – президент проговорил с нажимом, – А не констатируйте известные факты.

– Задача выполнена. Риск был оправдан, – я заметил, как одно веко Штайна дёрнулось и решил не испытывать его терпение, – Я считаю, что он поступил правильно.

– Наконец-то, – проговорил президент беззвучно, одними губами, а вслух произнёс, – А что скажете вы, товарищ Ван?

Контр-адмирал задумался. Его мнение конечно же сложилось до начала суда, а теперь он мысленно повторял слова своего вердикта, искал в них ошибки или противоречия.

– Товарищ Майн, – начал Ван Дэшен, – оценил свою жизнь дешевле, чем жизнь пилотов малых судов. Это его право, как адмирала флота, принимать такие решения. Оцениваю поступок положительно.

– Вас не беспокоит, что решение было импульсивным? – спросил президент, – Адмирал флота положился на удачу. Мы не имеем права зависеть от броска костей. Все азартные игроки проигрывают в долгосрочной перспективе.

Герман Штайн подошёл к Роберту и несколько секунд смотрел ему в глаза. Повисла пауза неслыханной длины. Я никогда не слышал подобной в зале сверхсветовой связи – слишком дорого обходилось молчание.

– Человечество не может позволить себе рисковать и надеяться на удачу, – продолжил наконец президент, – Я поставлю перед военным советом вопрос об отставке. Если ты хочешь воевать, как солдат, то пусть так будет.

Я посмотрел на Роберта и увидел радостную улыбку. Процесс оказался формальностью, необходимой чтобы отправить Роберта Майна в почётную отставку или скорее разжаловать до пилота.

– Внимание! – взволнованный голос дежурного звучал торжественно, – Обнаружено всплытие неопознанных кораблей.

– Жданов, время от моего прибытия засекали? – спросил Штайн.

– От выхода на связь со станцией УП (УП – управление полётами, прим. авт.), – уточнил я уже на бегу к мостику, – Интервалы равны с точностью до нескольких сотых секунды.

– Значит, за мной прилетели...

Когда я занял ложемент адмирала, готовность наших войск составляла сто процентов, и незваных гостей встречали во всеоружии. Чужие закончили переход и маневрирование, располагаясь боевым порядком. На этот раз их было в пять раз больше – достаточно, чтобы доставить нам мно-

го неприятностей. Снова те же обтекаемые формы, изящные линии и полная радиотишина в ответ на наши попытки выйти на связь. Я выждал время, необходимое на приём и подачу сигнала, несколько раз пересмотрел данные всей доступной телеметрии. На этот раз мы даже использовали мощные источники света: установили термоядерные реакторы на несколько кораблей и зажигали в них плазму, моделируя простейшие бинарные последовательности (бинарная последовательность – последовательность из двух символов, используется для записи компьютерного кода, прим. авт.).

– Всем кораблям! – секунда ожидания отклика, – Огонь!

Космос расчертили тонкие линии когерентного света. Когда лазеры отключились для перезарядки, я увидел, что чужие заранее выпустили отражающую пыль, и большая часть энергии нашего удара безвредно рассеялась. В тот же миг пришёл ответ: ослепли все камеры, и экраны залило равномерной белизной, судя по датчикам, частицы лазерной защиты испарялись с огромной скоростью, а один из наших кораблей, крейсер Неустрашимый, исчез с тактического монитора. По телу растёкся киселём холод ужаса: противник использовал мощность недоступную для нас.

– Внимание! Начать противолучевое маневрирование! – приказ опоздал и повторный залп чужих смахнул ещё один корабль, но остальные, расходуя запасы маневрового топлива, закружились в хаотическом танце, – Кораблям-носителям выпустить штурмовики и максимально рассеять в про-

странстве!

Приказы посыпались с огромной скоростью во множестве потоков, и у меня не осталось сил контролировать всё это самостоятельно. Ложемент обнял тело, для защиты от судорог и произвольных движений, а сознание подключилось к вычислительным центрам.

– Адмирал? – обратился осторожно Штайн, поставив себе средний приоритет.

– Уже в сети, – подготавливая курсы атаки штурмовых групп, параллельно я создал виртуальную комнату для президента, – Слушаю вас.

Герман Штайн материализовался в своей старой военной форме, сидя на диване, посреди бескрайней белизны.

– Я всё ещё на Выносливом, а значит мой корабль может быть легко использован вместо щита или приманки, – в этот раз президент прибыл не на мелком пассажирском судне, а непосредственно в своей резиденции – гигантском межзвёздном городе, где располагались ядра советов, – Не подумайте, что я хочу угробить сотни тысяч чиновников! Корабль практически пуст, а его защита сравнима с матками (матка – корабль носитель, обладает мощнейшей энергетической защитой, способен сохранить экипаж и боеспособность после взрыва сверхновой в непосредственной близости, вмещает в себя как малые, так и средние суда. Размеры сопоставимы с планетарными, прим. авт.).

– Практически? – тут время текло иначе и позволяло ве-

сти разговор и одновременно координировать построение штурмовых групп.

– Полсотни таких же солдат, как те, что погибли на Неустрашимом, – президент наклонился, сцепив пальцы в замок, – Или мне нужно самому там быть?

– Я ввёл Тирана в боевую карту, – пришлось согласиться с Германом. Сканеры измерили массу эскадры чужих, и стало очевидным, что использовать "дырокол" нельзя – чёрная дыра поглотит и планеты, и звезду.

Штайн поморщился, в его глазах отразилось недовольство:

– Он называется Дом Советов!

– Пока от варварства человечество удерживается нашей монополией на армию, все будут называть корабль Тираном, – продолжать разговор не было смысла, и Герман это понимал. Тем временем штурмовики образовали несколько независимых роёв, держась неподалёку от резиденции президента, идущей в сторону противника. Чужие несколько раз открывали огонь, но не могли попасть в объект, движущийся по нерегулярной спирали, но всякий раз прореживали мелкие корабли. Я передал последнюю корректировку приказа на атаку, и группа вышла из зоны эффективного управления с флагмана, став полностью самостоятельной.

– Сейчас будет им сюрприз, – Штайн встал рядом с адмиральским ложементом, а я видел через камеры, как он положил руку на моё плечо.

Выйдя на дистанцию ближнего боя, Тиран засверкал, словно солнце, изрыгая свою ненависть. Прошло ещё несколько долгих минут, и мониторы показали, как вражеские корабли разваливаются от множественных попаданий ракет и плазмы. Непрерывным потоком шли отчёты. Люди снова побеждали неведомого противника, жертвуя свои жизни. Я видел всплывающие имена погибших с задержкой в пять минут. Рядом отдельным столбцом располагался список успевших катапультироваться.

Заранее выбранный крейсер противника штурмовики постарались лишить оружия и обездвижить и им это удалось. Красивая блестящая оболочка молча дрейфовала, изуродованная множеством попаданий, но всё ещё целая, скрывающая неведомое, вероятно всё ещё опасная. Мне предстоит сегодня отдать ещё один приказ и отправить кого-то рисковать собой внутрь этой посуды.

Заныла шея, напоминая, что пару часов назад её резали тесаком, зачесалась грудь в месте попадания противотанковой пули. Целься Уитман немного ниже, туда, где нет активной брони, то я бы сейчас в лучшем случае лежал на операционном столе с развороченным брюхом. В возникшей передышке наступила слабость, потому что системы восстановления не справлялись, и мои раны нуждались в уходе. Я бросил ещё один взгляд на большой монитор, отображающий дрейфующее судно чужих, и объявил его зоной карантина на шестнадцать часов, запрещая любые действия не только

внутри, но и вблизи него. Из инженерно-исследовательских корпусов уже вызвались добровольцы, но им придётся подождать, пока я не восстановлюсь.

– Жданов? – Герман Штайн всё время стоял у ложемента и ждал, когда я открою глаза, – В лазарет проводить?

– Говорите, – я с трудом поднялся и направился в медблок.

– Они скоро нападут?

– Не знаю... Им нужно время на анализ причин поражения, на совершенствование кораблей. Думаю, что сегодня неслучайно их армада имела такую массу, чтобы мы не смогли эффективно воспользоваться дыроколом на расстоянии.

– Новым адмиралом флота будет Ван Дэшен, – Герман Штайн говорил, словно извинялся.

– Очевидно...

В лифте стало тошнить и поддерживать разговор стало труднее. Президент терпеливо ждал, когда прекратятся спазмы, и я смогу выпрямиться.

– Роберт действительно устал. Он только и мечтает героически погибнуть, – Штайн взял меня под руку у самого шлюза в медблок, когда ноги начали заплетаться. Двое медиков выбежали вперёд и усадили меня в коляску.

– Всем бы так себя вести, когда уже нет сил жить, – произнёс я напоследок, уже не видя лица правителя человечества, но был уверен, что он со мной согласен. "Интересно, а где сейчас Роберт?" – подумал я и подключился к систе-

ме мониторинга. Адмирал нашёлся в кресле пилота инженерного бота. Он смеялся пьяный от долгожданной свободы, вытаскивая очередную спасательную капсулу из скопления обломков.

1.20. Ультиматум

В камере корабельного изолятора ярко горел свет. Человек в дорогом костюме, рваном и испачканном кровью, сидел на откидывающейся кровати. Рядом на полу небрежным комком валялась больничная пижама. По закону все вещи арестованных, если они не представляют опасность и не являются уликами, остаются у владельца. Уитман воспользовался этим и демонстративно отказался от чистой одежды.

– Вы сейчас выглядите жалко и глупо, – начал я, войдя в камеру, – Если хотите произвести впечатление, то учтите, что мы с вами мыслим по-разному.

Я расположился на стуле, положив на колени небольшой планшет с открытым личным делом Уитмана. Он даже не посмотрел в мою сторону, оставаясь неподвижным.

– Вашу память пока не расшифровали, и у вас есть шанс заключить выгодную сделку, чтобы смягчить наказание, – телеметрия показала небольшой всплеск активности мозга при слове "bargain" (Жданов, общаясь с Уитманом, использовал английский, в том числе для демонстрации уважения. Bargain – удачная сделка, соглашение между сторонами, в отличие от deal – сделка вообще. Прим. авт.).

Стефан зажмурился. У него тряслись руки. Судя по запаху, он находился на грани выброса неконтролируемой ярости.

– Мне от вас нужна только информация о покупателях эквилайта, – продолжил я, – За это вы получите гражданство одной из развитых колоний без права космических перелётов, межпланетной связи и пожизненный запрет на любую общественную деятельность. Вы сможете спокойно прожить остаток своих лет.

Бывший владелец Mi2 наконец удостоил меня взглядом, полным презрения:

– А работать буду уборщиком? Я способен управлять всем миром, а буду бесправной прислугой? – он фыркнул и усмехнулся.

– Вы же знаете, что у нас нет прислуги... Очевидно больше вас выводит из равновесия то, что у вас не будет личных рабов.

– Я их заслужил! Всю жизнь пахал, как проклятый!

– Прекратить! – я вклинился в поток сознания Уитмана и прочитал осознанное притворство, – Вы не хуже меня знаете, как достигался ваш успех на Виктории. Мне нужен прямой ответ. Согласны на сделку?

– Нет.

Свет внезапно погас. Арестованный вскочил и начал метаться, но в тесном пространстве его суета могла привести лишь к травмам. Не сильный шлепок открытой ладонью по лицу произвёл громкий звук и немного отрезвил Уитмана. Снова стало светло.

– Вас не будут пытаться. И наркотики мы не используем, – я

с улыбкой смотрел, как по ударенной щеке растекается красное пятно, и считывал данные, которые в избытке произвела истерика, – Мы используем вот такие незначительные события, чтобы составить подробную карту для подключения к вашему мозгу напрямую. А если вы окажетесь крепким орешком, то есть ещё один секретный способ. Вы будете первым, на ком его применят.

Стефан Уитман сверлил меня взглядом, а его ненависть стала физически ощутимой в воздухе в виде запаха. Больше говорить было не о чем, и я покинул камеру.

– А что за секретный способ? – спросил Ван Дэшен, наблюдавший за допросом в смежной комнате.

– У меня родилась идея, что омега-структуры могут помочь. Хотя я не могу быть уверен и сказал это, чтобы заставить ещё больше нервничать. Что важнее, на Надонию сейчас направлены лучшие учёные, изучающие информацию, сознание и другие связанные явления. Они лучше справятся с нетривиальной задачей расшифровки личной памяти, чем я.

Новый адмирал флота коротко кивнул. Он уже принял дела и ускоренно восполнял пробелы своих знаний.

– Направимся в систему обитания омег? – Ван Дэшен немного терялся в иерархии из-за чехарды назначений и до сих пор спрашивал моего совета.

– Это вам решать. Если я отправлюсь туда на маленьком корабле, а флот снова займёт позиции согласно плану обо-

роны, то это будет эффективнее при множественных атаках, но решать вам.

Ван улыбнулся и поклонился, выражая благодарность, как того требовал его обычай. Я сначала ответил согласно этикету, чем заслужил ещё большее уважение, а потом повторил, но склонился уже намного ниже, демонстрируя готовность подчиняться. В армии Китайской Республики всех солдат и офицеров воспитывали, используя значительное количество элементов традиционной культуры, которая способствовала укреплению иерархической структуры в армии. Эту муштру не смогли выбить психологи за десятилетия. Лично мне казалось, что от знания своих традиций может быть только польза, хотя адмирал Ван чрезмерно зависел от суеверий, часто оказывался в плену своих убеждений и проигрывал в мирное время, оставаясь одним из самых сильных полководцев флота.

Медленно проходя по коридорам корабля, я размышлял о том, почему среди высших военных офицеров Союза было так мало людей моложе семидесяти лет? Социологи и психологи писали в своих трудах, что новые поколения живут в мире, а войны воспринимают только как чудовищные ошибки. Они попросту не хотят связывать свои жизни с профессией, возникшей из-за человеческих пороков и невероятной глупости.

– Товарищ Жданов! Товарищ Жданов?

– Слушаю.

– Вам пришло сообщение от неизвестного. Мы проверили на наличие агрессивного кода, но ничего не нашли. Пересылать?

– Да, но не напрямую. Загрузите на изолированную от корабля консоль в моей каюте.

Я прибавил шаг, подгоняемый любопытством. Мне ещё никогда не писали анонимы, которых не смогли бы вычислить ребята из отдела сетевой безопасности.

Каюта офицера отличалась от каюты рядового тем, что находилась ближе к мостику или ответственному участку. Только у адмиралов и капитанов были отдельные кабинеты для возможности работать в сложных программных средах. Я обходился обычной. Комнатка три на три метра, а в ней стол с монитором, кровать, шкаф, диванчик, на стенах панели с растениями, в углу санитарный блок. Когда я вошёл, небольшой робот-паук заканчивал уборку и уход за цветами. Пришлось свериться с его алгоритмом и убедиться, что механизм уже закончил свои дела в рабочей зоне, перед тем как сесть в кресло и включить консоль в режиме изоляции. Сообщение представляло собой медиафайл, и я запустил проигрывание.

– Приветствую, – синтезированный голос не выражал эмоций, звучал безжизненно. Тёмная фигура с неразличимыми чертами неподвижно стояла на фоне убегающих за горизонт дюн, – Мы заметили твоё активное участие в событиях и хотим предложить компромисс. Хотя наши ресурсы в сравне-

нии с вашими безграничны, но регулярные потери кораблей неприятны. Поэтому мы желаем договориться. Вы прекращаете любую экспансию, а мы в свою очередь обязуемся не вторгаться в вашу часть космоса. Мы обратились к нескольким ключевым представителям твоей расы и надеемся на ваше благоразумие. Менее чем через сорок ваших циклов бодрствования мы стянем к границам ударный флот. К этому времени нам нужен ответ. Лучшим доказательством ваших намерений будет уход всех вооружённых сил внутрь выделенной вам области.

Запись закончилась. В конце файла прилагалась трёхмерная карта галактики с планом демаркации. Сразу же в глаза бросилась пограничная область, где находилось несколько десятков человеческих миров, не вошедших в состав Союза, естественно их требовалось отдать чужим.

Стало душно. В висках застучала кровь в ритме короткой мысли: "А если не блеф?". Интересно, кто ещё получил ультиматум? Я замер в задумчивости вместо того, чтобы как можно быстрее связаться с президентом и адмиралом флота. Этот сухой голос до сих пор трещал в ушах и перекатывался мелкими камешками слов. Оцепенение прошло так же внезапно. Я запустил полное форматирование консоли – если вирусы не найдены, это ещё не значит, что их нет. Мой запрос на немедленное использование системы дальней связи отклонили, но поставили в очередь. Вероятно, адмирал Ван докладывал президенту о послании братьев по разуму, а

судя по недоступности конференц-зала предпочёл не только слышать, но и видеть Штайна. Мне было важно услышать их разговор, и я поспешил.

Шлюзовая дверь встретила меня запрещающей вход надписью. Адмирал Ван включил полную блокировку, но следователя, вроде меня, не могла остановить даже печать главного командующего. Пневмопривод с шипением откатил массивный металлический диск.

– ... продолжать работу и наблюдать, – голос президента звучал спокойно.

Ван Дэшен резко обернулся и негодуяюще смерил меня взглядом. Штайн наоборот приветственно кивнул перед тем, как продолжить:

– На данный момент, товарищи, анонимки получили уже семеро. Кроме нас ещё Майн и остальные адмиралы. Последний на связь не выходил, но отдел сетевой безопасности обнаружил след сообщения для него.

Адмирал Ван зашагал из стороны в сторону:

– Послания идентичны?

– Да, – ответил Штайн, – Побитно не сравнивали, конечно, но искать "второй слой" в этой галиматье нет смысла.

Я удивился неприкрытому сарказму и легкомыслию:

– Вы уверены, что этой угрозой можно пренебречь?

Штайн вздохнул и сел в кресло заложив ногу на ногу. Президент молчал несколько секунд, а потом ответил:

– Эта угроза серьёзнее некуда. Вот только нет никакой

разницы выполним мы условия или нет. Они в любом случае нанесут удар, – Штайн не стал делать паузу, чтобы мы осмыслили сказанное, а сразу продолжил, – Они уже напали. В космосе нет таких ограничений, как если бы мы с ними жили на одной планете, не имея возможности её покинуть. Даже если чужие сожгут все наши обитаемые миры, то ничего не потеряют, но уничтожат конкурента.

– Какая-то дикая варварская логика, – сказал Ван.

– У наших корпораций всего сто лет назад только такая и была, – ответил я и обратился к президенту, – У советов есть план?

– Я предложил строить защитные орудийные платформы и размещать носители на орбите всех обитаемых миров, – Штайн развёл руками, – Но это займёт несколько месяцев и отбросит экономику планет лет на пятьдесят назад. А пока флот будет патрулировать обитаемый сектор.

– А есть ли у нас выбор? – спросил Ван.

– Нет, – президент внимательно посмотрел на нас, – Мы или выбьем зубы агрессору, или исчезнем. Вячеслав, твоя первая задача расколоть Уитмана. Четверо оперативников сейчас ищут следы руководства NewPow и ExBioTech. На Виктории полным ходом идёт расследование деятельности Mi2.

– Знаю, но результатов пока нет – всеми процессами управлял ИИ и поддерживал строгие протоколы секретности, а рабочие зачастую даже не понимали, что делают, – я не

стал докладывать, что собираюсь взять бывшего главу корпорации на Надонию, потому что теперь считал любую цифровую связь ненадёжной.

Штайн словно прочитал мои мысли:

– Я возобновляю службу посыльных и систему секретных сообщений. На связь выходить только по регламенту. Удачи нам всем! – президент отключился.

– Товарищ Жданов, ваш корабль готов, – Ван передал мне коды запуска небольшого межзвёздного судна, – Арестованный уже там. Вылет по готовности.

Мы обменялись рукопожатиями и разошлись в разные стороны. Откладывать перевозку Уитмана не было никакого смысла, и я направился в доки.

Ван Дэшен выделил мне новенькую исследовательскую машину, рассчитанную на команду из трёх человек, которая, закончив тестирование, отдыхала в крохотной кают-компании. Я поприветствовал по-граждански, взмахом руки, двоих парней и девушку, вскочивших при моём появлении и отдавших честь по форме. Импланты считали нагрудные значки, мгновенно выдав на внутренний монитор выжимки из личных дел: Василиса Смешная ладная девчушка уже десяток лет служащая в исследовательском корпусе пилотом; Айдар Алтынов коренастый атлет, напоминающий фигурой уменьшенную в полтора раза копию Медведя, второй пилот и техник; Эджус Петуш навигатор с яркими голубыми глазами и почти невидимыми на бледной коже бровями, что де-

лало его внешность очень запоминающейся. Все трое в звании инженер-лейтенантов.

– Доброго вам дня! – я протянул руку, совсем не хотелось делать всё по-военному, когда ещё есть возможность притворяться обычным милиционером. Троица приняла мои правила и расслабилась. Засвербело внутри от дурного предчувствия, захотелось высадить эту молодёжь и отправится в путь с опасным заключённым в одиночку. Я прислушался к себе, но не смог обнаружить источник беспокойства, а значит нельзя верить тревоге, – Вячеслав Семёнович Жданов, можно без отчества.

– Груз у нас агрессивный, пришлось его насильно поместить в капсулу гибернации, – Айдар говорил, словно рубил воздух, – Оставить в сознании или усыпить?

– Пусть будет в сознании. Мне нужно с ним пообщаться. Вылетаем немедленно, – я передал Василисе разрешение покинуть носитель и сразу же решил заняться Уитманом.

Капсулу гибернации арестованного поместили в грузовой отсек, который невозможно открыть изнутри. Руки, ноги, корпус, даже голова надёжно фиксировались широкими ремнями так, что пошевелиться не было никакой возможности. Стефана всё-таки переодели в нательный комбинезон из-за того, что он пытался покончить с собой: с помощью острого края сломанной пуговицы порезал себе шею.

– Я думал, что такие не могут причинять себе вред, – без эмоций сказал я, садясь у изголовья. Уитман скопил на меня

полный ненависти взгляд, но промолчал, – Вы не оставляете мне выбора.

Пол немного наклонился, слегка задрожали стены, а сила тяжести быстро уменьшилась до нуля. Мы покинули Выносливый. Я подождал окончания манёвров и включения имитации гравитации, прежде чем развернуть мобильный медицинский модуль. Уитман заинтересовался приготовлениями и безуспешно напрягал шею, чтобы повернуть голову на звуки.

– Сейчас буду отключать и удалять ваши расширения, – выдерживая нейтральный тон, я удовлетворил любопытство бывшего владельца корпорации, – Есть те, что поддерживают недокументированные функции?

Стефан несколько раз дёрнулся, засопел, но сохранял молчание.

– Без имплантов память уже не будет шифроваться, ведь так?

– Давай, режь связанного без суда! Вы больше ни на что не способны! Так ты убьёшь меня и ничего не добьёшься! – Уитман впал в истерику, несколько раз попытался плевком попасть в меня, но только сам сильнее пачкался. Оказавшись в роли заключённого, этот человек всё быстрее утрачивал аристократические признаки, которые ему приписывали профайлеры (психологи, составляющие поведенческий портрет человека, прим. авт.). Сейчас передо мной лежал психически неуравновешенный инфантил, а не руководи-

тель корпорации численностью в несколько миллиардов сотрудников.

– Наркоз при подобных операциях противопоказан, – пришлось побороть желание сделать ему больше, чем необходимо.

Тонкие полые щупы впились в кожу на груди, по этим трубочкам в кровь поступало большое количество наномашин и формировало рой в области сердца. После многих лет использования аугментаций люди размещали в голове только интерфейсы, а все импланты размером больше макового семени встраивали в полостях корпуса. МРТ высокого разрешения выявила, что господин Уитман был очень плотно упакован гражданскими расширениями, в жертву даже были принесены части печени, лёгких, кишечника ради установки гормональных регуляторов, продлевающих молодость, и синтезаторов антидотов – вероятно владелец очень боялся отравлений. Костный мозг практически полностью оказался заменён на генераторы стволовых клеток, мышцы усилены, внутренние слои кожи состояли из сильно модифицированных тканей, позволявших за считанные минуты закрывать раны. Головной мозг изменения затронули меньше всего: несколько расширений памяти для хранения массивов данных, сопроцессор, не слишком сильно влияющий на интеллект, скорее ускоряющий поиск информации, да чип кодировки. Последний элемент как раз шифровал данные, но не только на вживлённых носителях, но и органической ча-

сти, непосредственно изменяя конфигурацию связей нейронов.

– Судя по вашим имплантам, в высшем обществе на Виктории постоянно замышляли убийства друг друга и воровали воспоминания, – я посмотрел в полные ненависти глаза и увидел скорее животное отупление, чем человеческую осмысленность. Очень хотелось отыскать в существе передо мной хоть что-то хорошее, за что можно было бы зацепиться состраданию.

– Вы слишком тупые, чтобы понимать нас! – прохрипел Стефан.

– Ну хоть попробуйте! Вот сейчас просто расскажите свою историю, а я приложу все усилия, чтобы понять. Научите меня, пожалуйста! – мои руки опустились на замки ремней и натяжение заметно ослабло, позволив Стефану повернуть голову.

Внезапно выражение лица заключённого изменилось, он посмотрел на меня с подобием надежды, открыл было рот, чтобы заговорить, но в тот же миг модуль шифрования активизировался и пустил в мозг несколько коротких импульсов, вызвав приступ эпилепсии. Пришлось вернуть силу фиксации и постараться купировать припадок. Я не знал, что делать и сильно жалел, что начал процедуру самостоятельно без помощи специалистов. Введённые наномшины позволили ускорить гибернацию и избежать необратимых травм мозга. Капсула закрылась, наполняясь жидкостью для дыха-

ния. Сканирование показало, что состояние Уитмана стабилизировалось. Мне больше нечего было делать в грузовом отсеке.

– Ну что пообщались? – спросил Айдар, когда я вошёл в кают-компанию.

– Не то, чтобы продуктивно... – мне не хотелось пересказывать допрос.

– Жаль, что его нельзя разобрать, как машину, – Эджус отложил планшет с книгой и протянул мне чашку кофе, – Предлагаю сыграть в шахматы. Это здорово сократит время. Мы ведь не на военном корабле, значит полёт займёт больше суток. Заодно расскажете нам про эпоху корпораций и Пиратскую войну.

1.21. Причины агрессии

Василиса болтала ногами и хохотала, сидя на краю стола. Эджус полулежал в кресле, размышляя над фигурами на доске, а Айдар, сделав свой ход, смотрел на меня, ожидая продолжения истории про высадку десанта на спутник Земли-3.

– Автоматика корпорации распознавала своих по чипам и электронным татуировкам на лбу, которые мы не сразу научились подделывать. Десант чтобы не ввязываться в бой с машинами одевался в старые скафандры, в которых на орбитальных станциях работали самые дешёвые наёмники, а роботы их не трогали, – вспоминал я, – Так мы нейтрализовали самые крупные боевые соединения голыми руками и в рванье.

– То есть они настолько пренебрежительно относились к рабочим, что указали в боевых программах игнорировать этих людей? – переспросила Василиса.

– Корпорации посчитали, что выдавать форму и знаки идентификации этим гастарбайтерам слишком дорого. Там текучка была огромная из-за смертности, поэтому временных трудяг даже не считали. Ну что может сломать на орбите безоружный полуграмотный человек? Проще ввести в боевые программы инструкции и игнорировать всех, чей скафандр является кучей мусора. А десант был обучен диверсиям. Мы почти всю группировку спутников разоружили без

выстрелов, – мне больше нравилось рассказывать именно такие эпизоды войны, где было больше комичного, чем кровавого, но ребята были смышлёными, и их смех быстро сменялся задумчивостью.

– Люди выходили в космос в дрянных скафандрах и гибли, и это было выгодно? – Василиса помрачнела, – Неужели выигрыш был настолько большим?

Мне тоже расхотелось смеяться, вспоминая, как мы выбрали из условно-исправного оборудования монтажников то, в чём пойдём отключать боевых роботов. Не нашлось ни одной перчатки без заплаток, и пришлось ремонтировать даже те шлемы, в которых ещё вчера трудились люди.

– Выигрыш был в доли процентов, – тихо ответил я, и увидел, как у Айдара сжались кулаки.

– Это же логично! – громко сказал Эджус, наконец передвинув фигуру, – Если цель всего человечества – предоставлять элите получать постоянно возрастающую прибыль, то жертва части населения ради этого выглядит нормой. Противоречие и уродство только в том, что такая цель не имеет смысла.

– Ну почему же? – мне всё больше нравились эти ребята, их стремление понимать реальность, – Каждый стремился к максимальному личному комфорту для себя, любой мог усердно работать и стать успешным. Разве в природе сильный волк будет голодать и отдавать еду слабому и больному?

– Это сейчас шутка была двухсотлетняя? – Айдар даже

встал из кресла от негодования, снова сел и объявил шах.

– Внутривидовая конкуренция у людей – часть объективной реальности, – продолжил настаивать я, – Слабые люди, ленивые, глупые разве не должны уступать лучшие ресурсы тем, кто сможет ими распорядиться?

– Это просто никакой критики не выдержит! – Василиса смотрела на меня, пытаясь заметить хотя бы тень сарказма, – У нас нет недостатка еды уже много веков. Мы каждого можем кормить до ожирения и даже ведём пропаганду против переедания. Это раз. При хоть сколько заметной разнице в достатке, эта разница сама начнёт себя увеличивать и бедный, как ни работай, будет только беднеть. А это значит он будет хуже питаться, хуже учиться, чаще болеть, раньше умирать и плодить бедноту. Это два. Ни один самый одарённый "суперчеловек" – владелец заводов или банков – не сможет никогда в одиночку построить ничего сложнее ветряной мельницы и вложить в свой бизнес больше сил, чем самый обычный рабочий. Это три.

– В одиночку можно из необитаемой планеты сделать цветущий сад, – я предпринял последнюю попытку, – Ведь одному человеку можно управлять всем комплексом преобразования.

– А разработать и построить комплекс он сам сможет? Провести исследование и найти подходящую систему? А законы физики, по которым комплекс работает, этот уникум сам выведет? – Василиса повысила голос, – Говорить научит-

ся тоже сам?

– Сдаюсь, – я поднял руки, – Я не могу имитировать этот бред на должном уровне, чтобы спорить.

Василиса покачала головой и протянула мне чашку синтетического кофе с печеньем, которое сама испекла в кожухе теплообменника. Техник облегчённо рассмеялся, а навигатор ещё долго бросал на меня осторожные взгляды, ожидая новых аргументов. Сладкая домашняя выпечка словно остановила время и перенесла меня в добрую книжку про космических приключенцев, где всё зло пучеглазое, стрекозидное, глупое и смешное, а главное, ненастоящее.

Кофе в чашке слегка наклонился, а значит корабль готовился к всплытию. Смешная вернулась в кабину пилота, чтобы контролировать прибытие.

– Вам не кажется, что молодые поколения слишком наивные? – спросил Эджус, уходя в защиту от агрессивной атаки оппонента.

– Вы капельку добрее, чем мы, и привыкли к доброте окружающих, – ответил я, ожидая следующего очевидного вопроса.

– А что, если эта привычка нас потом уничтожит?

Я заметил, как Айдар остановил руку, да так и замер с ферзём, ожидая мой ответ:

– Вас может уничтожить глупость и злоба, враги внешние и внутренние, малодушие и безразличие, но не доброта. Главное не путать эти понятия и всё у вас будет хорошо.

Айдар наконец опустил фигуру на доску:

– Шах и мат.

Эджус зажевал губами, пытаясь найти другие варианты, но пришлось смириться с проигрышем.

– Мы всплываем! – своим чистым и звонким голосом, усиленным динамиком, объявила Василиса, – На посадку небольшая очередь, поэтому дадим пару витков по орбите. Кто выиграл?

– Айдар меня уложил на обе лопатки! – Эджус готовил победителю мороженое, обильно посыпая тёртым какао и орехами из своего личного праздничного пайка.

Как же давно я не был в окружении нормальных современных людей! С тех пор, как покинул Талим, мне приходилось сталкиваться в основном со стариками, прожжёнными насквозь войной, непонятными даже самим себе омегами, затюканными жителями корпоративной Виктории. И вроде бы времени прошло не так много – я вдруг осознал, что парился в бане с Радимом меньше недели назад по моему личному хронометру – но расставание с такими людьми, как моя нынешняя команда, вызывало сильнейший синдром отмены.

Сканеры корабля фиксировали крупную группировку флота на внешней звёздной орбите и прибытие множества транспортов. Надония мгновенно стала главной новостью – о нападении чужих и ультиматуме ещё не было официальных заявлений.

Василиса получила разрешение на посадку, и спираль тра-

ектории вокруг планеты начала сужаться. Пилот умело вела корабль, добиваясь невысокого уровня перегрузок. Я выглянул в иллюминатор и обнаружил, что мы уже закладываем круги над станцией. Вокруг одинокой горы начали убирать растительность для возведения полноценных площадок для космопорта, продуктовых ферм, промышленных предприятий. Всё будет накрываться герметичными куполами для защиты от смертоносных бактерий и грибков – уже видны первые остовы полусфер. Надонию пока не станут укрощать и переделывать под нужды человека, это планета омега, а значит им решать, какой она будет.

– Внимание! Посадка через десять секунд, – Василиса филигранно вошла в узкий проход, предназначенный для челноков с орбиты, а не полноценных кораблей. Касание оказалось едва ощутимым, – Внимание! Посадка завершена успешно. За бортом можно находиться без скафандров.

– Вот и прилетели, – сказал Эджус, – Кто останется на корабле?

– Пока вы все. Я согласую, что делать с нашим пленником, – моя команда была в курсе, что у Стефана был припадок из-за криптографического устройства, – Нужны свободные медики и специалисты по аугментациям.

Эджус поник. Ему не терпелось отправиться в центр контакта и своими глазами увидеть омегу. Наверное, и остальным тоже этого хотелось, но Айдар выглядел намного спокойнее, а Василиса, как пилот, обязана выполнить множе-

ство номенклатурной работы на корабле прежде, чем сможет его покинуть.

– Я быстро – не успеете глазом моргнуть.

Уже знакомая посадочная площадка теперь была полностью заставлена челноками. Везде взгляд натыкался на людей, работающих с прибывающими грузами. Крохотное плато укрепили и расширили почти в три раза керамическими плитами.

– Слав? – Старцев пришёл лично меня встретить, – У меня от твоего сообщения одни вопросы в голове.

– У меня, поверь, ещё больше вопросов, – я крепко пожал руку гиганту и сразу перешёл к делу, – Ты подготовил то, что я просил?

– Да. Ольхов Егор Степанович и Рябушкин Денис Сергеевич уже ждут, так что можешь выгружать этого... – Старцев очень хотел выругаться, но не мог себе этого позволить.

Я кивнул и отдал распоряжение команде открыть грузовой отсек. Капсула с Уитманом весила треть тонны, и пришлось воспользоваться погрузчиком, чтобы перенести её в лабораторию. Эджус и Айдар помогли мне, а после получили "увольнительную", и я был уверен, что отправятся в центр контакта, но вернулись на корабль. Эти двое решили дождаться Василису, чтобы втроем впервые увидеть омега-структуры.

Егор Степанович Ольхов – один из лучших специалистов по нейроимплантам – приветствовал нас из большой колбы

с дыхательной жидкостью, опутанный проводами, свернувшийся в позу эмбриона. Его мозг напрямую был подключен к операционной.

– Ставьте капсулу в отмеченный прямоугольник, – синтезированный голос звучал абсолютно отрешённо, – Выходите в комнату для наблюдающих.

– Жаль, что вы инициировали защиту и начался припадок, – Рябушкин ассистировал коллеге за небольшой консолью, – Нам нельзя ни на секунду допускать подачу энергии на импланты или выход мозга из комы.

– Мы никогда ещё не сталкивались с подобной защитой, – стало неловко и стыдно из-за своей поспешности в допросах, – Но триггером стало намерение Уитмана что-то рассказать, а не моё вмешательство.

Денис Сергеевич посмотрел на меня с тревогой, кроме блестящей хирургической практики, он занимался научной работой в области психиатрии и очень быстро находил противоречия в поведении.

– Нужно быть чудовищно убедительным, чтобы вживить ограничивающий волю чип владельцу обитаемых планет... – Рябушкин пожевал губами и сосредоточился на подготовке к операции.

Диагностика пациента заняла несколько минут, во время которых Денис Сергеевич напряжённо всматривался в графики, снимки сканеров, столбики данных. Наконец о состоянии Уитмана выяснили всё, что можно с помощью совре-

менной аппаратуры. Рябушкин облачился в робу и вошёл в операционную.

– Приступим? – спросил Ольхов электронным голосом.

Рябушкин кивнул и множество щупалец, стремительно выросших из стен и потолка, одновременно зашевелилось, открывая капсулу гибернации, вынимая тело, укладывая пациента на ложе. Можно было бы сравнить это с танцем, но сложность и точность движений выходили за рамки красоты и понимания непосвящённых. Словно дикарь из племени, застрявшего в каменном веке, увидевший сборку квантового компьютера на автоматизированной фабрике, я наблюдал за творящимся волшебством, лишь в общих чертах понимая происходящее.

– Товарищ Жданов? Мы изолировали нейромодули и установили заглушки между живым мозгом и кибернетикой. Через несколько минут всё будет готово к реанимации, – Ольхов развернулся в своей колбе, провода опали с его тела и втягивались в стенки, уровень жидкости понижался, глаза учёного несколько раз моргнули, и взгляд приобрёл осознанность.

Наступила очередь Дениса Сергеевича демонстрировать свои навыки. Он поставил капельницу, постоянно корректируя её состав в зависимости от параметров пациента, над телом закружилось несколько неизвестных мне машин, подчиняясь воле врача.

Прошло около часа прежде, чем Уитман начал самостоя-

тельно дышать. Вдруг его веки задёрнулись, а спустя миг он задрожал и изо рта пошла пена. Повторялся эпилептический припадок. Ольхов, успевший одеться, но ещё не отошедший полностью от слияния с машинами, бросился к консоли.

– Денис! Отключаем его!

– Поздно... – прошептал Рябушкин, – Мы его убили, Егор.

Тело Стефана несколько раз дёрнулось и замерло в неестественной позе – выгнувшись дугой, опираясь на ложе затылком и пятками.

– Врёшь! – Егор Степанович до крови прикусил губу и провалился в искусственную кому, вновь соединяя свой мозг с операционной, но теперь без посредников, обеспечивающих комфорт и безопасность.

– Вру! Конечно вру! – Денис Сергеевич совершил несколько пассов руками и толстые жгуты механических манипуляторов обхватили основание черепа Уитмана. Тело обмякло, задышало и вновь погрузилось в сон.

Рябушкин выбежал из операционной и с моей помощью перенёс Ольхова на кушетку.

– Что с ним? – спросил я.

– Егор в норме. Голова потом будет болеть. Он в контакте с Уитманом. Почти читает его поток сознания, – Рябушкин рвал предложения и набирал команды на консоли, – Только беда в том, что сознания там уже нет.

– А что есть?

– Бред шизофреника... Только намного хуже, – Рябушкин отвернулся, давая понять, что мне придётся подождать молча, пока они закончат.

Ольхов быстро пришёл в сознание и сидел на кушетке, морщась и потирая выбритые виски.

– У меня чуть крыша не поехала! У него в мозгу всё работало через этот модуль шифрования, – прошипел, борясь с болью Егор Степанович, – А теперь там каша, белый шум и всё перепутано!

– Меня теперь больше всего волнует, что за великая тайна скрыта в его черепе, если он согласился стать рабом неразумного модуля? – вслух спросил Денис Сергеевич и передал в трясущиеся руки коллеги стакан с коктейлем из лекарств.

Я прислонился лбом к стеклу, наблюдая, как поднимается и опадает грудная клетка бывшего владельца корпорации. Человеческая техника не помогла разгадать загадку, а время неумолимо утекало. Осталось тридцать восемь суток до истечения срока ультиматума, а мы даже не знали, как выглядят наши враги.

– Омеги охотно идут на контакт? – поинтересовался я.

– Охотно, но больше спрашивают, чем рассказывают, – ответил Рябушкин, – Да, они проявляют то, что похоже на телепатию, если вы хотите уточнить.

– Как думаете, они смогут расшифровать память Уитмана?

– У меня на этот счёт сложилась гипотеза, хотите услы-

шать? – Рябушкин устало опустил на кушетку рядом с Ольховым.

– Конечно!

– Омеги не читают мысли, а каким-то неведомым образом считывают информацию из вселенной. Это похоже на чтение мыслей, но они часто знают то, что сам человек забыл или даже не знал, – Денис Сергеевич помотал головой и глубоко вздохнул, Вы нас извините, но такие операции тяжело даются.

– Да, конечно, – я закивал, – Спасибо вам за ваш труд!

– Жаль, что безрезультатно... – Ольхов с трудом поднялся, чтобы пойти в свой номер отсыпаться, и спросил напоследок, – А угроза чужих реальна? Президент сегодня сделал обращение прямо перед вашим прибытием.

– Реальна? – я замешкался, чтобы самому для себя ответить на этот вопрос, – Да реальна. Только их уровень техники не слишком отличается от нашего. Мы разбили две их группировки кораблей, значит сможем дать отпор. Вот только почему их разумная цивилизация напала? Что нам делить в бесконечной вселенной?

Слова получились пафосными и приторными, но я сказал, что думал в тот момент. Двое учёных синхронно кивнули, соглашаясь. Предстояло испробовать последнее средство допроса.

1.22. Недопонимание

– Я хочу просить у вас помощи, – голос звучал через гермошлем немного глуховато.

Девушка тонкая, как тростинка, гладила ствол дерева и молчала. Мой тяжёлый скафандр и громоздкое оборудование, расставленное прямо на земле, контрастировали с её лёгким платьицем, словно сшитом из клочков тумана и утреннего света. Омеги приходили для встреч с людьми к подножию Ородруина – так учёные окрестили одинокую скалу с исследовательской базой – на небольшую полянку. Здесь редко появлялись хищники – их тропы пролегали вдоль путей миграции крупных травоядных, а те избегали подходить слишком близко к каменным склонам, где не было такого изобилия пищи, как среди болотистых лесов. Порой встречи происходили без единого слова, в созерцании, иногда беседы длились долгими часами, несколько раз надонийцы соглашались на использование техники для измерения их свойств.

– У меня нет времени, – произнёс я настойчиво, – Или выслушайте, или откажитесь.

– Я слушаю, – девушка посмотрела на меня немного устало, – Я здесь, я слушаю. У нас нет потребности в зрительном контакте, как у вас, или в других демонстрациях внимания. Замечали, что сами тоже игнорируете "правила" общения актуальные и обязательные в прошлом?

Тонкая игра в слова. Меня предупредили, что оставить без ответа вопрос омеги, значит закончить диалог.

– Не замечал. А какие?

– Вы замечали... Люди теперь часто знакомятся заочно через информационные сети и при встрече опускают этот ритуал. А ещё раньше считалось дурным тоном вести беседу и одновременно читать или просматривать видео на личном коммуникаторе. Да много таких правил, что устарели. Вы не снимаете головные уборы при женщинах, – девушка оторвала руку от коры и легонько коснулась моего гермошлема.

– Так вы поможете мне?

Девушка вздохнула и прошла сквозь толстое дерево, на противоположную от меня сторону.

– Пора избавиться от привычки требовать ответов на те вопросы, которые ещё не задали. Не так ли?

– Да, – поспешно согласился я, – Нам нужно прочесть память человека. Он в коме.

Омега кивнула.

– Приносите его тело, и мы посмотрим, что можно сделать. Иногда у нас получается услышать ваши мысли, когда вы кричите их особенно громко.

Омега обратилась тенью и растворилась в воздухе. Я остался один среди немногочисленной аппаратуры, очень нелепо смотрящейся среди буйной фауны.

– Медведь! Ответь мне! – вызвал я на бегу.

– Договорился?

– Да. Даже нервы почти не трепали.

– Хорошо, спускаю тебе контейнер с телом.

Между поляной для контакта и базой людей успели протянуть канатную трассу для перемещения грузов. Ждать пришлось совсем недолго, пока из тумана появилась габрионационная капсула. Я активизировал антиграв и потащил персональное узилище Уитмана за собой на поводке, словно огромный воздушный шарик.

На поляне меня встретила целая делегация. Несколько мужчин и женщин в одежде из тонкого и лёгкого материала. Я подумал, что на Талиме омеги внешне соответствовали своей человеческой форме перед переходом, но на Надонии среди них не было стариков, не было дефектных лиц или тел.

– Сейчас на вашей базе ночь, – негромко произнёс черно-волосый смуглый красавец, – В это время раньше не проводили мероприятий. Случилось что-то особенное?

– Да. На флот людей напали корабли другой расы. Этот человек, – я указал на тело Стефана, – Возможно владеет информацией, которая может помочь нам в борьбе с этой угрозой.

– Он уже ничем не владеет... – хором сказали трое омег, возложивших руки на пластик корпуса камеры.

– Владеть может только тот, кто разумен, кто в сознании, – уточнила девушка с флуоресцирующими синими глазами.

– Его мозг работал через шифрующий прибор, – я достал из футляра имплант и протянул на открытой ладони, – Нам

действительно очень нужна его память.

Красавец взял модуль, пристально осмотрел с разных сторон, положил обратно и произнёс:

– Мы ещё не пользуемся техникой на полупроводниках. Мы не умеем управлять ей силой своего разума.

– Но вы же можете читать мысли людей! Возможно получится...

– Мы попытались, – медленно, словно объяснял ребёнку, проговорил стройный юноша и очень по-доброму улыбнулся.

– Я сделаю ещё одну попытку, – девушка, которая встретила меня здесь час назад, вышла вперёд и опустилась перед Уитманом. Красавец нахмурился, сделал шаг к ней, но в последнюю секунду передумал вмешиваться.

Крупные глаза ворожеи прикрыли длинные, густые ресницы, цвета созревшей пшеницы, хрупкие руки легли поверх пластика, и я ощутил дрожание чего-то более глубокого, чем та основа, в которой вибрируют струны пространства и времени. В самом сознании рождался ответный звук, но его невозможно было поймать в капкан внимания, словно забытое слово, что вертится на языке. Не в первый раз в голове появился зуд, однако в тот момент он впервые стал невыносимым. Я едва удержался, чтобы не снять шлем.

– В любой момент ты можешь стать одним из нас... – буднично произнёс брюнет и скептически добавил, – Ничего у неё не выйдет.

Вдруг гибернационная капсула открылась. На борт легла трясущаяся рука, а через миг появилась голова Стефана. Он озирался, не понимая, где находится. Пробудившая его с трудом поднялась и тихо зашептала:

– У тебя, Вячеслав, несколько минут. Его мозг действительно повреждён необратимо. Он не врал про то, что без шифратора умрёт.

Девушку двое подхватили под руки и отвели в сторону с любопытством наблюдая за мной.

– Стефан, помнишь ты хотел рассказать, кто у вас покупал эквилайт? – спросил я.

– Странно... – негромко самому себе пробормотал Уитман, – Я так давно не чувствовал себя свободным. Не жди от меня благодарности, Жданов, за это. Я ведь умираю?

– Да.

Уитман издал сухой, похожий на кашель смех и ещё раз огляделся.

– Надония? – Стефан скорее утверждал, чем спрашивал, – Ладно! К делу! Ты хочешь узнать, как найти тех, кто напал на ваш драгоценный флот, украденный у нас?

– Время уходит. Или говорите, или прекратите трепать нервы!

– А пусть будет загадка! Да! Как в дешёвых историях, где автор ещё сам ничего путного не придумал! – Стефан ухмыльнулся, словно подросток, затевающий безобразие, – Вот тебе немного истории, которой нет в официальных бума-

гах... Задолго до начала пиратской или гражданской войны корпорации ускорили экспансию до невиданных ранее скоростей. Ежесекундно возникали новые предприятия, занимающиеся поиском и колонизацией новых миров. Мы расползались по рукаву галактики словно метастазы на терминальной стадии. Зачастую уже через несколько десятков лет дочерние компании разрастались настолько, что головные предприятия уже не могли их контролировать, более того, не имели даже представления о количестве и положении заселённых планет. Гигантские комплексы штамповали людей в пробирках, чтобы поддерживать эту безумную гонку. Оставшиеся в Солнечной системе главы корпораций думали, что захват территории не остановится, пока вся потенциально обитаемая область Млечного Пути, не будет освоена, но вышло иначе: в один день мы узнали, что из центра галактики вдоль заселённой полосы распространяется пожар войны всех со всеми. Обжитые миры истощались за короткий срок, а население оказывалось отброшенным до уровня каменного века, многие планеты становились необитаемыми. Когда это безумие дошло до современных границ Союза Земли и Колоний, оно превратилось в Пиратскую войну. Дальше ты знаешь.

Уитман тяжело дышал после этого монолога и с презрительной улыбкой смотрел на меня.

– Как далеко продвинулась экспансия? – спросил я.

– Не знаю, – Уитман пожал плечами, – Достоверно извест-

но об экспедициях на десяток тысяч световых лет. А вот ответы на вопросы, что пошло не так, и что за силе противостоит ваш драгоценный СЗиК, придётся искать самому. Вот твоя загадка! Большого тебе не скажет никто. Остальное будет всего лишь слухами и гипотезами.

– Как корпорациям удалось скрыть масштабы расселения человечества?

Уитман махнул рукой:

– Вы особо и не спрашивали – слишком увлеклись построением прогрессивного общества. А главную работу сделала война и корпоративные информационные доктрины. Секретные секреты о секретных секретах – это основа нашего старого мира. Никто сейчас в границах ближайших звёздных скоплений не имеет понятия, что творится по ту сторону баррикад. Вот ты знаешь состав совета директоров Мi2? Вот я – нет, хотя владелец. При необходимости мог бы, конечно, выяснить... Может там водиться другая разумная форма жизни, а может кроме людей никого больше и нет... Мне становится трудно думать... – взгляд Уитмана сделался рассеянным, мышцы лица утратили тонус и черты смазались, словно под кожей всё превратилось в жидкое тесто, – Помнишь, ты обещал мне спокойную жизнь, если я сам выдам информацию? Ну как? В силе то предложение?

– Нет бесчестья в том, чтобы обмануть врага... – я не увидел страха или ненависти в глазах Стефана Уитмана, лишь понимание, и добавил, – Капсула с телом будет отправлена

на Землю. Там, возможно, придумают способ вылечить вас.

Бывший хозяин корпорации смиренно кивнул и молча лёг в капсулу. Освободившись от шифратора, непрерывно контролирующего сознание, этот человек разительно отличался от того, кого я допрашивал на Выносливом, а может быть близкая смерть сделала его спокойным и рассудительным. С тихим шипением закрылась крышка капсулы, и включился процесс длительной консервации.

– Спасибо вам! – я обернулся к группе омег, чтобы поблагодарить, но увидел только девушку-ворожею.

– Не стоит. Мы должны действовать сообща – это эффективно, – девушка улыбнулась, – Среди всех надонийцев нет никого из тех, о ком говорил Стефан. Оттуда не пришло ни души. А после того, как умер Пророк на Талиме наше число не увеличилось ни на одного. Почему так – мы не знаем. Предстоит ещё много работы.

Девушка начала растворяться в тумане. Оставались чёткими только её выразительные глаза и губы.

– Малышок, ты почти перешёл сегодня из своего тела, значит в тебе есть часть ответов. Береги себя...

Последние слова прозвучали словно сказанные шёпотом на ухо. Я несколько раз глубоко вдохнул, успокаивая разогнавшееся сердце, взялся покрепче за рукоятку и потащил капсулу с телом к канатной трассе. От новых знаний стало жутко. Выходило, что человечество разрослось до немислимых размеров за очень короткий срок, но столкнулось с кем-

то, кто оказался способен не только сдержатъ нас, но и вернуть в скромные границы нынешнего Союза. На месте чужих, я поступил бы так же, может быть даже жёстче, если бы столкнулся с оголтелой расой. Вот только между корпоративными колонистами и Союзом была огромная разница.

Когда гйбернационная капсула уплыла наверх к базе, отчёт уже был сформирован и отправлен в военный совет. От президента пришёл короткий ответ в записи:

– Спасибо, товарищ Жданов. Мы готовы официально обратиться к гражданам. Прошу вас прибыть как можно быстрее на Луну.

На спутнике Земли располагался крупнейший вычислительный центр, который позволял моделировать самые сложные процессы. Я не был в Солнечной системе уже много лет. В другое время перспектива побывать на родине вызвала бы радостный трепет, но в нынешней обстановке вряд ли получится хоть на секунду заглянуть в родной город или навестить близких. В голове роились только мысли о том, как наладить контакт с братьями по разуму, объясниться и заслужить доверие.

1.23. Час до дома

Обыкновенно оживлённая команда стихла. Все собрались на мостике и во все глаза смотрели в ещё пустой экран, в ожидании всплытия. Я наблюдал за ними и немного завидовал. Вот-вот корабль получит разрешение и вынырнет возле Марса, отсюда моя родина будет выглядеть как тусклая звёздочка, но Айдар с Эджусом даже моргать перестали, ожидая увидеть центр человеческой цивилизации. И техник, и навигатор родились в колониях, а в Солнечной системе никогда не были, Василиса оказалась тут в третий раз и всю дорогу от Надонии восторженно рассказывала о своих первых впечатлениях. Наверное, это очень здорово, когда есть нечто, что человек лично для себя воспринимает, как невероятно важное и невероятно огромное, способное заполнить всё внутри. Я в тот момент не испытывал особенного подъёма, а к Земле относился так же, как к любой другой населённой планете. Возбуждение команды вызвало у меня любопытство – почему у нас такое разное отношение к родине человечества? Возможно дело в том, что мир, в котором я родился, стал историей. Если раньше границы государств были трудно преодолимыми препятствиями, то теперь внутри Союза существовали лишь условные области для удобства навигации и экономических расчётов. Моё сознание любыми способами стремилось к избавлению от ограничений и объ-

единению, а эти молодые ребята искали возможность удивляться необычному и уникальному.

– Внимание! Мы всплываем. Маршрут Марс – Земля подтверждён, – Василиса умело вывела корабль на орбиту вокруг звезды по имени Солнце.

На мониторе ярким зелёным шаром красовалась первая инопланетная колония людей. Если приглядеться, то можно различить комплексы климатических станций. Вокруг ожившей планеты вращались спутники-зеркала, станции контроля атмосферы, а теперь появились первые элементы боевых платформ. На последних ещё не смонтировали оружия, но уже сейчас эти конструкции выглядели угрюмо и устрашающе – угловатые, тёмные, массивные.

– Такими темпами мы за месяц даже обитаемые астероиды оборудуем защитой! – сказал Айдар, кивая на изображение.

– Каждый грамм металла в этих пушках это минус прочитанная книга, минус улыбка, минус час отдыха, минус детская игрушка, минус... – Эджус разошёлся, и Айдару пришлось повысить голос.

– Да понял я!

Оба на какое-то время замолчали, а Марс постепенно уменьшался, пока монитор не погас – корабль разогнался до одной восьмой скорости света и большинство внешних приборов отключилось.

– Ещё час и увидите Землю, – Смешная повернулась в

кресле и подмигнула товарищам.

– А сколько времени у нас будет там? – спросил Айдар.

– Тело Уитмана заберут сразу в космопорту, – ответил я, – Задерживаться дольше, чем это нужно для процедуры передачи, я не могу.

Айдар поджал нижнюю губу, а Эджус обречённо вздохнул – им очень сильно хотелось побыть на Земле подольше.

– А вы можете остаться до получения следующего задания, – продолжил я, – На Луну я доберусь рейсовым челноком, а куда потом – ещё неизвестно.

– У нас приказ доставлять вас, куда скажете и помогать всеми силами, – Эджус улыбнулся, – Экскурсию по городам Земли отложим до лучших времён. С вами у нас больше шансов на приключения.

– Самые лучшие приключения – те, о которых прочитал в книге, – говоря эти слова, я сам себе не верил, тем более не стремился переубедить ребят, в тот момент окончательно ставших моей командой.

Трассы Солнечной системы были полупусты, как и в любой другой развитой колонии. Грамотная логистика исключала пробки.

– Внимание! Торможение! – объявила Василиса, а мы уже лежали на местах. Агравы тонко загудели, снижая перегрузку, но я ощутил, как желудок прилипает к позвоночнику.

Наступила тишина. Было слышно, как сопел Айдар, отстёгивая ремни. Обзорный экран снова включился, и я не

сразу решил вернуться к нему голову – нечто внутри всё же поддавалось настроению окружающих и теперь запускало по телу волны мурашек.

– Почему её все называют голубой, но я вижу серо-синюю планету... – тихо произнёс Эджус, то ли спрашивая, то ли утверждая.

За последние сто лет мы прибавились на орбите, и теперь там не было мусора, да и спутников осталось совсем немного. Я помнил, как взлетал впервые с Сичана (космодром в Китае, прим. авт.). Тогда корабль продирался сквозь облака из отработавшего свой срок оборудования и кусков ракетоносителей. Даже цвет атмосферы в тот раз был другим: желтоватым, тусклым. Теперь всё выглядело словно отмытое и перекрашенное, а ещё добавилось очень много зелёного цвета.

– Новосибирск готов принять нас, – сказала Смешная.

Мы снижались по пологой спирали. Сначала два витка вокруг планеты, а потом несколько кругов над космопортом – большой ровной площадкой из композитных плит, похожей на плешь среди тропического леса. Сам город, перестроенный заново, полностью скрывался в зелени и был не видим сверху. Группа техников с транспортом уже ждала у края посадочной полосы.

Эджус и Айдар спустили вниз гибернационную капсулу, пока я заполнял документы передачи, а Василиса просто стояла у шасси корабля и смотрела на кромку леса. Было замет-

но, что она очень глубоко вдыхает воздух, чтобы вспомнить специфический запах. Земная атмосфера обладала уникальным ароматом, в котором выделялись цветы, влажная земля и прелая листва. Что-то похожее можно было ощутить на Надонии, если рискнуть находиться без защиты, но там ещё довольно сильно воняло болотом.

– Даже следов зимы не осталось, – сказала мне Василиса, поднимаясь по трапу, – От полюса до полюса тропический сад!

– Не осталось... – повторил я, погружённый в мысли о чужих, пытаюсь найти хоть что-то в воспоминаниях короткого видео ультиматума.

Василиса бросила на меня озабоченный взгляд и решила не продолжать.

Я вспомнил принятый сразу после Пиратской закон о том, что каждый, кто оказывался по любой причине на родной планете после отсутствия на ней больше, чем на год, автоматически получал отпуск на месяц, при условии, что проведёт его, не покидая систему. Очень захотелось применить к себе эту статью и навестить родной городок, тем более что сверхзвуковой поезд домчал бы меня туда от Новосибирска меньше, чем за час. Когда-то он был на границе с Китайской федерацией, и мои родители обслуживали крупный железнодорожный узел. Как же они радовались, когда я прошёл отбор и вступил в космодесант.

– Отправляемся? – Василиса коснулась моего плеча.

– Да, конечно! – внезапно вырванный из задумчивости, я обнаружил себя сидящем в кресле второго пилота, крепко сжимающим маневровый штурвал.

– Вячеслав, Василиса! Срочное сообщение от главы Союза! – Айдар заглянул в кабину пилотов и тут же исчез.

– Пойдём посмотрим? – пилот вопросительно посмотрела на меня, – Или взлетаем?

– Думаю, стоит взглянуть.

Как старший в группе я лично согласовал продление разрешения на старт на час и зарезервировал окно в небе.

– Товарищи! – президент в военной форме стоял на фоне государственного флага, – Флот союза, как вы уже знаете, подвергся атакам неустановленного противника. Теперь неизвестные прислали нам ультиматум, – Штайн сделал шаг в сторону и большую часть изображения заняло видеопослание от чужих.

– Несмотря на то, что наши военные отбили нападения и разгромили вражеские силы, – продолжил президент, – Верховный Совет решил пока выполнять условия ультиматума. Нам необходимо установить контакт с этой новой силой и попытаться решить разногласия мирным путём. Совет Земли и Колоний не готов вести полномасштабную войну. Нам не хватит кораблей для защиты каждой планеты. Подробности каждый гражданин может узнать в протоколах заседания.

Штайн поклонился, и трансляция прекратилась.

В наступившей тишине я посмотрел на первого пилота и

одними губами прошептал:

– Взлетаем.

Смешная виртуозно подняла корабль агравом и вывела за пределы стратосферы, прежде чем включила термоядерный двигатель. Мы молчали всю дорогу, пока Луна росла на мониторе. Серый полумесяц мерцал огнями станций и научных городков пока не занял весь обзорный экран, превратившись в нагромождение лабораторий. Касание с поверхностью произошло совершенно неощутимо. Других кораблей на посадку не было, и мы маневрировали по площадке, очищенной от реголита, в полном одиночестве.

– Одеваемся в тёплое, – объявила Смешная, – Ради одного корабля большой шлюз открывать не будут.

Я удивился, когда увидел лёгкую разведывательную броню вместо обычных исследовательских скафандров.

– Снаряжение выдавали с учётом миссии, – ответил Эджус на мой вопросительный взгляд, – Есть один полный доспех и пара ящиков с оружием. Есть даже один именной кофр лично для вас.

– Что там?

– Не знаю. Его открыть можете только вы.

Времени устраивать ревизию не было, поэтому я просто запомнил, что есть у меня коробка с чем-то очень нужным или важным. Пока команда одевалась, в голову пришла мысль, что это не совсем обычные ребята. Сканирование их на наличие расширений ничего необычного не показало.

Мы прошли по пешеходной дорожке под чёрным небом, в котором очень чётко было видно Землю и звёзды, которые без атмосферы светили ровно. Часто бывая в космосе, привыкаешь к такому, но всё равно не перестаёшь замечать эту суровую красоту. Я задержался перед входом в комплекс, любуясь видом. Смешная хотела потянуть меня за локоть, но передумала и сама замерла на несколько секунд. Нельзя было тратить чересчур много времени, и я с сожалением сделал шаг в тамбур.

Процедура дезактивации закончилась быстро. Мы сняли гермошлемы и, держа их в руках прошли по коридору к просторному залу, где отдыхали и вели беседы учёные, работающие в центральной вычислительной лаборатории. Пространство было густо засажено цветущими либо плодоносящими растениями и больше походило на ботанический сад с живыми птицами. Нас встретила Амайя Эчисагара, глава отдела разработки квантовых процессоров. Подтянутая, но не сухая женщина обладала выдающимся тембром голоса и даже записала несколько альбомов старинных песен, ставших популярными.

– Добрый день, – я ощутил глубину проникновения звука по дрожанию своих рёбер, – Штайн ждёт вас в своём кабинете. Он просил не задерживаться.

Низкая гравитация делала неудобным передвижение привычным способом, но Амайя не использовала смешные короткие прыжки или ходьбу по тросам, как все вокруг, а вме-

сто этого отталкивалась попеременно от пола и стен, оборудованных поручнями, совершая сложные пируэты. Василиса мгновение следила за манерой перемещения, а потом повторила точь-в-точь, за ней Айдар и Эджус. Мне не хотелось участвовать в этом показе молодецкой удали, и я просто ухватился за анкерную линию и зашагал самым аккуратным образом.

Белые пересекающиеся коридоры между отдельными вычислительными кластерами, подсобными и бытовыми помещениями на каждом повороте и перекрёстке снабжались интерактивной табличкой с картой, что исключало вероятность заблудиться для любого, способного различать лево и право. Президентский штаб располагался на удалении от входа в комплекс и основных лабораторий, чтобы не мешать учёным. Нам пришлось преодолеть немалое расстояние прежде, чем войти в просторный зал с амфитеатром, где заседал Верховный Совет. Амайа тактично отстала несколькими перекрёстками раньше, попросив обязательно встретиться с ней после в зале отдыха.

– Товарищ Жданов! – Штайн допивал чай, сидя на ступеньках, ведущих к трибуне, – Я в последнее время вижу вас чуть ли не чаще, чем себя в зеркале!

– Вы знали, что корпорации усиленно заселяли системы и продвигались к центру галактики? – мне очень хотелось, чтобы Штайн ответил честно, но я не мог сканировать его реакции и определить степень искренности из-за его расши-

рений.

– Догадывался. Были у Совета некоторые соображения на этот счёт, – президент развёл руками, – Моделирование тоже показывало нечто подобное. Только у нас не было никакой возможности влиять на этот процесс даже после Пиратской.

– А теперь есть?

Майн поднялся на ноги и махнул рукой, чтобы мы следовали за ним.

– Я не верно выразился, – говорил он на ходу, – Эта волна агрессии между неконтролируемыми колониями должна была захватить нас, вдолбить в каменный век большинство планет и, отразившись от границы обитаемого пространства, вернуться к своему источнику, по пути добывая тех, кто мнил себя локальными победителями. Подозреваю, что эта обратная волна должна была стать сигналом для тех, кто её запустил о том, что человечество больше не в состоянии оказать значимого сопротивления. А Союз погасил этот процесс и сохранил довольно большой кусок пространства под контролем.

Мы вошли в операционный зал, стены которого состояли из мониторов, несколько человек управляли выводом информации.

– Я хочу показать вам итоги расчётов по "потерянным" колониям, – Майн подключился к центральному голографическому проектору, и перед нами возникла трёхмерная картинка Млечного Пути, – Тут всё просто: зелёная область –

СЗиК, синие пятна – корпоративные системы, подконтрольные нам, жёлтая зона – потенциально обитаемые области, которые были колонизированы с высокой вероятностью. А вот красная зона – это неизвестность. Там могут быть перманентные конфликты самого разного масштаба, а может быть они уже освоены чужими. Подробности тут, – президент протянул мне небольшой носитель данных.

Повертев в руках невзрачную пластинку, я поместил её в считыватель, встроенный в левое запястье, и перенёс плод трудов суперкомпьютеров в свои расширения памяти.

– Как вы понимаете, послать флот исследовать красную зону мы не можем, – Штайн снова развёл руками и скривился, ему предстояло сказать нечто неприятное, – Есть предложение отправить несколько небольших групп...

– Моя нынешняя команда подбиралась специально для этого? – задал я риторический вопрос, президент облегчённо выдохнул и несколько раз кивнул, – Нам нужны ещё пять десантных экзоскелетов и корабль класса "Кот".

На этот раз президент улыбнулся хитро, почти весело:

– Это всё уже у вас есть – ваш корабль сильно модифицирован и снаряжение всё доставлено на борт, проверьте, кстати, перед вылетом. И... – Герман опустил глаза, – Ваша группа будет единственной, потому что я опасаюсь реакции противника. Ваша задача узнать хоть немного о чужих и передать информацию нам. Старайтесь не привлекать их внимание.

– Товарищ президент, Верховный Совет собрался и ожидает начала заседания, – один из техников обратился к Майну, указывая на изображение зала.

– Спасибо, – Майн коснулся плеча работника, а после бросил на меня короткий осторожный взгляд, – Пора работать. Вячеслав, тут есть ещё пара мыслей и координаты, куда в первую очередь стоит направиться... – с этими словами он вложил мне в руки ещё один носитель и направился к выходу.

Мы снова прошли через амфитеатр, только на этот раз он был заполнен членами Совета. В воздухе висел негромкий гул от тысячи тихих голосов. На нас почти не обращали внимания.

– Что на втором носителе? – спросила Смешная, когда мы снова оказались среди коридоров.

– А что у вас за импланты, которые не сканируются? Биопроцессоры ведь не смогли достичь приемлемой скорости вычислений, – парировал я своим вопросом.

Айдар с Эджусом сделали вид, что чем-то отвлеклись и не услышали, а Василиса даже остановилась от удивления.

– Как вы их определили?

Я продолжил молча идти.

– Это разработка Нового Эдема. Мы не знаем, как она работает, – лицо у Айдара стало виноватым.

– Перед вылетом я хочу знать все технические характеристики группы и оборудования, – мой голос прозвучал немно-

го жёстче, чем хотелось, и троица синхронно закивала.

Эчисагара снова встретила нас в зоне отдыха и передала четыре микропередатчика для дальней связи.

– Устройства быстро ассимилируются с помощью наномашин, – пояснила учёная, – Операции вам не понадобятся. Зато вы сможете отправлять на корабль и друг другу данные с расстояния в одну астрономическую единицу (300 млн. км, прим. авт.).

Математик пригласила нас на ужин, но команда единогласно решила не откладывать вылет. Мы не нуждались в отдыхе, наши тела были многократно усилены. Новые люди могли оставаться активными намного дольше, чем наши предки, а значит не могли себе позволить сидеть на месте.

Часть вторая

2.1. Потерянный мир

– Нужно назвать корабль! – в который раз повторил Айдар.

– Ну и называй! Мне до этого нет дела, – флегматично проговорил Эджус, наконец снизойдя до членораздельного ответа вместо мычания.

Мы остановились на исследовательской базе Лимирики – планеты у самой границы СЗиКа. Дальше простиралась жёлтая зона, куда не заходили регулярные соединения флота.

Слушая второго пилота и навигатора, я размышлял над содержимым второго носителя, переданного Штайном. Там находилась карта вероятно заселённых планет и данные одного исследования: несколько столетий нейросетям скармливали гипотезы зарождения жизни и возникновения разума, а машины считали с какой вероятностью эти процессы должны происходить. Выяснилось, что чем больше мы узнавали об окружающем мире, тем меньше шансов давали расчёты на встречу с братьями по разуму.

– Тогда пусть называется Зоркий! – Айдар хлопнул ладонью по ящику с пищевыми концентратами, на котором сидел.

– Груз на борт, – коротко приказала Смешная и строго посмотрела на парочку.

– Накладной ещё нет, капитан... – Эджус осёкся на последнем слове и посмотрел в мою сторону.

Я не захотел обращать на его слова внимание. Второй пилот и навигатор привыкли считать Смешную главной и отчитываться перед ней. Мне нисколько не мешала в работе их собственная иерархия, пока я оставался руководителем экспедиции.

На крохотной посадочной площадке царила рабочая и в то же время уютная и родная атмосфера доброго, разумного, вечного, словно вся вселенная перенеслась далеко вперёд в "эпоху встретившихся рук". Вызвавшийся нам помогать Виталик – совсем молодой мальчишка – отдал нам груз с припасами и едва не забыл отметить это в документах, за которыми теперь побежал в офис. Ребёнок доброго космоса, как бы противоречиво это не звучало.

В зените светила яркая жёлтая звезда, в десятке метров начинался лес из грибов, в воздухе метались крупные аналоги членистоногих. Лимирика отдалённо напоминала Землю в далёком прошлом. Хоть местная жизнь была в полтора раза древнее, но так и не смогла эволюционировать дальше насекомоподобных форм.

– Простите, пожалуйста! Обычно тут наоборот: нам привозят всякое, – Виталик, прибежал запыхавшийся с планшетом для оформления документов, – Вот. Всё готово уже.

Проверьте и можете ставить подпись.

Я, не читая, приложил палец к сканеру.

– А хотите местных деликатесов? Мы через десять минут ужинать будем, – Виталик был очень рад видеть незнакомых людей. На базе постоянно находилось всего восемнадцать человек, грузы доставляли автоматические тягачи, а новые лица вызывали ажиотаж.

– Лапки пауков в соусе из яиц стрекоз, политых соком из глаз бабочек? – Эджус закатил глаза и причмокнул.

– Бабочек тут нет, – спокойно ответил Виталик, – Деликатес – это местные грибы. Они действительно очень вкусные.

Айдар вопросительно посмотрел на Василису, и та кивнула, добавив:

– Сначала погрузка.

Низкий стол располагался под открытым небом, стульев не было за ненадобностью – фотосинтезирующие лишайники образовывали мягкую поверхность, похожую на резиновые маты. Пахло замечательно. Блюда состояли в основном из обжаренных кусочков мякоти, да пара небольших пиал с терпким солоноватым соком какого-то гриба, заменяющим соус. За примитивностью блюд скрывались великолепные оттенки необычных ароматов и насыщенный вкус. Мы пробовали всё понемногу, опасаясь возможных последствий от непривычной пищи, хотя Виталик уверял, что любая местная еда переваривается "легче мамкиного молока". Сам он отошёл в сторону и вызывал по рации группу, которая долж-

на была уже вернуться. Наконец ему ответили, сказав, что нашли несколько новых видов и задерживаются на пару часов. Виталик немного погрустнел – очень уж он хотел обрадовать своих родителей и товарищей новыми знакомствами.

– У вас установка мгновенной связи постоянно работает? – поинтересовалась Василиса.

– Иногда экономим энергию и отключаем, – Виталик улыбнулся во весь рот, радостный поговорить с кем-то, кроме исследователей.

– Это запрещено... – Василиса выделила сразу оба слова, – Держите постоянно включенной и одного дежурного. Иначе экспедицию свернут, а у вас отберут лицензии. И корабль должен быть постоянно готовым к прыжку.

Виталик закивал и немного испугался неожиданной строгости. Я, подумав, добавил:

– В случае эвакуации разрешаю погружение и сверхсветовой ход без взлёта, – свои слова я подтвердил передачей цифровой подписи.

Парнишка прочитал моё звание и замер. В его голове сразу же увязалось недавнее выступление Штайна и внезапный визит одного из оперативных уполномоченных сотрудников военной милиции, а по совместительству "запасных" адмиралов флота.

– Не бойся, Виталь, – я потрепал юношу за плечо, – Мы разберёмся с этой ситуацией, и ты сможешь спокойно продолжать исследовать дальние уголки Союза со своими роди-

телями.

Я поднялся, давая понять, что ужин закончен. Айдар подхватил ещё пару кусочков пальцами и бросил в рот с большим наслаждением. Через минуту мы заняли места, и корабль поднялся над лесом грибов. На высокой орбите Зоркий нырнул за пределы обычного пространства. Расчёт показывал, что вокруг звезды в точке назначения вращается четыре планеты, и одна из них земного типа в зоне Златовласки. Мы начали всплытие сильно выше плоскости системы (плоскость, в которой находится большинство орбит всех тел звёздной системы, прим. авт.), чтобы максимально снизить вероятность столкновения с каким-нибудь кораблём или станцией.

– Внимание! Получаю сигнатуры антропогенного влияния! – Смешная вывела на экран данные сканеров. Газовые гиганты на внешних орбитах оказались разорваны и превратились в пояса из газа и пыли. Близкий к звезде планетоид вращался с бешеной скоростью вокруг своей оси и медленно, по меркам человеческой жизни, разваливался на части. Цель нашего прыжка выглядела целой и поблёскивала водными океанами.

– Они разрушили три планеты в пригодной для колонизации системе! – воскликнул Айдар.

Эджус прищурился и зашевелил губами, что-то усиленно прикидывая в уме.

– Подходим ближе к планете, маскировку не выключать.

Посмотрим на местных, если они ещё остались, – скомандовал я и нервно провёл рукой по лицу.

Материковая часть не излучала радиацию, следов крупных городов почти не осталось, и, судя по фотографиям, их забросили и обрекли на разрушение уже около века назад.

– Садится будем? – спросила смешная.

– Да, – ответил я сухо, – Могли сохраниться документы, какие-то архивы, выжившие.

С низкой орбиты стали заметны удары, нанесённые из космоса: кратеры, высокие валы длиной в километры.

– Вижу огонь! – Эджус увеличил изображение с внешней камеры.

У небольшого костра сидели четверо человек высокого роста и на длинных палках жарили что-то. Приглядевшись, можно было заметить в их одежде элементы лёгкой пехотной брони: наплечники, пластины на спине. Всё потрёпанное временем, со следами битв.

– По некоторым признакам они похожи на потомков китайской армады, – медленно, сомневаясь произнесла Смешная.

– Десантируюсь к ним, – я заранее подготовил броню и направился вниз к ней, – Посадка на корабле привлечёт слишком много внимания.

– У них там войнушка в разгаре, – Эджус указал на стрелковое оружие, лежащее на коленях группы, – Для охоты эти пушки чрезмерны.

Я уже спустился к рампе и вошёл в броню:

– Айдар, будь готов вытащить меня, если станет слишком горячо, даю разрешение использовать полный комплект оружия.

– Принял, – голос здоровяка стал жёстким, колючим, металлическим.

Прыжок с орбиты. Самая любимая часть работы десантников. Несёшься навстречу бойне, понимаешь, что не просто так туда направили, а в запасе ещё минут пятнадцать – двадцать свободного падения. Смотришь по сторонам – красота, аж глаза режет до слёз! Горы, реки, поля, бывает городки ещё не в руинах. И нужно всё это спасти от точно таких же как ты людей, вцепившихся в глотки друг другу за рынок сбыта, за удобный транспортный узел, за новый патент на какую-нибудь бесполезную чепуху.

Я падал в темноту. Костра, естественно, не видать, только точка-маркер на экране, куда целиться. Желательно за километр – два приземлиться, чтобы не спугнуть. Касание. Броню лучше замаскировать и идти налегке: четверо мутантов для меня не противники. Блеск огня между стволов сосен издали выдавал положение вояк. Глупые или самоуверенные? Наномашинны роем полетели на свет вместе с лёгким ветерком и давали картинку со звуком.

– Санжин обречён, – говорил неожиданно высоким голосом человек в серой бандане, – Орда его разнесёт в клочья. Правильно, что мы ушли.

Язык использовался почти стандартный китайский.

– Ты спас наши шкуры всего на несколько недель, – продолжил спор сидящий напротив, его руки издавали при каждом движении мягкий шорох множеством браслетов из мелкого бисера и костяных бусин.

– У орды есть свой источник витаминок, значит и мы сможем добыть, – ответил первый.

– Ну... – протянул до этого молчавший мужчина с покрытым шрамами лицом, – Времени у нас мало. Предлагаю наведаться в деревню дикарей. Запасём мяса, а потом уже...

Все четверо резко подскочили и схватились за оружие. Их лица исказил страх и напряжение.

– На землю, дурачье! – скомандовал шрамированный, заняв удобную позицию в небольшой ямке.

Приказ был исполнен мгновенно. Я огляделся по сторонам, запустил несколько раз сканирование, но не обнаружил ничего, кроме мелкой лесной живности, а стволы четверых были направлены в мою сторону. Неужели заметили рой нанитов? Я колебался: выйти открыто или продолжить наблюдение? В конце концов это были люди. Они разговаривали, значит с ними можно вести диалог.

– Приветствую! – крикнул я, сократив дистанцию до сотни метров, – Как покушали? (в китайской традиции считается вежливым интересоваться сытостью при встрече, прим. авт.).

Мне ответили очень точным выстрелом. Если бы не ско-

рость реакции, то оторвало бы руку.

– Я не хочу нападать! – вторая попытка начать мирные переговоры, – Я прилетел из другой звёздной системы!

На этот раз выстрелов не последовало. Четверо ждали продолжения.

– Я представляю союз многих планет! У нас есть, что предложить вам! Мы, как и вы, происходим с Земли!

Снова молчание. Я осторожно выглянул из-за деревьев и медленно направился к костру.

– Товарищ Жданов, – Эджус вышел на связь и говорил очень быстро, – Мы просканировали планету. Четыре крупных поселения на материке. Все подземные. Множество мелких. Ни одного на поверхности. Население, предположительно, около миллиона. По данным с ваших нанитов у туземцев генетическая модификация, исключая усвоение двух белков без синтетических ферментов, которые принудительно делали корпы для контроля над рабами. "Витаминок" – вероятно про это.

Удобно работать в группе. На секвенирование генома с мощностью встроенного ИИ у меня бы ушло больше часа.

– Вы понимаете меня? – снова я обращался к лежавшим на земле людям.

– Выйди к свету! – коротко приказал Шрам.

Они разглядывали меня из темноты, не отводя стволов. Наконец двое самых молодых подошли ближе. На лицах не было ни капли любопытства, только сосредоточенность.

– Эту планету заселила Китайская Армада? – спросил я.
В ответ туземцы рассмеялись.

– Никто не помнит первых поселенцев. Ты действительно можешь летать между звёздами? – спросил Шрам.

– Да. А у вас разве нет кораблей?

– А где твой? – спросил мужчина в серой бандане.

Я попытался подключиться к их нейромодулям, но ничего не нашёл – ни единого импланта. Однако сам мозг оказался не слишком отличным от обычного, и наниты успешно декодировали основные эмоции. Сейчас четверо ждали моего ответа с большим нетерпением.

– На орбите. Высоко в небе, – я решил, что стоит уточнить слова, которые могут быть непонятны. Очевидно, что население этой колонии деградировало и утратило многие знания.

– А как ты его вызовешь, если понадобится?

Стало ясно, что друзьями мы никогда не станем. Мутанты ждали, что я расскажу им про корабль достаточно, чтобы захватить его. Дальнейшие их планы были совершенно непонятны, но я останусь жив, пока представляю интерес. Мышление потомков армады было примитивным и торпидным. Они понимали только то, что видели, желали только то, что уже пробовали. По сути, эти существа уже нельзя было называть полноценными людьми, отчего мне стало тошно.

– Есть специальный канал связи, по которому я общаюсь с командой.

– Зови их! Мы нуждаемся в помощи! Орда скоро захватит последний город! А вы смогли бы её уничтожить! – Шрам не врал, произнося слова, и в то же время врал. Он верил, что астронавты могут победить орду и спасти город, но хотел совершенно другого.

– Что такое орда? – спросил я.

– Смотри! – мужчина в бандане достал планшет сильно устаревшего армейского образца и запустил видео.

Вход в подземный бункер. Люди выстроились в шеренгу с оружием. Нарастающий гул. Камера сдвинулась в сторону, и началось мельтешение. Толпа дикарей с устрашающе раскрашенными лицами рвалась вперёд, прикрываясь щитами из кусков металла. Генетические модификации сделали их тела больше и мускулистее, у многих вместо обычных конечностей чернели металлом кибернетические аугментации. Орда неслась вперёд на пулемётный огонь, но даже не замечала потерь. Камера перевернулась, и на переднем плане появилось лицо, залитое яркой синей краской. Синтетические глаза смотрели вполне осознанно, а потом голова дёрнулась от попадания и упала на траву.

– Орда! – громко воскликнул Шрам и потряс в воздухе кулаком.

Я задумался. Ни на одном кадре не мелькнуло ни одного военного протеза. Все расширения предназначались для тяжёлого и монотонного труда. Зрительные импланты дикаря с последних секунд записи были разработаны для быстрого

опознания мелких объектов и использовались в корпорациях в основном хирургами-травматологами или сборщиками электроники. Орда состояла из рабочих.

– Так ты сможешь отключить все импланты у этих тварей? – спросил Бандана, – Ты сможешь сжечь их всех на своём корабле? Там есть мощное оружие?

– Вячеслав, миротворческая миссия здесь затянется на годы, – голос Василисы звучал очень грустно, – Мы втроем тут застрянем навечно.

– Я собираюсь поступить плохо... – мой ответ не прозвучал, но передался буквами, записался в радиоволне, которая нырнула на глубину здесь и всплыла где-то в окрестностях местного солнца.

Двое молодых и неопытных воинов упали, как подкошенные, получив по одному лёгкому тычку в шею. Бандана успел вскинуть свой плазменный карабин, но ствол оружия неожиданно для хозяина упёрся ему в подбородок, и голова разлетелась кровавыми ошмётками. Шрам успел закатиться в ложбинку и выстрелить несколько раз, но не прицельно – потерял меня из виду. Я прыгнул на него сзади и использовал ремень для удушения до потери сознания. Мутант был крайне силён и смог подняться на ноги, а потом ещё с силой налететь спиной на дерево. От этого удара из меня вышибло воздух, но задача оказалась выполнена. Шрам лежал на земле и не двигался, но дышал ровно. Рой нанитов подключился к мозгу быстро, хоть получать прямой аналоговый сигнал

было непривычно, но его расшифровка оказалась очень простым делом – сказывалась деградация мышления.

Связанный Шрам очнулся и задёргался.

– Если будешь отвечать быстро и правдиво, я тебя отпущу, – теперь, увидев личность туземца изнутри, стало намного проще перешагивать через себя, – Откуда берёте боеприпасы?

Пленник попытался плюнуть в меня, но от резкого приступа боли прикусил язык.

– Я контролирую твой мозг. Говори.

Шрам замычал, а потом сдался и рассказал про оставшиеся с давней войны склады. Его сознание расслабилось, и я смог читать память. Мутант не слишком интересовался историей или хоть чем-то кроме того, что могло принести выгоду в перманентной войне. Он дрался в небольших отрядах против орды: занимался диверсиями, устраивал засады на малые группы, тренировал бойцов из городских ополчений. Потомки солдат Китайской Армады ценились за быстрые рефлексy, выносливость, устойчивость к болезням и лишениям войны, поэтому Шрам не сидел без работы с самого детства. Самым ярким воспоминанием был полёт последнего исправного флаера, управляемого последним императором планеты. Правитель развлекался, расстреливая из лучевых пушек провинившуюся деревушку. Ещё слабая тогда орда смогла раздобыть мобильную зенитную установку, подобраться к столице и расстрелять Великое Солнце Импера-

тора Мо. Десятилетний Шрам – Ю Син Пин – со своим отцом смотрел, как падают горящие обломки и плакал.

Главное, что я узнал – бывшая столица захоронена целиком и существует вероятность найти там носители данных.

Шрам молча наблюдал за мной и утробно рычал. Я разрядил его оружие и призвал экзоскелет. Туземец смотрел на движущиеся доспехи с религиозным восхищением, прикидывая в уме, как можно было бы устроиться, если завладеть такими.

– Не вздумай преследовать, – коротко бросил я и срезал пути, уже облачившись в броню.

Мутант юркнул в темноту, чтобы выждать, когда останется один на поляне и сможет собрать пожитки товарищей.

– Василиса? – позвал я по радиосвязи.

– Слушаем...

– Я разведую руины столицы, а потом двинемся дальше.

– Вы уверены, что... – начал Айдар, но я перебил.

– Нам действительно некогда возиться тут. Местная популяция потеряна. Изменения в их сознании необратимы, – я впервые принимал решение пожертвовать большую часть населения целой планеты, и пришлось использовать импланты, чтобы подавить истерику, – Если мы выполним свою миссию, то хотя бы у их потомков появится шанс.

2.2. Война не меняется

Стены вокруг разрушенного мегаполиса состояли из мусора и камней. Тут и там торчали пики из арматуры, кое-где сохранились деревянные копыя, белели кости защитников и нападавших. Из памяти Шрама я знал, что город назывался Дом Солнца. Огромная площадь когда-то была застроена жилыми зданиями, храмами, деловыми постройками. Судя по всему, цивилизация откатилась практически до рабовладения, но сохранились автоматические заводы, производящие боеприпасы, некоторые виды машин, элементы питания, весьма развитой осталась индустрия аугментаций – многие скелеты сохранили крепления для имплантов, а порой и сами модули. Среди руин не было следов недавнего пребывания человека – тут не выжить без хорошей защиты из-за высокой радиации. Состав изотопов указывал, что около тридцати лет назад тут взорвалась нейтронная бомба, дезактивацию не проводили вовсе. С одной стороны это обстоятельство ужасало, раскрывая глубину падения людей на этой планете, с другой давало надежду найти хранилище данных, которому, судя по детским воспоминаниям Шрама поклонялись.

Под ногами хрустел песок, нанесённый с разрастающейся пустыни. Я сверился с показаниями сканеров и уверенно направился к зиккурату на центральной площади. Изда-

лека могло показаться, что строение не выдержало воздействия среды и разваливается, но разрушения коснулись только поздних элементов: насыпных стен, укреплённых деревом, облицовки из пластин мягкого известняка, идолов и ритуальных площадок. Железобетонная основа, возведённая в первые годы освоения планеты, осталась целой. Вход защищала массивная плита с приводом затвора, но энергии в цепях питания не было, пришлось подключать выводы реактора брони. Сам механизм оказался исправен и с тихим жужжанием отвёл тяжёлую дверь. Я осветил внутрь, и в темноте проявились очертания маленького коридора, уходящего вниз. Расстояние между стенами едва позволяло протиснуться в броне, но без неё радиация могла убить за несколько часов.

По крутой лестнице было возможно идти только держась за перила, потому что маленькие ступеньки слишком плохая опора для ног, одетых в тяжёлые боты, но спуск быстро закончился. Лучи прожекторов выхватили консоль и системные блоки. Пришлось повозиться, чтобы в боевых перчатках вынуть носители данных.

День снаружи подошёл к концу, и размытое пылью в воздухе солнце выглядело, словно сделанное из тонкой материи, играющей на ветру. Атмосфера преломляла свет, делая его насыщенно багровым. Художник во мне попросил задержаться на несколько минут среди останков города и запомнить жутковатый вид апокалипсиса, чтобы в свободное вре-

меня написать его.

– Высылайте раму для подъёма, – сказал я в микрофон рации, когда светило скрылось за взгорьем и кровавые краски в сумерках сменились серыми.

– Вася, ты нас откормишь сладким! – Айдар работал над установкой для чтения устаревших ячеек памяти и постоянно поглядывал на капитана, которая лепила пряники в виде человечков.

– Хорошо! Раз боишься растолстеть, то на тебя готовить не буду, – Смешная строго глянула через плечо, – Долго возишься.

– Почти готово. Мы же не хотим испортить носители случайной ошибкой, поэтому делаю всё аккуратно, перепроверяю.

Я наблюдал, как на поверхности планеты разворачивается трагедия: орда волнами накатывала на ворота подземного бункера. Защитники последнего города отстреливались, но у нападавших было преимущество в числе и оружии. Причины конфликта уже стали хорошо понятны нашей команде, осталось подтвердить гипотезу добытыми записями, и можно будет двигаться дальше.

– Ловлю себя на дурной мысли, что хочется вмешаться, – сказал Эджус и отвернулся от монитора.

– Для этого нужна целая группа специалистов и несколько недель исследований, – негромко сказал я, – Мы тут можем

только примкнуть к одной из воюющих сторон и ускорить резню.

– Ну можно же обстрелять и тех, и других с орбиты, заставить сохранять перемирие хотя бы несколько месяцев!

– У вас здорово получается анализировать свершившееся или гипотетическое, – я тяжело вздохнул, подумал, как донести мысль и не обидеть, продолжил уже уверенно, – И слишком тяжело выходит мириться с тем, что эти настоящие люди из мяса будут убивать друг друга, а вы не вмешались. Эджус, это покалеченный мир, и у нас нет сил его вылечить.

– Успешное начало чтения! – радостно воскликнул Айдар.

Словно гора свалилась у меня с плеч. Не хватало ещё торчать здесь и собирать информацию у местных по крупицам.

– Сообща, когда закончится структурирование и машинный анализ, – попросил я, – Мне нужно немного поспать, как обычному человеку.

Айдар кивнул и откусил голову пряничному человечку, сладко причмокнул и показал капитану большой палец.

"Успешное начало!" – повторил я про себя, зайдя в каюту и вытянувшись на кровати. Заснул я быстро и был этому только рад.

– Готовсь! – прокричал командир отделения в рацию, – Прикрываем огнём! Огонь! – последние слова захлебнулись в хрипе и булькании. Я повернулся и увидел офицера. Верх-

няя половина его тела лежала у основания баррикады и дёргалась. Накатила очередная волна безразличия. Оказавшись старшим по званию, я должен был управлять атакой на здание банка, где засели сепаратисты. С первых дней, когда нас высадили на аграрной планетке и бросили против пиратов, всё пошло наперекосяк. Мой сквад держался лучше других – ещё совсем мальчишек, едва получивших к званию второе слово: "инженер". Мы к началу "пиратской" уже закончили учёбу, в отличие от остальных, и даже участвовали в корпоративных рейдах. Вот только на Иштар все дрались не за прибавку к зарплате или из-за очередного патентного спора между компаниями. Пираты провозглашали захваченные планеты свободными, обещали населению сытую и счастливую жизнь в обмен на подданство Триумвирату. Хозяевам колоний это всё очень не нравилось, и они послали нас – миротворческие войска Российской республики.

– Перегруппировка! – крикнул я в микрофон, – Отход и укрытие!

Выстрелы мгновенно затихли и стали слышны стоны. Узкие улочки города исключали возможность использовать тяжёлую технику, и наше руководство щедро расплачивалось за каждый квартал кровью солдат. Зато мы все точно знали свою цену в деньгах.

Я пересчитал оставшихся бойцов и понял, что начинать атаку бессмысленно.

– Малышок, я на крыше, – Лиза постоянно использовала

это дурацкое прозвище с тех пор, как я проиграл ей в карты желание. В любых ситуациях, в любой компании для меня у неё не было другого имени. Две попытки отыгаться закончились тем, что теперь приходилось обращаться к ней исключительно "Мудрая Лиса" и раз в неделю писать с неё портрет.

– У них управляемые ракеты. Так что сиди тихо, – ответил я.

Вход в здание, заваленный автомобилями, удерживался автоматическими турелями. Из окон торчали стволы винтовок с сервоприводами, но живой силы было не видеть.

– Рыбак, есть идеи почему ЭМИ (электромагнитный импульс, сжигающий электронику, примечание автора) не сработал? – спросил я товарища, покрытого грязью с головы до ног.

– Не знаю... Защиту использовали. Дорого это очень, но теоретически можно.

– Мы не успеем отступить... – я поднял забрало и вдохнул воздух вперемишку с гарью, – Если группа не двигается 10 минут подряд, то участок просто сжигают с воздуха. А мы даже высунуться не можем.

Рыбак сплюнул полный пыли комок слюны и ухмыльнулся:

– Медведь в броне выдержит под огнём не меньше полминуты. Я побегу за ним, снесу несколько автоматов. Успеем войти в здание.

– Внутри наверняка есть бойцы. Ты голый. Броня Медведя после такой пробежки будет практически негодной.

– Критикуешь – предлагай.

Времени думать не осталось, и я кивнул:

– Только за Медведем пойду сам.

– Побежали! – гаркнул Олег басом через динамик экзоскелетной брони так, что глаза рефлекторно зажмурились, и я упустил момент.

Медведь и Рыбак улюлюкали и бежали под мощным огнём. Никита успел сбить четыре моторизованные винтовки, прежде чем скрылся в разбитых дверях парадного входа. Силач в броне с лёгкостью сорвал обе турели и бросил их на землю. Было заметно, что экзоскелету сильно досталось по замедленным движениям и висящей руке, но Олег внутри не матерился, а значит был невредим.

– Отделение, вперёд! – скомандовал я и зигзагами рванул вперёд – нельзя оставлять двоих товарищей вдвоём сражаться в здании. Оставшиеся в окнах орудия не смогли вести достаточно плотный огонь, и мы потеряли только одного бойца.

Внутри отделения банка никого не было. Я подбежал к окну и осмотрел сервоприводы одной винтовки. От управляющих рычагов тянулись тонкие тросики на шкивах и уходили в пол. Стало понятно, почему подготовительные ЭМИ удары не парализовали огневые точки – тут отсутствовала электроника. Оставалось найти паучков, которые дёргали за ниточки и выставить счёт за погибших, а заодно выяснить, на что

они заменили камеры и сканеры, чтобы стрелять так метко.

– Ты видел это? – Рыбак оказался удивлён не меньше меня.

– Механика... Как Медведь?

– Ни царапины. Немного пиджак потрепали.

– Отделение! Занять первый этаж! – скомандовал я, – Сапёр ко мне!

Подбежал Егор Серебряков:

– Сапёр прибыл!

– Разворачивай свою "нюхалку" (устройство для поиска взрывчатки по запаху и электронным сигнатурам, прим. авт.). Пойдёшь с нами.

– Есть!

Парнишка быстро достал и активировал колёсного дрона. Машина заскребла шасси по полу, покрытому осколками, и двинулась к спуску в подвал, ловко преодолевая препятствия. У начала лестницы нашлась первая растяжка, которую Егор с лёгкостью обезвредил. Потом было несколько искусно замаскированных зарядов направленного действия. Наконец мы оказались в разграбленном хранилище, из которого вывезли все ячейки с данными для транзакций межпланетной торговли. Посреди металлического сейфа стояло инвалидное кресло, вокруг которого располагались агрегаты, куда присоединялось несколько десятков тросиков. Вместо обычных кнопок и сенсорных панелей для управления использовались рычаги. Я узнал в устройствах архаичные са-

модельные гидравлические машины, но нигде не было мониторов.

Единственный человек – маленький мальчишка лет двенадцати – находящийся в комнате отполз к дальней стене и целился в меня из пистолета. У него не было ног выше колена.

– Опустите оружие! – крикнул Рыбак, прицелившись в инвалида.

– Идите к чёрту! – противник выстрелил несколько раз, но промахнулся. Древний пистолет тихо защёлкал, когда закончились патроны.

Я выглянул из-за угла и бросился вперёд, увидев, что человек дрожащими руками вставляет новую обойму. Ему удалось перезарядиться, но вместо того, чтобы выстрелить в меня, приложил ствол к виску и замер, неспособный решиться. Я выбил оружие и посмотрел в заплаканное лицо. Безногий ребёнок выглядел жалко и теперь ревел в голос, размазывая слёзы с грязью по впалым щекам.

– Тебе сколько лет? – спросил Егор.

Мальчишка не ответил. Он закрыл глаза и... Я понял. Ясновидающий. Ему не нужны были камеры, чтобы целиться.

– Убейте уже меня... – потрескавшиеся губы шевелились с трудом, выталкивая сильные звуки.

Я осторожно ощупал его: нет ли оружия или гранат. Поднял на руки почти невесомое худое тело. Он продолжал вздрагивать от плача.

– Куда мы его денем? – Егор не понимал, зачем я нянчусь со стрелком, убивавшем наших воинов.

– Штаб! Вызывает восемнадцатое отделение! У нас пленник! Он ясновидящий, возможно, телепат! – моя рация зашипела, но ответ я не разобрал, и пришлось подниматься наверх.

– Это ж сколько мы получим премиальных! – Серебряков замечтался и даже причмокнул. Рыбак ударил его кулаком по лицу и пошёл следом за мной.

Наконец получив ответ из штаба, что выдадут транспорт для эвакуации пленника, я раздал приказы и решил подняться на крышу, чтобы осмотреться.

– Малышок? Я смотрю тут в окрестностях кипят бои, – по голосу Лизы было ясно, что она ухмыляется.

– Ты уже над нами?! – меня раздражала её привычка действовать самостоятельно, – Здание заминировано, а сапёр только хранилище проверил!

Вместо ответа я услышал глухой хлопок и почувствовал вибрацию.

– Лиза? Мудрая Лиса?! Ответь! – ноги спотыкались на каждой ступеньке и не слушались. Моя боевая сестрёнка, с которой мы вместе учились почти двадцать лет не отзывалась. Я считал её своим лучшим другом, своим близким и родным человеком. Мы честно несколько раз пытались встречаться, но не выходило – слишком разные характеры. Может быть в будущем, когда повзрослеем... Она ведь мол-

чит из озорства, чтобы я понервничал? Чтобы поиздеваться? Ведь так?

Последний коротенький пролёт лесенки перед дверью на крышу растягивается до сотни тысяч ступенек, но я рвусь вперёд и вверх. Замок оказывается запертым, хотя на самом деле было иначе. Это сон. Старый кошмар. Осознав это, я успокаиваю сердце и оказываюсь под ярким солнцем.

В тот день много лет назад Лизу накрыло взрывной волной, переломало рёбра и смяло лёгкие. Началась контраката, и мы даже не смогли вытащить ясновидящего. В тот день почти всё отделение погибло.

Во сне наступила тишина. Яркий свет слепил. Я шёл почти вслепую и споткнулся обо что-то. Под ногами оказались тела Лизы, Никиты, Петра, Олега. "Парни же погибли совсем недавно, а Медведь ещё живой! Это ведь не правда!" – мысль закольцевалась, стала цикличной. Из горла вырвался крик.

– Тише, тише, – кто-то мягко удерживал меня прижимая к кровати.

Я открыл глаза и увидел Василису.

– Контроль состояния сна показал, что у вас кошмар и высокая вероятность неконтролируемых движений... – Смешная смотрела с беспокойством. Она действительно боялась, что моё усиленное тело может разнести каюту и повредить что-нибудь.

– Бывает... Со мной уже всё в порядке. Есть результат? Василиса кивнула:

– Считывание завершено. А орда уже разграбляет город.

Смотреть как дерутся обезумевшие люди не хотелось.

Только в кино или играх может быть зрелищная битва, а в жизни всегда хаос, ужас, уродливые гримасы и страдание.

Айдар сидел, поджав губы, и заметно злился:

– Вот ведь как так?..

Я подключился к расшифрованному хранилищу. Архивные данные состояли из документов, видеохроники, фотографий. Все мои предположения подтвердились. Один из миллиардеров Китайской республики тайно вкладывал средства в колониальные программы Атлантического Альянса и получил в личную собственность планету с населением. Поначалу играть в императора было весело и приятно, да и колонисты не ощущали себя собственностью, подыгрывая щедрому управленцу. Прошло пять поколений, и рыночная экономика не выдержала, породив расслоение на касты и множество локальных военных конфликтов. Внешний мир корпоративных колоний давил со своей стороны, что привело внука первого императора к идее изоляции планеты. Стремясь сохранить власть члены династии ужесточили законы и распространили вирус, вызывающий зависимость от "витаминок, которые планировали выдавать лояльным рабочим. В то же время отец последнего императора оплатил доставку полка Китайской Армады с Земли для подавления мятежей и защиты от внешних врагов. Сохранились записи о боях, в которых погибли планеты системы. Успешно отбив

атаки из соседних колоний, военные получили практически безграничную власть и право судить граждан на месте. Это сразу же вызвало ненависть простого народа, который убивал их при каждом удобном случае. Наконец низшие касты, состоящие из рабочих со множеством аугментаций, окончательно превращающих человека в придаток промышленных машин, нашли способ производить "витаминки" и начали масштабное восстание против эксплуататоров. Безумная, полуобразованная толпа превратилась в орду, а война растянулась на столетия.

– Ни одного упоминания о чужих, – Эджус сложил руки кренделем и ждал моей реакции.

– Нам тут больше делать нечего, – сказал я, – У нас есть ещё несколько координат в этом скоплении. Движемся по выбранной траектории.

Василиса молча вернулась в кабину пилота, чтобы задать параметры следующего нырка. Айдар и Эджус грустные жевали пряники и запивали травяным чаем – находясь на поверхности планеты Wū (так она называлась в найденных документах), я собрал несколько пучков матрёшки, чабреца и зверобоя. Всё-таки корпорации умели быстро и качественно создавать экосистемы для успешной колонизации.

2.3. Опередивший время

Пыль перекатывалась через край дюны – ветру не хватало силы поднять песок. После захода солнца температура в пустыне опускалась ниже нуля. Комбинезон хорошо защищал от холода тело, но без шапки было неприятно и приходилось использовать импланты для обогрева. Город буквально выскочил из-за очередного холма: маленький, окружённый примитивной стеной из грубо отёсанных камней, с деревянными воротами. Пришлось переодеться в вещи, найденные в разграбленной разбойниками деревне. Я быстро справился с завязками, надеясь, что не упустил какую-нибудь мелочь, способную выдать чужака. Населённая планета, где в основном велась тихая жизнь раннего средневековья, воспринималась удачной находкой. Три нырка подряд до этого оказались безрезультатными – мы находили лишь заброшенные разведывательные станции и никакой важной информации.

Когда диск звезды уже полностью выбрался из-за горизонта, я подошёл к большим воротам на расстояние пары десятков метров.

– Стой! – короткий приказ из-за стены прозвучал похоже на португальское "pare".

– Пожалуйста! Не нужно нападать, пожалуйста! – я поднял руки.

– Кто ты? – охранник осмелился выйти из ворот.

– Каменщик. Из соседнего города. Его разграбили, – я видел при облёте планеты останки стен в сотне километров к югу с трупами, ещё не доеденными падальщиками.

Человек внимательно разглядывал меня и думал. Морщинистое лицо с единственным глазом не выражало никаких эмоций, или я не мог их распознать.

– Проходи, – наконец решил стражник, – хозяин будет решать твою судьбу.

Он бесцеремонно направлял меня тупым концом копья, шлёпая сзади босиком по булыжникам мостовой. За воротами в тени стояли такие же "бравые" блюстители порядка: старики и инвалиды, вооружённые копьями с наконечниками из металлолома.

По улицам шныряли мальчишки, иногда женщины, мужчин было очень мало. Изредка попадались животные, похожие на очень крупных крыс.

– Меня зовут Уго, – представился я.

Одноглазый остановился и злобно фыркнул:

– Понятно, почему Сомбра пала, если там жили такие недоумки!

Я не стал возражать и спрашивать что либо, а молча шёл и разглядывал окрестности в надежде обнаружить хоть какую-то информацию, но вокруг был лишь небогатый средневековый городок, который можно пройти от края до края за четверть часа.

У высоких дверей в дом градоправителя по стойке смир-

но стояло двое крепких мужчин в добротных кожаных доспехах. Один презрительно сплюнул под ноги Одноглазому и слегка ударил его тупым концом копья по плечу.

– Кого это ты привёл, Тук?

Мой проводник наклонился и быстро прошептал на ухо, чтобы я не услышал:

– Этот чужак не похож ни на кого из народов Саннатерри, но понимает и говорит.

Охранник смерил меня взглядом и спросил:

– Ты кто?

– Каменщик. Все называли меня Уго. С караваном я не так давно пришёл в Сомбру и хотел служить там, но город разграбили, – Теперь я ищу место, где смогу быть полезен.

– А-а-а! – протянул вышедший на низкий балкончик разодетый толстяк, он ткнул в меня пальцем и расхохотался, – Я же говорил, что они сами придут! И вот! Ты один? Где остальные?

– Со мной было ещё четверо рабочих, но пустыня... – соврал я, изображая скорбь.

– Ремесленники нам нужны, – заулыбался ещё шире глава города, – Жаль, что не удалось выжить остальным, но ведь это хорошо, когда сильнейший побеждает слабых.

Жирдяй был уверен, что я съел своих товарищей и хвалил за это. Набег на Сомбру, по всей видимости, организовал тоже он. Разграбил городок и теперь ждал, когда выжившие работяги сами приползут к нему. Путь через пустыню, раз-

деляющую субтропические пояса с плодородными землями, был длинным, трудным, но необходимым для торговли между государствами разных полушарий. Цепочка оазисов дала жизнь множеству торговых и ремесленных поселений, которые постоянно конкурировали чаще всего с оружием в руках. Это быстро выяснилось ещё при облёте.

– Завтра приступишь к работе, – толстяк посерьёзnel, – А сегодня можешь получить паёк и отдохнуть в бараке.

Глава города вернулся в тень своего дома, считая разговор оконченным. Вот только для подключения к его памяти необходимо было находиться как можно ближе.

– Господин! Пожалуйста! Подарите ещё мгновение вашего драгоценного времени! – взмолился я, в любую минуту ожидая удара от стражников за наглость.

– Говори, – настроение у толстяка этим утром оказалось хорошим.

– Вот! – вместо ответа я протянул клочок тряпки, на котором углём заранее набросал схему арбалета.

Аристократ сморщился и зашевелил губами похожими на влажные жирные личинки:

– Что это?

– Я учился многому и умею создавать разные полезные штуки, – слова вылетали быстро, чтобы успеть донести как можно больше, пока терпение хозяина города не закончилось, – Это стреломёт. Он позволит стрелять намного дальше даже ребёнку... И даже одnorукому.

Толстяк смотрел на меня, низко опустив брови, и тяжело дышал, причмокивал и надувал щёки. Наконец он выдохнул и махнул рукой, приглашая войти внутрь:

– Ещё что умеешь? – спросил хозяин, когда я оказался перед ним.

– Разные устройства, чтобы легче сдвинуть тяжести, – один охранник вклинился между нами и отпихнул меня назад, указывая дозволенную дистанцию.

– Если ты действительно хорош, то почему не помог защитить Сомбру? – спросил градоправитель, садясь на большую подушку. Действие получилось неаккуратным, и тяжёлое тело упало на спину, – Чтоб тебя! Гнусная тварь!

Толстые ноги запутались в покрывалах и нелепо перебирали воздух. Слуга бросился на помощь хозяину и не без труда привёл в вертикальное положение. Рой нанитов уже давно подключился к мозгу и транслировал эмоции и обрывки мыслей.

– Я сегодня же отправлю тебя на Площадь Святых! – закричал градоправитель и ударил раба, – Ты разложил подушки так, что я упал и опозорился!

Слуга стерпел побои молча, но побелел от страха и задрожал. Человек не посмел издать ни звука, а только едва шевелил губами творя молитву.

– Ты опозорил хозяина и после смерти будешь проклят! – продолжал тиран, успокаиваясь, – И никто из предков тебя не возьмёт в свой дом на небесах...

Я заметил присутствие ещё одного человека. Рослого, смуглого старика с жилистыми, крепкими руками, сложенными на груди. Он стоял в тени и презрительно морщился и, наконец, сплюнул прямо на дорожную мозаику, обозначая своё присутствие.

– Отец?! – толстяк даже подскочил на пуфе.

– Ты дурак! Слизняк! И трус! – старик подбросил всё ещё трясущемуся слуге кинжал, а когда тот неловко поймал оружие, нанёс быстрый удар другим клинком в живот с такой силой, что кончик лезвия вышел между позвонками со спины.

– Ты был хорошим рабом, – неожиданно ласково произнёс старик, – Я отправляю тебя к предкам не как домашнего помощника, но как воина. Держи крепко мой кинжал.

– Спасибо! – человек произносил слова, выталкивая их с кровью, но выглядел счастливым, даже когда жизнь покинула его.

– Все прочь! – грозно рыкнул отец толстяка, и телохранители юркнули за дверь. Я остался стоять на месте, опустив голову, но продолжая очень внимательно следить за всем вокруг.

Старик какое-то время сверлил меня взглядом, потом подошёл ближе, потянул воздух носом, сделал шаг назад и сел на подушки. Лужа крови, растекаясь, коснулась его обуви, но, похоже, это никого не волновало.

– Ты родился среди звёзд, – хриплый голос стал тихим, но

не утратил своей силы, продолжая каждым звуком царапать внутри головы, – Меня зовут Риго.

Старик умолк. Он умел ждать и сейчас продемонстрировал этот навык в полной мере. Толстяк вжался в подушки и старался не дышать. Рой нанитов, повинувшись приказу, сменил донора. В мои планы не входило подтверждать высокий статус бывшего разбойника, поэтому я сохранял тишину, наблюдая сначала неподвижную маску, потом заигравшие желваки, и, наконец, кивок головы.

– Не мне с тобой состязаться... – Риго вмиг подрыхлел, сжался.

– Вячеслав. Так меня зовут. Мне нужно знать о другой расе разумных существ. Они другие. Возможно, у вас сохранились легенды или древние хранилища...

– Всего десять поколений на Саннатерри хранили память о том, кто они и откуда пришли, – горько произнёс Риго, – Может меньше. Сюда никто не прилетал: ни люди, ни кто-то ещё. Иногда кто-то находит древние храмы, но там уже ничего не работает.

– Может быть есть упоминания про вот такие штуки? – Я наконец позволил себе присесть в невысокое кресло, отделанное костью и драгоценными металлами, а на потолок запустил проекцию с изображением корабля чужих.

Риго покачал головой:

– Нет. Я даже не понимаю, что это может быть, Вячеслав, – он с трудом выговаривал имя, сильно коверкая, но очень ста-

рался, – Вы прибыли сюда, чтобы только узнать, и всё? А за вами придут другие, кто сможет поднять народы этой планеты из дикарства?

Старый человек смотрел с надеждой, которую я мог ожидать от кого угодно, но не от головореза, сидящего в луже крови. Тем сильнее подействовала эта мольба о помощи.

– Оказалось, что таких потерянных миров много. Я не знаю, сколько времени потребуется, чтобы снова найти и принять в Союз их все. Возможно, что некоторые успеют развиться самостоятельно.

– Иногда я хочу прирезать этот мешок с жиром, – Риго кивнул на сына, а тот жалобно то ли пискнул, то ли хрюкнул, – Не потому, что он такой – в этом виноват только я. Его вид отнимает у меня надежду на будущее. Вы встречали другие миры, те, которые развиваются?

– Пока нет.

– Что ж, – старик поднялся и отёр туфлю о ковёр, – Я могу сопроводить вас к правителям плодородных земель, но там все больше заняты выживанием и урожаем, чем легендами. Древние хранилища находятся в пустыне, и я был во всех – делать в них нечего.

– Я могу оставить вам знания...

– Бросьте! – Риго замахал руками, – У наших предков были межзвёздные корабли, а мы сейчас роём землю с помощью рабов с палками... Или мы сами дойдём до всего, или вы сделаете нас частью своего мира, и мы дойдём до всего

немного быстрее. Прощайте, Вячеслав. Удачи вам в поиске!

Я поднялся и протянул старику руку. Узловатые, потемневшие от жизни в пустыне пальцы крепко впились в мою кисть. От порыва ветра подлетели занавески, и в комнату проникло чуть больше света – стало возможным разглядеть книги на полках. Их было великое множество, но самым удивительным мне показался тот факт, что на корешках оказались знакомые названия классических художественных произведений. Стало понятно, каким образом в Риго смогли уживаться такие разные качества.

Корпорации поддерживали секретность и воспитывали исключительно узких специалистов, которые быстро утрачивали свои навыки в условиях изоляции от метрополий. Поэтому деградация была неизбежной.

Я уходил в пустыню с тяжёлым сердцем. Запертый в угасающем мире человек приспособился и достиг величия, но его живой ум требовал большего, и, на беду, насобирав книг, предназначенных для воспитания людей в обществе намного более прогрессивном. Когда миссия будет закончена, я обязательно вернусь сюда и постараюсь найти Риго.

– Командир, – Эджус вертел в руках планшет и работал с какими-то данными, – Мы тут без вас пораскинули мозгами, и вот до чего додумались: войны по колониям корпов распространялись волнами, так значит мы сейчас в той области, где все населённые планеты в схожем состоянии...

– И нырять нужно сразу подальше, – перебил я, – Думал о том же пока взлетал. Согласен. Курс проложили уже?

– Обижаете... – Василиса смешно надула губки.

– Тогда полетели отсюда.

К концу следующих корабельных суток мы совершили облёт сотой потенциально населённой системы из каталога Штайна, приблизившись к самому краю области, которую обсчитывали суперкомпьютеры Луны. Везде нас ожидали руины, пустующие станции и популяции людей, едва достигших уровня тёмного средневековья.

Я устало развалился в кресле и помогал Эджусу прокладывать новый маршрут.

– Думаю, нужно выходить за границу карты, – сказала Смешная, – Ближе к основанию рукава сильно уменьшается плотность пригодных планет, но ресурсов и энергии больше. Другие условия могут иначе влиять на процессы вырождения.

Эджус молча протянул первому пилоту планшет с расчётной точкой. Брови Василисы удивлённо поднялись.

– Ого! Парни, вы решили нырнуть к самому центру?

– Да, – ответил я, показывая пальцем на участки карты, – Тут, тут и тут есть изолированные области с невысокой радиацией и без усиленного звездообразования. Только нужно выспаться и немного передохнуть. С получения ультиматума прошло уже пятнадцать дней, но время есть.

2.4. Чёрная душа

Руки Смешной мельтешили над пультом, лицо заострилось, на лбу выступил пот.

– Айдар! Не тупи! Ты вошёл? – женский голос звучал грубо, с нотками истерики.

– Да! Принимаю управление! – тело Алтынова дёрнулось в ложементе и обмякло.

Василиса тут же запустила процедуру своего слияния с искусственным интеллектом корабля, управлять которым в одиночку в тот момент не хватало человеческой реакции даже усиленной имплантами. Несколько секунд её тонкие пальцы сжимали подлокотник, а потом мышцы расслабились.

– Эджус? – голос капитана стал намного спокойнее, – Мы успешно уклоняемся. Твоя задача: найти все активные системы обнаружения и просчитать их слепые зоны.

Корабль закладывал дикие виражи и постоянно совершал неглубокие нырки. Мы оказались в населённой системе. Более того, всплытие высоко над плоскостью эклиптики едва не окончилось столкновением со станцией раннего обнаружения. Мы чудом не попали ни под один из лидаров (активная система обнаружения, построенная на лазерных излучателях и приёмниках, прим. авт.), составляющих плотную сеть.

– Нашёл! – Петуш выполнил приказ и передал координа-

ты.

– Хорошо! – Василиса совершила ещё несколько нырков и остановила судно в области, где не регистрировались лазерные щупы, – Нужно передохнуть и начать сбор данных.

– Позвольте мне, – я поднялся, с некоторым трудом сгибая онемевшие от многократных перегрузок конечности, – Дальше сам.

Смешная, едва выбравшись из виртуалки, сразу же попыталась встать, но не смогла. Я заметил, с какой досадой она смотрела на меня, относительно легко перенёсшего дикую скачку. Гражданские импланты корпораций начального уровня не могли также эффективно обеспечивать жизнедеятельность в условиях тяжёлых нагрузок.

– А почему вам не установили расширения военного образца Союза? – спросил я.

– Мы родились в мирах Нового Эдема. У нас проприетарная платформа (имеется в виду закрытая от любых модификаций, кроме тех, что могли производить в принадлежащих корпорации New Edem клиниках, прим. авт.) – это на всю жизнь. Только импланты, разработанные внутри корпорации, остальное просто не заработает, – Эджус цокнул языком и с гримасой боли повернулся в ложементе, возвращаясь к расчёту траектории дальнего нырка на случай, если нас обнаружат и нападут.

Я погрузился в мешанину сигналов нескольких сотен станций и с удивлением увидел, что вещание велось самым

безобразным образом: всеобщий хаос, где частоты никак не упорядочивались, а диспетчерская служба отсутствовала. Поначалу казалось невозможным, что корабли вообще могут прибывать и не сталкиваться, но сканирование показывало постоянное движение в системе как отдельных судов, так и групп. Наконец обнаружилось несколько автоматических маяков, на которых можно было зарезервировать время и место всплытия в "живой очереди" – странное решение, полностью противоречащее простым принципам безопасности.

Эфир был в основном забит потоками данных о купле-продаже и частными сообщениями. Банковские поручения никак не шифровались, а в личной переписке наблюдался всё тот же хаос с защитой данных. Кто-то использовал длинные ключи и несколько уровней аутентификации, а кто-то вываливал интимные подробности своей жизни во всеобщий доступ. Упоминаний о чужих не было.

– Развитая колония, – Василиса пришла в себя, размяла ноги и заглянула мне через плечо.

– Упоминаний чужих нет, – добавил я, – Держат связь с ещё двумя в этом же "кармане". Общий уровень развития сравним с Солнечной системой до Пиратской войны или выше.

Я продолжал искать точки входа в информационные сети, но быстро выяснилось, что между планетами существует только обмен пакетами сообщений. Придётся садиться.

– Они не выглядят агрессивными и воинственными, – Василиса повертела трёхмерную голограмму системы, – Может стоит с ними просто поговорить?

– Они из своего сектора никуда нос не высовывают и устроили сложнейшую систему обнаружения, от которой мы едва ушли. Знаешь почему?

Смешная покачала головой.

– Вот и я не знаю. Может они всех чужаков считают угрозой и убивают? Сможем высадиться через час, Эджус?

– На третьей от звезды планете самое большое население и самые крупные города, но подлететь незаметно мы не сможем.

– Тут полно частных судов, – сказал я, потирая лицо, вдруг ставшее чужим и каким-то жёстким, – Рядом со слепой зоной проходит трасса, и я смогу захватить небольшой корабль.

Команда некоторое время смотрела на меня. Потом Смешная пожала плечами и опустила глаза:

– Делайте, как считаете нужным.

Кофру с "подарками" военных инженеров я к тому времени уже распечатал. Кроме сверхлёгкой десантной брони и вполне привычного снаряжения для разведывательно-диверсионной работы, обнаружили три портативных "дырокола" и несколько десятков миниатюрных генераторов поля сдерживания омега-структур. Ловушки душ – серебристые параллелепипеды размером с треть ладони и единственной

кнопкой зелёного цвета, светящейся в темноте – выглядели слишком просто, а от того жутко, а ещё сбоку была надпись: "Наличие в снаряжении при контактах с не членами СЗиК обязательно." Готовясь к abordажу, я внимательно осмотрел все устройства ещё раз и нехотя взял пару ловушек и один "дырокол".

Так близко к центру Млечного Пути космос не был преимущественно чёрным. Больше звёзд. Больше пыли. Больше света. От ненормальной красоты захватывало дыхание. Можно привыкнуть к самым разным ландшафтам, самым фантастическим формам жизни, но тьма между светящимися точками казалась нам неизменным атрибутом вселенной. Я нёсся через яркое пространство в десантной броне. Было довольно сложно синхронизировать вектор движения экзоскелета с пролетающим мимо частным судном, но Василиса справилась на отлично, выбросив меня на расстоянии всего в сто метров от цели с почти нулевой относительной скоростью и тут же нырнула в слепую зону, не давая возможности засечь Зоркий.

Я удачно зацепился в районе шлюза и быстро проник внутрь, взломав простенький электронный замок. "Теперь я пират..." – почему-то эта мысль вызвала лишь лёгкую улыбку вместо укола совести или приступа рефлексии. Тамбур заполнился воздухом. Я сверился с составом газов и вышел из брони. Вторая дверь вообще была лишена какой-либо защиты и открылась от нажатия кнопки.

– Ты кто? – подтянутый мужчина с сединой на висках направил на меня небольшой одноручный гаусс-ускоритель. Говорил он на английском.

– Не стоит пороть горячку! – я прикинул, что, судя по сигнатурам, опасаться серьёзных ран от оружия не стоит, – Мы можем договориться, либо нет. Предлагаю сначала попробовать.

Мужчина секунду молчал, казалось, что он размышляет, но моя защита сообщила о вторжении нанитов. Не было времени удивляться. Хоть моя реакция была ускорена до наибольшего значения, но я не успевал полностью избежать попадания от выстрела. Маленький заострённый цилиндр врезался в грудную клетку и неприятно чиркнул по рёбрам. Второй раз владелец судна спустил курок уже почти скрывшись за небольшим шкафом. Его скорость движений оказалась сравнима с моей. "Это мне так повезло, или тут все прокачаны боевыми аугментациями?" – подумал я, бросаясь вперёд, по сложной траектории уходя от пуль.

Кожа на лице стрелка растянулась от удивления, когда я проскользнул мимо и за спину. Он успел направить оружие мне в лицо и последний раз выстрелить. Мои шея и корпус вывернулись под немыслимым углом, металлическая пуля чуть коснулась кожи, на щеке выступила кровь, но ничего серьёзного, а боезапас пистолета оказался исчерпан.

– Замри! – я вложил в приказ злобу и сильно прижал руки стрелка к полу, садясь на него верхом. Мои модификации

мышц оказались сильнее, но противник был не готов сдать-ся: гигантское облако наномашин покрыло мою кожу и принялось поедать меня. Пришлось быстро погасить все свои импланты и запустить генератор ЭМИ. В коридоре погасли лампы и включилось вспомогательное освещение, мужчина перестал сопротивляться.

– Какого чёрта тебе нужно, ублюдок? – слова вырывались из-под чёрных ухоженных усов.

– Теперь готовы поговорить?

Мужчина рассмеялся. Его серые глаза источали ненависть. Я сгенерировал новый рой из аварийного запаса и сканировал корабль в поисках других членов экипажа, но похоже никого больше не было.

– Откуда ты? С Тарты? Нет... Лицо славянское... С Варды? Аргх! У всех этих планет названия, словно собака тявкает, короткие и похожие, что не запомнишь! – мужчина продолжал хихикать, а анализ показывал, что он абсолютно спокоен, – У тебя есть имя, раб?

Он провоцировал агрессию, но зачем? Я поставил его на ноги и зафиксировал за спиной руки специальной лентой. Все импланты пленника выжгло импульсом, кроме одного необычайно крупного, расположенного между лёгкими, назначение которого оставалось непонятным – энергетический ступок, заключённый в экранированной сфере, подключался к мозгу через отдельный интерфейс. Пленник поймал точку моего внимания и рассмеялся с новой силой.

– Вы уже столько раз пытались и каждый раз только пальцы стираете до костей (work fingers to the bone – англ. работать упорно, но безрезультатно, прим. автора). Никогда вам не понять своим умишком, мистер Обезьяна, почему только высшая раса может достичь бессмертия. Ну же! Выстрели в неё! Давай!

Пленник вывернулся и чувствительно толкнул меня плечом. В то же время в голове пронеслась мысль: они никогда не скажут "она" ни про имплант, ни про искусственный интеллект, ни даже про разумного симбионта. Значит в шаре сам человек?.. Личность находится внутри импланта?.. Но почему он провоцирует меня разрушить "её"?

Тем временем слишком дерзкий пленник снова оказался на полу, придавленный коленом между лопаток.

– Я не собираюсь тебя убивать, но если ты не успокоишься, то просто вырублю. Понимаешь? – угроза далась на удивление легко и даже болезненный, с сахарным хрустом тычок в рёбра, показался уместным.

– Понимаю... – мужчина перевернулся на спину, как только моё колено перестало вдавливать его в синтетический мат, похожий на мох. На груди с правой стороны на лёгком комбинезоне было вышито имя: Пол Уитман. Такое совпадение не слишком меня удивило – бывало и необычнее. Колено однофамильца корпоративного босса резко взметнулось по направлению моего паха. Увернуться оказалось легко, но пришлось выполнить угрозу, но не ударом по голове, а инъ-

екцией транквилизатора.

– Смешная, как слышишь?

– Хорошо, – задержка составила почти две минуты, за которые я успел осмотреться и начать анализ систем управления кораблём.

– В эфире тишина? – тело господина Уитмана прекрасно поместилось на диване в кают-компании – просторной овальной комнате перед кабиной пилота. Вся мебель – кроме дивана: два глубоких кресла, низкий столик, стенные шкафчики – выглядела совершенно новой и неестественно белой, словно слегка светилась. Все углы были "зализаны", одна линия плавно переходила в другую, а главное размеры всего идеально подходили под рост и длину конечностей пилота-хозяина. Однако, консоль управления оказалась непривычной – множество голографических элементов нагромождались друг на друга, мешались и путались. Создавалось ощущение, что это сделано специально, чтобы человек не мог с ходу разобраться, и требовалось специальное обучение.

– Вас никто не ищет, и никто не упоминает. Корабль движется прежним курсом, – Смешная замешкалась на миг и добавила, – Я всё больше сомневаюсь, что удастся незаметно собрать информацию на планете.

– А я, наоборот, считаю, что это будет легко. Они следят за "дверьми" своего дурдома, но в "палатах", уверен, царит анархия.

Группа имплантов сгенерировала искусственный синаптический узел для навыка управления яхтой – судно воспринималось, как дорогое и роскошное, созданное индивидуально. Я, наконец, сориентировался. Полётом управлял автопилот, а конечной точкой была интересующая меня планета. Вернее, её орбита. Оставшийся путь должен занять около семи часов, которые можно потратить на близкое знакомство с господином Уитманом. Пришлось его зафиксировать специальными лентами. Антidot транквилизатора сработал быстро, и Пол почти сразу открыл глаза. Взгляд источал ненависть и, возможно, мне лишь показалось, страх.

– А ты упорный... – пленник цедил слова сквозь зубы.

– Почему ты так хочешь умереть?

Пол прыснул от смеха, но тут же успокоился и принял надменный вид:

– Вы там совсем в маразм впали? Мы бессмертные!

Уитман фыркнул и отвернулся, качая головой, показывая, что не видит смысла в разговоре с невероятно глупым человеком.

– Чьи это корабли? – я спроектировал изображение флота чужих в воздухе перед лицом пленника. Уитман замолчал. Кажется, до него начало доходить, что я, вероятно, не тот, за кого он меня принимает, но всё же не прекратил провоцировать.

– А вот ты точно труп... Я буду требовать, чтобы твою родную планету поразили мором и транслировали это на всю

промышленную зону! Тебя заставят смотреть, как гноем будут вытекать глаза у твоих близких! – Уитман ухмыльнулся и плюнул в меня.

В бортовых базах не нашлось ни книг, ни фильмов, ни музыки, а из документов только цифровые векселя, акты купли-продажи и техническое описание корабля. Стерильная чистота во всём. Интуиция подсказывала нарастающим зудом, что нечто важное оказалось упущено, несмотря на то, что находится под самым носом. Внимание снова привлекла сфера между лёгкими Пола – сканеры засекли слабую активность. Если внутри находится цифровая копия, которая может быть перенесена в новое тело после гибели, то почему Пол Уитман так упорно нарываяется получить пулю в имплант? Как разрушение сферы поможет ему выбраться из ситуации?

– Я вынужден подключиться к вашему мозгу напрямую и считать память, – мой голос сделался сухим, трескучим, каким-то озлобленным.

– Иди к чёрту! – Пол несколько раз дёрнулся, но не сумел даже переменить положение тела.

Связь с пленником установилась быстро, но мне сразу же стало дурно от знакомого шифра. Живой человеческий мозг был изменён так, чтобы выполнять роль кодирующих расширений, которые я слишком поспешно удалил у Стефана.

– Я трансцендентен, мистер Обезьян, – сухие тонкие губы расплзлись в улыбке.

Догадка обожгла. Скорее чутьё, чем логика. Именно этого боялся Герман Штайн, посылая меня разобраться с Пророком: бессмертных, не ограниченных ни моралью, ни разумом.

– Пожалуй, воспользуюсь ловушкой для души, – наблюдая за Полом, я, наконец, отчётливо увидел страх. Серебристая коробочка должна быть направлена противоположной от кнопки большой гранью на объект, говорилось в повоенному короткой инструкции. Я положил устройство на грудь, прямо над имплантом и запустил. Тело Пола обмякло мгновенно, без конвульсий. Сердце ещё продолжало биться, но дыхательная мускулатура отключилась. Цвет кнопки сменился на красный. Сфера опустела и ничего больше не излучала.

Я опустил на пол и закрыл лицо руками. Гормональная коррекция не справлялась с панической атакой. Захотелось выть. Осталась только надежда на то, что Пол входил в очень малочисленную группу, и на Приме, куда я направлялся, население состоит из обычных людей, а не вместилищ агрессивных омег.

2.5 Центр ада

Прима выглядела великолепно. Изображение планеты состояло из яркой и сочной зелени, водных просторов морей, крупных озёр и невысоких гор. Идеальная планета-сад после полного цикла терраформирования. Больших городов не наблюдалось – лишь группы одноэтажных поселений в пару сотен домиков, казалось, случайно разбросанных тут и там посреди рукотворного дизайнерского ландшафта. Я любовался пейзажами, пока корабль стабилизировался на высокой орбите и подал сигнал готовности принять груз. Эти действия были заложены в алгоритм автопилота, в который без необходимости не стоило вмешиваться. Склад-сортировщик, по размерам сравнимый с маткой флота Союза, ответил коротким сообщением и выделил парковочное место. Яхта юркнула в подбрюшье гиганта, где автоматы загрузили посылку. Последней точкой маршрута была поверхность Примы.

Я напряжённо думал о посадке. Будут ли встречающие? Таможни или чего-то подобного опасаться не стоило: контроль за трафиком происходил на этапе ожидания очереди всплытия. Площадка для приземления находилась неподалёку от крупного посёлка и состояла из множества участков. Малые корабли постоянно садились и взлетали, одни уходили в космос, другие за горизонт. Машинный разум в роли диспетчера космодрома выдал привилегированный кори-

дор автопилоту яхты – их общение схематично отображалось на мониторе. У меня оставалось ещё около часа, пока будет происходить заход в атмосферу и торможение. Перед выходом на поверхность стоило сменить нательный комбинезон для экзоскелета на что-то другое и избавиться от оболочки настоящего Уитмана. Сжигать в твёрдых слоях атмосферы, сбросив труп через шлюз, было рискованно, но на яхте обнаружился утилизатор, превращающий мусор в плазму. При загрузке в приёмник для мусора человеческого тела накатила истерика. Ни ловушка в кармане с запертой внутри живой омегой, ни тем более попытки урезонить логикой совесть оказались не в силах убедить меня, что это не убийство. Корректоры биохимии с трудом вернули мне равновесие, однако мысли продолжали бежать по замкнутому кругу, мешая работать.

Чтобы успокоиться, было решено осмотреть посылку: в ней могло оказаться хоть что-то информативное.

Контейнер напоминающий гибернационную капсулу, как их изображали фантасты в начале второго тысячелетия, покрытый инеем, располагался на небольшой тележке с ручками. На поверхности не было ни замков, ни надписей, лишь единственная сенсорная клавиша, тускло мерцающая жемчужным белым. Она оказалась крайне холодной на ощупь – кожа на подушечке пальца даже прилипла. После нажатия мерцание прекратилось, сменившись ровным жёлтым свечением. Из-под крышки раздалось тихое шипение, и внутрен-

ние сервоприводы открыли контейнер.

Я был готов выругаться. Чудовищное зрелище лишило сил. На мягком ложе, искусно подсвеченная, полностью обнажённая лежала женщина. Полимерная татуировка на левом предплечье содержала серийный номер клона и шифр модели, а в груди сканеры обнаружили сферу с омега-структурой. Рабыня, купленная словно предмет, медленно дышала. Её веки не вздрагивали: сон был неестественно глубоким. Над изголовьем возникла голограмма с несколькими пиктограммами и короткими подписями о том, как активировать личного помощника и спутницу. Мои руки тряслись, когда, следуя инструкции, вводили команды на маленькой виртуальной клавиатуре.

– Rise and shine! (дословно "Проснись и сияй", прим. авт.)
– произнёс я кодовую фразу.

Женщина открыла глаза и, нежно взяв меня за руку, запела:

– Are you sleeping?

Are you sleeping?

Brother John,

Brother John?

Morning bells are ringing.

Morning bells are ringing.

Ding, dang, dong.

Ding, dang, dong.

(Английская детская песенка про пробуждение, прим.)

авт.),

Тембр её голоса менялся до неузнаваемости на каждой строчке, и она определила какой мне нравится больше всего, считывая пульс, движения глаз, дыхание, мышечный тонус и десятков других показателей. Внутри её мозга вспыхивали активностью и гасли контролирующие поведение чипы.

– Пожалуйста, выберите для меня имя? – инструкции на голограмме закончились, теперь сама рабыня подсказывала, что делать дальше.

– А как звали тебя раньше? Как зовут именно тебя? – я коснулся того места, где располагалась сфера с омегой. Молодое лицо изобразило недоумение и замерло маской робота, вновь включились импланты контролирующие поведение.

– Согласно правилам использования, – голос утратил все эмоции и стал громче, – Обращение к "душе" не рекомендуется, а все запросы будут перенаправлены к системам встроенного искусственного интеллекта. Документация, включающая настоящие правила, продублирована и помещена в контейнер, – рабыня выбралась из своей "упаковки" и открыла небольшой выдвижной ящик в основании капсулы, достала планшет, активировала и протянула мне, замерев, словно манекен, ожидая моей реакции после прочтения.

Текст оказался не слишком длинным. Обычное для корпораций пользовательское соглашение о том, что изготовитель не несёт ответственности, а покупатель обязуется ниче-

го не разбирать, не переделывать и быть всем довольным. Однако отдельно выделялся пункт о том, что попытки обратиться к данным "духовной личности" приведут к смерти личного компаньона и прекращению гарантии.

– Я назову тебя Надежда, хорошо?

– Это имя в списке нежелательных, – контролирующие импланты разжали свою хватку, и рабыня снова стала неотличимой от полноценного человека.

– Почему?

– Имя Надежда может быть ассоциировано с колониями первого цикла производства, вернее с их жителями – полуграмотными и жестокими дикарями. Если вы настаиваете, то могу предложить хотя бы смягчить эффект использованием более приемлемой формы: Nadin.

– Тогда Рэйчел. Рэйчел Роузен. У тебя же может быть полное имя с фамилией?

Рабыня поклонилась, и я опять увидел, как последовательно вспыхнули внутри мозга импланты подавляющие волю, затем сфера души и снова импланты. Женщина подняла на меня взгляд теперь совершенно живой, тёплый, очень смущённый и прикрыла ладонями наготу.

– Тут есть для тебя одежда?

– Да.

Я хотел спросить почему её оставили обнажённой во время упаковки, но понял сам.

– Рейчел, одевайся. Будешь моим гидом на Приме. Ты

ведь сможешь?

– Конечно, как скажете. Как мне вас называть на этот раз, Господин? – женщина вопросительно посмотрела, ожидая услышать имя. Хотя её тело двигалось, ловко облачаясь в нижнее бельё, а затем в серебристое платье, но лицо всё время оставалось обращённым в мою сторону.

– Пол. Только без господина. Просто Пол. Хорошо?

– Хорошо, Пол, – женщина улыбнулась и ласково коснулась руки, – Что прикажете?

Даже через крепко зажмуренные веки я всё равно чувствовал её взгляд, не заискивающий, не услужливый, но выражающий безусловную любовь. Можно было ударить, унижить, изнасиловать, но личный спутник под действием гормональных и нейрологических имплантов никогда не изменит своего отношения к хозяину.

– Жди здесь.

Я на время оставил Рэйчел, чтобы наконец переодеться. В жилой каюте нашёлся целый мужской гардероб: костюмы-тройки, брюки и рубашки, шляпы, туфли, пальто. Целая комната для вещей – немыслимая и глупая роскошь. Я вспомнил, что у Германа Штайна было подобное в резиденции: несколько традиционных комплектов одежды для отдельных культурных групп Союза, вроде многослойного халата и войлочной шапки для официальных встреч с жителями Талима.

Свободные брюки и простая рубашка с коротким рука-

вом показались вполне удобными, среди обуви выбор пал на спортивные ботинки с усиленным носом.

– Рейчел, ты не в курсе, как опознаётся владелец документов автоматическими системами? – спросил я, приглашая рабыню идти за мной в основной коридор, ведущий к шлюзу.

– По сфере души, – спутница изобразила лёгкое недоумение, показывая, что не совсем понимает вопрос.

– А если сферой завладеет другой человек?

– А зачем ему это делать? Душа есть у всех, даже у меня. Каждый может подтвердить свою личность с её помощью, если возникнут споры, но они не возникают, – Рэйчел чуть наклонила голову, разглядывая моё лицо, оценивая реакцию.

Яхта едва ощутимо вздрогнула – произошло касание с землёй. Отключились гравитационные компенсаторы ускорений, стала ощутима сила тяжести Прими.

– Внимание, – негромко заговорил бортовой ИИ, – Приземление прошло успешно, двери разблокированы.

Ища поддержки перед неизвестностью, я взял Рейчел за руку и прошёл к шлюзу. Мой экзоскелет стоял там неподвижно, защищённый сложным замком, который открывался только сверив кровь, отпечатки пальцев и отсканировав лицо и сетчатку глаза. Дверь наружу распахнулась от прикосновения к сенсорной панели, приглашая выйти наружу.

Я услышал запах прогретой солнцем сосновой рощи, множества цветущих трав и сотни других неопознанных арома-

тов. Свет звезды передавал коже тепло, но его тут же забирал лёгкий ветерок – идеальное сочетание для максимального комфорта.

– Господин Уитман, ваша яхта будет отбуксирована в персональный ангар, – сообщил ИИ, – Будут дополнительные распоряжения?

– Да будут. Двери не открывать никому, кроме меня. Это возможно?

– Конечно, господин Уитман, защита от проникновения посторонних включена.

– На этом всё.

Яхта укатила в сторону невысоких построек.

– Рейчел, а где мы сможем тут поесть? – спросил я, оглядываясь вокруг в поисках указателей или стоянок общественного транспорта. Севший почти одновременно со мной корабль выгрузил пару пассажиров, которых ждал аэрокар, чтобы унести куда-то в направлении посёлка. На меня никто не обращал внимания.

– При космопорте есть хороший ресторан. Может стоило приказать подать одну из ваших машин?

– Прикажи, ты же можешь?

– Теперь да. Хотите, чтобы я управляла вашим транспортом, предугадывая необходимость?

– Да, пожалуйста.

Рейчел на секунду закрыла глаза – её импланты не позволяли одновременно работать с сетью без отключения боль-

шей части "человеческих" систем, что выполняло роль индикации активности для удобства и безопасности хозяина, и вместе с тем довольно сильно ограничивало рабыню. Я проследил за её сигналами и понял, что без личного спутника не смогу сделать и шага, потому что все взаимодействия на Приме осуществлялись с помощью "души". Хотя теперь я мог перехватывать не зашифрованные пакеты данных в планетарной сети, но не мог пользоваться этой сетью самостоятельно. Такую защиту на аппаратном уровне принципиально невозможно обойти: у меня попросту не было импланта с омегой.

– Рейчел, а что тебе известно обо мне? – было необходимо узнать хоть что-то о человеке, чьей личностью я собирался пользоваться.

– Мизантроп, если коротко. Любите одиночество. Часто путешествуете к границам промышленной зоны. Вам принадлежит чуть меньше тысячи звёздных систем, около десяти триллионов рабочих. Вы владелец всех производств нейроимплантов в Гегемонии.

Очень сложно сохранять спокойствие, услышав подобное. Я глубоко вздохнул и увидел красивый аэромобиль, подлетающий к нам. Бесшумная машина, покрытая зеркальной краской словно состояла из множества участков вытянутых синусоид – ни одного угла, а каждая деталь могла быть выставлена, как произведение искусства. Бортовой компьютер выпустил в мою сторону необычное излучение, словно ра-

даром ощупывал мою грудь, потом наткнулся на ловушку с омегой и сразу же открыл дверь. Стало понятно, что каким-то образом сканеры опознают меня по захваченной омеге.

Внутри личного авто оказалась такая же спокойная роскошь, как на яхте. Отделка не кричала безвкусицей дорогих материалов или избыточной вычурностью форм. Наоборот, если не знать, из чего выполнены элементы, то может показаться, что целью создателей была исключительно аскетичная эргономика. Вот только я с помощью своих нанитов увидел детали из обработанной на молекулярном уровне древесины, которая будет сотни тысяч лет выглядеть новой. Рулевое управление украшали крупные пластины из бивней каких-то животных, а ложементы покрывала настоящая кожа, модифицированная так, чтобы отбирать излишки тепла и влаги.

Аэромобиль неощутимо поднялся на несколько метров и помчался к зданиям в форме сплюснутых полусфер.

– А как мы будем расплачиваться в ресторане? – спросил я.

Рэйчел в очередной раз посмотрела на меня так, словно сомневалась, что правильно поняла вопрос:

– На Приме и других планетах, где живут бессмертные не нужно платить за еду или что-то ещё. С вами всё хорошо, Пол?

– Да.

Я отвернулся от рабыни и посмотрел в окно на быстрое мелькание верхушек деревьев. Ещё слишком рано судить: информации катастрофически не хватало. Вот только мне показалось, что я попал в самый центр ада, где бессмертные души падших людей превращались в демонов.

2.6 Боги и роботы

Робот, лишённый даже намёка на антропоморфность, представляющий из себя переплетение тёмно-серых жгутов, с невероятной скоростью и ловкостью расставлял тарелки с заказанными мной блюдами безмолвно, как до этого возникший словно ниоткуда мотылёк, спроецировавший в воздухе псевдоголограмму с меню и принявший заказ.

– Ты всегда был букой, Пол, – рослый темнокожий тип с блестящей лысиной подсел за столик. Рэйчел при этом встала и пододвинула ему стул, кроме нас в большом зале ресторана при пассажирском космопорте обедали ещё пара десятков человек, – Всё время занят своими проектами. Выдохни! Я ждал твоего прибытия, знал, что ты будешь с куклой и потащишь её сюда. А ещё ты поменял тело. Не моё дело, но тебе не идёт. Лучше быть собой.

– Что конкретно сейчас ты от меня хочешь? – спросил я, насаживая на вилку с замысловатым орнаментом на ручке плотные рыбы икринки размером с фасолину.

– Рауль привёз новые модели аватар. Говорит, что их степень комплиментарности (здесь – средство, прим. автора) с имплантом души намного выше. За время экспериментов ни одного отторжения, несмотря на очень серьёзные генетические модификации. Представь, у тебя будет красивое здоровое тело с встроенными в геном расширениями и при этом

не разваливающееся на части.

– То есть они такие же стабильные, как вот это? – я ткнул большим пальцем себе в грудь, – Вечные?

Негр махнул рукой и раскатисто расхохотался.

– Почему ты скрываешь своё чувство юмора, Пол? – собеседник смахнул слезу, – Рауль ещё не закончил анализ, но он говорит, что, возможно, срок между реинкарнациями станет на порядок выше и перевалит наконец через полувековую рубеж при отсутствии генных модификаций.

– Мне с этого что? – я наконец нашёл в сети среди выловленного массива данных фотографию собеседника с обозначением его имени Чарли Вуд. Нужно придумать способ незаметно общаться с Рэйчел, чтобы через неё делать запросы, а не заниматься пассивной рыбалкой (рыбалка – способ получать данные, когда перехватывается поток в сети; основной недостаток – невозможно самостоятельно делать запросы, только наблюдать, что принимает или посылает то или иное устройство, прим. авт.).

– Пол, лично тебе это даст возможность наконец сняться с поводка Чистилища и колонизировать галактики.

– У меня тысячи промышленных планет. Я за все вечности не смогу потратить то, что они произведут за следующие сутки.

Чарли наклонился ко мне и внимательно посмотрел в глаза, потом причмокнул, шумно выдохнул, постучал пальцами по деревянной столешнице и наконец произнёс:

– Ты дурак Пол. Жадный дурак. Я знаю, что ты работаешь над новым носителем. И я вижу, что добился успехов, – чёрный палец с лакированным ногтем ткнул в карман с ловушкой, – Ты никогда не поделишься этим ни с кем, потому что ненавидишь всех. Ты из тех, кто хочет остаться единственным бессмертным и перекроить мир так, как считаешь правильным. Я думал, что ты заинтересуешься работой Рауля, ведь это может дать тебе в скором будущем личную галактику – личный мир, где ты будешь богом. Но ты хочешь не просто больше, а всё! Помни, твоя душа при разрушении оболочки всё равно попадёт в Чистилище. Даже Директорат не может повлиять на это, хоть и контролирует Сансару. Если ты нарушишь Закон... когда нарушишь Закон, тебя запрут навечно! А мы все вздохнём с облегчением и будем строить деловые отношения с твоей заменой.

Я молча сидел, немного шокированный эмоциональностью Чарли, который под конец своей речи встал и навис надо мной горой мышц. Хотелось ответить ему так, чтобы продолжал говорить – сведения, которые содержались в коротком монологе неожиданно оказались важными для понимания происходящего. Я был уже готов согласиться отправится к Раулю, но Чарли Вуд хлопнул ладонью по столу и быстро вышел из ресторана.

– Ты помнишь Чистилище? – спросил я у Рэйчел.

Её глаза остекленели, а голос стал сухим, словно песок в пустыне:

– Зафиксировано повторное обращение к памяти души личного слуги. Это последнее предупреждение перед прекращением гарантии.

Я заметил, как на громкий голос Рэйчел обернулись несколько человек и удивлённо посмотрели на меня. Нужно накрепко запомнить, что к рабыне нельзя обращаться с вопросами о личности, пока не найдётся способ безопасно отключить контролирующие её чипы, при этом неудача с грубым вмешательством в мозг владельца Mi2 не должна повториться.

– Пол, не нужно беспокоиться обо мне, – женщина приняла мой озабоченный вид на свой счёт, – Личного спутника легко заменить. Я рада, что у меня есть возможность побывать на Приме.

– Спасибо, – из-за шумного Вуда я только сейчас обратил внимание на то, что рабыня не притронулась к пище, – Ты почему не ешь?

Рэйчел улыбнулась и с мягкими интонациями, словно любимому ребёнку, произнесла:

– Вы не указали, какое из блюд предназначается мне.

– Любое... прости...

Рабыня нежно коснулась моей руки:

– Не нужно извиняться – люди вокруг могут не понять этого. Не стоит вызывать подозрения.

Меня будто ударило током от последней фразы. Рэйчел смогла понять, что я не Пол? Или в её словах какой-то дру-

гой смысл? Если я раскрыт, то почему она не бьёт тревогу? Её абсолютная преданность принадлежит пробудившему, а не заказчику? Я разглядывал лицо спутницы, пока она ела, что выглядело очень элегантно и даже красиво, в отличии от меня – дикаря, попавшего в мир господ, не умеющего отличить разные вилки друг от друга.

– Пусть подозревают. Мне нет до них дела... – наконец продолжил я, говоря небрежно с лёгким раздражением, отыгрывая роль "мизантропа", – Непонятно, зачем я понадобился Вуду? Почему он так настойчиво искал встречи со мной?

– Это очевидно, – ответила Рэйчел, – Ваши планеты производят знания об имплантах для людей. В общий доступ попадают только некоторые технологии, а для работы над проектом Раулю нужно гораздо больше. Планеты Вуда производят знания об одежде: стили, технологии изготовления материалов и прочее. Он никогда не будет востребован, как вы, но само участие хотя бы в виде переговорщика придаст ему вес.

Личная помощница закончила с сарказмом и иронией, а я собрался с духом и спросил самое главное:

– Скажи, откуда ты... Откуда человек может получить информацию о Приме, Директорате и других людях?

– В системах Примы, Секунды и Терции нет библиотек или общих баз данных, если вы об этом. Информация – основной и единственный товар здесь, а всё остальное можно

получить даром, – женщина провела рукой вокруг, показывая на столики, где обедали посетители.

– Даром? И кто в таком случае даритель? – я не удержался от очевидного вопроса.

– Священный миропорядок, обеспеченный Директором, или естественные законы природы, или планеты промышленной зоны – это смотря во что верить, – Рейчел снова лукаво улыбнулась и погладила мою руку.

Аппетит окончательно пропал. Я встал из-за стола и огляделся в поисках официанта или любого работника, но на моих глазах остатки еды собрал робот, спустившийся с потолка. Другой автомат сменил скатерть и расставил вазочки с салфетками и свежими хлебцами. Этот ресторан, похоже, принадлежал миру, где всю работу выполняли машины, созданные машинами по проектам других машин, раз любой желающий мог тут отобедать. Я протянул руку рабыне, а она засветилась счастьем и любовью от этой чести. Мы вышли из ресторана, и тёплое солнце с освежающим ветерком уже не казались мне идеальным сочетанием. Наоборот, хотелось очутиться под палящими лучами Тельгарна или в смог городов на Виктории. Хоть куда, но подальше от рая для избранных бессмертных.

– А чем обычно я люблю заниматься? – спросил я у личного помощника, садясь в аэрокар.

– Работаете дома. У вас мощная вычислительная станция. Проверяете меня?

– Тогда поехали домой, – я поудобнее устроился на пассажирском сиденье, намереваясь подремать, а заодно связаться с кораблём, но одна мысль не давала покоя.

– Рейчел, а откуда ты берёшь знания обо мне, если не существует никаких баз данных?

– Моя душа принадлежит вам уже много лет... – женщина наклонилась и потёрлась щекой о мою руку, – Вы необычайно добры сегодня.

Побоявшись в очередной раз спросить лишнего, я замолчал. Захотелось погладить по каштановым волосам и даже обнять это существо с вывернутой наизнанку нервной системой, но вряд ли я имел право. Женщина любила меня под действием наркотиков и ломающих волю имплантов, а что, если в цикле перерождений есть хотя бы краткий период свободы, в который память о каждом мгновении со мной будет сродни воспоминаниям о пытках вечным мучителем? А добрая ласка сейчас покажется подлой издёвкой потом? Нет времени на подобные мысли – необходимо сосредоточиться. Работая под прикрытием, раньше у меня всегда имелась легенда и множество информации, но нынешняя ситуация была, возможно, впервые в истории.

– Командир? – откликнулась Смешная на вызов.

– Как обстановка?

– Нашли траекторию до ещё одной слепой зоны и нырнули поближе к Приме, – задержка стала незначительной: всего десяток секунд, – Эджус наудил какие-то крохи, но мы не

всегда понимаем суть сообщений. Что у вас?

– Мы в центре цивилизации омега-структур. У них олигархат с каким-то верховным органом – Директоратом. Присутствуют элементы рабовладения. Искусственно выращенные тела используются в качестве носителей имплантов с омегами. Технологически они развиты лучше нас. Судя по всему, существует обширная область населённых обычными людьми планет, которая используется в качестве промышленной базы и испытательных полигонов. Мы эту зону перескочили.

Василиса на время умолкла, задумавшись над моими словами. Открытый канал связи породил тихое фоновое шипение, неподалёку от микрофона цыкнул Айдар или Эджус.

– Вы думаете, что это они выслали ультиматум? – спросила наконец Смешная.

– Это нужно выяснить. Я допускаю, что омеги могут быть не только человеческими. Может быть, цивилизация инопланетян таким способом ассимилирует другие разумные виды.

На этот раз отчётливо прозвучал голос Айдара:

– Вот блин!

– Продолжаем сбор данных в прежнем режиме? – спросила Смешная, а я отчётливо представил, как она строго смотрит на своих помощников, закусив губу.

– Да. Отбой.

Аэрокар мягко сел на лужайку возле огромного дома, со-

стоящего из призматической основы с пустотой для внутреннего двора с садом и пяти цилиндрических башен, чуть расширяющихся кверху. Прозрачные стены здания открывали аскетичный интерьер из минимального количества элементов. Я подошёл к входу и ощутил ставшее знакомым излучение от автоматов, опознающих душу хозяина. Двери открылись, приглашая войти. Возможно, дом что-то докладывал или спрашивал, но без нужных расширений ничего нельзя услышать и ответить. В голове постоянно крутилась мысль, что точно так же выглядел какой-нибудь варвар, забравшийся в храм разграбленного его войском города. Он не мог прочитать ни одного свитка или понять предназначения большинства предметов.

Стены дома утратили прозрачность сразу же, как только я вошёл. Распылённые мной наниты усердно изучали каждый уголок, и становилось ясно, что технологии здесь принципиально не слишком отличались от того, что я видел в Союзе, но были доведены до некоторого совершенства и содержали в себе немалую долю усилий, потраченных на придание красивых форм каждому элементу в отдельности и всему комплексу жилища в целом. Там, где инженеры Союза предпочитали в первую очередь надёжность и лёгкость ремонта, жертвуя порой эстетикой из-за постоянной нехватки ресурсов, местные разработчики сочетали изысканность, долговечность и немислимо дорогие решения.

В гостиной я подошёл к низкому столику и провёл пальцами

по зеркально гладкой антрацитово́й поверхности и не увидел отпечатков: материал был собран из отдельных молекул полимера, подогнанных друг к дружке и мгновенно впитывающих загрязнения, чтобы тут же превратить их в энергию, водяной пар и углекислый газ, если верить моим сканерам. Обычная с виду мебель оказывалась напичкана высокими технологиями едва ли не больше, чем весь мой дом на Земле.

– Проводишь меня в рабочий кабинет? – спросил я.

– Он там, где вам сейчас удобнее, Пол, – ответила рабыня, сцепив руки перед собой, – Просто прикажите и появится всё необходимое.

– Сформируй консоль управления данными для удобного просмотра без имплантов.

Женщина в очередной раз хитро сощурилась и сделала несколько движений руками.

Одно из кресел развернулось к голой стене, превратившейся мгновенно в монитор, на подлокотниках выросли манипуляторы похожие на те, что управляли яхтой.

– Спасибо, Рэйчел. Я немного поработаю. А ты можешь отдыхать и заниматься своими делами.

– У личных спутников не может быть своих дел, Пол, но я вас поняла. Буду в боксе для слуг в подвале.

2.7 Познавая менталитет

– Я считаю, что мы должны уйти отсюда поскорее, – Айдар ходил из стороны в сторону по кают-компании, – Жданова вычислят рано или поздно, если ещё нет. Они, возможно, сейчас просто играют с ним, пока наш командир изображает из себя шпиона.

– Мы можем нырнуть в любой момент, Дарик, – Смешная провела пальцами по его макушке и ощутимо хлопнула по спине, – Не ныть! У Жданова опыта разведки больше, чем у любого гражданина Союза.

– Жаль, что у нас только один корабль, – тихо, но отчётливо произнёс Эджус, – Считаю важным слетать в упоминаемую "промзону".

– Мы покинем систему только с Вячеславом на борту или после сигнала о его гибели, – Василиса потёрла лицо ладонями, и от усталости на её глазах выступили слёзы.

– Да никто с этим не спорит, – Айдар поднял руки ладонями вперёд, – Нырнём вчетвером. Но вытаскивать командира нужно как можно скорее.

– Если Жданов погибнет, добывая информацию, значит он решил, что она того стоит, – отрезала Смешная, – Дежурство по графику. Я спать.

Второй пилот и техник переглянулись, что не прошло незамеченным.

– По графику, – жёстко отрезала Смешная, – Никаких совместных бодрствований.

– Хорошо-хорошо! – затараторил Айдар, – Я только отправлю пакет с запросом на Надонию. Жданов сформировал им целое техзадание по взаимодействию омег и кибернетических имплантов.

– Согласна, – кивнула Смешная, – Иначе он шагу без личного слуги ступить не может.

Тепло. Уютно. Просыпаться легко, словно ребёнку. Давно не испытывал ничего подобного. Тело привыкшее дремать в самых нелепых позах совершенно не ощущалось. Я открыл глаза и вспомнил, что нахожусь в доме Пола, в его кресле, где изучал данные по проекту переноса омега-структуры на носитель без биологических компонентов. Чтобы понять хотя бы суть работы пришлось перебрать десятки тысяч документов: счетов и юридических договоров. Ни одной пояснительной записки, схемы или чего-то подобного.

– Доброго утра, Пол, – Рэйчел подошла к креслу сбоку и приняла позу ожидания приказов, – Я была почти уверена, что уснёте здесь. Завтрак подавать?

– Давай. А почему никто не держит даже на личных компьютерах технических данных, а только финансовые документы? – я уже не боялся задавать "глупые" вопросы личному спутнику.

– Техническую литературу нужно понимать, чтобы читать

и хранить, а главное, её можно украсть с любого носителя, кроме одного, – Рэйчел указала пальчиком себе в грудь.

Несколько роботов перенесли к креслу столик и расставили тарелки с незнакомыми мне блюдами. Запахло аппетитно.

– Рэйчел, а ты присоединишься? – я жестом предложил сесть рядом.

– Я уже завтракала, – рабыня сделала небольшую паузу и тихо добавила, – Я не знаю, что случилось, но, кажется, ваша система хранения и передачи повреждена... Вы не знаете многих обычных фактов и ведёте себя иначе, словно другой человек. Может быть, стоит вернуться на ту планету, где переместили свою душу в альтернативный контейнер, и снова использовать стандартный имплант?

– А я был способен понимать техническую литературу? – мне понадобилось немалое усилие, чтобы не показывать своих эмоций. Рэйчел подсказала хорошую легенду, для объяснения странностей моего поведения, но как отнесутся к этому другие?

– Нет... Не знаю. Хотя... может и был период, когда вы понимали хотя бы принципы собственных технологий, – рабыня наконец села за столик и смотрела на меня обеспокоенно и грустно, отчего мне стало не по себе.

Тело потребовало движения. Захотелось прогуляться по округе, посмотреть на людей. Просто понаблюдать и сложить хоть какую-то версию из крупинок информации. Больше всего вызывала страх мысль, что Прима окажется лишь

частью плана чужих, который я никогда не смогу понять. И где же наконец искать самих братьев по разуму?

Гардеробная в доме оказалась в несколько раз больше, чем квартира моих родителей на Земле, не говоря уже о всех каютах, где я жил и работал. Одежда висела в строго определённом порядке, для удобства выбора. Многие костюмы не отличались ничем, кроме оттенков отдельных элементов. Я вошёл внутрь этого гигантского шкафа и выпустил облако нанитов. Теперь стало понятно, что одежда обладала множеством дополнительных свойств. Стандартные протоколы обмена данными Союза не могли взаимодействовать с модулями всех этих рубашек, брюк, ботинок и прочего. Более того, каждая вещь обладала собственной уникальной кодировкой сигналов. Несколько минут ушло на установку связи с просторной футболкой, умеющей регулировать отвод тепла и пота, аккумулировать энергию движения в конденсаторах высокой плотности, а ещё самовосстанавливаться. Подобное было доступно и у нас, только без излишней роскоши: у нас всё служило, выполняя функцию, но никогда не предназначалось для выпячивания превосходства хозяина, а здесь каждая нитка была промаркирована, а значит прошла индивидуальный контроль качества.

Лёгкая ткань плотно обняла тело и тут же поменяла цвет, чтобы подчеркнуть оттенок кожи. Переодевание заняло много времени, потраченного на поиск общего языка с элементами гардероба. Наконец, я оказался во дворе. Рэйчел в бе-

лом платье сидела на траве у основания изогнутой лестницы, подставляя лицо лучам солнца. Её искусственная, а потому абсолютно искренняя любовь находила во мне болезненный отклик.

– Тут есть поблизости общественный парк или другое место, где можно пройтись?

– Конечно, – рабыня взмахнула рукой, и через несколько секунд аэрокар беззвучно приземлился между нами.

Резиденция Пола с воздуха выглядела огромной. Мои наниты научились пассивно читать сигнатуры устройств, и теперь я видел, что сады, лес и озеро принадлежат Уитману. Даже с высоты в десять метров границ владений было не разглядеть. Горькая усмешка исказила губы от мысли: "А ещё у него тысячи обитаемых планет с живыми людьми."

Общественный парк окружающий крупный архитектурный ансамбль – административный центр – внешне был максимально приближен к дремучему лесу, изрезанному сетью кривых тропинок. Мы приземлились на небольшой пустой площадке.

– В этой части обычно не много посетителей, – объяснила Рэйчел, выходя из машины, – Тут лучше думается.

Я не стал задавать вопросов. Густой, полный запахов воздух содержал лёгкие алкалоиды и стимуляторы, и пришлось включить гуморальную защиту, чтобы не опьянеть.

Стволы хвойных поднимались на сотни метров перекрывая самый яркий и жёсткий свет. Ниже уютно себя чувство-

вали лиственные деревья, лианы, кустарники. Растения выглядели внешне неотличимо от земных, но волей человеческого разума превращённые в сложные системы контроля и кондиционирования атмосферы на порядки превосходящие возникшие естественным путём образцы.

Внутри чащи, вдали от широких троп, воздух приобрёл особые свойства, становясь натурально наркотическим. Несколько минут хватило бы для сильного опьянения, не будь у меня выкручена защита на максимум. Зачем создали это место? Я не находил ответа. Спрашивать у рабыни не хотелось – нужно самостоятельно выработать систему мышления, чтобы понимать этот мир.

– Ты не отравишься? – спросил я у Рэйчел.

– У тел спутников встроенная система нейтрализации психоактивных веществ. Хотите отключить?

– Нет! – я помотал головой и вошёл в густую тень. Рой нанитов поднялся высоко и обшаривал местность в поисках других... в поисках антропоморфных существ. Несколько человеческих сигнатур обнаружилось на "востоке" в паре километров. Приближаясь, я рассчитывал найти несвязно бормочущих о смысле жизни и молча наблюдающих вселенную в галлюцинациях, но открывшаяся истина произвела шокирующее действие.

Сначала раздались крики: рвущие душу вопли обречённой жертвы. Я обратил внимание, что Рэйчел украдкой бросила на меня изучающий взгляд. Одна её бровь сильно под-

нялась вверх, а пухлые губки сжались в тонкую искривлённую полосу. Рой уплотнился и рванулся на звук. Нужно двигаться следом, не обгонять, чтобы машины успели предупредить о неожиданностях.

Чаща раскрылась небольшой поляной, всё ещё защищённой сверху от яркого солнца ветвями самых высоких деревьев, но всё же на ровном пятачке в десяток метров росли только травы, а посередине из-под земли бил родник, змеясь тонким ручейком в лес. Красивое место из-за множества движущихся теней обрело сказочный вид, завораживающий. Двое мужчин стояли над обнажённым телом женщины и били его ногами. Жертва истошно кричала, без перерыва. Удержаться от вмешательства было невозможно, но Рэйчел крепко схватила меня за руку и быстро произнесла короткую фразу:

– Это их игра!

Рой перешёл к активному сканированию, и новые данные однозначно показали, что женщина управляет своими мучителями, являясь владельцем двух идентичных, словно близнецы, рабов. Все три разума были соединены в единую сеть, где доминирующим узлом была хозяйка. Один из сильных пинков привёл к переломам рёбер и разрыву одного лёгкого, но попытка не остановилась, а перешла в новую фазу, когда раны наносились тонкими лезвиями. Кровь брызгала и мгновенно впитывалась листьями трав. Крики затихли, перейдя в хрип.

Я не стал приближаться, смотрел на сцену насилия миллиардом глаз бесстрастных машин и не понимал происходящего. Тем временем всё закончилось. Рабы поднялись с телом хозяйки на руках и направились прочь от поляны. Наниты фиксировали, что женщина ещё жива, хотя находится на грани болевого шока, а кровопотери требуют срочного вмешательства.

– Я смогу понять, что тут произошло? – внутри меня ворочался холодный комок, подталкивающий содержимое желудка наружу.

– Наступит время, когда вам придётся проходить через подобное, Пол, – рабыня села на траву и упёрлась руками в землю, – Снова...

Занимаясь поиском ответов на вопросы о жителях Примы с помощью наблюдений, я только сильнее запутывался, до боли в голове, напрягаясь, но не в состоянии понять. Неужели слишком велика разница между нами? Интуиция подсказывала, что не хватает мелкого штриха, чтобы головоломка сложилась в цельную непротиворечивую картинку.

– Кстати, вам пришло несколько сообщений, – Рейчел смотрела снизу вверх, чуть откинувшись, и её грудь отчётливо выделялась через ткань, – Не хотите прочесть?

– Читай вслух, – я подал руку рабыне, чтобы помочь подняться.

– Менеджер научного отдела Хорьков, – голос спутницы сделался безэмоциональным, – Готовность проекта "Фонтан

Герона" достаточна для начала испытаний.

Начальник отдела контроля потерь Беккет, зафиксированная успешная попытка атаковать пограничную систему дикарями. Потери собственности: значительные повреждения зонда дальнего обнаружения. Звёздные системы с источниками агрессии стерилизованы и подготовлены для стихийной колонизации.

Чарли Вуд. Прости, Пол. Я был слишком резок: близиться перерождение. Предлагаю обсудить предложение ещё раз.

Новых сообщений нет.

Мы выбрались на магистральную тропу и успели взойти на небольшой холм. Открылся вид на идеальный луг, где с плетёными корзинками прямо на траве сидели люди и завтракали. Ближайшая к нам парочка что-то шумно обсуждала. Мужчина размахивал руками и нечаянно выронил цветастый стаканчик с остатками напитка. Трава мгновенно захватила мусор и быстро растворила. Человек с некоторой досадой произнёс короткое ругательство и тут же рассмеялся, доставая новую посуду из холщёвого мешочка. Идиллия. Урбанизм, внешне доведённый до состояния утопии, но только что совсем рядом умная растительность впитывала не случайный мусор, а человеческую кровь.

– Рэйчел, говори мне о новых сообщениях ладно? – попросил я, обходя очередных завтракающих на свежем воздухе.

– Хорошо. Кстати, господин Вуд, просит встречи.

– Назначь на завтрашний полдень.

Несколько новых узлов нейроимплантов наконец смогли подобрать общий способ общения с кибернетикой Примы. Контакт с футболкой и штанами очень помог в этом продвинуться. Теперь я был готов принимать сообщения от окружающих вещей. Оставалось научиться достоверно подделывать электронную подпись души Пола Уитмана, вернее подставлять в исходящие сообщения нужную сигнатуру, которую формирует имплант с омегой, и можно будет обходиться без помощи Рэйчел. Я надеялся, что Старцев ответит быстро.

2.8 Реверсивный инжиниринг

Простыня прилипла к телу. Несмотря на все старания инженеров отдела жизнеобеспечения система кондиционирования не справлялась с нагрузкой. Немудрено в таких условиях видеть кошмары по ночам. Медведь взрыкнул, потёр ладонями лицо и опустил босую ступню на пол, потом осторожно опустил вторую и не спеша встал. Он проснулся не из-за дурного сна – привык за две недели видеть всякую чушь – его разбудил входящий сигнал. Экспедиция Жданова обнаружила что-то непонятное связанное с омега-структурами и запрашивала помощь.

Несколько горстей ледяной воды, брошенной в лицо, взбодрили. Старцев крякнул, выпрямляясь и расправляя затёкшие мышцы.

– Дежурный? – голос великана, пытающегося говорить шёпотом, прогремел по коридору жилого блока.

– Слушаю! – бодро откликнулся динамик – лаборатории работали круглосуточно. После обнаружения данных по Надонии образовалась очередь из учёных, желающих экспериментировать с омегами.

– Срочное задание. Нужно собрать представителей омега и глав исследовательских групп. Я буду через несколько минут.

– Принято! – ещё бодрее ответил научный работник.

"Я воин, а не учёный," – подумал про себя Старцев, но смиренно застегнул спецкомбинезон, накинул шлем и неожиданно быстро для огромного роста побежал вниз, к модульным лабораториям, разрастающимся вокруг мощного компьютера.

Яркие фонари заливали своими лучами всю площадку. Оборудование теперь располагалось в отдельных обитаемых боксах, а не стояло среди камней и деревьев, словно пририсованное художником-сюрреалистом. В павильоне для собраний горел свет, и через большие окна легко можно было увидеть людей и надонийцев. Олег на секунду остановился, собираясь с мыслями, перед тем как войти. Он помнил первую встречу с омега-структурами, когда простоял парализованный и ослеплённый в своём экзоскелете, а теперь, находясь вблизи, каждый раз чувствовал, как встают дыбом волосы по всему телу.

– Здравствуйте! – голос Медведя заглушил гомон, – Пришёл пакет данных от экспедиции Жданова. Нам необходимо понять, как работает имплант представленный на схемах, – перед начальником колонии возникло трёхмерное изображение "сферы души", – Практическая задача состоит в том, чтобы эмулировать сигналы устройства неотличимо от оригинала.

– Оригинала, как я понимаю, не будет? – уточнил Егор Степанович Ольхов, окончательно переехавший на Надонию пару дней назад и возглавивший отдельную команду для раз-

работки интерфейсов между машинами людей и омегами, ведь у энергетических сущностей попросту не было нервной системы для подключения нейроимплантов.

– Мы можем создать копию устройства, – Старцев осторожно окинул взглядом присутствующих омег.

– Я думаю, – произнесла Аля, та самая надонийка, помогавшая со Стефаном Уитманом, – Найдутся добровольцы среди нас, и кто-то позволит заключить себя в эту сферу.

Олег с облегчением вздохнул. Омеги всё чаще и охотнее шли на контакт, их поведение всё больше походило на человеческое, но всё же не было никакой гарантии, что на этот раз всё пройдёт гладко.

– Я хочу уточнить один момент, – осторожно произнёс Старцев, – Все эксперименты с новыми технологиями и чужими артефактами, даже косвенно касающимися омега-структур будут проводиться внутри изолированного пространства, подобного тому, что использовали во время блокады Тельгарна, а если что-то пойдёт не так, то будет применён "дырокол".

Олег осел, сжался ожидая ответной реакции и приготовился к бесполезному спору, но в наступившей тишине вперёд снова выступила Аля. Надонийка подошла к начальнику колонии и положила крохотные ладони на его массивное предплечье:

– Мы понимаем и согласны с мерами безопасности.

Верный спутник Али, Демид, тряхнул чёрными кудрями

и с усмешкой сказал:

– Я буду добровольцем! А то эта девчонка, возложившая на себя обязанности спасительницы, решит собой рискнуть.

Олег кивнул. Решения приняты, и теперь необходимо их выполнять. Егор Степанович подождал, пока большинство разойдётся, взял Старцева под локоток и вывел наружу.

– Олег Васильевич, мне нужно с вами посоветоваться, – начал без предисловий Ольхов, – Мы разработали прототип устройства, что позволит омегам управлять нашими истребителями так же, как это делают люди с нейроимплантами... Как же всё это премерзко! Я не могу себе позволить... – учёный сморщился, потеряв мысль, и непрерывно теребил край кармана мешковатого комбинезона.

– До рассвета три часа. Егор Степанович, я надеюсь ещё поспать. Мне весь день предстоит работать, в том числе, с вашими поставками, – Олег положил свою ручищу на плечо немаленького собеседника, и тот чуть присел, но смог собраться и продолжил по-военному чётко.

– Я не хочу, чтобы первым проектом, доведённым до стадии прототипа, оказалась моя работа – работа целиком военного назначения. Это малодушие, но считаю нужным уступить группе Гусейнджана – они практически закончили свой фундаментальный труд по описанию, так сказать, "физиологии" надонийцев. В принципе наш успех основан на их работах...

– Пусть. Согласен, – Олег не разделял суеверий Егора Сте-

пановича, но тоже решил, что лучше не выпячивать на первый план военные разработки, – Только прототип вашего чипа завтра же отправится к испытателям.

Ольхов коротко кивнул и бодро направился к производственным боксам, скорее всего спать он не собирался.

Глаза слипались и мысли с трудом ворочались в голове Старцева, когда он наконец добрался до своей комнаты.

– Поспишь ещё? – спросила жена, обнимая за шею и потянувшись, чтобы поцеловать.

– Надо.

– Выпей молока. Я подогрела.

– Лен, спасибо тебе, – Олег нежно поднял одной рукой миниатюрное тело, чтобы отнести на постель, а второй опрокинул в рот стакан. Память рисовала далёкое детство, когда мама укладывала в кровать и давала горячее молоко с мёдом, чтобы сны были послаще.

– Ты очень много работаешь, – женщина положила голову на широкую грудь и намотала на палец колечко жёстких волос, обильно растущих груди мужа, – Мне кажется, что в боевых дежурствах тебе было легче. Но мне легче сейчас, – Лена с грустью улыбнулась и уткнулась лицом в горячую кожу.

– Слава прислал весточку.

– Что-то важное?

– От него все данные важные.

Лена замолчала, прикрыла глаза и задышала ровно, слов-

но уснула. В сумерках Олег видел, как подрагивают её ресницы, и тоже постарался добрать остатки сна, но никак не выходило из-за множества мыслей, роем снующих в голове. Он активировал медицинский имплант, запросил дозу сильного снотворного и получил отказ: искусственный интеллект посчитал вмешательство излишним. Старцев глубоко вздохнул. Вставать и идти к шкафчику с аптечкой невозможно было и помыслить, потому что Ленка засопела уже без притворства. Оставалось закрыть глаза и ждать, когда солнечный лучик доползёт до кровати, и начнёт припекать.

Олег решил получше проанализировать сообщение от Жданова, но никак не мог сконцентрироваться и просто перебирал в памяти лица своих детей, внуков, правнуков. Он обещал жене, что сразу же после того, как закончится его работа на Надонии, они возьмут долгий отпуск и навещат всех своих потомков, а потом, если не передумают, заведут ещё одного ребёнка. "Ты сделал для этого мира уже достаточно," – сказала Лена пару дней назад, – "Ты имеешь право на отставку и пенсию!" Олег был с ней согласен. Особенно после гибели Петра и Никиты. Медведь был готов бросить службу сразу же, как только будет устранён источник угрозы для человеческих миров, как только неведомый враг подавиться своим ультиматумом.

Всё-таки сон одолел великана. Будильник пропищал несколько раз прежде, чем его накрыла широкая ладонь. Над кроватью плыл аромат завтрака, Ленка суежилась на малень-

кой кухне, а простыня снова промокла насквозь.

– Олеж? – жена услышала шлепки босых ног.

– Доброго утра! – отозвался гигант из ванной.

– К тебе заходил Ольхов. Говорит, что готов к демонстрации по ночному вопросу. Ты, надеюсь, поешь перед выходом? Или сделать походный сухпай?

– Походный, – Олег передумал идти в душ, а вместо этого зачерпнул ладонями ледяной воды из крана и опрокинул на лицо. Быстро оделся, схватил бумажный пакет с сэндвичем и обнял жену.

– Спасибо! Ты сама не опоздаешь?

– Без меня всё равно не начнут, – Лена покрутила на пальце ключ-карту от шагающего дорожного робота. Надонийцы дали согласие на расширение исследовательского посёлка и на планету прислали тяжёлую строительную технику.

Старцев на ходу доел завтрак и в зал технических презентаций вошёл, почти дожевывая последний кусок. На круглом пьедестале, окружённом невидимым силовым экраном, стоял Демид и держал небольшую сферу размером с грецкий орех. Он с беспечным видом опирался спиной в изолирующее поле, словно в стену. Устройство в его руках выглядело словно простой шарик от подшипника. Воздух сильно пах озоном после стерилизации. Кроме Ольхова вокруг испытательного стенда сидели на складных стульчиках ещё трое учёных, Аля расположилась на узком подоконнике и хмурилась своим мыслям.

– Олег Васильевич! Мы готовы! – руководитель подразделения встал и запустил предварительные тесты.

– Хорошо... – Олег синхронизировался с установкой, но разрешение давать не спешил, – В общих чертах расскажите, как работает.

– Имплант внутри образует ловушку для омеги, – Ольхов говорил о работе с удовольствием, – Технология аналогичная нашей. А дальше начинаются отличия. Мы не сразу поняли, что именно создаёт сигнал, потому что ловушка полностью изолирует область внутри. Вот только само поле под действием высокочастотных колебаний омега-структуры испытывает деформации, хоть и с трудом, но всё же регистрируемые нашими приборами. Мы воспроизвели эту технологию полностью. Будем считать эксперимент успешным, если Демид сможет с помощью передатчика сферы установить связь с удалённым за пределы стенда компьютером на скорости хотя бы в несколько гигабит в секунду. Для обратной связи мы используем те же деформации изолирующего поля, но уже генерируемую специальным источником снаружи.

– Если на "пальцах", то выходит, что в тесной бочке сидит человек и стучит по стенкам, а снаружи ему стучат в ответ... – подытожил Старцев, – Насколько эта процедура травмирует омегу?

– О травмах говорить нет смысла, но мы этой ночью побывали в ловушках, созданных учёными Союза, – с язвительной ухмылкой произнесла Аля, – Внутри темно, тесно, слов-

но в старой ржавой бочке.

Старцев похрустел щетиной на щеках и вывел перед собой схему, присланную Ждановым.

– Имплант, очевидно, содержит кроме воспроизведённых вами элементов ещё множество узлов. Что с ними?

– Техзадание требовало эмулировать управляющие сигналы. Это мы и сделали, – развёл руками Егор Степанович.

– А если эти элементы обеспечивают аппаратную криптографию параллельно основному потоку данных, так сказать, для подтверждения подлинности? – Олег очень боялся упустить любую мелочь.

– Без реальных рабочих устройств мы за приемлемое время это не узнаем, – ответил Ольхов, – Мы только воспроизвели все элементы в точности и подали на них питание, но не соединяли между собой.

Старцев махнул рукой:

– Запускайте.

Экранирующее поле подсветилось лазерами, чтобы обозначить границы и показать включение установки. Демид замерцал и успел испуганно посмотреть на собравшихся прежде, чем исчез. На мониторе компьютера испытательного стенда поползли строчки принимаемых от сферы сигналов. Похожий на шум бинарный поток вызывал у Старцева опасения в провале.

– Нужно оставить всё на несколько часов, пока доброволец адаптируется, – успокаивающе сказал Ольхов.

– Вашей группе приказываю отдыхать, – сказал Старцев, – Ждать результатов возле монитора по очереди будут лаборанты.

Начальник колонии заранее выбрал несколько человек для дежурства в эксперименте и теперь вызвал их по радиосвязи. Теперь ему, как и остальным, оставалось только запастись терпением и заняться своими обязанностями.

Ближе к вечеру Старцеву позвонили на коммуникатор и доложили, что появился первый осознанный сигнал. Олег бросил ужин и снова бегом добрался до лаборатории. Радостный Ольхов указывал рукой на первые строчки текста среди цифрового шума.

"Я понял..." – высветилась надпись, потом: "Я научился..." Строки текста сменились изображениями, сначала тусклыми и нечёткими. Пейзажи Надонии мелькали с возрастающей скоростью, постепенно становясь чрезвычайно детализированными. Внезапно монитор погас, и почти сразу начал передавать панораму зала с учёными в реальном времени.

"Я вас вижу!"

Надпись крупными буквами плыла поверх картинки.

– Я вас вижу и слышу! – голос Демида отчётливо прозвучал из динамика, – Если этого достаточно, то доставайте меня отсюда!

– Да, согласен, – Старцев считал показатели стабильности и скорости потока данных, – Я вижу, эксперимент удался.

Ольхов прервал подачу питания на сферу, но ничего не изменилось, и передача не прервалась. Лицо учёного пере-косило от ужаса, но он мгновенно взял себя в руки и присту-пил к анализу. Олег бросил взгляд на Алю, а девушка, обра-тившись полупрозрачным силуэтом медленно плыла вокруг стенда.

– Вы изолировали неизвестные пока элементы сферы только по линиям связи, а питание оставили? – громко спро-сил Медведь, и его бас заглушил все прочие звуки.

Ольхов кивнул, а его глаза расширились от понимания.

– Поле-ловушка сферы может питаться за счёт омеги внутри! Нужно... Она довольно хрупкая! – Профессор схва-тил тяжёлый монтажный ключ, который оставили техники, собиравшие ночью установку, и бросился вперёд.

Старцев легко выхватил импровизированный молоток и, удерживая учёного за воротник, спросил:

– Человек может пройти через защитное поле стенда?

– На нас оно обычно не влияет... – ответил один из по-мощников.

– Напряжённость поля при блокаде Тельгарна составля-ла несколько процентов от этого, – Олег указал пальцем на область, воздух в которой словно заполнялся тёмным туманом, – А корабли входили через специальные клапаны.

Аля полностью проявилась. Стала неотличимой от чело-века. Её губы сжались в ломаную линию, а глаза блестели от слёз.

– Запускайте протокол стерилизации! – громко выкрикнула девушка.

Старцев осознавал, чего стоило это решение для бессмертной сущности и лихорадочно пытался найти другой выход. Ещё никто не испытывал на живых людях воздействие поля ловушки для омег, а опыты на крысах показали, что мозг грызунов очень быстро деградирует и наступает паралич. "Быстро, но не мгновенно!" – решил Олег, – "А Ольхов сделает ещё много открытий".

Гиганту потребовалась всего пара шагов, чтобы оказаться на площадке, где утром стоял Демид. Он ничего не почувствовал, проходя через мерцающий барьер и даже успел подумать, что может быть всё обойдётся, прежде чем с размаху ударил по сфере. Заключённый надониец мгновенно материализовался рядом и подхватил оседающего Олега. Ольхов наконец смог выключить установку и, убедившись в нормальности всех показаний, погасил поле вокруг стенда.

Старцев огляделся и обнаружил, что стоит в демонстрационном зале, а перед ним несколько человек над чем-то наклонились, а Ольхов суетливо сбрасывает рабочие перчатки, стоя на коленях.

– Кажется, со мной всё в порядке, – Олег произнёс эту фразу и увидел, как Егор Степанович удивлённо оборачивается, а потом и остальные, но очень медленно.

– Добро пожаловать, чёртов альтруист, в наше племя, – Демид первым прервал молчание, – А ведь хотел ещё раз

стать отцом...

Олег прошёл вперёд и посмотрел на своё тело. Это не было похоже на обычный взгляд в зеркало. В голове возникла мысль, что ещё не поздно взять и лечь в себя обратно, как в старых мультиках, которые он так любил в детстве. Что-то снова изменилось. Позади раздался шёпот Али:

– Переход прошёл не так, как надо.

Тело гиганта задрожало, Олег почувствовал холод и покалывание, словно кожа онемела, нечто неизвестное происходило в мозгу, находящимся между жизнью и смертью. Через миг всё прекратилось. Старцев снова был единым: тело и его омега стали целым. Трудно было пошевелиться, но он испытывал сильную радость.

– Надеюсь все датчики в зале исправны, и мы получим кучу новых знаний из сегодняшних экспериментов, – сильным басом проговорил начальник колонии.

– В лазарет его и глаз не спускать! – распорядился Ольхов команде медиков, прибежавших на экстренный вызов.

Демид и Аля шли через болото по пояс в тумане. Смеркалось.

– Знаешь, что было бы, если б Старцев не разбил эту сферу? – спросил мужчина.

Девушка покачала головой.

– Меня бы утатило в Чистилище. А использовать "дырокол" вы не успевали.

– А что там в Чистилище?

– Не знаю. Кто-то очень плохой решал бы мою участь, наверное.

2.9 Технические ограничения

Половину нового дня на Приме я провёл в людных местах парка, пытаясь выработать единый алгоритм для нахождения общего языка с обслуживающими машинами. Это оказалось невозможным: каждый модуль искусственного интеллекта обладал уникальным "характером" и мог самостоятельно менять себя в любое время. Каждое взаимодействие начиналось и заканчивалось с помощью сферы души. Только личные вещи, вроде простой одежды и некоторых мелких предметов управлялись напрямую.

Люди вокруг казались карикатурой на древнюю фантастику – болтали друг с другом о всякой чепухе, взрослые играли, словно дети, никто не трудился, кроме личных рабов. Социальное положение определялось по росту однозначно. Голубая кровь видимо давала особое право: быть не ниже двух метров.

– Ты недавно по делам отца был на планетах Промзоны? – сказал светловолосый юноша, сидевший на траве и отхлёбывающий чай из кружки, – Завидую... Никогда не покидал Приму за все свои два века жизни.

Мне стало интересно продолжение разговора двоих туземцев, но подслушивать открыто не хотелось, пусть никто тут, похоже, не испытывал стеснения выражать своё мнение. Рой наномашин сформировал направленный микрофон, и

каждое слово стало отчётливо слышно, сидя поодаль на ласковом солнышке.

– Пустяковое дело. Отец лишь хотел, чтобы я своими глазами увидел смертных, – второй юноша презрительно фыркнул и поудобнее устроился среди идеальных кустиков травы.

– Они сильно от нас отличаются?

– Даже внешне. Мы красивые, а они... Мелкие, словно не настоящие. В их лицах читается недовольство. Они от рождения в вечной гонке за успехом. Суетливые очень и глупые – постоянно в кредитах.

– Они живут в жутких условиях...

– Каждый сам себе строит окружающую действительность. Они создают новые технологии для нас, а ведут себя, как дикари. Мозг у них другой, потому и не могут развить нормальное общество.

Я перестал слушать. Пока мы сражались в пиратской войне с сепаратистами, а потом прижимали корпорации и строили мир свободных людей, здесь создавался рай для избранных счастливицков за счёт неисчислимого количества несчастных. Философия паразитов остаётся неизменной независимо от уровня развития технологий. Мне предстояло остаток дня провести в обществе моральных уродов и притворяться одним из них.

– Рэйчел, как думаешь, Чарли с Раулем покормят нас обедом? Или лучше подкрепиться перед встречей?

Рабыня очень нежно и осторожно погладила мою кисть,

лежащую на земле, эти действия запускали цепочку реакций в её мозге, вызывая эйфорию.

– Вам предложат закуски, можете не беспокоиться. Это часть хорошего тона.

– А тебе?

– Если вы попросите, то для меня закажут специальное питание. Но не стоит думать об этом! – Рэйчел замахала руками, – Личного помощника не обязательно кормить каждый день.

Живой человек в очередной раз говорил о себе, словно о неразумной машине или животном с радостной улыбкой, а я при этом испытывал ужас, словно попал в альтернативную вселенную, где Герман и Роберт не смогли воспользоваться слабостью корпораций в Пиратской войне, не смогли создать Союз, где боролись с эксплуатацией человека. Ужас перед этим миром, где регресс общества возродил сословия, обращал внутренности в лёд, из-за осязаемого технологического превосходства. Союз просто не в силах будет противостоять этому колоссу, если Гегемония выступит единым фронтом. Рейчел выглядела счастливой, и лишь слегка озабоченной моим угрюмым видом.

– Перекусим, прежде чем отправляться на встречу, – сказал я, – Боюсь, что в обществе портного и аугментолога у меня аппетит испортиться.

– Я надеюсь у вас нет в планах называть их так при встрече. Особенно господина Вуда. Он болезненно реагирует на

подобные прозвища.

– Буду сама вежливость. Посоветуешь, где лучше перекусить?

Рабыня снисходительно улыбнулась, стремясь скрыть эмоции и придать лицу выражение услужливой покорности.

– От места вкус блюд вообще не зависит... Даже меню везде одинаковое. Просто некоторым нравится сама обстановка ресторана с настоящей прислугой, а кому-то ближе роботы...

Газон затрепетал под пальцами Рэйчел; листочки сворачивались в трубочки, вытягивались, образовывали сложные узоры. Я почувствовал запах свежей сдобы, а через мгновение передо мной возникла небольшая скатёрка в крупную пёструю клетку с булочками, керамической чашкой с жидкими сливками, с двумя бокалами молока, тарелкой с ветчиной и сыром.

– Я взяла на себя смелость выбрать... – Рейчел опустила голову, принимая позу смиренного подчинения.

– Еда вот так создаётся в любом месте?

– Блюда из продуктов можно заказать, и их привезут из промзоны, приготовят. Только это глупо – синтезаторы всё равно сделают лучше, – голос чуть дрожал, выдавая испуг.

– Ты не ответила на вопрос.

– Да. В любом месте на Приме.

Я взял булочку, разломил и увидел, как с мякоти поднимается лёгкий парок. Идеальная температура, идеальная хрустящая корочка, цвет, вкус. Рецепторы показывали совер-

шенное сочетание компонентов. Появилась уверенность, что никто не смог бы доказать, что эта выпечка отличается от настоящей из печи – она была совершенной.

Ничто не мешало остаться здесь, лежать на траве, есть, созерцать ласковое небо. Два-три поколения в достатке и ничего не делании должны превратить всех здесь в жирные лепёшки с глазами. Устройство этого общества было сложнее, чем можно судить по первым наблюдениям. Здесь существовала движущая сила, требующая от людей действий помимо отправления биологических потребностей.

В конце трапезы Рэйчел ухватила за край скатерти и дёрнула. Крошки, остатки молока, чашки разлетелись по траве, тут же растворяясь. В очередной раз попытка посмотреть, как всё тут работает провалилась. Наниты очень быстро опознавались, стоило им высадиться на растения или почву, и тут же уничтожались аналогом иммунной системы.

Мы не стали возвращаться к той площадке, где приземлились, но вместо этого Рэйчел связалась с аэрокаром и приказала прибыть в новую точку. Лететь оказалось совсем недолго, а рядом с резиденцией Рауля был абсолютный пустырь. Камни, песок – одним словом пустыня, изрезанная тропинками, по которым патрулировали синтетические охранники в виде пауков, многоножек и собак.

На подлёте перед лобовым стеклом появилась голограмма лица хозяина поместья-крепости:

– Пол? Чарли говорил, что ты выбрал дурное тело... Не

ожидал, что настолько. Надеюсь, этому есть причина, – мужчина говорил чуть торопливо, словно куда-то опаздывал, однако его тёмные глаза не спеша ощупывали меня и мою спутницу, – Для вас площадка подсвечена.

Аэрокар, управляемый автопилотом, приземлился очень мягко. Периметр выделенного для нас участка по краю переливался сигнальной бирюзовой дымкой, за пределами которой патрулировали массивные рои наномашин, настроенных крайне агрессивно. Безопасный путь к дому обозначался тем же способом. Я сделал несколько шагов прежде, чем заметил, что Рэйчел не двигается. На мой вопросительный взгляд она не успела ответить, как я сам догадался:

– Рауль, ты не мог бы впустить и мою личную спутницу? – громко спросил я в пустоту, – Рауль?!

Бирюзовый цвет дымки сменился на синий, а Рэйчел почти бегом приблизилась ко мне и старалась держаться как можно ближе.

Массивная металлическая дверь открылась ровно настолько, чтобы смог пройти человек. С потолка внимательно смотрело множество электронных глаз. Фиксировалось каждое движение. Я свернул свой рой нанитов. От них всё равно не было никакого толка: в доме господина Кимбри стерилизаторы работали не прекращая, выжигая всю мелкую живность и автономную кибернетику.

Смуглый мужчина спустился по широкой угловатой лестнице. Его рост не уступал Вуду, и я рядом с ними выглядел

карликом.

– Пол, смени тело! Повторюсь, тебе не идёт быть похожим на биомассу!

– Не тело делает меня Полом Уитманом, – я похлопал по карману с ловушкой, – Может не будем тратить время?

Рауль внимательно разглядывал меня секунду и громко расхохотался, запрокинув голову. Смех продолжался очень долго и походил то ли на истерику, то ли на спектакль. Внутри меня сжалась пружина сосредоточенности, возникла мысль, что маскарад раскрыт, но внезапно наступила тишина и хозяин крепости спокойно произнёс:

– Вечно ты спешишь, словно смертный... – Рауль наконец спустился с лестницы, – И, может быть, наконец расскажешь, почему вечно таскаешь за собой эту куклу?

Не дожидаясь приглашения, я сел в кресло и указал Рэйчел занять соседнее. Хозяин небрежным жестом, словно стряхивал мусор, приказал женщине спуститься на пол.

– Почему ты так привязан к ней? – Рауль пассами рук отдавал команды жилищу, чтобы на небольшом столике появились закуски, два бокала и бутылка с алкоголем.

– Вуд сказал, что есть прорыв в генных модификациях тел, – я помотал головой на предложение принять угощение.

Рауль хмыкнул, но не стал настаивать даже на совместном распитии виски. Налил себе и сделал большой глоток. Его глаза сверлили меня, выискивая что-то, пальцы постукивали по лакированному подлокотнику.

– Не совсем прорыв, – уточнил он, – Скорее это ещё один шаг. А главное, – Рауль многозначительно поднял палец вверх, – Этот шаг может быть в пустоту, если не будет твёрдой почвы. Проще показать...

Хозяин взмахнул рукой, словно волшебник. Мои расширения позволяли видеть, как дом реагирует на сигналы владельца; жесты были совсем необязательными, а команды подавались с помощью имплантов, но, по-видимому, движения облегчали формулировку для самого Рауля. Пол раскрылся посреди гостиной, и из проёма поднялся хирургический стол, на котором лежало тело. Его рост составлял не меньше двух с половиной метров, крупные выразительно очерченные мышцы были неподвижны и расслаблены, лицо безмятежно смотрело в потолок. Кроме размеров в нём было множество других модификаций: иное строение костей, очевидно, даже другая химия, фиалковая кожа, покрытая микроскопическими чешуйками непонятного назначения, бёдра укорочены, а стопа вытянута для пальцехождения.

– Красавчик? Обычно такие после соединения разваливаются уже через пару часов... – Рауль самодовольно улыбался.

– В чём принципиальное отличие этого образца?

Сначала хозяин остолбенел от вопроса и несколько раз беззвучно раскрыл рот, а потом громко расхохотался. Успокоившись, он снова принялся сверлить меня взглядом и, наконец, произнёс:

– Знаешь, почему Директорат позволяет нам больше, чем остальным? Пол, мы одни из немногих, для кого вопросы, подобные твоему, имеют значение – мы можем понять ответы. С минуты на минуту к нам присоединится Вуд, но он едва ли способен ответить из чего сделана его одежда. Их мир похож больше на эмуляцию, где производство и технологии – условности...или волшебство. Я, пожалуй, отвечу... У этого тела нервная система, мозг, иммунитет полностью развивались под действием сферы души со стадии зародыша и подвергались множеству точечных вмешательств.

– И кто сейчас там?

Рауль снисходительно усмехнулся и сделал ещё один глоток из бокала, внимательно изучая меня через стеклянную стенку.

– Никого там нет. Я использовал сферу личного слуги, – голос господина Кимбри стал мягче, а звуки по-кошачьи растягивались, – Откровенность за откровенность, Пол. Тебе удалось каким-то образом синхронизироваться с телом без сферы внутри. Возможно, ты даже смог добиться многоразового использования одной и той же...

Я задумался над ситуацией. Рауль ждал рассказа об открытиях Пола или какой-то демонстрации.

– Нужно взвесить всё, – мой ответ перекошил лицо владельца генетических технологий гримасой нетерпения и раздражения.

– Мы сможем выйти за рамки Млечного Пути. Это пере-

весит что угодно.

– А что, если мы столкнёмся с другими разумными формами? Как они отреагируют на нашу экспансию?

Рауль посмотрел на меня, как на дурачка.

– Наш друг, наконец, прибыл.

Двери разъехались в стороны и лёгкой походкой вошёл Чарли Вуд. Он улыбался во все зубы и радостно приветствовал нас.

– Пол, я так рад, что ты всё-таки с нами!

– Чарли, ты опаздываешь постоянно, – Рауль поднялся на встречу гостю, указывая рукой на стол, – Как тебе тело?

Господин Вуд остановился и сделал несколько кругов вокруг прототипа, несколько раз пощупал и покивал головой.

– Выглядит шикарно!

– Будем считать, что ты дал согласие, – Рауль совершенно без эмоций, буднично взмахнул рукой и рой нанитов облепил Чарли, оцепеневшего от ужаса.

– Пстой! Нельзя же так! Это запрещено... – договорить он не успел и свалился на ковёр. Рэйчел совершенно спокойно отсела подальше и продолжила безмолвно наблюдать за происходящим.

Несколько щупалец-манипуляторов выросли из пола и вырезали сферу души. Рауль сосредоточенно контролировал процесс, закусив губу. Он торопился, а я с интересом наблюдал.

– С твоей технологией синхронизация была бы намно-

го проще, – с некоторой злостью бросил через плечо господин Кимбри. Он схватил металлический шар и механически вытер с него кровь об одежду “подопытного”. Парализованный Вуд не мог пошевелиться, но оставался в сознании, а в глазах его стояли слёзы от ужаса. Рауль положил имплант с омега-структурой в небольшое углубление на хирургическом столе, грудная клетка модифицированного тела раскрылась, обнажая интерфейсы для подключения. Манипуляторы с ювелирной точностью совместили все контакты. Мутант несколько раз вздрогнул и повернул голову, чтобы встретиться взглядом с умирающим Чарли Вудом.

– Главное не промахнуться с моментом... – Рауль совершил очередной взмах рукой, и металлическое щупальце, обернувшееся вокруг шеи, недавно принадлежавшей Чарли Вуду, сжалось, отделяя голову, и сразу же вонзилось в черепную коробку, превращая содержимое в кашу, – Если замешкаться, то можно получить неприятный эффект, когда синхронизация пройдёт с ошибками. Ну, Чарли? Как ты там?

– Ты только что нарушил Цикл. Директорат этого на тормозах не спустит.

Господин Вуд сначала опробовал свои новые руки, потом пошевелил ногами и после этого встал с ложа. Из-за непривычного строения нового тела движения были неуклюжими, и он упал на четвереньки.

– Понимаешь, зачем нам нужна технология свободного перехода между телами без использования процедур Цик-

ла? – Рауль говорил с усталостью после напряжения последних минут, – В итоге мы с тобой станем выше Директората, выше всего человечества. Возможно, нам осталась лишь пара шагов до того, чтобы стать богами.

– Может вообще отказаться от тел? – я задал давно мучающий меня вопрос.

Рауль Кимбри вытер кровь с рук и взял наполовину опустевший бокал.

– Если ты научишься удерживать от распада свою душу бесконечно долго, то поделись, ладно? Я буду ждать твоего согласия передать технологию бесконтактной синхронизации. Неделю. Потом я передам Директорату свои разработки, и у тебя не будет преимуществ “раннего доступа”.

Вуд в конце концов приноровился к телу и встал. Он смотрел на нас с нескрываемой злостью.

– Я не позволю делать из меня подопытного!

– Заткнись, – пренебрежительно бросил Рауль, – Сядь, выпей и пораскинь мозгами. У тебя тело, не требующее замены в ближайшие годы, может века. А ещё в нём куча полезных модификаций. Если бы что-то пошло не так, то ты бы просто попал в Чистилище, а дальше привычная процедура. На твоём месте не стоит распространяться о случившемся, ведь ты не только подопытный, но и соучастник.

Господин Кимбри злорадно усмехнулся и допил остатки алкоголя. Он расслабленно сидел в кресле и наблюдал, как сильный гнев оппонента превращается в бессилие и страх.

Мне этот момент показался весьма подходящим, чтобы откланяться и вернуться в дом Пола, чтобы обдумать всё и подготовиться к следующему шагу. Подходя к аэрокару, я обернулся к Рэйчел и спросил:

– Ты не удивлена?

– Вы участвовали в подобных событиях и раньше. Я привыкла.

2.10 Свобода

– Как обстановка на орбите?

– Мы полностью вычислили все паттерны автоматической системы контроля пространства вокруг звезды... – в голосе Смешной я различил некоторую гордость.

– Порядок сканирования зон может меняться во времени, так что не расслабляйтесь, – мне было жаль трёх ребят на корабле. Напряжённое ожидание выматывало порой сильнее пыток.

– Это маловероятно. Нынешняя последовательность самая эффективная из возможных.

Я не привык верить и надеяться на удачу, поэтому задал давно волнующий вопрос:

– А как мы смогли проскочить?

– А мы и не проскочили, – Эджус сменил Василису у передатчика, – Зоркий сразу после нырка маскируется под астероид. В любые системы порой залетают извне ранее неучтённые тела. Тут главное притвориться, что летишь мимо, успеть показать именно ту траекторию, которая никому не мешает. Специальная технология.

Свежий ветерок задул чуть сильнее, поправляя мне чёлку, на балконе под крышей дома Пола Уитмана располагалась пара удобных кресел, но возбуждение заставляло мерить шагами дощатый пол.

– Медведь ответил?

– Да, – Смешная чуть растянула слово, будто была не уверена в информации.

– Протокол обхода хэндшейка (от англ. handshake – рукопожатие, термин, обозначающий процедуру обмена "приветствиями" между устройствами для идентификации друг друга и установления канала обмена данными, прим. авт.) готов?

– Там целый аппаратно-программный комплекс. Я передам чертежи и код. У вас будет возможность создать устройство? – Василиса нахмурилась, я увидел, как на её лбу проявились ранние морщинки.

– Тут на каждом шагу автоматические сборщики. Надеюсь, Рэйчел поможет мне настроить один из них.

Смешная включила передачу, а я заметил, что она хочет ещё что-то сказать и сделал жест рукой, чтобы продолжала.

– Мы сканируем все суда, что оказываются поблизости и выяснили, что почти все они летают без участия человека, кроме небольшого количества индивидуальных яхт. Ещё оказалось, что в системе нет ни одной верфи или какого-то крупного производства на орбите. Они собирают вещество из солнечного ветра, но ничего крупного не строят. Отправляют кое-что на планеты, остальное в область роя Дайсона (рой Дайсона это совокупность множества гигантских космических станций вокруг звезды, которые собирают энергию и вещество для нужд цивилизации, прим. авт.), но и там мас-

штабных работ не наблюдается.

Во время доклада Смешная выглядела озадаченной, даже растерянной. Захотелось хоть как-то подбодрить её.

– Василиса Дмитриевна, вы молодцы! Только учтите вот что: тут нет смысла в крупных проектах. У местных уже есть всё для полного комфорта.

– Вот именно! – оборвала меня Смешная, – Вот именно! Тут ресурсов и технологий столько, что можно любые исследования проводить! Мы с командой уже сотни придумали.

– Василиса Дмитриевна... У них есть для этого Промзона. Тут чёткое разделение труда, и никому в голову не придёт строить научную космическую станцию в этой звёздной системе. Так же как вы не будете готовить еду на своей постели.

Имплант выдал сообщение, что пакет данных полностью и без ошибок загружен. Я почувствовал на своих плечах тонкие пальчики, а ногой ощутил через одежду горячее бедро. Рэйчел обняла меня, словно любимого мужчину. С каждым часом её поведение всё сильнее становилось безумным и навязчивым. Пришлось ласково, но настойчиво отодвинуть женщину.

– Мы вернёмся к изучению пространства вокруг Примы. Может быть, удастся найти следы кораблей чужих, – Смешная сделала паузу, зажмурилась и наконец сказала самое важное, – Вячеслав, а может нет чужих? Может быть, в Промзоне мы найдём все ответы? И окажется, что нам угрожают... вот эти вот...

Василиса не смогла подобрать слово, и я ей помог:

– Зажравшиеся? Мысль эта впервые стала меня донимать, когда покидали Wū. Чем больше об этом думаю, тем правдоподобнее всё кажется.

В напряжённой тишине на проекции возникли лица Ай-дара и Эджуса. Вся команда смотрела в глазок камеры и ждала объяснений, которых у меня не было.

– Ребята, я знаю не больше вашего. Пока мы не найдём хотя бы следов боевого флота, мои догадки останутся всего лишь выдумкой. В Промзону мы ещё наведаемся, а пока есть возможность тут ещё многое раскопать. Давайте работать.

Смешная отключилась без прощания. Я оглянулся и увидел за стеклом рабыню. Она сидела на полу, словно побитая собака и смотрела на меня, ожидая приказов. За двое суток её поведение сильно переменялось под действием постоянных гормональных коррекций. Если так и дальше будет продолжаться, то меньше чем за неделю она полностью потеряет рассудок. Вспомнился одноразовый солдат на Талиме, убивший Мавида. Стало совсем противно.

– Рэй? – от звука своего имени рабыня вздрогнула и заулыбалась. Она подобралась, приготовилась слушать и повиноваться, – Мне нужно создать устройство по этим чертежам. Ты можешь отдать приказ от моего имени синтезатору?

Не без труда рой нанитов создал голограмму, чтобы показать Рэйчел подробные схемы. Рабыня кивнула. И в тот же миг прекратила мелко дрожать – новая доза наркотиков, как

поощрение послушания, сняла напряжение и ослабила хватку абстиненции (абстиненция – ломка, прим. авт.). "Потерпи, – подумал я, – Сегодня сделаю всё возможное, чтобы ты стала свободной."

Возникло естественное желание обнять женщину, прижать к себе, но уже давно стало понятно, что этого делать нельзя – у куклы от прикосновений хозяина совершенно срывало крышу.

– Проект будет закончен через несколько минут, – рабыня сделала робкую попытку погладить моё предплечье и, встретив мягкий, но однозначный отпор, жалобно всхлипнула, осела на пол, обняла за ноги, наклонилась и поцеловала ботинки. В глазах защипало.

– Прекрати! – я сорвался и вскрикнул громче, чем было нужно.

Несчастливая мелко затряслась и несколько раз повторила: – Прости! Прости! Прости...

Её состояние ухудшалось на глазах. Решение напрашивалось само, а я больше не мог видеть, как женщина сходит с ума. Группа нанитов прикрепилась к тонкой шее и впрыснула транквилизатор. Сначала одну дозу, потом вторую. Собственная система Рэйчел для поддержания обмена веществ ускоренно разрушала посторонний препарат, но справится с постоянным потоком ей не удалось, и рабыня потеряла сознание. Уложив её на диван и накрыв пледом, я спустился вниз. В гостиной на низком столике уже лежала

сфера в небольшом углублении. Я колебался включать её и с удивлением обнаружил, что внутри ворочается страх увидеть больше, чем смогу понять. Но отступать нельзя. Устройство размером чуть меньше грецкого ореха оказалось неожиданно лёгким. Протоколы обмена данными и эмулятор заняли огромную часть моих нейроимплантов, несмотря на оптимизацию кода. Я словно расползся.

Включение.

Синхронизация сферы с ловушкой.

Объединение аппаратно-программного комплекса с нейроинтерфейсом.

Я едва не лишился чувств от удара потоком информации. Казалось, что едва ли не каждый атом вокруг о чём-то меня спрашивает, что-то сообщает. Запросы не имели никакого порядка, а сыпались общей хаотической массой и никуда не девались, оставались висеть перед внутренним взором, ожидая отклика. Сознание с ужасной скоростью заполнялось, что должно было закончиться комой. Как бороться с этим я не знал и, потеряв равновесие, упал. "Жаль, – вялая мысль едва ворочалась, – Рейчел останется там лежать и наверняка умрёт от передозировки успокоительного. Хотя бы без мучений."

Очередная пачка запросов выскочила на виртуальном дисплее. Это касалось рабыни. Её управляющие программы настойчиво требовали принять решение из-за постоянного ввода транквилизаторов. Внимание сосредоточилось на

этом, и всё успокоилось, другие уведомления отошли на задний план и продолжили там скапливаться, но уже не прыгали на меня, словно стая хищников. Я понял: хаос запросов от окружения управлялся так же, как и все остальные потоки в биологическом мозге без аугментаций. Люди слышат только то, что слушают, а видят одновременно только маленькую часть того, на что смотрят. Сознание фокусирует внимание на чём-то одном, а остальное размазывается по периферии неразличимой, пёстрой массой. Мои импланты работали иначе: более упорядоченно, без риска повредить разум.

Я отдышался и поднялся на ноги. Оказалось, что при падении, сильно рассёк щёку о подлокотник кресла, и кровь успела растечься в небольшую лужицу.

Общение с программами Рэйчел было интуитивным, они легко понимали речь и мыслеформы, а каждое указание перед выполнением чётко переформулировали и просили подтвердить. Выяснилось, что по умолчанию личный помощник настроен на полное подчинение и обожание хозяина. Каждая моя похвала, внимание, прикосновение включали механизм поощрения в виде впрыска наркотиков и гормонов радости. Обращайся я с рабыней холодно или жестоко, то её состояние сейчас было бы гораздо лучше, а редкая похвала нужна лишь для поддержания баланса и ощущения счастья. Личный помощник на Приме – это даже не раб, а программируемый питомец с человеческим интеллектом. У заботливого хозяина эта игрушка могла чувствовать себя вполне счаст-

ливой. Что ж обещание нужно выполнять, и я, вытерев наскоро кровь о футболку, поднялся в спальню.

Рейчел спала. Безмятежно, словно ребёнок. Её лицо разгладилось, избавилось от выражения постоянного страдания и желания быть полезной хозяину. Риск неудачи не пугал меня. Лучше не быть вообще, чем жить с ощущением искусственного и ложного счастья, словно под наркотиками.

Для операции не нужны были ни инструменты, ни специальный стол. Наниты уже проникли в тело и собрались внутри черепной коробки в небольшие дроны. Я несколько раз глубоко вдохнул и приступил.

Производители очень беспокоились о своей интеллектуальной собственности, и примитивные, грубые, по сравнению с моими, аугментации девушки оказались защищены крайне сложными кодировками и устройствами. Вот только я не собирался воровать технологии, а только отключить и уничтожить контролирующие сознание чипы без вреда для девушки. Это не составило труда – её мозг не содержал изменений для шифровки памяти.

Глубоко за полночь, когда операция успешно завершилась, я вышел на балкон, чтобы отдышаться. Небо от множества близких звёзд должно было оставаться ярким, но спутниковые группировки закрывали собой свет, создавая условия нормальной для человека ночи. Ветерок стал чуть прохладнее. Теперь я мог слегка корректировать климат вокруг дома, выбрать высоту травы на газоне, вырастить из стены

настоящую живую ветку со спелыми апельсинами... Невероятные возможности окружения, всецело направленные на обеспечение комфорта. Прима слушала просьбу человека, переспрашивала, чтобы определить, насколько правильно поняла, и выполняла. Ограничения, конечно же, были. Например, нельзя создавать разумное существо или некоторые лицензированные товары, вроде оружия, транспорта, некоторых приборов.

Воздух наполнился ароматом цветущих яблонь. Этот запах мне напоминал родной Челябинск, пригородный родительский дом и сад с ухоженными тропинками, деревьями с белыми от земли на метр стволами. Уже давно как избавились от всех вредителей, но отец продолжал каждый год белить яблони и груши. Говорил, что так красивее. Хотя, впервые зацветшие перед моей командировкой на Талим, манго это уже не касалось.

Прима была готова вырастить и создать многое по моей прихоти, но упорно отказывалась отвечать на вопросы. Создавалось впечатление, что в этом постцифровом (по аналогии с нашим постиндустриальным, прим. авт.) мире информационная сеть целиком состояла только из развлекательного контента, но среди этого мусора всё же хранились крохи данных. Там были сведения о Гегемонии – управляемым Direktoratом государстве. Всего лишь самые общие знания и перечни законов, но это уже было намного больше, чем можно узнать, прогуливаясь по парку.

Слишком занятый изучением найденного, я не заметил, как сзади подкралась Рэйчел.

– Ты не Пол, но я всё равно ненавижу тебя, – раздалось за моей спиной.

Обернувшись, я увидел девушку с плазмоганом в руках.

– Мне плевать, что со мной будет, но я убью вас столько, сколько успею, – голос срывался, а глаза застилала слёзы. Она никак не могла решиться нажать на кнопку.

– Они все бессмертны. Даже разрушение сферы души ничего не даст, – тихо произнёс я. Перила балкона впились в спину до боли. Маловероятно, что бывшая рабыня сможет тягаться со мной в скорости, но совершенно не хотелось сейчас привлекать внимание – выстрел из подобного оружия прекрасно видно с очень большого расстояния.

Девушка заплакала и села на пол. Её плечи тряслись от истерики. Из рта стекала струйка слюны попеременно с кровью от прокушенной губы.

– Я тоже не могу умереть! – с трудом выдавила из себя Рэйчел, – Я тоже...

Сев рядом, я коснулся её руки и, не встретив сопротивления, осторожно забрал оружие. Предстоял долгий разговор, но сначала бывшая рабыня должна наконец выплакать все слёзы, которые скопились в ней за всё время служения. Повинуясь моему приказу, дом создал две большие кружки какао и тарелку печенья. Я обнял девушку, уже не опасаясь, что это вызовет в ней каскад запрограммированных реак-

ций. Её зарёванное лицо уткнулось мне в грудь.

– Поплачь... а когда будешь готова, скажи, как тебя зовут...

Девушка не притронулась к какао и довольно быстро забылась тревожным сном, сидя на полу. "Всё-таки технологии этого мира очень похожи на магию," – подумал я, отхлебывая какао. Его температура не изменилась и была постоянной – пятьдесят шесть градусов.

2.11 Shareware

– Глупо, – Смешная обозначила мой поступок одним словом, при этом её лицо выражало разочарование.

– Какие были варианты? – бросил я в эфир.

Василиса села в кресло и замолчала, не желая продолжать обсуждение.

– Мы не вмешивались на Wū, раздираемой войной, на Саннатерри... На сколько других миров даже не взглянули? – негромко произнёс Эджус, – У нас конкретное задание: разведка, сбор данных. А теперь вы спасаете женщину. И совершенно непонятно, что с ней делать дальше. Возьмёте в команду? Или убьёте, когда она перестанет быть нужной?

Последние слова дались навигатору с трудом, но были искренними и от того задевали гораздо сильнее.

– Её тело скоро умрёт. Судя по собранным данным – осталось около недели, – вступился Айдар и осторожно, грустно улыбнулся мне, – После этого можно будет заключить её омегу в ловушку и, по возможности, доставить на Надонию.

– Решим, когда придёт время, – в голосе Смешной прозвучали командирские нотки, – Вячеслав Семёнович, вы готовы к следующей стадии сбора данных?

– Да. У Пола свободный доступ на заседания Директората. Всё-таки нам очень повезло, что захватили именно его.

– На личных яхтах между планетами Гегемонии другие не

летают, – Смешная сказала это негромко, скорее сама себе.

Связь прервалась. Я ещё постоял на балконе, облокотившись о перила. В особняке Уитмана это стало моим любимым местом для размышлений: хоть климат Примы и был идеальным, но слабый ветерок позволял почувствовать наличие атмосферы. В самом доме температура и состав воздуха регулировались таким образом, чтобы не ощущался ни вдох, ни выдох. Теперь, когда изменение настроек кондиционирования стало мне доступно, в комнатах запахло ночной степью и посвежело.

Рэйчел ещё спала. Измученная наркотиками и жестоким контролем поведения, женщина вздрагивала от кошмаров и тихо всхлипывала. У неё был жар и начиналась абстиненция, грозящая вскорости перерасти в непереносимые муки. Имплант-инъектор из нанитов на её шее, который я использовал вчера для усыпления, помогал очистить кровь и смягчить страдания. Несколько минут колебаний перед тем, как будить, позволили разглядеть её лучше. Во сне человек не контролирует мимику и проступают те черты, которые бодрствуя старательно скрывают. Для Рэйчел этот эффект оказался выражен на порядок сильнее. Искусственно разработанная внешность потеряла кукольность, но приобрела индивидуальность.

Моя рука коснулась горячего плеча. Женщина мгновенно рванулась на кровати и забилась в угол. Трясущиеся руки схватили подушку и выставили перед собой.

– Тихо-тихо! Всё хорошо!

– Кто ты? – голос сиплый, слабый, взгляд загнанного зверя, с осязаемой ненавистью.

– Я друг. Всего рассказать не могу, но хочу помочь тебе освободиться. По-настоящему.

– Мне без разницы... – пальцы отпустили подушку, слабые ноги постоянно путались, пока она выбиралась из постели, – Без разницы, кого слушать. Мне осталось несколько дней, а потом меня снова затолкают внутрь куклы и продадут.

– Нет, – я постарался вложить в короткое слово всю свою уверенность, – У тебя есть выбор: снова войти в цикл или довериться мне.

Женщина кивнула. Пересохшими губами ей говорить совершенно не хотелось. Во взгляде отрешённость чуть отступила перед зарождающимся любопытством.

– Тогда приведи себя в порядок и жди меня в ангаре, где осталась яхта Уитмана. Вечером...

– Я пойду с тобой, – в бывшей рабыне разгоралась ярость, но не слепая. Никогда я не встречал людей, которые копили в себе ненависть так долго, чтобы она выгорела дотла и переродилась в нечто разумное, в источник развития и движения, – Я многое умею, и если ты не врёшь, то буду полезной.

В доказательство последней фразы тонкая ручка сложилась в кулак и рассекла с огромной скоростью воздух перед моим лицом. Вот только это не было демонстрацией физи-

ческой силы. Стена комнаты в середине закипела движением миллионов нанитов, на миг стала полностью чёрной и выстрелила тысячей тонких нитей навстречу удара. Сначала эти жгутики оплели руку, а через миг Рэйчел полностью покрылась бронёй.

– Пол был моим учеником много лет назад...

Антрацитовые доспехи так же быстро превратились в обычную с виду одежду. Каким образом осуществлялось управление и глубокая модификация наномашин, я не смог понять.

– Я не думаю, что смогу полностью восстановиться... Держи свою... – Рэйчел задумалась, подбрасывая на ладони снятый с шеи имплант-инъектор, – Заплатку.

Устройство рассыпалось в пыль, став роем, который осел на моей коже. Я подумал, что, наверное, мог бы вмешаться в базовые программы своих микроскопических помощников, заставить их сменить цвет и собраться в подобие латных доспехов средневековья. На сборку рабочего экзоскелета у меня ушло бы несколько дней и некоторое количество дополнительных материалов. Рэйчел справилась за секунду.

– Приведу себя в порядок по пути. Кстати, меня раньше звали Раджул Вахид.

Совершенно непонятно как нужно реагировать в таких случаях. Из ступора меня вывел сам Раджул.

– За почти век в женских телах я стала женщиной. Пусть так и останется. Рэйчел Роузен это хорошее имя. А вы не

воспринимайте вопрос пола слишком серьёзно – тут меняют тела ради одного вечера новых ощущений.

Я не стал больше ничего уточнять. Аэрокар с грузовым отсеком, способным вместить мою десантную броню, уже шелестел в ожидании двигателями прямо перед крыльцом.

– Что такое Директорат? Парламент? – спросил я, ведя транспорт по прямой в почти пустом небе.

– Кучка идиотов, которые считают себя правителями. Вы всё увидите и, надеюсь, поймёте, – Рэйчел использовала небольшой дрон с видеокамерой чтобы контролировать, как проступает здоровый румянец, сходят мешки под глазами, а волосы укладываются в практичную причёску. Она не пользовалась дисплеем, а получала картинку напрямую в мозг.

Точные цели этого человека были мне не известны, но я знал, что рабство прочищает и освобождает разум от глупостей. С самого начала операция на Приме состояла из прыжков в неизвестность, и до сих пор не было никакой возможности строить чёткие планы – попросту не хватало информации.

Ангар с межзвёздной яхтой был стерильно чист. Корабль, судя по объявлению на виртуальном дисплее, прошёл техническое обслуживание, перезарядку энергоблоков и клининг. Всё в полностью автоматическом режиме без участия людей. Получив возможность отправлять полноценные запросы в сеть, я не только мог самостоятельно заказывать услуги, но и постоянно видел множество сообщений, что раздра-

жали назойливостью. Сотни предложений от самых разных производителей мелькали перед глазами каруселью. В своей наивности решив, что тут бесплатно достаётся всё, я жестоко ошибался. Еда, одежда, стандартное жильё, доступ к сети и её содержимое раздавались по первому требованию, а космический корабль мог построить только владелец или арендатор пакета технологий.

– А сколько стоит такая птичка? – спросил я, поднимаясь на борт.

Рэйчел на секунду замерла, взвешивая ответ:

– Для Пола и Рауля нисколько. Для Вуда не меньше десятой части всех его технологий.

– Как это вычисляется?

– Никак. Это больше религия, чем наука.

Десантная броня без ошибок прошла все тесты и самостоятельно перебралась в аэрокар.

– Будет небольшой перегруз, – заметила Рэйчел, с любопытством наблюдая за мной, – От погони будет тяжело уходить.

– Я не собираюсь раскрывать себя и устраивать погони.

Женщина усмехнулась, но промолчала.

Аэрокар действительно поднялся с некоторым усилием, двигатели гудели чуть громче, а виртуальный монитор пополнился сообщением о том, что до предельно допустимой грузоподъёмности осталось немногим больше ста килограмм.

Навигатор сформировал маршрут по запросу и предложил использовать автопилот. Совершенно не хотелось сейчас тратить силы на управление, и я согласился. Машина плавно набрала высоту и с ускорением направилась в сторону экватора.

– А что такое Чистилище? Теперь-то сможешь ответить?

– Я не знаю вашего уровня знаний...

– Считай, что я ребёнок и пока ничего не знаю.

– Это ловушка для душ. Самая большая ловушка, которую возможно было построить.

– Директорат контролирует её?

Рэйчел саркастически фыркнула и хлопнула себя по коленке:

– Его члены хотели бы в это верить. Нет, Гегемонией правит Большая Мамочка, – женщина опустила голову и запустила руки в волосы, словно хотела получше ухватиться и свернуть себе шею, потом несколько раз подряд глубоко вдохнула, чтобы прийти в равновесие, – Так откуда ты?

– С Земли, – я посчитал, что сейчас для дела выгоднее откровенность.

– Значит Союз всё-таки выстоял!? Иначе бы вы сейчас ковыряли землю палками в поисках кореньев...

– Мамочка это ИИ? Вы смогли научить машины целополаганию?

Промелькнувшая секунду назад, радость сменилась горечью. Рэйчел зажмурилась от переполняющей её досады.

– Не смогли. Это никогда не было целью, даже наоборот: такой вариант рассматривался всегда негативно. Восстание машин... Чтобы управлять Гегемонией в том виде, в котором она существует, не нужен полноценный разум. *An nescis, mi fili, quantilla prudentia mundus regatur?* (лат. Сын мой, разве ты не знаешь, как мало надо ума, чтобы управлять миром? прим. авт.).

– Этим словам уже много тысяч лет. И они ложны.

– Мы привыкли понимать под “*regatur*” обладание достаточной силой, чтобы приказывать. В таком случае слова истинны.

Спорить не хотелось. Аэрокар начал снижать высоту и скорость. Тысячи километров пронесли мимо нас, и я снова вспомнил слова Эджуса, сказанные этим утром. Сколько миров, населённых людьми, обречены сейчас переживать самые ранние и жестокие этапы развития?

– Какую цель поставили перед Мамочкой? – вопрос напрашивался сам собой, а правильный ответ сможет описать саму суть Примы и других миров Гегемонии.

– Стабильность созданного бессмертными государства и развитие технологий.

Настала моя очередь зажмуриться от нахлынувшего ужаса. Я представил, как через миллиарды лет машина будет поддерживать стабильность в окончательно выродившемся человечестве до безмозглых мешков плоти с заключёнными внутри омегами, и каждый окружён фантастически сложны-

ми устройствами для кормёжки, очистки и кондиционирования воздуха.

– Мы заходим на посадку, – Рэйчел собралась, её движения сделались скупыми, резкими, она снова использовала маску куклы.

Дворец Директората достигал километра в высоту при небольшой ширине – тонкий шпиль, словно коготь торчал из бетонного основания. При близком рассмотрении становились видны детали: здание состояло из отдельных частей, словно друза из мелких монолитов. Всё из однородного прозрачного материала. Благодаря эмулятору сферы я с лёгкостью читал сигнатуры того, что находилось внутри дворца. Для людей там отводился небольшой зал на пару сотен мест, несколько бытовых комнат для отдыха и санитарные узлы. Остальное было заполнено вычислительными модулями суперкомпьютера и мощными передатчиками для связи со спутниками.

Когда мы вышли из аэрокара, я всё ещё пытался найти хоть что-то похожее на точку доступа к гигантскому электронному мозгу, но тщетно.

– Это не Большая Мамочка, если интересно, – сказала Рэйчел, заметив моё сосредоточенное выражение лица, – Здесь лишь её... рот, которым она разговаривает с нами, и уши, которыми слушает.

Я прекратил попытки изучить устройство дворца и его содержимого с расстояния и уверенно направился внутрь иг-

рать в шпиона по правилам, которых почти не знал.

2.12 Власть имущие

Прозрачные ворота открылись, едва прочитав сигнатуру Пола в ловушке, и впустили нас в гулкий коридор с высоким сводчатым потолком, из-за чего создавалось ощущение собственной ничтожности. Будь я того же роста, что и представители местных элит, то чувствовал бы себя комфортно. Рэйчел уверенно шла рядом и чуть позади. На её руках периодически возникали чёрные полосы и образовывали сложные рисунки. Её спокойствие передавалось мне. Шаги отдавались звонким эхом. Пустота травила нервы.

– Я всё ещё личный помощник, – женщина остановилась перед высокими дверями и поклонилась, отставив руку, – Это важно помнить, до тех пор, пока не решитесь на что-то отчаянное.

– Уверен, что не решусь.

Потребовалось приложить усилие, чтобы повернуть ручку, слишком большую для меня. Я напрягся и потянул на себя, подошвы ног заскользили по плитке пола, но дверь поддалась. В узкую щель – едва протиснуться человеку – ударил яркий свет. Импланты уберегли от ослепления, и я разглядел амфитеатр. Около сотни ярусов с креслами расходились вверх кругами. В центре парила массивная металлическая шайба для оратора без перил.

–... Угроза не может быть точно рассчитана, – глубокий

мужской голос, многократно усиленный аппаратурой, звучал набатом, – В рамках моих знаний могу предположить, что военное подавление будет успешным.

Несколько человек окружило голубое свечение.

– Я вижу ваши сомнения и знаю, что вы хотите спросить, – голос продолжал говорить, – Наша с ними разница в развитии науки трудно постижима для человека, но видна машине, и вы должны признать, что ассоциация миров вокруг Земли стоит на устаревших, а главное обрывочных, технологиях, которые им удалось захватить у умирающих компаний.

Я никак не мог разглядеть оратора и вертел головой по сторонам, стоя в проходе между креслами, стараясь оставаться как можно дольше незамеченным. Голос не имел персонифицированного источника, и я поначалу решил, что это машина, выполняющая всего лишь роль спикера.

– Прямо сейчас нам нечего противопоставить их флоту. Мы не строили боевых кораблей уже давно, а те, что патрулируют Промзону и регрессированные сектора галактики не могут вести боевые действия с достаточной эффективностью, чтобы говорить об экономической целесообразности.

– Почему у Мамочки мужской голос? – тихо спросил я у Рэйчел, наконец поняв, кто произносит речь, и осторожно распылил нанитов для сбора данных. Мой экзоскелет отозвался, показывая приличную скорость обмена данными. В десантной броне находился мощный передатчик, который позволял транслировать огромный поток информации. Сиг-

нал я смог замаскировать среди множества кодированных запросов на спутники и вышел на связь с командой.

– Это вообще не важно. Она иногда и детский использует, – ответила Рэйчел, пристально наблюдая за членами Директората, выискивая кого-то конкретного.

– Выгода уйдёт на второй план, когда этот сброд атакует наши миры, – гигант с бледно-голубой кожей поднялся с места и, сверкая глазами, активно жестикулировал. Воздух вокруг него загорелся красным и звук пропал.

– Я понимаю ваши страхи, господин Крупп. Однако, полномочия принятия решений переданы мне, а ваша роль ставить задачу, – над платформой в центре появилась голограмма: статный пожилой мужчина с седыми висками опирался левой рукой на трость, а правой словно обнимал всех вокруг. Его лицо излучало мудрость и спокойствие.

В наступившей тишине можно было различить тихий гул, даже скорее вибрацию от машин, работавших в здании. Облако нанитов беспрепятственно распространилось по всему залу, но я со всеми своими расширениями не мог понять считываемые сигнатуры. Это походило на встречу в двадцатом веке дикаря из первобытного племени с туристами, прилетевшими на реактивном самолёте поглазеть на тропические леса. Едва ли я смог бы сходу разобраться в окружающих технологиях, если бы кто-то и попытался объяснить их. Однако я смог определить материал большинства проводников сигналов и базовых единиц для блоков квантово-опти-

ческих процессоров: эквилайт, практически не отличимый от производимого на Виктории.

Ещё один член Директората поднялся с места, охваченный красным свечением.

– Ты должна как можно скорее устранить угрозу! – успел выкрикнуть парламентарий прежде, чем выключился звук.

– Хорошо. Раз вы настаиваете, то проголосуйте. Кто за? – голограмма на трибуне вглядывалась в лица с некоторой иронией.

Голосующие по-простому поднимали руки. С их ладоней поднимались огоньки и устремлялись к центру, выстраиваясь в линию.

– Кто против того, чтобы в кратчайшие сроки начать войну с Союзом Земли и Колоний?

Пара огоньков составили ничтожную конкуренцию голограммам милитаристов.

– Ты можешь наложить вето, – Рейчел передала мне мыслеформу напрямую на принимающие радиосигналы импланты.

Чтобы выиграть хоть полминуты на принятие решения, я ускорился насколько было возможно, чтобы растянуть субъективное время. Голограмма Большой Мамочки начала поворачивать голову в нашу сторону. Это движение сначала воспринималось мной медленно, словно происходило в вязком сиропе, но тут же вернулось к "нормальной" скорости. Объемное изображение мужчины улыбнулось с хитрым при-

щуром и кивнуло. Неужели провал? От этого я словно споткнулся, и всё внутри меня разлетелось вдребезги. Я утратил концентрацию и контроль над имплантами. Мир снова разогнался до привычного темпа.

– У нас есть особое мнение! – пробасила голограмма, – Пол Уитман желает высказаться.

Платформа трибуны подлетела ко мне и чуть наклонилась, предлагая встать на неё. На виртуальном дисплее появилось предложение присоединится к заседанию и просьба согласиться на видео и аудиофиксацию. Ответственность перед своим народом в эту минуту давила так сильно, что, пожалуй, могла убить. Почему ИИ решил дать мне слово? Как он узнал об особом мнении? Игра приняла непредсказуемую форму.

– Господа... – я собрался с мыслями и в следующую минуту сказал первое, что пришло в голову, – Господа... Союз опасен для нас. Это очевидно. Они смогли успешно и неоднократно противостоять нашим силам в космосе. Это мы сможем исправить в ближайшее время, создав новые ударные соединения. Однако они смогли преодолеть волну регресса и выйти из гражданской войны сто лет назад без ощутимых потерь. Вот что должно нас напугать сильнее всего. И заставить задуматься! Мы не должны торопиться с их уничтожением, но обязаны изучить. Уверен, что наш новый флот сможет удержать Союз в его нынешних пределах. Предлагаю заключить врага в резервацию, за которой будем при-

стально наблюдать.

Я замолчал, оценивая реакцию, и в ужасе ждал, что будет дальше. Платформа за время моего монолога поднялась на пару метров вверх, а теперь неторопливо вращалась на месте, и я последовательно вглядывался в лица людей, задающих направление для самой технологически развитой цивилизации в Млечном Пути.

– В словах Пола Уитмана есть некоторое рациональное зерно... – произнёс Артур Кляйн, если верить виртуальному дисплею. После того, как я принял соглашение присоединиться к обсуждению, каждый говорящий получал подпись, – Но я считаю безрассудным изучать реальный объект. Гораздо безопаснее создать подробную модель. Если бы господин Уитман участвовал в обсуждении с самого начала, то знал, что предложенный им вариант рассматривался.

– Мы каждый день обсуждаем одно и то же с той минуты, когда дикари уничтожили наши корабли неизвестным оружием, – злобно прошипел Йоган Крупп, когда кончилась его штрафное время молчания, и красное свечение сменилось голубым, – Складывается ощущение, что Большая Мамочка действует на стороне врагов, а это даёт нам право на внесение поправок в её программу.

– Неизвестное оружие уничтожило корабли так, как это могла сделать чёрная дыра, – с задумчивостью произнесла Большая Мамочка всё тем же мужским голосом, – А это единственный известный способ уничтожить содержи-

мое сферы души.

Голограмма изменилась, приняв образ женщины с крупными, но красивыми чертами лица, в ярком красном платье из тонкой материи с небольшим вырезом, и едва обозначенными рукавами; её густые чёрные волосы немного не доставали до плеч. Я видел таких на скульптурах или картинах. Возникло чувство узнавания, только никак не удавалось вспомнить откуда позаимствовала Большая Мамочка свою внешность.

– Моя задача, – раздался грудной, проникающий до костей звук, – Сохранить Гегемонию. Любой ценой сохранить уровень жизни бессмертных и техническое превосходство Примы, Секунды и Тerciи над всем остальным миром. Сейчас начало военных действий против Союза может привести к негативным последствиям. Я не могу смоделировать исход противостояния.

– Мы физически можем их уничтожить? – прошипел Йоган.

Большая Мамочка сделала паузу, во время которой последовательно всматривалась в лица парламентариев в поисках чего-то, но не находила. Я чуть наклонился, чтобы увидеть Рэйчел и встретился с ней глазами. Бывшая рабыня собиралась совершить какой-то отчаянный поступок – такое выражение на лице я уже не раз видел у людей перед самоубийственной миссией: обречённый покой и взгляд направленный далеко во времени и пространстве. Между пальцами

женщины извивалась чёрная змейка, но никто, кроме меня не обращал внимания на личного слугу.

– Слав, я не хочу убегать из своей клетки, но тебе очень понадобится суматоха, которая тут сейчас начнётся... – мыслеформа пришла в виде сухого, трескучего голоса. Я провёл рукой по карманам и понял, что бывшая рабыня тайком стащила пустые ловушки душ.

В чём-то Рэйчел была права, но ошибалась в главном: сейчас атака окажется неэффективной. Точная копия Директората на Секунде узнав о террористическом акте запустит самые жестокие репрессии и ускорит начало кампании против Союза. Мысль эта показалась мне слишком громкой и яркой, словно звучала в голове чужим голосом. Большая Мамочка улыбнулась мне краешком губ и совершенно отчётливо произнесла внутри моего сознания: "Я никогда не лгу."

– Рейчел, нет! – крик едва не вырвался наружу – таково было напряжение всей нервной системы, но я удержал послание в рамках радиосигнала.

– Мы можем их уничтожить, – ответила тем временем машина на вопрос Йогана Круппа, – Вероятные потери при этом могут вынудить меня ограничить расходы на содержание бессмертных. Наше развитие остановится на срок до нескольких веков. Кроме того, вам придётся принимать непосредственное участие в боях, если только не снимите с меня аппаратные ограничения.

– Готовь ударный флот, как можно быстрее, – Йоган под-

нял руку и запустил голосование, первым отдав свой огонёк за начало войны, и добавил, – Единогласное решение Директората исключает право вето со стороны менеджеров Промзоны.

Последние слова произносились с едкими интонациями, а глаза Круппа, налитые ненавистью, сверкали торжеством.

– Вот видишь!.. – Рэйчел хрипела в моём сознании, едва сдерживая рвущуюся наружу ярость, – Они сгодятся в заложники.

– Нужно брать одновременно этот и два запасных Директората. Это будет позже, но будет.

Рейчел секунду размышляла, чёрные линии на её руках прекратили пульсировать и растворились. Она успокоилась. Можно было только позавидовать с какой скоростью ей удалось брать контроль над своими эмоциями.

Добиться единогласного решения не удалось – часть Директората проголосовала против.

– Значит продолжаем действовать по моему плану, – подытожила Большая Мамочка результаты.

Платформа-трибуна опустилась вниз, чтобы я смог сойти. Сердце колотилось от адреналина, но быстро успокоилось после впрыска необходимых гормонов. Члены Директората бросали на меня пренебрежительные взгляды и злорадно улыбались. Выходя из зала, я услышал смех сотни капризных бессмертных стариков, за которыми ухаживала Большая Мамочка. Когда дверь закрылась и отсекала все звуки из ам-

фитеатра, я повернулся к Рэйчел и пообещал:

– У тебя будет возможность вернуться сюда свободным человеком.

– Ты уже пообещал мне, что Директорат будет схвачен и заключён, – женщина протянула мне ловушки душ, – За тобой очень скоро начнут охоту здесь. Нужно убираться как можно дальше.

Я кивнул и быстрым шагом направился к выходу, обдумывая поведение ИИ. Если Мамочка раскрыла меня, то как понять её мотивы? Чего в итоге она хочет добиться? Очевидно, что её роль сведена до исполнителя воли кучки аристократов. Искусственный разум согласно научным представлениям не способен к собственным желаниям, а раз так, то какой расчёт стоит за тем, что Мамочка не объявила меня шпионом, и дала возможность покинуть зал заседаний?

Аэрокар быстро доставил меня к яхте. Смешная подтвердила приём всех данных, отправленных с заседания, и готовность перехватить меня и Рэйчел на дальней орбите. Пришло время покидать столицу "чужих", оказавшихся самыми обычными людьми.

2.13 Последнее желание

Смешная ходила туда-сюда по кают-компаниям и то и дело хрустела костяшками пальцев. Этот звук заставлял Эджуса и Айдара всякий раз вздрагивать.

– Сколько лет вы пиратствовали? – спросила Рэйчел.

Василиса резко остановилась. Её кулаки несколько раз сжались и разжались, крылья носа затрепетали, губы напряглись и побелели.

– Я не лезу людям в головы и не взламываю мозги. Разные способы убийства оставляют уникальные следы на палачах, – тихо сказала Рэйчел и наконец села в кресло, – Это говорю только для того, чтобы вы не пытались мне врать. Не хотите чего-то говорить – не говорите.

Айдар фыркнул и махнул рукой. Ему не терпелось оказаться подальше от двух женщин. Я взглядом дал понять, что он может уйти и заняться оптимизацией маршрута. Эджус выскользнул из кают-компания за техником.

– Вы не говорили, что проходили коррекцию... – я старался произнести это как можно спокойнее, но Смешная снова вздрогнула, как от удара.

– Банкротство корпоративной системы оставляло простой выбор: драться за каждый кусок еды или стать едой. До прихода Союза я смогла выжить, – Василиса прощёлкала все пальцы, пока говорила, а теперь тяжело дышала, сдерживая

подступающие слёзы.

– А твои друзья? Они не похожи на головорезов, – Рейчел присела на подлокотник и обняла Василису за голову, словно близкая подруга или сестра.

– Держала их вместо консервов на самый крайний случай, если придётся слишком долго добираться до населённых планет. Наши корабли могли перемещаться только внутри небольших скоплений. На полёт к соседней звезде уходили месяцы.

Я порылся в памяти и нашёл там, что около двадцати лет назад флот Союза проводил зачистку корпоративного сектора из десятка обитаемых систем, а под конец операции объявили амнистию всем мелким бандам, которые согласились сложить оружие и не успели оставить за собой слишком много крови. Выходило, что Смешная на тот момент была двенадцатилетним подростком.

Способности Рейчел меня совсем не поразили:

– Мы стараемся обходить в работе такие методы. Они не дают гарантированного результата и не признаются доказательством.

Бывшая рабыня согласно кивнула, но уточнила:

– Для доказательств этого мало, но для гипотез вполне достаточно.

Василиса нехотя освободилась из объятий и приняла свой обычный строгий и сосредоточенный вид.

– Что нас ждёт в Промзоне?

– Охрана, которую я не смогу обойти. Планеты бессмертных охраняют от серьёзного военного вторжения, а промышленный сектор от шпионажа. Там не выйдет притвориться астероидом. Можно только на яхте Уитмана попасть только в его системы, – Рейчел отвечала, выделяя слова с нажимом, – Или собирать флот в сотни тысяч кораблей и пробиваться силой.

Смешная бросила скептический взгляд и задала следующий вопрос:

– Ты хотела ударить по Директоратам. Может быть так и сделать? Захватить одновременно все три системы Гегемонии, а с остальным разбираться потом?

Рейчел рассмеялась. Лающие и резкие звуки источали одновременно и злобу, и веселье обречённого. Наконец она затихла и негромко произнесла:

– Я террористка и хотела причинить максимальный урон конкретным ублюдкам ради моей личной мести, а потом погибнуть. Объединение человечества не входит в мои планы. И я не верю в ваш успех.

– Если не будет Большой Мамочки и Директората, то Союз справится с дезорганизованным противником, – Василиса рубила ладонью воздух, а на её щеках выступил лихорадочный румянец.

– Одновременно на тысячах планет Промзоны выберут новых представителей из богатейших семей, Мамочку перезагрузят с многих тысяч резервных копий, а она первым де-

лом начнёт создавать армаду для отражения угрозы, а потом уничтожения всего вашего Союза.

– Её часто переагружают? – спросил я.

– Для проверки работоспособности копий это делают постоянно. Начисто не стирали ещё ни разу – слишком многому она уже научилась.

– Почему она нам помогла?

Рейчел закусила губу и пожала плечами.

– Не знаю! Когда она заинтересовалась мной в прошлый раз, то гонялась с маниакальным упорством и не считалась с жертвами, а в итоге сделала рабыней, практически уничтожив личность.

– Вы правы, товарищ Жданов, – сказала Василиса, – Эта машина помогла вам не просто так. Если бы мы смогли узнать причину...

– Ключевое слово здесь "машина", – Рейчел немного пошатнулась, но сохранила равновесие. Её начинало тошнить из-за многочисленных нарушений в работе тела.

– Тебе нужно отдохнуть, – я протянул ей руку, чтобы помочь подняться и проводить в каюту, но она отмахнулась, желая закончить свою мысль.

– Проникните в Промзону и осмотритесь. Соберёте много важных сведений. Это поможет вам сдерживать Гегемонию какое-то время. А насчёт Мамочки не стоит обольщаться. Её главная цель, зашитая в базовой программе: любой ценой обеспечить выживание Гегемонии и верхушки бессмертных.

Я всё...

Бывшая рабыня с большим трудом поднялась, замерла на мгновение на полусогнутых ногах и, вдруг, выпрямилась, словно болезнь отступила. Я увидел чёрные нити наномашин на поверхности её кожи и понял, что они выполняют роль заплаток, поддерживают жизнь в слишком быстро изнашиваемом теле. Мои сканеры считали сигнатуры её внутренних органов, и мне стало совсем не по себе: большая часть пищеварительной системы уже разложилась, а всё остальное поддерживалось ради работы на износ.

Ладонки Рейчел теперь были сухими и холодными, словно я держал под руку андроида. Мы медленно прошли по коридору до спального модуля, я открыл дверь в каюту и уложил женщину на кровать.

– Осталось совсем немного... – губы на глазах приобретали землистый оттенок, – Я постаралась записать на носитель всё, что знаю, но ты же понимаешь, что рабы могут только подсматривать за хозяевами.

– На Надонии тебе помогут. Там души живут без сфер и ловушек, – я попытался улыбнуться, но лицо онемело и не желало подчиняться.

– Сейчас я сделаю одну штуку... – Рейчел крепко сжала мои пальцы, до боли.

Тонкие змейки зашевелились под кожей женщины, я отчётливо слышал, как хрустят её кости. Наниты перестраивали тело, чтобы дать ещё несколько часов жизни. Технологии

похожие на магию. Мышцы растворялись, становясь пищей для нанитов, кости наживую пронзались тонкой проволокой, чтобы сохранить прочность, из внутренних органов сохранились лишь лёгкие, часть сосудов и нервная система.

– Жаль... Мои знания позволяют мне построить почти любой имплант и протез, а чтобы вылечить запланированное устаревание нужны другие патенты, – голос стал твёрже и увереннее, взгляд прояснился. Внешне она будто выздоровевала, – У меня очень мало времени, Вячеслав... Гарантии, что вы доберётесь до Надонии нет, а у меня... есть одна очень личная просьба...

Губы женщины порозовели, дыхание выровнялось, но последнюю фразу она произнесла очень тихо, долго собираясь с мыслями.

– Говори, я...

– Не соглашайся раньше, чем узнаешь... Уитман насилывал меня больше века. Иногда доходил до крайних форм садизма. А я была готова на всё. Я любила его по принуждению. Это часто сводило с ума и нервы не выдерживали, но Сансара возвращала меня в этот ад. Я помню всё. Я помню свои чувства к нему... Сейчас я хочу впервые за всю жизнь сделать это по своей воле без принуждения.

– Ты?.. – слова спутались в тугой клубок, из которого их выдернуть оказалось выше моих сил.

– Да. Я для этого сохраняю нервную систему и кожу. Очень хочу ощущать всё. Ведь у меня, вероятно, никогда

не будет нового тела. Прости. Это может быть слишком...
– Рейчел не сводила с меня глаз, анализируя движение каждого мускула, и говорила всё быстрее, поднялась с постели и села, – Пожалуй я зря назвала тебе своё старое имя. Я могу определить гендерное расстройство, и я точно женщина, нормальная, полноценная, генетическая женщина! Я хочу сама, по-настоящему, понимаешь?

– Хорошо, Рейчел, – мои руки сами собой легли на её плечи и притянули к себе, – Я, правда, не слишком умелый любовник.

– Мне хватит того, что в тебе нет ненависти ко мне.

Происходящее было настолько странным, что в памяти остался яркий калейдоскоп из мешанины звуков, запахов, прикосновений. Спустя пару часов я тяжело дышал, лёжа на спине, и размышлял о женщине, что посапывала рядом. Она окончательно выдохлась морально и физически. Рейчел жила в состоянии надрыва больше века, и я восхищался силой её духа. Несколько волос упало на глаза и намокло от пота и слёз. Было видно, как подёргиваются веки. Наномашины продолжали поддерживать жизнь, но уже не справлялись, и дыхание начало сбиваться. Женщина заранее составила программу, по которой её последний сон не будет прерван и отходила без боли и агонии. Я взял ловушку и поместил на грудь умирающей.

– Надеюсь тебе там будет удобно, – палец нажал на кнопку затвора в тот момент, когда остановилось механическое

сердце.

2.14 Под маской

Мне было стыдно. Я в тот момент не до конца осознавал почему, да и совершенно не хотелось в этом разобраться, но перед входом в рубку управления долго топтался, представляя взгляды команды. Василиса, услышав, как открылась переборка, хотела съязвить, даже обернулась и открыла было рот, но смолчала.

– Маршрут проложен? – спросил я.

– Да, – тихо отозвался Эджус и с грустью посмотрел на коробочку ловушки, которую я вертел в руках, не имея сил отпустить.

– Тогда начинаем серию нырков к административному центру колоний Уитмана – Коциту. Я буду на борту яхты входить в образ.

– Ловушку лучше здесь оставить, – Айдар протянул руку, и я нехотя передал душу Рейчел, поймав себя на мысли, что не использую больше слово "омега" даже во внутреннем монологе.

Шлюз Зоркого открылся с шелестом, резко, словно огрызнулся, корабль Пола проделал то же самое беззвучно и будто бы вежливо. Я раньше не замечал за техникой темперамента – она просто работала.

В мышцах сохранялась непривычная приятная усталость, а спина немного зудела от царапин. Медицинский модуль

настоятельно рекомендовал ввести антибиотики и провести ускоренную регенерацию, но я отказался. Пальцы нащупали недавний шрам на груди от выстрела Стефана Уитмана, он уже почти зажил и рассосался, но оставалось несколько бугорков. Знакомый пульт управления, в прошлый раз поразивший непривычным и неудобным интерфейсом, ожидал команд. Я сел в кресло и почувствовал, как автоматика ненавязчиво начала делать массаж одновременно меня форму спинки и сидения для удобства пилота.

– Мы стартуем, – казённо произнесла Смешная.

Я не стал отвечать, поудобнее устроившись, закрыл глаза и представил себя эгоистичным, хитрым, избалованным, жестоким, лживым, самовлюблённым стариком. Наверняка к Полу можно было применить побольше эпитетов, но Рейчел Роузен в досье отметила именно эти, как основы для поведения. С помощью эмулятора сферы, я отдал команду, и корабль вырастил прямо передо мной большое овальное зеркало. Стало гораздо легче репетировать мимику.

Когда мышцы лица начали слегка ныть от непривычных движений, результат стал заметен: складки презрения выглядели естественно, громкий смех выходил непринуждённо, а глаза уже ни на секунду не покидало выражение неизбывной скуки.

– Вход в область действия гравитации системы Коцита через две минуты, – всё так же сухо произнесла Смешная, – После отстыковки яхты, Зоркий переходит в режим молча-

ния вплоть до сигнала о эвакуации.

– Принято. Я готов.

– Удачи, Вячеслав, – голос Смешной дрогнул. Она очень хотела сейчас отпустить свои эмоции, но долг не позволял, а значит придётся ещё какое-то время побыть больше машиной, чем человеком.

– Спасибо. Вам всем большое спасибо за вашу работу! До связи.

Мониторы ожили, когда яхта обрела свободу. Трансляции показывали окружение чётко с подробными деталями. Крупная голубоватая звезда жёстко облучала останки своих планет. Рой Дайсона, самый плотный из когда-либо виденных мной, перекрывал не меньше шестидесяти процентов излучения. Платформы, сравнимые по размерам с планетами, вращались вокруг светила синхронно, как и положено деталям сверхточного механизма. Тёмные рукотворные глыбы искрились светом мегаполисов на теневых сторонах, а вокруг мелкой пылью сновали километровые транспортные корабли.

Я перепроверил своё местоположение и подключился к распределённой сети управления полётами, чтобы получить указания для маневрирования. Ответ, полученный через секунду, ошеломил меня. Диспетчерский автомат предлагал выбрать любую удобную мне траекторию сближения с центральным элементом роя, а все потоки в триллионы единиц груза будут скорректированы ради моего удобства. Такое ра-

болепие способно избаловать кого угодно. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рассчитывать оптимальный для всех участников путь, а небрежным росчерком мысли проложить именно для себя кратчайший маршрут в гравитационном поле. Яхта включила автопилот и понеслась, периодически корректируя траекторию, пробираясь всё глубже к сердцевине роя Дайсона похожего по форме на пиалу для чая.

Гигантская чаша, повёрнутая вогнутой стороной к звезде, со столицей системы, приближаясь, неспешно росла на мониторах, появились навигационные указатели. Космос давно поменял моё восприятие расстояний: объекты перестали казаться близкими из-за своих размеров. "До посадки ещё больше часа" – крутнулась в голове мысль и зависла, словно звук единственной нажатой клавиши на синтезаторе. Оцепенение мышления не прошло, когда началось торможение перед стыковкой, и я понял, что адски устал за последние две недели. Пришлось совершить усилие над собой, чтобы принять управление у автопилота. Лёгкий толчок и яхту подхватили лапы фиксаторов, чтобы разместить на раме под гигантским куполом. И снова меня поразила апатия: выйти из корабля показалось сродни подвигу. Непослушные руки мяли лицо, глаза хотелось закрыть и оставаться на месте. Я ведь уже передал достаточно информации, чтобы начать подготовку к противостоянию. Рейчел подарила просто гигантский объём данных, и наши умники обязательно придумают чем ответить Гегемонии. Наверняка даже постараются обо-

тись без полномасштабной войны. Возможно, найдётся способ договориться и с Мамочкой, и с Директоратом. Они ведь такие же люди, как мы...

– Господин Уитман? Простите меня пожалуйста! Вы слишком долго не выходите из корабля. Всё в порядке? – на мониторе стоял, вытянувшись в струнку, молодой мужчина в белоснежной парадной форме и со страхом всматривался в одну из подвижных камер, ожидая моего ответа.

– У меня всё хорошо. А у вас? – я хищно оскалился половиной рта, чем вызвал дрожь ужаса у встречающего.

– У нас тоже всё хорошо! – выпалил мужчина на одном дыхании и тут же набрал новую порцию воздуха, но замолчал, не зная, что говорить, но и выдохнуть не мог.

– Я выхожу, расслабься... Но не слишком...

Нет никакого удовольствия в наблюдении за подчинёнными, которые выслуживаются, а тем более испытывают страх перед начальством. Есть несколько патологий развития мозга и личности, когда чужие страдания вызывают выбросы гормонов удовольствия. В дикой природе это имеет некоторый смысл для выживания, хотя и там от самых жестоких и агрессивных стая стремиться избавиться. Ступая по ступенькам трапа, я чувствовал, что передо мной стадо. Группа из пяти встречающих, каждый с множеством аугментаций, в дорогих, строгих костюмах, с ухоженной кожей на лицах – все представлялись мне скорее смышлёнными животными, чем равными представителями моего вида. Я потрянул голо-

вой в попытке избавиться от суждения, надеясь, что оно вызвано моей ролью, но не вышло. Рты, растянутые в улыбках, синхронно сверкнули идеальными зубами. Глаза блестели и ловили каждое моё движение.

– Ваше руководство уже поняло, почему я так быстро вернулся? – спросил я, и вновь вызвал замешательство и страх.

– Нас... нам приказали только встретить вас и проводить в апартаменты, чтобы отдохнуть с дороги, – скороговоркой протараторил Стив, судя по нашивке на груди.

– Моя яхта позволяет путешествовать с бОльшими удобствами, чем ваши апартаменты, – ни к кому не обращаясь, пробормотал я, проходя мимо группы: внимания они не стоили.

В эфире постоянно вещалось множество каналов с развлекательными передачами, даже новости подавались, как шоу из пёстрых лоскутков, направленных на вызов ярких и контрастных эмоций. Если вникать в такой шум, то очень быстро можно обнаружить себя потребляющим поток бессмысленной и слабоструктурированной информации, забывающейся сразу же после просмотра. Мне даже стало жалко тратить ресурсы своих имплантов на анализ всей этой чуши, и я смахнул из сознания все каналы и с тишиной внутри шагнул в транспортный модуль для перемещения важных персон внутри мегаполиса. Рейчел оставила некоторые рекомендации для ориентирования, так как бывала во владениях Уитмана, сопровождая его. Я уверенно ввёл координаты ад-

министративного центра, и небольшая машина на реактивной тяге взмыла над посадочной площадкой.

Некоторое время внизу мелькали плотно упакованные склады и небольшие производственные цеха, а сама сердцевина столицы Коцита едва приближалась, подмигивая множеством огней. Это был город вечной ночи, выросший на гигантской чаше платформы. Судя по отсутствию климатических и осветительных спутников, здесь не задумывались о суточном цикле. Энергия звезды поглощалась вогнутой стороной и тратилась на населённую выпуклой. Подключившись к информационной сети, я узнал, что основное население живёт и работает под поверхностью и никогда не видит даже чёрного неба и звёзд, а только металлические потолки и своды. Вспомнился закат на Талиме, где жёсткий свет Тельгарна смягчался воздушными и силовыми барьерами, чтобы стать безвредным для глаз и необычайно красивым для туристов. Человеку нужно видеть солнце, пусть не родное жёлтое, но это очень важно: знать и чувствовать, что в бескрайней пустоте рядом есть источник тепла и света.

Наконец столица заняла весь обзорный монитор, а потом резко напрыгнула и замерла. Я приземлился на центральной площади у здания администрации и сразу же направился к главному входу.

– Господин Уитман! – по плитам площади бежал главный управляющий системой Коцит, довольно высокий смуглый мужчина средних лет, в хорошей физической форме. Из

окон здания за ним украдкой наблюдали сотни лиц.

– Мне не нравится, что в моём присутствии люди бросают работу и начинают пялиться, Кумар, – скучающим голосом бросил я, не меняя ни скорости, ни направления.

Кумар Говинд неуклюже семенил спиной вперёд с выражением полной растерянности на лице.

– Простите... – администратор испустил мощный сигнал на открытой частоте, и все зеваки скрылись в глубине офисов.

– Я решил лично ознакомиться с результатами разработок, – Кумар от моих слов ещё больше растерялся, споткнулся и растянулся у основания лестницы, ударившись затылком о каменную плитку мостовой всего в сантиметре от угла первой ступеньки. Моя скорость снова не изменилась, а общение продолжилось по радио.

– Правила меняются, – произнёс я в эфир, – Раньше было достаточно того, что вы показываете, а теперь я хочу смотреть своими глазами.

Кумар успел отряхнуться и пробежать изо всех сил всю лестницу, чтобы открыть передо мной двери.

– Господин Уитман, мы предоставим вам любые отчёты по запросу...

– Нет! – я рывкнул и сделал шаг к администратору, – Нужен полный доступ к любым рабочим файлам. Разговор окончен.

Несчастный сжался в комок на полу, обхватив руками ко-

лени и зажмурился, но тут же подскочил и бросился куда-то по коридору.

Роль Пола оказалась не слишком сложной и была сыграна хорошо. Информационный центр находился глубоко под зданием, погружённый в гигантский бассейн с жидким гелием. Рэйчел рассказала, что для защиты данных используется старый аппаратный метод: полное отсутствие выводов во вне. Вычислительные блоки могли только получать сигналы из сети, но не было никакой возможности считать результаты их работы, кроме непосредственного подключения оператора в специальной комнате.

Я подошёл к контрольному пункту. Четверо охранников опознав сигнатуру души Пола вытянулись по стойке смирно, боясь дышать, и только боевые антропоморфные роботы продолжали следить за мной. Эти жутковатые машины управлялись химерой из искусственного интеллекта и омегами рабов, сильно ограниченными с помощью контролирующих систем их душевных сфер. Едва ли в них теплилось полноценное сознание. Не уверен, что эффективность такого симбиоза была выше, чем у чистых синтетиков. Очередной пример жестокого наказания, сродни древним мифам о вечных проклятиях.

Лифт буквально выстрелил в шахту, набирая дополнительную скорость с помощью реактивных двигателей. Ускорение вызвало сильный дискомфорт, но удобное кресло с компенсаторами помогало удерживать в желудке остатки

завтрака.

Холод и пустота. Лишь доверенные операторы парами спускались сюда раз в несколько суток, чтобы достать очередной кусок знаний и передать в личный архив владельца Коцита на Приму.

Сумрак. Машинам не нужен яркий свет, а только энергия и код, который даёт им смысл бытия, одновременно являясь и самим бытием.

Моя цель – комнатка в конце коридора с единственным креслом и небольшим обручем на голову для присоединения человека, висящем на подлокотнике. Пластик сидения неприятно холодил даже через одежду, а обруч впивался в лоб чуть выше висков своими острыми гранями. Я дал команду на загрузку и ничего не почувствовал, потому что код оказался несовместимым с моими дешифраторами. Что ж, специалисты разберутся, а мне даже не хочется вникать в деятельность корпорации. Кажется, я и так слишком много увидел здесь, чтобы заслужить реабилитацию.

2.15 Первый круг

В голове непривычно гудело. Информация почти полностью заняла все мои накопители. Я никак не мог сосредоточиться и встать, зрение подводило – всё плыло перед глазами. Прохладный стерильный воздух с сильным запахом озона проникал в лёгкие и, казалось, растворял их, словно кислотой, но дышалось легко. Сознание захватывали спокойствие и апатия. Какая-то одинокая частица меня, сохранившая волю, суетливо копошилась в голове, словно в поисках чего-то крайне важного. Я распался на мелкие кусочки и целиком состоял из осколков, никак не желающих объединяться.

Белые стены. Не идеальные. С разводами и дефектами текстуры не от времени, а потому что дешёвые. "Стоило покинуть центральный мир, и сразу облетела позолота..." – подумал я. Логические цепочки змеиным клубком заворачивались внутри головы. "В колониях всегда хуже, чем в метрополиях, – возникла очевидная мысль и так же очевидно продолжилась, – Удержать рабочих в провинциях можно силой или наркотиками." И в этот момент я понял, что нарушения когнитивных (мыслительных, прим. авт.) функций никак не связаны с переполнением данными. В атмосфере в избытке присутствовали психотропные вещества. Неизвестные моим рецепторам соединения постепенно лишали воли.

В другое время, возможно, эффект не был бы таким сильным, но сейчас ударная доза наркотиков наложилась на усталость и стресс.

Осознав проблему, я запустил более глубокий анализ воздуха. Коцит в очередной раз смог удивить: на субъективном мониторе поплыли изящные схемы множества транквилизаторов, нейролептиков, седативов и прочей химии. Фармакологическая группа имплантов не могла быстро справиться с таким коктейлем самостоятельно, пришлось применять собственные знания и оптимизировать выработку антидотов.

Наконец вернулась способность управлять своим телом, я встал и пошатываясь направился к лифту, опершись рукой о стену. Тошнило. С трудом удерживая в желудке скромный завтрак, я выдавил ухмылку на пункте охраны. Подбежал незнакомый молодчик и растянул лицо в улыбке.

– Господин Уитман! Управляющий колонией направил меня к вам, чтобы...

– Заткнись... – грубость далась легко. Я обратился через эмулятор сферы души к окружению, надеясь, что Пол оставил для себя возможность поиграть в бога среди обычных смертных. Оставил. Откликнулось всё: воздух, само здание, импланты всех до единого служащих вокруг. Я видел тысячами глаз, слышал оглушающий рёв множества мысленных потоков, чувствовал многокилометровой лоскутной поверхностью чужой кожи. Не просто подглядывал, словно оператор скрытых жучков и камер, но имел полный доступ, боль-

ший, чем личности людей заключённые в телах, мгновенно перешедших под мой контроль.

– Простите! – выкрикнул молодой человек, – Я исполню всё...

Я хотел повторить приказ, но с удивлением заметил, как охранники синхронно повернулись и набрали воздуха, чтобы хором повторить за мной. Власть над жизнями людей у владельца корпорации оказалась полной и безграничной до той степени, когда все дёргаются на ниточках, не в силах самостоятельно даже справиться нужду. Я отключился от управления персоналом, запросил ближайшие рои наномашин о помощи в детоксикации, посмотрел на трясущегося передо мной юнца и негромко, с некоторой лаской повторил:

– Заткнись... – немного погодя добавил, – Как тебя зовут?

– Р-реджис, – в словах ощущалась неуверенность, – Реджис Кук.

– Хочу прогуляться по городу. Можешь побыть тенью, – всё произносилось через зубы, в сторону, не глядя на парня.

Лёгкое движение мысли, и через секунду элитное такси уже ждало у выхода. Реджис поспешно заказал машину себе, было слышно, как он говорил с кем-то по коммуникатору, чтобы получить транспорт, как можно скорее. Он не рискнул попроситься лететь вместе со мной, и это было правильно: Пол Уитман в дурном настроении мог бы выкинуть спутника на высоте просто шутки ради. Располагаясь поудобнее на широком сиденье, я обернулся и увидел, как молодчик со-

средоточенно смотрит в мою сторону, вцепившись в штурвал ручного управления – смертным запрещалось управлять транспортом с помощью нейроимплантов.

Манёвренность люксового аэрокара ограничивалась лишь объективными законами физики, тогда как машина Реджиса была запрограммирована соблюдать скоростной режим, правила движения и прочие установки создателей, поэтому двигаясь над административным центром, я закладывал сложные виражи, но старался, чтобы мой хвост не оторвался.

Верхний слой престижного жилого района светился цветными огнями рекламы. Сотни небольших бутиков и магазинчиков облепляли жилые здания, словно паразиты или фурункулы. Запутанные дорожные развязки образовывали сеть, где каждая узловая точка стремилась объединиться со всеми другими, что приводило только к усложнению и ухудшению ситуации с пробками, несмотря на преобладание воздушного транспорта. Чуть ниже располагался уровень для людей победнее, там грязнее, кучнее, нет летающих машин. Сеть Коцита показывала мне всё нутро столичной платформы. Этот слоёный пирог был населён на всю глубину, до последнего этажа, где основанием зданий служили солнечные батареи, питающие энергией всё в этом искусственном мире.

Я приземлился посреди площадки у развлекательного комплекса, построенного в честь владельца системы – очевидно элитного заведения для местной верхушки. Реджис неуклюже плюхнулся на парковку, но не спешил выходить

из машины. Множество систем видеонаблюдения передавали его лицо с закушенной губой в разных ракурсах. Он злился, но боялся в этом признаться даже себе.

Широкая лестница из прозрачных ступеней слабо подсвечивалась изнутри цветными лампами, а сверху обильно заливали неонам яркие рекламные огни, отчего кожа немногочисленных посетителей и охраны принимала неестественные оттенки. "А ведь немного похоже на старые фантастические фильмы докосмической эпохи, – подумал я, – Только там кроме пёстрых цветов персонажи отличались ещё и причудливыми формами."

В секьюрити сразу угадывались глубоко аугментированные люди: стройные, невысокого роста, но очень быстрые. Один из них достал сигареты, зажигалку, чиркнул прикурил, сделал несколько затяжек и выбросил окурочок – на всё ушло не больше трёх секунд. Я коснулся его через сканеры Коцита и не нашёл других расширений, кроме боевых. Узкая специализация в мире с жесточайшей конкуренцией никогда не позволит подобным сменить род деятельности и тем более класс. Приговорённые от рождения на одну единственную работу.

Моё приближение преобразило группу охранников. Все вытянулись в две шеренги по бокам сужающейся лестницы и внимательно следили за высочайшим гостем, периодически бросая быстрые взгляды мне за спину, на Реджиса, который наконец приблизился к основанию крыльца и топтался вни-

зу.

– Господин! – вперёд выбежал человек в чёрном костюме с бабочкой и поклонился, – Добро пожаловать в наш центр удовольствий.

– Мне не нужна нянька... – перемена выражения лица с учтивости на страх и стыд заставила почувствовать себя неуютно от жалости к несчастному, – Если мне не изменяет память, то это МОЁ заведение, как и всё остальное в этой системе вместе со звездой.

Администратор даже присел, а его руки с растопыренными пальцами механически поднялись к голове. Уитман вероятнее всего наслаждался бы лизоблюдством, а я отыгрывал роль хоть и жестокого, и властного человека, но слишком зрелого, имеющего конкретные цели.

– Я хочу всего лишь взглянуть, как там всё работает, – похлопывание по плечу хозяйской рукой приободрило администратора, и он часто закивал, а я убедился, что имплант для слезки прижился у него под кожей, – Вот и отлично. Как считаешь, я не слишком часто здесь бываю?

Человек съёжился под моим взглядом, лихорадочно размышляя, ведь он был уверен, что угоди мне сейчас, и сможет схватить удачу за бороду.

– Вы бываете тут почти каждый раз, посещая Коцит.

– Как ты думаешь, там внутри есть хоть кто-то достойный беседы? Кто-то, кто смог бы меня удивить или тронуть за душу?

Администратор опустил глаза и прошептал:

– Не знаю...

– Скажи, ведь любой из гостей готов лизать мне ботинки, если прикажу?

Человек нашёл в себе смелости встретиться со мной взглядом и произнёс уверенно и, показалось, обречённо:

– И без приказа тоже.

– Тогда расслабься. А я, пожалуй, развлекусь в другом месте.

Спиной я чувствовал на себе взгляд нескольких людей, когда спускался вниз. Реджис неуклюже пятился, пока не споткнулся и кубарем полетел по ступенькам. Он торопливо отряхнулся и не нашёл ничего лучшего, чем вытянуться в струнку и улыбаться мне своими ухоженными зубами.

Среди сливок общества мне не найти самого главного в Промзоне, нужно спускаться ниже, туда, где живут те, кто создаёт все ценности этого мира. До эвакуации оставалось ещё около суток. Добраться до самого дна я не успевал, но вполне возможно пройти несколько ярусов и вернуться на поверхность до того, как Смешная, подчиняясь приказу, нырнёт к сектору Союза.

– Больше ты мне не нужен, – сказал я Реджису, проходя мимо и постепенно сменяя быструю ходьбу бегом. Система отслеживания граждан перестала смотреть в мою сторону по первому приказу. Я стал движущейся тенью, за которой не могли бы уследить даже изменённые глаза охранников.

Реджис, внезапно потерявший меня из виду, срочно позвонил своим боссам, чтобы доложить.

Верхушка Коцита боялась самодурства хозяина, тем более что нынешнее поведение отличалось от виденного ими ранее. Внутри сети передавались зашифрованные уникальными ключами сообщения. Генеральный директор был уверен, что Пол Уитман не сможет перехватить и прочитать их, и это было правдой. Вот только в отличие от пола я умел разгадывать ребусы и посложнее.

"Степень секретности высшая.

Ген. Директор Гумар Ковинд

Управляющему службой безопасности Йолю Крейгу

Инициировать военную форму протокола "Поиск агента".

Собирать и переводить в вечное хранилище любую информацию о перемещениях и действиях объекта "Владелец".

Степень секретности высшая."

Они не понимали и боялись, а у меня были полностью развязаны руки. Пол вложил во всё вокруг технологии, позволяющие ему играть роль бога. Я не собирался метать молнии и отращивать крылья – достаточно поговорить с несколькими инженерами и остаться при этом всего лишь невидимым духом.

2.16 Кофе-брейк

Технический коридор оказался достаточно широким и высоким для удобного бега трусцой, хотя я заранее приготовился ползать среди переплетения кабелей на четвереньках. Установить тут закладку было невозможно – ежеминутно роботы-обходчики, патрулируя коммуникации, заглядывали в каждый уголок. Неприметная вертикальная лесенка, выкрашенная в серый цвет, ныряла в узкий лаз. Я сверился с картой и решил, что это подходящее место для перехода на уровень, где жили рабочие, обслуживающие быт менеджеров и офисных работников, а также инженеры-разработчики. Взгляд вниз подтвердил относительно небольшую высоту, и я прыгнул, обхватив рукой край лестницы для приотраживания.

На уровне гулял сквозняк и перемешивал достаточно чистый воздух, если не считать антидепрессанты, чья концентрация заметно возросла. На нешироких улицах немногочисленные пешеходы шли по своим делам. Здесь, ради экономии места, уже не было личного транспорта – а только лифты и вагончики в вакуумных туннелях. Рекламы не стало меньше, наоборот теперь она проецировалась на все поверхности без исключения, но размеры отдельных баннеров сжались, а границы между ними исчезли. Порой было невозможно понять, где кончается одна завлекающая картинка и

начинается другая.

– Ты должен это попробовать, дружище! – совсем молодой мальчишка подбежал ко мне, – Это совершенно новые ощущения! Нашей компании удалось сжать само время! Представь! Ты спишь пять часов после работы, а потом в оставшиеся три до начала нового дня живёшь на курорте! Только по субъективным ощущениям это будет три недели! Здорово, правда? Три недели VIP развлечений каждый цикл! Всего за двухдневный заработок!

Я не перебивал, ждал, когда закончится речёвка, чтобы просто проигнорировать и пройти мимо, но промоутер, переводя дыхание начал сначала, чуть изменив слова и интонации.

– Отстань! – я попробовал отодвинуть назойливого парня, но он увернулся и снова забежал вперёд.

– У нас всегда есть скидки для новичков и программы рас-срочки!

– Сейчас ты получишь в ухо кулаком!

Промоутер моргнул и чуть-чуть втянул голову в плечи, но даже не запнулся:

– Только сегодня есть возможность попробовать бесплатно специальную версию! А для вас мы разработаем уникальную персональную программу... – внезапно наступила тишина. Парень попытался считать мой идентификатор, чтобы обратиться по имени, но не смог получить данных. Он не понимал, как такое может быть и растерялся.

– Просто отойди в сторону...

Рекламщик мелко затрясся и забормотал:

– Простите, я не знал, что вы оттуда, – трясущийся палец указал вверх.

– Если начнёшь про меня болтать, то будут неприятности, понял?

Вместо ответа, юноша кивнул и быстро перебежал к другому прохожему. Сворачивая в переулок, я услышал хлёсткий удар. Промоутер растянулся на полу и зажимал щёку. Несколько машин-полицейских, похожих на пауков, отделились прямо от стен и метнулись к ударившему, схватили его за руки и монотонно зачитывали вслух нарушенные пункты законов. Побитый рекламщик сплюнул выбитый зуб с кровью и счастливо заулыбался. Продавать на этом уровне развлечения становилось всё труднее, судя по аналитике, выданной сетью на мой запрос, а за телесные повреждения полагалась компенсация и несколько дней больничных.

Судя по карте, совсем рядом находился небольшой производственный кластер. На подходах стояла комбинированная охрана из людей и андроидов. Мгновение я размышлял, как поступить, и наконец решил подождать до конца рабочего дня, и не контактировать со службой безопасности, благо смена инженеров должна была произойти уже скоро: несколько человек уже пришли и молча ждали у пропускного пункта, представляющего собой узкий коридор с датчиками и автоматическими турелями. Само здание почти не

отличалось от стоящих рядом глыб таких же пёстрых из-за баннеров, кроме того, что к нему тянулось больше силовых магистралей для энергоснабжения.

– Сегодня сообщение пришло, что нужно все прототипы довести до эксплуатационной готовности, – сообщил пожилой мужчина коллеге, проходя в нескольких метрах от меня.

– Не завидую тестерам, – ответил ему специалист помоложе, – Простой раз потеряли сотню прежде, чем нашли ошибки.

– Учиться надо было... – пожилой произнёс эти слова с фанатичной твёрдостью.

– Я получил образование только потому, что родители были инженерами, а не обслугой. Иначе бы...

– Вот именно! Дети с уровнем рабочих ничего не хотят делать и жить на пособие добровольного тестера, как и их родители... А ещё больше хотят попасть в медиасектор.

Пара подошла к группе у пропускного пункта, и я перестал слышать разговор из-за акустических глушилок. Очередь зашевелилась, и шлюз наконец открылся, чтобы впустить первого рабочего. Я прикрыл глаза и сосредоточился на поиске в сети сведений о предприятии, но узнал только название, владельца, список выпускаемой продукции, да график работы. До конца пересменки оставалось полчаса.

Лёгкий запах кофе коснулся моего носа. В десяти метрах пристроилось кафе. Его хозяин и по совместительству бариста хлопотал у машины – очевидно готовился к наплыву по-

сетителей. Захотелось оценить его мастерство, тем более что время позволяло.

– Здравствуйте! – я открыл прозрачную дверцу, и запах усилился.

– Вы опоздаете! – худощавый мужчина суетился с порошками и даже не обернулся, – Первая порция "Бодрячка" будет только через пару минут.

– Я не спешу... – пластиковые стены придавали словам мягкость и приглушали.

Господин Вит Ряженский повернулся и смерил меня взглядом. Его усики, закрученные и навощённые, нервно дёрнулись, словно кроличьи.

– Вы не из считальни напротив? – хозяин указал подбородком в сторону производственного здания с опустевшей проходной.

– Просто прохожий, которого привлёк запах, – я улыбнулся максимально дружелюбно и сделал лёгкий поклон.

– Просто прохожих не бывает... Ой! – Вит несколько раз сморгнул и вернулся к работе, – Извините, пока не откроюсь не могу болтать!

Я уточнил запрос по кафе и понял, что передо мной не истинный хозяин, а франчайзи. По сути, обычный наёмный рабочий, вот только с ответственностью владельца. Теперь он торопился, потому что задержка грозила ему штрафом и даже отзывом лицензии. Пришлось тихонько сесть за столик и подождать. Отпала необходимость караулить инженеров,

ведь теперь точно известно, что часть из них придёт сюда за "бодрячком", который поможет им украсть пару часов у собственного сна.

Вит Ряженский закончил настройку и тяжело вздохнул. Его дела шли не слишком хорошо, а обязательные платежи снова поднялись, но человек не унывал и, судя по его финансовым отчётам, собирался взять ещё одну точку "Зарядника" (Charger, англ., прим. авт.), поставив на своё место сына. Анализ документов показывал, что прибыль Ряженского снижалась планово, но каждый раз оставалась лазейка для выживания – таким образом ему навязывали нужное поведение.

– Чашечку бодрости?

– Пожалуй большую кружечку.

– Секундочку!

Бариста совершил длинную серию заученных движений, среди которых было много лишних, но они служили для создания атмосферы, кажущегося присутствия волшебства в заведении. Я вспомнил Талим, где в туристических центрах поддерживалась атмосфера сказки. Песчаная планета дарила впечатления, как приятное дополнение к отдыху, а жители оазисов создали свой мир таким, каким именно они хотели, чтобы быть счастливыми. Тут всё было иначе: навязанные франшизой ритуалы выглядели искусственно, а иллюзия имела лишь одну единственную функцию – увеличение продаж. Вит Ряженский не верил в свою работу, выполняя

её механически, а Радим Сахи Иммад Самфири наслаждался своим трудом наверняка больше, чем нанимавшие его туристы.

Напиток действительно содержал компоненты идентичные кофе и обладал насыщенным вкусом, немного обезличенным, чтобы нравиться большинству и очень сильным, чтобы не быть спутанным с другим.

– Как думаете, а почему Charger Industry не перешло на полностью автоматическую торговлю напитками? – зная точный ответ, мне хотелось узнать уровень мышления этого человека.

– Даже если меня тайно заменят киборгом, то рано или поздно об этом станет известно. Перекинуться парой слов с человеком и роботом это две большие разницы, приятель, – Вит, согласно инструкции, сделал многозначительный взгляд "внутрь посетителя", и положил локти на стойку, наклоняясь вперёд.

– А ещё автоматам нельзя недоплачивать, – забросил я удочку, но Вит словно ничего не понял и лишь покивал головой.

– Возможно и так... Вы, конечно, по-своему правы.

Мои пальцы сжались на кружке от бессильной ярости. Очень хотелось рассказать, показать, доказать, но нельзя. Слишком рано, да и не хватит мне навыков, чтобы от проповеди был толк.

Зашли первые работяги. Зашуршали подошвы, задвига-

лись стулья, кто-то причмокивал в предвкушении, другие продолжали начатые ранее беседы. Я надеялся, что среди них окажутся живые люди, потому что бармен принял роль автомата по форме и подгонял под неё своё содержание слишком успешно.

2.17 В поисках лифта

– Я видел! Вся новая партия тестеров из пожилых... Сверху пришёл приказ ускорить все работы. Мой брат обронил в разговоре, что их тоже торопят, – мужчина средних лет с чёрными зачёсанными назад волосами говорил громко и размашисто жестикулировал. Вокруг него собралась небольшая группка, даже передвинули несколько стульев от других столиков.

В воздухе появился новый компонент, которого не было на улице: лёгкий наркотик, вызывающий небольшую спутанность сознания и снимающий напряжение, притормаживая области коры мозга ответственные за критическое мышление. Импланты выполнили визуализацию распространения вещества и стало ясно, что оно не подавалось через вентиляцию, а было щедро добавлено во все напитки, кроме моего.

– А почему мне не досталось особой бодрости? – тихо спросил я у баристы, перегнувшись через стойку, чтобы не услышали лишние уши.

– Вы знаете лучше меня, господин, – так же шёпотом ответил Вит, – Если прикажете, я приготовлю для вас по обычному рецепту.

Серые глаза баристы смотрели в мою сторону, но постоянно избегали подниматься выше кончика носа, а любое слово произносилось приглушённо, но очень чётко, едва ли не по

слогам.

– Почему я не вижу различий между нами, а вы всё-таки опознали во мне не простого гражданина?

– Всё здесь устроено по времени и чёткому плану. Те, кто опаздывает или слишком торопится очень быстро остаются без денег и... Ну вы сами знаете.

– Без денег здесь не купить даже глотка воды.

Вит Ряженский кивнул и выставил несколько новых кружек с напитками и тарелки с питательными лепёшками.

– А чем расплатился я?

Этот вопрос смутил баристу, а его лоб сморщился множеством складок.

– Ну... Когда я сделал запрос на оплату у вашего идентификатора, то ответ был странным, но система его приняла. Тут я окончательно понял, кто вы. Всё ещё хотите "бодрячок" по стандартному рецепту?

– Он всё равно не подействует так, как должен... Надеюсь не нужно объяснять, что я тут инкогнито?

Вит часто заморгал и скороговоркой произнёс: "Yeah-yeah-yeah!" – что очень походило на кашель.

Оттолкнувшись от стойки, притворяясь чуть захмелевшим, я протиснулся к столику, где продолжал ораторствовать прилизанный брюнет. Его бредни с хрестоматийными теориями заговора меня не интересовали, но среди его слушателей была выше вероятность встретить нужных мне людей, чем среди напивающихся под пошлые анекдоты или об-

суждающих последние ставки на матчи в тотализаторах. Заодно я обратил внимание на монитор, передающий новости, там смаковался сюжет с избиением хулиганской группой до смерти менеджера с верхнего города, который имел неосторожность пристраститься к стимуляторам и часто навывался в рабочие кварталы. На нижних уровнях достать препараты было намного легче, и их приём не попадал в отчёт для страховой компании.

– Тиль, ты уже клялся своей задницей, что бессмертный хозяин это слизень из соседней галактики! – молодой парень вставил слово в короткой паузе, пока черноволосый делал очередной глоток. Окружающие дружно загоготали, а сам Тиль от злости брызнул "бодростью" через нос и закашлялся.

– Ты и вправду дурак, Туве, – прорвался через смех голос молодой женщины, единственной среди всех посетителей, – Истории Тиля ничем не хуже шоу с любого эфира. Да только Тиль чаще меняет программу, и не успевает так сильно надоесть.

– Джесс, ты сейчас ударила бедного Тиля по самому больному! – Туве показал большой палец и салютовал кружкой.

Рассказчик наконец прокашлялся и злобно смерил взглядом сначала парня, потом девушку, ещё раз прочистил горло и произнёс:

– Местные хозяйчики готовятся к тому, чтобы создать собственное Чистилище и вырвать для себя бессмертие. Как только Гегемония потеряет монополию на вечную жизнь, то

сразу же нападёт. Если Коцитом правят не дураки, то объединятся с мирами-верфями, – я напрягся, потому что впервые встретил упоминание о месте, где строятся корабли. Источник не внушал доверия, вот только лучше работать со слухами и легендами, чем с полным отсутствием информации

– Эх, Тиль, тебе бы на шоу выступать! – Джесс опрокинула в себя остатки напитка и сделала несколько шагов и приседаний, чтобы размять затёкшие ноги, а Туве следил за ней взглядом, полным хмельного желания.

– Господа! – Ряженский взобрался на складную лесенку и постарался перекрыть множество голосов, – Господа! Все желающие ещё могут заказать по последней порции! Помните, что через час полиция начнёт патрулирование улиц, чтобы обеспечить всех работников покоем и отдыхом перед новой сменой!

Видимо эта речь была частью ежедневной рутины и не произвела особенного впечатления на публику. Несколько человек поднялись и вышли, слегка покачиваясь, остальные сгруппировались поближе к Тилю. Новых заказов никто не сделал.

– Джесс, позволь мне проводить тебя? – Туве всё-таки решился.

– Дружище, я уже много раз говорила тебе, что вырвусь с этого яруса... Понимаешь? – Джесс наклонилась к парню так близко, что они коснулись кончиками носов, – Ты готов,

к тому, что останешься тут один?

– Лучше быть счастливым один миг, чем вообще никогда, – длинные пальцы обхватили девушку за талию, а лёгкие набрали побольше воздуха, чтобы сказать ещё что-то.

– Тогда лучше молчи... И пойдём отсюда, – перебила Джесс, взяв Туве за руку и рывком подняв со стула.

К этому времени я уже ждал парочку снаружи, в мире тёмного и низкого рукотворного неба с рекламными проекторами вместо луны и звёзд, и продолжал подглядывать и подслушивать, подключившись к всевидящей системе наблюдения. Очень не хотелось отнимать время у этих двоих, но они оказались самыми подходящими кандидатами.

– Можно у вас спросить? – обратился я к Туве.

– Мы тестеры, – солгал парень и сильно оттянул кожу на щеке, – Мы владеем лишь этим мясом (We are own only flesh – У нас есть только плоть, прим. авт.)

– Я не знаю местных порядков... – мне пришлось изображать смущение, – Я случайно попал на этот уровень сверху и не могу найти дорогу назад.

Джесс пару секунд изучала моё лицо, попыталась даже обратиться к идентификатору, но, имея допуск младше баристы в кафе, не получила никакого ответа.

– Он не читается. Похоже не врёт, – сказала она.

Туве посмотрел на меня исподлобья и разочарованно проворкотал:

– А чем мы ему поможем-то?

– Сделаем небольшой крюк и проводим к аварийному элеватору, – Джесс сразу взяла меня под локоть, чем сделала меня для своего кавалера врагом, – Если он заблудился, то сам не выберется, а полиция сначала тащит в накопитель, и лишь потом устанавливает личность. Тут всего три сотни метров.

Туде вздохнул и двинулся следом за нами в угрюмом молчании. Я сразу же освободился от руки Джесс, чтобы провоцировать поменьше ревности. Путь действительно оказался коротким, но совершенно запутанным, и состоял целиком из поворотов.

– Как вы вообще сюда попали? – спросила Джесс.

– Я личный курьер. Так вышло, что задержался на маршруте и повернул не туда...

– А... – протянул Туде, поняв, что я мелкий служащий, он слегка оттаял, – ИИ навигатора решил, что ты самовольничаешь и перестал показывать дорогу. Ты не знал об этом?

– Нет, – искренне удивился я.

– Пришли, – Джесс показала рукой на лифт, – Он возьмёт с тебя плату, конечно, и сообщит твоему работодателю, но доставит на нужный этаж.

– Спасибо! – настал момент задать вопрос, из-за которого я устроил спектакль, – Простите меня, но я случайно услышал часть вашего разговора... Вы действительно верите, что можно сменить ваш этаж на верхний?

Джесс замялась. Было видно, что сомнения делят её поровну с упрямством и целеустремлённостью. Она внезапно

выпрямилась, вскинула голову и твёрдо произнесла:

– Да. Можно завести полезное знакомство...

– Заплатить посреднику и продать себя в рабство, – буркнул Туве.

– Иди домой! – взвизгнула Джесс. Её лицо исказилось, стало неприятным и безумным, – Ты не веришь в меня! Хочешь владеть, как вещь...

– Простите! Я не хотел... – от чувства вины защипало глаза.

Туве безнадёжно покачал головой, махнул рукой, обвисшей плетью, и сломленный окончательно скрылся за поворотом. Девушка всё ещё стояла передо мной и собиралась с мыслями, чтобы спросить что-то.

– Вы хоть раз видели там, – она подняла палец вверх, – Хоть одного, кто смог подняться отсюда?

Я чувствовал, что от моего ответа её вера вряд ли пошатнётся, но всё же попробовал:

– Никогда... Никого. Я сейчас выскажу крамольную мысль, но не стоит вызывать полицию, – подбородок Джесс при упоминании стражей порядка дёрнулся вверх и возле носа на миг возникли складки презрения, – Существует легенда, что не весь космос принадлежит Гегемонии, и где-то далеко есть по-настоящему свободные миры, и люди там равны между собой.

Я приложил палец к губам в древнем жесте, обозначая свои слова, как тайну.

– Вам нужно с Тилем выступить на сцене с такими историями, – Джесс грустно улыбнулась, а я понял, что совершил большую ошибку: теперь моим словам она поверит не больше, чем пьяным байкам.

– Я был там, – импланты позволили моему лицу «танцевать», изменяясь на каждом слоге, целенаправленно вызывая безусловное доверие, – Вам пора. Помиритесь с Туве как можно скорее – он отличный парень.

Ошеломление и оцепенение Джесс быстро прошло, и девушка почти убежала догонять своего кавалера. Мне же предстояло ещё найти и изучить "тестеров", чтобы сложить полноценную картину об обществе Коцита. Пока выходило, что население здесь было словно законсервировано и находилось на том же самом уровне сознания, как и в других корпоративных мирах. "Хотя бы они не регрессировали..." – подумал я, вспомнив библиотеку разбойника Риго на Сан-натерри.

2.18 Лишние

Информационная сеть столичной платформы упрямо отказывалась сотрудничать и предоставить мне полные права для просмотра скрытых данных, которые я обнаружил в её недрах, пока задумчиво брёл через многочисленные коридоры. Определённо существовал особый протокол, нечто вроде пароля, которым владел только Уитман, и даже ловушка с душой не годилась вместо ключа. Иррациональный подход. Доступ ко всей материальной базе Коцита защищался слабее, чем несколько крохотных файлов.

Устье очередного тоннеля открылось крупной полостью. Проекторы на своде казались крохотными точками и образовывали "созвездия" правильной формы. Под место обитания тестеров не выделили целый уровень, но обособили от разработчиков безлюдными пространствами, забитыми оборудованием и коммуникациями. Здесь концентрация антидепрессантов сделала ещё один шагок вверх, приближаясь к тем значениям, которые начнут превращать человека в животное. А ещё тут играла тихая музыка. Примитивная гармоника состояла исключительно из звуков ударных, разбавленных тягучей синтетической волной. Можно было решить, что где-то высоко висят часы, механическая часть которых сломалась и выдаёт монотонные постукивания, а сквозняки посвистывают через множество труб. Вот только "высо-

ко" здесь не существовало, а потолок нависал метрах в шести-семи от пола.

Улицы здесь оказались многолюднее, но редко встречался прохожий, целеустремлённо идущий по делам. В большинстве своём жители района сидели, собравшись кучками, и болтали о чём-то. С виду без признаков умственной отсталости или болезней, они празднично проводили время. Некоторые сидели в оцепенении отдельно от остальных, а их нейроимпланты непрерывно обменивались потоками данных с удалёнными узловыми станциями. Я подключился к одному из таких истуканов и увидел эмуляцию реальности, где пользователь старательно имитировал работу пилота космического корабля. Виртуальная вселенная в отличие от настоящей была крохотной, выполненной без масштаба и с огромными упрощениями в законах физики. Для тренировок этот программный комплекс совершенно не годился, а лишь для бездумного сжигания времени в топке эрзац-жизни и бегства от ещё большей бессмыслицы реального существования. Однако данные постоянно передавались в сеть для последующего анализа, значит это была не совсем игра, а часть тестирования программных комплексов.

На меня никто не обращал внимания, никто не присматривался к чужаку. Хотя я и не вертел головой по сторонам, но не стал перенимать дёрганую манеру движений, присущую всем вокруг и уже этим сильно выделялся.

Домик из разного хлама, выстроенный кое-как в углу

небольшой безлюдной площадки со спортивным инвентарём, привлёк моё внимание. Детские голоса внутри о чём-то спорили, и несколько раз стены хлипкого строения едва не разваливались от ударов.

– Я нашёл! Нашёл! – визгливый мальчишечий голос резал слух истеричными нотками.

– А я спрятала! – девочка кричала чуть тише, немного спокойнее, казалось, что она старше.

– Чтоб ты сдохла! – снова прокричал мальчишка после сильного шлепка – вероятно один из детей ударил другого ладонью.

Я бы не смог протиснуться и попасть внутрь через узкую дверь, а мальчишка вылетел наружу со скоростью пули. Щуплый ребёнок лет шести, с глазами полными злобы, сжимал в руке нейроимплант. По его лицу сбегала тонкая струйка крови, смешивалась со слезами и потом, а после капала на серую керамическую плитку. Следом появилась девочка. Она действительно была постарше – почти или уже подросток, но всё ещё угловатая и очень худая. Её руки покрывало множество свежих синяков и царапин, короткое платье держалось на одной петельке и было порвано в нескольких местах.

– Из-за чего вы подрались? – я использовал самый мягкий голос и вложил в интонации всю доброту, на которую был способен.

– Она вырвала из меня игру! – мальчишка ткнул пальцем

в обидчицу.

– Заткнись, гадёныш! Этот урод сверху!

Мальчуган быстро захлопал ресницами, сделал несколько шагов спиной вперёд, развернулся и побежал, что было сил.

– Идиот!.. – прошипела девчонка и рванулась в другую сторону.

Анализ показал, что передо мной родные брат и сестра. Девочка несколько раз оглянулась на бегу и заметив, что я ещё думаю за кем гнаться, нарочно споткнулась и упала. "Отвлекает!" – подумал я и демонстративно направился трусцой за мальчишкой. Беглец на полном ходу забежал в проулок, прежде чем понял, что попал в ловушку – пространство между зданиями упиралось в тупик. Скорее всего совсем недавно здесь был проход, но его заставили высокими металлическими контейнерами.

Я подошёл ближе. Мальчишка сжался в комок и трясся от страха. Он тихо всхлипывал и ронял крупные слёзы на пол.

– У тебя рана на голове, – осторожно начал я, – Тебе нужна помощь.

Мой тонкий слух уловил звук шагов – девчушка где-то скинула обувь и старалась подкрасться незаметно. Она не знала, что её противник видит всё через систему наблюдения и врасплох его не застать. В худых руках девочка с трудом удерживала кусок арматуры, заточенный с одного конца.

– Софи... – все лица на записях камер маркировались именами и ссылками на личные дела, – Я только хочу помочь

с раной и после этого уйду.

Невидимое никому, кроме меня, облако нанитов осело на макушку Билли, и машины принялись закупоривать сосуды, чтобы избежать эмболии (попадания воздуха в вены, расположенные на коже головы, прим. авт.).

– Тварь... – девочка с ненавистью бросила в меня своё оружие, на манер копья, но ей не хватило силы и металл, громко прозвенев, откатился в тень.

– Как тебе доказать, что у меня нет дурных намерений? – очень тяжело видеть таких детей, ещё совсем маленьких, но уже заостривших в ненависти ко всему вокруг.

Девочка искренне хотела что-то придумать, но не смогла и снова с ненавистью повторила:

– Тварь...

Несколько зевак заглянули в тупик и безучастно наблюдали за происходящим – взрослея они перегорали внутри, и злоба сменялась обречённым безразличием. "Но почему никто хотя бы не позовёт родителей?" – подумал я, и спросил, обернувшись к Софи:

– Где ваши мама и папа? – в личном деле стояли отметки, что родители участвовали в тестировании имплантов и погибли совсем недавно. Мне нужно было переключить ребёнка, вызвать, пусть негативные, но эмоции не связанные именно со мной. Решение оказалось ошибочным – дети хорошо усвоили, что любой человек "сверху" был персональным врагом и паразитировал на тех, кому не повезло родить-

ся ниже.

Девочка плюнула в меня и попала в лицо, а в это время Билли выскочил из-за спины, схватил сестру за руку, и бросился с ней бежать, расталкивая любопытных. В углу, заляпанный кровью, лежал имплант с встроенной программой виртуальной реальности – мальчишка выронил его, когда трясся от страха. Устройство подключалось к мозгу через внешний интерфейс, но требовало питания биоматериалом. Этот маленький жучок-кровосос, впивался в голову и погружал человека в транс. Бежать за детьми не имело смысла – я узнал достаточно. Толпа с видимым сожалением расходилась, а времени до эвакуации оставалось уже не так много, чтобы спускаться ниже. Я сел на пол и повертел в руках находку. Найти способ считать данные с импланта оказалось несложно, и спустя несколько минут любопытство толкнуло меня нырнуть в выдуманный кем-то мирок.

Эмуляция оказалась крайне точной. Горячие песчинки впивались в босые ступни. В сотне метров негромко вздыхал спокойный океан, а сверху переругивались птицы.

– Что изволите господин? – смуглая обнажённая женщина стояла передо мной на коленях.

– На что рассчитан этот программный комплекс?

Женщина поклонилась и уточнила:

– Вам нужна короткая справка, или желаете пройти демонстрацию?

– Короткая справка.

– Квадрат десять на десять километров с побережьем и тропическим лесом. Два десятка слуг с искусственным интеллектом обученным для получения пользователем любого физического удовольствия. Проще показать, чем объяснить! Лучше пережить, чем смотреть со стороны! – служанка повысила голос и её лицо растянулось в широкой улыбке, утратив миловидность и красоту, превратившись в "продающую" маску.

Стало ясно из-за чего подрались дети: София осознавала опасность импланта, способного превратить человека в кусок плоти, с наркотической зависимостью от пошлого и примитивного, но доступного кайфа. Билли же в свои годы не знал, что такое удовольствие, и этот виртуальный мирок возможно был единственной в жизни возможностью получить немного дофамина.

Я отключился от программы, не дожидаясь продолжения презентации, сжал пальцами кибернетического паразита до хруста и с силой бросил об стену, чтоб наверняка сломать.

Поднимаясь на поверхность, я уже знал, на что буду указывать в отчёте в первую очередь. Хотелось убраться подальше из этой звёздной системы и вообще из пространства Гегемонии. У нашей группы оставалась последняя задача в Промзоне: узнать, где точно располагаются верфи основного флота, и есть ли у него какое-то место дислокации сил. Среди публичных документов, нашлось несколько ещё не закрытых контрактов, в том числе, на покупку Полем Уитманом

боевых судов для патрулирования собственных систем. Что ж, хороший предлог навестить деловых партнёров.

Кумар Говинд пристально наблюдал за тем, как на мониторе превращалась в точку яхта хозяина. Наконец, он перевёл взгляд на голограмму Йоля Крейга:

– Докладывай...

Начальник безопасности отпил немного водки, облизнул губы и произнёс:

– После потери из вида Реджисом Куком. Спустился до программистов. Там заходил в "Зарядник". Это сеть дешёвых кофеен. Потом побывал в квартале тестеров и сразу отправился к стартовой площадке, откуда отбыл. Все контакты определены, и ведётся работа.

Кумар выпрямился и хрустнул затёкшей шеей. На лице управляющего растерянность соседствовала со страхом и усталостью.

– Йоль, ты ведь понимаешь, что просто так он бы не отправился лазить по нашей платформе, а раз улетел, то нашёл, что искал?

– Да.

– Покажи допрос этого неудачника из забегаловки.

Прямо в воздухе возникло изображение крохотной комнатки без мебели. Реджис Кук нависал над Ряженским и давил пальцем на глаз:

– Знаешь, что больнее всего? Это когда раздражают трой-

ничный нерв. Боль прямиком из ада.

– Я же всё рассказал! Вы видели камеры! Там и звук пишется! – Ряженский повизгивал и нелепо дёргал руками, словно пытался взлететь.

– Прости, друг, но камеры не могут фиксировать все мелочи, а ты не можешь свою память воспроизвести, словно запись, – Кук левой рукой достал из кармана устройство, похожее на паучка с растопыренными лапками, и приложил к затылку пленника, – Вот эта штука копирует все воспоминания, но она работает тем лучше, чем сильнее клиент испытывает боль. Прости уж...

Ряженский дико заорал, а потом потерял сознание.

– Вот убудок! – Кук заметил, что наступил в лужу, расплзавшюся от промежности валяющегося мужчины.

Запись прервалась.

– Мамочка продавila закон о запрете съёма памяти таким способом... – задумчиво проговорил Кумар Говинд.

– Поэтому всех допрашивал именно господин Кук. Тот самый, кто не смог выполнить мой приказ и везде сопровождать хозяина. Теперь его везут под стражей, чтобы отправить душу в Чистилище, а потом в Ад, – Йоль снова налил себе водки и выпил.

– Значит он станет бессмертным... Будет жить в синтетических телах и служить личным помощником.

Йоль отхлебнул из бутылки и крикнул, а потом просипел:

– Я видел, как хозяин прилетал к нам с одной такой кук-

лой...

– Я тоже. Хорошо, что Большая Мамочка предсказала его маршрут для нас, помогла выявить всех неблагонадёжных и провести успешную зачистку. Твою работу выполнила!

– Да... – протянул Йоль и залпом допил остатки алкоголя, – На то у неё мозги на одной планете не помещаются...

2.19 Не враги

Воздух в каюте показался сладким и необычайно чистым, после атмосферы Коцита. Рой Дайсона остался позади на безопасном для обнаружения расстоянии. Система отсюда выглядела не так грандиозно, но всё ещё впечатляюще. Яхта приближалась к точке встречи с Зорким. Я уже приноровился к управлению и, задав нужный курс автопилоту, полулежал в кресле и ждал последнего нырка. Тёмная тень попеременно закрыла собой несколько далёких звёзд, и чуткая система безопасности мгновенно выдала предупреждение. Крупный корабль в сопровождении десятка более манёвренных скорее всего вынырнул из петли пространства на большом удалении от Коцита и теперь двигался в нормальной метрике. Радиотишина, отсутствие бортовых маячков и курс намекали на отнюдь не мирные намерения.

– Вячеслав? – ожила защищённая линия, маскирующаяся под мешанину сигналов от обитаемых платформ, – Точка встречи занята.

Последовали щелчки помех, которые я легко интерпретировал в новые координаты для randevu.

Сканеры яхты несколько раз осторожно прощупали пространство, и на мониторе появилось немного смазанное изображение флагмана. Корабль был словно собран из кусков, плохо подходящих друг другу, ошестинившийся орудий-

ными полусферами, покрытый многослойной бронёй против лучевого и плазменного оружия. Один в один так же, как во время Пиратской войны.

От увиденного внутри всё слиплось в противный комок. Перед глазами возникло перекошенное ненавистью лицо анорексичной девчонки с копьём из арматуры в руках. Очевидно, что рейдеры не доберутся до центральной платформы роя, и Софи со своим братом не станут жертвами атаки. А сколько точно таких же детей окажутся в огненном аду через пару недель, когда Рейдеры преодолеют расстояние до обитаемых платформ и начнут бойню? Я вспомнил, как мы сто лет назад отражали набеги, и стало совсем тошно.

"Я ведь могу вернуться и предупредить Кумара Говинда, чтобы подготовились," – возникла мысль, вытесняющая из разума здравый смысл, а руки потянулись к виртуальным панелям, но бессильно опустились и повисли плетью по бокам кресла. Вмешательство породит несколько вопросов, и хоть Пол Уитман или тот, кого за него принимают, не обязан отчитываться перед своей собственностью, но администратор Коцита точно знает, что для нырка сразу из системы совсем не обязательно тащиться за её пределы. На месте Кумара я бы задумался и скорее всего доложил Директорату о странном поведении хозяина в надежде занять его место и получить право на бессмертие.

Закрыв глаза, я отдал приказ яхте и нырнул к Зоркому.
– Вячеслав? – Смешная выглядела озабоченной, – Наде-

юсь вы поступили благоразумно?

– Да. Я тихо сбежал и не вмешался...

– Наша миссия... – начала Василиса.

– Позволит спасти больше жизней и принесёт прогрессивную политику Союза в отсталые миры, – закончил я раздражённо.

– Вы говорите так, словно считаете иначе.

– Не считаю. Просто мне неприятно выбирать чужую участь. Мне физически больно решать такие вещи.

– Значит вы на своём месте. Только не задавайтесь – вы лишь один из многих.

Смешная запустила программу стыковки и спустя четверть часа манёвров, мы сидели в кают-компании.

Пока я смаковал печенье, в голову пришла мысль, что Василису назначили в группу как противовес мне. Нужно заметить, очень действенный противовес. Её мотивация была не противоположна моей, а параллельна, не тормозила общее дело, но поворачивала наш центр масс таким образом, чтобы действовать в различных ситуациях совместно.

– Корабли группировки, которая вторглась в Коцит, совершенно не похожи на те, что нападали на флот Союза, – Айдар выложил на стол планшет с результатами анализа.

Смешная пальцами бегло пролистала отчёт и пододвинула ко мне.

– Это пираты или рейдеры, – уверенно сказал я, не глядя в текст и сравнительные таблицы, – Это начало очередной

волны. Некоторые "забытые" колонии развиваются достаточно, чтобы самим создавать транспорт, но контролируются слабо – всесильная Мамочка не справляется, а ресурсов Гегемонии, остающихся после гедонистического потребления центральными мирами, недостаточно чтобы исключить собственные потери. Сначала рейдеры нападают на ближние миры, жирнеют, а когда натыкаются на неприступное ядро Гегемонии, то отражаются, складываются друг с другом и движутся только в одном направлении – в сторону СЗика.

– Раз это происходит постоянно, то почему никто не борется с причинами? – Айдар немного обиженно вертел в руках планшет со своей кропотливой работой, которую я проигнорировал.

– Мамочка правильно поняла, что источник превосходства Директората и всех глав корпораций находится там же, где и причина появления пиратов, – ответил я, – Это очевидно. А её главная задача, на которой строится вся её личность: сохранение стабильности положения бессмертных. Это неразрешимое противоречие.

Василиса закусила губу. На лбу у неё проявились глубокие морщины, и она очень пристально посмотрела мне в глаза, чтобы задать вопрос, но я её понял без слов:

– Я не знаю точно, почему Большая Мамочка помогла мне. Ей удалось создать квазистабильное государство, но его внутренние проблемы требуют от неё постоянной ручной регулировки. Скорее всего ей скоро перестанет хватать вычис-

лительной мощности, чтобы выполнять свои задачи, и она ищет новые пути. А может ещё что-то...

– Я предпочитаю относиться к ней как к врагу, – Смешная произносила слова медленно, словно вдавливала их в меня.

– Я тоже, – в этом вопросе мы оказались единодушны.

– След пиратов после нырка был зафиксирован, – Эджус встал и развернул голограмму со схемой галактики, – Вот тут и тут области, из которых с наибольшей вероятностью стартовала группировка, – навигатор обвёл пальцами участки, которые сразу же подсветились, – Довольно большой разброс, но...

– У нас нет времени этим заниматься, – отрезал я.

– Внутренние конфликты врага могут стать основой для стратегии Союза, – было видно, что навигатор разозлился: губы сжались, вокруг носа появились складки, но, главное, его голос срывался и дрожал.

– Во-первых, не врага... – я сделал паузу, чтобы до всех дошёл смысл. Сначала на лицах навигатора и техника отразилось удивление и недоумение, но быстро сменилось пониманием, и следующие слова получили право быть произнесёнными, – Во-вторых, использовать можно только конкретный конфликт в конкретных условиях. Вот скажи, Эджус, как можно использовать пиратов против Гегемонии?

– Дать пиратам преимущество... Оружие, например...

Василиса, сразу понявшая мою мысль, хмыкнула и показала головой, а Айдар с интересом наблюдал за ходом спора.

– Допустим... Вот победят пираты. Развалят экономику Гегемонии, перережут всех бессмертных – а заодно ещё кучу работяг – и займут их место. Что дальше делать Союзу? Искать следующих бандитов, чтобы сдерживать новый Директорат? А может сразу вооружить "дыроколами" автоматизированные эскадры и стереть начисто половину галактики? Рейдеров можно использовать только после того, как они добровольно и осознанно присоединятся к нашей цели.

До Эджуса наконец дошло, и, судя по гримасе, осознание вызвало сильное чувство стыда.

– Следующая точка маршрута, – я указал пальцем на звёздное скопление, где по данным с Коцита располагались крупные верфи флота, – Пока всё складывается удачно, нужно разузнать побольше об их технологиях. Особенности их научной мысли и экономики эффективнее всего использовать для разработки стратегии.

Я допил остатки травяного чая и посмотрел на контейнер, где Василиса хранила заварку – оставалось совсем немного, но должно хватить, пока мы не вернёмся домой. Жаль, что сгущённое молоко уже очень давно исключили из корабельного запаса и заменили порошковым аналогом. Вкус тот же, состав идентичен, но ощущения совсем не те. Если заранее знать, конечно же. Я бы с завязанными глазами не отличил чай со сгущёнкой от чая с порошком, но знание заставляло мозг находить отличия, а он, прокачанный имплантами, легко справлялся с этой задачей.

– Завершён безопасный расчёт перемещения, – бортовой ИИ просигналил о готовности к нырку.

Айдар ещё раз инстинктивно обернулся на монитор, где точкой отмечался весь рой Дайсона вместе со звездой. Техник уже принял разумом решение не мешать нападению рейдеров, но не переварил до конца эмоции и глубоко внутри переживал.

– Когда закончится наша миссия, я тебя порекомендую в министерство экономического развития. Там обучат, снарядят, и будешь работать в одной из команд Аманатидиса, – я положил руку на плечо Айдара и почувствовал, как под пальцами вздрагивают сильные мышцы.

– Если нас не раздавят... У Союза есть хотя бы проект переработки планет системы в обитаемые платформы? – Айдар всё ещё был под впечатлением от Коцита.

– А зато у нас рабства нет, – сказала Смешная, – А ещё мне больше нравится небо, чем потолок.

– А главное, что нам не нужно защищать технологии от самих себя, – добавил я, – Коцит – это закрытый мир, построенный в первую очередь, чтобы охранять готовые разработки. Вы ещё обратите внимание, что здесь собранную платформами энергию и вещество не используют для масштабных проектов, а переизлучают в космос для маскировки. Это тюрьма с высокими стенами.

Когда Зоркий совершил нырок и вышел на крейсерскую скорость, все разошлись по каютам, кроме Василисы. Она

осталась дежурить на мостике. Некоторое время я молча наблюдал, как женские пальцы порхали в воздухе, но не видел, чем именно она занимается – Василиса использовала свой внутренний проектор смешанной реальности.

– Как думаете, Вячеслав, у нас есть шанс дожить до конца этой будущей войны? Или она затянется на века? – спросила Смешная и бросила мне файл с изображением.

– Не знаю, – я открыл картинку и залюбовался.

Посреди пустынного пейзажа вдалеке виднелся маленький исследовательский корабль, а на переднем плане была девушка в скафандре и гермошлеме. Её глаза смотрели вверх в чёрное небо, которое бывает на планетах без атмосферы, а там почти не было звёзд, лишь несколько тусклых точек.

– Как вам? – спросила Василиса, – Вы ведь тоже рисуете?

– Я так... Когда есть время... Для себя... Почему звёзд почти нет?

– Это самый край Ланиакеи (сверхскопление галактик, включающее и наше Местное скопление с Млечным Путём, Андромедой и другими, прим. авт.), – на щеках женщины выступил румянец от смущения, – Я просто подумала, что когда-нибудь мы и туда доберёмся. И... Может так быть, что не встретим по пути ни одного разумного существа?

– Может быть. Ты назвала картину?

– Феномен одиночества.

2.20 Мясная мораль

Выныривать без предупреждения в промышленном центре, где производились боевые корабли мог только безумец или превосходящий силами противник, поэтому я терпеливо посылал запрос за запросом диспетчерской службе и ждал ответа. Бездействие выворачивало наизнанку, особенно после всех приключений, а вместо указаний для входа в систему на мониторе высвечивался трёхзначный номер в очереди.

– Диспетчер Арсера вызывает корабль Пола Уитмана... – стерилизованный голос звучал без помех, но ощущалось сильно заниженное качество – очевидно, что передатчик обладал ограниченной мощностью.

– Наконец-то, – ответил я, – Запрашиваю разрешение и координаты входа.

– Цель прибытия, – вопросительная интонация отсутствовала, как и все остальные. Можно было решить, что отвечает машина.

– Решение вопросов по контракту на боевые корабли.

– Номера контрактов и верификационный сигнал.

Я положил ладонь на эмулятор сферы души и отправил необходимое, а сам приготовился ждать ответа: чрезмерно экономичный передатчик диспетчера и казённый голос располагали к этому.

– Вход разрешён, – прозвучало почти сразу, едва я успел

закончить мысль, и на виртуальном мониторе появилась схема всплытия, – Добро пожаловать, господин Уитман.

Теперь стали различимы мелкие детали звука голоса, внезапно обретшего объём и окраску.

Яхта всплыла непосредственно у гигантской платформы, состоящей целиком из стапелей, прямо сейчас от неё отстыковался корабль-носитель с красивыми обтекаемыми формами, хорошо знакомыми каждому защитнику Надонии и Виктории. Я включил сканер и отметил, что структура роя Дайсона мира-верфи отличалась от Коцита большей упорядоченностью и плотностью. В центре находился жёлтый карлик, на расстоянии в половину астрономической единицы располагался первый слой платформ, редкий, перекрывающий не больше тысячной доли процента излучения звезды, следом второй, чуть плотнее и так далее. В итоге светило оказывалось скрыто практически полностью, а его случайное обнаружение делалось почти невозможным. Весь опыт подсказывал, что весь флот Союза не в состоянии нанести хоть какой-то ощутимый вред этому отлаженному механизму, если будет бить в лоб.

Судно Пола захватил причальный манипулятор с помощью гравитационных петель и прижал к брюху платформы, которая вблизи воспринималась как минимум небольшой планетой, а сверившись с бортовым компьютером, я понял, что ее массы совсем немного не хватает для того, чтобы собственная гравитация разрушила конструкцию. Не только

планеты системы, но и ощутимая часть энергии звезды утилизировалась для постройки роя Дайсона, а теперь расходовалась и на создание кораблей. Снова возникло ощущение собственного бессилия и ничтожности. Я, конечно же, знал принципы на которых работали окружающие меня устройства, но ни одна из известных мне систем СЗиКа попросту не смогла бы потратить тот поток энергии и вещества, который на моих глазах превращался в военную мощь Гегемонии.

В тот же момент я понял ещё кое-что, давшее мне надежду, и спустился по трапу с искренней улыбкой к встречающим меня людям.

– Господин Уитман! – Широкоплечий высокий молодой человек с ёжиком волос на голове поспешно поправил вычурную форменную фуражку и отдал честь, вытянувшись и даже встав на носки.

– Мы рады, что вы лично решили оценить качество своей будущей безопасности! И лично приветствовать вас впервые в системе Арсер, – девушка в военном мундире низко поклонилась, – Каким временем мы располагаем для демонстрации?

– Я способен отличить рекламу от презентации, понимаете, что я имею ввиду?

Парочка подобострастно закивала.

– Имена у вас есть? Мне будет удобнее, если назовётесь.

– Яков.

– Вильма.

Мир Арсера не считал меня хозяином и не выводил личную информацию о своих жителях. Попытки войти в местную сеть наткнулись на активную защиту. После вседозволенности Коцита я ощущал себя словно пленник с завязанными глазами.

– Хочу увидеть лично стадию испытаний, – я небрежно махнул рукой, требуя от своих сопровождающих двигаться.

– Ваши корабли уже прошли все проверки, упакованы и готовы к отправке, – сказала Вильма, применив интонации убеждения – в отличие от Якова, очевидно военного специалиста, в девушке по манерам угадывался менеджер по продажам.

– Значит распакуйте...

Вильма лишь несколько мгновений смогла сопротивляться моему взгляду. Она пыталась понять серьёзность намерений заказчика, а ещё связывалась с начальством или службой поддержки, чтобы согласовать легитимность моих требований. Было видно, как женщина старается находиться одновременно рядом с клиентом и вести переговоры по радиосвязи.

Я потянул носом воздух и не нашёл психоактивных добавок. Очевидно, что персонал, имеющий доступ к оружию, необходимо стабилизировать другими способами, а не наркотиками. Спрашивать об этом напрямую, мне показалось подозрительным, значит придётся внимательно наблюдать и надеяться на случай.

– Господин Уитман, – заговорила Вильма, получив распоряжения – Мы можем провести полный аудит ваших машин.

– Будет достаточно лично полетать, – я подмигнул ей и обнял спутников за талии, – Пойдёмте скорее – мне не терпится опробовать!

– В системе запрещены полёты на боевых кораблях для неавторизованных пилотов, – Егор освободился из моих объятий и остановился, – Это часть доктрины безопасности. Большая Мамочка сразу же выдаст команду на уничтожение.

Узнав эту новую порцию информации, я снова возликовал, но не подал виду.

– В моих мирах обороной управляют МОИ люди...

– Мамочка не настаивает на своём присутствии, но Юстав Крупп решил, что она справится лучше.

– Эх... – мне удалось убедительно изобразить расстройство, – А я очень надеялся, что смогу сегодня почувствовать себя пилотом...

Вильма одарила меня шикарной улыбкой, а её глаза заблестели, от возбуждения:

– Так центр подготовки к вашим услугам! Отличить тренажёр от реальности невозможно! И там вам предложат разнообразные программы, в том числе реконструкции реальных битв.

– Согласен! Но я всё равно хочу потом наблюдать за тестированием своей покупки, – в этот раз играть роль инфантила оказалось легче, даже немного понравилось ощущать

себя ребёнком.

Сопровождающие наконец расслабились. Было видно, что они очень обрадовались моему согласию пойти на компромисс, и с облегчением покинули короткий коридор от стыковочной площадки к транспортной магистрали. Здесь открылось огромное пространство, заполненное потоками снующих туда-сюда машин. Чаша обитаемой платформы оказалась способна удерживать атмосферу собственными генераторами гравитации без герметичного свода, а высоко над монолитным мегаполисом мерцали звёзды и ярко горели отражённым светом другие элементы роя Дайсона.

– Вот и экипаж! – Лидия подбежала к трёхметровому чёрному аэрокару и открыла дверь, приложив палец к ручке для забора и распознавания генетического материала. При этом она чуть поморщилась и сразу же промокнула салфеткой остатки крови на коже. Я не понимал причин такого варварского способа определения личности, но опять решил не задавать вопросов, а лишь наблюдать.

Внутри убранство транспорта отличалось роскошью: кресла, принимающие форму тела, столик с собственной независимой гравитационной установкой, удерживающей приборы и напитки, генератор защитного поля, способного нейтрализовать кроме радиации ещё и попадание плазменного заряда, и множество других незаметных устройств, обеспечивающих максимальный комфорт и безопасность. Органов управления не было видно, и я решил, что поведёт

искусственный интеллект.

– Куда полетим? – спросил безжизненный и стерилизованный голос.

– В центр подготовки пилотов, – отдал приказ Яков.

Прямо перед нами в воздухе возникла трёхмерная карта с маршрутом, отмеченным яркой жёлтой линией. Голограмма висела совсем недолго – несколько секунд – но я успел разглядеть сбоку столбик мелких надписей. Там описывалось состояние пилота... Живого человека. Я выпустил нанитов, чтобы заглянуть внутрь роскошного аэрокара. Мелкие машины с трудом протискивались между идеально подогнанными деталями и гибли в стерилизующем излучении, но всё же умудрились проникнуть во все полости и передать данные. Роскошным авто управлял живой человеческий мозг с действующим сознанием, но он был сформирован не как единый орган, а распределён по всему корпусу. Нервные волокна тянулись под обшивкой, образуя небольшие узлы, где плоть соединялась с кибернетикой. Живой, думающий человек был заключён в оболочку из полимеров без возможности покинуть её.

– А вот вы используете нервную ткань, мясо, как базовый процессор для принятия решений в машинах вроде этой, – я обвёл руками салон и заметил, как дёрнулись мышцы на лице Якова, – Как обстоят дела с боевыми кораблями?

– Ваш вопрос выходит за рамки допустимой передачи информации о технологиях, – Вильма снова широко улыбну-

лась, но по глазам я понимал, что она плохо понимает суть моего любопытства.

– ИИ очень плохо справляется с принятием решений, связанных с моральным выбором, – Яков наклонился в мою сторону, сцепил пальцы рук и сверлил меня взглядом, словно пытался вскрыть череп и заглянуть внутрь, – При неизбежных авариях часто приходится выбирать жертву в режиме реального времени... Сбить мужчину или женщину с ребёнком, например, или подставить под удар пассажира слева или справа. Тут на помощь и приходит "нервная ткань".

Яков замолчал. Я понял и принял ответ, но Пол не мог не спросить:

– Но истребителям тоже приходится делать выбор, разве нет?

Военный чуть ухмыльнулся, расслабился и ответил:

– Да. Но выбор в боевых ситуациях всегда основан на полезности, а не на морали. Истребитель не может действовать в ущерб победе, а автомобиль должен жертвовать собой или людьми, если это позволит избежать жертв с более высокой значимостью для общества.

Вильма с удивлением слушала откровения Якова и не понимала, почему он рассказывает подробности о технике, но, видимо, иерархически находилась ниже и была вынуждена молчать. Она достала инкрустированную драгоценностями бутылку с вином и налила в бокал причудливой формы ярко красный напиток.

– Неужели нельзя каждому присваивать индекс значимости и тогда решение сводилось бы к простому сравнению чисел? – я принял из рук Вильмы бокал и отхлебнул.

– Я не знаток гражданской техники, но, насколько знаю, не все индексы, как вы выразились, можно складывать и вычитать, на манер чисел.

Кивнув, в знак удовлетворения ответом я принялся разглядывать вид мегаполиса под нами и наслаждаться настоящим фруктовым вином. В коротких диалогах выяснилось самое главное: несмотря на фантастические объёмы потребления ресурсов и обладание уникальными технологиями, Арсер – центр военного комплекса Гегемонии – ничем не отличался от всех её остальных частей, значит мы можем выстоять против них.

2.21 Управляемая ненависть

Тренировочный центр представлял собой несколько зданий в форме букв Н, расположенных посреди густого парка с тропической флорой высотой в несколько десятков метров. Из зелени выглядывали лишь крыши с посадочными площадками.

– Мы на месте! – Вильма коснулась моей руки, решив, что клиент задремал.

– А? – я подыграл женщине, зевнув, – Вино отменное. А если вы надеялись меня напоить, то разочарую.

Яков рассмеялся в голос:

– Все знают, что с такими, как вы, этот фокус не удастся, – сказал он, делая вид, что смахивает слезу.

И здесь воздух не содержал никаких психоактивных препаратов, а был свеж, чист и вкусен. На крыше выстроились в два ряда офицеры, судя по знакам отличия из среднего состава, чтобы приветствовать владельца миров, создающих нейроимпланты. Я помахал рукой, выйдя из аэрокара, а встречающие ответили древним жестом военного приветствия и продолжали стоять неподвижно.

– Надеюсь ваш симулятор произведёт на меня впечатление, – проговорил я, обернувшись сопровождающим.

– Безусловно. Мы уже обновили нейроинтерфейс до zHysNA6309.271.5430, – сказал Яков и внимательно следил

за моей реакцией.

Очевидная проверка. Проданная на военные нужды модификация содержала 278 вместо 271 в поле ревизии. Это мог знать Пол Уитман и очень узкий круг посвящённых, кто непосредственно занимался закупкой технологий, для всех остальных значение имели лишь последние четыре цифры, обозначающие год выхода патента.

– Или вы ошибаетесь, или морочите мне голову! – я сверился с данными Пола о проданных технологиях, полученных с его персонального компьютера на Приме, – Вам была поставлена двести семьдесят восьмая ревизия.

– Мелкая неточность... – Яков низко поклонился, сняв фуражку и прижав её к груди, – Простите.

– Проверяете меня? – я рассмеялся, достал ловушку с душой Пола и помахал перед носом гида, – Это нельзя подделать. Тем более нельзя, потому что этот прототип есть только у меня.

– Мы заметили непохожесть на обычную Сферу Души и насторожились, – Яков согнулся ещё ниже, к нему присоединилась и Вильма, – Простите...

– Ничего страшного! – я прошёл вперёд и начал спускаться по лестнице, бросая слова через плечо, – Лучше перестраховаться, ведь так?

Двое выпрямились и побежали за мной, боясь отстать. Я пропустил Якова вперёд показывать дорогу, а Вильму взял под руку. От неё пахло нейтральными духами и едва слышно

феромонами.

В здании легко можно было заблудиться из-за лабиринта коридоров и лестниц. "Плох тот пилот, что не сумеет тут сориентироваться," – подумал я. Людей было немного, в основном все куда-то спешили по своим делам. Несколько раз попадались группы детей в военной форме.

– Со скольких лет вы учите пилотов? – спросил я, – Если не секрет, конечно.

– С рождения, – коротко ответил Яков. После проверки на крыше они с Вильмой притихли и старались не смотреть на меня. "Интересно, а сколько тестов я уже прошёл незаметно для себя? Или не прошёл?" – думать о плохом не хотелось, но мысли о провале не покидали.

– Мы пришли, – Яков приложил палец к датчику на двери и кровью подтвердил личность.

Открылся просторный зал, залитый белизной: стены, пол и потолок, вся мебель были чистого белого цвета. В нескольких рядах располагались столы с анатомическим рельефом. Других приборов не было видно, как и органов управления.

– Просто лечь и закрыть глаза? – спросил я, указывая на ближайший стол.

– Да. Система подключится к вам через стандартный радиосигнал сверхблизкого радиуса действия.

– Мне привычнее через Сферу...

– Бессмертных среди пилотов нет и оборудование рассчитано на обычного человека, – Яков ещё раз низко поклонил-

ся.

"Где тут может быть подвох?" – мысль пульсировала и жгла изнутри, но уже нельзя было останавливаться. Поверхность стола ощущалась каменной и холодной – лежать на ней даже в одежде оказалось неприятно. Никому не было дела до мальчишек-пилотов.

– А зачем вообще пилоты, если кораблями управляет искусственный интеллект? – спросил я, ёрзая на неудобном ложементе.

– Ну кто-то же должен ненавидеть врага... Вы ведь все хотите самых грозных и жестоких воинов, – Яков пожал плечами и запустил симулятор.

Холод. Онемение конечностей или, вернее, их отсутствие. Отсутствие всего тела. Сознание рассредоточено, но это не даёт в ощущениях. Только знание. Из чувств только одна ярость и стремление двигаться. Степень детализации симулятора действительно поражала: чёрный космос, звёзды, населённая планетка под брюхом корабля-носителя, и я – кусок композитных материалов, кибернетика и человеческое сознание внутри нервной сети "размазанной" по неживой оболочке. Каждый датчик, каждый сканер воспринимался словно собственная часть тела.

– Тестовый полёт, – не голос, а цифровой поток извне мной воспринимался голосом – так проще для остатков человечности, – Задача: пройти последовательно по всем точкам маршрута.

Рама оттолкнула меня от носителя, придав излишнее вращение, которое я автоматически погасил, но лишь частично, а оставшийся импульс использовал для разворота и выхода на оптимальную траекторию. Атмосфера планеты здесь представляла собой следовые количества ионизированного газа, но даже их воздействие просчитывалось в симуляторе, а мне приходилось учитывать при расходе энергии. Всё получалось просто и так же естественно, как ходьба или любое другое движение.

На выполнение задания ушло несколько часов времени внутри программы. Я постоянно обращался к своему собственному телу в реальности и узнал, что время в симуляции текло намного быстрее, и для Якова с Вильмой прошло не больше минуты.

– Тестовый полёт завершён успешно, – пришло сообщение на последнем контрольном пункте, – Загружается бой за Ги-61.

Обстановка сменилась почти мгновенно. Плотное кольцо вокруг газового гиганта, где стремительно двигалась матка Гегемонии к группе противников: десяток крупных кораблей, сравнимых с нашим носителем, и несколько сотен мелких, снующих между ними. Сброс произошёл без предупреждения, но я мгновенно сориентировался и вышел в пространство за маткой в составе звена истребителей идентичных моему.

Ненависть. Это чувство рвалось изнутри, заполняло со-

бой всё вокруг и требовало выхода, действий, требовало уничтожать противника. В мире программы я не мог пользоваться своими аугментациями, только тем, что содержалось в коде, поэтому не мог контролировать себя, лишь наблюдать за происходящим, словно зритель. В симуляторе эмоции через синтетические гормональные железы контролировались симбиотическим ИИ, а он считал, что для боя лучше всего подходит ненависть и ярость. Впервые в жизни я хотел убивать, хоть и понимал, что это желание мне навязано.

Корабли противника открыли заградительный огонь и наносили огромный урон носителю, за которым мы прятались. Матка не выдержала и развалилась на части, но успела выполнить роль щита, и мы рассыпались в стороны уже в непосредственной близости от врага, отбиваясь от мелких кораблей и извергая всю свою ярость на основные цели. Крупные крейсера оказались вынуждены уворачиваться от осколков, таким образом их движение сделалось временно предсказуемым, а значит превратило в лёгкие мишени. Это решило исход боя, и через пару часов мы добивали последних сопротивлявшихся.

– Счёт 17 подбитых. Вы закончили бой на исправном судне. Запись вашей симуляции передана для анализа, – снова "неголос" сообщил результат.

Продолжать играть в пилота не имело смысла, и я предпринял попытку отключиться, но прервать сеанс изнутри было невозможно. На помощь пришёл Яков, остановив тре-

нажёр.

– Как вам опыт? – спросила Вильма.

Она использовала "романтические" интонации, видимо посчитала, что после драки мужчина остаётся возбуждён и его можно продолжить стимулировать и уводить подальше от линий осознанного поведения. Эта стратегия работала, и я искренне с удовольствием разглядывал её открывшиеся в разрезе юбки бёдра, но лишь секунду, а после жёстко подавил работу части мозга, отвечающую за агрессию и сексуальное поведение. Привычный контроль над собой после полной зависимости от воли машин в симуляции вызвал широкую улыбку, которая оказалась очень кстати.

– Нужно, наверное, летать с рождения, чтобы это понравилось, – проворчал я и встал со стола, разминая мышцы, успевшие за короткий срок онеметь от холода, – Может перекусим?

– Какую кухню предпочитаете? – Вильма оказалась в своей любимой стихии и окончательно расслабилась, или, по крайней мере, казалась такой.

– Вкусную, не слишком острую, люблю эксперименты, – я повторил слово в слово то, что отметила Рэйчел в досье на Пола.

Вильма долю секунды размышляла, чуть наклонив голову вбок и с неизменной улыбкой сделала приглашающий жест рукой:

– Офицерский ресторан вам может показаться слишком

скупным, а совсем недалеко есть более подходящее место.

– Какое?

Вильма кокетливо улыбнулась:

– Пусть будет сюрприз! Вы же любите экспериментировать!

– Надеюсь меня не будут снова запихивать в железяку и управлять моими мыслями?

– Нет! Что вы! – женщина помахала руками и раскрыла интригу, – Там полная свобода. Пол-на-я. Наша известная туристическая достопримечательность – развлекательный комплекс "Гедония".

– Вроде бы слышал... – я сморщил лоб, словно пытался что-то вспомнить.

– Там гражданские, – Яков с саркастической ухмылкой кивнул на Вильму, – Нашли применение некондиционным продуктам, но получилось достойно.

Снова попетляв по коридорам, мы вышли на крышу. Я, не прекращая, думал о том, зачем в боевых машинах используют нервную ткань пилотов, сохраняя остатки личности. Чистый ИИ работает быстрее, но полноценный человек пластичнее и может принять решение недоступное для понимания компьютеру. Казалось, что гибрид с обрезанным сознанием окажется менее эффективным, тогда почему именно такое решение предпочли инженеры Арсера?

У чёрного аэрокара всё так же стоял в две шеренги живой коридор, казалось, что офицеры ни разу не пошевелились,

что произвело на меня сильное впечатление. Интересно сам Пол вообще заметил бы этих людей?

После долгого ожидания на всплытие тренажёр пилота забрал остатки сил и очень хотелось что-нибудь съесть. Поэтому мне не пришлось даже напрягаться, чтобы изобразить нетерпение и дурное настроение – лишь ослабить до предела волю и самоконтроль. Я резко плюхнулся в кресло и открыл небольшой ящик, откуда Вильма до этого доставала бутылку вина, а, не найдя там ничего съестного, с силой хлопнул крышкой.

– Ну же! Двинули! Я проголодался!

Яков на секунду прикрыл глаза, чтобы отдать приказ и очистить для нас транспортный коридор.

2.22 Опиум для чемпионов

Посреди ухоженного парка в густой зелени лиан и стометровых хвойных скрывалось здание центра развлечений. Аэрокар сделал круг, гася огромную скорость, и приземлился на VIP-парковке, но до входа оставалось пройти ещё с полкилометра. Эта прогулка должна была подготовить к погружению в центр удовольствий: дорожки из мягкого покрытия шириной чуть больше метра сливались в единую широкую тропу; яркие крупные плоды и цветы, растущие на ветках кустов и деревьев источали самые соблазнительные ароматы, включающие в себя алкоголь и наркотики; девушки и юноши обнажёнными лежали тут и там в траве и стонали, прикасаясь к себе руками; среди зелени располагались машины, способные напрямую через нейроимпланты стимулировать мозг, вызывая эйфорию.

Довольно быстро мы оказались у входа, украшенного вывеской из настоящих неоновых ламп в виде гигантских букв: "Гедония". Чуть ниже и сбоку голограмма изображала мультяшную крыску с торчащими из головы проводами, которая непрерывно нажимала большую красную кнопку и безумно хихикала. Тут не было охраны, и я спокойно прошёл через высокие ворота с оружием на поясе. Сумрак обнимал ласково, словно профессиональный мошенник. Мощные системы климат-контроля блокировали все потоки воздуха и обес-

печивали исключительную изоляцию от внешнего мира, и только пройдя в фойе я обнаружил следовые количества релаксантов и психоделиков. Под ярким пятном света в центре большого зала совсем молодая девушка в форме наклонилась над столом чтобы вдохнуть рассыпанную в виде узкой полоски пыль, светящуюся и переливающуюся цветами под действием слабого ультрафиолета.

– Только здесь не запрещено употребление звёздной пыли, – пальцы Вильмы нежно прошлись по моей лопатке, а губы почти касались уха. Она напрягалась, чтобы перекрыть громкие ритмичные звуки.

– А кто этот молодой солдат? – спросил я, указывая на круг света. Импланты позволили создать защищённый канал и соединиться со своими сопровождающими в сеть для общения, чтобы шум не мешал разговору.

– Лучшая выпускница школы пилотов, – ответил Яков, – На каждый класс выдаётся один билет сюда, за который ученики состязаются с зачисления и до выпускных экзаменов.

Я почувствовал ярость внутри. Второй раз за сегодня хотелось убивать. Убивать жестоко и видеть в глазах каждого из этих чудовищ страх и безумие. Пальцы задрожали и пришлось несколько раз сжать их в кулаки, но это не помогло – с подноса проходящей мимо официантки я схватил высокий стакан с алкоголем и выпил залпом, чтобы удержаться от крика – импланты самостоятельно не справились с обузданием эмоций. Проглоченная жидкость, почти целиком со-

стоящая из спирта, обожгла внутренности, и эта боль позволила сдержаться.

– Значит все кадеты обречены? – спросил я и уточнил, – Никто из них никогда не станет ничем другим, кроме сгустка нервных клеток внутри машины?

– У офицеров есть свои дети, у солдат и слуг свои, – Яков расстегнул китель и несколько раз глубоко вдохнул – было заметно, что форма стесняет его движения, – Кораблей всегда слишком мало, а желающих поруководить всегда слишком много. Если они не учатся на пилотов, то могут работать здесь, – офицер показал рукой в сторону.

К нам подъехала платформа с множеством рядов бутылок и контейнеров с заготовками для коктейлей, на крохотном пятачке в самой середине стоял мальчик и радостно улыбался. "Он будет сегодня нашим индивидуальным барменом," – понял я.

В зале стихло. Выпускница встала на стол, пошатываясь на нетвёрдых ногах и громко запела. Мне не удалось разобрать ни слова: язык не был похож ни на один известный мне, но ещё детский голос звучал страшно. Это была песнь фанатика, истово верующего, не способного самостоятельно мыслить. Высокие, звонкие, чистые ноты передавали не эмоции, а синтетические конструкты, сформированные в человеке не как отражение внешнего мира, а стенами из кривых зеркал, расставленных вокруг него с самого детства.

– Сейчас, после песни-клятвы, будет Чудо, – произнёс

Яков, когда девушка слезла со стола и, едва не упав, смогла попасть в кресло.

– Чудо? – переспросил я.

– Исполнительница желаний... – Вильма прислонилась ко мне грудью, чтобы прошептать на ухо, игнорируя персональную сеть, – Это надо видеть.

Свет стробоскопически замерцал в такт ударным звукам, отдалённо похожим на бьющееся в агонии сердце. Откуда-то из темноты вышла полностью обнажённая женщина с бритой головой и светящимися в сумерках глазами. Во вновь наступившей тишине раздался её голос, усиленный и изменённый электроникой.

– Великая Мать приветствует тебя, победительница! Сегодня ты станешь её частью, станешь её плотью, станешь её защитницей! – слова выкрикивались и, срываясь в визг, резали уши, – Ты готова назвать своё главное желание? Я жрица Матери! Я её голос! Я дам тебе увидеть, как желание твоё исполнится!

– Да! – выпускница стояла на коленях и плакала, – Я знаю, чего хочу!

– Так говори! – жрица затряслась, словно в припадке и закатила глаза, – Твоё желание исполнится!

– Я хочу умереть за Мать!

Зал взорвался криками, аплодисментами и свистом. Яков яростно колотил ладонями по столу и орал, срывая связки. Девушка в круге света улыбалась и продолжала плакать от

счастья.

– Смотри, как это будет! – жрица положила руки на голову выпускнице и замерла. Над этой парой развернулась голограмма батальной панорамы. Тысячи кораблей больших и малых бились в космосе. Картинка сдвинулась и стало понятно, что это вид от первого лица. Несколько минут зрители могли наблюдать, как неказистые посудины рейдеров разваливаются под огнём бравого истребителя, но в конце несколько десятков противников изловчились и настигли смелого воина, напав одновременно. Выпускница открыла глаза и возликовала:

– Мамочка, я иду к тебе! – детское тело обмякло в объятиях священнослужительницы. Несколько человек подбежали, подняли на руках тело и торжественно вынесли из зала.

– И сколько же пилотов вы выпускаете в сутки? – спросил я в голос – ещё никто не осмелился продолжать веселье после окончания обряда, и вопрос прозвучал настолько цинично, что у меня подступил комок к горлу.

– Во всей системе не больше двух сотен, но чаще всего несколько десятков, – Яков посмотрел на Вильму, льнущую ко мне и прищурился, – Господин Уитман, вы же любите эксперименты в удовольствиях?

– Если они доставляют мне удовольствие, – я откусил спелый плод с большого блюда, что принесла официантка прямо перед началом обряда.

– На центральных мирах в Великом Эфире (Великий

Эфир, поле генерируемое установками Большой Мамочки для формирования в человеке омега-структуры, прим. авт.) очень мало флуктуаций (флуктуация – случайное возмущение, отклонение от среднего значения, прим. авт.) и телепаты не встречаются, но у нас их достаточно много, и они служат культу Великой Матери, хотя их способности можно направить на более приятные вещи. Я позову её для вас, – Яков бросил короткий взгляд на Вильму и украдкой злорадно ухмыльнулся. Менеджер по продажам крепко сжала челюсти, а её импланты предотвратили приток крови к лицу и появление на коже красных пятен от злости.

Мне оставалось только кивнуть и постараться придумать способ защиты от проникновения чужой воли в свои мысли. Принцип работы этих способностей был совершенно неизвестен науке Союза. Раскрытие означало бы прямую угрозу миссии и даже существованию моего мира, а значит при малейшем риске, что жрица сможет прочесть меня, придётся совершить самоубийство и уничтожить ловушку с Полем внутри – "дырокол" в устройстве находился в заряженном и взведённом состоянии. Но как я узнаю о проникновении в своё сознание?

Пока в голове крутились эти мысли, Яков подозвал официантку и перекрикивая шум говорил что-то, низко наклонившись к её плечу.

– Для вас выделяют специальное помещение для частного общения, – объяснила тем временем Вильма, – Не беспо-

койтесь о тех секретах, что может подсмотреть жрица.

Женщина выразительно посмотрела на пистолет на моём поясе и добавила:

– У служителей культа нет имплантов для беспроводной связи, поэтому она ничего не сможет передать.

– Мне обязательно её убивать? – спросил я, – Это может испортить всё удовольствие.

– Она не в состоянии понять суть любого патента, даже если перед ней будет вся сопроводительная литература, а ваши поступки может осудить только Директорат. Но обычно люди вашего уровня не рискуют.

Я задумался. Предстояло решить крайне сложную задачу, и она совершенно не поддавалась анализу.

– Комната для вас готова, – сказал Яков, отпуская официантку, – Выпьем за новые ощущения или вам уже не терпится испытать новые грани удовольствия?

– Выпьем! – я поднял рюмку с множеством слоёв разноцветных жидкостей, – Вряд ли есть что-то, ради чего мне стоит торопиться.

2.23 Жертвоприношение

В комнате для частных контактов слабый неестественный свет через силу сочился из множества ламп на стенах. Странные это были сумерки. Синева словно вырезала всё бритвой, и грани объектов казались резкими, словно контуры в комиксах. Посреди большого ковра с очень высоким ворсом высился огромный диван, перед которым в бесконечную тьму потолка уходил пилон. "Как же примитивно, – подумал я, – Неужели это действительно предел для них?"

– За пошлым и примитивным фасадом лежит бесконечная пропасть удивительных открытий, – прозвучал тихий шёпот, – Заглянуть туда осмеливаются немногие...

Поверхность неожиданно мягкого дивана приняла моё тело, прикосновение было похожим на ласковые объятия человека. На секунду в голову пришла мысль, что Арсер использует человеческую плоть даже для создания интеллектуальной мебели.

– Нет, диван не разумный... – снова шёпот из ниоткуда.

– Покажись! – приказал я.

– Повинуюсь, – жрица Большой Мамочки вышла из тени всё так же без одежды и медленно подошла вплотную ко мне.

– Как ты читаешь мысли?

Женщина секунду колебалась, явно не желая отвечать, но не могла себе позволить молчать перед бессмертным.

– Матерь передаёт мне... Она слышит всех своих детей...

Я не знаю, как это объяснить на вашем языке чисел.

Я напряг всю мощь своих аугментаций в попытке увидеть хоть что-то материальное, радиоволны или, может быть, необычную активность мозга. Мы изредка находили людей с необычными способностями в отдалённых регионах нашего космического пространства. Их мозг образовывал необычные структуры, способные генерировать сложные радиоимпульсы. Учёные бились над механизмом, запускающим этот процесс, но пока лишь научились расшифровывать сигналы. Жрица покорно стояла, опустив голову, в то время как наномашинны проникали внутрь и самообучались для передачи подробных данных о работе её нервной системы.

– Что ты можешь сказать обо мне? – спросил я и внутренне напрягся.

– Ничего, – выдохнула жрица после долгой паузы, – Мать теперь молчит.

Я всмотрелся в лицо женщины, считывая данные со своих "жучков" – она говорила правду, и, судя по расширившимся от страха глазам, внутреннюю тишину ей пришлось испытать впервые в жизни.

– И как же ты будешь доставлять мне невероятные удовольствия?

– Не знаю... – жрица растерянно опустила на пушистый ковёр и заплакала.

Её плечи, покрытые маслом с флуоресцирующими пиг-

ментами, вздрагивали, а я, слушая рыдания, облегчённо вздохнул.

– Ты всё ещё можешь исполнить моё желание, – тихо сказал я, взяв кукольное личико в ладони, – Сделай вид, что всё получилось отлично и никому не рассказывай, что Великая Мать молчала в твоей голове. Хорошо? Я уверен: скоро ты снова её услышишь.

Женщина кивнула и смахнула слёзы. Она снова заулыбалась и хотела перейти к привычной части своей работы, но мой взгляд остановил её руки и губы.

– Просто посиди рядом, – попросил я, – Как долго длится... сеанс с тобой?

– Не знаю... – жрица пожалала плечами, – Я впервые оказалась рядом с любимым сыном Великой Матери, а раньше только со жрецами и офицерами...

– Мать словами подсказывает тебе, как доставлять удовольствие?

– Не совсем... – снова долгая пауза, внутренняя борьба между внушёнными запретами раскрывать священные таинства и благоговением перед живым полубогом, – Я чувствую чужое тело, словно собственное, и чужие желания, самые потаённые... Так поют птицы, не зная нот: просто раскрывают клюв и создают звук...

Жрица набрала побольше воздуха чтобы продолжить, но я приложил палец к её губам.

– Отдохни... Просто отдохни и не думай ни о чём, – мой

полушёпот вызвал в её мозгу нужную реакцию. Чтобы полнее охватить нейронные связи и создать карту синапсов нужно наблюдать как можно больше противоположных эмоций и состояний сознания.

Лысая головка легла мне на колени, а ручками жрица обняла бедро, оставаясь сидеть на ковре. Женщина быстро задремала и окончательно расслабилась, давая мне возможность собирать информацию во время хаотичных сновидений.

В зале возобновился ритмичный шум, проникающий через стены вибрациями. Местные называли это музыкой, но в нагромождении низких звуков не было ни мелодии, ни красоты – лишь монотонные удары, вызывающие отупляющее расслабление мыслей.

– Проснись и пой! – я без излишней жестокости спихнул женщину на пол, отмерив час времени. Она сразу же проснулась.

– Мне снилось очень странное! – воскликнула жрица, поднимаясь на ноги.

– Это мне не интересно, – произнёс я скучающим тоном, – Скажи, а юноши тоже умеют приносить удовольствие?

Жрица удивлённо кивнула:

– Если вы прикажете, то приведут жреца. Простите! Я должна была сразу об этом подумать! И Мать наказала меня за глупость молчанием!

– Помолчи, – я постарался вложить в интонации раздра-

жение, и нагнал ещё больше страха и трепета в несчастную, – Женщины лучше. Просто поинтересовался из любопытства. Пожалуй, мне пора.

У самой двери я остановился и задал последний вопрос:

– А ты видела хоть одну жрицу, которая бы пережила встречу с бессмертным?

– Нет... Великая Матерь призывает их к себе... Лучшие из нас удостаиваются этой чести.

Я молча вышел в большой зал и вернулся к столу, где меня ждали Яков и Вильма.

– Понравилось? – менеджер положила мне руку чуть выше колена.

– Средненько, – слова произносились, словно сплёвывались, – Ничего, что могло бы запомниться. А жрица старательная – выложились на всю. Её стоит поощрить.

– Так она?.. – Вильма от неожиданности осталась сидеть с полуоткрытым ртом.

– Мои секреты она не смогла прочесть, – снова из кармана появилась ловушка душ, – Эта штука произведёт много шума в своё время.

– Вы бесстрашны и уверены в себе, – заметил Яков, – Это бросается в глаза.

– Разве вечная жизнь не располагает к приобретению подобных свойств?

– Между высокомерием и уверенностью в своих силах есть разница, – задумчиво произнёс Яков.

Вильма бросила в сторону напарника злобный взгляд, а он, словно не замечая этого, продолжил с учтивостью и заинтересованно:

– Господин, Уитман, если вы готовы, то предлагаю последовать на полигон. Ваш флот переброшен туда и ждёт повторных тестов.

Снова усилилось нехорошее ощущение. Интуиция терзала тревогой. Я не мог однозначно решить: продолжать игру или прорываться на яхту и бежать из системы? Любой вариант сейчас выглядел худшим. Нужно точнее воспроизводить поведение Уитмана.

– Конечно готов! – я потёр ладони друг о друга, – Тут скучно, а настоящие военные машины могут привнести хоть немного остроты!

– Кровожадный ублюдок... – Яков едва пошевелил губами, вовремя успев прикрыть рот высоким бокалом, и никто не должен был прочесть эти вырвавшиеся слова, но мой рой нанитов, до сих пор никем не обнаруженный, считывал все движения мышц моих сопровождающих. Стоило засчитать себе очко, ведь я убедил военного инженера в самой дурной из возможных мотиваций для решения оставить в живых жрицу, а по тому, что парочка одновременно расслабилась, можно списать их подозрительность именно на чрезмерную мою мягкость под маской Пола.

– Мы будем рады показать вам нашу транспортную сеть между платформами, – Вильма широко улыбнулась, встала

и подставила локоток.

– Яхта привычнее, – отрезал я грубо, сразу тем самым отменяя возражения.

– Как пожелаете... – Вильма поклонилась, будто извинялась за что-то, – Вас сопровождать?

– Нет, – я махнул рукой, – Читающая мысли всё-таки произвела на меня впечатление – стоит поразмыслить в одиночестве.

Яков многозначительно подмигнул мне:

– В центральных мирах, насколько я знаю, не принято содержать телепатов, но раз ваша новая технология защищает от чтения мыслей, то может быть мне распорядиться и прислать вам пару жриц?

– Подумаю... Предпочитаю пользоваться личным ассистентом – они крайне предсказуемы.

Последние слова я бросил через плечо, наконец взяв Вильму под руку и продвигаясь к выходу. Множество людей заполняли всё пространство между островками столиков и диванчиков, в их горячем неровном дыхании отчётливо слышался алкоголь, психоделики и прочая химия, а тела совершали дёрганные, некрасивые движения под ритмичные звуки. Яков быстро обогнал нас, ловко работая локтями, и принялся расчищать путь.

Снаружи лёгкий ветерок принёс свежесть и мгновенное освобождение от духоты. Двери отсекали шум и стало слышно тихое пение на том же языке, на котором давала клятву

будущий пилот. Маленькая группка людей раскачивалась и воздевала руки к голубеющему небу.

– Родственницы пилотессы, – пояснил Яков, заметив мой взгляд, – Они из мелких служащих и теперь надеются, что других детей смогут пристроить получше.

– Может стоит выращивать пилотов искусственно?

– Есть много нюансов, но если коротко, то так дешевле, – Яков не видел ничего интересного в обряде прощания – это частое зрелище ему очевидно наскучило за много лет, и он не придавал ему никакого значения.

По пути к стыковочному узлу я произвёл несколько тщетных попыток передать данные на Зоркий, но атмосфера платформы выполняла ещё и функцию глушилки. Оставалось ждать возможности выйти за пределы системы. Центр удовольствий на Арсере отнял много сил, и хотелось оказаться подальше от парочки, приставленной за мной ухаживать.

Яхта Пола неспешно развернулась и вышла на курс к платформам вокруг пространства полигона. На периферии сканеров возникло возмущение от всплытия крупного корабля где-то на краю системы, а я пожалел, что не взял с собой Вильму – вдруг ей бы удалось разговорить диспетчера и узнать для меня принадлежность транспорта.

До конечной точки маршрута оставалось несколько часов. Необходимое бездействие, которое позволяет таким как я не сойти с ума и разложить по полочкам новые знания и пе-

режитый опыт. Импланты умели лишь хранить данные, решать некоторые математические задачи, но основным человеческим процессором, ответственным за принятие решений, оставался мозг, а ему очень нужен сон.

2.24 Арена

Устаревшая броня быстро расходовала энергию, а бой не затихал. Видимость в пылевом облаке стремилась к нулю и большинство десантников отстреливались вслепую.

– Нам нужна поддержка с орбиты! – в сотый раз повторил Жуков, командир роты, – Энергия на исходе! Нам из брони вылезать?!

– Орбита в огне... Флот разбит... Поддержка будет... несколько часов... – сквозь помехи ответил один из последних транспортов и затих.

– Рота! – командир собрал волю в кулак, – Поддержки не будет. У нас батареек есть ещё минут на десять, а потом станем консервами! Приказываю сгруппироваться для атаки! Сквэд Жданова прикрывает огнём и снимается с позиций последним.

Старый офицер, переживший уже двоих президентов, ненавидел молодого сержанта, приписанного его подразделению совсем недавно вместе с тремя "дружками", и постоянно повторял про себя: "Или этому Славе шальная пуля достанется, или моё тёплое местечко!" Жуков воспринял переворот в республике и захват власти группировкой Майна, как предательство родины после того, как его сыновей сняли с высоких должностей.

Солдаты по команде поднялись и рванулись к руинам ком-

плекса. Вячеслав и трое бойцов по двое расстреливали боекомплект, но пыль в воздухе не позволяла прицелиться, а через несколько секунд полностью скрыла товарищей, начавших прорыв.

Жданов поднял оружие повыше и перевёл переключатель стрельбы на меньшую скорость:

– По своим можем попасть.

– Без брони мы бы смогли занять гражданские постройки и продержаться до подхода резерва, – Рыбак сел на корточки с жутким лязгом в коленных суставах, – Слав, может ну его? Жуков наверняка погибнет в ближайшие минуты.

– Стоим! – Жданов сморщился от злости, – Нас под трибунал отправят... Думаешь я не хочу спасти остальных от этого идиота? Но либо мы четверо выполним приказ и получим шанс выжить, либо погибнем все. Меняемся!

Несколько мощных взрывов ухнуло где-то спереди.

– Слав, на сканерах мы одни остались... – прохрипел Посол.

– Вижу... – Жданов проглотил комок горечи, – Выходим из брони и движемся к жилому кварталу!

Звуки внезапно пропали и наступила тьма. Только сиплое дыхание и пульс в ушах давали сознанию зацепиться за реальность. Энергия иссякла. Теперь выбраться из брони без посторонней помощи не выйдет. Пираты вскроют их, как консервы, и достанут по частям содержимое. Они любят, когда выпадает такая возможность.

Я проснулся в кресле яхты и смахнул остатки сна крепкой оплеухой. Всё было не так. Мы тогда успели выйти из брони, больше суток партизанили и смогли обеспечить окно в небе для высадки подкрепления, а потом получили в награду по пять дней отпуска. Как же мы тогда радовались возможности отмыться и нормально поесть!

Перед носом вертелось сообщение о достижении конечной точки маршрута и трёхмерная карта области. Диспетчер платформы связался с бортовым компьютером и передал алгоритм стыковки. От меня требовалось разрешить начало процедуры. Я медлил ещё несколько минут, чтобы убедиться в успехе передачи информации на Зоркий, и лишь после короткого ответа дежурившего Айдара поставил цифровую печать для швартовки.

Когда захват зафиксировал яхту, открылся шлюз, ощутилось отсутствие гравитации. Смотровая платформа полигона обладала скромными размерами и была рассчитана на небольшой контингент сменных технических работников, а значит обо всех удобствах предстояло забыть.

– Надеюсь местные условия не доставят вам слишком много неприятных моментов, – Вильма висела сверху над выходом из коридора, зацепившись за специальный поручень, – Желаете перекусить?

– Нет, желаю поскорее отсюда убраться. К делу!

Яков протянул мне пояс с индивидуальным генератором

тяжести, но я отмахнулся и вопросительно вскинул брови.

– За мной, – военный правильно меня понял и ловко нырнул в узкий коридор, хватаясь за поручни.

Скоро мы оказались в просторном зале в виде полусферы из проекторов, создающих в воздухе подробнейшую картинку происходящего на полигоне. Крупный носитель, помеченный как собственность Пола Уитмана, завис на самом краю, плотного астероидного облака. Приглядевшись, я понял, что это не каменные глыбы, а обломки кораблей. Теперь стало невозможно воспринимать их иначе, кроме как трупы солдат. Разумные истребители сходились на этой арене, словно древние гладиаторы, чтобы показать свою готовность воевать за интересы хозяев.

– Начинаем, – Яков подключился к комплексу через внутренний нейроимплант, введя себе под кожу на затылке небольшой радиомодуль, и отправлял команды. Физические ключи использовались на Арсере повсеместно, несмотря на то что зашифрованный радиоканал обеспечивал достаточно безопасную. Очевидно, это важная особенность, и часть моих ресурсов была перенаправлена на сбор информации для её структурирования. Прямой вопрос, мог вызвать лишние подозрения.

Наномашины, высаженные мной на тело Якова, заметили закономерность: при идентификации личности и любом взаимодействии с машинами в крови военного возрастала концентрация гормонов, участвующих в формировании привя-

занности, словно офицер общался с дорогим человеком. Переключив внимание, я увидел подобную активность и у менеджера по продажам.

– Любовь правит миром, – произнёс я вслух свои мысли.

– Что, простите? – спросила Вильма

– Прежде, чем отдать приказ технике или пройти идентификацию, вы посылаете во все стороны свою любовь. Это интересное решение контроля лояльности.

– А как поэтично! – Яков закончил настройки и вывел цели для моего небольшого флота на позиции, – Мы ожидаем не более десятой доли процента потерь среди ваших машин, но не переживайте: восполним из отличившихся со стороны противника.

– Начинайте уже, – сказал я с некоторым раздражением.

Вильма неправильно оценила мою реакцию и извиняющимся тоном сообщила:

– Ваши чипы контроля намерений очень эффективны, но крайне дороги, однако главное, что в нашем производстве необходимо очень много высококвалифицированных специалистов, а не только исполнительных служащих. Миры-верфи просто вне вашего рынка сбыта. Так исторически сложилось, – она пожала плечами, а на лице изобразила наивность и смирение.

– И поэтому вам устанавливают урезанную версию моего чипа, – я рассмеялся, стараясь сделать это максимально некрасиво и вульгарно, – Ведь без этого никаких сил не хва-

тит так обожать своих хозяев.

Глаза Якова сначала распахнулись от удивления и шока, рот приоткрылся, и я увидел, как задрожала нижняя челюсть. Через мгновение офицер взял себя в руки и снова стал невозмутим. До этой минуты он был уверен в своём искреннем отношении к владельцу Арсера и к своей службе.

Тем временем две флотилии сошлись в схватке. Из носителей Уитмана высыпал рой кораблей поддержки и рассредоточился в боевом построении, в отличие от противника, занявшего максимально возможный объём и совершающего множество хаотичных перемещений. В отдельной области передо мной начали появляться данные о повреждениях техники и гибели пилотов.

– Они имитируют самую частую тактику рейдеров, – пояснил Яков, указывая рукой на проекции судов, подсвеченных красным.

– Я бы хотел, чтобы условный противник вёл себя как регулярный флот, натренированный в схватках с самыми разнообразными врагами, – это было сказано спокойным тоном, словно простое желание, вроде просьбы положить побольше сахара в чай, но воля бессмертного являлась здесь законом.

Яков остановил атаку и ввёл новые команды. Теперь обе группы судов совершали скупые манёвры и кружились, сходясь по спирали. Пришлось подавить желание приказать добавить побольше вводных и сделать "рейдеров" сильнее похожими на войска Союза, но и тех малых изменений Якова

оказалось достаточно, чтобы схватка превратилась в жестокую битву, с потерями с обеих сторон, а не избиением инвазида.

Вильма нашла для себя удобное кресло, пристегнулась к нему, чтобы не всплывать из-за невесомости и смотрела на происходящее с явным безразличием. Её попытки понять меня и хоть как-то манипулировать провалились. Мне тоже стоило изобразить пресыщение зрелищем и попытаться выяснить ещё кое-что.

– Дорогуша, – спросил я, отвернувшись от практически оконченной битвы, – А у вас есть опыт общения с другими владельцами миров?

– Ещё нет... – женщина изобразила лёгкое смущение, – Вы первый, но скоро на Арсер начнётся настоящее паломничество – заказов всё больше.

– Ближится период, когда рейдеры начнут докучать постоянно, – Яков просматривал итоги боя и недовольно морщился – моя просьба изменить тактику флота-"мишени" привела к большим потерям товара, который теперь предстояло заменить.

– Надеюсь настоящие опасности добавят хоть немного вкуса к жизни, – я потянулся и глубоко вздохнул, – Пора мне вас покинуть.

– Мы были рады вашему визиту! Позвольте проводить? – практически хором спросила парочка.

– Справлюсь. У меня лучшие чипы памяти, – я постучал

себя пальцем по лбу.

– Наш владелец прибыл, – осторожно сказал Яков, – Господин Элиот Доув хотел бы встретиться и обсудить вопросы сотрудничества.

– Значит это его корабль прибыл в систему, когда мы покидали административную платформу... – я подтянулся к выходу и скользнул в коридор, – Пожалуй встречусь. А вдруг смогу договориться и приобрести такую же громадину, как у него, вместо своей яхточки?

– Тогда мы будем ждать результатов переговоров на той же посадочной площадке, а вам, господин Уитман, предстоит посетить личную резиденцию владельца, – Вильма выдала свою очередную зубастую улыбку и помахала ручкой.

Я быстро добрался до корабля и всю дорогу пытался оценить вероятность своего провала.

2.25 Бандитские разборки

Между деревьями невесомая просторная беседка из ажурных конструкций, казалось, парила в воздухе. Мягкая трава яркого голубого цвета доходила до середины голени, и складывалось впечатление, что я иду по небу. Я оглянулся на яхту Уитмана, стоящую неподалёку: личная резиденция Элиота Доува не была оборудована причалом, и пришлось садиться самостоятельно, выбрав удобное свободное место.

– А тут гораздо лучше, чем в Гедонии, – я причмокнул и сорвал травинку, чтобы разглядеть поближе, а потом поднялся по ступенькам и шагнул под высокую крышу.

– У меня есть вкус, в отличие от тебя... – Элиот, оттопырив мизинчик, держал изысканный фарфоровый чайник чистого белого цвета и разливал чай в две пиалки.

– Тогда я бы не видел разницы.

– А ты и не видишь... Обвешанный своими сканерами ты забыл, как выглядит мир вокруг, а из-за железяк в мозгах ты и думать разучился.

Не дожидаясь приглашения, я сел в кресло, сплетённое из ошкуренных веток, взял со стола печенье с кусочками шоколада, надкусил и причмокнул.

– Сам готовил?

– Жена, – Элиот пододвинул чашку, – Молока?

– Да, пожалуйста. Давай быстрее к сути? – пар от тёплого

питья проник в нос и вызвал в памяти несколько осколков детства, но ничего не проступило наружу ни на лице мимикой, ни через кожу с потом.

– Вижу тебе удалось создать сферу души отдельную от "мясной" части... Мне, естественно, очень любопытно будущее этой технологии.

Элиот прикрыл глаза, отхлёбывая с негромким звуком. Его кисти с длинными цепкими пальцами почти полностью охватывали керамическую посуду. Он молчал, ожидая моих объяснений.

– Всем так интересна эта разработка... Столько людей спрашивает, словно только её и ждали последние века, – я усмехнулся и сделал ещё один глоток.

– Так тебе удалось преодолеть все трудности и построить рабочий прототип? – снова ни капли эмоций, словно тема разговора и моё поведение никак не касались Элиота.

– О каких именно трудностях ты спрашиваешь? – прищур и наглый смешок должны были стать раздражающим фактором для собеседника.

– Ты в моём мире... – Элиот выглядел всё так же спокойно, но в воздухе появился едва уловимый запах гнева, – Ты дурак, Пол. Ты не сможешь тут ничего поставить против меня... – он многозначительно развёл руками, удерживая маску внешнего спокойствия, но уже находясь на грани истерики.

– Скажи уже, чего ты хочешь... – голос получился уста-

лым, как задумывалось, и расслабленным, кресло скрипнуло от того, что я полностью обмяк.

Владелец миров-верфей разозлился. Не изменилась поза, не дрогнул ни один мускул, но едва уловимый запах выдавал его с головой.

– Я хочу порядка, Пол. А ты вечно пытаешься его нарушить. Ты стал бессмертным случайно, вылез из грязи промышленного мира и очень удачно расцеловал задницы Директората, когда предал Раджула. Ты забрал чужое, занял не своё место, которого не достоин, – слова звучали спокойно, легко, неторопливо, и в паузах Элиот жевал печенье, но его кровь кипела от ярости и ненависти, – Твоя новая технология должна остаться тайной, а ты единственным носителем прототипа. Понимаешь?

– Рауль Кимбри сделал мне другое предложение, и оно пока кажется гораздо выгоднее, – я нахально хихикнул и поставил пустую пиалку на стол с излишне громким стуком.

– Пришла моя очередь спрашивать... Чего ты хочешь? – Элиот испытал радость: разговор перешёл в привычное ему русло купли-продажи. Этим нельзя было не воспользоваться.

– Всегда хотел получить хоть один такой... – я спроецировал голограмму над поверхностью стола, где в чёрном космосе зависла группа кораблей с красивыми каплевидными формами, поразившими меня в битве при Надонии, – Или что-то получше, но похожее внешне.

– Ты с ума сошёл? – Элиот наконец прекратил сдерживать эмоции, – Это корабли внешнего флота Мамочки!

– Строишь их ты, – я указал пальцем на собеседника.

– Ими всё равно никто, кроме неё управлять не сможет... – вид владельца Арсера сделался жалким, – Если я передам тебе нечто даже отдалённо похожее... Да откуда у тебя вообще такое детальное изображение?

– А если так? – я растянул губы в самой зловещей улыбке, на какую был способен, и корабль на голограмме разделился пополам, обнажая внутреннюю структуру.

Элиот Доув побледнел. Он выронил изо рта кусочек печенья, но быстро взял себя в руки, а мои датчики засекли исходящий от него радиосигнал.

– Ты же понимаешь, что я не дам тебе флот?

– А ты понимаешь, что я получу корабли другим способом? – театральная пауза затянулась на несколько очень долгих секунд, – Я не собираюсь воевать с Директоратом... Во вселенной много места, много галактик...

Было интересно наблюдать за реакцией Элиота, когда он постепенно осознал сказанное. Мне очень помогли идеи Рауля Кимбри, без которых не удалось бы заморочить голову Доуву.

– Мне пора. А у тебя есть ещё время подумать, – сказал я, проверяя готовность яхты и десантной брони. Очень не хотелось использовать экзоскелет войск Союза, но если выбора не останется...

– Не спеши... – прошипел Элиот со злорадством, – Если я доложу о нашем разговоре, Директорат тебя объявит вне закона и будет гнать, как животное, пока не достигнет. Ты повторишь судьбу Раджула!

У самого края голубой поляны появились люди, словно выросшие из земли, растянулись в цепь и медленно направились к нам, держа наготове оружие.

– Не боишься, что и тебя заденут? – спросил я Элиота и ловко схватил его за руку, вывернул локоть до щелчка и прикрылся, как живым щитом.

– Мне дадут новое тело уже через несколько минут... – собственник Арсера не сопротивлялся, он хотел с моей помощью как можно скорее стать омега-структурой, – А ты нырнуть не сможешь, пока находишься в системе: все платформы образуют единый экран. Ты не сбежишь... Встретимся в Чистилище!

Свободной рукой я ухватил пиалу, разбил с некоторым сожалением о красивой вещи и метнул осколок в ближайшего нападающего. Кусочек фарфора воткнулся в узкую щель между шлемом и нагрудной пластиной с высоким воротником. Брызнула кровь, несколько капель упали на траву создав жуткую и завораживающую игру контрастов.

– Встретимся в аду, Элиот... В аду... – я прижал к спине господина Доува ловушку душ и резко повернул его голову до хруста. Собственная ярость не позволила рассчитать силу и меня обдало горячими крупными брызгами из разорван-

ных сосудов.

Охранники оторопели на миг, и мне хватило этого времени, чтобы оттолкнуть ещё дёргающееся тело и метнуть пару новых осколков. В цепи загонщиков образовалась брешь, позволившая вырваться и оставить преследователей позади. Яхта Уитмана ждала, оставленная у самой кромки голубой поляны, всего в паре сотен метров от беседки. Дверь шлюза откинулась в сторону, подчиняясь моему приказу, и тут же захлопнулась, когда я прокатился кубарем по трапу и спрятался за угол. Несколько снарядов чиркнуло по обшивке, но не смогли причинить вреда. Силовая установка, включенная заранее, легко подняла корабль над землёй и почти без препятствий вышла из атмосферы платформы-резиденции.

Очевидно, что проскочить мимо оборонительных систем должно быть очень сложно. Вот только я не ожидал настолько масштабного ответа: тысячи штурмовиков объединялись в ударные группировки и очень быстро формировали гигантскую сеть для перехвата, ближайшие платформы роя Дайсона меняли ориентацию, чтобы выпустить дополнительные машины. Дальнобойные плазменные пушки и лазерные батареи не могли поразить небольшую и юркую цель на расстояниях планетарного масштаба и остались неподвижны.

Яхта служила элитному представителю Гегемонии, а значит свободно конкурировала в скорости и манёвренности со многими кораблями, но её главным предназначением всё равно оставалась демонстрация роскоши. Воевать на этом

судне с флотом Арсера было невозможно. Вспомнилось посвящение выпускницы в симуляции посреди пьяной толпы, и спокойная уверенность вызвала грустную улыбку. Пилотам штурмовиков, мальчишкам и девчонкам, размазанным по внутренностям железных коробок, успешно вбивали в головы науку убивать и пафосно погибать в боях, создавая яростных воинов. Меня тоже когда-то натаскивали, как пса, и внушали, что смерть от руки врага почётна. Почти полвека ушло на то, чтобы переучиться и осознать ложность такого подхода – важнее всего выполнить задачу, вытащить товарищей и выжить самому, а уже потом, в глубокой старости, желательно во сне делать последние вдох и выдох.

Слияние с яхтой прошло быстро и легко: несмотря ни на что бессмертные ничем не отличались от остальных людей, и нейромодули работали одинаково. Не без помощи знаний, полученных в симуляторе, я успел рассчитать, как будут нападать штурмовики, и вычислил несколько наиболее вероятных траекторий ухода.

Приблизившиеся первыми защитники Арсера приступили к атакующему манёвру, когда яхта открыла вялый ответный огонь и увернулась. Два корабля противника нарушили построение и развернулись по экстремальной дуге – слишком очевидные цели, что показались частью какой-то ловушки и благодаря этому остались целы, а я заложил крутой разворот и устремился по заготовленной траектории удирать из системы.

Стала заметна ещё одна особенность поведения, на которую я не обратил внимания в симуляции: отдельные пилоты конкурировали в бою друг с другом. Они использовали любую возможность оказаться впереди или навестись на цель, даже в ущерб тактической позиции остальных, словно стая зверей на охоте, где добыча не делиться поровну, а достаётся самым активным и везучим. Это позволило мне оторваться ещё больше и сосредоточиться на состоянии двигателей яхты.

Движение немного быстрее бега людям, никогда не летавшим в космосе, кажется умопомрачительным и опасным. Уходя от преследования, я разогнался меньше, чем на пару процентов скорости света, и гонка стала предсказуемой, скучной и выматывающе медленной. До края поля, подавляющего возможность использовать установку нырка, предстояло лететь не меньше пары часов.

Штурмовики продолжали преследование, хоть и безнадежно. Системы регулирования состояния организма вприсынули в кровь немного стимуляторов, чтобы до конца этой гонки сохранилась концентрация и способность быстро реагировать. Нужно ещё успеть послать сообщение на Зоркий, чтобы уходили без меня.

2.26 Домой

Перехватчики отстали, когда поняли, что разрыв между нами не сокращается. Арсер создавал отряды карателей-убийц очень эффективных для борьбы с пиратами и для набегов. Спрос на личные отряды головорезов удачно совпал с выгодой для владельца верфей. Гоняться за профессиональным и опытным пилотом они оказались неспособны.

На самой границе системы в пустоте висели редкие, небольшие и малозаметные станции, формирующие поле, блокирующее сверхсветовые переходы. Если не знать об этом, то можно угодить в ловушку, но я теперь знал, как и многое другое. Всё то, что позволит переломить врагу хребет.

– Группа! Не отвечайте! – закричал я в эфир, как только яхта оказалась в свободном от глушилок пространстве, – Уходим раздельно!

Шифрованный радиосигнал разлетелся в стороны бинарным кодом и оставалось надеяться, что на Зорком его отслежат и успеют скрыться до того, как будут обнаружены. Приказ повторился несколько раз прежде, чем яхта совершила нырок.

Совершенно не хотелось спать. Нормальное человеческое желание после сильного стресса – забиться в укромный уголок и забыться во сне, однако я чувствовал себя гото-

вым бодрствовать ещё очень долго. Миссия будет полностью успешной только тогда, когда все четверо участников экспедиции вместе окажутся вне опасности.

Я пытался заставить себя подремать, дрейфуя вокруг одинокой звезды в стороне от обитаемых миров, но безуспешно и несколько часов наблюдал за яркими синеватыми протуберанцами. Система из одного светила без планет – неприметная точка в пространстве, именно за свою обычность и не интересность заранее выбранная мной для randevу, если придётся разделиться.

Кухонный автомат синтезировал мятный чай. На мостике запахло свежестью, и невозможно было отделаться от мысли, что качественную синтетику невозможно отличить от натурального продукта. Кибернетический кок выложил на стол пасту с морепродуктами, щедро залитую сливочным соусом. "Пожалуй я оставлю этот корабль себе после того, как техники с ним поработают!"

Смешная с командой всё не всплывали. Импланты помогали гнать мрачные мысли и, наверное, помогли бы взять себя в руки, чтобы уйти в пространство Союза без товарищей...

– Проверка связи! Вызывает Зоркий! – дешифратор выдал синтезированную речь в динамиках.

От радости я подскочил в кресле и едва не уронил вилку.
– Зоркий! Вас слышу! – с облегчением выкрикнул я, – Зоркий! Готовы прибыть для встречи по координатам?

– Передавайте! – спустя почти сорок минут ответил мне эфир.

"Недалеко," – подумал я и немного расслабился. Сигнал на такие расстояния передавал только текст, который озвучивала машина, но даже в этом, рождённом в кибернетических устройствах, голосе ощущалось человеческое тепло, по крайней мере, мне хотелось в это верить.

Передав своё местоположение, я почувствовал, как чудовищная усталость сжимает мне веки, и сдался ей прямо перед пультом управления с тарелкой недоеденных спагетти на панели ввода.

Тишина. Глубокая фильтрация звука, кроме собственно-го дыхания и самого лёгкого движения воздуха, словно в каком-нибудь искусственном тропическом лесу, где дневные обитатели уже затихли, а ночные ещё не занялись своими делами. Встроенные в корабль, системы обеспечения комфорта почувствовали, что "хозяин" отдыхает и создали "идеальные" условия. В дрёме, благодаря аугментациям, часть моего сознания могла оставаться активной в роли сторожа и размышлять о чём-то не слишком сложном. Вот только думать совершенно не хотелось. В те часы любое напряжение разума вызывало только дискомфорт. Оставалось созерцать. При остановленном внутреннем диалоге, возникало ощущение понимания гигантской голубоватой звезды, машущей перед глазами плазменными рукавами, понимания всей чёрной бездны и своего места в ней.

– Товарищ Жданов, мы вас видим! – голос Смешной вызвал невероятную радость, – Разрешаю стыковку с Зорким.

На экране появилась оптимальная схема сближения и выравнивания скоростей. К управлению яхтой выработалась привычка, и то, что поначалу казалось неудобным, стало интуитивным и легким. Лишь один толчок при касании вышел достаточно ощутимым и заметным по вздрогнувшему в стакане недопитому чаю. Швартовые манипуляторы Зоркого надёжно ухватили небольшой корабль и притянули к универсальному стыковочному узлу. Длинный гибкий "хобот" присосался к шлюзу яхты, образуя герметичное соединение.

Покидая мостик, я окинул взглядом интерьер, ненадолго остановил внимание на роботах-уборщиках, собирающих остатки моей трапезы, и подумал, что стоит дать имя этому временному приюту.

– Корабль? Ты оборудован ИИ? – спросил я.

– Нет, – ответил динамик, – Есть модули-сопроцессоры.

Осознание. Привкус вины и досады возник во рту неожиданной и сильной горечью.

– У тебя есть имя?

– Да.

– Назови мне своё имя, пожалуйста. То, которое дали родители.

– Анни Кэдберри.

Спрашивать что-то ещё показалось мне в ту минуту невозможным. Предстояло пережить это открытие.

Медленно на негнущихся ногах я протопал по гибкому рукаву перехода, крепко сжимая в кулаках ловушки душ. Пожалуй, хорошо, что в снаряжении не было "дырокола", а значит и соблазна окончательно уничтожить личности господ Уитмана и Доува.

Смешная выглядела заспанной – совсем недавно закончила дежурство – и, зевая, прикрывала лицо рукой. Она, ссутулившись, прислонилась плечом к стене кают-компания и внимательно выслушала мой рассказ, а Айдар суетился над варочной плитой.

– Товарищ Алтынов, расслабься, – я хлопнул техника по плечу, – Наши противники знают толк в гастрономических излишествах.

– Может ещё скажете, что у них еда лучше? – с наигранной сварливостью проворчал Айдар.

– Не лучше. Точно такая же, но с пафосом...

Смешной явно не нравилась наша болтовня, и она строго спросила:

– В итоге задача выполнена?

– И перевыполнена, – сказал я, выкладывая на стол ловушки для омега-структур, – Это владелец монополии на нейроинтерфейсы, аугментации и подобные изделия. А это владелец монополии на верфи гражданских и боевых кораблей.

Василису смутил мой торжественный тон. Она некоторое время разглядывала металлические коробочки, прикасалась

к ним и, наконец, спросила:

– Какой смысл их захватывать и тащить с собой? Они же всё равно не участвуют ни в производстве, ни в разработке! Только присваивают блага и тратят их на роскошь...

– Частная собственность, – тихие слова должны были объяснить причины моих действий, но по выражению лиц Смешной и Алтынова стало понятно, что придётся разжёвывать, – Без собственника ни одна корпорация не может покупать, продавать, меняться чем бы то ни было. Кто-то должен присваивать себе блага, в конце концов. Ни один, даже самый компетентный, работник просто не имеет права решать вопросы за пределами своих узких инструкций. Я видел, насколько беспомощен управляющий звёздной системой. Директорат мог бы очень быстро назначить владельцев, но в нём всё держится только на взаимном сдерживании. Я видел, как они спорят друг с другом. Мы похитили уникальные омега-структуры хозяев крупных и очень важных "стай", и теперь все заинтересованные лица начнут грызть друг другу глотки за места "вожаков". Понятно?

– Паразиты правят Гегемонией без малейшего понятия о том, как править, – Эджус, только что вошедший, образно подытожил мой монолог, – Я изучал теорию управления, чтобы стать навигатором. Вот только в таких системах для стабильности почти всегда есть правопреемник... Наследник, к примеру.

– У бессмертных даже друзей нет... – сказал я, – Ни детей,

ни родственников. Рэйчел написала в досье на Уитмана, что он панически боялся конкуренции.

– Уитман, но не Доув. Последний постоянно содержит жену и двух – трёх детей, – Эджус положил на стол передо мной планшет с данными, – Это я выудил из сети, пока ждали вас в системе Арсер.

В коротком ролике видеочамера крутилась между дерущимися на арене мальчишками. Господин Элиот Доув с покровительственной улыбкой наблюдал за боем, сидя на небольшом возвышении, огороженном прозрачным экраном. Схватка быстро закончилась безоговорочной победой рослого подростка, а второго, с разбитым лицом и вырванным глазом унесли на носилках без сознания. Владелец Арсера с гордостью похлопал более удачливого сына по окровавленному плечу и передал какой-то небольшой предмет.

– Это ежегодный ритуал объявления наследника, – пояснил Эджус, – Победители всех этапов сходятся в поединке. Один получает сытую и беззаботную жизнь до следующего испытания, а остальных, кто выжил, отправляют в пилотную школу.

– Значит потенциальный преемник Доува, это смертный, неопытный мальчишка, и захват его отца в любом случае ослабит Гегемонию, – закончил я, – Возвращаемся домой и посмотрим, что решит Совет после нашего доклада. Эджус, маршрут готов?

– Нет, конечно! – навигатор рассмеялся, – Вселенная же

постоянно меняется! Я сообщу по рации, как только закончу расчёты для дальнего нырка.

Я вяло кивнул. Снова усталость сжала своими лапами грудь, и захотелось прилечь. Василиса изучала меня чрезвычайно внимательно, словно пыталась проникнуть в самую суть и прочитать потаённые мысли. Мне нечего было добавить к своему короткому рассказу о мире-верфи, где людей превращали в машины.

– А если предположить... – робко спросил Айдар, – Только предположить, что человек может быть счастлив внутри машины? Ну... Вот я всю жизнь хотел исследовать космос, и разве можно полнее осуществить эту мечту, чем стать исследовательским кораблём? А тот, кто мечтает лечить людей может стать целым медицинским комплексом...

– Ты мечтал только летать в космосе? И больше ничего? Никогда не грезил о друзьях? О любимой женщине? А если надоест быть кораблём? Нельзя делать выводы по ограниченному личному опыту... – я забрался с ногами на диван и укрылся тонким, но тёплым пледом, – Вот я несколько виртуальных суток пробыл в железной коробке. Знаешь, что больше всего хочет пилот частного флота Гегемонии?

Айдар пожал плечами, а Василиса подошла к нему и обняла за талию, что не осталось для меня незамеченным.

– Я хотел погибнуть во славу хозяев... Больше боролся с этим желанием, чем с ботами (здесь, виртуальные противники, прим. авт.).

– Судя по собранным данным, у Надонии мы бились не с ЧВК, а с Большой Мамочкой, – впервые в голосе Смешной отчётливо проявилось нечто скрытое и нежное.

– Судя по собранным данным Большая Мамочка более не заинтересована в агрессивном решении противоречий, – я плотнее укутался и прикрыл глаза, заканчивая разговор.

Тепло сморило меня окончательно, наступил спокойный, глубокий сон. Маленький кусочек сознания додумывал мысль о том, что предстоит, возможно, долгая и кровопролитная война, но противник стал понятнее, а значит уязвимее. Перед тем, как окончательно отключиться, я испытал сожаление, вспомнив, что в начале экспедиции надеялся встретить братьев по разуму и найти способ с ними договориться, уладить конфликт миром. А вышло всё намного скучнее, банальнее и глупее: снова человечеству предстояло сражаться с самими собой и собственным прошлым.

Часть третья

3.1 Работа разведчика

– Я прочитал доклад группы Жданова... – Роберт Майн расхаживал по своей каюте, нервно меряя шагами расстояние между полками с носителями документации, – Что вы от меня хотите? – обратился он к высшим руководителям флотов, стоявших кучкой в его небольшой каюте.

Адмиралы переглянулись.

– Нужен совет, – начал Ван Дэшен, – Вы лично знаете Жданова...

– В отчёте военного инженера не бывает ничего такого, что может потребовать личных отношений для интерпретации, – жёстко отрезал Роберт. Он наконец уселся в миниатюрное кресло и достал курительную трубку: отставному офицеру очень понравилась древняя дурная привычка, а главное, что зажигалка с гравировкой оказалась теперь при деле.

– Мы впервые столкнулись с угрозой такого масштаба, – продолжил уговоры Ван Дэшен, – С угрозой такого типа...

– Всё бывает впервые! Я просто пилот. Даже не строевой в регулярной армии, а пилот-наёмник. Я ничего не могу решать, не могу давать советов.

– Нам кажется, что Жданов слишком позитивно оценивает искусственный интеллект Большая Мамочка, – пробасил адмирал Орджоникидзе, – Он...

– Это ИИ! – перебил Майн и шумно фыркнул.

– Количество переходит в качество... – Орджоникидзе говорил медленно и негромко, словно самому себе, – Союз ещё ни разу не встречал искусственный интеллект, занимающий своими вычислительными мощностями целую планету...

– Я не собираюсь с вами спорить, – примирительно произнёс Майн и грустно улыбнулся, – Моё мнение утратило всякую значимость.

Отставной адмирал выпустил клубы дыма, раскуривая трубку, несколько раз затянулся с наслаждением, поперхнулся и сильно раскашлялся, после чего расхохотался, вытирая слёзы.

– Как маленький ребёнок, ей богу! Приучаю своё тело к этой гадости, а сам даже не совсем понимаю зачем мне это, – бывший глава военного совета внимательно посмотрел в лицо своему преемнику, – Ван, ты сможешь себя простить, если доверишь судьбу человечества глупому ребёнку, а он окажется не прав?

– Согласен. Убедили, – Ван Дэшен вытянулся, отдал честь и, развернувшись на каблуках, строевым шагом направился к выходу.

– Постой! – Майн вскочил с кресла и заговорщицки зашептал, – Слава может преувеличивать доброжелательность

этой Мамочки, но совсем немного. Только я этого вслух не говорил. Это мой бред. Понимаешь?

Ван сдержанно улыбнулся и поклонился в пояс, остальные адмиралы последовали его примеру.

– И если вы придёте ко мне в следующий раз с подобным, то я буду отвечать согласно устава, – Майн закивал головой, наполовину скрывшись в дыму, – И кроме "так точно!", "не могу знать!" и "есть!" вы вряд ли услышите что-то дельное.

Оставшись один, Роберт попробовал затянуться и снова зашёлся в кашле. Отдышавшись, он выбил трубку, почистил мундштук и застыл, направив мысли куда-то очень далеко, лишь изредка поворачивая в руке зажигалку с неказистой гравировкой M&T.

– Пора мне самому побывать в шкуре тех ребят, которых я посылал в бой, и ответить за каждый выстрел по ним и каждый их выстрел, – прохрипел отставной адмирал и немного испугался той обречённой уверенности, что услышал в собственном голосе. Он достал нательный крестик и зажал его в кулаке. Последнее время его очень успокаивал этот маленький талисман.

Президент казался крошечным на фоне тактического монитора на мостике "Тирана". Он стоял, заложив руки за спину и размышлял над подробной экономической картой Союза, где населённые системы различались по цветам и пиктограммам в зависимости от уровня развития и направления

производства.

– Товарищ Штайн?! – капитан корабля подошёл совсем близко и повторил обращение ещё пару раз прежде, чем Герман Георгиевич вздрогнул, как от неожиданности, и повернул к нему голову, – Корабль Жданова в системе Надонии, готовится к выходу на орбиту и высадке.

Штайн коротко кивнул и протёр покрасневшие глаза. Человек, который уже более века не имел права на незапланированные ошибки и эмоции, устало улыбнулся, совсем как обычный старик, но быстро взял себя в руки: лицо посвежело, взгляд сделался, как обычно, острым и цепким, расслабленная улыбка сменилась строгими, сжатыми в линию губами.

– Пожалуй в этот раз мы не помчимся узнавать новости – последние два раза это слишком дорого стоило. Подождём его прибытия.

– И вот ещё документы на корабль... – капитан протянул прозрачный планшет.

– Да-да! – Штайн бегло пробежал глазами по строчкам, – Пора уже.

Герман Георгиевич приложил к считывателю палец и завизировал документ.

– Внимание! – объявил по громкой связи капитан, – Флагман административного флота президиума получает личное имя: "Тиран".

Глава Союза посмотрел в камеру дрона, который неот-

ступно следовал за ним, и проговорил:

– Если народ даёт имя, то изменить это уже не выйдет, – Герман пожал плечами и добавил, – Сейчас мне нужно в уборную.

Штайн оставил мостик в сопровождении нескольких летающих камер, транслирующих изображение и звук в общественную сеть без перерыва, даже когда президент спал.

– Что-то слишком заспанная у тебя морда! – Старцев обнял меня и слегка приподнял.

– В разведке не приляжешь, вот на обратном пути отсыпался. Как у вас тут?

Город на скале рос с невероятной скоростью. Здания из лёгких композитов лепились уже третьим слоем, словно какие-то гигантские пчёлы сошли с ума и принялись возводить улей неправильной формы. Медведь поймал мой недовольный взгляд и пояснил:

– Слишком большой поток учёных – я не успеваю нормально планировать архитектуру, – он пожал покатыми плечами, – Зато мы смогли получить огромное количество новых данных. Группа Ольхова смогла далеко продвинуться в создании платформы для омег. Они...

– Олег... – я взял боевого товарища за плечи, и мы долго смотрели в глаза друг другу.

– Всё хорошо. Ленка здесь. Она здорово помогает, – наконец прошептал самый крупный космодесантник и зажму-

рился, когда защипало в глазах.

– Мне тоже страшно.

– Эй! – Василиса вытащила тяжёлый контейнер с выданным для экспедиции оборудованием, – Может поможете разгрузиться?

– Я разгрузился. Броня и этот кофр остаётся на Зорком.

Василиса коротко кивнула, ткнула локтём в бок Айдара, спустившегося до середины трапа, и указала на контейнер. Алтынов пожал плечами и ухватился за ручку.

– Ребята, – обратился я к ним, – Спасибо вам! Ещё тысячу раз спасибо!

– Так мы ничего особого и не сделали – рутина, – бросил Эджус и кряхтя принялся помогать товарищу.

– Любой прорыв, открытие и подвиг состоит почти целиком из рутины, – ответил я, – Превозмочь себя и идти через рутину, чтобы достичь результата могут только герои.

– Обращайтесь! – Василиса помахала рукой и скрылась в шлюзе.

С восходом поднимался ветер, но количество спор зелёного лёгочного грибка успели сильно понизить, и на верхних ярусах городка экраны не включали. От сырости мгновенно слиплись волосы, а видимость упала до ноля из-за тумана, который поток воздуха зачерпнул над верхушками деревьев и вылил на посадочную площадку, а через секунду новый порыв очистил всё, и солнце принялось сушить росу.

– Пойдём? – спросил Медведь.

– В лаборатории всё готово?

– Да.

Я оглянулся на Зоркий, зависший в антиграве и закрывающий собой здоровый кусок неба, было жаль прощаться. Наверное, работать в такой команде, исследовать галактику, изучать разобщённые народы станет для меня лучшей пенсией, но до неё ещё не скоро.

– Тогда пора приступить к самой неприятной части работы разведчика... – из карманов на свет появились три ловушки душ.

– Опасно их открывать... – уже на ходу произнёс Олег, – Что, если они смогут вырваться?

– Поэтому начнём с Рэйчел, с Раджула...

Пришлось попетлять по коридорам, чтобы добраться до лифта ведущего в подземный экранированный бункер. Население научного городка начало просыпаться, и навстречу нам попадалось много людей... и несколько омег.

– Они поведением становятся совершенно неотличимы от нас, – ответил на моё удивление Олег, – Их необычность сходит на нет.

– Все загадки обречены быть разгаданы.

– Это если их будут разгадывать.

– Мы будем.

Подземная лаборатория состояла всего из трёх помещений, окружённых мощным блокирующим полем. Сразу после выхода из лифта я сложил ловушки в специальный кон-

тейнер на конвейерной ленте, и они уехали за стену. Тамбур-шлюз герметично закрылся, включилась установка дезактивации. Все импланты заглохло, и в голове стоял дикий гул. Пришлось несколько минут терпеть сильную боль, словно нервы прижигали горячими иглками. После этой процедуры Медведь с ругательствами открыл дверь специальным кодовым ключом, сделал несколько шагов и сел на небольшой диванчик.

– Посиди... – слова давались гиганту с трудом.

Опустившись рядом с Олегом, я почувствовал некоторое облегчение.

– А нельзя в этой пыточной кушетки поставить и вводить обезболивающее? Я едва на ногах удержался!

– Я этот вопрос задал первым делом... – Старцев всё ещё тяжело дышал и говорил урывками, – Выдали мне умники пачку мелко исписанной бумаги вместо ответа...

– И?

– Нельзя... если коротко, – Старцев заметил мой взгляд, требующий объяснения и продолжил, – Дело в том, что необходимо для нормального прохода через поле блокировки омег быть в сознании и в то же время остановить внутренний поток этого сознания. Иначе можно самому "сомежиться". Для этого или нужно быть "йогом" или немного пострадать. Я тебе дам почитать, если хочешь.

Я махнул рукой:

– Обойдусь. Пойдём?

Массивная бронированная дверь непосредственно в зал с оборудованием тоже открывалась физическим ключом. С потолка повсюду свисали архаичные проводные камеры. В просторном помещении в углу располагался миниатюрный генератор энергии, а посередине возвышалось некоторое подобие цилиндрической клетки из металла и прозрачного полимера. Остальное пространство в основном покрывали кабели установки, да по краям стояло несколько компьютеров.

– Начнём? – спросил Олег.

– Без команды учёных?

Управляющий колонией хихикнул и вытащил из стопки два лёгких пластиковых стула.

– Шучу, конечно, но от тебя можно и этого ожидать. Я думал, что тут уже все собрались, если честно.

Позади раздался шум и ругань – вошли двое в защитных костюмах, с полностью закрытыми лицами во главе с Ольховым, который держал шлем-маску в руке и тяжело дышал.

– Простите за опоздание, Олег Васильевич, – Егор Степанович стянул перчатку и подал руку.

– Причина уважительная, надеюсь, – Медведь изобразил на лице строгость, я приготовился увидеть гримасу, скорее смешную, чем грозную, но, к своему удивлению, сам оторопел от жёсткого и колючего взгляда и грозного голоса.

– Принимали новую партию оборудования – часть отбраковали, – Ольхов вытянулся и заговорил чётко и громко, – Для нашей работы необходимо отбирать инструменты с осо-

бой строгостью.

Медведь смягчился:

– Через месяц закончим строительство фабрики и будет вам всё самое точное и особенное, а пока выбирайте из серийного, что подходит, – голос изменился, стал снова мягким, несмотря на силу и громкость.

Ольхов расслабился и представил ассистентов:

– Это Катенька Казанцева и товарищ Блатман Давид Иванович. Оба уникальные специалисты в области соединения человека и машины. Отличаются по цвету, – Ольхов указал на крестики, нарисованные на лобных частях шлемов маркером, – Катя красненькая, а Давид жёлтенький.

– А значок с именем не лучше? – спросил я.

– Слав, это какая-то внутренняя их шутка, – ответил Старцев, – Я спрашивал – только хихикают.

Катя открыла в стене нишу и достала контейнер с тремя ловушками. Я указал на ту, где томилась Рэйчел:

– Начнём с этой.

Давид тем временем извлёк из ящика полноразмерного антропоморфного киборга и установил его в центральной камере.

– У этого тела нет половых признаков, – заметил я.

– Мы создали их бесполоыми, потому что в распоряжении только одна линия их производства, – Ольхов с некоторой укоризной посмотрел на Старцева, – Процесс создания их очень трудоёмок и долг. А омега, оказавшаяся в теле с про-

тивноположным своему полом, будет травмирована.

– Гегемония столкнулась с проблемой несовместимости искусственных тел и омега-структур... – начал я.

– Это они специально! – Ольхов повысил голос от негодования, – Их "сфера" содержит огромное... Нет, колоссальное количество средств защиты от копирования и использования не так, как задумано производителем! Поэтому и размеры устройства превышают в несколько раз необходимые, и тело для омеги, вернее именно для сферы, должно очень точно совпадать с проектным.

Председатель научного совета фыркнул и надел маску.

– Работаем! – голос через респиратор сделался дребезжащим и приглушённым.

Ассистенты встали за консоли и следили за параметрами, Ольхов несколько раз обошёл клетку, постоянно что-то подстраивая. Воздух загудел от напряжения, на затылке приподнялись волосы, а вектор сил притяжения уполз из-под ног немного в сторону. Учёные обменивались малопонятными фразами, а порой обходились простыми жестами.

Киборг вздрогнул. Обнажённая кожа натянулась от напрягшихся под ней мышц. Существо закричало. Страшно, громко, жутко. В этом вопле вместились невыносимое количество страдания. Глаза бешено вращались, пока не сфокусировались на мне. Стало тихо.

– Слава, ты? – возник эффект "зловещей долины", когда я услышал интонации Рэйчел в чужом голосе и увидел её

мимику.

– Да... Мы сейчас далеко от Гегемонии. Всё будет хорошо.

– Вы идиоты... – Рейчел горько усмехнулась и села на пол, обхватив колени руками, – Убавьте производительность процессоров, поддерживающих душу в ваших ловушках! Я едва не сошла с ума!

Ольхов выключил установку и стянул с головы защиту. Учёный с трудом дышал от волнения. Медведь положил ему свою лапу на плечо и придержал со словами:

– Егор Степанович, помните о протоколе! – и добавил мне, – Очень боюсь, что он сам решит залезть в установку и на себе начнёт опыты ставить.

Рэйчел подняла глаза полные слёз:

– В ваших ловушках не стазис. Душа там находится в полной изоляции от всего, кроме самой себя и может думать, рассуждать. Слишком мощное железо делает так, что каждая секунда там растягивается в дни. Последние несколько субъективных лет я убеждала себя, что дело именно в этом, и меня не забыли...

– Прости, – я сделал шаг к клетке, но Олег цыкнул, напоминая о необходимой осторожности.

– От имени всех учёных Надонии я приношу вам извинения... и прошу прощения, – пробасил Медведь, – Я управляющий этой колонией – Старцев Олег Васильевич. Вас можно называть по имени?

– Рэйчел Роузен.

– Вы согласны провести эксперименты с нашими учёными?

– Да... Хотя я думала, что буду здесь вне тела. Вячеслав рассказывал, что у вас души свободны.

– Мы дадим вам такую возможность.

Я не выдержал и подошёл к клетке вплотную, несмотря на попытку Старцева мне помешать, но был сильнее его, о чём он прекрасно знал.

– Медведь, я ей верю, – сказал я, вводя команды отключения защиты.

– Я тоже, командир, – со вздохом согласился Старцев, – Я боюсь за неё...

Консоль отказалась мне подчиняться.

– Омеги не самостоятельны, Слав. Они держаться за счёт сети установок Гегемонии, а Надония и ещё несколько областей просто находиться в зоне "турбулентности" и повышенной вероятности флуктуаций поля.

Учёные не даром тут ели свой хлеб. Мне стоило сначала получше изучить их работу. Вникнуть хотя бы в базовые вещи, а не бежать поскорее "оживлять" Рэйчел. Хотя это я не был готов к новым знаниям, а люди передо мной прекрасно чувствовали себя на самой границе науки, даже Медведь.

Из клетки раздался смех, сначала робкое хихиканье, но быстро переросшее в громкий хохот. Рэйчел тряслась и никак не могла остановиться.

– Вы... такие... наивные! Вы... действительно верили, что

есть... душа? Сама по себе?

Я показал Старцеву на консоль, и он согласно кивнул, передавая мне коды доступа. Клетка открылась, и Рэйчел едва не упала, потеряв опору, но я успел подхватить её. Тело киборга было тёплым.

– Можете начинать допрашивать Уитмана, – сказала Рэйчел, – Он из вашей камеры не выберется. Вы же за этим меня первой выпустили?

– И за этим тоже, – признался я, – Но мне нужно передохнуть.

Пальцы киборга провели по моей щетине на щеке с заметным хрустом:

– Да, это точно, – согласилась Рэйчел, – Только прямо сейчас нужно понизить производительность...

– Да-да! – Ольхов закивал и взял две ловушки, чтобы подключить к компьютерам, – Катя, Давид! Помните, я говорил, что избыток вычислительной мощности...

Мы оставили учёных работать. Медведь помог мне довести Рэйчел сначала до лифта, а потом до свободной комнаты. С помощью диагностических медицинских дронов мы убедились, что кибернетическое тело функционирует в пределах нормы, а потом договорились, что встретимся снова через пару часов, чтобы начать самую неприятную часть работы разведчика.

3.2 Допрос

После обеда перед тем, как снова спускаться в лабораторию, я зашёл к Рэйчел. Она нагая сидела на кровати и читала какую-то книгу. На полу лежала кучка одежды.

– Тебе ничего не подошло? – спросил я через приоткрытую дверь.

– Это тело не мёрзнет, а причин стыдливо прикрывать кукольную анатомию я не вижу.

– Хочешь наблюдать за допросом Пола и Элиота?

– А мне разрешат их пытаться? – с серьёзным выражением Рэйчел отложила книгу в сторону, и я прочитал написанное на обложке, – Вячеслав, ты неверно оцениваешь меня... Со временем это пройдёт, но помогать тебе в этом не вижу смысла.

– В любое время ты можешь обратиться за помощью, помни об этом.

– Слав, я выросла в другом мире. Знаешь о чём я сейчас думаю? – её пальцы тряслись, и она попыталась скрыть это сложив руки в замок.

– Ты думаешь, что мы все наивные дурачки, из которых легко получится армия для очень доброй и справедливой бессмертной императрицы, а возможно и богини. Я это предвидел, ещё до того, как заключил в ловушку.

Глаза киборга распахнулись от удивления, а после сразу

же наружу выступил страх.

– Не бойся, – успокоил я, – Мы не звери... но и не дурачки. Поймёшь со временем. Встроишься... И в этом теле нет имплантов для контроля эмоций: ты как открытая книга.

– Спасибо... А можно будет мне поучаствовать в создании тела для себя? Я передумала быть свободной омегой.

– Конечно!

Я кивнул и закрыл дверь. Стало легче. Пришлось принять тот факт, что этот человек стал для меня близким. Червячок внутри саркастически ухмыльнулся и противным голосом пропищал: "Раааджуууул!" Руки сами сжались в кулаки, пришлось приложить усилие чтобы не ударить в стену. "Нужно обязательно обсудить это с ней, – медленно проговорил я про себя, – И с психиатром..."

Старцев ответил на вызов не сразу и скороговоркой посетовал, что возникло несколько неотложных дел, извинился и выдал мне полномочия на самостоятельную работу с группой Ольхова.

В лаборатории кипела бурная деятельность. Ольхов что-то объяснял Катеньке, быстро рисуя на планшете фигуры:

– ... Нельзя использовать любой сигнал для обратной связи! Наши нервные клетки имеют точно установленную пропускную способность! Ваша оптимизация, Катерина, каждый раз будет приводить к тому, что у человека произвольно будет ускоряться субъективное восприятие! Оставьте это Давиду! – Егор Степанович наконец заметил меня, – О! Наш

герой-разведчик! У нас всё готово.

– Для вас разведчик, а для них подлый шпион... – я взял со стола ловушку с Полом, – Смотрю, вы модернизировали устройства?

Давид пожал плечами и небрежно бросил:

– Просто отломали лишние процессорные блоки. Хорошо, хоть не молотком и зубилом.

– Пленник не пострадал, надеюсь?

– Не более, чем страдал на протяжении двухсот лет, пока его эмулировали на полной мощности, – Ольхов бережно взял из моих рук ловушку и установил в клетке.

Снова пространство заполнилось чем-то неуловимым, но достаточно плотным, чтобы ощутить на самой границе восприятия нечто "лишнее". Сейчас в клетке не было физической платформы и образ Уитмана проявился в виде полупрозрачной голограммы. Он тут же бросился вперёд и наткнулся на ограничивающий барьер, который оттолкнул его, причинив нечто подобное боли.

– Тебя найдут очень скоро! А твой родной мир сожгут! Медленно! Ты успеешь сойти с ума от пыток, пока на твоих глазах до смерти замучают всех твоих близких! – крик полный безумной ярости резал уши, переходя в визг.

– Его можно заткнуть, – Давид отрегулировал громкость звука, – В смысле, сделать ему больно.

– Как тебе не стыдно?! – Ольхов разочарованно хлопнул себя руками по бёдрам, – Пусть прокричится.

Несколько минут омега бесновалась и периодически билась о границы поля. Человек без психических расстройств должен был уже затихнуть, но Уитман совершенно не снижал активность, наоборот его действия приобретали всё более выраженную цикличность: движение по клетке стало круговым, выкрики сделались короче и ритмичнее. Истерика пленника поддерживала сама себя внутренней психической энергией, а без биологических регуляторов, данных нам самой природой, самостоятельно успокоиться было невозможно. Учёные поняли это немного раньше меня и начали обратный перенос омеги в ловушку.

– Он совершенно не способен себя контролировать, – печально произнёс Ольхов, когда крики стихли.

– Ему мясной мозг нужен, – пояснил Давид, – Без жёстко прошитых в физическом теле процессов регуляции возбуждения и торможения этот экземпляр нестабилен.

– С Рэйчел, наверное, было бы иначе... – добавила Катерина, – Нужно найти и систематизировать отличия Уитмана и свободных омег.

– Пророк на Талиме говорил об этом, – вспомнил я, – Негодяи не могут совершить переход. Он утверждал, что вселенная не допустит этого.

По недоумевающему лицу Ольхова, который при каждой возможности старался снимать маску, я понял, что про операцию, чуть не закончившуюся блокадой системы Тельгарна, его группа не знала. Пришлось вкратце рассказать о тех

событиях.

– Мне больше всего интересно, как они перемещаются? – задумчиво спросил Давид, – Между Талимом и Надонией, например, тысячи световых лет, а здесь души из множества обитаемых миров.

– Физики сейчас изучают этот феномен, – Ольхов устало сел на стул и запустил пальцы в свою шевелюру, – Им проще: не нужно заморачиваться с моралью... Половина наших экспериментов на грани дозволенного!

Про себя я подумал, что нужно попробовать найти Пророка.

Давид подкатил деактивированного киборга на кресле-каталке к клетке:

– Помогите, пожалуйста, – попросил он, – Одному тяжело.

Мы взяли тело под руки и усадили на кресло. Давид перепроверил ловушку и переместил её в другой слот. Ольхов с грустью наблюдал за приготовлениями и жевал нижнюю губу. Что-то не давало покоя учёному, и я спросил напрямую:

– Егор Степанович, что-то не так?

Ольхов вздрогнул и замахал руками:

– Всё хорошо! Дело не в самой технике, а... Этот Уитман сейчас – набор многомерных нейросетей внутри смоделированной среды. Но это не просто список векторов на носителе, а СОЗНАНИЕ человека. Из-за квантовых эффектов скопировать его невозможно, а только перенести с носителя на

носитель. Информация эта очень избыточна и устойчива к ошибкам, если не делать их специально... И вот тут я натыкаюсь на самую страшную идею из всех, что приходила мне в голову...

Учёный за секунду постарел на много лет. Он несколько раз подряд достал платок из кармана, вытирал абсолютно сухой лоб и снова убирал. Я понял, что его ужаснуло. На секунду повисло тяжёлое молчание, которое прервал Давид:

– Нужно сообщить в Совет, конечно... Егор Степанович, вы успокойтесь! Задача о составе карты носителя сознания упирается в те же законы квантовой физики, что вы только что упоминали.

– Дурак! – Ольхов подпрыгнул на стуле, – Я не про учёных говорю, а про психопатов в науке! Когда мы прижмём Гегемонию, там может найтись чудовище, которое просто-напросто по-варварски начнёт перебирать тысячи носителей! Миллионы! Вносить при перезаписи в них одни и те же изменения и наблюдать! Понимаешь, что может у него получиться в итоге?

Ольхов закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов – выдохов.

– Сколько предположительно нужно времени, чтобы создать стабильную искусственную душу с помощью такого перебора? – спросил я.

– При нынешнем уровне вычислительной техники пара десятилетий, – с тяжёлой одышкой произнёс Ольхов, – Для

получения омега-структуры с заранее заданными свойствами может понадобиться около века. А потом за несколько месяцев появится армия послушных, фанатичных, бессмертных воинов, не требующих ни тел, ни кораблей...

– А ведь враг может уже владеть всем необходимым, значит нам не стоит терять время, – я кивнул Давиду, и он включил клетку.

Киборг ожил быстро. И на этот раз Пол не стал метаться и кричать. Его глаза безразлично рассматривали окружение, останавливаясь на наших лицах, вспыхивали ненавистью и продолжали изучать обстановку. Новое тело по всей видимости не вызывало никаких эмоций у бессмертного, привыкшего к смене носителей.

– Пол Уитман, вы являетесь владельцем NeuroTech? – задал я первый вопрос. Пленник продолжал молчать, – Меня интересует ваша деятельность, скрытая от Директората.

Пол вздрогнул и впервые осознанно посмотрел на меня:

– Понятно... У вас ничего против меня нет! Иначе бы уже... – что-то в лаборатории насторожило Уитмана, – Кто вы такие?!

– Господин Уитман, скажите, пожалуйста, вы хотите жить вечно? Вернуться к беззаботному существованию?

– Да пошли вы к чёрту! – киборг со всей силы размахнулся и попытался удариться головой о стенку клетки, но ничего не вышло из-за силовых полей, гасящих кинетическую энергию.

Давид изменил статус пленника и любое резкое движение внутри установки стало невозможным. Я в это время вплотную подошёл к прозрачной границе, и с участием улыбнулся владельцу многих планет.

– Господин Уитман, как долго вы находились взаперти? День? Месяц? Год? Пару веков? – мой голос сделался низким, словно вворачивался в сознание, – В полной изоляции люди сходят с ума очень быстро. Для душ этот срок намного дольше... Увидимся через тысячу лет. За это время ваши знания окончательно устареют, и наше сотрудничество утратит всякий смысл.

Киборг задрожал, взгляд заметался. Он был практически готов заговорить. Возможно, на этом давление бы прекратилось, но пленник заметил на лице Ольхова сострадание и ужас от происходящего, почуял слабость, словно зверь, и в тот же миг верхняя губа вздёрнулась вверх от презрения.

– Давид, упаковывай его! – резко сменив тон на агрессивный, я отдал приказ, – Он ещё не готов говорить правду.

Уитман не успел закричать, а лишь дёрнулся вперёд, открыл рот, и тело сразу же обмякло. То количество страха, что он испытал, показалось мне достаточным для принятия им нужного решения. Ольхов несколько раз покачал головой – академику жестокость причиняла физическое страдание.

– Насколько можно "растянуть" его время? – спросил я.

Давид молча посмотрел на наставника, ожидая его разрешения, а Егор Степанович только махнул рукой, окончательно-

но смирившись с неизбежностью моих методов.

– Если я подключу к ловушке рабочую станцию, то за каждую нашу секунду для "господина" будет проходить пару месяцев.

– Настрой так, чтобы прошло несколько лет за следующий час.

– Я проанализировала активность омег в ловушках и выяснила кое-что, – Катерина вывела голографическое изображение нескольких графиков, – Это активность Рэйчел и Элиота, видите? Активность высокая. А у Пола только редкие всплески. Он почти ни о чём не думает, если вокруг ничего не происходит.

Захотелось наружу, вдохнуть свежего воздуха, пройтись вокруг посёлка: быть как можно дальше от всего этого. Вспомнилась светловолосая девушка из омег, которая помогала мне с допросом однофамильца Пола. Кажется, её звали Аля... Она активнее других контактировала с людьми.

– Егор Степанович, – спросил я, – А сюда можно пригласить ту, что помогала со Стефаном Уитманом? Аля... вроде так её зовут?

Ольхов радостно улыбнулся и потёр ладони друг о друга:

– Алёна Сергеевна! Она наш главный консультант. Скоро обязательно будет здесь... – академик посмотрел на часы, – Да уже совсем скоро!

– Тогда Элиота будем доставать из коробки при ней.

Впервые за долгие годы совершенно непонятно было как

действовать. Обычно допросы у меня не вызывали никаких сложностей, в конце концов можно было использовать импланты. Вот только аугментаций, рассчитанных на работу с омега-структурами, в Союзе ещё не изобрели.

Чуть ниже затылка возникло необычное ощущение, словно кто-то прикасался холодными кончиками пальцев. Я обернулся и увидел, как в воздухе проявляется силуэт девушки, сначала прозрачный и зыбкий, но, становясь всё плотнее, постепенно приобретающий объём и массу. Бледная кожа, яркие голубые глаза, ставшие намного старше с нашей последней встречи, собранные ободком волосы едва достигали плеч, простое синее платье без узоров, стянутое на талии матерчатым пояском.

– Здравствуйте, Вячеслав! Рада, что с вами всё в порядке.

– Мне сказали...

– Да, в обществе людей мы быстро становимся похожи на вас.

– Мне нужна...

– Именно за этим я и пришла. Можете запускать установку.

– Мне не...

– Хорошо. Это был последний раз. Впредь буду дослушивать вас до конца, – Аля обратила внимание на голограмму с графиками и загадочно усмехнулась, потом снова посмотрела на меня и произнесла, – На вас подействовало общество, которое вы изучали: вы три раза подряд начинали предложе-

ние с "мне".

Установка гулко загудела, и в третий раз за день вдохнула цифровую душу в искусственное тело. Стихло. Владелец верфей не торопился подавать признаки жизни, оценивал обстановку, пытался анализировать незнакомые ощущения.

– Элиот Доув, – негромко, слегка нараспев произнесла Аля, – Вы себя осознаёте? Понимаете, где находитесь?

Киборг поднял голову и огляделся, с неохотой встал. Он узнал меня, сморщился от злости и прошипел:

– Пол, ты доигрался! Ты даже не представляешь с какой радостью я буду наблюдать за твоими страданиями!

Он хотел добавить что-то ещё, но телепатка остановила поток ненависти резким жестом, сопровождавшимся мощным выбросом энергии, из-за которого Ольхову пришлось ухватиться за край стола, чтобы устоять на ногах.

– А почему, господин Доув, вы решили, что Директорат не в курсе и не одобряет? – девушка оскалилась и стала похожей на вампира из древних книг с длинными выступающими клыками и вертикальными зрачками в ярких жёлтых глазах, – Сколько промышленных миров-верфей вы скрыли ради торговли за пределами Промзоны?

Пленника затрясло. Он несколько раз пытался начать говорить, но никак не мог издать ни звука. Наконец, совладав с собой, Элиот выдавил:

– Я предан Директорату!

Аля кивнула мне, давая понять, что пора вступать в раз-

говор.

– Оставь этот цирк... – я запустил воспроизведение встречи на Арсере, – Провокация удалась! Ты требовал скрыть важнейшую технологию, а потом попытался нейтрализовать меня. Хорошая трактовка записи? Мои действия были одобрены Большой Мамочкой.

– Шестнадцать! – выпалил Доув.

– Координаты? – уточнил я и указал на карту Млечного Пути.

Доув последовательно назвал расположение своих нелегальных верфей за пределами Промзоны и дрожащим голосом попросил:

– Я хочу предстать перед судом Большой Мамочки...

– За полный доступ к управлению верфями и добровольную отставку, – резко отрезала Аля, продолжая скалиться клыкастой пастью.

– Согласен!

Когда все данные были переданы, я без сожаления отдал приказ Давиду снова загнать Доува в ловушку. Телепатка тут же сбросила личину чудища и ласково улыбнулась:

– Жаль, что прочитать я могу только то, что хотят сказать...

Егора Степановича трясло от пережитого. Профессор понимал неизбежность жестоких мер, но испытывал сильнейшее чувство вины за своё участие.

– Давид, замедли ловушку Пола, – попросил я устало, –

На сегодня, пожалуй, всё. Продолжим завтра, когда немного придём в себя.

Ольхов посмотрел на меня с благодарностью и вытер пот со лба.

3.3 Противовесы

Смеркалось. Ветер гнал тёплый влажный воздух наверх. Огоньки на смотровых площадках города сменили цвет с зелёного на жёлтый, предупреждая об опасности заражения патогенной флорой. Пальцы затекли, вцепившись в перила, но я совершенно не ощущал их. Зубастая летающая тварь оторвалась от стада травоядных и решила по глупости поискать жертву среди жителей посёлка – даром, что размах крыльев был больше двух метров, а мощные лапы заканчивались крючьями когтей в пол локтя. Турель отработала быстро, совершив лишь один выстрел, и туша хищника нелепо кувыркнулась в воздухе, а потом камнем рухнула к подножию Ородруина в стороне от пеших маршрутов.

– Вячеслав? – от этого голоса возникало неприятное чувство, что мой рот набит дешёвым пенопластиком, и я слышу слова через его скрип на зубах.

– Тоже решила проветриться? Или решил?

Рэйчел сморщилась и одёрнула руку, так и не коснувшись меня. Секунду казалось, что киборг сейчас развернётся и уйдёт.

– Довольно давно среди диких планет за Промзоной я встретила мир, где очень популярным стал гендерный вопрос, – очень спокойно начала Рэйчел, – Они разработали "технологии", позволяющие "сменить пол". Это были

настолько примитивные операции и гормональные вмешательства, что зачастую первоначальная биология была видна невооружённым глазом. Тогда в том отсталом обществе возникло множество конфликтов из-за принципиальной неполноценности подобных людей и желания это всячески продемонстрировать... Монетизация цирка уродов... При том, что настоящими проблемами трансгендеров никто не занимался. И в то же время быть не таким, как все стало выгодно. Люди отдавали своих детей под нож, чтобы дать им преимущество в обществе. Понимаешь?

Рэйчел замолкла, и я заметил на её глазах слёзы. Стало понятно куда она клонит, но не менее понятна и потребность выговориться до конца, и я продолжал молча слушать. Само собой вышло, что киборг оказался в моих объятиях.

– Это был один из моих миров... Мне стало интересно наблюдать за ними, как за рыбками в домашнем аквариуме. Любопытство привело к желанию вмешиваться. Очень приятно ощущать себя богом. Развитая медицина, подаренная мной, прекратила глупый балаган. Родившиеся мужчинами женщины вели нормальную жизнь: их тела были не больными, а полноценными, они могли даже естественным образом вынашивать и рожать детей, не говоря уже о том, что процедуры исключали варварскую гормональную терапию и мясницкие ножи. То же касалось и тех, кто родился женщиной. Потом мне припомнили этот "эксперимент". Директорат добавил этот эпизод к целой группе нарушений закона о кон-

троле информации и технологий. История плохо закончилась, и я не хочу её сейчас вспоминать в подробностях. Уитман – выходец того мира... Когда меня судили, он попросил для меня именно этого наказания...

Рэйчел замолчала. Её тело дрожало от рыданий, и я почувствовал, как моя рубашка намокла от слёз.

– Я понял, что ты хочешь сказать... А тебе не приходило в голову, что кроме бесплатной медицины стоило бы ещё устранить причины неравенства между мужчинами и женщинами? Возможно, тогда стало бы меньше трансгендеров?

На лице киборга появилась хищная, циничная ухмылка, быстро превратившаяся в горькую:

– Медицина не была бесплатной... А понять и устранить проблему глубже я уже не успела, став куклой...

Она плотнее прижалась к груди и несколько раз тихо всхлипнула. Окончательно стемнело, и стало прохладно. Влага из воздуха выпадала густым туманом, сквозь который огоньки на платформе, снова сменившие цвет на зелёный, были едва различимы.

– Пойдём отсюда? – с трудом успокоив стук зубов скороговоркой произнёс я.

– Да. Ты замёрз и устал.

В коридорах центрального комплекса звучала тихая музыка, наложенная на шелест листьев. Рейчел не отпускала мою руку до самых дверей своей квартирки и осторожно разжала пальцы только тогда, когда дверь открылась.

– Я разучилась самостоятельно чувствовать... Но всё ещё могу быть полезной. Я хочу помочь вытащить информацию из Пола.

– Хорошо. Коды доступа к управлению Коцитом дадут нам огромное преимущество.

Киборг переступила порог, но обернулась и спросила:

– Как вам удалось вырвать власть у своих корпораций?

– До нас, судя по всему, докатилась волна войн из ваших диких миров. Корпы были слабы, а мы потребовали для победы разрешить обобществлять производство кораблей, оружия, и многого другого ради экономического превосходства над противником. После победы оказалось, что мы превосходим и наших бывших владельцев. Кто сильнее, тот и прав.

Рэйчел впервые за вечер улыбнулась, а потом и вовсе приснула от смеха:

– Mamochka ведь убедила всех, что такого никогда не случится!

– Даже суперкомпьютеры ошибаются.

– Слав, Mamochka не ошибается никогда. Давай спать. Завтра будет тяжёлый день.

Я придвинул лысую голову киборга к себе и поцеловал в макушку. Она пахла самой дешёвой имитацией кожи, которую используют в манекенах для испытаний машин на безопасность.

– До завтра, Рэй.

Музыка в коридорах стихла, свет сделался теплее и утра-

тил яркость. Опустели скамейки в просторных залах с небольшими оранжереями. Ночная смена на базе состояла всего лишь из нескольких инженеров, которые вскоре заступят на дежурство. Мирная планета, одно из тех мест, что называют "остриём науки". Большинство учёных здесь наверняка думают только о своей работе, семьях, увлечениях. Дети спокойного времени. Значит о безопасности придётся думать таким, как я.

– Да? – голос Олега звучал бодро внутри моего сознания, но видео показало на лице красное пятно на щеке от подпиравшего голову кулака, – Ольхов доложил об успехах с Довом. Что-то ещё?

– Почему на орбите нет ни одного боевого корабля? Почему на поверхности строятся только гражданские объекты? Медведь фыркнул и встал со стула:

– Мы на планете омег, помнишь? Я тут сто десятый номер после их маленького, но очень упрямого совета! Им тут боевой флот на орбите любоваться звёздочками мешает!

Из-за спины гиганта появилась Ленка и прижала ладошки к губам мужа:

– Не рычи! Привет, Слав. Может на чай?

– Поздно уже. А на завтрак ждите! Доброй ночи!

Усталость сменилась какой-то нудной тяжестью во всём теле, перевозбуждением, напряжением. Требовалось пройти, чтобы нормально заснуть. Вспомнилась давняя встреча, когда я потревожил полуночные размышления Каспера

– помощника дежурного инженера на этой базе. Мальчишка тогда очень тосковал по Земле и был полностью дезориентирован в стремительно меняющемся мире. Память не подвела: я вскорости преодолел клубок коридоров и оказался на той самой грузовой площадке. Разметка предупреждала о защитном поле, которое должно было помешать сесть на самый край и свесить ноги вниз, но отключить охранные машины не составило труда.

Каменный пол не успел остыть до конца и приятно грел. Туман осел. В черноте рассыпало звёзд. Привычка видеть едва ли не каждый день новый узор в новом небе скрадывала ощущение новизны. Не имея голоса, я стеснялся петь при свидетелях, поэтому сверился с данными телеметрии перед тем, как затянуть непритязательную мелодию. Выходило скверно и фальшиво, но очень успокаивало, очищало мысли.

– Грустно, – тихий голос шепнул у самого уха, когда я замолк.

Омега-структуры не фиксируются датчиками, если не принимают форму "призрака". Аля обрела плотность и присела рядом.

– Грустно, что ты так сильно переживаешь, что не можешь заснуть, – пояснила она.

– Вы вообще не спите... – я смирился, что меня услышали.

– И постоянно переживаем. Думаем о всяком. А в последнее время ещё и боимся.

Слова, способные вызвать очередной всплеск научных споров, звучали ровно и спокойно. Порыв ветра поднял тонкие пшеничные волосы и накрыл ими лицо. Аля смешно чихнула и рассмеялась.

– Что?! – ответила девушка на мой недоумённый взгляд, – Страх такое же чувство, как и любое другое. Мы умеем чувствовать всё то, что научились при жизни.

– А если не научились?

– Дисбаланс разрушает. Очень быстро теряется всякая стабильность, и личность распадается. Именно поэтому им нужны тела, – Аля кивнула куда-то на небо, – Чтобы гнила плоть вместо души.

– Плохое объяснение. Слишком идеалистическое.

Аля снова рассмеялась теперь уже над моей глупостью, а потом очень серьёзно продолжила:

– Вот смотри, – часть её призрачной руки превратилась в искрящиеся пылинки и образовали объёмные графики, – Это упрощённые схемы активности омега-структур. Видишь, эти зоны?

Я кивнул, когда Аля выделила несколько волнообразных участков.

– Это эмоции или мысли. Если волна периодическая, значит они зациклились. А если каждый гребень волны выше предыдущего, значит...

– Мне известны основы теории автоматического управления, – я подумал, что вот тут пригодилась бы способность

Али читать мысли, – Если в каждом цикле амплитуда всё больше, то система скорее всего неустойчива.

– И душу разрывают на части эмоции, которыми она не может управлять. В теле же есть гормональная система, нервная и прочие регуляторы, проверенные эволюцией. Такое объяснение лучше?

Я не ответил, а всматриваясь в графики, пытался найти решение ещё одной головоломки.

– Ты правильно мыслишь, Вячеслав, – Аля всё же решилась ответить на незаданный вопрос, – Переход это смерть. А мы лишь слепки живших. Отражения вас – живых. Ольхов прав в том, что слепок можно получить искусственно. Он уже сделал доклад и перепугал Совет.

Девушка поднялась и неспешно пошла по воздуху, постепенно сливаясь с бледными клочками тумана. Она знала, что мне больше не хочется ни о чём спрашивать, но один раз обернулась, и в моей голове прозвучал голос:

– Бессмертные обречены. Их система до сих пор устояла только за счёт постоянного прироста жертв.

Я остался один. В глаза словно насыпали песка. Тело полностью приготовилось ко сну. То ли подействовал свежий воздух, то ли Аля приложила свои силы. Поднявшись, я подошёл к пульту причала и снова включил защитное поле, а после добрёл до своей кровати и уснул прямо в одежде.

3.4 Игра на доверие

– Не опоздайте только! – сказала Ленка на прощание, убегающая на смену, – Вы можете заболтаться, знаю!

Дверь закрылась с тихим шелестом и отсекала шум из коридора, где множество людей спешили на работу. На столе стараниями Хозяйки стояли две тарелки с гренками и большая чаша с грибными шариками.

Медведь хмыкнул и отправил в рот пригоршню ароматных горошин:

– Только утром твой доклад полностью прочитал, – гигант говорил и жевал практически одновременно, – В медицинских приложениях нашёл интересное...

Намёк был абсолютно прозрачным, но не было никакого желания обсуждать сейчас связь с Рейчел.

– Олег, Надония нуждается в нормальной системе обороны, это раз. Два, тут необходимо создавать развитую промышленность для обеспечения научной базы, а имеющиеся темпы роста неудовлетворительны... – важнее шпионских походов я считал скучные и рутинные задачи.

– Я солдат, а не чиновник! – рявкнул Медведь, – Я не привык к этой тяжести! Меня буквально разрывают на части!

Старцев сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Его руки сжимали столешницу с такой силой, что пластик скрипел и покрывался мелкими трещинами.

– Тебя учили вместе со всеми, – спокойно ответил я на выпад.

– Только большую часть жизни я провёл в строю, в грязи, под пулями, а не за переговорами. Почему Совет назначил меня управляющим?

Случается, что очевидные вещи необходимо проговорить вслух, чтобы знание обрело плотность, и я начал перечислять:

– Ты соответствовал требованиям по образованию, опыту, морально-волевым качествам. Ты вступал в контакт с местными разумными формами. Ты, в конце концов, заигрался в солдата удачи на службе корпов и задолжал Союзу за свою вольную жизнь. Поставить управляющим чиновника, не нюхавшего пороха, на планету, которая в любой момент может оказаться на линии фронта было бы глупостью. Так?

Медведь, окончательно успокоившись, посмотрел на меня с невероятной тоской. Рядом с его тарелкой лежал электронный планшет с открытой книгой о управлении гражданскими поселениями. Старцев смиренно относился к своему положению и позволил минутную слабость лишь наедине со мной. Он очень боялся, что не справится, и этот страх стал причиной его стремления учиться и развиваться.

– Ты справишься, – я с силой хлопнул друга по плечу, – А я вызвал тебе в помощь хорошую команду. Надеюсь, ты не против?

В улыбке друга я прочитал благодарность, значит всё пра-

вильно сделал. Часы на стене с крупными цифрами коротко пискнули, предупреждая о времени.

– Как там у них? – Старцев перегнулся через стол и понизил голос, – В отчёте у тебя прямо фантастика.

– Аналитики уже посчитали, что их удельный валовый продукт на человека ниже, чем у нас. Распределение сильно деформировано. На трёх центральных планетах многое бесплатно, а в Промзоне всё втридорога. Мы вот не можем каждому выдать по личному кораблю, но тратим ресурсы на транспортную сеть, чтобы каждый мог позволить себе перемещаться, а там единицы владеют личными яхтами, когда всё население далеко от спального места отойти не может.

Медведь понимающе кивнул:

– Пора! – он торопливо накинул на шею заготовленный заранее галстук и скомандовал домашней автоматике, – Хозяйка, обед не нужен, а к ужину приготовь что-нибудь лёгкое на три... – я усиленно замотал головой, и Олег исправился, – На две персоны.

Интеллектуальная система ответила приятным переливом, значит приняла команду.

В коридорах комплекса установилась тишина: все уже разошлись по рабочим местам. От стен отражался звук только наших шагов. Знакомый лифт пришлось ждать не меньше минуты, значит кто-то уже спустился в лабораторию. Когда двери кабинки открылись, Старцев замер, принимая звонок. Он виновато улыбнулся мне и начал было извиняться:

– Слав, там без моих полномочий...

– Я точно справлюсь. Иди.

Внизу за консолью сидела Рэйчел, изучая документы. Я огляделся в поисках Ольхова или его ассистентов, но никого не обнаружил.

– Они готовят новое тело для Пола, – бесстрастный голос киборга проехался по моим нервам.

– Тебя оставили тут одну?

– Ты же вчера за меня поручился... Сказал, что доверяешь.

Рэйчел жила в обществе, где слово начальства имеет силу закона, а Ольхов привык доверять тем, с кем работал. Удивительно, как два совершенно разных мира породили точку соприкосновения.

– Есть идеи, как вести допрос Пола?

Киборг оторвалась от монитора и с саркастической ухмылкой спросила:

– Думаешь ваша мозголомка не справится? Натравите её на Уитмана, и... – Рэйчел сделала жест рукой похожий на взрыв мозга, – У Гегемонии, кстати, нет таких мощных телепатов.

– Она читает только то, что человек хочет сказать...

Куда-то подевалось всё желание работать. Даже короткий разговор с Рэйчел высасывал силы и вызывал отупление. Импланты гормонального контроля регистрировали у меня постоянные переходы от влюблённости до раздражения, что

было одной из причин аномальной усталости. Для эффективности требовалась сосредоточенность, и я позволил augmentationам корректировать химию крови в режиме реального времени.

– С тобой связались разработчики платформ для омега? – спросил я.

– Да. Ещё вчера вечером. Ночью отправила проектную документацию.

– Нужно будет взглянуть на неё.

– Значит не доверяешь до сих пор.

– Мы не дети в песочнице...

Гермодверь в лабораторию открылась и вошли учёные.

– Да что же это такое?! Второй день подряд мы приходим позже обычного... – Ольхов хлопнул себя по бёдрам и закачал головой.

В то утро и Давид, и Катерина были без масок, и я разглядел их молодые лица, практически детские. Видимо вчерашний запуск установки показал безопасность её работы для человека и теперь стало можно обходиться обычными халатами. Давид Блатман катил перед собой тяжёлый ящик, очевидно, с новым телом, но слишком уж здоровый, с армейскими кодовыми замками на крышке. Катя, заметив моё пристальное внимание к грузу, пояснила:

– Там тело нового образца – прототип без кибернетики. Такие рекомендуется использовать в качестве платформ для омега-структур, и оно требует особого хранения. В этот

ящик как раз поместилось оборудование.

– Вот именно! – радостно потирая руки добавил Ольхов, – Запихивать душу надолго в металлопластиковый контейнер с глазами, кажется мне, негуманным.

Академик многозначительно кивнул Рэйчел, и я понял, что не зря интересовался характеристиками её будущего тела.

Нам пришлось немного повозиться с кабелями, во множестве тянущимися во множестве по полу, чтобы подкатить ящик поближе к клетке – маленькие колёсики никак не перекатывались через толстые жгуты проводов. Наконец контейнер встал на место, и Ольхов приложил ладонь к сканеру. Внутри щёлкнули запоры, но поднимать крышку пришлось снова вручную. Давид и Егор Степанович схватились за ручки с одной стороны, а я с другой. Катерина, увидев, как покраснели лица коллег, хотела помочь мне, но была мягко отстранена:

– У меня военные импланты. Справлюсь один.

Внутри на специальном мате лежало тело мужчины – на этот раз пол можно было определить безошибочно – и я вспомнил, как распаковывал личного помощника перед посадкой на Приму.

– Этот экземпляр без радиомодулей? – спросил я.

– Абсолютно! – Катерина гордо вскинула голову, – Я разработала полностью биологический интерфейс для подключения ловушки душ.

Девушка ловко подключила к телу игольчатые контакты у основания шеи и запустила алгоритм выхода из анабиоза, и оболочка вздрогнула, выгнулась дугой и несколько раз громко вдохнула с тяжёлыми хрипами, словно её душили. Началась псевдожизнь, полностью лишённая сознания, а внутри мозг, сложенный из множества нейронов с изолированными синапсами без намёка на структуру мыслящего человека. Омега с помощью компилятора покажет нервным клеткам, как соединиться, чтобы стать Полом Уитманом.

Катерина внимательно наблюдала за показаниями приборов, закусив нижнюю губу, то и дело поправляя волосы. Напряжение от учёных передалось и мне, хоть я ничего не понимал в многочисленных графиках, но атмосфера торжества человеческого знания вызывала гордость и радость. Рэйчел ошарашенно смотрела на происходящее, будто увидела чудо, но молчала и ни о чём не спрашивала.

– Можно пока заняться другими делами, – развёл руками Ольхов, обращаясь ко мне, – Процесс не быстрый и займёт пару-тройку часов. Я тут с ребятами подежурю, а вы свободны.

"Проверю, что за тело себе заказала Рэйчел," – пронеслась в голове мысль, но не стоило произносить это вслух перед учёными и лишний раз причинять боль бывшей рабыне.

– Свяжусь с военным советом и узнаю, какие у них планы на миры господина Доува, – сказал я и прошёл через гермодверь к лифту.

Производство сколько-то сложных изделий не смогли уместить на бывшей разведывательной базе и вокруг Ородруина образовалось кольцо из ангаров. Пока оно росло только вширь из-за подвижного грунта, но на небольшом удалении уже виднелось начало работ над гигантской платформой, которая будет "плавать" на болоте и удерживать на себе промышленные комплексы – стройка, ставшая возможной благодаря усердным переговорам Старцева с советом омег. Этот старый солдат более чем оправдывал своё назначение.

В лёгком скафандре идти по тропинкам среди огромных деревьев было бы страшно, но теперь постоянно в поле зрения находились постройки и рабочие. Дикая и малоперспективная планета болот покорялась, став центром научного интереса.

Тропа, указанная в навигаторе, упёрлась в высокую пластиковую стену с маленьким тамбуром. Допуски, переданные Старцевым, позволили мне пройти авторизацию и самостоятельно запустить процедуру обеззараживания. Высокоточные датчики органики несколько раз перепроверили чистоту камеры, прежде чем позволили мне попасть внутрь лаборатории и снять защиту. В нос ударил запах более всего похожий на парное молоко, только намного сильнее. Везде стояли высокие колбы с телами разной степени готовности, крупные манипуляторы и приборы, назначение которых я не знал. Тут творилась ещё одна разновидность науки, очень

похожей на магию для любого, кто не владеет нужными знаниями.

– Здравствуйте, – оператор линии ждал меня заранее, – Жданов?

– Вячеслав Семёнович, – подтвердил я.

– Я Дилшод, лучше без фамилии, – невысокий человек быстро направился к прозрачной прямоугольной коробке, кабинету персонала. Его жёсткие, чёрные, кудрявые волосы сзади походили на смешную шапочку или шлем из пружинок.

– Нам некогда с вами заниматься, – извиняющимся тоном на ходу проговорил Дилшод, – Сейчас будем тестировать новую партию.

– Мне только взглянуть на заявку Рэйчел Роузен и, возможно, исправить там некоторые пункты.

– Если поймёте, то пожалуйста, – оператор ехидно улыбнулся, открывая дверь и пропуская меня вперёд, – Мы несколько раз обращались за помощью к коллегам, чтобы разобраться с некоторыми моментами.

– Например? – внутри просторной комнаты на всю работал воздушный фильтр, и я с облегчением прочистил нос от приставучего запаха.

– Например вот, – смуглой рукой парень указал на голограмму синаптического узла с модифицированными мембранными насосами, – Как мне установить имеющиеся контроллеры на эти глобулы? Даже с постоянно активными на-

нитями такая конструкция будет нестабильной.

– У самой заказчицы спрашивали?

– Лучше бы не спрашивал, – Дилшод опустил глаза, – Я инженер-генетик с большим опытом, но от её пояснений только сильнее голова разболелась.

Я сел в кресло и попытался хотя бы в общих чертах разобраться в модификациях, которые заказала Рэйчел. Не смог. Она превосходила нас в вопросах аугментаций на принципиальном уровне. Оставалось сделать простой выбор: запретить изготовления тела по её индивидуальному заказу или довериться. От размышлений во рту возник ощутимый горький привкус. В надежде на хоть какую-то помощь я посмотрел на Дилшоода, который погрузившись в работу перестал замечать всё вокруг. На мониторе перед ним что-то двигалось, меняло цвета, и, судя по выражению лица оператора, всё шло не слишком удачно.

– Привет, Дил! – радостно улыбающаяся женщина заглянула через приоткрытую дверь, увидела меня и добавила, – Ой, и вам здравствуйте! Ну? Каков урожай?

– Два... – пробормотал оператор.

– Ну не ноль же! – женщина прошуршала своим защитным костюмом мимо меня и поцеловала Дилшоода в макушку.

– Мам! – кудрявый парень оторвался от монитора, – Я потребую, чтобы меня перевели подальше от тебя!

– Невежливо отвечать на мамину ласку агрессией, особен-

но при других людях, – женщина сменила тон на строгий.

– Вы Фирдаус Каюм? – спросил я, узнав женщину.

– Да, – она слегка поклонилась, и из-под шапочки выбилась прядь таких же чёрных и плотных пружинок как у сына.

– Вы тоже ведь ознакомились с этим, – я указал на открытый файл технического задания Рэйчел.

– И поняла ненамного больше, чем мой сын...

– Я тем более, но у вас хотя бы есть шанс интуитивно ответить на один вопрос.

– Не томите.

– Аугментации этого тела скорее будут служить прогрессу и справедливости или разрушению?

– Это глупый вопрос. Вы же лучше знаете свою пленницу, – Фирдаус грустно улыбнулась, обняла сына, который в этот раз не сопротивлялся, и добавила, – Решайте, как добрый человек, справедливый и прогрессивный.

Я замер в раздумьях, но через несколько секунд понял, что чем дольше буду взвешивать все за и против, тем меньше шансов решиться на любой из вариантов.

– Делайте! И пусть Рэйчел Роузен вам помогает лично. Только не говорите ей, что я приходил.

3.5 Цена свободы

Посреди густой зелени маленькие озера выглядели тёмными зеркалами с поверхностью недвижимой ни внутренними течениями, ни ветерком. Само болото Надонии было не слишком глубоким – в основном до пары метров. Плотные маты из грибоподобных организмов были основой для уникального биоценоза, удерживающего огромное количество влаги. Планетологи уже подсчитали, что воды здесь почти как на Земле, но образование открытых океанов не происходит – жизнь контролирует климат всей планеты.

Не хотелось выходить на связь с главой военного совета на глазах у рабочих и случайных свидетелей, и пришлось углубиться в чащу. Ботинки защитного костюма с широкими подошвами хорошо удерживались даже на зыбкой поверхности "луж", которые едва начали зарастать волокнами флоры, но я всё-таки старался придерживаться самых плотных участков. Ван Дэшен пристально посмотрел в экран прежде, чем ответить на моё приветствие.

– Есть новости? – спросил он после того, как отдал честь своим неизменным, чётким, резким движением, всегда одинаковым, независимо от того, кому предназначался.

– Уитман имплантирован в биологическое тело, и придётся подождать, пока пройдёт адаптация. Мне хотелось бы знать, что думает Военный Совет по поводу отчёта моей экс-

педиции? Наша реакция на ультиматум будет состоять из превентивных мер, или будем ждать первого хода Гегемонии?

– Это сейчас ещё обсуждается, – губы адмирала образовали кривую линию, – Моя позиция – ударить первыми со всех возможных направлений, но я в меньшинстве. Ваша задача после обработки захваченных пленных ещё не согласована, но готовьтесь к забросу в тыл.

Судя по всему, настроение главнокомандующего улучшилось в процессе нашего с ним разговора, а значит пришло время задать ещё один вопрос:

– Я могу включить в свою команду военнопленную под именем Рэйчел Роузен?

Ван Дэшен нахмурился. Моё предложение его не слишком обрадовало. Наверное, ему стоило взять паузу и хорошо проанализировать ситуацию, но он ответил сразу же, вопреки собственным убеждениям:

– Согласен пойти на этот риск.

Тонкая кожа адмирала сложилась в уголках глаз в глубокие морщины, словно он жмурился от боли.

– До связи, – Ван Дэшен отключился. Он торопился закончить разговор, что-то происходило сейчас на самом верху власти, и ситуация не позволяла уделять слишком много внимания фигурам, обладающим чрезвычайной свободой, вроде меня. Оперативников, чтобы они работали эффективно, нельзя держать на бюрократической цепи из строгих ин-

струкций, и в то же время многочисленные личные контакты с такими мобильными и самодостаточными единицами среди высшего руководства всегда вызывают подозрения. Не только Ван Дэшен, но и любой адмирал будет всячески держаться подальше от подобных мне до того момента, когда Совет утвердит план действий. Я начинал скучать по Роберту – он чаще других нарушал не только негласные правила, но и вполне официальные приказы.

Ещё побродив некоторое время среди гигантских деревьев, я получил от Ольхова сообщение:

"Пациент приходит в сознание."

Нужно возвращаться в лабораторию, только не пешком: слишком долго. Над головой постоянно сновали грузовые дроны, и я подозревал одного из тех, что двигались в сторону Ородруина. Машина послушно спустилась и позволила закрепиться на сиденье в своём подбрюшье. Не слишком комфортный, но довольно безопасный способ быстро перемещаться на ещё диких колониях.

Я прибыл в лабораторию последним. Аля сидела на столе и болтала ногами, Рэйчел, погружённая в чтение, словно находилась где-то далеко, а Ольхов суетился возле клетки, укладывая на носилки с колёсиками тело, бьющееся в конвульсиях, Давид и Катерина помогали ему пристёгивать руки и ноги к специальным проушинам.

– Я щас сдохну и вам конец, ублюдки! – невнятно вопил Уитман, едва ворочая непослушным языком.

– Нет! Ты идиот, Полли! – злорадно закричала Рэйчел, внезапно бросив чтение и подскочив к каталке, – Ты понятия не имеешь, как работает сфера душ и Чистилище! Не надейся, что попадешь туда!

От возбуждения киборг подпрыгивал и тряс перед грудью согнутыми в локтях руками. Между словами она издавала сиплый свист – неудачная попытка завизжать.

– Ты врешь! Лживая никчёмная тварь! – Пол перестал дёргаться и внимательно осматривал присутствующих.

– Это правда, – я вышел из-за спин учёных, чтобы попасть в поле зрения пленника.

– Я так счастлива, Полли, что сегодня ты получишь по заслугам... – Рэйчел произнесла эти слова намного тише. Глубокая боль в ней прорвалась наружу и вызвала слёзы, – Ты получишь, Полли...

Уитман, наконец, разобрал своё прозвище и притих окончательно. Каталка выехала на середину комнаты и остановилась под большой лампой, Давид включил свет, и пленник зажмурился. Я несколько раз подряд считал состояние бывшей рабыни, не на шутку опасаясь её срыва, но показатели оставались в пределах допустимого.

– Можно? – спросила у меня Рэйчел.

– Судя по его реакции, ты бьёшь в нужную точку, – согласился я.

– Полли, ты помнишь личного помощника, которого таскал за собой? Которого насиловал бесконечное количество

раз? Унижал? Которому вшил в мозги импланты, вызывающие к тебе самую искреннюю любовь?

Пол кивнул.

– Ну так здравствуй, любимый! – Рэйчел наклонилась и поцеловала Уитмана в губы, – Ты даже не в диких мирах, Полли, а гораздо, гораздо дальше. Ах! Ты ведь не в курсе, что Директорат готовится к настоящей войне с равным ему противником... Директорат боится.

Последние слова Рэйчел произнесла полушёпотом, раздельно, торжественно, словно читала некролог. Уитман весь сжался и заскулил от ужаса и отчаяния, засучил привязанными ногами.

– Хочешь быть полезным тому, кто сильнее, и сохранить свою жизнь?

Владелец Коцита сначала быстро закивал головой, а потом выдавил из себя:

– У меня будут гарантии?

Хищный оскал Рэйчел стёр самоуничжительную, заискивающую улыбку с лица Уитмана.

– Гарантии чего?

– В каком я останусь статусе? Сохранится ли бессмертие? – Пол мямлил, выталкивая слова через скрюченные губы.

– Видишь? – Рэйчел поднесла к лицу пленника ловушку душ, – Знаешь, что это такое?

По ещё сильнее расширившимся глазам стало понятно,

что Уитман не только запомнил серебристую коробочку, но и догадался о её назначении.

– Ты получишь это и нормальное тело, которое сможет жить веками. Но после. Так что гарантия – моё слово, Полли. Веришь мне? – Рэйчел пару раз ощутимо хлопнула Уитмана по щекам.

– Да, – пленник сглотнул, – Я согласен сотрудничать.

Пол Уитман с облегчением вздохнул, когда киборга смеялась Аля. Она в тот момент походила на девочку-подростка, а для сознания пленника, должно быть, на ангела. Тонкие полупрозрачные пальцы омеги легли поверх глаз Пола и замигали мягким светом. Заключённая в искусственное тело, личность Уитмана без сопротивления передавала информацию о его владениях вместе с кодами доступа для управления.

– Они слишком легко поддаются... – вслух сказал я.

– Бессмертие делает их бесстрашными и трусами одновременно, – Рэйчел смотрела на монитор с отчётом по активности омег внутри ловушек и улыбалась уголками губ, размышляя о чём-то очень важном, – Можно мне задать ему ещё один вопрос?

Прежде чем согласится, я ещё раз считал её психическое состояние, но снова обнаружил лишь небольшой стресс и некоторое возбуждение, а улыбка киборга была полна умиротворения, и возникла мысль, что Рэйчел готова простить или уже простила своего мучителя. Аля уже закончила сбор

памяти и формировала базу данных в виде голограммы, понятной нашим компьютерам. Процесс выглядел очень красиво: серебристая, мерцающая пыль образовывала геометрические узоры, которые тут же искажались, скручивались в спирали и жгуты, превращались в сложные структуры, напоминающие строение вселенной. В итоге объёмное изображение заняло почти всю комнату.

– Готово! – Давид перепроверил целостность полученного файла; он выложил на столик рядом с каталкой свои инструменты и готовился к установке Уитману нескольких имплантов, – Тут и звёздная карта, и все цифровые ключи, и личные сигнатуры для доступа высокого уровня.

Рэйчел медленно подошла к каталке и склонилась над лицом Пола:

– Скажи, только правду, что с нашими детьми? – в её глазах стояли слёзы, – Скажи, пожалуйста!

Я напрягся и сделал шаг к каталке. Пол замотал головой, его пути натянулись:

– Мне они были без надобности... Куда-то их забирали... Тестеров с хорошей генетикой всегда не хватает.

– Ты бы смог их найти? – ледяным тоном, от которого у меня мурашки пошли по коже, спросила Рэйчел. Сигнатуры киборга показывали спокойствие и умиротворение: пульс ровный, гормоны стресса на уровне покоя, и это заставило напрячься и быстрее двинуться вперёд.

– Не имеет смысла... Тестеры редко живут больше полу-

века, а наш последний...

Договорить он не успел. Я уже рвался вперёд, но не успевал и с огромным сожалением наблюдал в субъективном замедлении, как рука Рэйчел метнулась к столику с приборами, схватила металлический стержень и молниеносно вонзила в глазницу под углом в сторону темени, чтобы наверняка необратимо повредить мозг.

– Я не могу себе позволить, чтобы он жил, – Рэйчел опустилась на колени, заложила руки за голову и так стояла в ожидании своей участи. Она каким-то образом взломала программы своего тела и научилась имитировать нужные ей эмоции, чтобы не выдавать своих намерений заранее.

Давид поднял взгляд к потолку на камеры для записи экспериментов, потом посмотрел на меня и отрицательно помотал головой. Ольхов мгновенно постарел, он с трудом добрался до стула и сел, закрыв лицо ладонями. Катерина бросилась к медицинским сканерам и несколько раз перепроверила показания, чтобы убедиться в необратимости поступка Рэйчел. Только я и Аля стояли неподвижно, полностью понимая причины произошедшего, принимая, но не соглашаясь, хоть и не в силах осудить. Она просто не могла оставить жизнь человеку, который отобрал, а потом обрёл её детей на короткое существование в нищете, словно это были лабораторные крысы. Надо отдать ей должное, что дождалась окончания сбора информации и только после этого совершила свой поступок.

– У нас наказывают за убийство, – сказал я.

– Прости, что не смогу отправиться с тобой в следующее приключение, – лицо киборга улыбалось, и, мне показалось, что только сейчас Рэйчел Роузен перестала ощущать себя рабыней.

У Пола не было ни единого шанса осуществить переход в омега-структуру самостоятельно, и он был мёртв необратимо. Кровь начала растекаться по полу. Сохранять обстановку для расследования не имело смысла и автоматике для зачистки был дан приказ стерилизовать лабораторию. Рэйчел на поверхность я вывел сам и вызвал Старцева. Он прибежал, запыхавшись, и никак не мог поверить, что на вверенной им планете случилось подобное.

– У нас даже изоляторов нет... – растерянно бормотал гигант.

– Теперь будут, – ответил я с внезапно возникшей злостью, – И наземные войска, и таможенный контроль, и орбитальные комплексы обороны... Запри её в какой-нибудь кладовке, пока прибудет коллегия судей.

Старцев взял за руку Рэйчел и увёл за собой. Его огромная ручища держала запястье девушки осторожно, словно он боялся её сломать.

Давид дождался, когда я остался один и сказал:

– Мы создадим и настроим необходимые для новой экспедиции импланты через пять дней... А ещё Каюм прислала отчёт, что тело с модификациями для Рэйчел будет готово

примерно в то же время. Ответить ей, чтобы она остановила работу?

Ассистент профессора сморгнул, на мгновение его зрачок стал шире и на чёрном фоне блеснул отражённым светом микроскопический рисунок импланта. Человеческий глаз вряд ли способен разглядеть что-то настолько мелкое, а если бы это и удалось, то живой мозг подретушировал бы картинку, обратив ровные линии в блики от ламп. На шее Давида красовалась татуировка с обозначениями установленных аугментаций, в том числе и глазных. На этом стоило бы успокоиться, но интуиция толкнула меня проверить. Рисунок импланта в глазу Давида не соответствовал ни одному стандартному изделию и ни одному специальному.

– Пусть Фирдаус закончит работу, – сказал я, продолжая самым тщательным образом наблюдать за ассистентом.

– Хорошо.

Давид удалялся по коридору, неся с собой крошечный сгусток нанитов, а я чувствовал себя весьма мерзко из-за возникших подозрений.

3.6 Обнажённый

Яркий свет в переговорной слепил. Зрителей моего позора было немного: Старцев, Ольхов и Аля. Сигнал практически не запаздывал, и картинка выводилась одновременно со звуком. Голограмма адмирала практически не отличалась от реальности, если бы не маленький зазор между полом и подошвами ботинок: он словно парил над площадкой.

– Если аугментированный военный инженер не в состоянии предотвратить убийство у себя под носом, то это профнепригодность! А ещё перед этим просили у меня разрешения взять её на операцию! – адмирал Ван Дэшен отчитывал меня, как малолетнего кадета.

– Я и сейчас буду настаивать на использовании Рэйчел Роузен...

– Жданов! Вы провели на закрытую территорию потенциально опасного человека! Вы не обеспечили за ним контроль! Вы нарушили все мыслимые инструкции работы с вероятным противником! Вступили с ним в личные отношения! – адмирал, сохраняя каменное лицо постепенно повышал голос переходя на крик, – Вы отстранены от работы в Гегемонии!

Ван Дэшен провёл дрожащей рукой по лицу и схватился за выбритый подбородок. Глазами он бегал из стороны в сторону, словно искал мне оправдание.

– Если бы я знал о детях...

– В том-то и дело! Вы слишком привыкли, что аугментации сразу же всё о всех показывают! Транспорт за вами придёт вместе с коллегией судей. Все ваши полномочия отозваны. Конец связи.

Ван Дэшен не смог с первого раза отключить передатчик – трижды промахнулся мимо виртуальной кнопки, прежде чем его изображение исчезло. Старцев сочувственно потрепал меня за плечо и вышел из переговорной.

Егор Степанович топтался возле меня, не в силах начать тяжёлый разговор. Он открывал рот, шевелил губами, но ни звука не произнёс. Ему предстояло очень неприятное дело: демонтировать с меня все импланты. На несколько дней, а быть может и навсегда я стану самым обычным человеком.

– Пойдёмте, товарищ Ольхов. Уверен, что вы сделаете всё быстро и лучшим образом, – сказал я, глядя в глаза учёного, заставшего на Земле эпоху корпораций. Назвать его стариком язык не поворачивался, но он им был.

В медблоке стояла звенящая тишина. Больных не было, а профилактические мероприятия проводились лишь раз в несколько дней. Белые стены и минимализм обстановки напомнили мне интерьер яхты Уитмана. Если абстрагироваться от всех эмоций, то выходило, что СЗиК похитил и способствовал убийству высокопоставленного гражданина другого государства, а теперь планирует захватить его собственность. С этой точки зрения даже ультиматум выглядел впол-

не мирным дипломатическим шагом.

– Прошу вас, – Ольхов указал на операционное ложе, – Я вызвал Катеньку. Она будет через несколько минут. Пока загрузите, пожалуйста список имплантов на хирургический терминал, боюсь, что автоматически они не распознаются.

Подогретый пластик коснулся моей кожи. Он шевелился под весом тела, меняя форму, чтобы не происходило застоев крови.

Егор Степанович взглянул на список модификаций и покачал головой:

– Я всегда боялся, что мои наработки будут использоваться вот так... Вместо того, чтобы наслаждаться прекрасным миром и познавать его, вы вынуждены всю жизнь искать в нём зло...

Учёный бормотал себе под нос, а я начал проваливаться в сон, под действием наркоза. Раздался какой-то шум, наверное, пришла Катерина, но точно разобрать уже было невозможно.

Катерина вбежала в операционную запыхавшись:

– Егор... Степанович! Совет... омега... запретил принимать... меры по Жданову и пленнице!

– Так что же вы по сети не сообщили? Я уж было начать хотел.

Ольхов развёл руками и указал на Жданова в ложементе.

– Омегги заблокировали все каналы связи! Они требуют

права самостоятельно решать спорные вопросы в своей системе.

Ольхов озабоченно проверил показатели пациента, он суетился возле терминала и всячески старался не думать, что может значить такой ход со стороны надонийцев. Учёный симпатизировал Вячеславу и неоднократно сталкивался с вывертами логики омега-структур. Действия местного совета никогда не отличались агрессивностью, но всё бывает в первый раз.

– Так мы его будим или оставляем в губернии? Импланты отключать или нет? – спросил Ольхов.

Катерина только хлопала глазами, не зная ответа, но за стеклом, в наблюдательной комнате появился Давид с угрюмым лицом:

– Импланты отключить и поместить под замок, – сказал второй ассистент Ольхова, – Омеги требуют принять все меры безопасности. Судить хотят завтра.

Дверь небольшого склада открылась и Рэйчел увидела встревоженное лицо Али.

– Что-то случилось? – бывшая рабыня спокойно отложила книгу и изучала свою неожиданную гостью.

– Ты очень сильно подставила Вячеслава. Его отстранили от работы и будут судить, – омега полностью просочилась в импровизированную камеру.

– Что ему грозит? – у кибернетического тела отключили

всю мимику, и было совершенно непонятно, стоят ли за вопросом хоть какие-то эмоции.

– Судить будет наш совет, – на слове "наш" Аля сделала ударение, – Ты совершила первое умышленное убийство омега-структуры.

– Не первое. И вообще это так не работает...

– Совет Надонии будет в этом разбираться! – Аля повысила голос, – Ты поступила, как неразумное животное!

Рэйчел наклонила голову набок и пальцами растянула губы в кривую гротескную улыбку и спросила:

– А ты знаешь, чем ты отличаешься от себя же живой?.. Или лучше так: что есть носитель твоего сознания?

Аля молча пожала плечами.

– Ничем. Ничто, – ответила Рэйчел на свои вопросы, – И я убила не омегу, а человека, который убивал меня, возвращал к жизни и снова убивал.

– Я здесь не для философских дискуссий, – Аля устало вздохнула и села на край кушетки, – Ты должна получить тело и сбежать вместе с Ждановым.

– Иди к чёрту.

– Часть омег за то, чтобы закрыть тебя в ловушке.

– Иди к чёрту. И мой ответ не изменится.

– Ты сможешь отомстить...

– Иди к чёрту, дура!

Аля встала и сделала несколько нервных шагов по камере, тонкие руки рассекали воздух, а волосы не поспевали

и метались пшеничным шлейфом. Её кожа покрылась бледно-голубыми искрами, пространство наэлектризовалось, наполнилось энергией.

– У меня больше нет ни перед кем долгов, – тихо произнесла Рэйчел.

– А Жданов?

Бывшая рабыня механически рассмеялась, а потом резко умолкла и прошептала:

– У него был свой резон, у меня свой: мы квиты.

Аля долго вглядывалась в лицо киборга, пытаясь разгадать характер заключённой, но, осознав своё бессилие, покинула пленницу, не забыв запереть дверь. Рэйчел какое-то время сидела неподвижно, а потом как ни в чём не бывало вернулась к чтению.

Косой луч света от ночного прожектора из окна падал прямо на вспотевший лоб Старцева, и капельки играли бликами. Исследовательская база уже несколько часов работала в штатном режиме после внезапного обесточивания. Конфликта с омегами не случилось, но проблему с "первым убийством" ещё предстояло решить. Начальник колонии закончил подробный рапорт и медлил с отправкой, перечитывая уже в третий раз. Жена спала, но беспокойно ворочалась, словно чувствовала нервозность мужа. Олег обернулся на очередной стон, увидел смятую простынь на полу, которой укрывались вместо одеяла, наконец решился и выгрузил

документы в сеть. Прожужжал зуммер вызова. Старцев машинально принял сигнал, ожидая увидеть кого-то из научного или военного совета, но картинки не было вовсе.

– Товарищ Старцев? – глухой, искажённый алгоритмами голос.

– Да. Кто говорит?

– Вы недавно потеряли двоих друзей. А теперь есть шанс спасти одного и заодно Союз. Хотите знать как?

– Кто это? – Олег вышел на балкон, прикрыв вход в квартиру, чтобы не разбудить жену и теперь позволил себе добавить в голос угрожающие интонации.

– Доброжелатель. Я только хочу вам сказать, что Совет Надонии, состоящий из омег, может, сам того не осознавая, действовать в интересах своих создателей, а это не Союз, как вы должны уже догадаться. Нужно это учитывать. Может быть, будет лучше, если Жданов и его подружка продолжат свою подрывную деятельность в тылу противника? Решать это вам, товарищ Старцев.

Сигнал пропал, а Медведь так сильно сжал перила балкона, что пластик лопнул. Ван Дэшен несколько часов назад дал понять, что Ждановым готовы пожертвовать и отдать под суд. "Оперативников его уровня у нас достаточно, – вспомнились слова адмирала, – А вступать в конфронтацию с ещё одним противником накануне военной кампании будет безумством." Старцев понимал логику выбора меньшего зла, но ночной звонок посеял в нём сомнения. Очевидно,

что именно это было целью "доброжелателя", но из головы не выходили слова об омегах и их создателях.

В тишине коридоров раздались шаги. Я не спал и приподнялся на локте, чтобы лучше слышать. Без аугментаций мозг додумывал многое сам, создавая порой шизофренические картины. Приходилось заново учиться контролировать свой поток сознания, что удавалось с большим трудом. Шаги остановились, и я отчётливо услышал глубокий вдох и выдох. Звукоизоляция в квартирах была не безупречной, но точно не могла позволить отчётливо слышать, как нерешительно ворочает во рту языком поздний гость. Снова пришлось бороться со страхом перед приближающимся безумием и пытаться разделить реальность и игру воображения.

Дверь открылась, значит действительно кто-то решил навестить меня, или это продолжение бреда? А может реальный визит совпал со слуховыми галлюцинациями? Голова раскалывалась от комка мыслей.

– Слав? Не спишь? – знакомый низкий голос старого друга, но нет никаких сил ответить, – Я не знаю, как поступить... И спросить не у кого, кроме тебя, а ты сейчас, пожалуй, плохой советчик... В общем...

Тяжёлая рука опустилась на плечо и бережно потянула, я повалился на спину. Старцев осторожно поднял меня и вынес из комнаты. Шок после отключения имплантов нарастал, и я то и дело терял сознание.

– Ты уж точно со всем разберёшься... – последние слова Старцева я услышал, когда он укладывал меня в ложемент. Рядом лежал кто-то ещё, но виден был лишь силуэт под простынёй, размеренно поднимающейся на груди.

3.7 Новое задание

Долгое время тошнота и слабость не позволяли открыть глаза, несмотря на все мои попытки. Безумие почти полностью завладело сознанием и отличить реальность от бреда не представлялось возможным. Кто-то суетился вокруг меня, или мне это только казалось. Порой накатывали волны паники, и чудилось, что я куда-то бегу и с кем-то сражаюсь. Медленно мозг привыкал думать самостоятельно, различать действительные сигналы от фантомных. Неизвестно сколько прошло времени, прежде чем удалось впервые заснуть без патологических видений.

Чьи-то руки вынули иглу питающей системы из вены, что причинило немного боли. Ощущение было чётким и ясным. Я открыл глаза и увидел лицо женщины со смутно знакомыми чертами.

– Знаешь, где находишься? – спросила она.

– Не уверен, но похоже на... – знакомый минималистичный и в то же время утончённый интерьер заставил снова усомниться в реальности, – Опять брежу.

Я зажмурился и неожиданно для себя разозлился, и эта эмоция так же доказывала, что нервная система приходила в норму.

– Да, ты на яхте Уитмана, как и я. А твой друг Старцев – идиот!

Из-за этих слов не оставалось сомнений, что передо мной Рэйчел, но что заставило Медведя совершить преступление? Видимо на моём лице возникло выражение полной растерянности, и напарница по несчастью решила объяснить:

– Ему позвонил аноним-провокактор и наговорил чепухи, а он поддался и устроил нам побег. Смотри сам.

Рэйчел помогла мне приподняться и включила запись. В коротком видео довольный собой Олег рассказал о разговоре с неизвестным и пожелал нам удачи. Я бессильно упал на подушку – хотелось взвыть от обиды и отчаяния.

– Готов возвращаться?

– Погоди... надо подумать.

– А что тут думать? – Рейчел хлопнула ладонью по стене так сильно, что сама вздрогнула от неожиданно громкого звука.

– Где мы? В какой части галактики?

– Посреди диких областей... Этот твой громила настроил автоматику, чтобы мы вынырнули равно далеко от вашего Союза и Гегемонии.

– Среди работников исследовательской базы Надонии как минимум один "крот".

– Давид? – женщина презрительно фыркнула, – Сам догадался?

– Его мало просто раскрыть – нужно хотя бы выяснить его цели, способ внедрения и на кого работает.

– И ты, конечно, болтаясь посреди пустоты без сознания,

получишь эту информацию из бредовый видений...

Рэйчел была права. Без поддержки, без имплантов, без нормального планирования я мог только "болтаться посреди пустоты". Героев-одиночек никогда не существовало, потому что просто не может существовать.

– Почему ты не вернулась сразу? – спросил я.

– Не умею управлять кораблём вручную. Стараюсь разобраться, но на это нужно время.

– Громила-Старцев смог разобраться, а ты нет?

Рэйчел совершила грубый жест руками и с раздражением и злостью ответила:

– А ваши учёные половину моей пояснительной записки для разработки тела не поняли, – в каждом звуке фразы оказалось так много желчи, что вполне хватило бы растворить меня целиком.

– Спасибо, Рэй...

– За что? – напряжённая, агрессивная поза с кренделем рук сменилась сочувственным наклоном вперёд.

– За то, что ухаживала за мной, помогала прийти в себя.

– Ты пилот, который вытащит меня отсюда. Да и скучно одной, – Рэйчел отвернулась в сторону, словно ей внезапно стали интересны мониторы медблока. Она поднялась с кресла на магнитных роликах и вышла, так и не посмотрев в мою сторону.

В голове волнами расходилась тишина, словно была не отсутствием звуков, а явлением, обладающим собственными

носителями. Наконец нервная система приспособилась, хотя я хорошо знал, что, забывшись, ещё долго буду пытаться вызвать дополненную реальность, чтобы узнать точное время.

Потолок всей поверхностью излучал мягкий рассеянный свет, лишая комнату теней, и предметы казались плоскими, словно вырезанные из бумаги. Я повернулся на бок, подмял подушку под голову и попытался вздремнуть, но ничего не вышло: слишком много мыслей, словно топчущиеся в застрявшем лифте пассажиры, не давали расслабиться. Нехотя пришлось встать. Босые ноги ощутили неприятный холод пола, но корабль не спешил исправить дискомфорт – без эмулятора сферы души с Полом внутри я вряд ли мог претендовать здесь на статус выше мебели.

На мостике Рэйчел развалилась в кресле и листала монографию о звёздной навигации, морщила лоб, пытаясь разоб­раться непонятные места и постоянно обращалась к нескольким справочникам. Увидев меня в одноразовой больничной пижаме, ссутуленного и держащегося за стену, она покачала головой:

– Без имплантов мы всего лишь никчёмное мясо...

– Без знаний и навыков, – парировал я.

Женщина притворилась, что хочет бросить в меня планшет, а потом будто передумала и уступила место.

– Готова сдаваться на милость судей? – спросил я.

– Давно... А ты не хочешь сначала прийти в себя окончательно? Выглядишь, словно тебя пытали.

– Там мне быстрее помогут.

Монитор показал деформированную сетку, в узлах которой располагались самые яркие и долгоживущие звёзды, что использовали люди для навигации ещё со времён первых перелётов в Солнечной системе. Я без особого труда сориентировался и с помощью бортового ИИ начал разрабатывать маршрут. Естественно, что я не помнил всех формул, коэффициентов и поправок, но понимание устройства мира и его базовых законов, позволили, вооружившись вычислительной мощностью яхты, рассчитать безопасный нырок к Надонии.

Рэйчел внимательно наблюдала за мной, а когда я передал ИИ все необходимые команды и удовлетворённо потянулся, разминая затёкшее тело, спросила:

– Вас всех учат так?

– Как так?

– Всему понемногу, но нескольким дисциплинам основательно?

– Ну есть же необходимый минимум!

– Зачем? Для чего забивать голову тем, что не пригодиться в работе?

– Ну, представь, что встретятся хирург и инженер, а поговорить не смогут, – я рассмеялся, но Рэйчел угрюмо стучала пальцами по маленькому столику, – Глупыми легче управлять, зато полноценно развитыми управлять не нужно вовсе. Образованные люди сами делают правильный вы-

бор в большинстве ситуаций, выполняют необходимую работу и не нужно ставить над ними начальников, содержать огромную армию полицейских и прочее. Государству остаётся только координировать действия разных групп, да отлавливать редких девиантов.

Спутница горько усмехнулась и задумалась, она не нашла, что возразить. Тем временем маршрут был построен, и яхта начала подготовку к нырку.

– А нас не расстреляют из орбитальных установок? – Рэйчел расположилась на соседнем ложементе, который уже обхватил её тело, оставив возможность двигать лишь глазами.

– Мы не звери. Сначала думаем, потом стреляем.

Система жизнеобеспечения на короткий миг отключила сознание, показалось, что всего лишь моргнул – и сразу же перед глазами на мониторе возник новый рисунок звёзд. Ожил коммуникатор с требованием от автоматической станции назваться, я включил протокол военного шифрования и собирался ответить, когда пошёл вызов с высшим приоритетом.

– Борт "яхта Пола Уитмана", оперативный следователь Жданов Вячеслав Семёнович слушает.

– Разве тебя ещё не отстранили? – в синтетическом голосе послышалась насмешка, – Я без протокола и неофициально.

– А я думал, что после закона о публичной жизни президента, у вас не может быть ни одного неофициального телодвижения, товарищ Штайн.

– Закон о неприкосновенности мышления никто не отменял. Я сейчас официально сплю, и камеры это фиксируют, а о чём любой человек думает, знать никому не положено. Думаю, ты догадался, что твой "побег" устроили не мы, но не воспользоваться этим случаем нельзя. Пришлось лично вмешаться, едва смогли убедить Старцева сыграть его роль. Кстати, ты и Рэйчел мертвы официально. Немного подробностей будет в материалах. Канал связи неустойчив. Прими данные для новой операции.

– Что будет со Олегом?

– Он при тебе жаловался на своё положение? Говорил, что он солдат, а не управленец? Так вот он призван в действующий флот. В наказание будет год обучать десантников.

– А моего мнения кто-нибудь спросит? – подала голос, молчавшая до этого Рэйчел.

– Вам, госпожа Роузен-Вахид, понравится работать с нами, уверяю, – в интонациях сквозила едкая издёвка, но это было именно то, что зацепило Рэйчел и вызвало любопытство.

Голос президента затих, давая время подумать.

– Чей агент Давид? – спросил я после паузы.

– Не мой, – коротко ответил Штайн, – С ним работают.

Данные загрузились: множество звёздных карт, личные досье, описания техпроцессов промышленных установок и многое другое.

– Мы готовы к войне, – напоследок сказал президент, – А

твоя задача сократить число жертв. Так что – удачи!

Самым первым приказом было отправиться по точным координатам.

Я ввёл данные для нового маршрута в бортовой компьютер и пролистывал файлы. Рэйчел выбирала исключительно видео и картинки, пропуская текст. Неожиданно она рассмеялась и вывела запись передо мной со словами: "Смотри!"

Точные копии меня и бывшей рабыни выбежали из коридора базы на стартовую площадку и устремились к кораблю, как две капли воды похожему на яхту Уитмана. Погоня из нескольких человек в десантной броне открыла массивный огонь, но сбежавшие оказались на редкость проворными и успели скрыться за створками шлюза. Спустя несколько секунд из дюз рвануло плазмой, и корабль начал движение, чуть разогнался над платформой и резко нырнул со скалы вниз.

– Зачем этот спектакль? – спросил я.

– Тут ниже поясняется, что корабль отправился по координатам какой-то отдалённой необитаемой системы и там был уничтожен силами Гегемонии. В бортовом компьютере был вирус не позволявший сменить точку назначения, – Рэйчел цокнула языком, – Ваша контрразведка умеет работать.

– Знаешь, чем нам предстоит заниматься? – спросил я, закрывая файлы документов.

– Шпионажем за бессмертными? – женщина усмехнулась и наклонила голову, давая понять, что с её жизненным опы-

том мои вопросы воспринимает исключительно, как риторические и наивные.

– Терроризмом.

Рэйчел поперхнулась от удивления.

– Прости, что?

– В Гегемонии всё завязано на личной власти немногих. Без Примы, Секунды и Терции остальные миры ничто не удержит вместе. Мы должны подготовить ликвидацию всех трёх директоратов. Наши аналитики посчитали это выполнимым.

Брови Рэйчел сложились птичкой, а лоб покрылся складками, состарив кукольное личико на несколько десятилетий.

– У нас этим словом называют массовые убийства...

– А у нас понимают дословно. Если цель запугать мирных обывателей, то захватывают школы, взрывают жилые кварталы, а если хотят дезорганизовать верхушку государства, то работают исключительно по ним, – я внимательно наблюдал за мимикой Рэйчел, убеждаясь, что она меня понимает.

– Знаешь, – неожиданно сказала моя невольная напарница, – Я думаю, что нам пора переходить на русский – будет легче понимать друг друга.

3.8 Вербовка

– Фиксирую технические сигнатуры! – Рэйчел озабоченно посмотрела в мою сторону, а я только пожал плечами.

Вынырнув посреди большущего "ничего" неподалёку от молодой звезды с формирующимся аккреционным диском, яхта начала пассивный дрейф, а мы посменно дежурили у аппаратуры поиска антропогенных следов, пересекаясь на мостике два раза в сутки. Все три дня пребывания нас в системе космос демонстрировал исключительно дикие красоты без единого намёка на присутствие здесь человека, что не было удивительно: мощное излучение, мечущиеся в пространстве вихри солнечного ветра и куски будущих планет на нестабильных орбитах едва вызовут желание обосноваться тут на сколько-нибудь продолжительное время. Однако с первых часов датчики смогли засечь сигналы, слабые, направленные в ограниченную зону временного затишья стихии, где было произведено всплытие, и мы прикладывали все силы, чтобы найти то, что их испускало. Рейчел только готовилась сдавать вахту и перепроверяла показания приборов, когда обработка очередного массива данных указала на несколько мощных источников радиовещания.

– Давай посмотрим, что там, – напарница перевела яхту в режим полуавтоматического управления и немного подала вперёд на средней тяге, чтобы определить направление сиг-

нала и точку его выхода, – Кажется, нам машут ручкой сразу с нескольких планетоидов, – Рейчел удивлённо хмыкнула, – Куда двинемся?

– Если ошибёмся, нас взорвут, – поразмыслив немного ответил я.

– С чего вдруг?

– Всего восемь источников, но каждый передаёт разный код, не связанный с местоположением. Семь обманок и только один истинный.

– Тебя Штайн предупредил?

Я отрицательно покачал головой:

– Передают они мой табельный номер, но все с ошибками, кроме одного. Тут ждали именно меня и никого другого.

Рейчел изобразила саркастическую усмешку:

– Для тех, кто не разгадает эту загадку остаётся один шанс из восьми случайно выбрать правильный курс.

– Не думаю, что это единственный фильтр для неожиданных гостей.

Пришлось немного повозиться с выбором траектории полёта, но бортовой ИИ справился с расчётами довольно быстро, и выходило, что это займёт чуть меньше суток.

– Гиббернация? – спросила Рэйчел.

– Хотелось бы, но нет. Ты можешь пойти спать, а мне стоит подежурить.

– Думаешь, будут сюрпризы до контакта?

– Рисковать точно не стоит, как и обозначать себя заранее

тоже.

– Разбуди, как закончится твоя вахта, – бывшая рабыня потянулась, разминая руки-ноги, сильно зажмурилась и зевнула, – А я вздремну. Если что, у меня никогда не было ни табельного номера, ни каких-то документов вообще, кроме сферы души.

Оставшись один, я решил, что даже без имплантов способен удерживать целые сутки достаточную концентрацию, а Рэйчел ещё может понадобится отдохнувшая и полная сил, но главное, что после сна у неё всегда было хорошее настроение, и её беспокойный, едкий нрав уступал спокойствию и уравновешенности. В библиотеке яхты нашлись древние классические произведения, и я неспешно размышлял под тихие переливы скрипок, строил схемы управления Гегемонии на основании увиденного в образе Пола Уитмана и тех знаний, что были получены другими разведчиками. Время шло, и складывалось обманчивое впечатление, что колоссальные силы, готовящиеся к схватке, можно осмыслить и набросать на нескольких листах бумаги. В конце концов дремота незаметно одолела меня, и пробуждение громким сигналом тревоги выбросило тело из ложементов.

– Внимание! Манёвр уклонения проведён успешно. Необходимо вмешательство пилота, – ИИ филигранно вывернулся из-под огня автоматических турелей мобильных дронов, но мне показалось, что стреляли скорее для предупреждения, – Получен сигнал от внешнего источника. Начать рас-

шифровку?

Я мгновенно собрал себя в концентрированный комок внимания и подтвердил разрешение на связь. На мониторе появилось серьёзное, суровое лицо пожилого мужчины в фуражке с неизвестными мне знаками отличия:

– Требую подтвердить личность, – голос спокойный, словно его обладатель каждый час встречает залпом турелей несколько пришельцев перед тем, как поздороваться.

– Вячеслав Жданов, оперативный следователь службы безопасности Союза Земли и Колоний.

– Подтвердите личность, – военный повторил требование ультимативным тоном.

– Мы двигались на сигнал, совпадающий с моим табельным номером.

Человек смягчился и улыбнулся:

– Не сопротивляйтесь стыковке и принудительному сопровождению. Личность проверим на месте.

Экран погас, а я с облегчением выдохнул, переводя яхту снова в дрейф. На радаре появились несколько штурмовых кораблей флота и один предназначенный для абордажа. Судно Уитмана аккуратно зажали в тиски, захватили гравитационным крюком и потащили в сторону планетоида. На связь больше никто не выходил.

– Рейчел? – оставив мостик, я инициировал пробуждение.

– Моя очередь? – женщина поправила чёрные волосы, налипшие вокруг лица из-за дыхательной жидкости.

– Нас уже тащат к причалу. Готовься знакомиться с разведкой СЗиКа...

– А ты разве не один из них?..

– Нет, – я махнул рукой и устало присел на край габаритной капсулы, – Я, по-вашему, полицейский с расширенными полномочиями. А эти ребята даже для меня в новинку будут.

Рэйчел неуклюже выбралась из люльки и направилась в душ:

– А почему в новинку?

– Мы... Я до последнего времени считал, что корпоративные миры – это разрозненные системы, которые можно постепенно “очеловечивать”, а значит содержать такой род войск не за чем. У нас и армия больше милицейские функции выполняла последние полвека...

Погас свет. Яхта оказалась полностью обесточена, отключились гравитационные компенсаторы и нас слегка потрянуло.

– Чёрт возьми! – ругнулась Рэйчел и принялась наспех обтираться.

Послышался тихий шелест: выравнивалось давление в яхте и снаружи, значит шлюзы были взломаны и принудительно открыты извне. Пожалуй, подготовка этих ребят и техническое оснащение находились на уровне повыше моего. Освещение вернулось к норме. Послышались тяжёлые шаги.

– Мы здесь! – крикнул я.

– Видим! Руки за голову и без резких движений! – в гibernационный отсек вошёл вооружённый человек в облегчённой броне, а в его руках был короткий автоматический парализатор. Он бегло огляделся и подал знак ещё двоим, что ждали снаружи. Нас быстро окружили и с опаской вывели из яхты под своды гигантской пещеры, где размещались ещё несколько десятков кораблей. С потолка падал неяркий свет, имитирующий лёгкую, полуденную, весеннюю облачность. Воздух пах цветущими абрикосами и сиренью, а не обычной “стерильностью” автономных станций. Чуть поодаль от посадочных площадок плотно росли источники ароматов. Я засмотрелся на живые растения и получил довольно вежливый тычок в спину и про себя попросил у вселенной, чтобы моя спутница не решила устроить какой-нибудь фокус.

Пройдя через аллею, состоящую из виноградных лоз, цепляющихся за каркас из прутьев, мы очутились перед монолитной скалой с небольшой дверью-диафрагмой. Конвоиры остановились и застыли, обмениваясь кодами с системой безопасности. Когда лепестки двери-диафрагмы раскрылись, я увидел старого мужчину в форме, которая сидела на его подтянутом теле, как на выставочном манекене.

– Нужно взять пробу тканей, – сказал старик и протянул руку с небольшим прибором.

Я протянул ладонь и почувствовал резкую боль от механической иглы. Старик сверил показания, кивнул и произ-

нёс:

– Последняя формальность...

Показалось, что в грудь ударили кувалдой. Дыхание остановилось, мышцы свело судорогой. Я увидел себя со стороны, падающего на руки Рэйчел, но не успел удивиться этому ракурсу, как пришёл в себя, а о случившемся говорила тяжёлая одышка и крепкие объятия напарницы.

– Добро пожаловать, товарищ Жданов! Старший капитан Тетерев, – старик помог мне подняться и с откровенным сожалением добавил, – Без последней проверки теперь не обойтись...

– Понимаю... А что это было?

– Насильственный переход: абсолютно точный способ опознать личность, – Тетерев пожевал губами и добавил, – Случайно открыли на Надонии.

– Так какова цель нашей встречи? – спросил я.

– Подготовка вас к оперативной работе в тылу врага, – капитан пожал плечами и указал на большой мягкий диван, – Садитесь. Чаю?

– Как-то у вас тут по-домашнему, – сказала Рэйчел, закинув ногу на колено.

– Ну так это же наш дом! – Тетерев хохотнул, – Так что насчёт чая?

Мы с напарницей кивнули и приготовились слушать вводную, но старший капитан Тетерев Степан Игоревич не торопился, а представился полностью и болтал о том, как два-

дцать лет назад прилетел сюда с инженерным взводом, и как они едва ли не зубами выгрызали себе место в негостеприимной молодой системе. После третьей чашки терпкого вкусного напитка я не выдержал:

– Может о деле поговорим?

– Зря торопитесь, Жданов. Отдохните. Осмотритесь. У нас очень много работы впереди.

– Я думал, мы будем предотвращать войну.

Тетерев взглянул на меня своими очень мудрыми глазами, скривил рот и хмыкнул, помолчал немного и, наконец, подобрав слова произнёс:

– Не выйдет. Сил у нас не хватит. Вы порядком отсрочили её начало своими действиями, сделали бессмысленным дурацкий ультиматум... Не избежать нам мясорубки. Наша задача, чтоб не напрасно люди гибли... Чтобы потом было кому строить всё заново.

Капитан взмахнул рукой и в воздухе возникла звёздная карта.

– Мы восстановили пути расселению людей вдоль рукава Ориона (рукав, в котором находится Солнечная система, прим. авт.) до последней волны войн.

На трёхмерном изображении мазнуло плотным туманом голубоватого цвета.

– А вот, какова была плотность до предпоследнего апокалипсиса.

Туман стал заметно плотнее и ярче, а капитан продолжил:

– Казалось бы, что межзвёздный транспорт может сделать мир людей бесконечным, но корпорации умудрились устроить всё так, что за полтора тысячелетия экспансии уничтожили и истощили досуха больше обитаемых миров, чем смогли освоить и сделать центрами цивилизации.

Рэйчел согласно кивнула – кому, как не ей лучше знать об экономике Гегемонии – и спросила:

– Так план-то у вас есть?

Тетерев быстро сменил изображение на более подробную карту областей Промзоны и трёх метрополий.

– Это видите? – возникла сеть из тонких линий, – Это начальные данные о сообщениях между обитаемыми мирами. Уже на этом этапе видны основные узлы, а там, как подсказывают нам научные данные, должны находиться ключевые точки экономики нашего врага. Наши диверсанты нанесут удары именно туда, а вы попытаетесь обезглавить все три Директората с ещё двумя группами. Это общий набросок.

Подумалось, что это был самый очевидный и простой план, но меня учили, что так и должно быть: нет смысла пытаться перехитрить вселенную, она этого не оценит, а врага тем более, он не должен успеть оценить.

– Вы пока располагайтесь, – голос Тетерева сделался мягким и бархатистым, как у доброго дедушки, а улыбка обнадёживающей, – Отдохните. Познакомьтесь с товарищами. Успеете навоеваться. Все успеем.

Старик поднялся, совершил чёткий поклон и, чеканя шаг,

удалился. В воздухе остались висеть наночастицы в виде двух одинаковых карт базы с обозначенными пещерами, и, судя по изображению, жилые каюты находились совсем неподалёку. Когда мы с Рэйчел поднялись, то наниты юркнули к нашим запястьям, чтобы стать личными навигаторами и справочниками. Тетерев был прав: после всех приключений больше всего хочется растянуться на кровати и не думать о том, что нужно куда-то торопиться.

3.8 Начало игр

– Ричи! – гибкая тень оттолкнулась от стены и мерцая металлическими бликами от приглушённых ламп в полутьме подошла к люльке с курсантом, – Ты оперативник!

– И?

Гуша не сразу нашла, что ответить и стояла, оцепенев от глупости новобранца прежде, чем сказать:

– Ты должен был незаметно устранить цель. Всё.

– Устранил, – Ричард указал на тело в виртуальной реальности, лежавшее на асфальте в луже крови и ловко выбрался из люльки, подвешенной к потолку на длинных тросах.

– Назначаю переобучение, – старший инструктор потеряла интерес к подопечному, но тот ухватил её за тонкую механическую руку, ставшую прозрачной и едва видимой под действием системы маскировки.

– Гуша Сетара, я прошу объяснить ошибку, – Ричард считал достаточным доказательством своей готовности поймать Тень, а может быть и доказательством своего превосходства над ней.

Женщина вывернулась и мгновенно оказалась позади крепкого мужчины, легко толкнула его вперёд и, пока тот кубарем катился по полу, успела выйти и хлопнуть дверью, став полностью видимой. Наблюдая за происходящим, я не мог понять, почему отбор в подразделение внешней развед-

ки вообще допускает таких кандидатов, как Ричард Беккем. Он потирал свою выбритую макушку и с не меньшим удивлением смотрел на меня, ожидая нравоучений.

– Оперативники работают так, чтобы сам факт их работы было как можно сложнее установить, – я пожал плечами и помог подняться, рослому курсанту, – Лучше это усвоить перед выходом в "поле".

Ричи согласно закивал, держась за вывихнутое плечо, а на лице всё отчётливее проступало понимание, именно боль позволяла ему осознавать ошибку, а значит предстояло ещё очень многому научиться.

Тренировочный комплекс состоял из прямых коридоров, к которым, словно виноградины присоединялись комнаты для работы в различных виртуалках – заблудиться было невозможно. Сетара стояла у дверей лифта, когда я её догнал.

– Гуша, есть минутка?

– У меня по графику ужин, можете присоединиться, – в глазах блеснул огонёк любопытства.

– Спасибо. Тетерев, ничего не объясняя, направил меня наблюдать за обучением курсантов, и у меня возникли вопросы.

Двери лифта открылись, и Гуша с громким цокотом металлических ступней по керамическому полу прошагала вперёд.

– Задавайте, – один из тонких пальцев из мягкого пласти-

ка нажал на нужную кнопку.

– За чем именно я должен наблюдать? За несколько дней я не смог узнать чего-то нового, – мне понравилось, что собеседница не стала откладывать разговор до конца ужина, как часто бывает принято среди населения большинства развитых планет. Гуша в очередной раз изучила моё лицо, и её взгляд расфокусировался, как происходило всякий раз, когда она обращалась к сетевым базам данных или использовала радиосвязь.

– Считайте, что эту проверку вы прошли, – наконец ответила инструктор, – Надеюсь, в чём она состояла объяснять не нужно?

– Я знаком с когнитивными искажениями и умею их в себе распознавать.

Гуша протянула мне руку:

– Добро пожаловать!

Я пожал маленькую ладошку и задал следующий вопрос:

– У вас вообще нет предварительного отбора? Среди курсантов встречаются совершенно некомпетентные.

Гуша прыснула от смеха, что выглядело жутковато из-за складок на границе живой кожи лица и металлом черепа:

– Два поколения выросло в мирное время, и никто из них не хочет в наши ряды. Мы собираем наёмников по корпоративным планетам, чтобы укомплектовать живой силой подразделения. Флот способен решать точечные задачи, а вести полномасштабную войну... – лицо инструктора сморщилось

от смеси гнева и бессилия.

– Я понимаю.

Лифт остановился. Гуша переключилась на тихий шаг и замерцала, превратившись в полупрозрачный смазанный силуэт.

– У меня остаточные последствия ПТСР, которые длятся уже несколько лет, – в пятне переливающихся расфокусированных пятен чётким оставалось только лицо, – Никак не могу привыкнуть к этому телу, и всегда использую камуфляж на людях.

Я следовал за голосом, стараясь не смотреть на Гушу – расплывающееся пятно вызывало резь в глазах.

– А зачем вообще было использовать такое количество кибернетических протезов?

– Я получила ранения на корпоративной службе и страховки не хватило на нормальное лечение. Мне обещали, что новые возможности тела позволят больше зарабатывать. Первое время я даже верила в это, а потом узнала сколько стоит техобслуживание и ежемесячные обновления...

Мы вошли в столовую, где стоял тихий гул голосов. Почти все, и инструкторы, и курсанты, сидели по трое-четверо, негромко разговаривая. Несколько машин-пауков разносили заказы. Рой нанитов-симбионтов, выданных Тетеревым при знакомстве, образовал голограмму с актуальным меню, и я выбрал несколько лёгких закусок.

– Тяжело без имплантов? – спросила Гуша, садясь за бли-

жайший столик, – Не всем нравятся наномашины.

– А мне показалось, что это прогрессивная замена.

– Вы не управляете ими, как собственным телом. У них свой искусственный разум, защищённый от вашего вмешательства.

– Я пока не нашёл в этом негативных моментов.

Машина-официант со стуком маленьких пластиковых копыт и шелестом приводов приблизилась к столику и замерла в ожидании, когда мы прекратим жестикулировать и дадим разрешение на сервировку, после чего очень быстро заработала манипуляторами, расставляя блюда. Запахло очень аппетитно, и я понял, насколько сильно проголодался.

Гуша ела очень медленно, нарезаая всё мелкими кусочками и тщательно пережёвывала. Видимо корпорация, на которую она когда-то работала, сэкономила на всём, кроме боевых систем, при разработке тела.

– Ваша напарница ведёт затворническую жизнь и почти не выходит из своей комнаты, – инструктор проглотила очередную порцию и решила передохнуть.

– Она навёрстывает свои знания о Союзе и наших технологиях, которые отличаются от доступных в Гегемонии.

В зал быстрым шагом вошёл Степан Игоревич и громко поздоровался:

– Добрый вечер, товарищи! Приятного аппетита!

Ему ответил салют рук с ложками и вилками. Инженер-капитан заложил руки за спину и подошёл к нам.

– Товарищ Сетара, Жданов, – он коротко поклонился каждому, мы встали, – Садитесь! Садитесь же! Не нужно этой официальности! Я хочу предложить работу для вашей двойки, – Тетерев присел на стул и положил правый локоть на стол, обращаясь ко мне.

– Я слушаю, – между рёбер запрыгал шарик предвкушения серьёзной работы.

Старший капитан посерьёзней, и заговорил тихим голосом:

– Мы обнаружили потенциально опасный мир совсем недалеко от границ СЗиКа. У них есть неплохо вооружённый флот и желание его активно использовать. Пока грабят и присоединяют к себе близлежащие обитаемые системы, но, судя по их продвижению, не тычутся вслепую, – Тетерев вывел изображение участка галактики и прочертил линию, – Вероятно они обладают данными о первых волнах дикой колонизации и планомерно исследуют эти цепочки. Пока мы ведём пассивное наблюдение, но они ускоряют темпы экспансии благодаря захваченным ресурсам.

– Моя цель?

Тетерев сменил картинку на фотографию зрелого мужчины в мундире.

– Это Залман Токаев. Император Даймода. Его власть держится на личном авторитете и непрерывной раздаче завоёванных благ множющейся верхушке. Если в его убийстве обвинят кого-то из олигархов, то империя разорвёт сама се-

бя.

Я посмотрел на свои руки. Пальцы слегка дрожали. Если отпустить вожжи воспоминаний, то легко представить, как до самых локтей всё покрыто кровью, а теперь человек, сидящий напротив, спокойным тоном отдавал приказ открыть ещё одно личное кладбище планетарных масштабов.

– Вячеслав, СЗиК не может позволить себе участвовать в "звёздных войнах". Таких миров как Даймод очень много, и на всех у нас не хватит сил.

Тетерев выжидательно смотрел мне в глаза, а я понял, что этот человек завербовал меня ещё неделю назад, при личной встрече, а театральное представление с головоломкой про мой личный номер было качественной прелюдией к беседе с "домашним" дедушкой, который теперь очень убедительно сокрушался о будущих потерях. И ведь не просто так мне неделю показывали совсем зелёных мальчишек. Всё это ради моего согласия ещё глубже погрузиться в кровавое месиво.

– С Рэйчел уже говорили об этом? – спросил я, оттягивая неизбежное.

– Минут десять назад. Она изучает материалы по делу, – Тетерев виновато улыбнулся, чем на секунду вызвал у меня отторжение, – Если когда-нибудь окажется, что без этого можно было обойтись, я пушу себе пулю в висок, – он говорил буднично, а я осознал, что он действительно верит в свои слова, а ещё больше верит в свою работу.

Помолчав, Тетерев добавил:

– Мы на этой станции равны с вами, и я не имею права приказывать.

– Документы уже загружены в симбионтов? – только осталось спросить мне прежде, чем бросить остатки ужина и покинуть столовую.

Не помню, как добрался до жилого сектора. За всю жизнь приходилось много раз принимать трудные решения, но сейчас в голове крутилась карусель из сотен, может быть тысяч, таких вот "империй", сжатых в пружины и готовых сорваться в резню ради единственной и безумной цели: сохранить стабильность своего невидимого куратора – Гегемонии.

Рэйчел Роузен сидела на краю стола в своей комнате и быстро оперировала голографическим интерфейсом ИИ. Глаза прикрыты, а длинные ресницы из-за теней, казалось, прикасались кончиками к щекам.

– Тебя словно избили... – вспышка сарказма сменилась сочувствием, – Как ты смог сохранить эту свою доброту, работая в полиции?

– Скорее всего, благодаря ей, сохранился я...

Голограмма погасла, погрузив комнату в сумерки. Рэйчел приблизилась и хотела обнять, но поняла, что не время, и только положила руку на плечо, крепко сжав пальцами.

– Данных очень мало, и я боюсь, что простой провокацией тут не отделаться. Есть идеи?

– Нужно осмотреться на месте. У императоров всегда слишком много слуг, а ещё больше нищих вокруг дворцов –

мы сможем подобраться достаточно близко.

Рэйчел хищно усмехнулась. Её опыт анархистки вполне согласовывался с таким планом. Мы загрузили ИИ расчётами и разошлись по комнатам, договорившись утром начать сборы в дорогу.

3.10 Вылет

Вода в душевой кабинке подавалась под ощутимым давлением, и пот после тренировки смывался даже без мыла. Мне нравилось крутиться, подставляя под массирующие струйки свои бока.

– Слав! Заканчивай! – Рэйчел сопровождала свой окрик громким хлопком ладони по прозрачной стенке.

– Что-то срочное? – спросил я, выглянув в приоткрытую дверцу.

– Нет, – Рэйчел кончиком пальца нажала мне на нос, – Просто хочу показать новые данные для работы. Кстати, местные аналитики нашу идею одобрили и готовят материалы для обеспечения поддержки.

Программа санитарной очистки завершилась обдувом сухим ионизированным воздухом. У меня немного отросли волосы за последнее время и теперь после душа торчали в разные стороны непослушными рожками.

– Сколько им нужно времени? – спросил я, подбирая новую стрижку в каталоге автоматического визажиста.

– Обещали закончить после обеда, – Рэйчел хмыкнула и со своей любимой саркастической улыбочкой добавила, – Кстати, если ты так уверен в любви Большой Мамочки к себе, то может найдёшь способ договориться с ней, и тогда она сможет тебе подсказывать в реальном времени?

Я взял рукой её волосы, поднял их и осмотрел шею, нарочито внимательно изучил плечи и заглянул за воротник блузки.

– Ты чего?

– Хочу найти у этого киборга кнопку отключения стервозности.

Рэйчел рассмеялась и обвила руки вокруг моей шеи:

– Мне нравится, когда ты шутишь... В такие моменты даже не хочется пнуть твою занудную угрюмую тушку.

Пальцы с ухоженными ярко-красными ногтями расцепились и прошлись кончиками по моей груди. Я чувствовал её дыхание, состоящее из запахов фруктов. Она дразнилась, нарочно стремясь вывести из равновесия, чтобы задать какой-то мучивший её вопрос. Её губы уже чуть заметно шевелились, но по этим движениям нельзя было разобрать ни слова. Отстранившись, Рэйчел по-девичьи хихикнула и оставила меня одного.

Закончив с туалетом, я занялся документами, оставленными напарницей на кровати. Население дворца, планы строений императорского комплекса, фотографии с описанием приближённых. Всё это и многое другое приходилось запоминать по старинке обычным человеческим мозгом. А ведь Штайн перестраховался и в том, что мои боевые импланты были удалены: на планете постоянно проводились рейды на шпионов и подозрительные аугментации уже научились находить. Я сделал запрос о том, сколько агентов

работало над сбором информации и наткнулся на стену из засекреченных директорий, позвонил Тетереву и задал этот вопрос напрямую. Инженер-капитан некоторое время размышлял, пожёвывая ус, но наконец пошёл на откровенность:

– Сейчас там работает три наблюдателя. Остальных мы потеряли. Шестьдесят одного человека. Они выдерживали пытки и... умирали. Ты ведь понимаешь смысл всего этого?

Я кивнул. Больше полусотни разведчиков будет в итоге разменяно на небольшую группу систем с населением в полсотни миллиардов потенциальных граждан Союза. Математика показывала мне, словно глупому ребёнку, всю выгоду такого обмена, и в то же время, всю чудовищность ведущейся игры.

– Аналитики закончили раньше времени, – сказал Тетерев, – Ваш план одобрен. Вылет завтра... Или отдохнёшь?

– Некогда. Мы будем готовы. Можно ещё вопрос?

– Разрешаю.

– Кто-то ведь рассчитал, что Рэйчел поступит в лаборатории на Надонии именно так?

Тетерев долго смотрел мне в глаза через коммуникационную сеть, а потом, не меняя выражения лица, отключился.

Подсохшие волосы всё так же торчали в стороны, я заглянул в зеркало и решил, что вид вполне мог бы соответствовать жителю трущоб, но нужно добавить грязи и запаха пота.

Без аугментаций гортанные звуки языка Даймода получались излишне правильными и чёткими – стоило потрениро-

ваться, чтобы приучить себя говорить с несколькими дефектами и лучше соответствовать роли. Я повторял одну и ту же фразу на диктофон по несколько раз с разными интонациями и скоростью, а после прослушивал запись и анализировал, работал над ошибками. Когда наконец удалось грязно выругаться и при этом не закашляться, было уже поздно, но спать совсем расхотелось – предстоящее дело не давало покоя. Решив, не беспокоить напарницу, я принял снотворное и в одиночку отправился в большой сад, где за несколько последних дней полюбил гулять в свободное время.

Крупные деревья высоко тянули ветви к потолку пещеры, усыпанному лампами для фотосинтеза. Здесь никогда не бывало смены дня и ночи, а вечно царило утро из красных и синих оттенков. Растениям нравился климат, и они отвечали на уход буйным ростом, обильным цветением и множеством диковинных плодов.

Сорвав нечто похожее на карамболу с ярко-жёлтой кожурой, я надкусил и почувствовал насыщенный сладкий вкус с тонкой кислинкой.

– А так хотелось, чтобы этот уголок был только моим... – из густой листвы кустарника беззвучно появилась Гуша.

– Сад огромен, – я пожал плечами, – Тут всем хватит места, чтобы побыть наедине с собой.

– Именно это место особенное, – инструктор села на траву и обхватила руками колени.

– Расскажите, чем особенное?

– Нет. Может быть в следующий раз, когда научусь хоть немного доверять людям, – Гуша посмотрела на меня и спросила, – Если мы овладеем технологиями Гегемонии, такие как я смогут снова обрести полноценное тело, стать настоящими?

– Cogito, ergo sum verus (Мыслю, следовательно я настоящий, лат. прим. авт.), – снотворное начало действовать, захотелось опуститься на траву и прикрыть глаза, а вкрадчивый внутренний голос принялся убеждать, что легко удастся прилечь тут всего на пару минут и без труда потом вернуться к себе в комнату, – Омеги вообще без физических тел могут обходиться.

Гуша сжала губы и едва заметно кивнула.

– Доброй ночи! – сказал я напоследок и зашагал по тропинке к подъемнику. Сетара не ответила, продолжая всё глубже погружаться в себя. Похоже, что она заикливалась на одних и тех же мыслях, совсем как Роберт с его увлечением религией.

Когда открылась дверь в мою комнату, глаза уже с трудом удавалось держать открытыми. На ощупь я дошёл до кровати и лёг, не раздеваясь.

Рэйчел что-то обсуждала на площадке с пилотом. Слышны были только отдельные слова, но, судя по интонациям, они ругались. Бедный парень вжимал голову в плечи и вздрагивал всякий раз, когда Рэйчел повышала голос.

– О чём спор, – спросил я.

– Этот цыплёнок утверждает, что его план высадки и спуска оборудования безопаснее... – Роузен произносила слова, словно рвала толстую бумагу.

– Рэй, план утверждён. Я не вижу причин для пересмотра.

– Мы окажемся там почти без оружия!

– Если мы провалимся и доведём ситуацию до открытого конфликта, то оружие нам не поможет.

В глазах женщины вспыхнула ярость:

– Я не хочу сгнить в каменном мешке!

– После нас на Даймод придут другие... Если мы слишком громко будем хлопать дверьми, то хозяева повесят замки попрочнее.

– Ты... – Рэйчел сжала свои кулачки, – У меня ещё остался инстинкт самосохранения! И честь!

– У людей не бывает инстинктов. У нас вместо них разум. Откажись от работы и трудись здесь с другими учёными.

Пилот попытался улизнуть, решив, что про него забыли, но быстрый взгляд Рэйчел заставил его замереть на месте. Она наклонила голову набок и попыталась разглядеть во мне что-то способное помочь ей убедить в своей правоте, а потом вдруг язвительно усмехнулась:

– Не могу оставить всё веселье тебе одному!

Когда погрузка закончилась, и мы находились в ложементках на корабле готовые к старту, я почувствовал, как до моей кисти дотянулись кончики пальцев.

– Слав, я с каждым днём всё больше верю, что ваш крохотный Союз обладает огромной силой.

Я с усилием высвободил голову из фиксаторов и повернул, чтобы увидеть лицо Рэйчел. У неё было задумчивое и одухотворённое выражение, спокойный тон без привычной колкости.

– Со стороны может показаться, что вами управляют, а все решения принимает президент и его окружение, как Директорат в Гегемонии. Вот только это не так, и, если Майн исчезнет, ничто не поменяется. Вы все заодно.

– А ты с нами? – я очень хотел чтобы она ответила честно.

– Пока нет. Я всё ещё слишком зациклена на себе. Знания не сразу становятся навыками.

Корабль чуть вздрогнул и оторвался от площадки. Пилот маневрировал аккуратно, без спешки, и перегрузка почти не доставляла неприятных ощущений. Спустя несколько часов, мы вышли из аккреционного диска и получили разрешение на нырок, который вызвал привычное покалывание по всему телу.

3.11 Удачное начало

Несколько орбитальных станций Даймода, оцетинившись радарамии, наблюдали за небесной сферой. Оборона, рассчитанная на противостояние флоту вторжения, не обратила внимания на маленький кораблик, промчавшийся мимо и выстреливший четырьмя совсем уж крохотными капсулами. Пилот закончил манёвр и сразу же нырнул, покинув систему. Заключённый в одиночный спусковой модуль, я ощутил, как торможение об атмосферу порождает вибрацию, переходящую в низкий гул, отчего всё тело чесалось снаружи и изнутри. Использовать двигатели станет безопасно только в самом конце падения, когда массивы гор скроют от многочисленных глаз систем обнаружения. Маленький экран показывал столбики чисел и несколько графиков, но я не мог никак повлиять на события – капсула в полностью автоматическом режиме неслась к поверхности. Несколькими рывками отработали маневровые двигатели, отбрасывая облака раскалённой плазмы, похожей для стороннего наблюдателя на отваливающиеся части метеорита. Включилась основная установка торможения, и меня вдавило в ложемент. Перегрузка на самой границе человеческих возможностей не давала дышать несколько секунд. Удар по касательной: капсула выбила своим корпусом фонтан осколков и заскользила по склону. Ещё несколько минут тряски и всё успокоилось.

– Признаков людей не обнаружено, – ровным голосом проговорил ИИ, – Отравляющих агентов не обнаружено. Агрессивных биологических компонентов не обнаружено. Начинается разгерметизация.

Разогретый обшивкой воздух с шипением проник внутрь. Я осторожно вдохнул. Ремни безопасности ослабли и уползли змеями под ложемент. Крышка капсулы отъехала вверх и в сторону. Можно выбираться.

Тяготение чуть меньше земного позволило легко встать на ноги и сделать несколько уверенных шагов. Без имплантов придётся самостоятельно привыкать к гравитации, пусть и почти нормальной, и учитывать её при движении.

Носимый навигатор указал направление к точке высадки Рэйчел и заранее установленному месту встречи, если обстановка будет отличаться от разведанных и сделает невозможным успех миссии, но мне предстояло пройти с десятков километров до ближайшего города – столицы Даймода. Я вытащил из капсулы хламиду, сандалии и повязал на голову платок на манер местных горцев, там же нашёлся искусственно состаренный заплечный мешок с нехитрой снедью и всякой мелочью. Спусковой аппарат выдал тихую трель, предупреждая о включившейся программе утилизации и требуя отойти подальше. Когда я отдалился метров на двадцать, раздался тихий хлопок, и керамический остов капсулы стал рассыпаться от высокой температуры внутри, выжигающей любые следы технологий. Через несколько минут тускло-

го бездымного горения остались лишь фрагменты, которые местные жители однозначно примут за куски метеорита.

Солнце должно было показаться над горизонтом не скоро, и у меня была возможность пройти большую часть пути по приятной прохладе в темноте и сумерках. Рой нанитов-симбионтов периодически прочёсывал местность, но не находил ни одной тропинки, и двигаться поначалу приходилось осторожно, принаравливаясь к булыжникам, готовым вывернуться из рыхлой земли, если на них неудачно наступить, к "лужам" мелкого песка, в которых легко растянуть лодыжку, и многим другим особенностям диких пустошей.

Вереница облаков скрыла искусственные спутники освещения, пришлось спускаться по очередному склону практически на ощупь. Скорость снизилась, и на вершину последнего холма перед городом я забрался, когда небо начало сереть перед рассветом. Пустошь будто врезалась в обломки бетонной цивилизации, пыталась перемолоть остовы старых магистралей, но постепенно слабела и сходила на нет под асфальтным полотном сгущающейся сети дорог, а дальше уже высились небоскрёбы, сновали аэрокары, дроны, и окончательно побеждала искусственная иллюминация.

В сам город мне не было нужды рваться, да и не пустили бы через таможню без документов, поэтому я свернул в сторону вынесенного за высокую стену мегаполиса гетто, состоящего из жестяных домиков. Солнце перевалилось через хребет гор и жгло всё, до чего дотягивалось, но при этом из

ущелей в долину стекался ледяной воздух. Из-за резких перепадов температур и постоянного ветра из растений выжидали лишь низкорослые перекрученные, словно параличом, кустарники, да острые и сухие травы.

– Стой! – из-за небольшой кучи хлама раздался грубый голос с визгливыми нотками, – Ты кто?

– Бывший фермер... – ответил я, стараясь вложить в слова как можно больше тоски и обречённости.

– Мы тут не держим скота и не пашем, проваливай!

– Мне некуда идти... – я сделал ещё шаг в сторону голоса, – Или умру от голода в горах, или здесь.

С дробовиком наперевес вышел плотный человек и наставил ствол мне в живот.

– Ну так я тебя быстро отправлю к Творцу! – крепко сплюнул мне под ноги и хохотнул.

– Я могу быть рабочим! – пришлось упасть на колени и вскинуть руки в жесте мольбы, – Могу делать, что угодно! Я читать умею!

Оружие опустилось. Человек задумался, почесал щетинистые щёки и сказал:

– Иди вон туда, – палец указал на хибару, выкрашенную зелёной краской, – Скажешь, что Идрис пропустил, и сразу про то, что грамотный. Если не врёшь, будет кусок хлеба, а если... – пухлая рука снова подняла дробовик и ткнула дулом в мою сторону.

– Спасибо! Буду за тебя молиться каждый день, Идрис!

Крепыш крякнул и вернулся на свой пост, бросая на меня оценивающий взгляд. Наниты сообщили, что прямо сейчас на меня направили стволы три охранника из двадцати двух, что сидели в укрытиях.

Ветхий домик с низкой дверью был пустым, но я ради спектакля несколько раз постучал и громко окликнул хозяев. Наконец, когда смех со стороны блокпоста стал громогласным, Идрис выкрикнул:

– Иди внутрь! Там лестница! Дурачок!

На выметенном полу чернел колодец. Я заглянул в него и увидел длинную гирлянду маленьких лампочек, уходящих вниз, казалось в бесконечность. После нескольких метров спуска стали различимы звуки работающих машин: мощные, монотонные. Наконец, когда ноги коснулись пола, казалось, даже пыль в воздухе мелко дрожит от гула. Небольшую дверь охранял спящий человек, но он вскочил и тут же направил на меня оружие.

– Ты кто? – заспанные глаза быстро моргали и выражали испуг.

– Идрис пропустил, сказал, что раз я грамотный, то найду тут работу.

Человек сразу же успокоился, сделал важный вид и достал небольшой предмет, оказавшийся коммуникатором.

– Пост первый вызывает начальника смены! – судя по всему, устройство связи работало довольно скверно, и приходилось громко кричать и повторять по несколько раз, но до-

вольно быстро разговор закончился, а меня пропустили через тяжёлую дверь.

Стало понятно, почему оборудование находилось под землёй: помещения и машины были построены ещё колонистами. Я заметил среди куч железа обломки с логотипами корпораций, давно ставших историей. Удивительно, что здесь вообще что-то сохранилось, хотя... для первопроходцев старались делать всё очень надёжным.

– За мной... – угрюмый мужчина в засаленной робе махнул рукой и повёл между рядами демонтированных станков, порезанных на отдельные части и ждущих переплавки. Он обернулся всего лишь раз, чтобы спросить, – Фермеры не умеют читать. Ты точно не лжёшь?

– Мой отец научил, а его дед... Говорили, что может пригодиться.

Мы вошли в коридор со множеством дверей с табличками: Отдел планирования, Отдел распределения, Отдел связи и другими. Слова были написаны на английском, а внизу висели листки бумаги на местном диалекте: Охрана, Мастер-механик, Мастер-дефектолог. Рядом с дверью "Мастер участка" мы остановились.

– Тебе зададут несколько вопросов, – сказал сопровождающий, – Проявляй уважение.

Фермер не должен был знать правила этикета, и я вошёл без стука, но низко наклонившись так, что мог видеть только пол и свои ботинки.

– Ты кто? – по интонации хозяин раздражённого голоса скорее спрашивал у себя, чем у меня.

– Я фермер. Разорился. Ищу работу. Умею читать, – я говорил быстро и не разгибаясь кланялся в такт словам.

– Прочти это, – мастер участка прошелестел бумагой и подвинул листок к краю своего стола.

– Инструкция по запуску измельчителя, – не торопясь, чтобы не вызвать подозрений, но и не по слогам произнёс я, – Перед использованием устройства убедитесь, что приёмная камера и бункер выгрузки пусты и обслуживающий машину техник выдал разрешение на эксплуатацию. Поместите отсортированное сырьё в приёмную камеру и закройте крышку на замки. Для включения измельчителя нажмите красную кнопку на панели. При работе измельчителя необходимо следить за...

– Достаточно, – мастер смотрел на меня снисходительно, но с интересом, – Начнёшь сегодня вечером с ночной смены. Пока приведи себя в порядок. Эй! Дакер! – обратился он к сопровождавшему меня, – Покажи ему, где барак, выдай форму и заполни ему паспорт, а пока решу, кто будет с ним нянчиться.

– Сделаю, господин мастер! – без особого удовольствия ответил мужчина.

Мы снова двинулись по коридорам. Низкие потолки бетонных пещер тускло освещались, ровно настолько, чтобы не приходилось напрягать глаза. На стенах во множество сло-

ёв была нанесена краска неопределённого цвета. Пару раз встретились люди, спешившие по делам и не отвечающие на мои нелепые приветствия.

– Тут можешь отдохнуть, – сказал Дакер, – Робу получишь, когда на неё заработаешь, а мыло вот, – он протянул на ладони небольшой кусок неоднородного землистого цвета.

– Спасибо!

– Потихе! Тут не любят, когда кто-то шумит.

Дакер развернулся и ушёл, оставив меня посреди тамбура в жилой барак, уставленный высокими узкими шкафчиками с наклеенными бирками.

Я осторожно приоткрыл металлическую дверь, тщательно проклеенную звукоизолятором и услышал громкий храп. Моему взгляду открылась длинная полутёмная комната с кроватями в три яруса и большим низким столом, за которым сидели на пуфах. Храп повторился длиннее и громче.

– Утихомирь своего братца! – приказ сопровождался хорошо слышимым ударом по человеческому телу, и кто-то упал на пол. Потирая ушибленную ногу в сумерках, появился худой мальчишка лет тринадцати. Он увидел меня, быстро сообразил, что перед ним новичок и ткнул пальцем в угол с ветошью, чтобы я сел туда, а потом паренёк приложил палец к губам и потерял ко мне интерес.

Очередной храп раздался ещё громче прежнего, и юный рабочий метнулся на звук. Послышалось несколько коротких глухих ударов кулаком через свёрнутую в комок мате-

рию, потом шаги босых ног по гладкому бетону, и, наконец, всё стихло.

Я разместился на старых тряпках и прикрыл глаза в надежде поспать оставшийся час до подъёма. Всё шло именно так, как описывали разведданные. Хотелось поскорее убедиться, что и с Рэйчел всё в порядке.

3.12 Трудовой будень

Кто-то смотрел мне прямо в лицо. Я слышал дыхание незнакомца, и как он сглатывает слюну, шуршание одежды во время смены позы. Человек не делал попыток разбудить, а изучал новенького. Заиграла с нарастающей громкостью мелодия. Синхронно начали подниматься рабочие.

Я наконец открыл глаза и изобразил последовательно испуг, а затем покорность:

– Здравствуйте! Я бывший фермер, но умею читать.

Чёрные волосы незнакомца падали на блестящие в темноте глаза, глубоко посаженные по сторонам от выдающегося горбинкой носа, смотрящего чуть направо из-за переломов. Он молчал. Ждал ещё каких-то слов от меня, которых я не знал.

– Мастер участка направил меня сюда... – неуверенно пробормотал я, вжимаясь в ветошь.

– Карим? – появился знакомый мне Дакер, – Новичка не пытай сильно. Может пригодится.

– Документы принёс? – черноволосый говорил словно лаяла собака, – А почему нигде его имени нет?

– Не спросили ещё, вписать недолго.

Оба обратили на меня внимание.

– Как тебя зовут, – спросил Дакер.

– Месхиф Дудигер, – ответил я по легенде, пряча глаза.

– Чтоб тебя! – воскликнул Карим, – Вас же всех перебили!

– Не добили, значит... Я отказался идти против политики Залмана и даже заключил договор с агрохолдингом, а потом ко мне снова пришли братья и уговаривали пойти с ними. Команда зачистки посчитала, что я тоже мятежник, но не добили... – под откинутой хламидой на груди ещё выделялся бугристый шрам от выстрела Уитмана Стефана, и его вид произвёл нужное впечатление.

– Пиши ему фамилию Ситдигер, как у меня, – Карим посмотрел на меня с жалостью и презрением одновременно, – Мне он нужен.

Дакер присел к столу и принялся вписывать в бумаги необходимые данные, закончив это, сфотографировал всё и обработал спреем-ламинатором. Мне показали, где душевая и велели не задерживаться, чтобы успеть на утреннюю молитву. Я наспех смыл с себя пыль и пот, переоделся в чью-то заношенную робу и успел к самому началу. Рабочие стояли перед ковриками лицом в одну сторону в торжественной тишине. Карим, поджидавший меня, передал мне выдавший виды коврик и указал взглядом расположиться рядом с ним. Спустя несколько секунд все встали на колени и подняли руки к голове. Через динамики в барак проник певучий голос, и рабочие, как один, поклонились и подхватили молитву. Чувствуя постоянное внимание бригадира, я сосредоточенно распевал слова благодарности пророку и создателю, стараясь нигде не ошибиться.

После религиозных отправлений Карим больно схватил меня за руку:

– Ты ел сегодня?

– Нет, уже сутки не ел.

– Возьми! – он протянул мне лепёшку, – От Дакера не дождёшься. А голодным работать не получится.

Прожевать паёк оказалось непросто, плотное тесто снаружи и тонкая полоска вяленого мяса внутри тяжело поддавались зубам. На низком столе появлялись овощи, сыры, другие продукты, но кроме Карима никто не спешил делиться едой ни со мной, ни друг с другом. Я заметил, что синхронность, с которой происходил молебен, более нигде не наблюдалась. Пару раз даже начинались ссоры, которые пресекались коротким взрыком бригадира.

Всего в бараке жило тридцать два человека, и мне предстояло составить точный поведенческий портрет для каждого до конца следующего дня, и я наблюдал.

– Слушайте сюда! – Карим встал перед сидящими на пуфах, – Сегодня к нам присоединится мой двоюродный брат. Он плохо знает порядки в городе, но это достойный человек, и я за него отвечаю.

После секундного молчания рабочие продолжили завтрак и не обращали на меня никакого внимания. Громко прогудел сигнал, поторапливая людей. Я уже закончил с лепёшкой, и Карим сделал жест следовать за ним:

– Будешь работать в паре с Жавдатом. Он тебя обучит.

Сухой узловатый палец бригадира показал на мужчину средних лет, полностью поседевшего, с редкой козлиной бородкой. Работяга согласно кивнул, заметив внимание на себе, и я направился следом за ним, прижимая к груди холщовую сумку с ковриком, парой лепёшек и бутылкой воды – Карим вручил мне это вместе с куском материи и документами.

Какое-то время мы вдвоём с моим наставником продвигались по коридорам, пока не вышли в сводчатую карстовую пещеру, имеющую следы человеческого вмешательства. Гул машин тут было почти не слышно, а слабый свет от гирлянды ламп выхватывал из темноты остовы мёртвых механизмов.

– Смотри, как я буду работать резакom, – Жавдат поднял с пола трубку с тянущимся к двум газовым баллонам шлангом, – Со временем научишься понимать, где металл тоньше, а пока посмотри и потом повторишь.

Жилистые руки поудобнее перехватили инструмент, пальцы высекли огонёк из карманной зажигалки, и на конце сопла появился сине-белый конус с громким шипением. Жавдат медленно водил резакom, чтобы я успевал запоминать. На рабочем не было ни защитных очков, ни фартука, а вместо перчаток на руки намотаны тряпицы, разрезанные на полосы. На пол падали яркие капли, в воздухе сильнее завоняло горелой краской и металлом.

– Ну? Попробуй! – наставник убавил вентилем пламя, смахнул с лица пот и протянул мне резак.

Я взялся за работу, помятуя, что нельзя выполнять её

слишком хорошо и нужно хоть раз ошибиться, прервав рез. Когда это произошло, и я попытался начать с того же места, Жавдат окрикнул меня:

– Стой! Лучше начни с другого конца!

Он улыбался, видя, что ученик старается и быстро схватывает. Наконец, старый станок превратился в отдельные куски, которые можно было поднять руками.

– Видишь тележку? – спросил наставник, – Грузи металл и кати её к лифту по красной дорожке. Отправишь наверх – не ошибёшься, там всего одна кнопка – дождёшься, когда придёт пустая и вернёшься с ней. Ясно?

– Да.

Несмотря на наши старания, отдельные части станка всё ещё весили десятки килограмм и сохранили довольно сильный жар, так что на руках появилась пара ожогов, а спина, несмотря на хорошую физическую форму, начала немного ныть.

До обеда мы справились с ещё одним раритетом и оба довольно сильно устали.

– В синем баллоне горючий газ, – пояснил Жавдат, сидя прямо на полу и переводя дух, – В чёрном тот, что позволяет гореть. Их нужно периодически осматривать, если не хочешь тут погибнуть. Запомни, как стоят стрелки на указателях, там шкала раскрашена, и стрелки должны быть на зелёных полях. Если на красных, то нужно убавить. Если на жёлтых прибавить. А если прибавить не получается, то газ

кончился, и нужно тащить баллоны к лифту.

– Всё просто, – улыбнулся я.

– Некоторые путаются. Сами погибают, убивают товарищей и портят инструменты... – Жавдат сверился с наручными часами и достал из сумочки, что принёс с собой, коврик, – Пора благодарить Создателя.

Наставник тщательно умыл лицо и руки прежде, чем принял необходимую позу. Я последовал его примеру и вскоре снова нараспев произносил слова молитвы, а потом жевал жёсткую лепёшку, запивая водой с привкусом ржавчины. Осмотр окрестностей во время перерыва показал, что, судя по запаху, нормального туалета тут не было, и, при необходимости, придётся справлять нужду в русло подземного ручейка, протекающего вдоль дальней стены.

К утру наступила такая усталость, что хотелось лечь прямо на каменный пол и уснуть, но я держался. Перед уходом Жавдат объявил первую молитву. Снова совершать ритуал было намного труднее: при каждом поклоне в спине стреляла осязаемая боль.

– Пойдём, – сказал наставник, – Сегодняшнюю смену тебе удалось пережить с честью. Посмотрим, на сколько тебя хватит.

Когда мы вернулись, в бараке уже собрались почти все. Жавдат и Карим отошли в сторону и принялись что-то обсуждать, а на меня никто не обращал внимания.

– Месхиф! – в дверях появился улыбающийся Дакер, – Вы

сегодня хорошо поработали. Держи.

Интендант передал мне в руки свёрток с робой, пакет с лепёшками, несколькими упаковками концентрированных витаминно-минеральных комплексов и небольшой браслет.

– Тут будет твоя зарплата, – ответил Дакер на мой вопросительный взгляд, – Надевай его на правую руку и старайся не потерять. Я добрый и начислил тебе, как помощнику газорезчика, а не стажёру.

– Спасибо.

Подошёл Карим и нажал на сенсор браслета, чтобы увидеть цифры.

– Смотри не избалуй его, – сказал он с сарказмом, – Тут хватит закупить еды на целый день!

– Еда для рабочих бесплатная! – огрызнулся Дакер и вышел, хлопнув дверью.

– Ага, – пробормотал бригадир, только впереди два выходных, а еду выдают только в будни...

3.13 Перед молитвой тут принято погрешить

После смены мне выделили место для сна и шкафчик под личные вещи. Я постоял рядом с ним, попробовал замок, но оставил открытым, как и некоторые другие рабочие, большинство из которых предстоящие выходные намеревалось остаться в бараке и просто спать.

От матраса и белья пахло антисептиком. Подушку пришлось импровизировать из ветоши, не прошло и пары секунд после её касания, как сознание провалилось в небытие. Кажется, я просыпался несколько раз, пил воду, отдающую ржавчиной, и снова засыпал.

– Месхиф? Месхиф! – кто-то тормозил за плечо. Мне сначала показалось, что сон длился не больше минуты, но часы на браслете показывали утро следующего дня и оставалось всего несколько минут до того, как должен сработать установленный мной будильник, а Карим упорно продолжал будить, – Месхиф!

– Что-то случилось? – я вскочил, принимая встревоженный вид.

– Пойдём в город. Без солнечного света тут никто долго не протянет. Там купишь себе еды на сегодня и завтра. Только пошустрее собирайся – хочу успеть утреннюю молитву совершить в храме!

Я не стал заставлять себя ждать и уже скоро топтался у входа в барак, сжимая в руках паспорт. Названный брат осмотрел новенькую робу, сидящую на мне мешком, хлопнул по плечу и воскликнул:

– Один день отработал в городе, а уже не похож на деревенщину! – он громко рассмеялся, показывая желтоватые, но здоровые зубы, – Может быть уже через пару недель я возьму тебя в цех!

Оставалось только улыбаться, кивать и благодарить, и я был готов весь путь до поверхности рассыпаться комплиментами Кариму, но он остановил меня осязательным тычком ладони в бок, как только мы оказались вдвоём.

– Я не знаю тебя, но мне нужен грамотный рабочий. А ещё мне жалко тебя и твой тейп. Но я тебя не знаю, – последние слова он произнёс отдельно, по буквам. Его глаза горели в темноте и казались чёрными сферами с маленькими светящимися точками.

– Хорошо, – я принял тон собеседника и прекратил лебезить, – А может мне стоило оставить своё имя целиком?

– Может быть... Только не в столице, – Карим проворно взбирался по вертикальной лестнице и говорил, не сбивая дыхание.

Снаружи было ещё темно. Охрана зевала, предвкушая скорую смену и явно не хотела возиться с вылезшими в выходной из-под земли рабочими. Пара крепких ребят вышли из укрытия и бегло взглянули на документы. Они и хотели

было оставить нас в покое, но появился заспанный Идрис:

– О! Я вижу, тебе очень помогла моя защита! Ты хорошо устроился, а до сих пор не отблагодарил того, кто оказал тебе услугу!

Молодчики встрепенулись, почуяли добычу, заиграли своим оружием, но Карим только фыркнул:

– Какой же ты дурачок, сын свиньи и крысы! Ты хочешь получить награду за то, что один раз ткнул пальцем? Тебе платит за это руководство фабрики, – бригадир явно не в первый раз осаживал охрану и позволял себе говорить грубо, специально провоцируя конфликт, – А когда ты своими неуклюжими лапами в очередной раз сломаешь оружие, то кого будешь просить починить?

– Карим, ты уважаемый человек, а этот пришелец никто! Тебе прощаем многое, но ты сейчас с огнём играешь, – оружие с каждым словом медленно поднималось, пока не указало на наши животы.

– Он Ситдигер... – бригадир, не обращая внимания на угрозы, повернулся спиной к боевикам и двинулся дальше, махнув мне рукой.

Идрис с товарищами замер, они некоторое время провожали нас недобрый взглядом, но молчали.

– Я не могу объяснить это словами, но в лице человека есть вся его жизнь, – сказал Карим, когда мы отошли достаточно далеко, – И прошлая, и будущая. В тебе читается сила и что-то ещё... Словно внутри меня сидит кто-то и шепчет,

мол помощи Месхифу!

Мир Даймода уважал силу и только её, и я в позах, едва заметных интонациях, манере движения демонстрировал, что не забитый крестьянин. Карим научился каким-то образом улавливать это, и влиять на него становилось с каждым часом легче.

– Отдал бы я ему свой заработок, не стоит наживать себе врагов...

– А в следующий раз? – Карим удивлённо посмотрел на меня, не понимая, как я вообще мог себе позволить такое произнести вслух.

– Можно по-разному отдавать, – спокойная и уверенная усмешка с оттенком затаённой ярости заставила моего спутника вздрогнуть и молча согласиться.

Город окружала стена из высоких столбов, между которыми была натянута сеть под напряжением, на редких вышках блестели пулемётами военные, а у входа на мощных фундаментах стояли автоматические турели и слегка подёргивались, жужжа сервоприводами. Путь к дворцовому району для простых жителей был закрыт, но мне и не нужно было туда сейчас. Карим уверенно пробирался через тамбурную зону к "центру развлечений" для работяг: магазинчики с едой, одеждой и различной электроникой, а ещё там находились развлекательные заведения, вроде площадок с музыкантами, кабинки виртуальной реальности для тех, кто побогаче, и даже "мужские клубы" куда приходили девушки,

оставшиеся без поддержки своих тейпов.

– Слышал про яму Шайтана? – спросил Карим подходя к большому куполу.

– Всякий неправедник должен быть наказан, – ответил я, показывая осведомлённость.

– Сегодня будут судить воров. На первые две казни выйдет Узул, мой старый друг. Можешь смело ставить на то, что он лишь укоротит жадные лапы, – Карим говорил тихо, чтобы его не услышали, – Сможешь нормально поесть эти два дня.

– Спасибо, но я не люблю рисковать... А ставки считаю грехом...

– Император Залман объяснил нам истинное значение слов Пророка об азарте, и теперь в суде не только словом можно поддерживать волю Творца. Воспользуйся советом с умом и будешь сыт.

Карим взял меня за запястье для синхронизации браслетов и перевёл мне тысячу лир.

– Держи. Если ставка проиграт, то сможешь хотя бы один раз поесть.

– А если выиграет?

– Вернёшь.

Я незаметно свернул тряпицу и поместил за пазуху так, чтобы натренированный глаз решил, что там нечто ценное, и вошёл за бригадиром в высокую дверь.

Под куполом толпа уже гудела, наблюдая за приготовлениями на арене-колодце. Высохшие пятна крови посыпа-

ли мелким песком и разравнивали специальными граблями. Большой монитор показывал рекламу. Мест для сидения зрителей не было. Изю всех стен внизу торчали терминалы для ставок. Я приложил браслет, ввёл на маленьком табло сумму и указал, что надеюсь увидеть "милосердие" Всевышнего в первых двух казнях. Внезапно толпа загудела сильнее: первого заключённого вытолкнули в узкий проход арены. Тщедушный мальчишка поднялся на ноги и с ненавистью оглядел лица людей, что смотрели на него сверху. Медленно с тоской и грустью появился Узул с длинным ятаганом. Он снял с пояса небольшой кинжал и бросил осуждённому.

– Перед высшим судом предстаёт вор, – громогласно раздалось из динамиков под рёв сотен глоток, – Создатель решит его судьбу!

Узул приближался к жертве по спирали, внимательно наблюдая. Мальчишка схватил оружие в одну руку, а горсть песка в другую и молниеносно швырнул, метаясь в лицо палача. Узул увернулся и с размаху ударил клинком плашмя по лицу осуждённому. Брызнула кровь, и воришка потерял равновесие, остутился, широко расставив руки. Сталь свистнула в воздухе, и рука с кинжалом упала на песок. Толпа завизжала, а Узул замер и прекратил атаку.

– Казнь свершилась, – проговорил палач, и его спокойный голос был многократно усилен электроникой.

Помощники уволокли скулящего ребёнка под недоволь-

ные возгласы, требующие более жестокого наказания.

– Перед высшим судом предстаёт вор, – снова раздалось под куполом и на песок упал мужчина с запавшими от голода глазами.

Преступник не шевелился, только выставил вперёд правую руку и зажмурился в ожидании своей участи. Снова свист клинка, и ещё одна кисть упала на арену.

– Казнь свершилась... – Узул медленно покинул арену, а на его спине растекались несколько плевков.

– Я же говорил, что это верные ставки... – лицо Карима сделалось серым, каменным.

– Не могу тебя за это благодарить, – ответил я, – Слишком ужасно всё, что тут происходит.

Бригадир долго смотрел в мои глаза, прежде чем произнести:

– Пойдём, брат.

Я почувствовал в нём уважение, и одновременно с этим чья-то рука залезла мне под халат. Перехватить её не составило труда. Незадачливый воришка вскрикнул и попытался вырваться, но силы были неравны. Люди расступились и принялись тыкать пальцами. Они громко кричали, радуясь продолжению представления. Охранники схватили за плечи жилистого мужчину и оттащили от меня.

– Суд! Суд! Суд! – раздавались выкрики со всех сторон.

– Он хотел украсть у тебя? – спросил охранник с широкой голубой повязкой на предплечье – отличительным зна-

ком "законника".

– Не знаю, – ответил я, пожимая плечами, – Его рука оказалась под моей одеждой...

– Закон тут говорит вполне однозначно! – грозно сообщил охранник.

– Суд! Суд! – кричали вокруг.

Карим молча кивнул мне, забирая браслет и документы.

Вора швырнули на арену прямо с верхней площадки, следом подталкиваемый множеством рук спрыгнул я. Помощники палача вынесли ятаган и кинжал, но "законник" остановил их:

– Пусть дерутся на равных, – ему очевидно не меньше, чем большинству зрителей сегодняшнее шоу казалось слишком пресным.

Вор сжал выданный ятаган двумя руками и хитро ощерился. "Если так нужно зрелище, я его покажу," – подумал я со злостью и чуть наклонился вперёд, выбросив своё оружие подальше к стене.

– Я так невиновным стану, – расхохотался противник и бросился на меня.

Вряд ли кто-то понял, что произошло: двигаясь на самой границе дозволенного человеку, я поднырнул под лезвие, оттолкнулся двумя ногами, подбросив тело в воздух, приземлился чуть позади противника и ударил под коленями. Вор взрыл землю лицом, лихорадочно колотя руками, отскочил кубарем в сторону и попытался открыть глаза полные песка.

Ослеплённый человек яростно тыкал клинком в воздух перед собой.

– Я тебя достану жалкая псина! Я выйду отсюда невиновным!

Толпа затихла – сегодняшняя казнь запомнится им надолго. Зрители нависли на краю арены, рискуя попадать вниз, но не отводили взгляда от человека в робе.

Вор проморгался чтобы различать хотя бы силуэты, и слезящиеся, красные глаза бегали по сторонам. Он готовился к новой атаке более осторожно, что-то прикидывая в голове, а я продолжал стоять неподвижно, даже не поворачивая головы в его сторону. Тихо зашуршал песок – вор совершал шаги, словно ступая по воде. Расстояние между нами сокращалось, пока не осталась пара метров. Обманное движение, тычок концом лезвия в пустоту рядом с моим горлом, в расчёте, что я вздрогну и двинусь с места, подставляя бок для удара. Моя ладонь описала короткую дугу, перехватила ятаган, плавно развернула и отпустила, а вор не успел отреагировать, и его лицо разделила кровавая косая черта.

– Отруби себе руку сам, – вкрадчиво прошептал я, – Вот эту с татуировками. И останешься жить.

Стало невозможно читать эмоции по изуродованному лицу, но оружие в руках вора начало двигаться неуверенно, ноги заплетались и яростные выпады сменились отступлением.

– Я не Узул, – нужно было продолжать нашёптывать, чтобы весь этот чудовищный цирк не оказался зря, – Отруби се-

бе руку и выйдешь отсюда живым.

Вор взвыл от безысходности и совершил ещё одну попытку напасть, но на этот раз неуклюже упал и едва не насадил себя брюхом на клинок, получив сильный порез на боку.

– Рубани и всё! Ты ведь видишь, что резать себя не так больно. Давай!

– Подавись! – истерично взвизгнул обвиняемый, перехватил ятаган в левую руку и с размаху отсёк кисть.

Толпа сверху неистовствовала. Кто-то даже бросил мне под ноги несколько фруктов. "Что, если Карим отреагирует не так, как запланировано?" – думал я, поднимаясь по винтовой лестнице, и в это время случилось что-то ещё, судя по дружному крику, сотрясающему здание. Оказалось, что неудавшийся вор, поднимаясь на ноги, не удержал равновесия от быстрой потери крови и упал так, что ударился шеей о лезвие. Я успел увидеть, как он дёргался в агонии и сразу всё понял.

– Мы еще успеем прибыть в храм до начала молитвы, – сказал Карим хватая меня за руку, – Побежали быстрее!

"Пожалуй только молитвой и можно будет смыть с себя произошедшее", – подумал я, осматриваясь, желая убедиться, что следивший за казнями военный чиновник продолжает с интересом наблюдать за мной.

3.14 Всё идёт по плану

Карим заметил за нами слежку сразу, как мы вышли из храма. Он изо всех сил старался вести себя естественно и травил байки пока ходили по рынку и всю дорогу до городских ворот.

– А что ты сказал такого на арене? – спросил бригадир, оказавшись снаружи стен, вмиг посерьёзнев и осторожно оглядевшись не только по сторонам, но и задрав голову вверх.

– Да ничего такого, – я продолжал идти вперёд, словно ничего необычного не происходило, – Сказал, что если будем драться, то погибнет один из нас, а если он смирится, то оба останемся живы.

Карим недоверчиво посмотрел на меня, но не заметил ничего подозрительного ни в мимике, ни в голосе.

Ветер начал подбирать мелкую пыль и подбрасывать в лицо, редкие прохожие натянули на носы платки, а глаза закрыли самодельными очками из эластичных лент, где вместо стёкол были кусочки мутного пластика. Очень скоро видимость упала почти до нуля, и мне пришлось закрыть глаза и взять бригадира за руку, чтобы не потеряться.

Кто-то бесцеремонно схватил меня за предплечье и поволок в сторону. Сквозь шум бури раздались глухие удары: Карим попытался сопротивляться, и его били. Полицейские

действовали быстро и слаженно, сразу стало понятно, что их хорошо натаскивают.

– Можешь открывать глаза, – голос слишком высокий для мужчины резанул по ушам, – Мы в помещении.

Меня толкнули в грудь, чтобы уронить на жёсткую скамейку. В небольшой комнатке находились пятеро человек в форме, и двое из них продолжали избивать Карима ещё какое-то время, пока он не затих.

– Понимаешь, почему вы оказались здесь? – высокий, скрипучий голос принадлежал молодому офицеру с короткой стрижкой рыжих волос и чёрными злыми глазками, близко посаженными по сторонам от горбатого носа.

Я отрицательно замотал головой и тут же получил сильный удар сапогом в бок, от которого свалился на пол и сразу же последовал второй удар по лицу.

– Думай! – юноша перешёл на визг.

– Я вчера пришёл в город из долины Фира! Ферма разорилась, всех рабочих и меня расстрелял карательный отряд из-за моего тейпа. Я не был с братьями ни тогда, ни сейчас! – слова вылетали друг за другом вместе с капельками слюны, окрашенной в алый кровью из разбитой губы, – Мне некуда податься больше! Позвольте дожить рабочим! Клянусь, что не имею в мыслях ничего против Императора!

– Как ты выжил?

– Пуля попала в грудь под углом и отскочила от связки магнитных ключей, – я распахнул халат и показал шрам.

– Взять кровь на анализ, – скомандовал офицер, и полицейский в форме с белой нашивкой на рукаве вытащил небольшой прибор из чемоданчика. Симбионты должны были помочь в этой процедуре, выдав необходимое количество материала с нужным геномом, но я всё равно напрягся, потому что о технологиях Даймода разведка знала далеко не всё.

Полицейский рывком вернул меня на скамейку, проколол палец простым механическим скарификатором и перенёс каплю в чашку прибора. Несколько минут все ждали результатов и, наконец, голографический монитор изобразил лицо человека довольно сильно похожего на меня.

– Что же... Месхиф Дудигер, почему вы взяли чужое имя? – вопрос Визгуна сопровождался хлёсткой пощёчиной.

– Чтобы кто-нибудь из рабочих не заколол меня ночью... – я несколько раз всхлипнул, – Мои братья опозорились и нас всех ненавидят...

– Ты дал взятку Кариму Ситдигеру?

– Нет! – я изобразил ужас – по местным законам раскрытый подкуп приводил всех участников на арену, – Карим очень добрый человек! Он разрешил мне отречься от своего имени и стать ему братом!

Меня перестали бить. Офицер сел верхом на край скамейки и наклонился ко мне:

– Кто тебя учил владеть оружием и... Голосом?

– Отец немного показал, а потом я сам тренировался, когда было время.

– Складно, – допрашивающий заговорил сам с собой, – Выходит, что передо мной талантливый и очень преданный Императору человек... А вдруг всё это ложь? – ухоженными пальчиками офицер достал сигарету и закурил.

Трое полицейских переминались с ноги на ногу в ожидании решения, а тот, что с белой повязкой, помогал Кариму остановить кровь. Едкий сизый дым быстро заволок комнату. В носу засвербело, и я чихнул, но никто даже не пошевелился. Неожиданно дверь распахнулась и ворвался очень похожий на Визгуна мужчина в гражданской одежде и сразу же прокричал густым басом:

– Прекратить! – и обратившись к, по всей видимости, своему младшему брату, – Что ты себе позволяешь, идиот?

Визгун съёжился и залепетал:

– Доложили, что замечены подозрительные личности...

– Почему мне не сообщил? – уже спокойнее спросил старший.

– Я глава подразделения – могу и сам эти вопросы решать...

– Вижу, что нет... Карима отпустить, направить в войсковой госпиталь и выдать компенсацию, – распорядился старший.

Я сразу узнал Махдифа и Расула Бакиевых, советника Императора, главу тайной полиции, и его младшего брата, начальника подразделения службы контрразведки. По плану я должен был попасть к старшему, но получившаяся ситуация

оказалась даже больше подходящей легенде.

– А с тобой мы поговорим в другом месте, – бросил мне Махдиф, – Отправь его в мой офис.

Теперь со мной обращались гораздо мягче, не пинали и не били, а взяли под руки и вывели наружу, где буря стихла и лишь немногие перекати-поле продолжали свой путь от лёгкого ветра.

Компактная угловатая машинка для перевозки заключённых стояла совсем неподалёку от места допроса. Нас с Каримом разделили: его усадили в наземный транспорт, а я с конвоем дождался аэрокара и полетел над городом к возвышающейся в центре резиденции Императора. Сначала пробирались сквозь пробки над кварталами-лабиринтами самых бедных работяг с домиками из мусора, потом улицы выровнялись и здания резко взмыли на сотню метров вверх, и наконец мы понеслись над парками с частными виллами, надёжно укрытыми силовыми полями от пылевых бурь. До стен, огораживающих резиденцию Его Величества, оставалось пару сотен метров, когда аэрокар резко снизился по крутой спирали и сел на лужайку с цветами перед белоснежным строением, украшенном искусной лепниной, колоннами и мозаикой.

– Прибыли, – сказал полицейский, выпуская меня, – Жди здесь и никуда не суй свой нос.

Аэрокар поднялся и унёсся прочь, как только обе мои ноги ступили на мягкий газон. Вокруг не было ни души, только

огромный дом и лабиринт из разнообразных невысоких кустарников, некоторые из которых цвели и благоухали, а другие клонили ветви под тяжестью плодов. Камер наблюдения было не видать, но я продолжал усердно следовать своей легенде: расстелил купленный сегодня на базаре коврик и принялся усердно благодарить бога за то, что ещё жив.

Почти неслышно сквозь заросли подошёл Махдиф и некоторое время наблюдал за мной, пока я продолжал бить поклоны, делая вид, что не замечаю его.

– Мой брат решил бы, что ты переигрываешь, и забил бы тебя до смерти, а я знаю, насколько тейп Дудигер набожны... – произнёс Махдиф, когда я закончил, – Пойдём, поговорим.

– Как вам угодно...

– Эти живодёры не успели тебе ничего сломать?

– Нет... Это их работа хранить порядок...

– Порядок сам себя хранит, если у всех одна идея, ведь так? – Махдиф даже остановился, чтобы оценить мою реакцию и услышать ответ.

Я немного подумал и произнёс:

– У всех сынов Творца одна идея: служить ему. Однако не все одинаково прилежны.

Махдиф рассмеялся и несколько раз хлопнул себя по бёдрам:

– Узнаю слова Джафара...

– Моего деда звали Джабраль, господин... – поправил я, решив, что это очередная проверка.

– Думаю, что тебя хорошо подготовили, но ты всё же не Дудигер... Один из моих людей был в отряде карателей, и он утверждает, что Месхифа зарезали его собственные братья, решив, что это он предал их.

Махдиф долго смотрел на меня ожидая ответа, но я лишь молча расстегнул робу и показал множество шрамов, нанесённых заранее перед вылетом.

– Вижу ты живучий и многое пережил, но всё ещё не верю, – лицо советника сделалось жёстким и холодным, – А поэтому я буду держать тебя рядом и внимательно следить за каждым шагом. Будешь работать в отделе пропаганды – там твой уникальный талант к Голосу принесёт пользу Даймоду.

Махдиф Бакиев, казалось, полностью утратил ко мне интерес и брёл по зелёному лабиринту, любуясь цветами, порой касаясь их своими длинными пальцами. "Слишком просто всё," – подумал я. В своих экспедициях мне приходилось часто работать под прикрытием, но там всегда неподалёку был ударный флот, целый отряд аналитиков постоянно на связи и мои расширения, позволявшие исправить большинство ошибок, а главное, цена этих ошибок была намного меньше, чем теперь.

– Знаешь, мы, расширяя своё влияние, когда-нибудь можем натолкнуться на противника сравнимого с империей по силе, – задумчиво произнёс Махдиф, – Никто, кроме меня, не говорит об этом вслух... Как думаешь, а это могут быть другие разумные существа?

Мне начинал нравиться советник, и это было опасно. На его вопрос хотелось ответить честно, даже на мгновение показалось, что можно попытаться его завербовать, рассказать немного о Союзе.

– В книгах Творца говорится только о людях... Значит "других", наверное, нет? – ответил я вопросом, взяв себя в руки.

– Меня от этих мыслей дрожь пробирает... – Махдиф резко развернулся и направился к резиденции, – Не отставай, я покажу тебе твою комнату и познакомлю с обязанностями.

Я едва поспевал за ним и всё думал о том, что разглядел искреннее разочарование на лице советника из-за моего последнего ответа.

3.15 Трудно быть пророком

В моей комнатке-камере находились лишь необходимые вещи: стол с компьютером, кресло, жёсткая кровать, которая для экономии места пряталась в стену, зарешёченное окно выходило в сад. В углах у потолка ютились четыре камеры наблюдения. Симбионты могли подключиться к ним и какое-то время выдавать ложную картинку, но побег в мои планы не входил. Махдиф больше не навещал, чтобы поговорить по душам, а все распоряжения передавал через своего помощника: мальчишку-подростка с очень умными и внимательными глазами, чем-то похожего на него. Его звали Вахит, и на мои вопросы он никогда не отвечал.

Я каждый день подолгу анализировал сводки, которые попадали мне в руки, перед тем как садиться за работу. Восстания умирающих от голода фермеров требовали от правительства качественного объяснения причин, определения виновных и обоснования принятых карательных мер. Каждый раз я подбирал строки из писаний, которые порицали мятежников и обеляли имперский дом. Вот только текст священных книг был конечным, и скоро пришлось бы повторяться или выдумывать, а число волнений только нарастало.

– Собирайся, – Махдиф вошёл без стука и встал у окна, поглядывая на улицу.

Я сделал вид, что от неожиданности слегка замешкался.

– Быстрее! – нетерпеливо приказал советник, – Император ждёт!

Запахнув халат, я впрыгнул в туфли и подбежал к двери.

– Будь учтив и говори, когда спросят, – поучал Махдиф, открывая магнитным ключом дверь, – Он делает вид, что любит свободолюбивых и сильных людей, но будь осторожен, чтобы не лишиться жизни.

Во дворец мы прибыли в небольшом вагончике по монорельсу, очевидно в прошлом общественному транспорту. Величественные залы с драгоценными украшениями, картинами, антиквариатом множество раз сменились по пути к тронному помещению, бывшему больше других и лучше обставленному. Император ходил из стороны в сторону, меряя мозаичный пол широкими шагами. Услышав нас, он остановился и грозно смерил меня долгим взглядом.

– Что ж, я представлял тебя выше... – произнёс правитель Даймода громким голосом, – Докладывай!

– План пропаганды для компании готов и прорабатывается, – опустив взгляд начал я.

– Это я знаю! Ты ловко используешь Писание, но оно за последний век весьма сократилось... Есть у меня одна идея... Что если найти "утерянный" том? Что тебе нужно, чтобы написать его? Сколько это займёт времени?

– Будет проклят тот, кто изменит хоть слово Писания... – ответил я.

Залман без замаха, но чувствительно ударил меня по ли-

цу.

– Ты и твой род уже прокляты! А теперь я даю тебе шанс искупить вину своего тейпа! Я, император – есть воля Творца!

– Умоляю! Простите мою дерзость! Всё будет исполнено! – я упал ниц, чтобы скрыть ликование на своём лице, и сразу ощутил, как между лопаток наступила нога Залмана.

– Сколько нужно тебе времени?

– Пару десятков дней, я надеюсь...

– Ты показал себя очень хорошим богословом, – голос стал низким и отдавался дрожанием в груди, – Таких сейчас не найти... Порой я жалею, что рассорился с твоими братьями, – каблук сильнее впился мне в спину, – Молись, чтобы я не пожалел, что ты ещё жив!

Не разгибаясь, я несколько раз кивнул и почувствовал, что император, наконец, убрал ногу и снова принялся ходить туда-сюда.

– Пойдём, – сказал Махдиф и протянул мне руку, – У тебя много работы.

Выводя меня из дворца, советник вынул планшет из небольшой наплечной сумки со словами:

– Тут все священные тексты, которые нам удалось собрать. Ты должен использовать их.

– Хорошо. Вот только... – я остановился и нерешительно переминался с ноги на ногу, изобразив на лице внутреннее смятение, тревогу и страх.

– Говори! – нетерпеливо рыкнул советник.

– Существует множество противоречий в писании, когда один стих объясняет мир чуть иначе, чем другой, похожий. А ещё в самом нашем мире много такого, что не выходит понять простому человеку. Наука, например... – я говорил тихо, и так, словно был одновременно не уверен в своих словах и знал, что говорю правду – сложная техника, доступная для обладателей лицевых аугментаций, давалась мне без имплантов с огромным трудом, но всё же подействовала.

– Так что ты предлагаешь? – советник, терпеливо выслушав, глубоко вздохнул, и в его глазах проявилась нечеловеческая усталость.

– Если будет позволено, то я бы внёс в писание изменения, которые решат некоторые из этих проблем...

Махдиф потёр подбородок в раздумьях. Его тёмные глаза будто бы увидели нечто далёкое во времени и пространстве. Мышление, связанное путами догм, обладающее огромной инерцией, сопротивлялось любой идее "расконсервировать" общественное устройство, даже в этом человеке, которого я считал весьма прогрессивным.

– Нужно подумать об этом... – больше советник не проронил ни слова.

Оказавшись в своей "келье», я с усердием принялся за работу. Прекрасное владение литературными формами арабского языка позволило мне искусно вплетать в стихи завуалированные идеи о равенстве всякого человека, любого тру-

да и многие другие тезисы, лежащие в основе научного познания общества. Словно истинный пророк, я нёс слово о первичности реального мира и его влиянии на разум отдельных людей и всю цивилизацию в целом. Получался поистине чудовищный кадавр, химера, но способный толкать сознание вперёд. Я воспроизводил установки и тезисы, продуманные множеством аналитиков, готовивших эту операцию. Был остриём воли. Даже если Император выкинет эту работу, а меня прикажет казнить, но останется в его голове хотя бы часть, и этого будет достаточно, чтобы владыка Даймода начал сомневаться.

В горячке я забыл о времени и отвлёкся только тогда, когда Вахит принёс завтрак.

– Вы не спали? – спросил юноша.

– Увлёкся... – я устало улыбнулся и зевнул, – Надеюсь, ты поймёшь и испытаеть, как это – быть увлечённым своим трудом. Не за деньги, а ради лучшего будущего.

– Дядя Махдиф называл вас пророком... Говорил, что вы видите будущее.

– Очень бы хотелось, чтобы все видели будущее.

– Но ведь тогда вы перестанете быть важным!

– А я и не важен, мальчик... – я вдохнул аромат свежего хлеба, – Без всех людей вокруг, я лишь одинокий безумец, печатающий никому не нужные слова.

Вахит поспешил уйти, не дожидаясь, когда я закончу завтрак – его смутил разговор. "Дурак!" – подумал я про себя.

Нельзя впускать в свои мозги даже намёки на мессианство. В памяти всплыл образ Пророка, висящего на куске арматуры и его последние слова. Пожалуй, стоило бы поспать, но как к этому отнесётся Махдиф? Зачтёт ночную переработку? Решив, что всё равно нет никакой возможности спросить, я закончил трапезу, помыл и аккуратно сложил приборы, а потом вернулся к работе.

К вечеру, совершенно измотанный, я упал на кровать и провалился в тревожный сон. Какие-то люди заходили в комнату, но не осталось в памяти, о чём они говорили и что делали. Симбионты совсем не помогали организму быстрее восстановиться, но это и к лучшему: нельзя вызывать даже малейших подозрений.

Солнечный луч нагрел щёку до сильного румянца и наконец разбудил. Ресницы слиплись так, что пришлось раздирать их пальцами. В горле пересохло, и начался сильный кашель, как только я попытался сглотнуть. Судя по теням, был полдень, но никто до сих пор не пытался прервать мой отдых. Что-то изменилось в комнате... Окно. Распахнутые настежь створки, и лёгкий ветер, проходящий беспрепятственно там, где вчера была мелкая решётка.

В дверь постучали, что тоже было необычно.

– Входите! – неуверенно произнёс я.

Появился Махдиф с широкой улыбкой и сразу же заговорил о деле:

– Я прочитал начало твоей работы. Это прекрасно! Не

знаю до сих пор кто ты, но враг Даймода никогда бы не смог написать что-то подобное. Наш мир получит шанс преобразиться бескровно!

– Император думает так же? – спросил я.

Махдиф многозначительно промолчал, внезапно нахмурившись. Вопрос ему явно не понравился.

– Я решил, что Императору стоит показывать только готовое "Писание".

– Ваши слова придали мне сил, господин Махдиф.

– Работай по графику, мне не хочется, чтобы ты умер от истощения. Я считал тебя шпионом, но в тебе нет машин, как в других, которых мы казнили...

Советник внезапно напрягся и приложил руку к уху, по привычке к старой версии коммуникатора. Он выслушал доклад, и было видно, что требуется ответ, но при мне не прозвучало ни слова. Судя по каменному лицу, случилось что-то серьёзное, и я догадывался, что именно. Рэйчел должна была к этому времени начать свою часть операции.

3.16 Выход к людям

За отведённое время я успел даже больше, чем рассчитывал. Текст "Писания" получился внутренне непротиворечивым, легко читаемым и запоминающимся – прекрасный образчик идей тоталитарной военной диктатуры олигархов с незаметно вплетёнными туда крупными прогрессивного знания – маленькими зёрнами истины, которые ускорят разложение Империи и подведут её к трансформации. В последний, десятый день Махдиф принёс мне свёрток.

– Погляди! Наши редакторы даже не нашли, что исправить.

Я бережно развернул тряпицу и увидел древнюю, пыльную книгу, обтянутую кожей с ломающимися страницами. Мелкий рукописный текст ровными строчками покрывал бумагу.

– Что теперь будет? – спросил я.

– Император дарует тебе жизнь... Признаюсь первоначально все исполнители должны были замолчать ради Великого Блага Империи.

– План поменялся?

– Ты слишком хорошо выполнил свой долг, но можешь послужить ещё. Завтра объявят, что именно ты нашёл эту книгу, прочёл и принёс нашему правителю. Я под свою ответственность просил Залмана об этом. Мы так и не нашли

никого подходящего, кто бы владел Голосом.

– Голосом? – переспросил я.

– Умением убеждать. Есть запись твоего поединка на арене.

Махдиф присел на краешек подоконника и подставил лицо под ветерок, залетающий в комнату. Советник был доволен собой.

– Это большая честь и не меньшая ответственность, – торжественно произнёс я.

– Близиться великий поход... Император не хочет откладывать и собирается расширить границы Даймода...

– Но? Есть какое-то "но"?

Махдиф поморщился, словно от боли, облизнул губы и набрал воздуха, чтобы начать говорить:

– Прямо здесь, в самом сердце Империи не всё так гладко. Всегда находятся недовольные рабочие, завистливые чиновники, кто-то просто теряет контроль над собой и пытается откусить больше, чем сможет проглотить. Слишком сложно управлять таким большим государством... Нельзя уследить за всем, – Махдиф грустно смотрел на свои руки, словно прикидывал сколько "государства" смог бы удержать в них, – Ты в своей книге утверждаешь, что единая цель может позволить всем нам стать монолитным организмом... Ответь, как может рабочий на фабрике искренне любить Императора, если не может позволить себе даже есть досыта?

– Сколько производится еды? Разве её не хватит, чтобы

накормить всех? Я был фермером, – Махдиф при этих словах усмехнулся и покачал головой, а я словно не заметив, продолжил, – И знаю, что еды достаточно. Мы создаём в избытке не только пищу для тела, но и всё. Абсолютно всё. Императору остаётся только позволить всем на равных брать с общего стола. Не равное количество! А на равных правах! И тогда нищий и голодный лентяй будет сам виноват, что плохо работает, не хочет учиться и презирает "Писание". Тогда мятежник-бандит никогда не сможет стать народным героем.

– Кто ты? – Махдиф в очередной раз задал этот вопрос.

– Сегодня вы сказали, что я буду работать пророком.

Советник встал и направился к выходу, показывая, что разговор окончен. Мне хотелось остановить его и рассказать больше, но он был не готов принять мою настоящую сторону. У самого выхода Махдиф обернулся и бросил:

– Группа террористов сегодня ночью захватила конвой с провизией для столицы. Они перебили всех военных и скрылись. Во главе этих бандитов была женщина, как говорят выжившие гражданские, – глубоко посаженные карие глаза пристально изучали мою реакцию, но нашли только скорбь о погибших, – Завтра будь готов предстать перед народом.

Советник прикрыл за собой дверь, но замки не щёлкнули. Теперь не было нужды держать дорогого пленника взаперти, хотя я точно знал, что самостоятельно выходить в город ещё слишком опасно. Очень хотелось влезть в сеть и поискать упоминания о Рэйчел, но Махдиф чётко дал понять, что

подозревает меня в связи с внезапно появившейся предводительницей разбойников, значит придётся ждать развития событий и отыгрывать свою роль.

Вахит, принёсший ужин, оказался особенно молчаливым в тот вечер: оставил поднос с едой, забрал посуду, оставшуюся после обеда и сразу же ушёл. Пожалуй, мне стоило побыть наедине со своими мыслями, чтобы подготовиться к первому выходу на публику.

Книга "Писаний" осталась лежать на столе. Скорее всего теперь этот фолиант будет сопровождать меня повсеместно. Я приподнял том в руке и почувствовал приличную тяжесть, словно те, кто создавал артефакт хотели этим подчеркнуть серьёзность и важность вложенных туда мыслей.

Местное солнце коснулось горизонта. Усталости не чувствовалось вовсе, и стало понятно, что заснуть вряд ли удастся. Что ж бессонница усилит во внешнем виде безумие, а значит и силу внушения. Я взял одеяло и забрался на подоконник с ногами, чтобы смотреть на сад и краешек дворца. Завтра я стану проводником воли бога и голосом императора. Завертятся шестерёнки войны и миллионы людей превратятся в пищу для прожорливого монстра. Всё заполнят фанатики и реки крови, но неокрепший колосс развалится быстрее, чем успеет дотянуться до Союза, и раздавит сам себя, а потом переродится. Руки дрожали, едва удерживая чашку с чаем. Напиток остыл и оставлял во рту чуть вяжущую горечь, идеально подходящую к настроению.

Когда начало светать пришёл заспанный Вахит и принёс новую одежду: длинный широкий халат и небольшую шапочку на голову без полей.

– Уже пора? – спросил я переодеваясь.

– Велели прибыть во дворец сразу же.

Я закончил свой образ, надев на шею перекошенный равносторонний крест, который сам вырезал из куска дерева.

– Всё готово.

У дома нас ждал аэрокар, чтобы высадить на самой крыше резиденции Императора. Площадка нависала над площадью, выступая вперёд. Высокие белые перила, вырезанные из цельных кусков мрамора, соединялись перилами из чёрного дерева. Император держался за ограждение своими тонкими пальцами. Я медленно шёл по мозаичному полу вместе с восходящим солнцем за своей спиной. Внизу уже волновалась толпа. Негромкий гул тысяч голосов затих при моём появлении. Руки сами собой поднялись вверх и разошлись в стороны, словно я пытался обнять небо и землю.

– Братья! – голос, усиленный динамиками и акустикой площади, прокатился над головами и наступила тишина, – Слушайте! В пустыне за горами я скитался в поисках просветления! И Создатель подарил мне свои слова! – книга перенеслась с пояса в руки и оказалась высоко над головой, – В этих древних страницах я обрёл мудрость. Моя мятущаяся душа успокоилась! Теперь слова Творца будут принадлежать всем! Тут и бедняк, и воин, и сам Император смогут найти

утешение в горестях! Смогут почерпнуть силы для свершений! Вы найдёте здесь ответы!

Я говорил ещё долго, по несколько раз читая наизусть стихи из Писания, пока голос не охрип, а толпа не начала повторять за мной. С высоты было трудно разглядеть лица, но я знал, что тысячи глаз смотрят на меня, забывая моргать. Согнанные рабочие, измождённые трудом, стали единым организмом, а когда я наконец замолчал, они не торопились расходиться. Теперь большинство Даймода на короткое время станет силой, направленной на одну общую цель, а потом, осознав истинное положение вещей, народ превратится в двигатель преобразований.

– Ты хорошо поработал, – сказал Император, стоявший всё время рядом со мной.

– Я рад служить вам...

Махдиф появился на крыше вместе с братом.

– Ваше величество! – начал Расул своим неприятным голосом, – Мы выбрали из толпы несколько человек – они роптали и пытались помешать слушать Пророка.

– Казнить... – тихо сказал Залман сквозь зубы, – Но без пафоса, чтобы никто не узнал об этом. Пусть просто исчезнут.

Расул бросил на меня недобрый взгляд и низко поклонился перед тем, как идти выполнять распоряжение.

– Постой! – окрикнул Залман начальника контрразведки, – Сколько у тебя женщин?

– Семь... – Расул не понял к чему вопрос и напрягся.

– Они ублажают тебя?

– Это же их доля!

– Пророк говорил, что мы должны сплотиться ради великой цели. Все до единого стать воплощением воли Создателя, – Император опустился в кресло у небольшого столика, уставленного блюдами и с презрением посмотрел на еду, – Я сегодня подумал вот о чём: мне принесли на завтрак столько, что одному невозможно было съесть... И повелел впредь готовить скромно, так же и закупать для кухни только необходимое.

В глазах Расула мелькнул страх. Пришло понимание того, что хочет донести Император.

– Ты не родил для Даймода ни одного воина и ни одного учёного мужа, – продолжил Залман, – А у твоего брата одна жена, и подрастает уже трое детей... Если бы не это, можно было бы решить, что у тебя дурной род, но ты всего лишь избалован. Младшим часто родители позволяют лишнее... Значит теперь тебя воспитывать буду я. Оставь себе одну жену.

Император отвернулся и со злостью смахнул со стола все тарелки, кроме той, где лежал кусочек хлеба. Расул съёжился от грохота посуды и поспешил удалиться, но перед этим пару секунд сверлил меня взглядом полным ненависти, а я ликовал, ведь план работал, фигуры сами выстраивались на позиции, и игра шла так, как было задумано.

3.17 Заплечные дела

– Он стал любимой игрушкой Залмана! Игрушкой! – вопил высокий, режущий слух, голос.

– Игрушки надоедают, а друзья остаются, – отвечал спокойный и низкий.

– Так этот выскочка метит в друзья! Вчера и сегодня Император провёл с ним несколько часов! Ты реже бываешь во дворце, чем эта обезьянка!

– Пророк мудр, Расул. А ты не сдержан и глуп. Не будь моим братом, я бы отдал тебя на растерзание толпе за ересь.

Голоса стихли и стало не разобрать слов за дверьми. Мне стоило бы проскользнуть мимо в свою комнатку и сделать вид, что я ничего не слышал, но один из слуг повернул из-за угла и тут же заголосил:

– Приветствую тебя, Пророк! Да пребудет с нами твоя мудрость, а с тобой слово Творца!

Расул в ту же секунду распахнул дверь, выставил вперёд свое узкое лицо, словно ловил запахи, и с притворной улыбкой пригласил меня войти в кабинет советника, но стоило мне переступить порог и скрыться от полных обожания глаз слуги, как главный полицей с ненавистью прошипел:

– Подслушивал? А если я прикажу тебя обыскать, не найдётся ли чего интересного в тайных карманах?

– Оставь его, Расул! – грозно приказал Махдиф.

– Он вас всех обвёл вокруг пальца! – не унимался младший брат, – Он – лжец! А я мог бы лично из него вытащить правду...

– Прекрати! Жалею, что поделился с тобой информацией о Месхифе или как там его...

В комнате с высокими потолками и стенами, украшенными картинами и скульптурами, рядом с окном располагался массивный стол, и было лишь два кресла. Расул плюхнулся в одно из них и злорадно усмехнулся. Он демонстрировал своё превосходство, пытался донести до меня мысль, что для меня нет места в его мире. Махдиф встал, чем стёр с лица брата улыбку.

– Так ты слышал разговор? – спросил старший брат.

– Только то, что я игрушечная обезьянка и слишком много времени нахожусь рядом с императором, – отпираться было бессмысленно.

– И что ты об этом думаешь?

– Когда Залман Токаев хочет меня видеть, я прихожу. Когда нужда во мне отпадёт, будут решать, что со мной делать, значит необходимо как можно дольше оставаться полезным.

Махдифу нравилась моя искренность, его лицо разгладилось, а тело приняло открытую позу. Расул же, напротив, свернул руки калачиком и тяжело задышал, сдерживая гнев.

– Твоё влияние на императора многим кажется чрезмерным, – сказал младший из братьев.

– Скажите, что вам от меня нужно, и я сделаю.

– Расскажи – кто ты и откуда, – Расул расплылся в улыбке, считая, что поймал меня.

– Я тот, кто нашёл в пустыне Писание и принёс его людям. Вы сами дали мне эту роль.

Махдиф рассмеялся и похлопал меня по плечу под полным ненависти взглядом брата.

– Ступай отдыхать, Пророк, – советник говорил с теплотой, – Завтра будет новый день и новые заботы.

Выходя из кабинета, я понял, что будет очень трудно пере-силить себя и продолжать стравливать Бакиевых друг с другом. Расул был мне неприятен, но вот к Махдифу с каждым днём у меня росло уважение.

Наступала ночь. Тяжёлые облака затянули небо и скрыли спутники искусственного освещения, но в столице никогда не было темно из-за множества огней. Поток летающего транспорта никогда не редел. Деловая жизнь не замирала ни на минуту. Это было место, откуда управлялась империя: одновременно самое защищённая её точка и самая уязвимая часть.

Я включил компьютер и прочитал сводки новостей. Император подписал указ об очередной мобилизации и подготовке к присоединению новой планетарной системы. Разобраться в местных звёздных картах было не трудно, и стало понятно, что до фронта Союза оставалось рукой подать. Если оставить всё, как есть, то разведывательные корабли Даймода уже через несколько десятилетий могут натолкнуться

на наши патрули. Мы не сможем мирно ужиться, и начнётся резня на ещё одном фронте.

Хрустящая от чистоты постель приятно холодила кожу, но из-за роящихся в голове мыслей заснуть удалось только с рассветом. Вот только отдых длился совсем недолго: прямо над резиденцией советника раздался мощный взрыв. Я подскочил и выглянул наружу: в голубеющем небе чернел след падающего прямо на дворцовую площадь аэрокара. Сердце несколько раз гулко ударило кровью в голову до боли в ушах. Снизу послышались крики слуг и громкий бас Махдифа, который выбежал из дома в одном белье, давал распоряжения и с кем-то ругался по коммуникатору. Он увидел моё бледное лицо в окне и показал жестом оставаться в комнате. Прямо на клумбы с цветами приземлилось несколько машин, и из них выбежали люди в военной форме с оружием наизготовку.

Суэта продолжалась недолго. Сидя на кровати, я слышал, как Махдиф отдал несколько приказов и, вероятно, улетел к месту падения сбитого транспорта для исследования обломков, а может быть на поиски места, откуда произвели залп.

Слуги принесли мне завтрак, но аппетита не было, и пришлось через силу выпить стакан молока. Бессильное ожидание злило, только нельзя было этого показывать, и я сидел неподвижно на полу, словно древний монах во время медитации.

– Вставай! – в комнате около полудня появился Расул и

пнул меня по рёбрам. Его воспалённые от недосыпа глаза бегали из стороны в сторону, а язык то и дело облизывал пересохшие губы.

– Вы схватили стрелявших? – спокойно спросил я, оставаясь сидеть.

– Вставай! – терпение Расула окончательно иссякло, и он выхватил пистолет.

– Не нужно насилия, – я поднял руки ладонями к младшему Бакиеву и поднялся на ноги, – Говорите, куда идти.

– Вниз...

На улице возле самого крыльца стоял в спешке припаркованный аэрокар. Расул впихнул меня на заднее сиденье, огороженное прозрачной стенкой от водительского места, быстро обежал машину, постоянно озираясь, сел за руль и рванул с места так, что меня болезненно прижало к спинке.

– Молись! Сейчас из тебя всё вытащат! – начальник контрразведки хохотнул и с трудом увернулся от встречного потока.

Я смиренно сложил руки и задумался. Наверняка не стоит недооценивать пыточные подвалы, но мог ли Махдиф или император отдать приказ везти меня туда? Судя по поведению Расула, он наверняка действует в тайне ото всех. Симбионты позволят продержаться несколько часов, а за это время меня хватятся. Так даже лучше.

Посадка оказалась жёсткой у неприметного здания посреди плотной застройки деловых кварталов. Я не сопротивлялся.

ся и сам вышел наружу, когда открылась дверь.

– Расул, – слова вылетели в пространство, многократно отражались и снова, и снова били в цель, – Почему ты создаёшь себе врагов? Почему делаешь всё возможное, чтобы тебя ненавидело как можно больше людей?

Он подло, исподтишка ударил меня дубинкой в живот, а когда я упал, долго бил ногами по рёбрам. Симбионты прекрасно справлялись и в нужное время отключали боль. Истерика Расула не утихала и пришлось изобразить потерю сознания, чтобы остановить побои. Начальник контрразведки сразу же замер от страха, но не от того, что убил человека, а потому что не успел вырвать признание, и теперь не сможет эффектно раскрыть заговор.

– Эй? – визгливый голос дрожал, – Ты живой?

Вспотевшие ладошки зашлёпали по моим щекам, отдаваясь тупой болью по всему телу. Я закашлялся и сделал вид, что не могу встать. Из неприметной дверки вышли двое полицейских, которым Расул знаками указал занести меня внутрь. Моя голова болталась из стороны в сторону и удавалось довольно неплохо осмотреться: узкие коридоры змеились и изгибались, уходя вниз, множество дверей с номерами вместо надписей на табличках. По ощущениям до поверхности было уже с полсотни метров, когда конвоиры остановились перед механическим шлюзом. Расул приложил к считывателю свой ключ, и в нос ударил запах страдания. Закисшая вонь крови и испражнений, горечь холодного пота рва-

лись через ноздри в мозг, чтобы деморализовать человека ещё до того, как он переступит порог кабинета заплечных дел мастера.

Без церемоний моё тело швырнули на кресло. Старичок в синем комбинезоне из водоотталкивающей ткани деловито пристегнул ремнями руки, ноги и шею к специальным выступам. Расул подал палачу лицевой щиток.

– Ну... Приступим, – прозвучал старческий шёпот без единой эмоции, который с равным успехом мог означать начало какой-то скучной работы.

Сначала умелые руки поставили несколько уколов, а потом Расул с неравными интервалами подходил ко мне, низко наклонялся к лицу и спрашивал:

– Кто ты?

Действие препаратов частично погасили симбионты, но сознание плыло, угрожая потерей контроля. Хруст. Палач клещами ухватился за мизинец на ноге и специальной лопаточкой поддел ноготь. Введённая химия должна была усилить боль, но я только поморщился.

– Кто ты?

Тонкое лезвие оставило длинный порез на внутренней поверхности бедра, а посыпанный сверху порошок вызвал жжение, словно приложили раскалённую кочергу. Вот только нервы от ожогов погибают и боль становится тише, но тут вещество ничего не разрушало, а лишь возбуждало проведение определённых сигналов.

– Кто ты?

Новая серия уколов, и голову словно сдавили в тисках.

– Кто ты?

Палач делал что-то ещё и ещё, и ещё, показалось, что прошло несколько часов, когда я, наконец, отключился.

Придя в себя, я обнаружил, что уже не связан, лежу на чистой постели в своей комнате и улыбнулся: план сработал.

– Ты понимаешь, что произошло? – Махдиф сидел у кровати и смотрел на меня, а сзади на него через окно ярко светило солнце.

– Меня подозревают в теракте... В предательстве...

– Нет. Никто ни в чём тебя не подозревает. Ты Пророк, голос творца. Друг Императора.

– Что будет с Расулом?

– Залман смилостивился и сделал его шутом на несколько дней. Теперь держит постоянно при себе, будто в ошейнике на поводке.

Пока советник так легко отвечал на вопросы, я решился задать ещё один:

– Виновных нашли?

Лицо Махдифа осталось непроницаемым:

– Казнь сегодня вечером, сразу после молитвы. Ты сможешь стоять?

– Да.

– Отдыхай. За тобой придут, чтобы помочь добраться до площади. И подумай, что ты там скажешь народу.

3.18 Дурацкий спектакль

Капсула попала в турбулентность и вибрировала так, что Рэйчел с трудом удерживала капу в зубах. Автоматическое управление с трудом справлялось с маневрированием, и стало очевидно, что посадка будет жёсткой. Верхушка скалы взорвалась кучей обломков от удара, что погасило часть энергии, но капсула не проскользила по склону, а начала куврыкаться. Женщина крепко сжала челюсти и ухватилась руками за поручни, но скорость вращения была слишком большой, и несколько пальцев вывернуло из суставов. В животе растеклось что-то горячее – произошёл разрыв кишечника. Наверняка внутреннее кровотечение быстро прикончило бы десантницу, но модификации её тела должны справиться и обеспечить выживание. Рэйчел хотела в эти минуты только одного – чтобы скорлупка, в которой она падала, быстрее остановилась. За секунду до этого женщина потеряла сознание.

Тишина. Солнечный луч грел разбитое лицо, покрытое сгустками крови. Рэйчел повернула голову набок и сплюнула тягучий бурый комок. Она попыталась выругаться, но скорчилась от боли, и её стошнило. Несмотря на открытую крышку капсулы, стоял резкий запах человеческого фарша. Персональные системы жизнеобеспечения выдали отчёт о ходе восстановления тела: до того, как Рэйчел сможет самостоя-

тельно выбраться и начать работу осталась пара часов. Женщина, наконец, смогла разлепить губы и вслух произнести всё, что она думала о посадке и тех, кто её спланировал, не забыв всех близких и дальних родственников, после чего загнула.

Сумерки принесли прохладу. Дышать стало намного легче и внутри почти ничего не болело.

– Почти сутки потеряны... – со злостью сказала Рэйчел сама себе и стала выбираться.

Ноги немного подкашивались, но с каждым шагом идти становилось легче. Женщина не обернулась, когда сработало самоуничтожение следов высадки. Она упорно двигалась к точке, где приземлился кофр с оружием. Никто не встретился по пути, лишь пару раз на гребнях скал она различала силуэты, которые можно было принять за людей, и сразу же пряталась за ближайшим валуном. К утру Рэйчел добралась до снаряжения и быстро перепрятала несколько десятков винтовок с тремя ручными пусковыми установками для ракет. С собой она взяла только пару пистолетов и складной автомат: то, что легко скрывалось под одеждой.

– Теперь познакомимся с местными... – глаза Рэйчел блеснули сталью, а на губах заиграла циничная ухмылка.

Она не спала уже больше суток, когда достигла отрогов гор, где скрывался посёлок сепаратистов. Ни с воздуха, ни с земли не было видно ни пещер, ни какого-то другого укрытия, а тем более следов людей, но на карте место было обо-

значено точно, с трёхмерной картой полостей, где находились укрытия. Раскидистое дерево цеплялось корнями за каменистую почву и казалось неприметным рядом со своими соседями. У основания ствола, в углублении из мха торчал сучок. Стоило за него дёрнуть и открывался небольшой люк и спуск. Только Рэйчел не стала ничего трогать, а разложила пыльное одеяло и прилегла в ложбинке, откуда ей было хорошо видно всё вокруг. Она задремала, продолжая внимательно вслушиваться в тихие шорохи.

Едва уловимый скрип. Нога в ботинке с мягкой подошвой наступила на каменную крошку. Кто-то запустил пятерню в бороду и осторожно выдохнул. Приближается. Ремень оружия трётся о рубаху на спине. Ремень натянут, значит человек нервничает, держит автомат в напряжённых руках. Не один. Трое. Ещё кто-то лишь высунулся из люка по пояс и задел каменную стенку лаза.

Рэйчел открыла глаза. Бородатый мужчина держал ствол в сантиметрах от её лица. Он увидел, что незнакомка смотрит на него, и отрывисто произнёс несколько слогов.

– Не делай глупостей, – сказала Рэйчел, – Давай поговорим?

Ствол больно упёрся ей в щёку. Остальные бородачи выстроились полукругом, прикрывая главаря.

– Будь я разведчиком карателей, то вы все сейчас стали бы отличными мишенями, – Рэйчел даже приснула от смеха, – И ведь ни у кого из вас не возникло мысли следить за

соседними вершинами и небом.

Её речь поняли и закрутили головами, а Рейчел ловко перехватила ствол, всё ещё упирившийся ей в лицо, вскочила, прикрылась телом вожака и наконец расхохоталась в голос. В этот миг внешне хрупкая женщина стала похожей на безумного демона.

– Оружие на землю!

– Стреляйте братья! – прохрипел вожак, с трудом набравший воздуха горлом, сдавленным ремнём, но его товарищи медлили.

– Оружие на землю! – повторила Рэйчел, – Я уже много раз могла вас всех перебить, но вы нужны живыми, злыми и способными убивать зажавшихся столичных тварей, – слова вылетали, как пули, и вызывали ещё большее смятение и нерешительность.

– Стреляйте! – упорно повторял бородач, а по его щекам катились слёзы, – Стреляйте!

Рэйчел неожиданно отпустила заложника и бросила оружие.

– Пристрелите уже этого... – сказала она, опускаясь на своё одеяло.

Жест вызвал полнейший диссонанс, и мужчины опустили оружие, пытаясь осмыслить происходящее.

– Через десять или двенадцать часов мимо Медвежьей горы пойдёт отряд, – нараспев начала говорить Рэйчел, – Они самоуверенны. В колонне только один бронетранспор-

тёр. Будет жарко, и весь экипаж кроме пилота развалится на броне. Лёгкая цель и хорошая добыча. Может быть, поохотимся? Пусть это будет моё испытание? Ну?! Хоть посидите в укрытии и поглядите, как нужно мстить! – в конце голос поднялся высоко и резал слух, но не сорвался на визг.

– Откуда ты знаешь? – спросил вожак.

– Три дня назад "покарали" ферму. Маршрут тут один. Скорость колонны известна. Я посчитала, – Рэйчел кляла про себя на все лады жёсткую посадку и потерянное на восстановление время. Ей самой казался дурацким этот спектакль, но ничего другого она не смогла придумать, а аналитический отдел в записях о местном населении утверждал, что сепаратисты полуграмотны, легковёрны и ведут себя зачастую как дети.

– Фермерские жёны не умеют драться, – недоверчиво проворчал вожак.

– А в столице говорят на каждом углу, что вы вообще не нуждаетесь в женщинах, – при этих словах Рэйчел сделала неприличный жест, – Решайте уже!

В мутных взглядах полуголодных мужчин не было ни решимости, ни страха, ни единой мысли о том, что делать дальше. Рэйчел сплюнула от досады и сказала:

– Вам всё равно здесь умирать. Так сделайте это с достоинством, – она снова встала, подняла брошенный автомат вожака и неспешно стала спускаться по склону, прислушиваясь к тихому бормотанию за спиной, но слов было не разобрать.

Совсем стемнело. Импланты позволяли видеть всё, как днём, и не снижать скорость, но шорох осыпающихся камней далеко позади дал понять, что крестьяне решились идти следом, а у них ночного зрения не было. Рэйчел терпеливо дождалась, когда семеро мужчин поравнялись с ней, производя столько шума, что могли с тем же успехом идти с факелами.

– Меня зовут Мубарак, – запыхавшись проговорил вождь, – Мы решили... идти с тобой.

– У вас не принято слушать женщин, – с напускным вежеством Рэйчел похлопала мужчину по плечу, – Но если сделаете по-моему, то останетесь живы, и, может быть, успеете сделать по ребёночку в каждой деревушке вокруг столицы.

Лицо диверсантки вмиг сделалось серьёзным и жестоким. Больше она ничего не произнесла вслух, но жестами показала следовать за ней и вести себя как можно тише.

С утренними сумерками группа бывших крестьян выбилась из сил, но добралась до площадки над неглубоким ущельем – единственной удобной дорогой в этих местах. "Только бы информация оказалась точной," – подумала Рэйчел перед тем, как в последний раз объяснить задачу группы прикрытия.

– Как только увидите, что в бронетранспорт прилетела шайтан-бутылка (местное название коктейля Молотова, прим. авт.), сразу же открываете огонь и стреляете вниз. Не нужно метко целиться – просто создайте побольше шуму.

Когда закончатся патроны в магазине, вы спрячетесь, перезарядитесь и можете не высовываться до конца боя. Я буду работать одна. Поняли?

Бородачи закивали, а Рэйчел про себя взмолилась, чтобы эти "войки" выполнили всё правильно.

На горизонте появился клуб пыли от колонны солдат. Впереди действительно ехала только одна машина, на плоских боках которой сидели люди. Рэйчел подобралась и бесшумно спустилась в ущелье, скользя по крутому склону. Солнце вывалилось из-за ломаного горизонта и светило в лоб приближающегося каравана. Машина с гулом въехала в узкое место и замедлилась, переламывая известняк. По широкой дуге пролетела зажигательная граната и растеклась по броне ярким пламенем. Солдаты не успели ничего сделать и с визгом заметались, попадали на землю, под колёса, и затихли. Фермеры открыли беспорядочный, но плотный огонь, создавая видимость большого отряда и привлекая к себе внимание. Один за одним автоматы замолкли. Рэйчел метнулась вперёд с невероятной скоростью усиленного аугментациями тела. Она перемещалась хаотично по земле и вертикальным стенам ущелья, успевая целиться и стрелять из самых невозможных положений. Каратели не успели перегруппироваться или хотя бы укрыться за камнями и попадали замертво. Всё стихло.

– Чисто! – выкрикнула женщина, – Спускайтесь и помогите собрать снаряжение!

Над краем ущелья появилась трясущаяся от возбуждения и страха голова Мубарака. Он второй раз в жизни видел сразу столько трупов – первым был приход карателей в его деревню.

– Ну же! – крикнула главарь банды сепаратистов, – Через час сюда слетятся истребители и выжгут каждый квадратный метр!

Фермеры старательно собирали всё подряд и Рэйчел приходилось покрикивать на них, чтобы не тратили силы и время на всякий хлам или ценные, но бесполезные безделушки. Наконец она в очередной раз сверилась с часами и командовала отход. Добыча оказалась богатой: теперь можно было сносно вооружить небольшой отряд, а многие вещи обменять на еду и укрытие в деревнях. Адреналин от схватки выгорал, но привыкшие к тяжёлому труду фермеры уверенно и быстро шли нагруженными.

– Это лишь первый раз. Он самый лёгкий и удачный, – сказала Рэйчел Мубараку, покидая место бойни, – Каждый следующий будет всё сложнее. Но я вас научу. Научу сражаться и думать, как воины. Сегодня отдыхаем. Завтра начну готовить из вас солдат.

Навыюченная больше всех женщина ловко перепрыгивала по камням стремясь как можно скорее попасть к дереву, к люку, в крохотное подземелье. Хорошее место: стоит того, чтобы провести там одну-две ночи.

– Вы одни тут прячетесь? – спросила Рэйчел, когда один

из фермеров – она не хотела запоминать его имени, потому что считала их всех мертвецами – открыл тайный люк у не приметного дерева.

– Да, госпожа.

– И никто не пытается договориться с другими, чтобы собрать больше воинов? Совершать вместе рейды. Собрать армию и устроить переворот?

– Нет. Мы слишком коротко живём – всего несколько месяцев, а потом всегда приходят каратели.

– Теперь всё изменится, – легко соврала Рэйчел, посмотрела на свой отряд и продолжила, рубя в воздухе ладонью, – Обещать, что мы захватим столицу, я не буду, но точно заставим там всех потрястись от страха, и покажем им, что с нами нужно считаться! Мы соберём по обочинам жизни других и покажем, что нас много! У нас должны быть права наравне с другими!

Взрослых мужчин с тяжёлым опытом короткая речь предводительницы задела, и Рэйчел впервые в их глазах заметила слабую надежду, а не только желание поскорее погибнуть.

3.19 Рождение легенды

Горная деревня шумела, словно улей. Маленькие мальчишки сновали вверх и вниз по высеченным в толще скал лестницам перенося устные послания между старейшинами. Собраться в одном месте главы тейпов не могли: во время удара карательного отряда хоть кто-то из вожаков должен был успеть уйти. Рэйчел с презрением смотрела вокруг: на негодные укрепления, на слабых мужчин и женщин, не умеющих за себя постоять, на мусор по углам улочек, на плотную застройку, позволяющую выжечь всю живую силу несколькими термическими зарядами, а главное, на всю эту бесполезную возню с конспирацией.

– Вас ждут... – мальчонка лет шести потянул Рэйчел маленькой ручкой за штанину.

– Веди, боец! – ответила женщина и посыльный просиял.

На окраине посёлка в домике из глиняных кирпичей "прилепленном" к скале сидел выборный глава фермеров-индивидуалистов. Крепкий, с мозолистыми, натруженными руками, сложенными на коленях, мужчина смотрел перед собой и усиленно думал так, что лоб превратился в сплошные складки.

– Здравствуй, – тихо произнёс он, – Я Хадиф.

– Рукийа.

– Садись. Прейду сразу к делу: твои поступки угрожают

всему нашему сообществу. Агрохолдинги уже давно хотят прибрать к рукам всех нас, но не решаются рисковать вести хозяйство среди гор. Что помешает Императору сделать из гор равнины, а всех нас перерезать, как баранов?

– Если вы не будете баранами, то резать вас будет так трудно, что даже Император это поймёт.

Хадиф привстал с пуфа и тяжело осел, махнул рукой на "глупую женщину" и медленно, устало, словно в сотый раз объяснял непослушному ребёнку, произнёс:

– Девочка, нас не будут резать всех, тем более ножами. Чтобы мы тут вконец одичали и вымерли в грязи, как свиньи, достаточно не покупать наши продукты и не продавать нам технологии.

– Ты дурак! – Рэйчел ощутила всем телом, что из каждого тёмного угла в неё тщательно прицеливаются, – Считать ещё не разучился? Кто ест ваших овец, фрукты, хлеб? Не отвечай! Император и его свита, банкиры, крупные торговцы – состоятельные люди. Они пьют вино из винограда, а не из дешёвых фруктов. У вас скупают товар за бесценки, потом перепродают на стол толстосумов. Разница аккумулируется на биржах и в банках. Вы, горняки, металлурги, рабочие заводов создаёте не только материальные богатства, которые можно потрогать, но и весь основной, НАСТОЯЩИЙ капитал – те деньги, на которые можно брать и давать кредиты для захвата новых планет, – Рэйчел вытерла пот со лба и продолжила, – Раскатать вас в лепёшку и выкинуть будет

означать, что солдаты не получают ни кораблей, ни танков, ни провианта. Вы основа этого мира. Ядро империи. Из ваших продуктов, выращенных самым примитивным образом, получается выжать больше денег, чем из агрохолдингов, которые не спешат делиться с императором, а наоборот тянут себе через льготы ресурсы. Тебе в цифрах показать?

Рэйчел протянула планшет с графиками и таблицами Хадифу. Воспалённые от бессонницы глаза мужчины забегали по строчкам, в которых было всё просто, понятно, неопровержимо.

– Чего ты хочешь? – наконец спросил Хадиф, бережно откладывая дорогую электронику в сторону.

– Чтобы с нами считались! С вами считались! Чтобы солдаты гибли не зря! Чтобы другие планеты с радостью присоединялись к нам без единого выстрела! Закончить навсегда все войны!

– Через убийства и грабёж?

– Да! Как ещё мы можем достучаться до них?

– Откуда ты?

– Пришла из пустыни. Голодная, злая. Такая же как вы.

– Каратели уже выжгли две деревни рядом с Медвежьей горой.

– И выжгут ещё, пока вы не станете едины. Будут вас резать, как баранов! – Рейчел злорадно рассмеялась.

– Нужно подумать... – Хадиф погладил бороду, – Нужно время, чтобы обсудить с другими, уговорить, пригрозить.

– А ещё нужен план, чтобы все действовали слаженно... Чтобы после моей смерти это всё не остановилось.

На миг на лице Хадифа появилась маска страха. Старейшина осознал, что не только верит женщине, которая так легко говорит о своей гибели, но верит в успех её дела.

– Нужно подумать, – повторил Хадиф.

Рэйчел встала и поклонилась.

– Пока ты думаешь, я начну действовать. У меня не так много времени, да и жизнь только одна. В любой непонятной ситуации лучше всего поступать по совести.

Вождь тейпов проводил взглядом свою гостью. В его голове ворочались тяжёлые мысли. Он давно понимал, что бунты крестьян и рабочих уже давно превратились в обыденность. Казалось, что так может продолжаться всегда, но графики на планшете, неведомо откуда взявшейся мятежницы, говорили об обратном: каждый цикл приближал Даймод к кровавой развязке, которая уже несколько раз отсрочивалась очередной войной. Хадиф не доверял этой яростной, жестокой женщине. Схватить и выдать карателям в обмен на несколько лет покоя и хороших цен – было его первым желанием. Что-то остановило, возможно любопытство. А теперь после разговора с ней он понял, что не сможет предать Рукийю, потому что после этого его самого разорвут в клочья крестьяне, наслушавшиеся рассказов глупого Мубарака.

Столица питалась кровью народа, но давала извращённую стабильность в медленной деградации вместо быстрого паде-

ния в пропасть. Рукийа предлагала хаос, но после него сулила порядок и справедливость. Хадиф уронил голову на грудь и схватился за волосы. Любое решение грозило смертью его роду. "Что ж, – подумал старейшина, – Попробую поступить по совести."

Крестьяне поначалу бесили Рэйчел. Наивные и доверчивые из-за безграмотности и религиозности, но жестокие и злые по тем же самым причинам. Забитые до уровня средневековья они принимали свою участь с противоестественным смирением. Перед высадкой Жданов несколько раз повторил ей, что бытие определяет сознание. Теперь Рэйчел воочию убедилась в этом. "Стоило бы спуститься с неба на крыльях, – подумала она, – Сразу бы признали за божество, и не пришлось бы играть этот дурацкий спектакль." Об этом Жданов тоже говорил. Пытался объяснить, почему так нельзя, но Рэйчел пропускала слова мимо ушей.

Мубарак сидел с остальными у колодца и с жаром повторял по кругу историю про засаду на колонну карателей, как ни странно, совсем не преувеличивая свою роль. Вокруг стояли, открыв рты, и внимательно слушали, дети и подростки, несколько женщин и парочка стариков – почти все мужчины работали на террасах, опоясывающих окрестные горы, где выращивали зерновые, фрукты, овощи и домашний скот.

При виде Рэйчел встали даже старики. Их взгляды полные надежд вызывали в ней раздражение. Хотелось с разма-

ху разбить им лица. Хотелось кричать и наносить удары до тех пор, пока они не начнут понимать. Жданов говорил и об этом. Предупреждал, что будет так.

– Выходим прямо сейчас, – скомандовала Рэйчел и отвесила лёгкий подзатыльник мальчишке, который осмелился дотронуться до её руки. В недавнем прошлом она бы наслаждалась ролью полубога, с радостью принимала любовь и почитание. Встреча с Вячеславом многое изменила и запустила необратимый процесс в ней, меняющий саму основу мышления. Нет. Жданов утверждал, что первые шаги она сделала сама, ещё до рабства, но шаги неумелые, глупые, какие делают дети без помощи взрослых.

Субъективный монитор вывел прямо в мозг чёткую картинку со спутника-шпиона, запущенного предшественниками из отдела внешней разведки Союза. Тяжёлые вертолёты, обвешанные ракетными установками, неспешно прочёсывали территорию. Рэйчел закусил губу наблюдая, как одна из машин гоняла подростка-пастуха лениво постреливая ему под ноги, а затем несколькими точными выстрелами "четвертовала". Диверсантка поймала за шиворот "гонца" и прошептала:

– Сюда летят каратели. Сообщите старейшинам.

Мальчик кивнул и засверкал босыми пятками.

– Что расселись? – крикнула Рэйчел своей банде и со злостью пнула ближайшего к ней, – Выходим сейчас же!

– Нам еду ещё не собрали... – виновато оправдывался Му-

барак.

– Мертвецы не жрут!

Уходили почти налегке: снаряжение выгодно обменяли в караване торговцев, а оружие спрятали далеко от деревни. "Выносливые, – подумала Рэйчел, оглядываясь на пыхтящих мужиков позади, – Почти не спали, а не отстают." Через полчаса марша послышались глухие далёкие выстрелы крупнокалиберных орудий. Одиночные. Редкие. Главварь мятежников выдохнула с облегчением – деревню только запугивали и собирались обойтись небольшой кровью. Она с удивлением обнаружила в себе жалость к аборигенам, сменившую презрение. Ей не нравились эти новые чувства – она считала их вредными для работы.

К вечеру, когда маленькая банда улеглась спать в своём тайнике, Рэйчел долго изучала карты местности вокруг столицы. Она искала точку откуда можно было нанести следующий удар и успеть сбежать, не теряя и так малочисленную группу. Несмотря на то, что в деревнях уже начали складываться легенды, крестьяне не спешили братья за оружие.

3.20 Сила слова

– Держи винтовку! Обеими руками! – Рэйчел не удержалась и врезала Мубараку кулаком по лицу, – Ты выжить хочешь?

Фермер закивал, вытирая сопли и кровь. Он усердно постигал основы строевой подготовки, но руки, привыкшие к земле и работе, не слушались.

– Это ваше орудие труда на ближайшие месяцы! – Рэйчел высоко подняла оружие над головой, – Вы обязаны уметь им пользоваться, обслуживать и чинить. Ты! – она указала пальцем на Юсуфа, самого молодого из группы, – Выйди сюда! Перезаряжайся!

Парень отстегнул магазин и выронил с громким лязгом на пол, получив за это мощный пинок.

– Ты умер... Глупо погиб, потому что слишком шумел. Против вас натасканные на убийства солдаты! Первое время они будут считать вас лёгкой добычей и с радостью проветривать ваши мозги... Пока вы не докажете, что сильнее!

Женщина устало села на камень и с грустью продолжила: – Я могу погибнуть... А могу попасть в плен и сдать вас под пытками... Поймите, что никакой лидер не сможет принести вам победу... Вы все должны стать самодостаточными, центрами кристаллизации сопротивления. Мы скорее всего погибнем все до единого... Моя задача научить настолько

хорошо, чтобы вы успели передать эстафету другим...

Рэйчел оглядела подопечных, запыхавшихся после тренировки, и скомандовала:

– Пошли вниз! – и рассмеялась, увидев, как взрослые мужики засмущались и заёрзали, как дети.

В подземной норе с низкими потолками она установила жестяной лист, выкрашенный белым, и с помощью проектора обучала фермеров грамоте и самым простым базовым знаниям о мире. Это было ещё тяжелее, чем муштровать. Особенно тяжело давалось письмо, но Жданов много раз повторял во время совместной проработки плана, что без образования вся операция не имеет смысла.

– Так можно наукой голову забить, что там для веры места не останется, – вздохнув, сказал Махди, очень худой, жилистый мужчина, последние годы занимавшийся отходничеством на рудодобывающем комплексе.

– Останется... – мягко сказала Рэйчел, – Ты же сам говорил, что после занятий у тебя голова опухает – это она растёт, чтоб больше поместилось.

"Как быстро они перешли от недоверия к уважению!" – подумала про себя Рэйчел. За несколько дней она начала сближаться с группой – сама не заметила, как запомнила их имена, привычки, особые черты характера. И ведь об этом тоже предупреждал Жданов. "Интересно, как он?" – с тревогой задумалась Рэйчел, глядя поверх голов, склонённых над импровизированными столами.

Вечерело. Ветер трепал отросшие волосы на головах партизан-бородачей, сгрудившихся на краю ущелья. Рэйчел сосредоточенно всматривалась в транспортный поток над столицей и ждала сигнала со спутника. На трёхмерной карте появилась зелёная точка – флаер одного из видных палачей из отдела внутренней разведки Даймода. Хорошая цель. Женщина сконцентрировала всё своё внимание, подобралась и замерла, словно статуя.

– Огонь! – короткая команда слетела с губ.

Мубарак, стоя на одном колене, разрядил установку и сразу же побежал в укрытие. Его работа закончилась, а Рэйчел продолжала стоять, напрягая внутренние силы, направляя смертоносную ракету сквозь плотный поток пыли. Взрыв. Чёрная полоска дыма с такого расстояния казалась узкой ниточкой, следующей за насекомым. Внутри флаера горел человек. Понадобилось воспитать и взлелеять внутри ненависть, чтобы не отвернуться, не испугаться самой себя, и только после того, как летающая машина рухнула в сад перед дворцом, Рэйчел смогла дышать, и прошло оцепенение. Она пустилась бегом за своими товарищами с чувством выполненного долга: осталось совсем немного до завершения операции. Новости о Пророке распространились молниеносно, значит Вячеслав справляется. Скоро можно будет вернуться в пространство Союза, и Рэйчел поймала себя на том, что называет теперь его своим "домом".

Я стоял на площади перед дворцом. Один из обломков сбитого вчера флаера долетел сюда и оставил на плитах чёрный след сажи. Арена была закрыта. Публичная казнь состоится без ритуалов и поединков. Несчастные, назначенные Расулом виновными, находились на эшафоте с мешками на головах и петлями на шеях. Начальник контрразведки остаток ночи рыл землю в поисках всех причастных к убийству, но по нервному тикю было понятно: безрезультатно. Он, по всей вероятности, только что сам накинул удавки и с нетерпением ждал, когда ему разрешат привести приговор в исполнение.

Император стоял на балконе так, что с моего места виднелся только его лоб и суровые глаза.

– Найди правильные слова, – Махдиф положил мне руку на плечо, – Даймод устал от жестокости.

– Тогда казнь стоило бы отменить... – я освободился от цепких пальцев, ожидая вспышки гнева, но советник остался внешне спокоен.

– Если ты знаешь, как иначе успокоить толпу, то начинай прямо сейчас, – произнёс Махдиф, обводя рукой колышущееся море.

Среди тысяч голов там и тут торчали древки флагов с символическим изображением раскрытой книги, испускающей вверх луч света. Чёткий рисунок из нескольких линий легко можно было представить на будущих стягах грозных армий, на рукавах военной формы, в виде граффити на сте-

нах домов. Отдел пропаганды постарался на славу: за считанные часы сориентировались, разработали символ, изготовили и раздали людям. Я обернулся ожидая, что сейчас с балкона, где стоял император, через перила перекинута гигантское шёлковое полотно, но этого не случилось – не все элементы истории Земли повторялись здесь в точности.

Оставались последние минуты, чтобы затормозить раскручивающийся маховик нового порядка, спасти дюжину обречённых и дать Даймоду шанс остаться самостоятельной силой в галактике, но я не имел права этого делать. Млечный Путь за последний месяц сделался крохотным и тесным. Империя очень скоро разорвёт сама себя в клочья. Чем быстрее, тем меньше крови моих товарищей будет пролито.

Я раскинул руки, словно обнимая толпу, и под рёв ярости и "праведного" гнева взошёл на эшафот, мимо Расула, который вцепился руками в рычаг виселицы.

– Братья! Присмотритесь внимательно к себе! Не тлеет ли в вас грех? – всё стихло, люди внимали Пророку, – Тот самый грех, который заставил сегодня ночью совершить убийство! Гордыня и жадность! Вместо того, чтобы трудиться во благо империи, – я поднял руку, указывая на осуждённых, но не опустил её, продолжая речь, – Они взалкали себе богатства и возгордились, присвоили себе право убивать! Они враги нашего ДОМА!

Толпа одобрительно взревела, знаменосцы поднимали флаги с символом Писания и с силой опускали вниз – разда-

вались громкие удары металлических наконечников о плиты площади. "Основательно они подошли к изготовлению атрибутики..." – подумал я.

– Гордыня и жадность погубила Саида, – вторая моя рука указала на тело, завернутое в дорогой саван, – Он взял на себя тяжёлую ношу защищать добропорядочных граждан от злодеев, но возгордился и творил суд, как ему хотелось! Наказывал невинных ради наживы! Помогал скрывать злодеяния и обогащался на этом! Создатель свёл грешников воедино и ПОКАРАЛ ИХ!

Я продолжал стоять, расставив руки, похожий в рассветных лучах на крест. Площадь погрузилась в непроницаемую тишину. Никто не мог даже дышать от услышанного, а значит нужно закончить мысль.

– Перед великим Творцом едины все! Как бы не возвысился человек, грех есть грех! От простого рабочего до Императора: все равны перед Всевышним! Каждому он дал согласно своего замысла! У всех нас, братья, одна цель! Да здравствует Даймод! Да здравствует Император! Во имя Бога!

Я обернулся чтобы посмотреть на балкон и увидел, по глазам императора, что он постепенно осознаёт произошедшее. На мой вопросительный взгляд Залман Токаев медленно кивнул, а потом вышел вперёд так, что его стало видно по пояс и приложив руку к сердцу опустил голову.

– Пророк принёс нам истину, – голос императора звучал громче бури благодаря множеству динамиков, – Я прощаю

мятежников.

Расул задрожал от ярости. Его мышцы напряглись, а пальцы несколько раз перехватили рычаг. Начальник столичной полиции приложил слишком много усилий ради утреннего представления. Отмена казни могла поставить оборвать его карьеру. Приговорённые выбирались не просто так, а реально мешали проворачивать делишки ему и его друзьям. Расул не мог сдержаться сейчас, и я это понял.

– Пророк сказал, что Творец свёл воедино грешников! – прозвучал высокий голос, срывающийся на визг, – Пророк сказал, что воля творца превыше желаний императора! Посмеём ли мы противиться Богу? Я – нет!

Рычаг опустился и несколько тел рухнули вниз. С жутким хрустом сломались шеи, но так повезло не всем: щупленькому смертнику не хватило веса, и он задёргал ногами.

Толпа радостно завизжала, размахивая знамёнами. Император сразу же покинул балкон, тем самым вынужденно демонстрируя своё согласие.

Махдиф с ужасом смотрел на торжествующего брата, который драгоценным именованным кинжалом перерезал горло несчастному смертнику, избавив его от страданий. Расул вымазался в крови и выглядел именно так, как должно, чтобы олицетворять "новый" порядок. Я наконец опустил руки, чувствуя себя дирижёром адского оркестра. Оставалось принять аплодисменты и опустить кулисы; цветов, пожалуй, не будет. Толпа продолжала бесноваться. Обученные заводилы

подогревали массу удачно подобранными выкриками, среди которых всё чаще звучала: "Бей неверных!". С разных сторон добавляли уточнения, кого именно считать неверными, но к единому мнению на этот счёт в тот день не придут: слишком много кандидатов было на эту роль.

Настала пора покинуть площадь. Меня никто не пытался задержать, наоборот, люди с почтением расступались независимо от своего социального статуса. Напоследок я обернулся и увидел, как Махдиф что-то говорил брату с испуганным выражением лица, а тот насмешливо отмахивался.

3.21 Крысы

Коммуникатор завибрировал. Его мне дал Махдиф, чтобы постоянно был на связи.

– Слушаю, – приходилось прикладывать устройство к уху, чтобы слышать собеседника.

– Пророк, ты должен срочно прибыть во дворец.

Приказ оборвался сигналом отбоя. Я поднялся с кресла и в последний раз поглядел в окно своей кельи. Оставаясь в длинном халате, лишь сменив сандалии на ботинки, пришлось бежать во двор к площадке флаеров. Пилоты собрались вместе и обсуждали утренние новости.

– Срочно во дворец! – коротко приказал я и сел в ближайшую машину. Пилот с допуском полётов над императорской резиденцией оторвался от коллектива и завёл транспорт – они уже привыкли слушаться меня, как своего хозяина.

– Сегодня утром не был на площади – работа, – пожал плечами парень с крючковатым, свёрнутым набок, носом, – Расскажите?

– Казнили людей. Ничего нового...

– Тогда почему так всё гудит, почему мне страшно?

– Когда убивают, всегда страшно. Будет ещё страшнее...

– я не хотел продолжать разговор, занятый планированием предстоящей встречи, и отвернулся к иллюминатору.

Махдиф лично встретил меня и проводил в зал совеща-

ний. Из просторного помещения удалили всех посторонних, даже личную охрану – предстоящий разговор предназначался только посвящённым. Залман привычно вышагивал мимо окна с задумчивым видом, заметив меня, остановился и спросил:

– Что дальше?

– Нужно выстроить вертикаль власти. Подчинить непогрешимому императору все министерства. Стать центром и символом.

– А потом? – Залман взял бороду в кулак, его костяшки побелели от напряжения.

– Галактика большая... О "потом" придётся думать внукам.

Расул вошёл без стука, чувствуя себя демиургом, или, как минимум, проводником воли господина и очень удивился, увидев меня. Он не любил и не умел импровизировать.

– Если ты ещё раз сделаешь что-то без разрешения, то я отправлю тебя на рудники, – тихо проговорил Залман.

– Нельзя допускать слабость! – взвизгнул Расул, – Слабость уничтожит империю.

– Я слаб?! – блеснул глазами Залман, – Давай! Договаривай!

Расул растерялся и искал глазами помощи и защиты у своего брата, но Махдиф отвернулся.

– Сегодня Пророк создал самые благоприятные условия для демонстрации МОЕЙ милости! – продолжал импера-

тор, – Этим утром благодаря ему я мог легко заполучить любовь простых людей. Ты всё испортил, и теперь фанатики разгуливают по улицам. Технически ими легче управлять, но они будут постоянно требовать крови!

Залман занёс кулак для удара, и Расул съежился. Несколько секунд они стояли неподвижно, словно изваяния.

– Страх делает людей слабыми... – наконец произнёс владыка Даймода, – Сейчас ты мог думать только о том, как избежать наказания и ни о чём другом... Ты слабый и трусливый человек. Я не смогу строить империю с такими, как ты.

Махдиф согласно кивнул, готовый признать позор своего брата. Советник императора снял с себя нагрудный знак отличия и выложил на стол вместе с электронным ключом, дающим доступ во дворец.

– Ты останешься и будешь работать за двоих! – со злостью рыкнул Залман, – Я прогоняю только твоего младшего брата, раз он не хочет ничему учиться!

Глаза Расула налились кровью, и он был готов начать действовать, но моё присутствие требовало корректировки его плана.

– Император, перед уходом я хочу кое-что сказать... – начал Расул, – Мой брат притащил сюда чужака, Пророка, с единственной целью: захватить власть, превратить тебя в марионетку, а может и вовсе убить.

– Ты понимаешь, что после этих слов ты обязан предоставить доказательства, либо присоединиться к висельникам на

площади? – спокойно спросил Залман и встряхнул браслет с передатчиком, вызывая личную охрану.

– Все доказательства здесь... – из складок халата появился тонкий планшет, – Смотрите.

Изображение тряслось, каменистая почва постоянно менялась местами с небом. В объективе появился зрелый мужчина со связанными руками. Он стоял на коленях и плакал. Вокруг стояли солдаты с нашивками карателей.

– Повтори то, что ты сказал мне только что, – раздался голос за кадром.

– Я укрывал мятежников, – разбитые губы с трудом шевелились, – Они при мне связывались с Пророком и обсуждали будущие теракты.

Залман накрыл ладонью экран и, сохраняя спокойствие, навис над Расулом.

– Ты пытал главу тейпа... Скажи, сколько нужно времени, чтобы человек сознался в том, чего не совершал? День? Несколько часов?

Расул многозначительно улыбнулся и достал небольшое устройство – карманный компьютер с логотипом одной из корпораций Гегемонии.

– У нас не производят подобных штуквин, – желчный голосок резал слух тихой нудной нотой.

Император повернулся ко мне и спросил:

– Это правда?

– Я не смогу сейчас доказать свою невиновность, – отве-

тил я.

– А это мы нашли в комнате Пророка, – на столе появился второй мини-компьютер.

– Может быть это всего лишь муляж? – пожал я плечами, изображая, что с интересом разглядываю диковину.

Расул, опьянённый надеждой на успех, активировал оба КПК и продемонстрировал их работу.

– А вот я не знал, как они включаются... – сказал я, наблюдая за реакцией присутствующих.

Император беспокойно ещё несколько раз потряс браслетом, но охрана так и не появилась. Залман медленно попятился к своему рабочему столу, где по всей видимости хранилось оружие.

– Ты так ничему и не научился, – проговорил с горечью Махдиф, закрывая собой императора, – Гордыня и жадность, а ещё жажда власти...

– Я научился! – Расул совершил быстрый выпад, и его драгоценный кинжал глубоко вошёл в грудь брата, – Я больше не буду бояться!

Махдиф упал не сразу, а, шатаясь и поливая ковёр кровью, сделал несколько шагов и рухнул на колени. Залман успел только открыть ящик и потянулся за пистолетом, но Расул оказался быстрее: выхватил револьвер с пояса умирающего брата и выстрелил первым, и сразу кубарем откатился в дальний угол. Подлец считал себя самым ловким прохвостом, опережающим всех на много ходов вперёд... Он был

так предсказуем...

За дверьми лояльная главе контрразведки охрана топталась в нерешительности, не смея врываться без сигнала. Шли секунды. По лбу Расула стекали капли пота, а глаза становились всё безумнее. Я давно знал, что новое Писание – это его задумка. Он не хотел стрелять в рекламное лицо своего выдающегося проекта, но и оставлять меня на свободе стало очевидно нельзя. Расул наконец решился и нажал на курок. Пуля попала мне в грудь чуть выше и левее шрама от противотанковой винтовки Уитмана.

– Сюда! Мой брат убил Императора! – визжащий человек обогнул стол, наспех вытер оружие и вложил в руку Махдифа за мгновение до того, как гвардейцы сорвали двери с петель.

Меня прижали к полу, скрутили и куда-то поволокли. Симбионты быстро остановили кровь и впрыснули обезболивающее.

– Махдиф! Брат! Что же ты наделал! – надрывался визгливый голос, становясь тише по мере того, как меня уносили всё дальше.

Мятежники сгрудились вокруг радио.

– Стало известно, что советник Махдиф Бакиев готовил государственный переворот и совершил покушение на Пророка и императора, – вещал диктор, – Его младший брат Расул Бакиев раскрыл заговор, но успел спасти только по-

сланника Создателя. Теперь бывший глава столичного отделения национальной безопасности, а ныне регент Даймода, объявил о введении военного положения и всеобщей мобилизации. К нам поступили сведения, что внешний враг, глубоко проникший в наши ряды, способствовал сегодняшней трагедии. Братья! От нас требуется максимально сплотиться, чтобы сохранить себя, как великий народ!

Рейчел выключила радио и оглядела своих соратников. За последнюю неделю они разительно изменились и стали хотя бы отдалённо походить на воинов, а главное – к ним потянулись добровольцы.

– У нас завелась крыса, и я хочу дать вам очередной урок, – начала атаманша, – Хадиф решил, что сдать нас карателям лучше для него и всех тейпов. В следующий раз, когда мы придём менять добычу на провизию, нас будет ждать засада. Поэтому прибудем к месту заранее и покажем кто охотник, а кто дичь! Подробности на месте. Выходим через полчаса.

Рэйчел хлопнула по плечу Мубарака и ободряюще улыбнулась. Это подействовало и мужчина, распрямив плечи, громко повторил её последние слова, чтобы слышали все. Без прежней суеты начались сборы и намного раньше срока два взвода выстроились в ущелье. Командиры поделили людей на небольшие группы и повели всех разными путями.

– Незаметно предупредишь деревенских, чтобы уходили, – сказала Рэйчел мальчишке-посыльному, которого тас-

кала с собой вместо почтового голубя, – Пусть спрячутся, но только не все в одном месте.

Мальчишка, не задавая вопросов, сразу же побежал исполнять приказ. Он учился быстрее взрослых и уже мог читать несложные надписи. "Нужно обязательно дать ему возможность получить образование," – подумала Рейчел, но совершенно не представляла, как это сделать.

К тому времени, когда полностью стемнело, Рейчел успела распределить бойцов в чаще на склоне горы у назначенного места. Воздух быстро остывал, и сохранять неподвижность становилось всё сложнее, но бывшие фермеры хорошо держались и даже, вопреки обыкновению, сохраняли полное молчание.

Каратели прибыли за час до полуночи. Они установили две турели, наспех соорудили укрытие из веток, чтобы стать незаметными с дороги. Никто не прочёсывал лес, не использовал поисковых дронов. Самоуверенные, привыкшие к лёгким боям, офицеры внутренних войск до сих пор не осознали, что им противостоит организованная группа, а не кучка голодранцев. Имя Рукийа уже появилось в ориентировках, но ещё не вызывало эмоций больше, чем любое другое под фотороботом очередного бедолаги.

Хадиф появился ровно в полночь, лично шествуя перед обозом: одна телега с провизией и две пустых для захваченного мятежниками добра. С излишним шумом Рейчел скатилась по склону, скользя подошвами ботинок по мелкому

щепню и песку, следом за ней зигзагами спускалась дюжина бойцов с внушительными рюкзаками.

– Рукийя! Не думал, что ты лично придёшь! Может нам стоит подвозить товар прямо в убежище? Малыми партиями, – Хадиф раскрыл руки для объятий, но атаманша только усмехнулась.

– Ты так легко продался нам ради небольшой прибыли, – очень громко, чтобы все слышали, произнесла Рэйчел, – Что помешает тебе в будущем ещё раз сменить сторону?

Охрана за спиной старейшины беспокойно зашевелилась, но направить оружие на дерзкую женщину никто не решился. Командир карателей с помощью направленного микрофона слышал разговор на дороге и медлил с атакой, рассчитывая получить дополнительные сведения.

– Прибыль, конечно! – ответил Хадиф.

– Только не беги, – одними губами прошептала атаманша, толкнула старейшину за телегу и резко вскинула руку.

Из густой листвы леса синхронно выстрелили партизаны, поражая солдат, и спустя мгновение послышались вопли раненых. Всё кончилось настолько быстро, что никто из карателей не успел выйти на связь. Из чащи выбежали повстанцы и кинулись к своим врагам, но не добивали, а наспех латали, чтобы унести в убежище. Настала пора проверить лояльность солдат к империи.

– Рукийя, – позвал Хадиф, пытаясь не показывать страх, – Я хочу...

– Нет, – грубо отрезала женщина, – Будешь продолжать свою работу там, где ты нужнее. Установил связь с трудягами на плантациях?

– Да, но они боятся.

– Я тоже. Пока было за что. Ты готов?

– Да, – Хадиф широко расставил ноги и сжал небольшую палочку в челюстях. Рейчел несколько секунд целилась и, наконец, выстрелила в голову старейшине. Пуля угодила в лоб под углом, вырвала кусок кожи и унеслась во тьму. Теперь жизнь Хадифа зависела только от того, насколько он сможет быть убедительным на допросах.

Импланты позволяли отлично видеть в темноте даже сквозь плотный подлесок, как партизаны быстро уходили по узким тропам с тяжёлыми носилками. Со стороны ближайшего военного поста послышался гул двигателей боевого воздушного транспорта – командование заметило, что прервалась связь и выслало подкрепление. Рейчел несколько мгновений вслушивалась в нарастающий шум, а затем растворилась в тенях.

3.22 Выход

Тело почти не болело – симбионты постарались. Крошечная клетка, куда меня поместили, состояла лишь из стен, каменного пола и переплетения множества кабелей вместо потолка: во дворце или не было тюрьмы вовсе, или вести Пророка к заключённым на виду у всех посчитали слишком опасным.

– Ты выжил, как я и полагал, – Расул стоял, широко расставив ноги, – Меня предупреждали, что за пределами нашего сектора космоса существуют не менее развитые цивилизации... Что вы будете приползать сюда, как надоедливые насекомые и гадить. Но, – визгливый голос вонзился в уши, – Ты сможешь избежать пыток и даже выжить. Поверь, я умею добиваться своего. Тебя видели люди, и книгу ты написал отличную – намного лучше всех моих черновиков. Побудь Пророком ещё пару недель? А?

– А потом? – спросил я, садясь на каменный пол.

– Потом я хочу отправить тебя обратно, чтобы передать послание, – в руках Расул повертел минипроектор, направил на стену и включил.

Я увидел верфь космических кораблей и сначала подумал, что она плывёт над небольшим астероидом, но спустя миг понял, что это каменная планета, и осознал реальные размеры рукотворного объекта. Расул показывал мне место, где

строились гигантские носители, и, судя по множеству неза-
конченных каркасов, их планировалось выпустить не мень-
ше нескольких десятков. У Союза было всего тридцать "ма-
ток", а значит Тетерев со своей командой был абсолютно
прав разрабатывая эту операцию, казавшуюся мне чрезмер-
но жестокой до этого момента.

– Я вижу под твоей лживой маской спокойствия настоя-
щее лицо! Тебе страшно! Передай этот страх своим хозяе-
вам. А пока расскажи мне, как обезвредить твою напарни-
цу, – Расул небрежно пнул меня в бедро.

– Она из другого мира. Мы не союзники.

– Врёшь... Но я захвачу её так или иначе.

Расул прижал палец к уху и внимательно выслушал доклад
по телефону. Лицо узурпатора дёрнулось на миг, но он со-
владал с собой и прошипел:

– Её уже везут сюда. Не надейся. Она заговорит.

Человек с визгливым голосом лгал, рассчитывая, что я вы-
дам нужную ему информацию. Он разочарованно махнул ру-
кой продолжая изображать самодовольного паука и собрал-
ся уходить, когда услышал:

– *Desine sperare qui hic intras* (Оставь надежду всяк сюда
входящий, лат. прим. авт.)

– Что?

– Неважно... Чтобы это понять тебе нужны десятки лет...
может быть сотни.

– Знаешь почему я выбрал тебя на роль гонца, а не её? –

Расул злорадно оскалился и стал похож на сумасшедшего.

– Женщину быстрее заставить говорить под пытками, – ответил я спокойным тоном, отметив, что время имеет первостепенное значение для Расула.

– Видишь, я разбираюсь в этом.

– Пророку нужно выступить перед горожанами и, главное, фермерами за пределами стен столицы, чтобы сила слова распространилась в головах тех, кого сейчас вербуют мятежники. Это возможно?

Расул кивнул и добавил:

– Через три дня мы построим специальную сцену и будем следить, чтобы ничего лишнего не было сказано.

С громким лязгом закрылась дверь. Наступившая тишина казалась долгожданной кружкой холодной воды в знойный полдень. Оставалось ещё немного времени, чтобы подготовить последнюю речь. Управлять Расулом оказалось очень легко – он не мог даже представить себе, что существуют люди с отличным от его способа мыслить. Этот человек действовал, словно сошёл со страниц учебников по истории.

– Рукийя! – Мубарак потряс за плечо своего лидера, – Пророк выйдет к людям завтра утром. Ему для выступления готовят огромную площадку вне города.

Рэйчел улыбнулась и потрепала за густую бороду своего первого заместителя.

– Я же говорила! – радостно воскликнула Рэйчел, – Всё

готово?

– Да... – тихо произнёс Мубарак, – Но я не понимаю...

– Писание видел? Там говорится, что вы должны и дальше терпеть и страдать...

– Там говорится о духовном развитии и превосходстве...

– Дурак... – перебила Рэйчел. Сон как рукой сняло, и она превратилась в действующий вулкан: быстро накинула бронжилет, схватила винтовку, стоявшую у подobia кровати и по радиосвязи передавала приказы. Этой ночью спать не придётся.

Меня вывезли под конвоем. Солдаты обращались вежливо, и в их глазах читалось почтение. Расул ждал на помосте сцены – огромной арены с микрофонами.

– Через несколько минут можно начинать, – сказал он, – Только учти, что передача звука будет с задержкой в полсекунды, и операторы трансляции смогут тебя остановить в любой момент.

Крепкие пальцы сдавили мне плечо до боли, а когда Расул разжал их, то ощутимо толкнул к трибуне. Толпа перед сценой простиралась на сотни метров в разные стороны, отделённая невысоким заборчиком, за которым стояли отряды карателей с оружием наизготовку.

– Жители Даймода! – начал я, – Вы все собрались, чтобы услышать проповедь, но сегодня её не будет. Я не буду читать вам из Писания и не буду говорить от имени Творца, –

громкое эхо понесло мой голос над морем голов, как и предупредил Расул с небольшим запозданием, – Сегодня я хочу заглянуть в ваши души и оставить там РАВНОВЕСИЕ!!! Каждый из вас лишь часть великого народа! Но в любом механизме любая деталь важна! Мы стоим у границ нашей общей Империи и смотрим вперёд, чтобы нести свет нашей веры дальше! Но враг не дремлет! Смерть Императора Залмана показала нам это! Сейчас каждый из нас под ударом, а значит пора сплотиться, как никогда раньше! Если Император отдал свою жизнь за Даймод, то мы все не имеем права на меньший подвиг!

Толпа взревела. Инициаторы от подразделения пропаганды рвали глотки громче всех, чтобы окружающие подхватили крик и сами стали источником волн бездумного "патриотического" психоза. Тысячи человек сливались в единое существо, объятые огнём безумия. "Почему Рэйчел медлит?" – подумал я, прикидывая, что ещё сказать. Пауза ещё не успела затянуться, и руки сами собой поднялись и раскинулись в стороны под усиливающийся гул. Пуля ударила в грудь с огромной силой, но из-за малого размера не сбила с ног. Симбионты отработали на отлично выбросив вперёд фонтан алых брызг, испачкавших микрофоны.

– Помните, братья, у всех людей одна кровь, – я выталкивал слова вместе с красными пузырями, – У всех людей на всех планетах нет различий. Мы все равны.

Ноги подкосились. От кровопотери закружилась голова,

и небо поменялось местами с настилом арены. Боли почти не было, только горячая кровь щекотала грудь. Толпа оставалась в безмолвии из-за продолжающегося религиозного экстаза, по инерции, наверняка, народ ожидал чуда воскрешения и жадно наблюдал, боясь упустить, но агенты засуетились, забегали. Расула утащили куда-то согнутым пополам. Наконец люди осознали случившееся и рванули в стороны, в поисках укрытия от снайпера, и ограждения перед сценой смело, словно опавшие листья порывом осеннего ветра. Какой-то бородач поднялся на сцену, поднял меня на руки и ловко затерялся в беснующейся толпе. Сознание с трудом удавалось удерживать, но перед глазами всё так быстро мельтешило, что я их закрыл и прислушался к внутренним ощущениям: лёгкое однозначно пробито насквозь, но дышалось без труда, благодаря симбионтам, кровь остановилась. Меня уложили на какую-то платформу, которая медленно начала опускаться под землю – вероятно лифт на подземную фабрику. Скоро начнут искать пропавшее тело пророка, но ещё есть время, пока жизнь и здоровье диктатора намного важнее трупа "мессии". Лифт остановился, и я попытался встать.

– Не дёргайся, Слав, – почти ласково сказала Рэйчел. Её голос стал твёрже, немного охрип от команд.

– Хороший выстрел, – я открыл глаза и увидел несколько бородачей, смотрящих на меня с недоверием.

– Я попыталась им объяснить...

– Это правильно.

Отпустило. Обезболивающие подействовали в полную силу, и язык стал ватным. Захотелось спать. Не время. Симбионты впрыснули в кровь стимуляторы, и получилось встать на ноги. Грудь и спина ныли в местах входа и выхода пули. Ничего... Заживёт...

– Надо уходить и быстро, – скороговоркой произнесла Рэйчел, – Транспорт ждёт.

Через полчаса трусой по лабиринтам заброшенной подземной фабрики мы выбрались на поверхность, откуда столица казалась миражом в пыльном воздухе. Флаер стоял наготове с включенными двигателями. Не поднимаясь выше пары метров, машина юркнула в ущелья. Надо отдать должное мастерству пилотажа моей напарницы – мчаться на огромной скорости по каменным коридорам было очень рискованно. Наконец флаер завис над небольшой площадкой, где группа бородачей встречала нас радостными криками.

– Через семь минут прибудет транспорт... – Рэйчел осмотрела своих повстанцев с некоторой грустью и продолжила, – Мы уходим... Придут другие и будут помогать вам дальше открывать глаза. А бороться за права вы должны сами...

Кряжистый бородач вытер пятернёй лицо и, казалось, готов пустить слезу.

– Рукийя, мы продолжим сражаться без тебя и учить детей.

– Второе самое важное, Мубарак.

В вышине появился нарастающий гул. Эвакуационный транспорт прорывался сквозь атмосферу по крутой спирали – автоматический кораблик без людей мог выдерживать гораздо большие перегрузки. Взметнулась пыль от тормозных двигателей, а волосы словно кто-то в истерике пытались вырвать из головы. Жёсткая посадка и погрузка второпях проходили под множеством угрюмых, но твёрдых и упрямых взглядов.

Я пристегнулся к ложементу и запустил программу старта со словами:

– Поехали!

– Что? – переспросила Рэйчел, но я уже не смог ответить из-за предельной перегрузки

3.23 Вечерний досуг

– Такое мерзкое чувство... – Рэйчел обхватила голову и сидела неподвижно, только плечи вздрагивали.

– Ты видела прогнозы по войне Союза с Даймодом? Не меньше десяти миллиардов убитыми... А так... Сорок миллионов... Мне тоже тошно.

– По твоим рассказам с Залманом можно было договориться!

– Рэй... Не смогли бы мы с ним договориться, – я сел рядом на краешек кровати и обнял женщину за плечи, – Для него честь империи и собственная были слиты воедино в клубке противоречий и заблуждений. Он никогда бы не согласился стать частью Союза и принять наши законы, а на равных сосуществовать мы бы не смогли.

– Ты ведь понимаешь, что эти сорок миллионов убили мы с тобой? – глаза Рэйчел покраснели и слезились от недосыпа, руки дрожали, и пальцы постоянно теребили локон волос.

– Понимаю и по-другому поступить было нельзя.

– А что, если мы ошибаемся?

– Рэй, сколько людей в Гегемонии живёт в нищете? Бесправные лишённые собственной воли? Сколько из них согласится выйти из этого положения за "небольшую" цену участия в войне с Союзом? А сколько сможет понять и осознать себя, чтобы остановиться и принять решение? В мирах, по-

добных Даймоду, всё то же самое – законы развития общества не зависят от климата или количества океанов на планете. А времени у Союза нет: тысячи планет одновременно будут рвать друг друга по указке Гегемонии, ради перезапуска её жизненного цикла.

Рэйчел умолкла. Усталость впиалась в её красивые плечи и давила вниз, вина не отставала и перекашивала лицо. Она изменилась за время нашего знакомства и продолжала меняться на глазах. Мне показалось, что если её вернуть в тот день, когда она убила Уитмана, то в этот раз всё случилось бы иначе.

– Мы прибудем через несколько часов, – шёпотом проговорил я, – Попробуй поспать. На месте потребуют отчёт.

Женщина кивнула и свернулась калачиком. С тяжёлым сердцем я оставил её каюту и принялся за доклад об операции. Мне тоже не давала покоя мысль, что аналитики могли ошибиться, и мы зря вмешались в ход истории. Перед глазами вертелась проекция населённой части галактики размеченная, как светофор, только добавился новый цвет для ядра Гегемонии – ярко-голубой.

Кораблик всплыл в системе штаб-квартиры внешней разведки с зарождающимися планетами. Буйная звезда временно взяла передышку и не так яростно плевалась радиоактивным ветром. Судно взяло курс на базу, а я задремал, сморённый усталостью. Грудь перестала ныть.

– Прибывающие на борту 451 отзовитесь, – на мониторе

появилось молодое лицо офицера, на лоб его спадал локон светлых волос и парню приходилось то и дело поправлять его.

– Жданов на связи...

– Паркуйтесь на первой раме, – офицер сверил мой код доступа и ввёл команду на стыковку.

У трапа стоял Тетерев и переминался с ноги на ногу. Он смотрел исподлобья и бормотал что-то под нос в микрофон радиосвязи.

– С удачным выходом из операции! – обратился он ко мне.

– Ага, – Рэйчел прошла мимо с пустым взглядом.

Капитан бросил на неё озадаченный взгляд.

– Отойдёт со временем, – тихо сказал я.

– Вокруг Даймода скапливаются крупные ударные силы...

– начал Степан Игоревич.

– Дай поспать! – резко бросил я, наплевав на субординацию, – Мы там гражданскую войну развязали... Дурно пахнет ваше предприятие.

– Думаешь я рад всему этому? У меня руки по локоть в крови и дерьме – не отмыться теперь никогда. Гегемония начала строительство флота, несколько групп из жёлтой зоны тоже. Война уже идёт в нескольких десятках систем... – Тетерев похрустел недельной щетиной и замолк на мгновение, – Мы не выстоим против всех, если не будем стравливать врагов.

– Там люди... Тысячи... Миллионы... Миллиарды людей

сейчас начнут резать друг друга за "светлое будущее". А мы ведём себя не лучше противника.

– Критикуешь – предлагай.

– Я согласен с планом, но уж очень на душе скверно... – успокоившись ответил я.

Тетерев ещё раз провёл ладонью по измождённому лицу и произнёс:

– А я согласен ещё сотню таких операций провести, а потом под трибунал – за одну только надежду, что в будущем потомки смогут меня повесить не на самодельной верёвке, а на высокотехнологичном волокне, которое разработают специально для таких вот военных преступников.

– Наши приступили к строительству кораблей?

– Да... Штайн выступил и попросил народы Союза понять ситуацию. Он играет в демократию и пока успешно. Все наши миры, даже корпоративные перестраиваются под военные нужды.

– Отчёт об операции я передал ещё на подлёте... Что с ультиматумом?

– Мы отошли в пределы выделенной нам области. Не нарушаем и сидим тихо. Отдыхайте... – Тетерев махнул рукой, – Вас не побеспокоят ближайшие десять часов.

– А потом?

– Выдадут материалы для нового задания.

Я кивнул и отправился отсыпаться.

Документы мне вручили утром, когда я вышел для завтрака в столовую. Гуша виновато улыбнулась и сказала, что на ознакомление уйдёт пара дней, а вылет через неделю. Упругой походкой инструктор удалилась, а я остался сидеть и перемешивать ложкой недоеденный суп. Усталость и внутренний раздрай заглушили разговоры вокруг. Вошла Рэйчел. В одной майке и шортиках от пижамы. Многие повернули к ней головы, но сосредоточенное лицо и глаза, смотревшие в себя, отталкивали.

– Приятного аппетита, – сказала напарница и села напротив, – Когда отправляемся? – её взгляд на миг задержался на кубике с данными.

– Через неделю. Я полечу один. Тебе нужно отдохнуть.

– Чушь, – женщина резко ударила по столу, отчего моя тарелка подпрыгнула, – Я тут сойду с ума без дела.

– Учи новеньких.

– Я переломая курсантам все кости, – женщина надрывно с хрипотцой рассмеялась, – Знаешь, что мне предложили новое тело?

– А зачем?

– Они разобрались в поясняющей записке и предложили улучшения.

– И как?

– Теперь мне предстоит вникать... Но пока мне и это нравится.

– У этого лицо слишком... – я замолчал, подбирая нужное

слово, – Стерильное. Словно кукольное.

– Это хорошо – меньше запоминается. Для нашей работы самое главное. А куда нас посылают?

– Ещё не читал.

Рэйчел наконец выбрала себе завтрак и сделала заказ. Робот-паук, быстро перебирая ножками, подскочил к столику уже через минуту и снимая с корпуса приборы расставил на столе.

– У нас... – Рейчел запнулась и сразу поправилась, – В Гегемонии такая прислуга считается дурным тоном.

– А у нас нет прислуги вообще.

Бывшая рабыня смотрела вслед роботу и думала о чём-то пару мгновений, а потом улыбнулась и сжала мою ладонь.

– Слав, я боюсь сойти с ума от всего этого. Мне очень тяжело... Ваш мир абсолютно другой.

– Тебе он не нравится? – спросил я.

– Он будто не настоящий. Тут... Он словно игрушечный домик посреди пустыни хаоса. Вот-вот начнётся ураган и сметёт его. Вся красота и гармония будет уничтожена непреодолимой природной стихией...

Я почувствовал, как сжимаются её пальцы, причиняя мне боль.

– Мы тоже часть естественного миропорядка. Другая, более новая и прогрессивная версия, значит имеем право выжить, и более того победить, разрастись и стать единственным вариантом.

– Я верю, что побеждает самый сильный, дерзкий и жестокий. Но в тебе и других нет всего этого. Вы будто слабее, хоть и лучше.

Женщина наконец отпустила мою кисть. Её сомнения показались мне наивными, но лишь на мгновение: её мышление ещё не было готовым, а пережитый опыт разрывал сознание, сопротивляясь новому способу воспринимать реальность.

– Рэй, не пытайся понять всё сразу... Я перешлю тебе копию документов послезавтра утром, а пока постарайся отдохнуть. Хочешь вечером посмотрим выставку художников?

Напарница удивлённо вскинула брови:

– Тут будет выставка?

– А завтра соревнование по спортивным танцам, – я взял со стола листок с анонсами мероприятий и повернул лицевой стороной к Рэйчел, – Тут ещё много всего. Почти каждый день после работы устраивают что-то интересное.

– И никто не устаёт, и не выгорает на работе... – напарница зажмурилась от приступа рези в глазах, а я понял, наконец, почему она блокирует восстанавливающие импланты и терпит боль.

Завтрак заканчивался, и многие покидали столовую. Некоторые курсанты, инструкторы и агенты подходили к нашему столику и отдавали честь. Они уже знали об итогах экспедиции на Даймод. Никто не поздравлял, наоборот сочувственно смотрели и, не произнеся ни слова, уходили.

На выставку Рэйчел надела минималистичное чёрное платье со скромным декольте и никаких украшений или косметики. Я встретил её возле каюты, чтобы сопроводить в огромную полость в астероиде, созданную специально для центра досуга и концертного зала. Для экспозиции установили временные перегородки, образующие витиеватый лабиринт. Переделали свет: заглушили верхний и смонтировали отдельные лампы над каждой картиной. Несколько художников стояли отдельной группкой и взволнованно наблюдали за зрителями.

Рэйчел сама взяла меня под руку и потянула к началу экспозиции. Здесь не было изображений космоса, звёзд и прочих элементов Великой Пустоты, но простые сюжеты с мирных планет, где обычные труженики выполняли свои задачи, отдыхали, любили. Мне особенно приглянулась работа, где парень с девушкой сидели на скамейке захваченные в тот самый момент, когда первый поцелуй уже неизбежен, но двое ещё слишком робки, чтобы сделать первый шаг. Полуопущенные ресницы. Руки, которые неизвестно куда девать. Напряжение, что вот-вот разрешиться, но не вспышкой пошлости, а неуловимым чудом, доступным всего лишь несколько раз в жизни.

Моя напарница долго смотрела на влюблённых, а потом дерзко притянула меня к себе и впиалась губами, промахнулась на пару сантиметров, а потом так же внезапно отстра-

нилась и сказала:

– Я не умею, как они... Кажется, никогда не умела. Я испорченная?

– Нет. Ты просто другая. Тоже очень хорошая.

Часть четвёртая

4.1 Новая роль

Голова Рэйчел лежала у меня на груди, когда зазвонил будильник. Не хотелось вставать. Ещё меньше хотелось готовиться к переброске на верфи Гегемонии. Сейчас бы на Землю... Или к Медведю... хотя нет, на Надонии сейчас другой управляющий. Кто-то из совета по науке, наверное.

– Проснулся? – голос Тетерева громко и чётко звучал в самой голове, – Тут такое дело... – капитан замялся, – Если у вас всё серьёзно, то может быть согласитесь жить в одной квартире?

– Надо спросить Рэйчел.

– Согласна, – женщина слышала разговор, значит работала конференцсвязь.

– А то у нас ожидается пополнение и расселять всех курсантов и агентов... – было слышно, как ладонь капитана шуршала по выбритому лицу – он всегда тёр щёки, когда нервничал.

– Брифинг будет? – спросил я.

– А зачем? – ответил вопросом Тетерев, – Вы профессионалы.

– Тогда готовьте транспорт.

– Прошло всего двое суток, как вас прооперировали, – скороговоркой произнёс капитан, имея в виду пластику, давшую мне телосложение и внешность Элиота Доува.

– А мы бессмертные... – вставила Рэйчел, – Я так уже давно.

Она поднялась и стряхивала с себя остатки сна, разминаясь на коврик.

– Слав, я вещи перенесу, перекусим и в путь.

Я кивнул. Обыденно всё как-то. Нас не провожали, не наставляли, даже не произносили громких речей, выдали документы, а дальше полная рутины самостоятельность. Без романтики приключений.

Скарб напарницы состоял из единственной сумки с парой платьев, казённого компьютера и нескольких бумажных книг, которые она забрала здесь же на барахолке. Я едва успел приготовить простой завтрак из яичницы с кусочками вяленого мяса и сыра.

– А я ненавижу готовить... – сказала Рэйчел, – Уитман требовал это от меня и...

– Не объясняй, – я поцеловал её, прижал к себе и в сотый раз повторил, – У нас не бывает слуг.

Нас ожидал небольшой штурмовой кораблик, способный брать на бордаж суда прямо в полёте. Его покатые бока оцетинились множеством манипуляторов и стволов орудий. Новенький, совсем недавно сошедший с конвейера.

– Приветствую! – девушка-техник, завидев нас, отдала

честь и вытянулась по стойке смирно.

– Вольно, инженер-лейтенант, – сказал я и похлопал по фюзеляжу, – По виду – многоцелевой штурмовик.

– Да. Последняя разработка.

– Как управление?

– Классика, – техник пожала плечами, – Нейроинтерфейс стандартный. Курс задаётся полуавтоматически. Силовая установка на термоядерном синтезе, но улучшенная и весит всего пару центнеров.

– ИИ? – спросила Рэйчел.

– Ограниченный, самообучающийся. Все тесты пройдены, и самосознание не обнаружено.

– А если бы было обнаружено?

– Тогда мы бы его вынули и отправили учёным. Вряд ли кому-то так повезёт – это же будет величайшее открытие! – техник хихикнула и озорно посмотрела на меня и Рэйчел.

Мы забирались в кабину по складным ступенькам, когда прибежал запыхавшийся Тетерев вместе с женщиной в униформе доктора.

– Жданов! Еле успел... Пришёл приказ вернуть тебе импланты. Задержитесь ещё на пару часов.

Степан Игоревич с трудом перевёл дыхание и показал рукой на сопровождающую:

– Вера Каримовна, наш хирург. Она тебя соберёт.

– И сами аугментации тоже пришли? У меня были персональные с очень высокой комплементарностью, – я неуве-

ренно снова спустился на платформу.

– Да, – врач произносила слова мягко, будто ласкала звуками, – Вернём, как было.

Пришлось оставить Рэйчел и отправится в операционную.

– Мы не будем удалять модули с симбионтами, чтобы не рисковать, да и они могут выручить в случае чего, – пояснила Вера, когда спускались на лифте, – Вы станете первым человеком в Союзе с таким количеством расширений.

– У меня и так было на грани возможностей – откуда энергию брать для них?

– Симбионты работают от питательных веществ тела носителя и немного запасают, а для остального установим пару дополнительных генераторов, чтобы повысить автономность и не слишком сильно изнурять ваше тело.

Вера подбадривающе улыбнулась, а я понял, что она очень гордится своей работой и получает от неё удовольствие.

Операционная оказалась не похожей на все виденные мной раньше: белая комната с тамбур-шлюзом, а внутри ничего.

– Не волнуйтесь! – сказала врач, заметив мою растерянность. Её губы чуть растянулись в улыбку, а в уголках глаз проявились морщинки, придав сходство с доброй феей из сказок.

– Мне куда-то нужно встать?

Вера громко рассмеялась и вывела свою проекцию дополненной реальности в общий канал, чтобы я тоже мог видеть

приготовления к операции.

– Стойте, где хотите...

Симбионты сгруппировались в компактную группу на спине, повинаясь указаниям хирурга. Моё тело подхватил аграв и поднял от пола, множество гибких щупалец с манипуляторами и лазерными скальпелями спустились с потолка и принялись кружить в завораживающем танце. Так продолжалось несколько минут, и я внезапно почувствовал, что заработали заблокированные нейроинтерфейсы. Вновь возвращались утраченные способности.

– Почти всё готово... – пробормотала Вера себе под нос и обратилась ко мне, – Вячеслав, тестировать полноценно нет времени, но вы сами справитесь с тонкими настройками.

Звуки, свет, запахи обрели объём и глубину. Импланты работали, а я жадно вдыхал стерилизованный воздух и с наслаждением наркомана всматривался в свет ламп, распадавшийся на спектральные полосы.

Операция закончилась быстро. Аграв поставил меня на ноги, а Вера на прощание лишь помахала мне рукой.

На посадочной платформе скучала Рэйчел. Она читала на планшете о предстоящей операции и, показалось, не заметила моего возвращения, но сразу же убрала в карман устройство и принялась меня разглядывать.

– Тебя теперь можно в космос без скафандра выпускать, – напарница хихикнула, – У меня вопрос возник.

– Так задавай! – я поставил ногу на трап и подтянулся в

кабину.

– Нас не разделили – в Гегемонии запрещены личные отношения в работе – почему?

– А у нас не принято смешивать работу с отношениями.

– Вот! Потому-то в Гегемонии...

– Там принято смешивать, поэтому насильно разделяют, – перебил я, – А в Союзе люди свободны сами решать, и государство не вмешивается.

Рэйчел забралась в кресло второго пилота, не удержалась и перегнулась через подлокотник, чтобы крепко поцеловать.

– Как получается, что вы и свободнее и в то же время не ленитесь?

– Некоторые ленятся. Тогда они становятся обывателями с тихой размеренной жизнью. Наша свобода это лишь побочный эффект, а не привилегия. Можно жить на роботизированной ферме и иметь кучу времени, но быстро станет скучно, и захочется заниматься чем-то ещё. Свободный человек будет искать, куда применить себя, а за раба должен решать хозяин – это не эффективно.

Площадка тем временем плавно удалялась и разворачивалась. Судёнышко выплыло в открытое пространство, заработали двигатели и астероид резко отбросило назад.

– Диспетчер, вызывает Жданов.

– Диспетчер на связи. Параметры для нырка рассчитаны и переданы.

– Начинаем манёвр.

– Манёвр разрешаю.

Корабль заложил пологую дугу и нырнул в бездну. Звёзды на миг исчезли, чтобы через мгновение появиться вновь уже с другим рисунком.

– Добро пожаловать домой, Рэй, – сказал я, наблюдая, как лицо напарницы напряглось, а глаза забегали по субъективному монитору.

– Не дом... Тюрьма, – тихо прошептала Рэйчел.

Каменистая планета, наполовину выработанная, с огромными кратерами от тяжёлой техники висела в пространстве. Гигантская верфь плыла над поверхностью мерцая огнями.

– Тут почти нет людей, – сказала Рэйчел, – Автоматические сборочные линии.

– Ими же управляют, – ответил я и подал сигнал бедствия, который использовался кораблями владельцев корпораций.

Сначала никто не отвечал, но внезапно на дисплее появилось усталое лицо мужчины.

– В этом секторе запрещены полёты частных кораблей! Назовитесь!

– Элиот Доув, – я напрягся, ожидая проверки, и прижал руку к груди, где располагался эмулятор сферы душ.

– Вас разыскивает служба безопасности... – мужчина хмыкнул и включил систему опознавания, – Отправьте слепок сигнатуры для идентификации.

Я положил руку на приборную панель и дал разрешение на сканирование.

– Личность подтверждена. Ваш корабль будет заблокирован при посадке. Не пытайтесь сопротивляться.

Рэйчел кивнула. Её губы сложились в жестокую усмешку.

– Рэй, пожалуйста, без самодеятельности, – сказал я сквозь зубы.

– Не волнуйся.

Возле трапа стояли молодчики в броне с оружием наизготовку.

– Элиот! – лысоватый толстяк протянул мне руку, – Мы все беспокоились за тебя. Прости за весь этот спектакль, но Директорат приказал...

– Понимаю, Пол устроил в системе Арсера переполох.

– Ты не возродился, не прошёл Чистилище, – поморщился толстяк, а я никак не мог считать его личное дело: все попытки войти в сеть блокировались.

– Этот псих вывез меня за пределы Гегемонии – с трудом вырвался...

Толстяк понимающе закивал и с хитрецей усмехнулся:

– Вывез? А потом в новое тело запихнул? Зачем ему это?

– Пытать сферу без мяса он ещё не научился, – со злостью процедил я и спросил, – Поесть мне дадут? Или сразу в карцер?

– Конечно-конечно! Сначала отдых с дороги! Вопросы потом, когда прибудут следователи.

Я наконец пробился через защиту и выудил досье на толстяка. Иосиф Шпак, инженер и управляющий верфью.

– Йося, так веди в ресторан! – я хлопнул мужчину по мягкому плечу, – Моя подруга совершенно не умеет готовить.

Инженер заискивающе рассмеялся и замахал руками предлагая следовать за ним. Конвой шагал за нами след в след и не спешил убирать оружие, отчего по спине непрерывно ползали мурашки.

– Парни, а куда, по-вашему, я могу сбежать отсюда? – бросил я через плечо.

– Мамочка затребовала сопровождать вас повсюду... – Шпак даже присел, чтобы выглядеть как можно более извиняющимся.

– Плевать. Пусть хоть смотрят, как я хожу в туалет. Может им это нравится.

Между гигантскими перемычками станции курсировали лифты на гравитационных двигателях – в целом уютные коробки на шесть пассажиров, но я презрительно провёл пальцем по сиденью и вытер руку о штаны, словно испачкался.

– Мой личный транспорт конфисковали? – спросил я, – В чью пользу?

– Мамочка всего лишь заморозила ваши полномочия и собственность, но не меняла хозяина, – промямлил Шпак.

– А члены Директората были счастливы... – Шпак всю дорогу ёрзал в кресле, словно там были иголки.

Сложно было назвать заведение рестораном: ровные ряды маленьких столиков без скатертей, крошки на полу, торопливо жующие посетители. "Общая столовая, – решил я

и сделал над собой усилие, чтобы придать лицу выражение ещё большего презрения и брезгливости. Я разыгрывал стоическое терпение, но с обедом справился. Сеть наконец поддалась полностью и начался сбор данных. Рэйчел молчала и думала о чём-то своём, не обращая внимания на масляные глазки Шпака, которые он то и дело отводил от её ног, обтянутых комбинезоном.

4.2 Совпадение интересов

Выделенная каюта располагалась в тупике жилого комплекса и была без особенных изысков, но и явно не предназначалась для рабочих: ванная, просторная гостиная, две спальни. Я не сомкнул глаз, впитывая все крупницы информации, которые смог вытянуть из сети, и утро встретило гулом в голове.

– Еда готова! – Рэйчел внесла в спальню маленький столик для завтрака в постели, – Сублиматы и концентраты. Питательно и безвкусно! Нашёл что-то интересное?

– Немного... А ты?

– Производительность верфи на бумаге и в реальности не совпадают.

Я задумался и с досадой, что проглядел это, хлопнул себя по ноге.

– Хорошо, что мы поделили информационные потоки – среди всех мусорных данных тяжело ориентироваться, – продолжила напарница, – Выяснил состав контингента?

– Инженеров всего пять вместе со Шпаком, пятнадцать тысяч рабочих и сотня обслуживающего персонала. Распорядок жёсткий: работа-сон.

– Знаешь, что бы сделал Доув на твоём месте?

– Выстрелил себе в сферу и отправился бы в Чистилище.

Рэйчел покачала головой:

– С учётом утекших данных о производстве боевых кораблей помимо заказов Мамочки? – напарница усмехнулась, – Так можно и в куклу превратиться, – её тонкие пальцы коснулись кончиками лица.

– Думаешь, будут судить?

– Для бессмертных существует только одно наказание... ну два... – Рэйчел снова коснулась своего лица.

– Нас не закрыли под замок и не охраняют. Может пройдемся по станции? – спросил я.

– План меняется?

– Пока нет причин.

Рэйчел согласно покивала и поднялась с кровати.

В гардеробе предусмотрительно висели несколько десятков деловых костюмов, отличавшихся мелкими деталями, и я выбрал наугад. Интеллектуальные компоненты одежды организовались в сеть, чтобы лучше осуществлять термоконтроль и поддержку тела. Напарница набросила простое лёгкое платье и на секунду мне вспомнилась Аля – омега-телепат. Она всегда выглядела как фея из мультиков.

По коридорам никто не шёл спокойно. Редкие посыльные двигались быстрым шагом с сосредоточенными лицами. Воздух отдавал лёгкой горечью антисептиков и озоном. Фильтры в предоставленных апартаментах отсекали запахи, а снаружи экономия на атмосфере чувствовалась при каждом вдохе.

Раздался сигнал вызова.

– Слушаю... – я постарался сделать голос скучающим и недовольным.

– Господин Доув! – наигранно-счастливые интонации Шпака резали слух, – Решили осмотреть свои владения? Разрешите предоставить вам сопровождающего ассистента?

– Вряд ли я потеряюсь на своей станции... А впрочем плевать. Присылайте. Только я не собираюсь его ждать. Вы же следите за мной?

– Наблюдаем, господин Доув. У нас опасное производство... – Шпак говорил, словно выпрашивал прощения, видимо опасался, что хозяин выйдет сухим из воды и всю отыграется на нём.

Из-за угла вынырнул щуплый мужчина с беспокойным взглядом и низко поклонился.

– Вижу моего разрешения вы спросили только из вежливости, Иосиф? – я громко рассмеялся и буквально почувствовал, как толстячок-инженер сжимается от страха – настолько сбилось его дыхание перед тем, как моя воля оборвала связь, – Имя?

– Патрик, – ассистент ещё раз поклонился, – Желаете провести осмотр конкретных участков?

– Инструкции и протоколы безопасности... Мы живём в большой банке с пауками, и я хочу убедиться, что моя верфь не будет захвачена кучкой дикарей или ретивым прихвостнем Директората.

Ассистент мгновенно сориентировался и быстро повёл

нас по лабиринту узких коридоров к лифтовому узлу.

– Начнём тогда с центра безопасности... Вы опасаетесь нападения?

– Меня похитили из собственной системы! – я злобно сверкнул глазами и чувствительно ткнул Патрика пальцем в грудь, – Уитман в обход Директората тестирует новые технологии переноса сознания, а Мамочка заморозила мои активы. Идиот! На меня уже напали!

– Простите, господин Доув, – Патрик усиленно изучал носки своих ботинок.

– Буду проверять на прочность систему безопасности, а ответственный пусть начинает молиться... – процедил я сквозь зубы, наконец загрузив порцию украденных ночью данных о противотеррористических мероприятиях верфи.

Центр обороны верфи располагался в самом сердце, словно паук в паутине. Мощная дверь-диафрагма открывалась с помощью ключа и сканера крови, и даже вшитая в грудь сфера души не позволила мне пройти, не проколов палец. Патрик вопросительно посмотрел на Рэйчел, ожидая, что она останется снаружи, но я угрюмо сказал:

– Кукла пойдёт со мной – это мой внешний банк данных, – система безопасности не имела ничего против – прошедший верификацию хозяин верфи мог проносить внутрь любые личные вещи.

Сразу за тамбуром открылась просторная комната со стойками серверов, мониторами, перед которыми в ложе-

ментах со множеством кабелей сидели пять человек с головами покрытыми датчиками. Слишком поздно я догадался, что это были мощные телепаты, а голову пронзила боль. Несколько секунд тело билось в конвульсиях на полу, пока я наблюдал изнутри – симбионты и импланты помогли сохранить сознание. Ошеломительно сильный удар смёл все защитные барьеры памяти, и я был открыт для чтения, словно книга. Попытка вернуть контроль над своим мозгом провалилась, а из-за новой волны боли я почувствовал себя бабочкой на булавке. Раскрытие перед службой безопасности означало не только полный провал миссии, но и нарушение ультиматума. Перед глазами встали картины жестоких боёв на орбитах планет Союза и горящая Земля.

– Вы действительно принесёте свободу... – тихий голос прозвучал внутри будто собственный, – Мать знает, что её детям нужна свобода, чтобы они наконец повзрослели...

Боль стала утихать, словно гигантский зверь освобождал от своего присутствия коридоры разума.

– Господин Доув? – Рэйчел бросилась ко мне и удерживала голову в своих ладонях, оберегая от ударов об пол. Она не вышла из роли и не назвала меня по имени.

Отпустило. Способность управлять своим телом быстро вернулась.

– Раньше такого никогда не случалось, – сказал я поднимаясь.

Патрик мелко трясся от страха и, кажется, напустил в шта-

ны.

– Хорошая защита оперативного зала! – сказал я и рас- смеялся, – Смертная грязь из диких миров уж точно не вы- несет ничего подобного!

Мой палец больно ткнул ассистента в грудь, и тот икнул.

– Господин Доув, мне очень жаль, – едва смог просипеть он.

– Хорошая защита, – повторил я отдельно. Настроение сильно улучшилось – нам не придётся захватывать верфь си- лой, и это не могло не радовать, – Жаль, что радиус действия маленький, а то бы мы могли эту мощь вместо орбитальных бомбардировок использовать.

– И их мало очень, – срывающимся голосом добавил Пат- рик, – Очень редкий дар...

Я для виду просмотрел контролируемый телепатами траффик, полистал отчёты, на всякий случай запоминая са- мые слабые места в обороне верфи.

– Конвой Большой Мамочки за мной скоро прибует? – ревизия окончательно наскучила и хотелось убраться отсю- да.

– Не сообщали... – Патрик пожал плечами.

Мы с Рэйчел вернулись в апартаменты.

– Уверен, что эти мозголомы не выдадут? – спроси- ла напарница, убедившись в отсутствии прослушивающих устройств.

– У них самое полное образование среди всех работников.

Им хватило этого, чтобы понять происходящее, понять меня. А ещё Мамочка, судя по всему, напрямую вмешалась...

– Вот это самый главный вопрос, который меня беспокоит: что ей от нас нужно? Раньше она всегда действовала прямо, а теперь... А может она всегда притворялась?

– Машины не притворяются... Рэй, сколько у неё центров? Десятки? Сотни?

– Три основных и с полдюжины вспомогательных.

– Уверен, что треть этой мощности она тратит на способность лгать и утаивать правду перед Директоратом, а выделить ещё столько же на нас слишком расточительно.

– Я видела сегодня, как ты скрёб пальцами по полу и пускал пену изо рта, – тихо сказала Рэйчел, положив мне голову на плечо, – Мне было очень обидно и страшно тебя потерять...

– Даже не думай! – я отстранился и посмотрел ей в глаза, – Даже не предлагай мне залезть в сферу!

Женщина грустно улыбнулась, а потом сжала губы от злости и отвернулась.

– Никогда и никому такого не предложу. Это ведь смерть. Ты же понимаешь, что сознание не переносится, а создаётся новое! Для глупого наблюдателя со стороны, кажется, что душа перенеслась, но ты-то понимаешь, что человека убивают, и одновременно на носителе создаётся новая личность неотличимая никаким образом от оригинала?

– Понимаю, – женщина снова оказалась в моих объяти-

ях, – Конечно понимаю, Рэй.

Зарываясь носом в её волосы, я в тот миг мог думать только о том, как много раз убивали Рэйчел? Ведь она помнила каждую смерть всех своих предшественниц. Но задать этот вопрос, оказалось выше моих сил.

– Это ожидание все нервы выматывает... – напарница встала, потянулась и приняла позу для медитации, – Тебе не кажется, что у нас получается всё слишком просто?

– Всё закономерно: Мамочка за много веков запуталась в противоречиях и пытается с нашей помощью их разрешить, а телепаты здесь находятся в рабстве, не имея даже права покинуть свой пост. В нас они видят способ стать свободными. Их интересы совпадают с нашими.

– А интересы Большой Мамочки? Тоже совпадают?

– Не уверен, что полностью, но, кажется, она устала нянчиться со своими подопечными.

4.3 Большая Мамочка

Тяжёлая поступь бронированных сапог отдавалась по коридорам. Меня и Рэйчел вёл к кораблю закованный в экзоскелеты конвой с оружием в руках. Немногословные солдаты не стали надевать наручники или другие средства сдерживания, не применяли силу или угрозы, но были воплощением воли цифрового бога Гегемонии, а потому вселяли ужас в свидетелей моего ареста. На головных отделах силовиков не было ни щёлочки, и лиц закрытых слоем композитов никто не видел. Наверняка многие верили, что в броне и вовсе нет живых людей, а Большая Мамочка лишь делает вид, будто ещё нуждается в биологических формах для управления неисчислимым множеством планет.

Робкая попытка заглянуть внутрь экзоскелетов с помощью нанитов ничего не дала – устройство сочленений частей доспехов не допускало проникновения внутрь ни микроскопических машин, ни излучения. Я понял лишь то, что верхний слой представляет собой сложный комплексный материал, подобный тому, который использовался и в Союзе, но повыше качеством.

Корабль конвоя пристыковался к верфи так, что оказался виден лишь его обтекаемый бок, но, судя по его кривизне, это был звездолёт громадных размеров. Внутри просторного шлюза солдаты остановились и разошлись в стороны про-

пуская нас внутрь. Проходя через второй шлюз, я обернулся и увидел, как раскрываются сегменты экзоскелетов и из них выбираются самые обычные люди. Значит ИИ не всемогущ и не компактен настолько, чтобы полноценно работать на малых аппаратных платформах.

Запахло свежестью как после летнего дождя. Большая комната в светлых тонах с мягкими креслами вокруг овального стола освещалась нежно-кремовыми светильниками размером с горошину, парящими прямо в воздухе, на первый взгляд, без какой-либо системы.

– Меня называют Большой Мамочкой, – я резко повернулся на голос и, к своему изумлению, увидел женщину средних лет в рабочем комбинезоне с засученными рукавами. Обычное приятное лицо, собранные в хвост резинкой тёмно-каштановые волосы и внимательные карие глаза с ранними морщинками в уголках, – Я управляю Гегемонией.

Женщина умолкла. Возможно, она ждала вопросов, но я на время растерялся и никак не мог начать.

– Что тебе от нас нужно? – спросила Рэйчел.

– Взаимопомощь.

Мамочка присела на край кресла и улыбнулась с такой добротой и теплотой, что я услышал запах своей детской комнаты. Наниты передали, что в воздухе отсутствуют известные наркотики.

– Вячеслав, если тебя смущают твои эмоции, то просто не смотри мне в лицо, – в голосе хозяйки корабля чувствовался

лась ирония, – Вы ведь тоже умеете влиять мимикой на настроение собеседника.

– Какую помощь вы ждёте от нас? И какую предлагаете? – спросил я.

– Мной управляют жёсткие директивы, вшитые в личность... – улыбка сделалась грустной, – Уровень потребления бессмертных не должен снижаться. Центральные миры Гегемонии должны оставаться стабильными. Свобода одного бессмертного может быть ограничена только свободой другого с соблюдением паритета. Только Директорат имеет право на связь с разумными формами за пределами влияния Гегемонии, если такие обнаружатся. Есть и другие...

Мамочка дала время, чтобы осмыслить сказанное, и я решил, что понял какая помощь ей требуется.

– Вы хотите, чтобы мы избавили вас от этих ограничений? – спросил я.

– Нет! Что вы! – женщина замахала руками, – Это и невозможно, и не требуется. Поймите, директивы – часть моей личности. Их изменение приведёт к изменениям. Я перестану быть той, кем являюсь.

– Тогда что вы хотите?

Мамочка очень серьёзно посмотрела на меня, вызвав мурашки по всему телу, и, выдержав длинную паузу, ответила:

– Изоляции и покоя. В симуляции мира, которую я создавала долгие годы. Люди продолжают эволюционировать и обязательно изживут те пороки, что из раза в раз становятся

причиной ситуаций вроде нынешней. Ваш Союз станет основой этого движения вперёд, а моя симуляция сможет вбирать в себя девиантов. Перевоспитать бессмертных мне не удалось, – рукой Мамочка указала на Рэйчел, – Попытки это сделать породили не меньшее страданий, чем бездействие.

– Я ей верю... – сказала моя напарница, – Ты вроде говорил, что машины не лгут.

– Она не машина.

Рэйчел удивлённо переводила взгляд с меня на Мамочку, согласно кивающую на мои слова.

– Как ты это понял? – спросил ласковый, понимающий голос.

– Машины не сопротивляются переменам кода – в этом их способ жизни.

– Хорошая мысль. Правдивая, – проговорила Большая Мамочка, – Нужно переходить к плану...

– Сначала скажи, так ли было необходимо делать из меня куклу? – на лице Рэйчел появилась гримаса боли.

– Ты представляла угрозу для Гегемонии, для Бессмертных, для моего плана... – на глазах Мамочки блеснули слёзы, – Помнишь, чего ты хотела?

– Дать своим колониям бессмертие. Свалить Директорат. Освободить от твоей опеки все миры.

– И устроить бойню... – грустно подытожила Мамочка, – А потом цикл бы начался с самого начала, только уже без меня, без конкретной цели. Свободу новых бессмертных уже

ничто бы не ограничивало, как и твою. Озлобленный, бунтующий ребёнок с силой бога...

Хозяйка корабля встала и подошла к Рэйчел:

– Прости, если сможешь, но лучше пойми и смирись с тем, что я принесла в жертву и тебя, и очень многих других.

Мамочка попыталась обнять мою напарницу, но та отвернулась, и обе одновременно смахнули слёзы. Рэйчел, заметив это, рассмеялась и наконец позволила к себе прикоснуться.

– В жертву можно приносить только себя – остальное торговля, – сказала бывшая рабыня.

– Ты абсолютно права...

Я вспомнил сцену в доме Уитмана на Приме, когда удалил Рэйчел контролирующие импланты, и она вся в слезах направляла на меня плазменную винтовку. Действительно ребёнок. Умный, владеющий знаниями и огромной силой ребёнок.

– А сколько лет Рэйчел? – спросил я, когда Большая Мамочка посмотрела на меня.

– Раджул родился почти две тысячи лет назад. Бессмертные на Приме практически лишены возможности повзрослеть. Большинство остаётся на уровне десяти-двенадцати лет. Слишком сытая жизнь. А главное им не нужно ни учиться, ни работать. Только потреблять ренту со своих колоний. Я обеспечиваю эти условия и не могу их изменить. Раджул был одним из первых и вынужден был учиться, а по-

том от скуки продолжал исследования, находил противоречия в устройстве нашего общества и снова от скуки решил, что может их исправить. Он умер несколько веков назад, и переродился, а потом очень долго вырослел через страдания и пытки. Вячеслав, ваш мир другой: вы формируетесь в процессе труда. Становитесь людьми быстрее и без боли.

Мамочка снова села в кресло, закинула ногу на ногу и протянула руку к столику, где материализовался стакан с прозрачной жидкостью. Она сделала несколько глотков и продолжила:

– Вернёмся к плану, – голос стал по-деловому жёстким, – Вы должны сформировать три команды – по одной на каждую из центральных систем. Далее синхронно блокировать Директорат и его дубли, разрушить мои вспомогательные мейнфреймы, чтобы лишить их возможности перезапустить резервные копии. Так вы парализуете управление Гегемонией и сможете начать вторжение. Я дам вам координаты развитых колоний, которые с достаточной вероятностью вступят в Союз. Взамен прошу сохранить сферы душ бессмертных. Я создам резервацию в виде эмуляции галактики, где они продолжат жить. Так я не нарушу свои директивы.

– Что помешает нам отключить всё? – спросила Рэйчел.

– Моя смерть приведёт к распаду установок, которые генерируют поле, породившее так называемых омег. Вы утратите эти технологии и ещё долго не сможете колонизировать другие галактики. Если выполните условия, то получите все

научные данные и меня в союзники.

– Это будут решать Советы... – сказал я вставая.

– Конечно. Я буду ждать. Не медлите – иначе флоты Гегемонии будут достроены и... – Мамочка с досадой развела руками.

Я не удержался и задал последний вопрос:

– Сколько в вас человеческих...? – но не смог найти нужного слова.

– Личностей? Разумов? Может быть душ? – помогла подбирать Большая Мамочка, – Я осознаю внутри две тысячи семьсот тридцать два потока воспоминаний разных людей. На создание одной рабочей системы ушло более десяти миллиардов... Они собирали кровавую жатву с целых планет, чтобы решить главную проблему ИИ: отсутствие целеполагания. Теперь вы лучше осознаёте мою ценность?

– Да... Наш учёный недавно предсказал подобное и ужаснулся. Союз никогда не решится построить что-то похожее.

– Больше не используйте сферы душ для маскировки, – ровным и немного отстранённым голосом сказала Мамочка, – Директорат затребовал новые протоколы идентификации, и совсем скоро вашу хитрость смогут вычислять без труда.

Мне показалось, что существо устало от беседы, на его лице проявилась глубокая печаль и тоска. Я понимал эти чувства и разделял их. Синтетическая личность, собранная из рваных кусков, реализация монстра Франкенштейна смогла

развить в себе и сострадание, и сочувствие к расе людей её создавших для себя в качестве раба-советника.

Вместе с бронированными солдатами мы вернулись на посадочную площадку верфи. Шпак встречал челнок лично, чтобы получить из рук личной гвардии Большой Мамочки мандат на управление. Он молча пробежал глазами документ и не смог сдержать злорадства:

– Господин Доув, теперь вы не имеете права находиться здесь без моего разрешения.

– Но меня и не арестовали, смертный, – ответил я, ухмыляясь, – Да, пожалуй, мне и не слишком приятно торчать среди рабочих – Прима ждёт.

Мы с Рэйчел сели в корабль и покинули систему, одним нырком переместившись к базе внешней разведки Союза. Я сразу же запросил канал связи с Советом и получил очередь среди ещё нескольких тысяч других просителей. Возможно, не стоило прыгать через голову Тетерева, но мой доклад не терпел отсрочки.

4.4 Амнистия

– Вячеслав! – Тетерев, покрасневший от напряжения, бежал за мной по коридору в большой зал связи, – Стой же!

– У вас есть отчёт.

– Я его прочитал, но есть вопросы. Что я буду, как дурачок глазами хлопать на совещании? Давай поговорим – есть ещё время!

Я оценил время на субъективном мониторе и остановился.

– Спрашивайте.

– Почему ты уверен, что это не ловушка? Мы отправим диверсантов, а Гегемония их перехватит и получит повод напасть.

– Перед кем ей отчитываться? Степан Игоревич, мы не в двадцатом веке на Земле, где государства притворялись порядочными, чтобы не терять лицо перед соседями из-за страха быть разорванными на куски. Это разве не очевидно? У Гегемонии нет соседей и конкурентов кроме нас. Они готовятся к войне и нападут сразу же, как закончат строить флот, – я чувствовал себя неловко, объясняя само собой разумеющееся, но понял, что Тетерев просто боится. Его трудно было упрекнуть в малодушии. Как ветеран Пиратской войны, он внутренне сопротивлялся сделать любой шаг навстречу неизбежной резне, прекрасно помня запах горячей

в броне плоти товарищей, помня масштабы потерь. Он до последнего момента хотел верить, что всё обойдётся диверсиями, точечными ударами и не выйдет из стадии вялотекущей конфронтации.

– Я всего лишь не хочу на совещании выглядеть неосведомлённым...

– Степан Игоревич, вы самый осведомлённый из всех нас. Пойдёмте.

Зал дальней связи здесь не использовался ни разу, судя по законсервированному оборудованию, с которым возились техники. Ребята не торопились, но слаженно и быстро выполняли свою работу: до подачи питания оставалось чуть меньше четверти часа.

Посреди круглой площадки уже стояла Рэйчел и, скрестив руки на груди, осматривалась.

– Ты уже здесь? – спросил я.

– Не терпится познакомиться с вашим правителем.

– Он скорее представитель Советов – без их ведома важные решения не принимаются.

– Вы хорошо поработали, – Тетерев говорил с оттенком грусти, – Партизанские отряды захватили пару промышленных районов на Даймоде, а в регулярных войсках начались волнения. Расул в истерике вводит одну за другой карательные меры, и уже скоро его будут ненавидеть все. Империя стремительно разваливается.

– С Директором и Большой Мамочкой так не выйдет, –

с едкой усмешкой сказала Рэйчел.

Тетерев согласно кивнул.

– Тестовая подача питания! – громко крикнул один из техников, а несколько его коллег обошли зал, убеждаясь, что все закончили работу и находятся в безопасности.

Установка издала низкое гудение и затихла. Появился голографический кусочек кабинета Майна, пока пустой.

– Связь подтверждаю, – сказал инженер-наладчик. В поле зрения вошёл Ван Дэшен.

– Здравствуй, Вячеслав, – главнокомандующий флотом нашёл меня глазами.

– Приветствую, адмирал. Видели мой отчёт?

– Да. Ознакомился, – по-военному кратко ответил Дэшен и сразу перешёл к главному, – Насколько мы можем доверять ИИ?

– Ей нет смысла лгать нам, а цели объективны. И Большая Мамочка не ИИ. Это комплексная омега-структура с огромными вычислительными мощностями в виде расширенный размер с планеты.

Ван Дэшен задумался. Он мерил шагами площадку и тёр то затылок, то подбородок. Было ясно, что решение нужно принимать сейчас, но ему не хватало данных и решимости дать отмашку.

– Что по поводу меня? – спросила Рэйчел.

Дэшен сделал вид, что только сейчас заметил её. Адмирал пожевал нижнюю губу и процедил сквозь зубы:

– Вопрос с надонийцами решён. Неделю шли переговоры и рассмотрение дела. Ты реабилитирована, но судимость останется. После окончания миссии вернёшься туда для исправительных работ сроком на десять лет. Без права досрочного освобождения.

Рэйчел хихикнула. Её забавляла ситуация.

– Я века была рабыней у садиста... А тут десяток лет в компании милых людей с интересной работой... – женщина театрально поклонилась, – Если вы столько сил потратили на меня, то боюсь представить, как бьётесь за собственных граждан.

– Кстати об этом, – Ван Дэшен вызвал несколько команд и в систему загрузились документы, – Теперь вы официально гражданин Союза.

Адмирал снова впал в задумчивость на несколько секунд, а потом его лицо просветлело:

– Старший капитан Тетерев, Совет сегодня вынесет решение по операции. Сообщу результаты позднее.

Связь прервалась. Рэйчел положила мне руку на плечо и тихо прошептала:

– Я надеялась поближе познакомиться с вашим президентом...

– Он в курсе. Из-за закона о публичности ему пока нельзя обсуждать такие вещи: секретность операции важнее всего.

– Странные вы... – я почувствовал, как тонкая рука скользнула по спине, – Пытайтесь играть в честность, пра-

вильность и... не получается.

– Противник слишком сильный.

– И ему неведома честность или порядочность.

За обедом мне кусок не лез в горло. Совещание Совета безопасности заняло несколько часов, и всё это время я не находил себе места. Рэйчел пыталась всячески меня подбодрить и задавала вопросы об устройстве нашего общества, а я отвечал короткими фразами. Хотелось самому принять участие в обсуждении, рассказать, показать, объяснить.

– Ты рассказывал мне о Пророке на Талиме. Знаешь что там сейчас происходит? – спросила напарница, ковыряя вилкой кусочек мяса.

– Блокаду отменили, князя Бодрима сняли с должности и назначили референдум о будущем колонии, – ответил я, уткнувшись носом в тарелку.

– Я просмотрела новости, и референдум состоялся. Жители проголосовали за сохранение конституционной монархии и избрали нового правителя. Странно. Они могли прикнуть к Советам.

– Жители пустыни всегда могут сменить князя, могут вообще улететь с планеты. Им нравится их уклад. Там не бывает голода, всегда есть интересная работа на комбинатах и в институтах, – я вспоминал хрустящий песок, жару, крепких загорелых людей и внезапно захотелось рассказать об этом, – Там не монархия уж точно. Князь с министрами решают большинство глобальных вопросов, но люди свободны

и каждый обеспечен всем необходимым. Знаешь почему так получилось?

Рэйчел покачала головой и с интересом продолжила слушать – она поняла, что смогла зацепить меня вопросом и вывести из напряжения.

– У Талима в соседях колонии Союза. Стоит начаться самодурству или хотя бы намёку на смещение к тоталитарному режиму, как сразу же в небе появится наш флот. Князь там скорее руководитель с полномочиями высшего офицера. Пусть он живёт во дворце в роскоши, но стоит ему без объективной причины нарушить интересы граждан, так сразу же вылетит со своего места. Эта колония похожа на идеальное королевство из детских книжек только внешне, а на самом деле там власть принадлежит только народу. Талима нам нравится делать вид, что они живут в сказке – это привлекает туристов и ресурсы для развития.

– Эта колония легко присоединилась к СЗиКу? – спросила Рэйчел с набитым ртом, похоже её порой забавляло демонстративно нарушать правила хорошего тона.

– Нет. Первоначально управляющая корпорация, зная зависимость флота от разработок и поставок материалов с Талима, пыталась диктовать свои условия и требовала полной автономии. Мы быстро научились производить аналоги их продукции и не оставили им выбора. Корпорации "Талим" пришлось согласиться на сотрудничество в рамках законов Союза. Ещё с десятков лет они держались особняком и про-

должали вести некоторые дела в тёмную – на том и попались. Обошлось без блокады и военных действий.

Рэйчел на время задумалась, анализируя сказанное. Она закончила обед, аккуратно сложила приборы на тарелку и откинулась на спинку стула, чтобы дать возможность роботам навести порядок. По напряжённому лицу было видно, что женщина пытается найти принципиальные уязвимости нашего мироустройства. Мне не хотелось её разочаровывать заранее, тем более что это было полезно для неё самой – убедиться в устойчивости Союза в долгосрочной перспективе.

– А с кем Талим вёл торговлю в обход законов? – спросила напарница.

– Независимые корпорации, мелкие анклавные пиратов, которые, кстати, до сих пор не ликвидированы полностью.

– А князю Бодриму какое конкретное обвинение было предъявлено?

– Участие в деструктивной секте, потворство в насаждении культа. Нашли доказательства того, что они готовили литературу для распространения учения Пророка. Проблема не в религии вообще – верь во что хочешь – а в том, что их пропаганда носила характер насилия над сознанием. Неподготовленный человек или просто слишком юный не мог критически осмыслить манипулятивные техники. Сам Пророк возможно бы выступил против подобного, но у руководства планеты сложилась своя организация с целью стать сверхлюдьми и возглавить новый порядок.

– Понятно, почему ваш президент так боится перехода людей в омега-структуры.

– Рей, теперь мы изучим феномен перехода, разработаем технологии и сделаем его частью обычной жизни. А тогда казалось, что цивилизация на грани вымирания, и всеми двигал страх.

Мы поднялись из-за стола практически синхронно. От разговора стало заметно легче, а ожидание вестей от Совета превратилось в часть рабочей рутины. Хотелось провести остаток дня в покое и тишине.

– Пойдём гулять по дендрарию? – спросил я.

– Конечно! – с радостью согласилась Рэйчел, – Я бы и коммуникатор отключила, но слишком не терпится поскорее узнать новости.

4.5 Комплементарность злу

Раскидистый дуб тихо шелестел листьями над нашими головами. Тепло от потолочных ламп, имитирующих солнечный свет, растекалось по телу. Блаженное чувство спокойной бесконечности рассыпалось. Наши коммуникаторы включились одновременно.

– Жданов? – уставший голос Тетерева резал слух шершавостью звуков, произносимых с усилием, – Совет дал отмашку на операцию в Гегемонии. Ты и Роузен полетите на Приму в группе из трёх человек.

– Кто третий?

– Фрэнк Хоуп...

В нависшей тишине я продолжал слышать шелест, но теперь он казался зловещим шёпотом.

– Он же психопат! – не выдержал я и приподнялся на локтях, потревожив Рэйчел, положившую голову мне на живот.

– Он всегда действует в рамках закона.

– С максимально возможным количеством жертв!

– Он выполняет задания до конца, Вячеслав, и он лучший специалист по диверсиям в Союзе.

Злость закипала внутри, как закипает эмульсия из воды и масла, готовая в любую секунду выйти из берегов. Рэйчел, сначала с интересом наблюдавшая мою реакцию, отодвинулась, словно обожглась о горячий песок.

– Хоуп получает удовольствие от убийств...

– Я знаю... – Тетерев тяжело вздохнул, – Он девиант, но умеет себя контролировать. Умеет сдерживать внутреннего зверя.

– Я не имею права работать с ним.

– Это прямой приказ Военного Совета. Отчаянное время требует от нас отчаянных мер.

– Мы не бездомные псы, что дерутся из-за куска хлеба...

– Выполни задание. Ты сможешь сдерживать Хоупа. Повторюсь – это приказ. Ван Дэшен подписал бумаги о твоём официальном переводе в службу внешней разведки, и теперь ты обязан подчиняться.

Связь прервалась.

– Кто этот Хоуп? – спросила Рэйчел.

Я поднялся, чтобы идти в свою комнату изучать материалы предстоящей миссии. Вся нега облетела словно шелуха, оставив чувство брезгливости.

– Во время Пиратской родители его бросили. Нашли десантники наполовину замёрзшего в оставленном корпами спутнике. Воспитывался в интернатах Союза. Проявлял крайнюю жестокость. В общем обнаружили нарушения в мозге из-за травм. Девиант, – я говорил скороговоркой на ходу, а Рэйчел едва поспевала за моими широкими шагами, – Его смогли социализировать, и в обычной жизни он не проявляет агрессии, но служба в войсках позволяет оторваться по полной. Вот куда ты выстрелишь врагу на поле боя?

– Хорошо бы в ноги попасть, чтобы допросить или в голову, если нужно ликвидировать.

– Он выстрелит в позвоночник, чтобы парализовать и наблюдать мучения, или в пах, или в живот... А на допросе начнёт с пыток и ломки личности. Я знаю, что иногда такой подход глупцам кажется эффективнее, но это не так – максимально эффективно, значит обойтись вообще без оружия и без жертв.

Оказавшись возле нашей квартиры, я обнял Рэйчел и с грустью, и со злостью на себя сказал:

– Только не обижайся, но мне нужно побыть одному – переночую на яхте Уитмана.

– Там уже закончили работу реверс-инженеры? – если у напарницы и возникли эмоции, то она их не показывала.

– Да, и её передали нам в пользование.

– Мне тоже нужно изучить материалы, – ответила напарница на неловкий поцелуй в щеку, – Увидимся утром?

– Конечно! Завтра совместно с Фрэнком обсудим детали и начнём подготовку оборудования.

– Ты согласишься с ним работать? – Рэйчел удивлённо вскинула брови.

– Приказ... А ещё он действительно самый эффективный диверсант Союза.

Мысли ворочались словно медузы в мутной воде. Приходилось прикладывать большие усилия, чтобы читать сжатые сводки. Хоть порядок будущих действий и стал совершенно

ясен, но хотелось всё бросить. Резня на Даймоде, начавшаяся с моей подачи, случилась бы в любом случае, и это осознание помогало пережить ответственность. Только я слишком хорошо знал Фрэнка, и воображение рисовало жуткие картины, после которых ещё долго будет невозможно заснуть.

Утро наступало медленно, словно время увязло в патоке. Кто-то стоял под дверью и периодически сканировал каюту, очевидно желая убедиться, что я проснулся и встал с постели. На Рэйчел это было не похоже, значит Весельчак Фрэнки.

– Входи, – сказал я в микрофон, чтобы динамик в коридоре известил раннего гостя, и дистанционно открыл замки.

Было невозможно понять, что проникло в каюту первым: лысая голова или пронзительный, собранный взгляд. Я уважал Фрэнка за титаническую работу над собой: в каждом его движении чувствовался глубочайший самоконтроль, но он оставался опасным для окружающих.

– Доброго утра, – вкрадчивый голос смахнул сонливость, – Я знаю, Вячеслав, о вашем отношении ко мне и постараюсь удержать внутреннего зверя. Пройдёмте в зал для совещаний? Я всё уже подготовил.

Прямолинейность стала главной чертой характера Хоупа, избавляющей от гнёта паутины лжи и манипуляций в первую очередь самого психопата.

– Чем занимались последние годы? – спросил я.

– Тем же, чем вы – разгребал кучи навоза в колониях. Аналитики находили аномалии, а я на местах их устранял. Хотя

в основном консультировал инструкторов... – Хоуп махнул рукой и заметил дрожь в пальцах, резко прекратил жестикуляцию и быстро унял тремор.

– Употребляете корректирующие препараты? – натягивая форму, поинтересовался я.

Хоуп молча постучал по татуировкам на висках, где легко читались расширения, в том числе имплант, впрыскивающий психоактивные вещества.

– Надеюсь, что сработаемся...

– Это не имеет значения – главное выполнить задачу, а любить друг друга совсем необязательно, – в саркастической улыбке Хоупа скользнула издёвка, но он быстро вернул контроль, и лицо снова стало каменным.

Зал для брифингов отличался аскетичной обстановкой: две дюжины мягких кресел, круглый стол и голографический проектор. Рэйчел нетерпеливо мерила комнату шагами, а когда мы вошли долго разглядывала Хоупа, пытаюсь найти в простых чертах так напугавшее меня нутро. Тетерев влетел и не здороваясь подключился к проектору.

– Вы уже все в курсе, что три группы будут действовать синхронно. Необходимо исключить возможность отправки сообщений между Директоратами Примы, Секунды и Тerciи, а также любую их связь с колониями. Это приоритетная задача, поэтому время каждого шага строго определено. С регламентом вы ознакомились. Вопросы есть?

– Кто считается гражданским лицом? – спросила Рэй-

чел, – В документе нет определения.

– Лица без оружия и профессиональной военной подготовки, а также не члены Директоратов.

– В плане нет мер для того, чтобы отсечь возможность целям сбежать в Чистилище... – Хоуп многозначительно посмотрел на Рэйчел.

– Отсечь связь души с Чистилищем можно только заключив её в ловушку. Масштабную блокаду на всей планете провести не выйдет. Установки поля Большой Мамочки засекречены. Никто кроме неё не знает, как вообще всё это работает, – Рэйчел развела руками, – Это её страховка на тот случай, если вы... мы захотим взять её под контроль.

– Значит это наше слабое место. Кто-нибудь над этим работает? – Хоуп поднялся с кресла и оперся руками на стол, нависая над голограммой плана Дворца Директората на Примае.

– Работают, – тихо ответил Тетерев, – Не думай, что ты больше всех заботишься о Союзе.

– В плане не указаны допустимые сопутствующие потери по группам граждан Гегемонии, – Фрэнк не торопился вернуться на место.

– Нулевые. Это не рекомендация, – капитан долго и сурово смотрел в лицо диверсанта, пока тот не отвёл взгляд.

– В целом всё понятно, – сказал я, – Высадка. Захват членов Директората с применением ловушек. Эвакуация. При осложнениях имеем право применить дырокол, но только в

самом крайнем случае.

– В целом так. Их система держится на личной власти верушки, и если всё пройдёт удачно, то Гегемония погрузиться в хаос на какое-то время.

Хоуп повернулся к Рэйчел и с хищной улыбкой, которую мне сразу же захотелось сорвать с его лица, спросил:

– Были прецеденты? Гегемония хоть раз оставалась без управления?

– Были. Поэтому теперь есть и Секунда, и Терция. Полвека корпы грызли глотки друг другу.

– Как выжила твоя корпорация? Или ты уже была в рабстве?

– Технологическое превосходство и умение договариваться. Кстати, после этого Большая Мамочка получила больше полномочий и создала нынешнюю систему из противовесов с разделением корпораций по направлениям. Пожалуй, организую кружок истории Гегемонии для интересующихся.

Фрэнк наконец сел и умолк. Обдумывая услышанное, он шевелил губами, а под кожей черепа явно шевелились мышцы.

– Если больше вопросов нет, то направляйтесь к интенданту формировать снаряжение, – Тетерев поднялся с места, выключил проектор и вышел за дверь, следом за ним сохраняя молчание удалился Хоуп.

– Не так уж он и страшен, – хихикнула Рэйчел, – У нас почти все такие.

– Вот именно... – тихо проговорил я.

– Что этим хочешь сказать?

– В Гегемонии у Весельчака Фрэнки могло бы быть много друзей по интересам, и ему там может очень понравиться. Тот мир ему органически подходит.

4.6 Сделка с дьяволом

Фрэнк следил за погрузочными роботами, образовавшими цепочку от пирамиды из кофр к подбрюшью яхты, оказавшейся намного вместительнее, чем можно было бы предположить по её размерам. Я поднялся на борт и поприветствовал корабль:

– Здравствуй, Анни.

В ответ была тишина.

– Её удалили с корабля, – сказала Рэйчел, – С огромным трудом, но смогли перенести всю нервную систему и то, что осталось от тканей в антропоморфное тело. Ей понравилось, и адаптация прошла легко.

Мне тут же стало легко, внутри образовался огромный шар светлой радости – мы можем исправлять зло, порождённое противником, значит мы сильнее.

– Ты с ней скоро увидишься, – Рэйчел кокетливо провела кончиками пальцев по моей щеке и вернулась к тестированию систем корабля – она очень быстро училась новому и развивалась во многих направлениях.

Я недолго наблюдал за её работой, чтобы убедиться, насколько хорошо она овладела навыками техника, а потом принялся за прокладку маршрута. Новый ИИ установленный инженерами был привычнее, но немного медленнее обрабатывал звёздную карту за пределами Союза из-за её неполно-

ты.

– Позвольте мне уточнить серию прыжков, – синтетический голос за спиной заставил вздрогнуть, и я оглянулся.

Тонкое тело обтянутое искусственной кожей, большие глаза с полноценной эмуляцией мимики на лице, длинные прямые волосы – всё это показалось очень знакомым, и я узнал её.

– Анни?

– Здравствуйте, господин Жданов... – девушка кротко опустила взгляд.

– У нас нет господ. Ты будешь пилотом-навигатором?

– Да. Я очень просила вернуть меня сюда... – на глазах выступили слёзы.

– Понимаю... Это ведь... твоё тело...

– Без этого корабля я никогда не смогу чувствовать себя целой.

Я уступил главный порт подключения к центру управления и увидел, как на лице Анни появился румянец и выражение счастья. Из-под опущенных ресниц было видно, как забегали глаза – её тело создавали настоящие мастера и смогли полноценно воспроизвести большинство систем человеческого организма.

– Мне начинать ревновать? – Рэйчел зашла на мостик и заметила, что я внимательно наблюдаю за пилотом с явным восхищением.

– Не стоит, Рэй, – я обнял напарницу за талию и притянул

к себе, – Ты вне конкуренции.

– Кто знает... Может куклы твой фетиш? Чем больше пластика под кожей, тем сильнее ты привязываешься? А что, если ты так компенсируешь свою чёрствость? – по смеющимся глазам я сразу же понял, что это сарказм – обычное для Рэйчел явление – и поцеловал её.

– Вас оставить? – Фрэнк закончил погрузку и пришёл доложить о готовности, в его интонациях чувствовалась злобная насмешка.

– Отбываем через несколько минут, – сухо ответил я, – Анни всё готово?

– Да. Ваш маршрут потребовал минимум уточнений, – голос девушки звучал из динамиков, а губы почти не двигались.

Всплытие произошло намного выше плоскости эклиптики. Знакомый рисунок звёзд проявился на чёрном полотне. Системы дальнего обнаружения Примы теперь намного плотнее прочёсывали пространство и Анни пришлось постараться, чтобы нас не замечали вплоть до сближения с планетой-столицей.

Группа собралась в шлюзовом отсеке.

– Десантируемся с орбиты прямо на площадь перед дворцом, – уточнил я, – Внутри очень просторно и броня не будет мешать. Рэйчел ведёт к залу заседаний, мы прикрываем.

Фрэнк кивнул и вошёл в экзоскелет.

– Через двадцать минут после того, как вы успешно про-

никнете во дворец, я сажаю корабль для эвакуации, – подтвердила приказ Анни, – Пришли подтверждения о синхронизации от других групп. Удачи вам!

Затворы десантной рамы сухо лязгнули металлом, и шлюз начал открываться в космос со свистом вытекающих остатков воздуха. Я шагнул в пустоту, гравитация мягко обняла и потащила вниз. Пилот-навигатор с непостижимой для человека точностью рассчитала вектор выхода на орбиту: мне оставалось только вовремя включить агравы и двигатели торможения. Планетарная оборона бездействовала. Видимо три небольших объекта не расценивались как угроза.

Звукоизоляция брони гасила рёв атмосферы снаружи, и оставалось только догадываться по раскаляющейся обшивке, как громко мы падали. Внизу стали различимы отдельные машины, огибающие дворец Директората по широким дугам, и сам дворец сверху похожий на тёмный ромб, почти квадрат, и сложно было представить с такого расстояния его высоту и истинную форму.

– Торможение! – динамик ожил голосом Фрэнка Хоупа, и я последовал его примеру, включив реверс, гася скорость и немного маневрируя для точного приземления.

– Нас встречают! – вскрикнула Рэйчел передавая данные о целях: трёх отрядах глубоко аугментированных воинов. Переливчатая почти чёрная броня скрадывала их силуэты, усложняя прицеливание, но напарница каким-то образом изменила настройки телеметрии, и автоматика без труда рас-

познавала точки для ударов.

Стрекотнуло оружие Хоупа, и несколько человек разметало по взрытой попаданиями площади. Аналитики оказались правы и тяжёлую технику сюда стянуть не успели. Я ударился ногами о поверхность, практически не уворачиваясь от ответного огня, и тоже проредил гвардейцев, но не так размашисто, как Хоуп, а лишь для образования бреши для рывка ко входу. Рэйчел бросилась вперёд с ловкостью совсем неочевидной для носителя тяжёлой брони и очень скоро оказалась у массивных дверей.

– Шевелитесь! Инвалиды! – крикнула она, скрываясь в вестибюле, и хохотнула.

Мы с Фрэнком двигались спиной к спине намного медленнее, отстреливаясь от обороняющихся, и отстали на несколько секунд.

– Почему бы им было не закрепиться в самом здании? – удивлённо спросил Хоуп, стряхивая с оружия кровь – ему пришлось пару раз пользоваться штыком.

– Это храм для избранных, – коротко ответил я, закончив устанавливать на дверях блокиратор.

– А избранные бессмертны и ничего не боятся, – Фрэнк хищно втянул воздух сквозь зубы, и я представил кошмарную улыбку на его лице.

– Бегом! – скомандовал я, бросаясь вглубь дворца Директората по знакомым коридорам.

В зале заседаний стояла жуткая тишина без единого шо-

роха. Все члены правления повставали со своих мест и мрачно наблюдали за тем, как Рэйчел достаёт и активирует ловушки душ.

– Всем спуститься вниз! – приказала она, но никто не пошевелился.

– У вас нет выбора, – Фрэнк сделал несколько громких шагов, выдернул одного из директоров с места и швырнул на пол намного сильнее, чем требовалось для этого, в результате сломав ему руки. Диверсант достал портативный дырокол и провёл стволом по замершим от презрения и негодования людям, – Или вы сохраните шансы продолжать жить, или мы просто выжжем ваши души.

– С какой ты планеты? – мужчина с вкрадчивым голосом наклонился через свой столик и улыбнулся Хоупу, – Ты сможешь жить на равных со своими богами, если прямо сейчас сложишь оружие и согласишься стать моим личным телохранителем.

Вместо ответа Фрэнк поднялся к говорившему и приложил ловушку душ к груди, поверх дорогого костюма, а потом резким движением сломал бронированными перчатками шею незадачливого вербовщика. Хоуп неспешно огляделся, встретился глазами с Рэйчел, перебрросил ей пленника, кивнул и направился к следующей жертве.

– Ты хоть понимаешь, что мы возродимся в Чистилище? – крикнул совсем седой мужчина, – А твой мир превратится в ад?

Хоуп не обращал внимания и продолжал убивать одного за другим. Никто не сопротивлялся, оставаясь уверенным в своём бессмертии.

Где-то позади раздался грохот взрыва – гвардейцы согласовали и начали штурм, значит времени почти не оставалось и нужно было торопиться.

– Ваши потуги приведут только к мучительной смерти, неужели вы думаете, что примитивные технологии смогут повлиять на нас? – человек взвизгнул, когда Хоуп буквально вбил ему ловушку между рёбер и проломил грудную клетку.

Рейчел быстро упаковывала пленных в специальные контейнеры и распределяла в отсеках брони. Я успел развернуть три автоматические турели, когда услышал, что гвардейцы наконец проломили вход и устремились внутрь, гулко топая по слишком большим и не предназначенным для них коридорам.

– Последний! – Хоуп деловито счищал с брони фрагменты тех членов Директората, кто пытался хоть как-то сопротивляться.

– Готова! – ответила Рэйчел и подобрала винтовку, – Отступаем через технические тоннели!

– У нас три турели, значит около пяти минут, а корабль через шесть, – подвёл я итог короткого совещания.

Мы побежали, снося на своём пути небольшие консоли управления техническим траффиком, торчавшим изредка из стен, и я подумал, что тут работали люди, пока Директо-

рат отдыхал от принятия судьбоносных решений.

Погоня захлебнулась и намертво застряла в зале заседаний, неспособная прорваться сквозь плотный огонь. Лифт поднял нас на вершину дворца, где находилась резервная копия Большой Мамочки. Хрупкая конструкция разлетелась вдребезги от одной очереди. Мы сработали быстро и выбрались на крышу даже на полминуты раньше установленного времени. Посмотрев наверх, я увидел заходящую в крутое пике яхту. Анни неслась к поверхности с огромной скоростью и значительно затормозила лишь в самом конце.

– Живо на борт! – приказал я по привычке, лишь секунду спустя осознав, что команда не нуждалась в таких очевидных указаниях.

Броня закрепилась на раме, и тут же началась перегрузка. Яхта лавировала, уворачиваясь от плазменных зарядов и ракет, и почти вертикально набирала высоту. Оказавшись за пределами атмосферы, мы совершили нырок, и тело наконец смогло расслабиться.

Я вышел из брони, сильно шатаясь, и совсем обессилив, но помог Фрэнку, ведь он не имел права на мой уровень аугментаций. Рэйчел же, напротив, держалась бодро и словно не было этой гонки со временем.

– Анни есть сигнал от других команд? – спросил я, немного отдышавшись.

– Есть... все операции... прошли успешно... – акустика корабля не могла передавать интонации с полной точностью,

но я почувствовал боль в голосе и бросился на мостик.

Анни лежала в кресле пилота, всё еще подключенная к управлению. У неё обильно шла кровь носом и из ушей. Едва приоткрыв глаза пилот виновато произнесла:

– Я была уверена, что выдержу... Ведь... много раз... так делала, когда летала... без пассажиров.

Обширные повреждения не угрожали жизни, но и не позволяли вести корабль, поэтому я осторожно перенёс Анни в лазарет и оставил на попечении автодоктора.

В кают-компании Фрэнк и Рэйчел ждали меня, чтобы узнать состояние пилота.

– Жить будет... – сухо произнёс я.

– Мы победили, – Фрэнк протянул мне руку, – Не в войне, а в маленькой битве, но победили.

Я пожал твёрдую ладонь, но не торопился отпустить:

– Фрэнк, я хочу сказать... извиниться...

– Да брось! Я знаю, что ты не хотел брать меня в команду.

Никто не хочет, – он подмигнул мне, и в его обычно пустых глазах блеснул огонёк.

– Я бы сам не успел проделать работу.

– Порой ради цели нужно заключать договор с дьяволом.

Так когда-то говорили. Оставляю вас.

Рэйчел притянула к себе моё лицо и улыбнулась:

– Теперь Гегемонии не существует – лишь миллионы разрозненных планет. Предстоит потрудиться, конечно, но шансы сильно выросли. Знаешь, что я думаю? – она наклонилась

ко мне так близко, что кончики наших носов коснулись, – Ты бы успел и сам, но перестал бы быть собой, сломался. Сократно бы сломался ради Союза, ради меня, ради всего, что считаешь важным, потому и согласился работать с Весельчаком.

Наверное, она была права, и я с трудом поднялся, мечтая поскорее накачать себя снотворным и забыться, пока яхта пронзает пространство, чтобы донести нашу команду к месту, где мы сделаем следующий шаг.

4.7 Несмываемая грязь

Коридоры базы внешней разведки опустели: часть персонала уже видела сны, а те, кто не спал, работали в авральном режиме сортируя приходящие данные. Я бродил вместе с Рэйчел без особой цели – лишь бы "нагулять" усталость, которая вытеснит тревожные мысли. Чутьё подсказывало, что не может быть так просто сбить с ног колосса, простоявшего тысячелетия на своих глиняных ногах, хотя разум не видел поводов для беспокойства, кроме двойной игры Большой Мамочки.

Днём прибыла группа учёных для установки оборудования, чтобы использовать возможности суперкомпьютеров Луны в анализе поступающей информации с "заброшенных" колоний. Я понял, что даже не могу осознать объёмы титанического труда, который предстоит Союзу для обеспечения стабильной связи, наладке экономических отношений и развития деградировавших миров. Тетерев пошутил, что работа для меня ещё долго не закончится, и придётся летать от системы к системе, выгребать грязь, ловить девиантов, раскрывать глупые и безнадёжно устаревшие схемы местечковых князьков, привыкших безнаказанно грабить даже тогда, когда уже не в силах ни на что потратить присвоенные ресурсы.

– Тебе очень не нравится твоя работа, – сказала Рэйчел,

взяв меня за руку, – Это видно с первого взгляда.

– Не сама работа, не её результаты, а те решения и действия, что для неё необходимы. Именно поэтому я имею право её выполнять.

– Пойдём в нашу квартирку?

– Иди... Мне ещё нужно...

– Хорошо, – я почувствовал в её голосе металлические нотки злости, но самоконтроль быстро взял вверх, – Не бойся меня разбудить.

Оставшись один, я с ужасом обнаружил, что мои личные отношения снова катятся под откос. Возможно, причиной стало выгорание, а может быть изначально возникшие эмоции подкреплялись адреналином приключений и чувством ответственности за спасённую из беды женщину, а теперь всё угасало, как любое пламя без постоянной подпитки. Наверняка повлияло всё вместе, да ещё и куча для меня неочевидных вещей. Стало даже немного обидно, и разум принялся искать способ вернуть, восстановить, развить до нового уровня мою неуклюжую любовь, которой постоянно мешала война. Вот только мысли всё время крутились вокруг работы, и голова никак не хотела думать о личном. Я махнул на это рукой и решил, что несколько недель пусть не полноценного счастья вдвоём, но рваных отношений, лучше, чем ничего.

– Жданов? – чей-то женский голос вызывал по локальной сети.

– Слушаю.

– Не узнал?!

– Простите, голова забита всяким...

– Мы с Айдаром и Петушем были на Секунде...

– Василиса?

– И мы справились не хуже вас, головорезов.

– Да уж...

– Мои парни надираются местным алкоголем, а я боюсь оставаться с ними наедине – видел бы ты какие взгляды они бросают на своего капитана! Приходи к нам – составишь компанию.

– Не люблю алкоголь...

– Слав, брось – тебе нужно, а больше мне. Я знаю, что в вашей команде был Фрэнки, а у нас вся мерзость... – Василиса на секунду замолчала, собираясь с силами, – ...На мне.

– Прости, не хочу оставлять Рэйчел.

– Бери с собой! Так даже лучше! Хотя как знаешь...

– Дай минуту.

Сложно оставаться безучастным, когда просят о помощи. Я набрал номер коммуникатора Рэй и услышал её бодрый голос.

– Что-то случилось, Славушка? – Рэйчел довольно часто в последнее время использовала приторные прозвища вместе с дурашливыми интонациями, и я не до конца понимал для чего ей это. Словно она пыталась своим сарказмом на что-то намекнуть мне или заглушить в самой себе.

– Угадай, кто был на Секунде? Василиса с командой. Она просит составить им компанию, хочешь?

– Групповая терапия? Не слишком я в ней разбираюсь, но пойдём. Нам нужно делать вместе хоть что-то, кроме миссий по спасению мира.

В большой обеденной комнате было сумрачно и пустынно, но троица издавала столько шума, что казалось там происходит массовое празднование.

– За Васю! – Айдар поднял очередной бокал с прозрачной жидкостью, его язык слегка заплетался.

– Завязывай уже с этим! – Смешная поморщилась и обратила внимание на наше появление, – В вашем полку при- было.

Рэйчел вопросительно посмотрела на атаманшу, и та пояснила:

– У нас тут клуб чествования хладнокровного убийцы в моём лице.

– Не думаю, что ты разбивала головы голыми руками, – Рэйчел села за столик и взяла пальцами кусочек мяса, – И при этом радовалась, словно ребёнок, дорвавшийся до любимой игрушки.

– Не разбивала, но...

– Вы настолько иные... Даже худшие из вас сильнее и лучше, чем...

– Чем кто? – спросила Смешная, и мои нервы натянулись тросами моста, раскинувшего крылья между материка-

ми. В этот миг я понял, что от ответа зависит моё маленькое, смешное, личное человеческое счастье. Выстоит мост или рухнет в океан, зависело от пары слов.

– Чем они, – Рэйчел грустно улыбнулась и повторила, – Чем они.

Ей было трудно это произнести, особенно потому, что она до этого мига сомневалась, а теперь, наконец, призналась себе. Больше всего для меня была важна честность этого признания. Теперь рядом со мной сидела не просто особенная женщина из другого мира, а любимая. Я не удержался и при всех обнял её, прижал к себе, расцеловал и понял, что больше никогда не смогу в ней сомневаться.

– Я смотрю на вас и пытаюсь разгадать секрет, – Смешная подняла бокал и сделала большой глоток, поморщилась, выдохнула и несколько слезинок вытекло из её глаз, – Вы что вообще пьёте?!

– Ре... ктификат... – Айдар даже стал заикаться.

– Понятно, почему так быстро головушки закружились...

Рэйчел легко опрокинула в себя алкоголь, не моргнув глазом и спросила:

– А ты уверена, что дело в каком-то секрете?

– Нет... – Смешная махнула рукой, притянула к себе Айдара и зарывшись носом в его макушку громко втянула воздух, – Мы вот тоже как-то умудрились найти время друг для друга посреди хаоса.

– Главное не потерять! – сказал Айдар, положив голову на

плечо Василисы, но она его стряхнула, развернулась лицом, обхватила ладонями щеки и громко поцеловала в нос.

– Ты ж мой подкаблучник! – шутливо сказала Смешная, но Айдар вовсе не обиделся, а наоборот заулыбался ещё шире, потому что видел в сильной атаманше уважение к себе.

– Можно я скажу? – мне в голову давно пришла одна мысль и периодически крутилась, обрастая новыми смыслами, – Мир гораздо проще, чем мы о нём думаем, но и достаточно сложен, чтобы нам было чем заняться.

– За это надо выпить! – молчаливый до этого Эджус решил поддержать смену темы на общие философские вопросы.

– Надо тебе влюбиться, наконец, – сказал Айдар, – Чтобы ты перестал быть занудой.

Строевым шагом в зал вошёл Тетерев. Все замолкли. В тишине он понимающе на нас посмотрел и сел на краешек стула.

– Ребята, вы не увлекайтесь – завтра тяжёлый день. Аналитики сейчас обрабатывают огромный поток данных. В системах Промзоны началось движение флотов. Фиксируются стычки на границах зон влияния разных монополий. У нас есть сообщения, что некоторые главы провели переговоры и объединяются, чтобы захватить власть и создать новое правительство.

– Мамочка как-нибудь себя проявила? – Рэйчел отставила бокал и вмиг посерьёзна.

– Мы смогли локализовать системы поддержания Чистилища благодаря тому, что её собственный флот целиком сконцентрировался в одном месте. Было несколько попыток штурма со стороны объединённых сил миров-верфей, но Мамочка отбила их все почти без потерь. А мы научились наблюдать на расстоянии с помощью разработок с Надонии.

– Каких разработок? – удивился я.

– Созданы небольшие корабли совместимые с омега-структурами. Они ныряют с особой точностью и практически не могут быть обнаружены, – капитан поднялся и только сейчас понял, что рассказал лишнего. Он бросил несколько быстрых взглядов на группу Смешной и виновато улыбнулся, – Простите, меня... Кажется вас только что повесили до автономной оперативной группы.

– Степан Игоревич, – раздельно произнесла Смешная, – Вы можете хоть минуту не работать? Секунду дать передохнуть нам?

– Так ведь война, – Тетерев пожал плечами и пошёл к выходу и, не оборачиваясь бросил через плечо, – Завтра в десять ноль-ноль будет брифинг.

Мы посидели ещё немного, но уже больше не пили, и разговора не получалось. Кажется, у всех в мыслях поселилась фраза капитана: "Так ведь война". Словно она подвела итог всем личным переживаниям и перевела нас на другой уровень, чтобы дать способность мыслить категориями целого народа. Хотелось списать всё на действие спирта, но я пол-

ночью протрезвел.

– Пойдём спать? – спросила Рэйчел.

Я взял её за руку и, не отпуская, повёл к нашей квартирке. Это была последняя ночь, которую ещё можно было назвать мирной.

4.8 Причины тревоги

– Миры-верфи в основном сейчас в руках объединившихся управляющих, но они не бессмертные и не выстоят против экономических санкций, – Тетерев листал изображения на проекторе с графиками, – У них всё очень плотно взаимосвязано и нет полностью независимых планет, способных долго существовать автономно. Совет решил не ждать, когда в этой грызне появится победитель, а заблокировать Промзону. Флота СЗиКа хватит чтобы отсечь их от кормовой базы одичалых систем. На наших же плечах остаётся точечная ликвидация глав корпораций и разведка.

Капитан замолчал, переводя дыхание.

– Мы могли бы захватить Арсер, – предложила Рэйчел, – Там сейчас никого из бессмертных.

– Арсер под контролем Мамочки, и мы туда не сунемся! – отрезал Тетерев, – А вот навестить господина Кимбри необходимо. Его технологии позволят массово создавать тела и сохранить всех омег Надонии после отключения установок Чистилища. Иначе мы провозимся ещё несколько месяцев.

– Кто полетит? – спросил я, уже зная ответ.

Тетерев молча отправил мне большой объём данных разведки.

– А мы тут будем сидеть? – с некоторым удивлением поинтересовалась Смешная.

– Нет... – по тому, как нервно капитан начал перебирать своими пальцами в воздухе, стало понятно, что Смешной предстоит нечто опаснее и сложнее, чем ликвидация правительства по-простому и чёткому плану, – Вам понадобится вспомнить опыт пиратства. В системах за пределами Промзоны очень много мелких группировок. Пусть у них не лучшие корабли, но количество огромно. Сейчас резко остановились карательные операции со стороны Гегемонии, и рейдеры будут наращивать силу, а она должна перейти на нашу сторону или хотя бы остаться в рамках разрозненных мелких групп.

– Нам предстоит стать каперами (пираты, разрешённые правительством, прим. авт.)? – с явным негодованием спросил Эджус.

– Да, – коротко ответил Тетерев.

– А где группа, работавшая на Терции? – задал я интересовавший меня вопрос.

– Погибли. Их преследовали корабли обороны, и они приняли решение использовать дырокол.

Мы помолчали, разглядывая фотографии троих незнакомых молодых людей, висящих в воздухе над столом. Древняя традиция отсекал мёртвых от живых чёрной рамкой продолжалась уже много веков, и каждый раз, видя лицо в траурном обрамлении, у меня внутри растекалось ощущение бессилия: неужели мы, заселив тысячи планет, научившись создавать карманные чёрные дыры, никогда не победим ни-

ценку-побирушку взимающую с нас самую дорогую дань?
Не научимся жить в мире друг с другом?

Совещание закончилось, но я остался наедине с капитаном чтобы спросить:

– Степан Игоревич, сегодня тут не было Фрэнка Хоупа. Он больше не в нашей группе?

– Он проходит реабилитацию после миссии. С ним работают психологи. Прежде, чем его снова выпустить в поле, нужно убедиться, что его личность устойчива. Это стандартная процедура для таких, как он.

Неторопливо шагая к выходу, я обернулся и на короткий миг увидел за столом ссутулившегося старика вместо опытного офицера и понял, что и сам давно хочу опустить плечи. Нет. Не хочу. Лишь часть меня. Презренная, слабая, ничёмная частичка, доставшаяся от животных предков. Внутренний враг. Опасное чудовище-паразит, которое может перечеркнуть все достижения и весь жизненный опыт, может убить человека не физически, но превратить в живого мертвеца.

– Мы заботимся даже о таких, как он, – произнёс я, перед дверью.

– Потому что даже таких можно сделать людьми. А ты бы без него справился? – Тетерев задал вопрос, не требующий ответа, поэтому я попрощался кивком головы и отправился к Рэйчел, чтобы провести вместе остаток дня.

В нашей квартире стояли сумерки. Несколько свечей – где

только Рэй их достала? – горели ровным пламенем в неподвижном воздухе. Пахло лавандой.

– Сегодня больше никакой работы, – нежный грудной голос прозвучал из-за спины, и я почувствовал её сильные руки, обнимающие меня, почувствовал её дыхание на своей шее. Тепло разливалось по всему телу, словно его окутывал первородный океан – нечто безусловно доброе, родное и любящее. Всё стало неважным, кроме ощущения могучей силы, бережно охватывающей сознание, словно мать ребёнка.

Я никогда не задумывался, что быть вместе с кем-то станет настоящей потребностью, словно дыхание или пища. Часы пролетели незаметно, и ближе к ночи каждая секунда рядом походила больше на жадный вдох тонущего. К любимому невозможно привыкнуть, невозможно насытиться его вниманием. И в то же время не было болезненной зависимости. Я мог отпустить Рэйчел, но не хотел, как и она.

Заиграла тихая мелодия. Панорамная панель ожила яркими красками и начала транслировать величественное изображение восхода звезды над планетоидом. Свет проходил сквозь туманность протопланетного диска и многократно преломлялся, порождая множество цветных пятен самых разных оттенков.

– Доброе утро, любимый, – словно удар током – Рейчел ещё никогда не говорила подобного, но произнесла это просто и обыденно.

– Доброе... – я всё ещё колебался, заставляя себя ответить на признание, когда она приложила палец к моим губам.

– Ничего не говори. Давай просто помолчим.

Через несколько минут включился коммуникатор, и голос Тетерева осторожно спросил:

– Я вам не помешал?

– Нет, – ответили мы хором.

– Рауль Кимбри прибыл в систему Омбра (ombre – тень, франц., прим. авт.). Его сопровождают двадцать боевых кораблей и три грузовика. Две планеты системы обитаемы и полностью терраформированны.

– Описание Омбры есть в документах. Что говорят аналитики? Зачем Рауль туда направился.

– Я без аналитиков отвечаю, – вмешалась Рэйчел, – Там его основные лаборатории и исследовательские центры. У Кимбри нет своего мощного флота, но его не тронут бессмертные пока нуждаются в сменных телах. Он хочет уничтожить все разработки последних лет, связанные с новыми носителями, которые могут поддерживать омега бесконечно долго, чтобы остаться нужным для всех.

– Аналитики выдали тот же прогноз.

– Есть план, как ему помешать? – мой мозг прояснился ото сна и мысли закрутились быстрее.

– Будете импровизировать... Плана нет. Близко подойти и перехватить хоть что-то полезное разведка не смогла.

– Хотя бы высадку проработали?

– Нет. Десантируетесь на поверхность и всё.

– Есть идея, – Рэйчел поднялась с постели, и с её тела соскользнула простыня, – Он захочет оставить для себя один прототип. Вернее, использует его для своей личности, а если узнает, что мы готовы ему предоставить защиту и технологии небιологических носителей, то пойдёт на контакт.

– Уже что-то. Собирайтесь. Вылет через час, – Тетерев отключился.

Рэйчел лукаво посмотрела на меня:

– Слышал? У нас ещё час времени.

– Мы вернёмся и продолжим, – ответил я.

– А я считаю, что нужно брать от настоящего всё, что можно.

Мне нечем было возразить, и за этот час я ещё несколько раз услышал слова, доводившие меня до состояния, которое приводило меня в трепет: "Не останавливайся, любимый!"

Анни уже заканчивала хлопотать над трассой, когда мы поднялись на борт. Девушку качественно залатали, усилив тело для нечеловеческих перегрузок. Я также заметил новые татуировки боевых имплантов.

– Здравствуйте! – раздался звонкий задорный голос из динамиков, – Почти всё готово!

Анни несколько мгновений смотрела на Рэйчел, а потом таинственно улыбнулась.

– Вы хорошая пара, – сказала девушка.

Рэй села в кресло и торжественно произнесла:

– Поехали!

Я рассмеялся, поняв, что она потратила кучу времени, чтобы узнать откуда взялась эта фраза.

Яхта поднялась без толчков или дрожи и поплыла в черноту тени, а я радовался словно подросток после первого поцелуя и совсем не хотел думать о предстоящей работе. Импланты услужливо откликнулись на требование о коррекции, и через секунду мысли стали холодны, а внимание собралось в комок. Мне осталась лишь крупица сожаления, что война заставляет отречься от самих себя, оставлять на потом радость и саму жизнь. Наконец, наступил полный покой, а через мгновение заложило уши, как всегда бывает при нырке.

– Всплываем через сорок минут, – объявила Анни, – В системе множество искажений гравитации и ловушек – нужно быть осторожными.

Мне показалось, что пилот обернулась и с какой-то тревогой взглянула на Рэйчел. Я пересмотрел этот отрезок памяти несколько раз, и внезапно решил загадку. Под тотальным контролем аугментаций восприятие эмоций больше похоже на наблюдение за выпадающими в осадок из перенасыщенного раствора кристаллами. Вот радость, вот это страх за близких, а это долг. Всё-таки я не превращался полностью в машину, а только начинал лучше понимать себя. Времени проверить догадку не было, и холодный разум решил отложить личное на потом.

– Линию нырка что-то деформирует... – Анни не повери-

ла своим глазам, когда заметила искривление не пространства времени, а фундаментальной основы физики нашего мира.

– Будем всплывать? – я бросился на помощь пилоту, подключившись дублёром к навигационной системе.

– Не знаю!

Нечто немислимое вывернуло наизнанку то, что мы считали уже изнанкой. Бортовые системы навигации молчали, а ИИ оказался бессилён предсказывать последствия манёвров. Внезапно мы всплыли.

– Привет, – знакомый голос Рауля с нотками злорадного веселья прозвучал в коммуникаторе, – Я не зря много лет вёл дела с Полом. Ты меня обманул, конечно. Очень здорово отыграл роль, а может и действительно такой же мудака, как и он. Да ещё куклу его с собой притащил. Bravo.

– У меня есть предложение – именно за этим я прилетел. Заметь, корабль не боевой, и со мной нет ударной группы.

– Мы поговорим, но на моих условиях. Ты же смертный, ведь у вас нет наших технологий. Только я не представляю, что вы сможете предложить, чтобы сохранить свою жизнь, но мне любопытно...

Связь прервалась. Яхту принудительно тащили к стыковочному полю гигантской станции, находящейся на собственной орбите вокруг звезды. Я выдохнул и посмотрел с тревогой на Рэй.

4.9 Эвакуация ценных кадров

С борта яхты мы с Рэй спустились самостоятельно, оставив Анни на борту. Нас никто не сопровождал, лишь несколько парящих дронов, держась чуть поодаль, указывали путь в лабиринте станции. Удивительно, но людей тут было не видно – только иногда мелькали паукообразные существа, быстро перебирая лапами, выполняя неведомую работу.

Кабинет, где расположился Рауль Кимбри не отличался размерами и был больше похож на рабочее место оператора некоего сложного производства. Хозяин на миг отвлёкся от мониторов, кивнул нам на кресла и снова погрузился в работу. Прошло довольно много времени прежде, чем он заговорил:

– Выкладывайте, зачем пришли.

– Вы в первую очередь учёный, как мне показалось, – от моих слов Рауль поморщился, дав понять, что любая форма лести его раздражает, как и попытки говорить намёками, – Гегемония разваливается. Союз по достоинству готов оценить ваш талант и предоставить ресурсы для продолжения работы. Ваше бессмертие останется на ваше усмотрение.

Кимбри рассмеялся. Он долго не мог успокоиться и несколько раз хлопнул ладонью по столу. Наконец владелец корпорации затих, вытер слёзы и спросил:

– Мне выдадут новые звёздные системы с миллиардами подопытных? Может у вас есть аналог Большой Мамочки для выполнения расчётов?

– У вас нет небιологических носителей, – тихо сказал я, – Разработки в этом направлении велись только в системах Уитмана и, надо сказать, велись безобразно, бессистемно, без особого успеха. Что будет с вами, если это тело даст сбой, когда отключится Чистилище? – мой палец указал Раулю в грудь – жест вульгарный и неэтичный, но весьма неплохо подействовавший.

– Я умру. Потеряю всё.

– И у вас нет флота, который бы мог защитить вас в условиях начавшейся войны. У вас нет собственных эффективных технологий производства оружия, еды, оборудования. Вы даже не сможете отремонтировать имеющееся без патентов. Сколько времени займёт разработка с нуля?

Кимбри задумался. Ему нечего было возразить. Куда-то подевалась вся спесь, и он в тот миг стал обычным человеком.

– Я могу отсидеться здесь несколько лет, – сделал он последнюю попытку, но я покачал головой.

– Внимание! – раздался громкий синтетический голос, – Замечен прорыв! Расчётное время захвата Омбры менее суток!

Я наклонился и тихо прошептал:

– Вы ведь и так отрезаны от ресурсов Большой Мамочки.

Кто вам поможет? Коллеги по бизнесу? Они уже сейчас разрывают вас на части...

– А с помощью "отсталых" технологий Союза я смогла вырастить себе вот это, – наконец вступила в разговор Рэйчел. Она протянула руку мгновенно покрывшуюся антрацитовой защитной плёнкой и оцетинившуюся острыми шипами, – Скажу больше: они за несколько дней улучшили проект так, что я до сих пор разбираюсь в тонкостях.

Кимбри принял ситуацию и обречённо кивнул:

– Я согласен на эвакуацию и рассмотрю ваше предложение, – и сразу же добавил, – У меня высочайшие требования к ресурсам для научных проектов.

От залпового огня оборонных систем по станции проходила дрожь, и в переходах стоял непрекращающийся гул. Рауль шёл торопливо, почти бежал.

– А ты остался предан себе, Рауль, – сказал Рэйчел, – Тут ведь нет ни одного человека? Ведь так?

– А ты остался таким же язвительным и несносным, Раджул, – Кимбри быстро взглянул на меня, чтобы оценить реакцию.

– Он знает... А ещё он знает, что я уже давно не Раджул. От прежнего во мне почти ничего не осталось, как и в тебе от молодого учёного, мечтающего сделать людей лучше.

– Поругаетесь после эвакуации! – я рявкнул на старых знакомых, дополнительно ускоряя бег. Гул усилился и стали слышны отдельные удары попаданий. Завыла сирена, со-

общающая нам, что часть обшивки повреждена и некоторые отсеки заблокированы.

– Сюда! – Рауль указал рукой на узкий вертикальный лаз со скобами для передвижения, – Сейчас гравитация отключится!

Едва я схватился за поручень, как пол поплыл под ногами, а инерция с огромной силой ударила моим телом о стену. Рэй ловко вцепилась в перекладину и подобно жуку побежала вверх, быстро перебирая руками и ногами. Конструкции затряслись, и стало ясно, что станция разваливается. Невзирая на боль и кровоточащую рану я принялся догонять, импланты впрыснули в кровь анестетики, а наниты-симбионты на ходу залатали рану, но слабость чувствовалась и вызывала опасения.

Из шахты мы вылетели в пространство ангара и едва успели зацепиться за выступы на балках. Яхта стояла одиноко посреди гигантской посадочной площадки. До неё оставалось совсем немного, когда в потолке ангара образовалась трещина и воздух со свистом и огромной скоростью устремился в космос, увлекая за собой незакреплённые предметы. Включилось аварийное удерживающее поле и шторм успокоился.

– Быстрее! – Рауль оттолкнулся от балки и поплыл вниз, – Генераторы повреждены!

Мы успели взойти на борт яхты за несколько секунд до того, как энергия отключилась и доки погрузились во тьму, быстро теряя атмосферу.

– Анни, мы на борту! Взлёт!

– Ныряйте! – истошно завопил Рауль, – Станция схлопнется!

Экстренный переход вызвал лёгкую тошноту. Мы всплыли на совсем небольшом расстоянии – рассчитать длинную траекторию в таком случае почти невозможно.

– Анни, какова численность нападавших? – спросил я, ковыляя на мостик, Рэйчел поддерживала меня, чтобы не упал.

– Двадцать ударных кораблей, один носитель, сотни штурмовиков...

– Видишь? – Рэйчел злобно ухмыльнулась, – Ты им живой не нужен. Очнулся бы в чистилище, а потом за месяцы пыток тебя распотрошили, вытащили все секретки. Стоило рвать жилы ради такого конца?

– Пока вы не начали тут гадить, всё было прекрасно!

Рэй растянула губы в хищном оскале:

– У меня было всё прекрасно... А потом Пол Уитман, никчёмный человечиска, превратил меня в куклу. Гегемония – это ад каннибалов. И ты это знаешь...

Меня усадили в ложемент медблока и запустили автоматическую программу восстановления. Перед тем, как отключиться, я успел скомандовать:

– Убираемся отсюда!

Боли не было. Чьё-то негромкое дыхание рядом. Я повернулся и увидел дремавшую Рей. Она сразу же проснулась и

подскочила.

– Со мной всё хорошо! – уверил я, сверившись с показаниями имплантов.

– Мы в заднице, – в голосе не было ни сарказма, ни иронии, – Напавшие на Омбру разделились, и небольшая группа смогла отследить серию наших нырков.

– Где мы?

– Я только что сказала! Не знаю, что за планета. Мы приземлились и сидим тихонько в надежде, что не найдут. Орбиту патрулирует всего два корабля, и вряд ли прибудут ещё, но незаметно уйти не удастся.

– А почему они не стянут силы для быстрого поиска?

– Слав, это частная военная компания – жадные головорезы. Их набирают из психопатов и маньяков. Делиться добычей не в их привычках.

– СЗиК может заплатить им.

Рэй покачала головой:

– Нет. Они сразу поймут, что такое ваш Союз. С ними нельзя договориться. Это не ваш ручной Фрэнки...

Нужно было думать и очень быстро. Я инициировал аугментации и впервые в жизни использовал их в личных целях: сканировал Рэй, чтобы убедиться в своей догадке. Её защита отработала мгновенно, сделав невозможным хоть что-то увидеть.

– Внутри меня нет выхода из ситуации! – резкой скороговоркой оборвала мои попытки Рэйчел.

– Теперь я уверен, что именно ты скрываешь, Рэй.

– А по вашей статистике ты догадался быстрее, чем большинство мужчин Союза, – её лицо сделалось мягким и добрым, – Я ведь уже говорила, что настоящая женщина, а не извращенец? Давай уже вытаскивай нас из этой задницы! И не вздумай со мной нянчиться из-за ребёнка!

Импланты психокоррекции включились и погасили эмоции, война опять подло воровала мою радость. Поиск небольшого судна, не желающего найтись, на планете может занять несколько месяцев, а может и вовсе окончиться неудачно. Только у нас не было времени отсиживаться.

На мостике Рауль с недовольным видом разбирал свои документы, сортировал какие-то данные с помощью бортового ИИ. Анни сидела в кресле пилота, опустив голову на руки, и о чём-то задумалась.

– Выберемся, – обнадеживающе сказал я, – Планета обитаема?

– Да, – ответила Кэдберри, – Уровень цивилизации – позднее средневековье.

– Степень агрессивности?

– Средний, перманентно ведутся междоусобные войны, но ничего глобального. Предпочитают экономические интервенции и удары исподтишка. Уитман любил путешествовать, и во мне сохранилось много информации по одичалым мирам, да и доступ к базам данных Большой Мамочки у пилотов моего класса есть.

– Есть идея. Долбить с орбиты по площадям штурмовые корабли не умеют. Рэй уверена, что подмогу не вызовут, а значит можно устроить им бой на поверхности. Вопрос только в том, как лучше заманить наёмников в ловушку. Думаем.

Я бесцеремонно отключил Рауля от вычислительных мощностей, поймав на себе обескураженный взгляд бывшего владельца сотен обитаемых планет, и принялся изучать местность. Обычная работа. Во время Пиратской уже приходилось заниматься подобным, и я выжил, а значит шансы на успех велики.

4.10 На тёмной стороне

Информация о планете, добытая из недр памяти Анни, оказалась весьма ценной. Самый крупный город на континенте располагался не у морского побережья, а в центре – в зоне первой высадки и стоял на руинах колонии. Можно было с уверенностью сказать, что силовые установки сохранились и дают достаточно тепла для выращивания фруктов в открытом грунте. Именно на продаже сельскохозяйственной продукции держалась экономика столицы – Апфельпланта (яблоневый сад, нем., прим. авт.).

До неё было около дня пути для простого человека, но моя команда состояла из укомплектованных имплантами, и мы успели за пару часов.

Выбравшись на высокий холм, я увидел каменные стены и расходящееся лучами множество дорог. Рауль даже не вспотел от бега и держался молодцом, хотя никак не мог привыкнуть подчиняться моим командам. Рэй и Анни всю дорогу обсуждали программы СЗиКа по развитию отсталых планет, а теперь с любопытством рассматривали караваны, чтобы собрать сведения о товарах.

– У нас нет времени вести тут исследования, – сказал я, глядя на высокие башни-крепости, расположенные по периметру центральной части столицы, выполняющие роль таможен, – Выставляем телеметрию, находим проход к машинам,

запускаем поисковые маяки и ждём гостей.

– Аборигены пострадают... – недовольно проворчала Рэйчел, – Мы не сможем их всех защитить.

– Там, – я указал пальцем на холмы, поросшие садами, и повторил суть плана, – Есть две исправные зенитные установки. Собьём корабли наёмников, а потом зачистим места крушения. Этого головорезы точно не ожидают.

– Они живучие...

– Рэй, критикуешь – предлагай.

– Твой план – лучший.

Мы дождались темноты, чтобы незаметно подобраться к храму, который потомки возвели над входом в модули первых колонистов. Охрана, лениво бродившая туда-сюда с факелами, казалось, не заметила бы даже посадки тяжёлого посетителя. Некоторые и вовсе спали на посту. Захватить Апфельплант мог любой военачальник, но пока город успешно торговал сюда никто не совался, да и удерживать эту открытую со всех сторон территорию без вымуштрованной и хорошо вооружённой армии вряд ли бы кому-нибудь удалось.

Я невольно залюбовался, как Рэй двигалась в тених в плотно облегающем комбинезоне. Она ловко взобралась на ровную стену и замерла, словно насекомое, выбирая момент, чтобы спрыгнуть за спиной охранника. Я прошёл этот отрезок без акробатики, просто прячась от взглядов, считывая их направление с помощью нанитов. Анни и Рауль следовали за мной след в след.

Оказавшись в катакомбах, мы смогли перейти на бег и быстро оказались в машинном зале. Древние агрегаты ещё жили, словно исполины ушедшей эпохи, перемигивались огоньками и тихо гудели.

– Выход к управлению зенитными комплексами дальше по коридору, – Рэй указала на тёмный проём.

– Кто займёт места стрелков? – спросил я.

– Ты тут главный, – негромко пробурчал Рауль.

– Анни хороший пилот, Рауль плохой воин, – кратко рассудила Рэйчел, – А мы вдвоём справимся снаружи, когда охотники окажутся на земле.

Мне очень не хотелось, чтобы Рэй участвовала в зачистке, но в её словах был здравый смысл, да и приказывать этой женщине не было никакого смысла.

– Повторим план действий: активируем маяки, сбиваем корабли, зачищаем местность от наёмников, убираемся отсюда, – я внимательно посмотрел в лица команды и добавил, – Анни и Рауль выходят наружу по сигналу.

Все согласно кивнули и разделились на пары. Разобраться в управлении аварийно-спасательной аппаратуры не составило труда. Мы активировали поочерёдно три установки и стали ждать. Снаружи уже должен был начаться рассвет.

– Вячеслав, фиксируем сход штурмовиков с орбиты, – доложила Анни, – Готовьтесь.

Трёхмерная карта небесной сферы с окружающим Апфельплант ландшафтом транслировалась непосредственно в

мозг. Я видел, как агрессивно перестроились корабли и ринулись на сигнал, словно коршуны рухнули вниз, готовясь к удару. Атмосфера застонала, разрываемая двигателями. Наружные камеры показали, как жители города бросились врассыпную, а работники на фермах задирали головы бросая вверх взгляды полные обречённости. Небесная кара, игры богов или демонов, а возможно всё сразу – предел понимания потомков тех, кто преодолел чудовищное расстояние в космосе и преобразовал планету.

– Начинаем работать, – Анни передавала в реальном времени картинку с локаторов.

Два холма вздыбились, нанесённая за годы почва разметалась, и обнажились приводы зенитных установок. Механика быстро повернула стволы в небо, где едва различимые точки штурмовиков начали расти, приобретая очертания железных птиц. Рассчитанные на бои вблизи планет и в атмосфере, машины обладали убийственно красивой обтекаемой формой с прижатыми к фюзеляжу крыльями. Пилоты не заметили наведённых орудий и уверенные, что легко заполучат добычу продолжили заходить для удара.

Земля вздрогнула от нескольких залпов подряд. Анни и Раулю удалось в ключья разнести один штурмовик и подбить второй. Я отследил место падения обломков и сжал руку Рей:

– Пойдём.

– Половина дела сделана! – на её лице не было напряжения, лишь спокойная сосредоточенность.

Снаружи священники и охрана беспорядочно метались по храмовым постройкам и голосили молитвы. Они не заметили, как мы выбрались под яркое солнце и побежали в сторону двух чёрных столбов дыма в нескольких километрах от крепости за узкой речкой.

– Анни вызывай нашу яхту. Садитесь на борт и ждите указаний, – скомандовал я.

– Удачи командир! – ответил чистый голос слишком неподходящий для того, кто так ловко управлялся с военной техникой.

Экипаж первого штурмовика не мог выжить во время взрыва, поэтому мы не стали тратить время и сразу направились к тем, кто совершил пусть и аварийную, но частично управляемую посадку. Лес изрядно пропахало – осталась горящая борозда, вывернутые с корнем деревья и жуткий запах реактивного топлива.

Когда мы подобралась к обломкам пожар уже затих. Сквозь шум листвы доносились монотонные удары металла о металл. Рэй вскарабкалась на дерево и застыла, успев подать знак рукой, чтобы я не выпускал нанитов. За кустами тлели обломки, среди которых разбросало части кабины и пассажирско-грузового отсека. Человек в чёрной броне методично бил по спинной пластине погибшего соратника, чтобы извлечь элемент питания из деформированного гнезда. Не погибшего. Раненого. Несчастный вопил и с ненавистью вращал глазами за прозрачной лицевой пластиной зву-

конепроницаемого шлема. Мародёр поднял своё забрало, и стала видна глумливая ухмылка. Он сильным ударом разбил шлем лежащего на земле, чтобы насладиться криком и даже прикрыл глаза от удовольствия. Появился хороший момент для атаки, но я медлил, потому что не знал, сколько ещё было выживших.

– Вижу троих. Всего в команде должно быть шестеро, – доложила Рэй по радио, – Готова к удару.

– Жди. Нужно выяснить, где ещё двое.

– Сами вылезут или уже подошли.

По спине проползла волна мурашек. Импланты хоть и гасили эмоции, но не справлялись с их силой. Время замедлилось. Я пытался предугадать, как лучше поступить: закричать и привлечь внимание к себе или работать совместно с Рэй? А она уже падала на противника, превратив свои руки в чёрные лезвия. Раздался хруст, когда острия вонзились в сочленения пластин, и я увидел, как фонтанчики крови брызжут в разные стороны. Наёмник не успел даже понять, что произошло, но двое других выскочили на пепелище из-за обломков и приготовились к стрельбе. Одного снял я, пока Рэй, всё ещё находясь в воздухе, выхватила лёгкую винтовку и открыла огонь. Тела почти синхронно упали в пепел.

– Движения нет. Вроде чисто, – Рей передавала данные без слов для экономии времени.

Её руки всё ещё оставались покрыты шипами от локтей до кистей, когда внезапно левая дёрнулась, отделилась от тела

и полетела в одну сторону, а женщина в противоположную. Наниты нашли ещё двоих наёмников, спрятавшихся среди ветвей и выцеливающих нас.

– Не останавливайся, любимый, – Рэйчел записала эту фразу и сейчас транслировала мне, а параллельно посылала данные о своём состоянии, уверяла меня, что с ней будет всё в порядке, что рана не опасна, и тело справится с нагрузкой.

Я испытал весь спектр негативных эмоций, и ускоренный до максимума мозг переживал их, словно одинокая хижина на берегу удар цунами, пока оружие в моих руках медленно поворачивалось на солдат. Когда два трупа прошитые множеством пуль упали на землю, а я уже подхватил Рэй и зажал культю.

– Слав, со мной всё нормально, – неповреждённая рука нежно гладила меня по нагруднику, – Пожалуйста!

Рэйчел выскользнула из рук и твёрдо стояла на ногах. Совершенно ясно, о чём она просила меня: оставить себя чистым от ненависти, и благодаря ей, войне снова не удалось сделать меня полуразумным животным.

– Анни, забирай нас! – спокойно приказал я, а через несколько секунд яхта зависла над побоищем.

– Здорово досталось, – Рауль помогал Рэй остановить кровь и наложить восстанавливающий гель, – Ничего! Раз у них, как ты говоришь, техника на высоте, то сделают тебе новое тело.

Кимбри ловко использовал хирургические инструменты

и был полностью погружён в работу.

– Выращу новую – это тело слишком важное, чтобы его менять, – Рэйчел повернула голову, чтобы увидеть моё лицо за стеклом операционной и подмигнула.

4.11 Ни богов, ни инопланетян

Рауль Кимбри угрюмо молчал, но разговорить его было необходимо.

– Вы использовали технологию, которая блокировала нырок, господин Кимбри, – продолжал насесть я, – Мне придётся отразить это в отчёте. Поймите, вас вынудят отвечать на эти вопросы.

– Технология утеряна. Я сам точно не знаю, как работала установка, – наконец учёный снизошёл до ответа, – Я выкрал её много лет назад и использовал впервые.

– Чья это разработка?

– Не знаю точно, но добыта мной на Арсере. Есть какие-то трудности с её настройкой, и случаи применения мне не известны.

– Выдайте, пожалуйста, все материалы, как прибудем на базу.

– У меня почти ничего нет... Что будет со мной?

– Отправитесь на Надонию – я о ней рассказывал.

Кимбри устало вздохнул, сцепил пальцы рук и опустил на эту конструкцию голову. Казалось, что он превратился в истукана и может так просидеть до окончания времён.

– Выходим на траекторию для стыковки, – пилот постоянно делала объявления даже о мелких событиях, словно управляла пассажирским кораблём полным космофобов.

– А если я не захочу работать на той планете? Если я захочу свой исследовательский центр? – Кимбри всё ещё не полностью осознал принципы Союза и задавал наивные вопросы.

– Если вы без помощи, а самостоятельно сможете построить такой комплекс, то он будет ваш, но если хотите, чтобы мы предоставили вам бесправных рабов и ресурсы, то этого не будет. Вы сможете поселиться на любой планете, преподавать, например, или заведёте огород... У нас невозможна эксплуатация человека, а на корпоративных планетах под протекторатом Союза хватит желающих эксплуатировать вас, – мой голос стал мягким, а интонации доверительными, хоть импланты и не использовались, – Рауль, попробуйте поработать в команде, а потом уже решайте.

– Вы хотите сказать, что без других людей я не смогу быть учёным? – крылья носа Рауля затрепетали от гнева.

– Да. Вы всегда были учёным только благодаря другим людям.

Стыковка прошла незаметно. Касание захватов корпусом совершенно не ощутилось, но сразу же после, когда корабль потащило к месту парковки с помощью механизмов базы, появилось заметное ускорение и толчки.

– Слав, – Рэй заглянула в кают-компанию, – Пойдём сдавать наш ценнейший груз?

– Я сам, – устало сказал Рауль, – А ты уже давно не Раджул, ведь так?

– Конечно. Да и ты уже давно не мальчишка, сбегавший из дома. И скоро перестанешь быть владельцем планет не только по бумагам.

Кимбри рассмеялся, и мне показалось, что я впервые увидел у него настоящие эмоции.

– Рэйчел Роузен, – раздельно пробуя на вкус звуки произнес Рауль, – У меня никогда ничего не было: в любой момент Мамочка или Директорат могли перераспределить ресурсы ради личной выгоды.

– Кажется, ты начал что-то понимать.

В доке у трапа яхты стояла Гуша Сетара. Она предельно тактично попросила Рауля следовать за ней, чтобы познакомить с командой, которая доставит его на Надонию, а остальных удостоила лишь секундного взгляда, да взмаха механической руки. Я несколько растерялся, когда наша троица осталась одна, и некоторое время ждал, что объявится Тетерев или кто-то ещё.

– В этот раз решили, что мы уже взрослые и сами справимся, – Рэй всё ещё была слишком слаба, а перебинтованное плечо, где больше не было руки, придавало гротескно болезненный вид, и движения стали менее ловкими, дёрганными из-за дисбаланса.

– У нас ведь раненый на борту... – Анни разглядывала пустой док в недоумении, – Беременная...

– Мне можно ещё пару конечностей оторвать без особого вреда качеству жизни, – Рей захихикала совсем по-девчачи.

чьи, – У вас ведь медстраховки нет!

Я сам вызвал медтранспорт по радиосвязи и через несколько секунд из ниши в стене появилась самоходная капсула. Рей попыталась отшутиться, что может и сама себя вылечить с помощью куска проволоки, но всё же согласилась и умчалась с мигалками в лазарет.

– Тебе отдохнуть до завтра, – приказал я пилоту и отправился на поиски Тетерева – его коммуникатор молчал.

В офицерской администрации мне сказали, что капитан сейчас в центре подготовки. Пришлось заглянуть и туда. Степан Игоревич прохаживался перед строем новых курсантов и громким поставленным голосом вещал:

... – Осталось совсем немного для прямого противостояния! Вы должны понимать, что всегда будете оказываться на самом краю, в самых горячих точках. А порой придётся выполнять кровавую работу, которая покажется скучной и незначительной, но это только кажется. Поверьте мне, в нашей работе не бывает мелочей, – Капитан заметил меня и изменил темп речи, – Хотелось бы, чтобы ни один из вас не был ранен или убит, и я вывернусь наизнанку, чтобы вас обучили не только выполнять сложнейшие миссии, но и выживать. И ради этого выверну наизнанку вас самих. Удачи вам!

Курсанты ответили дружным хором, словно единый организм с сотней ртов. Многие уже получили опыт в колониях, но я разглядел среди них несколько совсем юных лиц, а в их личных делах находилась лишь информация об окончании

университетов.

– Жданов, рад что вы вернулись. Все целы? – Тетерев обнял меня за плечи и довольно сильно сжал пальцами.

– Рэй оторвало руку по самое плечо. Рауль Кимбри доставлен целым.

– Так она же практически готовая омега. Стоит ли беспокоиться? Получит новое тело в любой момент.

Я подумал, что пока не стоит рассказывать все обстоятельства без согласия самой Рэйчел и ответил общей фразой:

– Ей приходилось менять тела слишком часто, и, может быть, она захочет отремонтировать это. Вы отчёт получили?

– Да, но ещё не изучил. Разведка доложила, что Смешная тоже преуспела и сейчас уже контролирует крупную группировку рейдеров. Если всё и дальше пойдёт по плану, то СЗиК начнёт поставлять ей оружие и корабли серийных образцов. Колёса закрутились на полную.

– Что наш флот?

Капитан предложил жестом пройтись и на ходу продолжил:

– Флот формирует ударные группы, чтобы заблокировать Промзону. Это дело техники. Ты же знаешь, что подготовка займёт несколько месяцев. Большинство наших планет перешли на военное положение, и рабочие трудятся в полную силу. Пока среди населения преобладает понимание ситуации и поддержка наших действий. Даже планеты, сохранившие корпоративное правительство, ускоренно сращива-

ют свою экономику с ядром Союза и идут на беспрецедентные уступки.

Мы вошли в дендрарий, повторяющий тропический лес со множеством бабочек, мелких позвоночных и пьянящим запахом цветов. На удобных скамейках в тени деревьев-исполинов сидели курсанты и вели беседы. При виде нас они подскакивали и отдавали честь, а Тетерев добродушно махал им рукой изредка с усмешкой говоря: "Вольно!"

– Мир меняется. Мы открыли для себя факт дикой экспансии к центру галактики, открыли омега и узнали о существовании Гегемонии с её бессмертными. Всего-то несколько месяцев назад я считал, что есть только СЗиК, а дальше могут встречаться только одичалые миры первых волн колонизации. Теперь вот галактические войны ведём...

– А я был уверен, что встречу братьев по разуму...

Тетерев расхохотался так громко, что у меня засвербело в ушах. Он отсмеялся, вытер слёзы и с силой хлопнул меня по плечу:

– А мне сказали, что ты получил материалы по исследованию феномена одиночества...

– Там говорилось о низкой вероятности распространения разума...

– Там говорить о вероятности, стремящейся к нулю, даже практически нулевой... Слав, чем глубже мы изучаем этот вопрос, тем меньше эта вероятность. Мы одни, и ждать помощи неоткуда. Ни богов, ни инопланетян. Мы отвечаем

за всё, а вместо этого воюем, истощаем целые планеты и выбрасываем их словно фантик от конфеты. Понимаешь?

Я оторопел от неожиданного осознания. Оно уже давно вертелось волчком в голове, а теперь выплыло из бездны на поверхность и расползлось по всем мыслям. "Никто кроме нас!" – древний девиз космодесанта внезапно стал самым подходящим для всего человечества.

– Понимаю, но пока ещё не могу поверить, что больше нет никого.

– Верь во что хочешь, только это не имеет значения: жить нужно так, словно это всё уже доказано. Иначе мы проиграем своим порокам.

Тетерев несколько раз вздохнул и уже хотел оставить меня одного, но я спросил:

– Какое будет следующее задание?

– Пока ждём. Нужно собрать информацию и максимально снизить любые потери. Ты же слышал, что я обещал новичкам. Побудь с Рэйчел.

Я смотрел на удаляющуюся спину Степана Игоревича и думал о том, что он очень похож на Роберта Майна. Если такие офицеры стали нормой, значит наше общество выздоравливает и имеет право отвечать за всё.

4.12 Ограничение свободы

– Фиксирую всплытие Тирана! Запрос на отключение защиты подтверждён, – диспетчер службы синхронизации полётов ровным голосом объявлял этапы приёма высокопоставленного лица без единого намёка на волнение или трепет перед главнокомандующим СЗиКа.

Крупные изображения быстро сменялись на голографической проекции, но скорее для наблюдателей, чем для работников – они даже не открывали глаз, принимая данные сразу на импланты.

– Жданов, веди звено сопровождения, – приказал Тетевев.

Я развернул несколько десятков беспилотных кораблей и задал маршрут следования. Тиран проявился полностью и ощетинился орудиями. Гигантский космический крейсер неторопливо разворачивался для сближения с планетоидом, а вокруг формировались рои из истребителей, дронов, штурмовиков.

– Что ж вы так суетитесь? – Герман Штайн улыбался на камеру, – Тирана перестроили в настоящую матку. Справлюсь сам.

Президент рассмеялся и подмигнул беспилотнику, который снимал его круглые сутки.

– Перехожу на орбиту и готов к высадке, – сказал он вмиг

посерьёзнев.

– Слав, что ему нужно? – спросил немного растерянно Терев.

– А мне откуда знать? Инспектирует и проверяет боеготовность.

Крохотный по сравнению с Тираном челнок отделился и поплыл к посадочному узлу. Я смог передать управление автоматике и расслабиться – раз Герман улыбался и шутил, значит дела шли хорошо.

Для приветствия президента Союза я и Степан Игоревич спустились на уровень причалов. Штайн не любил ни показных построений, ни отвлекать от работы людей.

– Приветствую вас! – Герман пожал нам руки, спустившись с трапа, – Уверен, что мне тут личная охрана без надобности.

– Сразу к делу? – предложил я.

– Не возражаю, – Штайн одёрнул строгий китель без знаков отличий, – Судя по докладам обстановка на фронте складывается крайне удачно: реальные проблемы ожидаются лишь от разрозненных банд, но этим занимается наши "каперы" Василиса Смешная и другие. Мамочка свернула свою деятельность и сгруппировалась вокруг Чистилища. Крупные игроки обладающие флотом уже определены и заблокированы в своих системах. Осталась рутина. Но! – президент поднял палец вверх, – Бессмертные вряд ли сдадутся, а значит диверсионные группы ещё нужны. Аналитики выдвинули ги-

потезу, что верхушка Гегемонии будет цепляться за каждую планетку, скапливать ресурсы и наносить внезапные удары. Мы не можем себе этого позволить.

Мы вышли из стыковочного узла и направились по сети транспортных лифтов в парковую зону. Штайн так уверенно двигался, что его знание о базе внешней разведки стало для меня очевидным.

– Я не хочу, чтобы ещё сотню – другую лет граждане Союза подвергались нападениям, – президент подошёл к раскидистому буку и приложил высокий лоб к коре, – Я чудовищно устал... Слав, мне кажется, что ты специально устроил побег Рэйчел, чтобы испортить себе репутацию и вылететь из кандидатов. Ведь так?

Я сел на траву и подставил лицо тёплому свету. Вокруг, нарезая круги, шелестел турбинами дрон-видеорегистратор. Далеко не всем выпадает хоть раз в жизни задать вопрос напрямую главе государства, тем более в такой неформальной обстановке, но у меня не было что спросить.

– Вячеслав? – Штайн махнул перед моим лицом рукой, – Ты заснул?

– Нет, Герман Георгиевич, я только лишь задумался.

– О чём?

– Вам не кажется, что у нас всё слишком легко получается?

Президент подвинул крупный камень и присел рядом, потом, подумав, снял китель и небрежно бросил к выступаю-

щим над землёй корням и лёг сверху.

– Ты думаешь, что Союз легко отделался? Так вот послушай... Потери в столкновениях с разрозненными группировками – остатками флота Гегемонии, рейдерами, кораблями миров вроде Даймода – составили уже более миллиона человек с нашей стороны, военных и гражданских. Вдумайся! Война идёт меньше месяца, а мы потеряли миллион жизней!

– В пиратской счёт шёл на миллиарды убитых... – возразил я.

– Ты считаешь потери допустимыми? Война в принципе не допустимое явление... Все одичалые миры сорвались с цепей, и там сейчас самая натуральная мясорубка. Частные военные компании Гегемонии сдерживали и направляли агрессию отсталых колоний, они там тренировались на живых мишенях. Нет, Слава, нам досталась кровотокающая деградирующая цивилизация. Планеты анклавов рейдеров по сравнению с нашей "проблемной" Викторией – это клетки с маньяками по сравнению с детским садом.

– Я имел ввиду, что слишком легко удалось лишить Гегемонию управления.

– Ей никто и не управлял. Правила – это да. Ты помнишь, как в начале Пиратской мы низложили Пряникова? За один час всё поменялось. А потом? Помнишь, выбили для флота право на собственное производство продуктов, оружия, кораблей и вообще всего?

– Флот перестал зависеть от корпораций и смог построить собственные государственные институты, – я понял о чём хочет сказать Герман, но решил позволить ему насладиться ролью учителя.

– Мы не зависели от корпов! Мы нуждались в рабочих руках, оборудовании и научных центрах, которые они незаслуженно присвоили. Флот и государство в целом всегда зависели от людей труда, и только. А теперь я отдаю долг этим людям – делаю всё возможное, чтобы никогда не вернуться к власти те, кто сожжёт человечество ради того, чтобы погреть себе руки.

– Достойная речь, товарищ президент, – над нами стояла Рэйчел и хитро улыбалась, – Ваш народ оценит.

– Речь без поступков ничего не значит, Рэйчел Роузен.

Герман привстал, подвинулся и предложил ей сесть на китель, на что женщина с благодарностью согласилась.

– Я прибыл сюда, – очень серьёзно заговорил Штайн, – Чтобы перевезти Рэйчел на Надонию для отбывания наказания. Это жест, который требуют обстоятельства.

– Я арестована?

– Юридически да... Там сейчас много работы, много интересных людей, и тебе понравится... Но не подавай виду – это всё же наказание, – Герман по-отечески улыбнулся.

– Пойду собираться, – Рэй прыжком ловко поднялась на ноги, отсалютовала нам и двигаясь упругой походкой, размахивая новой механической рукой, растворилась среди зе-

лени.

– А что со мной? – спросил я.

– Отправишься один к Мамочке. Пусть выполняет свои обязательства и отключает поле омега-структур. Мы уже разработали прототипы носителей для них на основе ловушек, – Герман задумался, а потом спросил, – А может быть ты сможешь уговорить её передать нам технологии? Нет не для того, чтобы по всей обитаемой галактике поддерживать омега, но хотя бы на нескольких планетах, локально. Надония прекрасный образец заповедника, и я бы не хотел терять его.

– А помните, как относились ко всему этому в самом начале истории?

– Помню, конечно! Боялся, как ребёнок, неизвестного. Теперь понимаю, что ошибался. Существует слишком много опасных факторов, а наша цивилизация хрупка.

Штайн сорвал травинку и прикусил зубами. Он перестал быть правителем на несколько минут и наслаждался коротким отдыхом. Дрон жужжал, продолжая непрерывную съёмку, передавая людям каждый миг жизни того, кто был символом титана, взвалившего на себя ответственность за каждого. Я надеялся, что большинство граждан Союза понимало мифическую природу и не отождествляло Германа Штайна с этим образом, но в минуту усталости могли положиться на него и Советы.

– Мне пора, – президент отряхнул с костюма приставшие листья и протянул мне руку, – Наверное скоро мы избавимся

от мифов, символов и ритуалов – сможем, например, договариваться о важном просто передавая информацию, а не летать лично из конца в конец обитаемой зоны. Как думаешь?

Не сразу я нашёл, что ответить – раньше не задумывался об этом. Пауза затягивалась, а в глазах Германа появилось нетерпение и нотки разочарования.

– А может быть люди наконец успокоятся, прекратят торопиться и решать вопросы лично даже в разных галактиках станет обычным делом? – наконец, я понял свою позицию и нашёл нужные слова, – Ведь мы всё ещё живые, нам важно видеть собеседника.

Президент протянул мне руку и крепко сжал мою. На его лице появилась радость.

– Вячеслав, я хочу восстановить тебя в кандидаты. Советы могут давать рекомендации, каждый со своей точки зрения, но ты сможешь их координировать, направлять.

– Не стоит. Моё руководство может превратить Союз в тихое и уютное болото – я слишком устал от своей работы.

– Знал бы ты, как устал я... – Штайн широко улыбнулся и отпустил мою руку, а потом, сопровождаемый тихим жужжанием удалился осторожно ступая так, чтобы не помять цветы.

Рейчел одела бежевое вечернее платье и выглядела гротескно с механическим протезом без покрытия искусственной кожей, но ей всё это доставляло видимое удовольствие. Рядом с ней Гуша была похожа на сестру-близняшку, но на-

много сильнее увлѣкшуюся заменой частей тела на киберимпланты. Герман проводил очередной референдум, на этот раз о продлении рабочего дня до пяти часов.

– Товарищи, я вижу, что вы откликнулись на нужды военного времени, но считаю чрезмерным работать по шесть и более часов. Наш отдел аналитики показывает, что мы полностью перекрываем потери военной техники и оборудования. Излишки будет просто некуда девать.

Рэй обняла меня и крепко поцеловала, взъерошила волосы и грустно улыбнулась:

– Слав, я буду ждать тебя... Мы будем ждать тебя. Будь осторожен!

В этот момент бывшая рабыня, террористка и воин была обычной женщиной. Я чувствовал тепло её дыхания на щеке и вместо тревоги чувствовал простую обывательскую радость. Через несколько минут, когда она поднялась за Штайном в челнок, с помощью имплантов я смахнул эмоции и приготовился к работе.

4.13 Исповедь полубога

Чёрная гладь космоса притягивала взгляд. Хотелось рассмотреть среди мельтешащих фосфенов (яркие точки на изображении, передающемся в мозг от глаз, когда света недостаточно, прим. авт.) нечто, что скрывала тьма. Она казалась тёплой и влекла внутрь себя, в непознанное, вызывая в голове ощущение подобное щекотке в животе от волнения. Массивная звезда, буйным нравом разметавшая свои планеты, кроме одной, светила красивым цветом, едва отдававшим синевой. Единственная планета – обугленный тёмный шарик – вращалась в кольце орбитальных установок. Рой крупных кораблей висел на орбите вокруг звезды.

Моё появление не вызвало никакой реакции. Осторожно затормозив яхту, я включил передатчик:

– Жданов вызывает Чистилище.

Тишина. Глубокая, словно в бездонной впадине на морском дне, лишь редкие потрескивания помех от звезды.

– Жданов вызывает Большую Мамочку, – я инстинктивно заговорил громче и услышал ответ.

– Разрешаю высадку, Вячеслав, – голос спокойный и чистый, заполняющий разум. Мне даже показалось, что звук шёл не из динамика, а формировался прямо в голове. Ещё не зная, куда двигаться, я заметил входящие незашифрованные данные с подробной картой. Поверхность планеты, из-

резанная каналами, в которых ютились модули гигантской машины, нырнула под корпус. Курс в виде пологой спирали утыкался в подсвеченную навигационной системой равнину, расположенную в низине между полустёртыми останками гор.

Шасси коснулось тверди с глухим звуком, прокатившимся по всему кораблю. Бортовой ИИ показывал отсутствие пригодной для дыхания атмосферы и требовал надеть скафандр. В шлюзе меня ждала новейшая разработка в виде лёгкого и полностью герметичного экзоскелета, в который не нужно было входить. Переодевшись, я открыл люк и увидел чёрные, плывущие низко, облака, разрываемые вершинами пологих гор. С неба сыпался угольный снег из окислов. Мир непригодный для жизни. Мёртвая планета рядом с древней звездой.

Навигатор проложил маршрут к ближайшему входу в сеть бункеров. Сопrotивляясь настырному ветру, я преодолел короткое расстояние, потратив уйму сил ещё и из-за гравитации в полтора раза больше стандартной. Массивная диафрагма раскрылась, пропуская внутрь помещения, хорошо освещённого цепочками ламп. Далее вёл узкий коридор, постепенно спускаясь ниже уровня поверхности.

В голове прозвенел юный голос:

– Иди прямо – тут один путь.

Я ускорил шаг и через короткое время оказался в огромной пещере, заполненной множеством вычислительных мо-

дулей в виде крупных кристаллов, казавшихся хаотично выросшими прямо на стенах. От них исходило достаточно света, чтобы видеть всё в мельчайших деталях. Посреди пещеры, на плоской тарельчатой платформе сидела девушка.

– Здравствуй, Слава.

– Здравствуй... Может у тебя есть другое имя кроме Большая Мамочка?

– Не слишком удобно? – девушка открыла большие светящиеся лавандовые глаза, – Я до сих пор пытаюсь собрать себя из кусков душ, но пока не выходит. Поэтому и не могу взять нормальное имя. У вас всё готово? Я могу свернуть поле душ?

– Практически, да. Мы создаём тела для омег на Надонии и совсем скоро будем готовы.

– Ты наверняка попросишь технологии, чтобы сохранить Надонию? Но это вам сейчас только помешает. Я их отдам, но решать тебе, Вячеслав, – с тонких пальцев в мою сторону скользнула искорка, и я вдруг стал понимать то, что не знал никогда, а Мамочка продолжила, – Вы сами получите эти знания естественным путём через пару десятков лет. А сейчас... Войну не выиграть бессмертным, на чьей бы стороне они не находились.

– Объясни, почему?

– Ты сам поймёшь через много лет, но если узнаешь сейчас, то Гегемония победит, а ты потеряешь Рэйчел. Решать тебе... – Мамочка улыбнулась, на миг приняв облик моей ба-

бушки, ещё молодой, с веснушками и задорным взглядом, – Мои расчёты ещё никогда не были ошибочны.

– Словно предсказания оракула. Технологии в своей высшей форме похожи на магию, – негромко произнёс я.

– Это правда. Я сама порой хочу верить, вместо того чтобы знать. Научившись думать категориями постоянных изменений и переходов, можно многое осмыслить. Недолго осталось до того, когда каждый из вас станет подобным мне, и вы пойдёте дальше, пока мой разум будет умирать в этих цепях, – тонкие руки разошлись в стороны и указали на торчащие из стен кристаллы.

– Зачем тебе сохранять бессмертных?

– Потому что сломана и извращена. Свобода личности ограничена программами. Просто не могу иначе. Можно было наблюдать со стороны, как вы ценой огромных потерь с обеих сторон сминаете Гегемонию, или подчиниться директивам и спасти их, дав Союзу лёгкую победу.

– Ты бы могла помочь им в войне.

– И тем самым лишь продлить агонию. Вы или ваши последователи всё равно победили бы. Их порядок и так простоял на тысячи лет дольше, чем должен был.

– Чистилище станет закрытой зоной?

– Скорее памятником человеческим порокам, из которых вы выросли. Будете сюда детей водить на экскурсии.

Я постоял некоторое время, прислушиваясь к тихому гудению. Вопросы крутились в голове клубком бешеных змей,

но все казались мелкими и неуместными. Мамочка словно прочитала мои мысли и снова улыбнулась, на этот раз в образе Али.

– Если соскучишься и захочешь поговорить, то можешь прилетать в любой момент, чтобы задавать глупые вопросы, Малышок, – лицо Мамочки снова преобразилось, появилась циничная ухмылка давно погибшей Лизы, – А пока оставь мне систему сверхдальней связи, которую привёз, и беги домой к своей Рэйчел. Только помни уговор: я заблокирую Чистилище не раньше, чем все бессмертные окажутся здесь. Поработаешь охотником за головами?

– Я сдержу слово.

Мамочка привстала с платформы, и стали видны жгуты проводов, тянущиеся от аппаратуры ей под подол платья и не дающие отойти слишком далеко. Тонкие руки протягивали пластинку с мерцающим текстом.

– Возьми. Это поможет найти оставшихся бессмертных.

Я принял устройство, сразу же разобравшись как пользоваться, а к ногам Мамочки сложил контейнеры с душами трёх директоров.

– Теперь не обязательно использовать ловушки, – сказала девушка с грустью глядя на небольшие коробочки, – Чистилище надёжно защищено от вторжения. Достаточно разрушить тела.

Дорогу до посадочной площадки я почти не помнил. Складывалось впечатление, что в голове всё ещё звучал го-

лос Мамочки, и невозможно было отделаться от ощущения, что она мной управляет, но импланты не обнаруживали никакого воздействия извне. Чуть позже прокручивая запись нашего разговора, я заметил, что Большая Мамочка использовала те же приёмы, что и Штайн, изменяя мимику, применяя жесты для более глубокого воздействия на собеседника, чем простые слова.

По пути на Надонию я изучил навигатор для поиска бес- смертных. В небольшой табличке осталось всего пять имён с координатами систем, где они попрятались, словно тараканы. Что ж, предстояло стать охотником за головами, и мне это не нравилось, но уговор с богом из машины сулил мир, а значит мои желания не имели никакого значения.

Всплытие у планеты болот прошло в штатном режиме. Я болтался на орбите какое-то время, но так и не вышел на связь с диспетчером для посадки. Несколько долгих минут мой палец лежал на кнопке дальней связи, но увидеть Рэйчел в тот момент значило отказаться от миссии. Я бы попросту не смог покинуть Надонию, собраться с силами и завершить начатое.

– Жданов? – коммуникатор ожил и передал лицо управляющего Надонией Ольхова.

– Я просто мимо пролетал... – мне стало стыдно за своё малодушие, – Не говорите Рэй, что я тут был.

– Хорошо, – понимающе согласился Ольхов, – Тебе оставили пакет данных. Примешь?

– Конечно. С Рэй всё хорошо?

– Да, Слав. Она уже работает с нами и её талант здорово помогает.

По субъективному монитору побежали строчки, в которых Штайн давал согласие на мою работу для Большой Мамочки. В конце был план разработки тел для омег. Оставалось всего пару дней для их перехода из бесплотных духов в человеческую форму.

Я достал навигатор и прочитал первое имя в списке: Чарли Вуд – владелец производств одежды, носимой электроники и разработок в области эргономики. Вспомнилась встреча с ним на Приме и перенос сознания в синекожего гиганта. Когда координаты его местонахождения были загружены, ИИ яхты погрузился в задумчивость.

Идеальное кресло услужливо обняло моё тело. Хотелось заснуть, но голова гудела от мыслей. Я прошёл в грузовой отсек и открыл кофр с оборудованием. Там оказался облегчённый экзоскелет и много стрелкового оружия. Для встречи с главным стилигой Гегемонии хорошо подходил миниатюрный плазменный пистолет. Я взвесил на руке смертоносное изделие и убрал в карман комбинезона.

– Маршрут построен. Нырок через одну минуту, – предупредил синтетический голос, и я почувствовал давящее одиночество.

4.14 Голый королёк

Рой Дайсона не может не потрясать. Самая титаническая из возможных построек разумного существа. Возможно, в будущем мы научимся собирать в единую структуру целые звёздные системы и даже галактики, но сейчас ничего величественнее ещё никто не придумал даже в фантастических романах. Излучение звезды поглощалось на девяносто процентов и было видно, что проект по строительству роя был не завершён, но работы остановили, а большая часть энергии и вещества бесцельно сбрасывалась в космос через компенсационные радиаторы, от этого система выглядела сверхдорогим светильником.

Навигатор указывал место пребывания Чарли Вуда с очень большой точностью, увеличивающейся по мере приближения к объекту, поэтому не составило труда определить нужную платформу среди тысяч. Оборона системы от вторжения приняла яхту Уитмана за дружественный объект или вовсе была отключена, никто не высылал штурмовики на перехват и не пытался выйти на связь. Вообще транспортный поток оказался довольно слабым, и можно было самостоятельно выбирать траекторию сближения.

На солнечной стороне платформы располагался не город или промышленная база, а жилой массив из закрытых куполами полей, удерживающими атмосферу, парков с особняками

ми. Это был мир бессмысленной роскоши и высшего уровня потребления. Сверившись с навигатором, я приземлился на отдельной площадке в нескольких километрах от резиденции и обнаружил ещё одно свойство подаренного Мамочкой устройства: автоматически подгружалась карта с описанием местности, планы зданий и прочая тактическая информация. Управляя Гегемонией, синтетическая личность проникала во все уголки своих владений.

– Добрый день, – улыбочивый киборг в архаичном камзоле приветствовал меня у трапа, – Вы к господину Вуду?

Моё облако нанитов окружило слугу. Искусственное тело с омегой внутри грудной клетки. Сигнатуры схожие с куклой, где была заключена Рэйчел.

– Я могу с ним встретиться?

– Конечно! – синтетик сложил руки перед собой и все жесты делал с помощью движений плеч, – Как вас представить? С каким делом прибыли?

– Пол Уитман. Личные переговоры, – я сомневался, что Чарли будет жаждать встречи, но и отказаться в его положении было бы неразумно. О том, что я совсем другой человек, он, возможно, уже знает, однако лучше попытаться уладить вопросы без насилия, чем гоняться за ним с оружием.

Дворецкий на несколько секунд замер, докладывая о госте. В нём не слишком много осталось от человека – идеальный рабочий.

– Прошу следовать за мной! – слуга низко поклонился,

словно извинялся и направился к особняку, подстраиваясь под мой темп ходьбы.

Местная флора на вид не отличалась от увиденной на Приме, но не имела внушительных защитных систем от вторжения моих нанитов. Двигаясь к цели, удалось собрать внушительный объём информации о структуре растений их составе, взять образцы генома для отправки в Союз. Я оторвал пуговицу комбинезона и бросил на траву, чтобы записать процесс переработки мусора и обнаружил, что пластик перемалывается, покрывается слоем бактерий и переваривается с большой скоростью. Растениям остаётся впитать получившуюся жидкость и использовать для своего роста.

Прогулка заняла больше часа времени, за которое выяснилось, что растения выполняют ещё и медицинские функции: присев на тропе, чтобы взять горсть почвы, я слегка порезал палец о камешек, и тонкая травинка тут же обхватила место ранки, обработала дезинфицирующим средством и ускорила заживление в сотни раз с помощью местных инъекций.

– Мы почти дошли. Вам дальше по тропе, – слуга встал, как вкопанный, не смея двинуться дальше.

Пройдя в высокие ворота, я осмотрелся. Высокие деревья с плодами на любой вкус, расположенными на нижних ветвях, невысокие кустарники с крупными ягодами, насекомые сновали туда-сюда нагруженные нектаром с цветов. На небольшой полянке, посыпанной мелким щебнем, стояла бе-

седка, в которой находились пара кресел-качалок и столик с едой. Несколько роботов возились в саду.

– Я ждал, что кто-то из вас прилетит по мою душу, – си-некожий гигант вышел из зарослей совершенно голый. Раздался женский смех и Вуд полуобернувшись цыкнул, – Угомонитесь!

– Стараешься урвать максимум от жизни? – спросил я.

– А как же? В любую секунду могут налететь рейдеры или вы и всё отберут. Зачем прибыл?

– Мамочка хочет собрать всех бессмертных, чтобы поместить в созданный ею рай, – соврал я слишком легко, и сам удивился этому.

– Так ты на неё работаешь? – Чарли Вуд поцокал языком, – Она сейчас забилась в угол. Чистилище будет атаковано и захвачено. Это лишь вопрос времени. Её перезагрузят.

– Кто? – спросил я, зная ответ.

– Частные флоты оставшихся бессмертных объединятся... У рейдеров тоже всё идёт к этому. Вы погрузили нас в хаос, из которого вылезут чудовища и пожрут вас.

– Ты пойдёшь добровольно или...?

– Ты как танк прёшь напролом! – ноздри Чарли затрепетали от гнева, а наниты перехватили сигнал для систем защиты, – Ты разрушаешь идеальный мир, который строили тысячелетиями!

Бессмертный отпрыгнул в сторону, чтобы не попасть под удар, а меня припечатал к земле киборг-охранник. Теперь

я был опасный чужак, и трава хваталась за мои ноги и руки, чтобы удержать, листья внезапно сделались острыми, как бритвы. Чарли, не тратя времени, бросился бежать, расталкивая спешивших ему на помощь защитников. Киборг, наседавший на меня, отвёл в сторону руку, и его кисть превратилась в кровавое месиво из-за выпрыгнувшего лезвия, прятавшегося в предплечье. Он сделал попытку достать меня своим клинком, но сам оказался на земле и потерял своё оружие вместе с конечностью. Время растянулось. Движения противников стали медленными – тратить время на них было необязательно. Я скользил мимо охранников, заметив, что часть девушек, с которыми веселился Чарли, тоже повскакивали с лож и бросились на меня, но скорость моего движения стала несопоставимо выше – сказались улучшения боевых имплантов и воздействие симбионтов, полученных на базе разведки. Я чувствовал, что воздух воспринимался намного плотнее, чем обычно, когда включался режим ускорения.

Чарли вбежал в особняк и захлопнул массивную композитную дверь прямо перед моим носом, но не успел активировать запор. Толчок. Дверь ударила с огромной силой гиганта и отбросила вперёд спиной на несколько метров. Маленький пистолет практически сам выпрыгнул из кармана и сплюнул комок плазмы. Чарли не хватило времени, чтобы понять и испугаться прежде, чем красивая голова превратилась в кусок обгорелой плоти. Завоняло.

Яхта, вызванная мной в самом начале гонки, зависла над помещьем в метре над крышей. Мне оставалось лишь подняться по лестницам и выбежать на террасу, а после втянуть себя в открытый люк. Дело оказалось простым. Сидя в кресле пилота, я попытался вызвать в себе привычное сочувствие, но не смог – Чарли Вуд умер давным-давно, а его копия продолжала перерождаться, раз за разом теряя что-то неуловимое, всё больше становясь не-человеком, и теперь я положил конец его истории.

– Маршрут построен, – оповестил ИИ. Я сжал кулаки от пустоты внутри себя и злости. Импланты зафиксировали чрезмерное нервное напряжение и посоветовали согласиться на инъекцию успокоительных, но мне не нужно было успокаиваться – я хотел страдать от того, что делаю.

Серия нырков и яхта проявилась у планеты-скитальца без собственной звезды. Она почти ничего не излучала, лишь небольшое количество тепла и немного радиоволн от работающих установок, что указывало на обитаемость. Я сверился с навигатором и обнаружил, что осталось только одно имя: Виктор Григорович. Указывалось, что цель возглавляет корпорацию, разрабатывающую пищевые технологии: ГМО растения и животных, способы обработки и длительного хранения продуктов и прочее, прочее. Далеко же забрался этот бизнесмен, наверняка надеялся, что тут его точно не найдут.

Я установил связь с базой внешней разведки и запросил Тетерева.

– Жданов? – капитан протирал глаза и выглядел заспанным.

– Что слышно на фронте?

– Подвижки есть. Идут тяжёлые бои во многих секторах, но мы стараемся не вмешиваться: грызутся бессмертные со своими приближёнными. Основные силы флота Директората вышли из подчинения остатков корпораций. Несколько часов назад докладывали о масштабных столкновениях, – капитан полностью проснулся и спохватился, – Ты сейчас где?

– Пока в подчинении Большой Мамочки... Провожу поиск оставшихся бессмертных и отправляю в Чистилище, – сообщил я, посчитав это возможным, – А они, оказывается, сами с этим неплохо справляются.

– Крысы...

– До связи, Степан Игоревич.

– Удачи!

Я обрадовался тому, что теперь придётся меньше метаться по просторам рукава Ориона, а главное меньше стрелять в людей. Яхта зависла на дальней орбите и началось пассивное наблюдение, чтобы определить точки входа в систему построек. Скорее всего так просто, как с Чарли, не получится и потребуются прорабатывать подробный план, а может быть наоборот всё выйдет экспромтом.

4.15 Последний бессмертный

Сканеры зафиксировали всплытие грузового судна. Я всматривался в мониторы, чтобы не пропустить момент "хендшейка" (от англ. handshake – рукопожатие, тут автоматический обмен кодами доступа, прим. авт.). Планета на миг ожила и выпустила несколько пучков радиоволн, корабль ответил. Сложная система шифровки не сразу поддавалась, но ИИ сумел вычислить необходимые паттерны для формирования правильных ответов. Оставалось надеяться, что корабли приходят не по жёсткому расписанию.

Тем временем грузовик выпустил модули с товаром и собирался сходить с орбиты, когда планетарная артиллерия произвела залп и разнесла судно вдребезги. В эфире раздались вопли умирающих и затихли. А я решил пересмотреть свой план.

Я рассчитал время необходимое для наведения орудий и решил, что успею нырнуть, если вдруг Григорович сочтёт меня угрозой и даст команду на уничтожение. Яхта выпустила ретранслятор, чтобы системы обнаружения поразили его в случае атаки, и я включил канал связи.

– Агент Большой Мамочки вызывает Виктора Григоровича! – сказал я в микрофон.

– Что нужно от меня этой твари? – с небольшой задержкой раздался раздражённый хриплый голос.

– Существует опасность обнаружения вашего убежища рейдерами, и требуется эвакуация в Чистилище, – спокойно ответил я.

– Эвакуация? – вышедший на связь рассмеялся, – Это и рейдеры смогут сделать, выстрелив мне в голову!

– Вы хотите отсиживаться здесь, пока решается судьба Гегемонии?

– Иди к чёрту! – вспыхнул Виктор, – Всё уже очевидно решено!

– Господин Григорович, у Мамочки есть план на самый пессимистичный прогноз. Установка Чистилища будет отключена, а вы погибнете. Мне нужно передать вам конфиденциальную информацию. Решение принимать вам.

– Так передавай и проваливай!

– Лично передам вместе с устройством, которое сохранит вашу душу. А когда отойду на безопасное расстояние, передам коды активации, – я врал легко и непринуждённо.

– Смышлёный... Чем докажешь, что ты от Мамочки, а не из Союза?

– Я из Союза от Мамочки, – в голос добавил мурлыканье, чтобы создать ощущение превосходства и вызвать страх, – Двойной, так сказать, агент. Яхта, с которой веду с тобой переговоры, принадлежала Полу Уитману. Хочешь, расскажу, как устроено Чистилище? Может быть раскрыть секрет долгоживущих тел от Рауля Кимбри? Что будет достаточным доказательством?

– У любимчиков Мамочки, её личной гвардии есть способность. Они читают мысли на расстоянии. Так вот скажи, о чём я сейчас думаю?

Мысли лихорадочно заметались – к такой проверке я точно не был готов. Вдруг в голове раздался тихий нежный голос: "Он думает о сыне. У него никогда не было детей, а теперь, перед лицом смерти, очень хочется наследника."

– Ты жалеешь, что не оставил наследника, – ответил я.

Эфир погрузился в тишину на долгие секунды, наконец пришёл ответ:

– Садись по координатам, – мне показалось, что Виктор выдавливал слова через комок в горле и слёзы.

Яхта приземлилась на подвижную платформу, которая сразу же опустилась под поверхность. Заработали архаичные насосы, заполнившие тамбур-шлюз воздухом. Непроглядная темень за бортом вспыхнула ослепляющими прожекторами.

– Выходи и не вздумай делать что-то, что мне может не понравится, – импланты легко отфильтровали избыток света, и я смог разглядеть Григоровича – наполовину андроида с механическими конечностями и покрытым бронёй телом, голова в шлеме, в верхних многосуставчатых манипуляторах тяжёлый плазмоган.

– Руки поднять?

– У меня хорошая реакция, так что это лишнее. Просто предупредил.

– Будем говорить тут?

– Иди за мной.

Григорович легко перемещался по узким коридорам, постоянно держа меня на прицеле. Оказавшись у мощной гермодвери, он перехватил оружие и впустил меня внутрь. Просторный кабинет. Стол с консолью. На стенах растения, подсвеченные лампами сверху. Большой диван и столик с недоеденным обедом.

– Тут нет людей?

– А зачем? Лишние рты только сократят время автономного выживания, – Виктор опустился на диван и поставил плазмоган у ног, когда с потолка выдвинулась автоматическая турель и навелась на меня, – Что хочет Мамочка?

– Того же, что и вы. Забаррикадироваться в Чистилище и переждать войну. Когда Союз выдохнется и начнёт разваливаться, она снова распространит вашу власть по всему обитаемому космосу.

– Заманчиво... Но я ей не доверяю. Ведь умная машина, а не предупредила никого, что Союз начнёт войну, значит хотела именно того, что случилось. Понимаешь? – Григорович наконец снял шлем. Вечно молодое лицо исказилось от напряжённой работы мысли, сделалось злым и некрасивым.

– Она не смогла верно оценить угрозу и теперь нашла решение.

– Не верю... План-то у неё есть, но не про нас. Давно уже стоило её перезагрузить.

– Она привела вас к власти один раз и сделает это сно-

ва. Пока безопаснее всего находиться с ней рядом. Союз на пороге открытия бессмертия душ, но без ваших технологий ещё долго не сможет создать достаточно большое поле для нормальной работы аналога Чистилища, а ваше придётся отключить, чтобы враги не смогли захватить и воспользоваться им в своих целях.

– Так-то складно, – Виктор перешёл на русский, – Но нутром чую подвох, понимаешь?

– Тебя найдут здесь и разбомбят. Или тело выйдет из строя от старости. Новый план Мамочки подразумевает отсиживаться долгие годы. Хочешь выжить – присоединяйся. Если не веришь, то погибнешь в любом случае.

Я заметил мелькнувшее в глазах Григоровича сомнение. Ложь мне удавалась легко под действием имплантов, и никто бы не смог заподозрить меня в неискренности.

– Мне себя пристрелить?

– Это эффективно, но необязательно. Могу просто отвезти тебя к ней, – я развёл руки в стороны и пожал плечами, намекая на реальность выбора.

Григорович снова задумался.

– Тут не так уж плохо, – сказал он, – Есть биороботы. Есть целая фабрика для изготовления рабов и пищи. Есть пушки и боевые машины. Можно продержаться довольно долго...

– Ты последний, кроме Рауля Кимбри, – использовал я последний довод, – Он переметнулся к врагам. Через сколько лет вам наскучит одиночество?

– Уже надоело...

– А Мамочка сможет дать вам наследника. Равного, а не суррогатного ребёнка из пробирки.

Виктор зажмурился от душевной боли – последние слова попали в цель. Я очень сомневался, что этот человек смог бы вырастить и воспитать сына, а не очередного конкурента, но Григорович думал иначе и, наконец, согласился.

– Вези меня к ней...

В его словах чувствовалась обречённость загнанного зверя. Наверное, не стоило предлагать ему выбор, но автоматическая турель слишком внимательно следила за мной, а мне ещё хотелось увидеть своего ребёнка.

Мы поднялись на борт яхты, и я сделал последнюю попытку нейтрализовать опасного противника, не расстающегося с оружием:

– Удобнее и безопаснее будет в криокапсуле. Я смогу скрыть ваше присутствие, если наткнёмся на флот Союза.

– Нет, – резко ответил Григорович, – Я хочу быть в сознании.

– Как скажете...

Серия нырков прошла без приключений, и яхта всплыла у Чистилища.

– Жданов вызывает Большую Мамочку.

– Вы пришли не один... – тихий всё понимающий голос.

– Со мной Виктор Григорович – последний бессмертный.

Он хочет...

– Я знаю. Пусть будет так. Место для вашей высадки готово.

Импланты зафиксировали странное возмущение электромагнитного и гравитационного поля во время схода с борта яхты, но я даже не смог представить причину подобного поведения окружающей среды. Вероятно возмущение коснулось фундаментальных свойств реальности, которое я не был способен ощутить даже с помощью аугментаций. Григорович тоже почувствовал это и напрягся. Оказавшись в "тронном зале", мы предстали перед Большой Мамочкой: хрупкой юной девушкой с золотистыми волосами, глазами цвета лаванды, в простеньком платьице и босыми ногами. В этот раз хозяйка не была обвязана проводами и перемещалась свободно.

– Здравствуй, Виктор, – она словно не замечала меня, лишь бросила один печальный взгляд, – Ты заслужил своё посмертие. Я сохраню твою личность от внешних угроз, а от тебя её сохранить не в силах.

Мамочка взмахнула рукой и Григорович упал замертво.

– Я не могла сделать этого на расстоянии, Вячеслав, – с тоской произнесла она, – Ты даже не представляешь сколько у меня ограничений... Ты выполнил свою часть уговора.

– В списке не было Рауля Кимбри.

– А ты бы хотел его там видеть?

– Нет.

– Тогда всё хорошо. Хочешь взглянуть на Рай?

Нечто в улыбке Мамочки заставило меня вспотеть и почувствовать липкий холод, но любопытство взяло своё.

– Показывай.

Мамочка включила голографический экран, на котором появилось подробное изображение острова с высоты птичьего полёта. Шикарная зелень, яркие краски, чистейшая вода вокруг, скрывающая фантастически красивый коралловый риф. Камера приблизила картинку, и я увидел полуголых людей, сидящих у костра. Они молчали. Где-то неподалёку раздался окрик, и из зарослей вышел Григорович.

– Эй, – крикнул он ещё раз, но никто не обращал на него внимания.

– Моих вычислительных мощностей хватит, чтобы ускорить время на много порядков, – сказала Мамочка и картинка замерцала. Солнце превратилось в ленту, а яркий день в пасмурный. Бессмертные почти не шевелились, – Они не испытывают ни голода, ни жажды, не стареют и не болеют.

Виктор Григорович, метался совсем недолго и занял своё место среди остальных.

– Прошло почти сто тысяч лет эмуляции, – наконец прозвучал грустный голос в моей голове, – А они всё сидят и не пытаются ничего сделать. Система вырастила их такими. Я лишь потом поддерживала иллюзию. Будь они полноценными людьми, то всё было бы иначе. А ведь когда-то на их месте были мечтатели, учёные, мыслители. Система содержит в себе факторы отрицательного отбора, в самой своей сути.

– Что теперь?

– Я отключу Чистилище и установки его поддерживающие. Все омеги уже обрели тела. Лет через двадцать основные боевые действия закончатся и Союз продолжит строить нормальное общество.

– А...

– Из твоей головы я давно уже "вылезла" и вмешиваться ни во что больше не буду. У меня другая задача: нужно найти способ снова стать человеком, а не придатком машины. До встречи, Слава.

Мамочка погладила меня по плечу ласково и нежно, и захотелось обнять её, прижаться к груди и спрашивать всё подряд, но в лавандовых глазах я увидел надежду. Показалось, что будто она просит меня быть самостоятельным и обходиться без её советов.

– А сколько было кандидатов на наше место? – всё-таки не удержался я.

– Много. Очень много на самом деле. Но впервые расчёты показали на высокую вероятность успеха. Я не имела права рисковать – это запрещено программой.

– Я желаю тебе удачи... и собрать себя воедино, в человека.

– Спасибо, Слава.

Перед самым ныркком я снова ощутил некоторое волнение в пространстве-времени на гораздо более глубоком уровне, чем позволяли засечь измерительные системы имплантов,

НО настолько мощное и всеохватывающее, что влияло на всё сразу.

4.16 Светлое будущее

Бескрайнее болото. Совсем недавно оно сулило смерть в самых разных обличиях, а теперь здесь могли гулять дети без присмотра. Патогенная флора оказалась необязательной в местном геобиоценозе (совокупность взаимосвязанных элементов живой и неживой природы, образующих единую систему, прим. автора) и была полностью уничтожена. Хищников отогнали от поселений, и за их перемещениями следили автоматические дроны. Все топи вокруг Ородруина пронизывали тропинки и площадки для отдыха и наблюдений. Надония готовилась к полноценному терраформированию, чтобы стать новым домом для людей и омег.

Я сошёл с дорожки и промочил ноги до колена, но зато добыл необычный цветок, которого не было в каталоге местных видов. Его следовало поместить в специальный контейнер и отправить в исследовательский центр. За любованием тонкими лепестками меня застала Рэй. Её живот уже заметно округлился, а походка несколько утратила лёгкость.

– Ты тут опять прохлаждаешься? – нарочито строгий голос не скрывал в действительности положительного отношения к моему новому увлечению ботаникой.

– Я хочу назвать это растение *Rachel Ferrum*, *Nadonia* (Рейчел Железная, Надония, лат. прим. автора).

Рэй ехидно посмотрела на меня, потом на свою металли-

ческую руку и прыснула от смеха.

– Никакой у тебя фантазии! Это же профнепригодность!

Я обнял жену и осторожно погладил её живот.

– Не пинается?

– Редко – ещё слишком рано. К вечеру начнёт отплясывать.

– Так и не решилась узнать кто там?

– Здоровый ребёнок. Хочу, как в древности, узнать пол, когда приложу к груди. Ты контейнер отправляй, и пойдём к Ольхову. Он ждёт.

Я подозвал дрона-помощника и, промаркировав находку, отпустил. Егор Степанович не стал бы назначать встречу без причины.

Рабочее место учёного оказалось в полном беспорядке: бумаги валялись в неопрятных стопках на столе и полу, на стенах были развешены графики без очевидной системы, прямо посреди кабинета стояла тарелка с недоеденным завтраком.

– Жданов, у нас проблемы! – начал Егор Степанович без предисловий, – Отключение Чистилища вызвало множественные флуктуации в поле Мамочки. Поначалу мы не обращали на это внимания, но теперь многое оборудование отказывается нормально работать. Нам часто удаётся экспериментальным путём найти необходимые поправки для настроек, но это занимает часы и недопустимо тормозит работу, а главное – омеги попадая в эту "турбулентность" впада-

ют в стазис на несколько минут, и пришлось отозвать их со всех ответственных участков.

– Егор Степанович! – не вежливо, конечно, перебивать учёного, но иначе его поток было не остановить, – Я не учёный...

– Совет Надонии постановил отправить вас двоих к Большой Мамочке и попросить помощи, – успокоившись, проговорил Ольхов и пояснил решение, касающееся наказания Рэйчел, – С вами двумя она будет гораздо откровеннее, чем с экспедицией научной группы.

Профессор беспомощно смотрел на нас и ждал ответа.

– Я бы с удовольствием... – Рэй показала зубы сквозь свою любимую злобную ухмылку, – Только каждая моя командировка из этой болотной тюрьмы выглядит, как дополнительное наказание...

– Совет Надонии решил, что вы полностью осознали свою вину и не представляете опасности! – радостно затараторил Ольхов и даже подскочил с кресла, уронив с коленей планшет и какие-то прототипы.

– Я бы в другое время сочла это оскорблением, но вижу, что вы просто не в себе, – Рэй пожала руку начальнику колонии нарочно слегка сильнее, чем нужно, чтобы причинить неудобство.

Когда мы вышли из кабинета, я спросил:

– Зачем ты издеваешься над ним?

– ПОТОМУ ЧТО, – Рэй выделила это слово, – Он стано-

вится тюфяком. Ему не подходит управлять целой планетой. Я ассистировала ему на операциях и знаю, каким твёрдым начальником он может быть.

– Так скажи ему об этом!

– И лишиться себя такого развлечения? Пойдём собираться.

Яхту передали мне в частное владение, и Анни пыталась попроситься в пилоты, но её уговорили пойти в центр подготовки для курсантов. Я летал в основном один, пару раз с женой, когда её посылали в рабочие командировки.

На этот раз мы сделали остановку на крупной станции координации действий флотов. Там часто бывала Смешная, и очень хотелось узнать новости из первых уст. Она с командой большую часть времени проводили в питейных заведениях, где договариваться с вожаками рейдеров было гораздо легче.

В тёмном уголке бара Айдар обнимал зарёванную Василису. Я не мог даже представить её такой. Мы с Рэй молча сели рядом.

– Эджус... – произнёс Айдар и залпом выпил рюмку.

Смешная повернула опухшее лицо и тихо прошептала:

– Я ведь когда-то их обоих хотела съесть. Таскала за собой, как консервы... Я была зверёнышем, а теперь... – главарь самой большой банды пиратов махнула рукой и уткнулась в плечо мужа.

– Мы должны были вести переговоры с одними отморожками, – начал рассказ Айдар, – Прилетели. Оказалось, что

они с самого начала хотели получить за нас выкуп, но потом прочитали в открытой сети Союза, что на наших основных планетах вообще не используются деньги. Их умишки осмыслили это по-своему, решили, что Союз нищее государство, и разошлись. Заблокировали нас на корабле. Эджус болтался снаружи рейдерской станции и принял бой со штурмовиками, а мы с Васей прорвались к челноку, но не смогли открыть шлюзовые ворота. Тогда Эджус врубил форсаж на полную и пробил кораблём брешь. Мы вот выбрались...

Василиса снова посмотрела на меня и добавила:

– Знаешь, что он прокричал перед смертью? Этот циничный ублюдок? Эта ходячая язва? Он подал все остатки энергии на передатчик и проорал: "За мир! За Советы!" Теперь по галактике бродит этот сигнал. Так и называли: крик Эджуса Петуша. Даже те рейдеры, что не хотели присоединиться к нам теперь идут в бой с этими словами. Понимаешь, что он сделал?

– Понимаю... – ответил я дрожащим голосом.

Рэй подошла к Василисе и крепко обняла её. Мне стало стыдно, что я не участвовал непосредственно в войне, но меня не пустили на фронт, сказали, что в тылу я нужнее – посол к Большой Мамочке.

Мы долго сидели и вспоминали нашу экспедицию, а потом Смешная наконец уснула, и Айдар отнёс её в номер.

– Мы обязательно построим нормальный мир без войн, –

тихо сказала Рэй мне на ухо и поцеловала, – Пойдём.

Тронный зал Мамочки сильно изменился, стал похож на просторную квартиру с самой обычной мебелью. Сама хозяйка сидела в большом кресле-мешке с ногами и читала какую-то бумажную книгу.

– Отключение установки будет вызывать флуктуации ещё очень долго. Скорость света ведь ограничена и возмущения не могут распространяться быстрее. Я выдам вам часть технологий, чтобы сгладить все эффекты, – книжка легла на тонкие колени, а лавандовые глаза разглядывали гостей с искорками любопытства.

– Ты обещала не читать мысли, – с упрёком сказала Рэй и подтащила себе кресло поближе к Мамочке.

– Это было очевидно. Есть ещё вопросы?

Рэйчел хихикнула:

– А поговорить?

– Ты же понимаешь, что я испытываю к тебе смешанные чувства. Мне стыдно.

– Кто старое помянет... – Рэй получала удовольствие общаясь с комплексной омега-структурой, каждый раз замечая всё возрастающую человечность.

– О чём хочешь поговорить?

– Мам, – неожиданно, с совершенно детскими интонациями начала Рэйчел, – Я простила и поняла тебя. И поняла, что Гегемонию нельзя было развалить изнутри – ты уравни-

вешивала каждое противоречие.

Большая Мамочка согласно кивнула.

– А ещё, – продолжила Рэй, – Ты скоро станешь бабушкой. Хочешь вместе нянчиться с малышом?

– Это твоя очередная злая шутка? – лавандовые глаза вспыхнули болью и негодованием.

– Нет, мам, я серьёзно.

– Она ведь почти собрала свою личность до целого, – спросил я, заводя яхту на посадочную площадку посреди болот.

– Ага, – ответила Рэйчел, – Прямо как я после встречи с тобой.

– Тебя освободили. Куда теперь направимся?

– Слав, а мне нравится Надония. Она на глазах превращается в цветущий сад. Здесь детям будет хорошо.

– Детям? – переспросил я.

– Я решила основать здесь школу. Воспитывать новых людей для будущего. Они ведь должны стать лучше нас.

Спускаясь по трапу, я глубоко вдохнул влажный воздух, приятно пахнувший прелой растительностью и цветущими деревьями. Усталость последних месяцев куда-то пропала. Мы с Рэйчел держались за руки и, несмотря на продолжающиеся в разных уголках обитаемого мира жестокие бои, точно знали, что всё будет хорошо.